

Язык и культура в глобальном мире

Сборник статей

Санкт-Петербург
2025

УДК 80; 81; 82; 316;
ББК 81

Ответственный редактор:
канд. филол. наук, проф. С. Ю. Рубцова

Редакторы:
канд. филол. наук, доцент Доброва Т. Е.
канд. филол. наук, доцент Рохлина Е. К.

Рецензенты:
доктор филол. наук, проф. Егорова О. Г.
канд. филол. наук, доцент Беседина Е. И.

Рекомендовано к публикации Научной комиссией в области изучения иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета.

Язык и культура в глобальном мире. Выпуск № 4. Сборник статей. – СПб: ЛЕМА, 2025.

Статьи сборника затрагивают широкий круг проблем лингвистики, лингводидактики, социолингвистики, когнитивистики, культуроведения, литературоведения и переводоведения. Особое внимание уделяется проблемам межязыкового взаимодействия и перевода, а также преподаванию иностранных языков для специальных целей. Сборник предназначен для специалистов в области лингвистики, перевода, межкультурной коммуникации, профессиональной лингводидактики, а также для всех интересующихся современными тенденциями в этих областях.

ISBN 978-5-907999-00-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

Абрамова А. М., Пониделко Л. А., Харлова М. Л. Значимое общение: оценка стратегий интерактивного слушания в учебниках и полустественном образовательном взаимодействии.....	7
Абрамова Е. В., Кремер О. Р. Эксплицитные стратегии убеждения в британском и американском туристическом дискурсе	13
Авдонова М. Ю., Жабо Н. И. Медицинская терминология как стилистическое средство русского, английского и французского языков	20
Алиуллова Д. Р. Культурные коды и нарративы о коллективной травме в южной Корее	27
Анисимов В. Е., Анисимова Е. Д. Изменения в репрезентации концепта amour/любовь во французском кинематографе XX-XXI вв.	33
Байназарова Ю. И. Область здравоохранения и ключевые стратегии англоязычного поликодового дискурса	41
Бакина А. Д. Бинарные концепты жизнь-смерть / life-death и их вербализация средствами библейской фразеологии	50
Балабан А. И., Кондратьева Е. А. Поиски родительской фигуры: новый облик современной французской поэзии (Валери Рузо, Селин Зенс, Серафин Альбе).....	59
Белова Ю. А. Когнитивные стратегии интерпретации сквозь призму герменевтики и лингвокультурологии	66
Белькова А. Е., Ланге Ю. Р. Творчество еремея даниловича айпина как средство нравственного воспитания	72
Бибарцева К. Р., Рябова М. Э. Некоторые особенности локализации как переводческой адаптации англоязычной версии вебсайта вуза	79
Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Арктика в моде и мода в арктике. взгляд сквозь призму межкультурного взаимодействия	85
Богомолова А. Д. Строение газетных заголовков на английском и русском языках в переводческом аспекте	92
Бондарева Л. М. Феномен гетерогенности речевого субъекта в текстах немецкоязычного ретроспективного дискурса.....	102
Борисова Л. А. Об англоязычных эквивалентах терминов «УК РФ», «УПК РФ», «УИК РФ»	109
Вишаренко С. В. Постановка речевого дыхания у синофонов при обучении иноязычному произношению в свете этнопсихологических особенностей	116
Гаврилюк М. А., Жилук С. А. Лексико-стилистические особенности оперного либретто Р. Вагнера (на примере тетралогии «Кольцо нибелунга»)	123
Гальчинский Д. Н. Коммуникативно-когнитивный подход при обучении англоязычной диалогической речи студентов высшей школы.....	131
Голосникова Д. К. Особенности языковой репрезентации культуры в современном медиапространстве	138

Горохов А. А. Особенности понимания фразеологизмов и выразительных средств языка в текстах Samuel и Kings	146
Григорьева Л. Н., Небогатикова Н. С. Лингвокультурологические особенности немецко- и русскоязычных интернет-мемов	154
Гуртуева И. А. Акустический контрастивный анализ вокалических систем русского и карачаево-балкарского языков	163
Доброва Т. Е., Копыловская М. Ю., Рубцова С. Ю., Григорьев И. В. История и топонимика Санкт-Петербурга в обучении магистрантов ESP английскому	171
Доброва Т. Е., Неудачина Л. В. Прагматический потенциал транспозиции в англоязычных новостных заголовках	177
Дудкина А. И., Максимович К. К. «Тайны недосказанности» или социальные и политические эвфемизмы в русских и англоязычных СМИ	184
Емельянова О. В., Рубанова А. А. Языковая актуализация процесса birdwatching (birding) (на материале романов Энн Кливз)	191
Епимахова А. С. Французский язык в российской морской лексикографии	198
Ефимова А. Д. Бренд как феномен рекламного дискурса	204
Жемчужникова А. К., Мельницер А. Г. Репрезентация неологизмов в дискурсе американских крайне-правых интернет-сообществ	210
Загородняя Е. Л. Влияние медиадискурса на репутацию публичного человека	220
Захарова О. С. Средства репрезентации положительной эстетической оценки в англоязычном фундаментальном аналитическом обзоре валютного рынка	227
Защитина Г. В., Коломенцев А. А. Мэри Поппинс – концепция образа	232
Зданович Д. М. Кризис идентичности в японской литературе 1970-х годов на примере некоторых произведений Фуруи Ёсикити	239
Зелинская Ю. Ю. Годонимические объекты первого района вены	245
Золотая Е. Л. Использование сознательных методов обучения иностранному языку для предупреждения отрицательного воздействия внутриязыковой интерференции	252
Иванова А. М. Стратегии предпереводческого анализа специализированных текстов, подлежащих переводу с применением систем автоматизированного перевода	258
Карговская Е. А., Старовойтова М. Д. Адаптация методики преподавания испанского языка как иностранного к новому типу мышления учащихся	266
Каруковец Н. С. Стратегии репрезентации концепта «война» в цифровом дипломатическом дискурсе России и США	273
Кашенкова И. С. Деонимы: проблема эквивалентности при переводе с немецкого языка на русский	279
Кашеева А. В. Понимание учебных текстов на английском языке как когнитивный процесс	287

Кириллова К. И. Метафоры из сферы «неживая природа» как способ формирования идеологием при характеристике страны-оппонента (на материале статей американских и российских массмедиа)	294
Климовская А. Я. А. С. Байетт и Д. Г. Лоуренс: опыт сравнительно-сопоставительного исследования	301
Корокина П. Ж. Специфика реализации положительной эстетической оценки в travelogue У. Гилпина о путешествии по Норфолку	309
Криушина В. М. Исследование механизмов понимания научно-популярных текстов по правильному питанию	316
Кузнецов И. В. Коммуникативная стратегия дискредитации в современном англоязычном дискурсе печатных СМИ Великобритании и США в отношении основной причины начала вооруженного конфликта между Украиной и Российской Федерацией (СВО)	325
Куликова А. В. Концепция 君子 <i>jūnzǐ</i> ‘благородный муж’ в конфуцианской философии: ключевые принципы и их значение	330
Логинова А. А. Семантические и функциональные особенности эпиграфов в немецкоязычных некрологах	336
Мартынова Т. К. Дидактические функции лингвистического ландшафта на примере испанского языка	343
Минченков А. Г. Когнитивные основания выявления скрытой эмфазы в английском тексте	353
Мосягина М. С. Интенсификация и деинтенсификация оценочных высказываний в англоязычном медиадискурсе	358
Наумова К. М. Россия и Китай: актуальность культурных параметров Г. Хофстеде в практике МКК	363
Орлова Т. С. Семантическое поле эмотивов страха	370
Петров М. В. Комплексная методика анализа концептуальных метафор в дискурсе публичных обращений Барака Обамы	375
Пивень И. В., Уварова Д. А. Речевая компрессия в синхронном переводе с русского языка на английский (на материале интервью В. В. Путина)	382
Пивненко В. В. Криптофазия как разновидность тайного языка	389
Пильщикова О. А. Особенности речевого взаимодействия судьи и иных участников процесса (на материале испанского языка)	396
Пономарева Т. А. Метаязыковая рефлексия как свойство художественного дискурса Иосифа Бродского	403
Потапова Т. М., Тимофеева Л. Л. Метафорические термины в нефтегазовой области и особенности их перевода	410
Пригожина К. Б. Подходы к преодолению атрибутивного смещения при формировании профессиональных компетенций переводчика в рамках аксиологической парадигмы перевода	418
Просьянникова О. И. Атрибутика шаманства как пример национального идентификатора	422

Прохорова Д. Р.	
Образы ранних альбомов в творчестве В. Цоя.....	429
Резцова Л. Э.	
Лексические и синтаксические особенности международного договора и его переводов на русский, итальянский и английский языки	435
Родин В. А.	
Роль антропоморфной метафоры в образовании англоязычных терминов строительной техники (на примере погрузчика бортовым поворотом)	442
Рязанова Е. В.	
Концептуализация локуса огня в русской и английской фольклорной традиции	448
Санина Е. В.	
Социокультурная обусловленность иноязычных включений в воспоминаниях О. фон Бисмарка.....	456
Серебряк М. В.	
Дискурсивные функции прецедентных библейских имен.....	468
Соколова В. С.	
Клиповое мышление: поменять нельзя применять?.....	474
Суворова Е. В.	
Языковые средства вербализации концепта чуждость: сравнительный лингвокультурологический анализ на материале русского и английского языков.....	481
Тананыхина А. О., Тананыхина А. Ю.	
Социолингвистический аспект в развитии древнеанглийских сильных глаголов	486
Тисленкова И. А.	
Коммуникативный демонстратив «лингвистический гештальт».....	491
Токарева М. В.	
Классификация синтаксических ошибок, допускаемых студентами-индийцами в процессе создания письменных текстов	498
Топорова В. М., Корнева Е. В.	
Пространственность звука в языковой картине мира	503
Третьякова Т. П.	
Речевые стереотипы как универсальные коммуникативные коды: между теорией стереотипов и искусственным интеллектом	508
Тумаян Дж. В.	
Межкультурная коммуникация и цифровой мир: влияние технологий на языковую идентичность	514
Черницкая А. Б.	
Интеграция традиционных китайских искусств в образовательную практику: путь к эффективному изучению языка	520
Чжао Жонань	
Исследование языковых стратегий продвижения в научных статьях	527
Шварц Е. П.	
Изменение иконографии портретных изображений в современном эфиопском искусстве....	536
Шустрова Е. В.	
Проблемно-поисковые задания на основе статичного поликодового текста в процессе преподавания предметов профессионального цикла в высшей школе	545
Сведения об авторах	551

Абрамова А. М., Пониделко Л. А., Харлова М. Л.

Университет науки и технологий МИСИС

ЗНАЧИМОЕ ОБЩЕНИЕ: ОЦЕНКА СТРАТЕГИЙ ИНТЕРАКТИВНОГО СЛУШАНИЯ В УЧЕБНИКАХ И ПОЛУЕСТЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Интерактивное слушание играет важную роль в поддержании значимого общения, для реализации которого необходимо умение понимать, отвечать и поддерживать разговор. В отличие от пассивного слушания интерактивное слушание подразумевает активную вовлеченность, выражающуюся в чередовании ролей, предоставлении обратной связи и поддержании дискурса социально приемлемым способом. Эти навыки в речи проявляются маркерами реакции, представляющими собой измеримые вербализованные показатели эффективного слушания. Очевидно, что необходимо интегрировать интерактивное слушание как составляющую компетенции коммуникативного взаимодействия в образовательный процесс. Однако стратегии интерактивного слушания редко преподаются и оцениваются в обучении иностранным языкам. Фактически, в учебниках эти стратегии зачастую не представлены. Данная статья приводит обзор секции аудирования в УМК Evolve 5 издательства Cambridge University Press и исследует наличие маркеров реакции и их эффективность как ключевых индикаторов слушания в обсуждениях российских и американских студентов. Проведенное исследование выявило несоответствие в представлении и практике стратегий интерактивного слушания в анализируемом учебном пособии. В статье также описываются возможные пути интегрирования заданий по аудированию, переосмысленных сквозь призму компетенции коммуникативного взаимодействия, чтобы заполнить выявленный пробел и развивать указанную компетенцию.

Ключевые слова: компетенция коммуникативного взаимодействия, маркеры реакции, стратегии интерактивного слушания, активное слушание, совместное слушание

Anna Abramova, Liubov Ponidelko, Margarita Kharlova

University of Science and Technology «MISIS»

MEANINGFUL COMMUNICATION: A CASE FOR ASSESSING INTERACTIVE LISTENING STRATEGIES IN TEXTBOOKS AND SEMINATURAL EDUCATIONAL INTERACTIONS

Interactive listening plays a central role in fostering meaningful communication where the ability to interpret, respond, and sustain interaction is significant. In contrast to passive listening, interactive listening implies being actively involved by taking turns, giving feedback and controlling discourse in a socially acceptable way. These skills can be demonstrated in speech through response tokens, which serve as measurable verbal indicators of effective listening. Incorporating interactive listening as part of interactional competence (IC) into the educational process is clearly essential. However, interactive listening strategies are rarely taught and assessed in language education. In fact, textbooks tend to underrepresent adequate practice for these strategies. This paper gives an overview of the listening section in Evolve 5 by Cambridge University Press and investigates the presence and effectiveness of response tokens (RTs) as key markers of listenership in the discussions among American and Russian students. The findings identify the gaps in the representation and practice of interactive listening strategies and response

tokens in the chosen textbook. It also reflects on the possibilities of including IC-oriented listening activities to fill the gap and to develop IC.

Keywords: interactional competence (IC), response tokens (RTs), interactive listening strategies, active listening, listenership

Introduction

Meaningful communication is indispensable to human interaction. In foreign language learning contexts, where the ability to interpret, respond, and sustain interaction is significant, achieving shared understanding between interactants seems to be quite a complicated task, which is, however, possible to attain through developing interactional competence (IC). Interactional competence is defined as “the ability to co-construct interaction in a purposeful and meaningful way, taking into account sociocultural and pragmatic dimensions of the speech situation and event” [Galaczi & Taylor, 2018, p. 226]. Its major components are topic management, turn management, interactive listening, breakdown repair and non-verbal/visual behaviours [Galaczi & Taylor, 2018, p. 226].

NUST MISIS has incorporated these IC components into its assessment practice, namely, into midterm and final speaking tests among Bachelor STEM students since 2023. However, a number of issues arose in the course of analysis of the test results: students demonstrated poor cooperation strategies, interactive listening, topic development, and non-verbal behaviour. This work focuses on interactive listening as one of the central strategies in fostering meaningful communication, in which speakers and listeners’ goal is to achieve shared understanding in interaction.

Being an effective listener means to be fully involved in a conversation, be committed to understanding an interlocutor, pay attention to what is being said by employing active listening strategies, show interest, clarify and exhibit attention to others’ and your own non-verbal behaviour [Gehring, 2024]. At the same time, interactive listening implies being actively involved by taking turns, giving feedback and controlling discourse in a socially acceptable way. Measuring listenership may present a certain challenge as one has to identify if the listener shows that they’re paying attention and taking interest, i.e., displaying engagement and understanding.

Monitoring listenership displays can be done through verbal/vocal response tokens (RTs) (e.g., minimal RTs such as *yeah/yes, no, right, mm, uh huh*); non-verbal RTs (nodding, posture, eye-contact); or contingent responses (paraphrasing the previous speaker, extending the prior talk, accounting (providing reasons for agreeing/disagreeing with each other), and collaborative completions [Lam, 2021]. Response tokens are those linguistic resources which are used to display recipient’s interest, attention and understanding of the immediately preceding turn [Yeh, 2018]. They are short utterances consisting of a syllable, a word, a phrase or a small sentence which is uttered as a response to the primary speaker [McCarthy, 2003]. Their absence in interaction may testify a lack of interest or attention by the speaker, hence, the speaker may pause or stop their telling [Norric, 2012 as cited in Fujii & Perez, 2021, p. 23]. A good listener is expected to catch the cues produced by a speaker and be responsive while observing the one-speaker-at-a-time rule [Ward & Tsukahara, 2000, p. 1197]. When the speaker shows extra effort in order to help the listener recognize a situation by adding increments or listing information, and the listener has already recognized it, the listener needs to produce a response to let the speaker know that [Fujii & Perez, 2021, p. 33].

Incorporating teaching interactive listening strategies as part of IC into the educational process is clearly essential. However, they are still rarely taught and assessed in language education. In fact, textbooks, which serve as a primary educational resource for both teachers and learners, tend to underrepresent adequate practice to develop active listening. Listening in textbooks and tests can be described as unidirectional/non-participatory [Field, 2009; Ryan, 2022]. Listening texts and

tasks aim at receptive listening, while standardized speaking tests focus more on fluency, lexical and grammatical resources, and pronunciation [Lam, 2021]. Having a number of advantages, non-participatory listening as it is represented in textbooks tends to have certain constraints. First of all, it is comprehension-based and focuses on giving answers to questions (the main message may yet be misunderstood by students); students' silence (reluctance to provide an answer to the listening task) may be regarded as a sign of incomprehension by a teacher; types of texts and activities provided in textbooks differ from the real world; listeners are eavesdroppers, but not participants (in real world interaction listener/speaker roles alternate); and finally, it does not provide strategies to deal with breakdowns [Field, 2009, p. 27-32].

Although learning to listen in a second language is apparently one of the most valuable skills for effective and meaningful communication, even B2 students demonstrate little or no effective interaction both in class and during IC speaking tests by showing mediocre interaction, i.e., showing few RTs or active listening in discussions. Similarly, textbooks lack activities to focus on IC aspects such as active listenership and RTs. Therefore, the paper aims to compare listening strategies and linguistic resources provided in the textbook *Evolve 5* by Cambridge University Press to the strategies and linguistic resources MISIS STEM students (B2) use in seminatural educational conversations and suggest possible solutions to developing listenership, hence, IC.

Methods and Material

In order to identify the listening strategies and linguistic resources provided in the listening section of the chosen textbook, textbook evaluation was performed. The analysis contributed to assessing the design of the listening section in *Evolve 5*, the exercises provided there as well as the language and strategies representation. The scrutinized strategies and linguistic resources in the textbook under study were then compared to what MISIS STEM students (B2) use in seminatural educational conversations with the aim to suggest possible solutions to developing listenership, hence, IC.

The material for the analysis was drawn from the listening section of *Evolve 5* by Cambridge University Press. *Evolve* is a six-level American English course for adults and young adults (CEFR A1 to C1) and is one of the major textbooks used for most Bachelor STEM students at NUST MISIS.

The experiential data was collected in April 2024 in two groups of technical majors at NUST MISIS with B2 level of English and in a group of native speakers at California Polytechnic University. The data consisted of video-recorded conversations among students working in groups of three on a scenario-based task provided on role cards. Prior to recording, the written consent was obtained from all the participants.

The students were randomly assigned to groups, and video recordings were conducted in the classroom environments during regular class sessions. The task was to put themselves in the position of TV contestants in a reality show and predict what difficulties and issues they might encounter during a week of life in the 1920s.

The recorded data was first transcribed, and the response tokens were then identified to assist in further analysis and interpretation of interactional dynamics and the development of interactional competence through the use of RTs during conversations. The interactions of native speakers were then compared with a group of Russian students speaking English as their L2 to explore the differences in the usage of RTs.

Results and Discussion

The analysis of the listening section of the textbook revealed that it focuses on developing listening skills based on dialogues, followed by pronunciation and speaking skills practice. It is

obviously built on the comprehension approach as many other textbooks are, following a typical format of a listening lesson, which includes: pre-listening tasks to create context and motivation, extensive listening to check general understanding of the text, intensive listening (listening for detail) and post-listening tasks aimed at developing speaking skills based on the major dialogue. Post-listening activities focus on the functional language and occasionally pronunciation features, followed by semi-controlled and freer practice where students are supposed to use the language provided in the task.

Having looked at the functional language offered by the authors, it is possible to conclude that they did their best to include advanced, expanded phrases and structures typical of B2 level from discussing issues to expressing optimism and caution into the listening section (e.g., *When it comes to ... / You can say that again! / Looking at the big picture, ... / Have it your way! / The most important thing to consider is ... / Is there any danger of ...? / It never hurts to ... / That's always worth considering / I bet everyone will love that!*). However, shorter tokens (*Not at all! / Absolutely not. / In a way. / Yeah, right!*) are less common in the target language.

Most phrases are long and appear to be less frequent according to the Corpus of Contemporary American English (COCA) than the use of RTs such as *yeah* and *right*. *You can say that again* (260 texts), *I couldn't agree more* (144 texts), *That's so true* (116 texts), *Have it your way!* (368 texts). The occurrence of *yeah* and *right* in various contexts and obviously in different functions amounts to 705,015 and 1,443,820 texts respectively according to COCA. The analysis of the frequency of such markers is beyond the scope of this article. However, there are a number of linguistic studies that confirm the prevalence of these markers in conversations (e.g., Ebshiana, 2020; Farr, 2003). *Evolve 5* (B2) uses less frequent phrases, not providing learners with more natural structures. In general, the tasks are tied to less frequent strategies. By memorising and using these phrases in conversations, authenticity is lost, which hinders natural topic development. Hence, students sound like robots.

At the same time, a closer look at the scripts reveals a number of other phrases and strategies that could have been selected to practise listenership and the necessary language, namely, various RTs. What happens in practice is that students memorise chunks and stock phrases, but avoid using them in dialogues or use them limitedly. They resort to RTs minimally, thus not being active listeners. That said, they do not contribute to the conversation, i.e., topic development is limited, no listenership is demonstrated. Overall, *Evolve 5* listening section uses a classical comprehension approach to teaching listening and focuses on developing speaking strategies through the use of a number of advanced stock phrases and chunks, rather than developing listenership.

The experimental part of the study focused on the representation of RTs in the interactions among American speakers of English during a discussion and a collaborative activity in seminatural classroom settings. Another goal was to compare Russian students using English as L2 with the native speakers in terms of RTs as markers of interactive listenership.

The comparison of the video transcripts of American English speakers with L2 English speakers (MISIS STEM students) demonstrates clear patterns in the usage of RTs. First of all, native speakers mainly use acknowledgement tokens represented by “*yeah*” (just above 58%) and choral “*yeah*” (almost 15%), followed by continuers with “*yeah*” or “*hm*” (9.5%), and repetitions, typically preceded by “*yeah*” or the repetition of a part of the previous speaker’s phrase (just above 4%). This shows that the most frequent RT used by natives, “*yeah*”, is multifunctional, performing the functions of acknowledgment, continuation, assessment, and agreement. Besides, American students use shorter utterances more productively than Russian students of English do.

L2 English speakers tend to replicate the natives’ pattern in using “*yeah*” and choral “*yeah*” as the most frequent RTs, although the frequencies were lower: (almost 47% and just under 6%, respectively) followed by the repetitions (of a part of the previous speaker’s utterance) and continuers (*so, mm*) making around 15% each.

These findings indicate both similarities and differences in the ways RTs are used by native and L2 English speakers, reflecting varying degrees of interactional competence. Either as isolated words or prefacing more extended utterances, response tokens signal a listener's interest and engagement. Lexically distinct, English and Russian RTs perform similar functions, such as acknowledgments, continuers, and assessments with "yeah" being the most frequently used token in American English. L2 English users also resort to "yeah" and collaborative completions to display active listenership. However, native speakers tend to keep participation more equal among interactants, with each participant contributing responses of similar lengths. This equal exchange in the interaction minimizes monologues, which is a more common pattern found among L2 English speakers.

As is seen, both the textbook and the results of the classroom research demonstrate the discrepancy between the strategies and language taught in the textbook and what is used by speakers in semi-natural interactions. The abovementioned necessitates raising learners' awareness of interactive listening, the role of RTs and introducing inferring strategies into L2 teaching practice. The most straightforward and simplest activities may be based on the same textbook dialogues but with a shifted focus from the language provided in the textbook to more natural tokens which can appear in them. Students are given a dialogue with gapped RTs. Having read the conversation, they are asked to fill in the gaps with the tokens from the audio followed by further cross-check and inferring the role of the omitted words. For weaker students as an optional or an additional activity, students might be instructed to restore the conversation using the given RTs and define the functions of the latter (e.g., acknowledgement, continuer, or assessment). These tasks may then be followed by the controlled practice of the follow-up dialogue where students role-play the conversation using the selected RTs. They may be asked to complete the conversations with the RTs from the unit listening text, read out the dialogues with and without RTs noticing the difference in the structure of the dialogue and in the rapport on the whole. To consolidate the use of RTs and develop listenership, students could be given situational speaking cards where they are asked to agree / disagree with or discuss the topic.

Conclusion

Meaningful communication is co-constructed by both speakers and listeners whose roles alternate in the course of interaction. Interactive (active) listening is one of the major components of IC. L2 Students resort to RTs but they appear to be different from what is given in the textbook. Our classroom research shows the prevalence of the vocalization "yeah", marking acknowledgement, understanding and agreement, and greater involvement of L1 speakers. L2 users also resort to similar tokens (though less frequently) and use collaborative completions and repetitions as signs of listenership. Interactive listening strategies and their displays are underrepresented in the selected textbook, which poses a need for teachers to create additional activities to raise awareness of interactive listening and focus on using RTs.

Sources

Hendra, L. A., Ibbotson, M., O'Dell, K. (2020). *Evolve 5*. Cambridge: Cambridge University Press. Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 2.11.2024).

References

Ebshiana, A. (2020). Response tokens and their sequential action in the teacher third turn (Note 1) A conversation analysis case study in the EFL classroom. *International Journal of Linguistics*, 12 (2), 26. URL: <https://doi.org/10.5296/ijl.v12i2.16585> (accessed 30.10.2024)

- Farr, F. (2003). Engaged listenership in spoken academic discourse: the case of student–tutor meetings. *Journal of English for Academic Purposes*, 2(1), 67–85. [https://doi.org/10.1016/s1475-1585\(02\)00035-8](https://doi.org/10.1016/s1475-1585(02)00035-8) (accessed 30.10.2024)
- Field J. (2009). *Listening in the Language Classroom*. Cambridge: Cambridge University Press. 366 p.
- Fujii, S., Perez, A. (2021) TESOL Working Paper Series. URL: https://www.hpu.edu/research-publications/tesol-working-papers/spring_2022/2fujiiiperez_storytelling.pdf (accessed 30.10.2024)
- Galaczi, E. & Taylor, L. (2018). Interactional Competence: Conceptualisation, Operationalisations, and Outstanding Questions. *Language Assessment Quarterly*, 15(3), 219-236. <https://doi.org/10.1080/15434303.2018.1453816> (accessed 30.10.2024)
- Gehringer, A. (2024, July 9). *Listening Strategies - Expert Tips for Effective Listening Skills*. URL: <https://www.rhythmsystems.com/blog/leadership-four-steps-to-effective-listening> (accessed 30.10.2024)
- Lam, D. M. K. (2021). Don't turn a deaf ear: a case for assessing interactive listening. *Applied Linguistics*, 42(4), pp. 740-764. URL: <https://doi.org/10.1093/applin/amaa064> (accessed 30.10.2024)
- McCarthy, M. (2003). Talking Back: “Small” Interactional Response Tokens in Everyday Conversation. Nottingham: Lawrence Erlbaum Associates. 36(1), pp. 33–63.
- Ryan, J. (2022). Listening in Interaction: Reconceptualising a core skill. *ELT Journal* 76 (3), 367-364, URL: <https://doi.org/10.1093/elt/ccac006> (accessed 30.10.2024)
- Ward, N. and Tsukahara, W. (2000). Prosodic Features Which Cue Back-channel Responses in English and Japanese. *Journal of Pragmatics*, vol. 32, 1177-1207. URL: [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(99\)00109-5](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(99)00109-5). (accessed 27.11.2024)

Абрамова Е. В., Кремер О. Р.

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются особенности эксплицитных стратегий речевого воздействия в британском и американском туристическом дискурсе. Материалом исследования послужили рекламные тексты, опубликованные на сайтах британских и американских отелей. Лексический анализ медиатекстов направлен на выявление стратегии и тактик, обеспечивающих создание положительного образа туристического продукта и привлекающих потенциальных клиентов. Полученные результаты указывают на применение таких персуазивных тактик прямого речевого воздействия, как апелляция к честности и надежности, фоновым знаниям и ссылка на авторитетные источники.

Ключевые слова: туристический дискурс, речевое воздействие, стратегии и тактики убеждения

E. V. Abramova, O. R. Kremer

St. Petersburg University

EXPLICIT PERSUASIVE STRATEGIES IN BRITISH AND AMERICAN TOURISM DISCOURSE

This article examines the features of explicit strategies implied in verbal persuasive strategies within British and American tourist discourse. The study's material comprises advertising texts sourced from the websites of British and American hotels. The lexical analysis of these media texts aims to identify the strategies and tactics employed to construct a positive image of tourist products and to attract potential customers. The findings reveal the use of communicative tactics of explicit verbal persuasion, including appealing to honesty and reliability, references to authoritative sources, and appealing to background knowledge.

Keywords: tourism discourse, verbal influence, persuasive strategies and tactics.

Introduction

Communication is regarded as a fundamental aspect of human life across various domains including scientific, social, cultural, and tourist sectors. Currently, the tourism industry is experiencing rapid growth within the global economy. As a result, communication processes specific to tourism, involving participants and extralinguistic factors, have given rise to a distinct form of discourse known as tourism discourse. The tourism industry development has led to the emergence of a large number of linguistic researches aimed at studying the communication peculiarities of this type of discourse [Golubev, Teplyashina et al. 2022; Graburn, Salazar, et al., 2019; Jalilifar, Moradi, 2018; Manca, 2016; Thurlow, Jaworski, 2011].

The creation of a desirable destination image is achieved through a combination of verbal and non-verbal techniques intended to persuade individuals to engage with specific tourism services or products. Various verbal influence strategies are used in order to generate a positive impression,

which may vary depending on the communicative context and be conveyed either directly or indirectly.

The significance of this article lies in the limited exploration of tourism discourse, particularly in terms of analyzing communication strategies essential for attracting consumers to tourism services. This study aims to identify and analyze explicit verbal influence strategies, while also examining differences in their use within English-language texts from the tourism discourses of the UK and USA. The novelty of this research lies in the thorough examination of verbal influence strategies present in promotional texts from British and American hotels published on their respective websites, as well as the comparison of communication strategies and tactics employed in tourism discourse.

Tourism discourse functions as a distinct form of institutional discourse that remains relatively understudied within the field of linguistics. Consequently, there lacks a universally accepted definition of this phenomenon, resulting in diverse interpretations from experts. This study adopts the definition of Italian linguist C. Vestito, which encapsulates tourism discourse as the use of language in spoken and written form to create and disseminate social and cultural meanings related to places and people, specifically within the context of tourism promotion through various genres [Vestito, 2006].

In order to influence consumer behavior, tourism organizations employ verbal influence strategies to stimulate interest and drive action favorable to service providers. These strategies are executed through tactics that impact the cognitive domain, values, and emotions of the target audience. Effective verbal influence is realized through the implementation of communication strategies and tactics, thus necessitating a thorough examination of these concepts. This study aligns with O. S. Issers' definition of communication strategy as a series of verbal actions aimed at achieving communicative objectives [Issers, 2008, p. 100–101].

While strategies are oriented towards a common communicative goal, tactics are employed to fulfill specific tasks at various stages of communication, thereby contributing to the achievement of the overall objective. The definition of communicative tactics by O. S. Issers as actions that support the implementation of a strategy informs the analysis conducted in this study.

Materials and Methods

This research examines the communication strategies employed by British and American hotels to engage prospective customers, cultivate loyalty, and enhance the sales of travel services. The study's corpus comprises English-language texts obtained from the websites of various hotels located in the United Kingdom and the United States. The dataset comprises 15 individual texts, amounting to more than 400 lexemes. This relatively limited lexeme count underscores the emphasis on succinct and impactful marketing messages typically featured on hotel websites, as opposed to more extensive narrative content. The foundational methodologies employed in the present research paper encompass descriptive-analytical and contextual approaches. The descriptive-analytical method entails a comprehensive examination of word choice, sentence construction, and overall rhetorical devices used to convey a particular message and elicit a targeted response from the intended audience. Additionally, the contextual analysis guarantees that each text is interpreted within the framework of its specific location on the website, the designated audience segment, and the overarching objectives of the respective hotel. Furthermore, the methods of analysis and synthesis of theoretical material, as well as comparative analysis, are also applied.

Results and Discussion

The positivity strategy, as described by L. M. Goncharova, is considered the primary strategy within tourist discourse, aimed at engaging and persuading individuals to make tourism-

related purchases [Goncharova, 2011]. This strategy employs speech tools that enhance the appeal of travel service advertisements. Verbal tactics are used within this strategy include appealing to honesty and reliability, referencing authoritative sources, and appealing to background knowledge. Among these tactics, the most commonly employed are those that appeal to honesty and reliability (AHR) - 50%. Tactics that reference authority sources (RAS) and appealing to background knowledge (ABK) are less frequently used: 20% and 30% respectively.

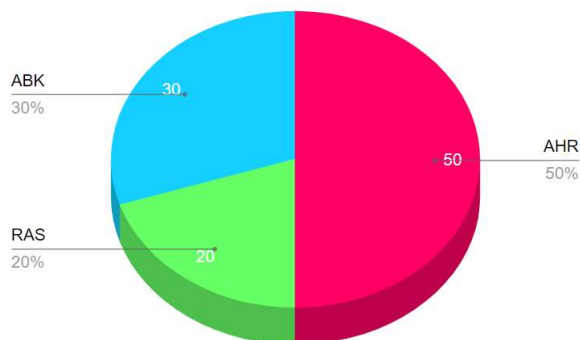

Fig.1. The frequency of verbal tactics employed within the positivity strategy.

1. Appealing to honesty and reliability

This tactic involves the use of factual information and statistics to establish credibility and enhance trust in the information presented about a tourist offer.

An example of this tactic can be observed in an advertisement for “The Goring”, a family-owned luxury hotel in London, which highlights its tradition of quality service and distinctive character:

– London’s **last remaining family-owned luxury hotel**. Crafted **over a century by one family**, *The Goring is the genuine article* – a grand hotel with impeccable manners and a subtle streak of wit and wonder (<https://www.thegoring.com/>).

The language used to describe the hotel as *family-owned* and to emphasize its long history conveys a sense of reliability and trustworthiness to potential customers. In this example, the tactic is executed through phrases such as *last remaining family-owned luxury hotel*, *over a century by one family*, *genuine article*, creating a sense of the hotel’s uniqueness and underscore its reliability.

The use of language tools that incorporate the root *family* (*family-owned*) strengthens the confidence of potential customers in the hotel. In the hospitality context, a family business is often associated with a higher level of service and meticulous attention to detail. Additionally, specifying a time span of *over a century* suggests a long-standing operation, which implies its reliability.

In the following example, the use of a specific lexical term indicating a family member who founded the hotel (*great-grandfather*) and a precise numeral denoting the exact year of the hotel’s construction (1910) provides the reader with a sense of historical depth and an understanding of the tradition of passing the hotel down through generations. This aspect distinguishes it from other hotels. The adverb *lovingly* and the phrase *Goring family* conveys a sense of care and attention to detail that the family dedicates to the hotel of the same name. This enhances the hotel’s reputation for stability and commitment to quality service, fostering trust among prospective guests:

– *Built by Jeremy Goring's great-grandfather Otto in 1910, The Goring has been lovingly run by the Goring family since its inception* (<https://www.thegoring.com>).

In the example below, the tactic of appealing to honesty and reliability is illustrated by mentioning the employee's name, represented by the proper noun *Margarita*, as well as the numeral 25 with the preposition *over*. This numeral signifies the number of years mentioned previously, following the noun in plural form. These lexical tools highlight the close relationship between the staff and the management of the hotel, emphasizing the importance of individual service and customer care through the example of nurturing their subordinates. The long tenure of employment at the hotel reflects the stability and dedication of the staff to their business and the establishment, which is a crucial aspect of the hotel's reliability. The use of adjectives such as *welcoming* and *invalid* along with the phrase *the heart of soul of the hotel*, focuses on the emotional dimension of the employees' work, creating an image of a place where every guest receives attentive care:

– *Whether you are ordering breakfast, lunch or a late-night snack, Margarita's welcoming greeting represents the heart of soul of the hotel. She has been an invaluable member of the In-Room Dining team for over 25 years* (<https://www.dorchestercollection.com/los-angeles/the-beverly-hills-hotel>).

2. Referencing authoritative sources

The tactic appealing to authority sources involves using arguments or statements that are supported by the opinions of well-known personalities and organizations. This tactic is aimed to influence the consciousness of clients, persuade them of the validity of the claims made, and enhance their confidence in the information presented.

On the website of the British hotel “The Goring”, an example is provided that illustrates the tactics of authority as a persuasive tactic:

– *One of the best hotels in London right now. Conde Nast Traveler* (<https://www.thegoring.com>).

In this instance, a quote from the renowned American travel magazine Conde Nast Traveler, often referred to as the Bible for tourists. Using the adjective in the superlative degree of comparison *the best* alongside the adverb of time *right now*, gives up-to-date information that the hotel ranks highly compared to other accommodations in London. This distinction appeals to tourists seeking the finest options available at this moment. Citing a reputable and respected travel and hospitality publication not only bolsters the argument regarding the hotel's esteemed status but also enhances its reputation. Furthermore, it captures the attention of the target audience interested in the most appealing lodging choices in London, thereby adding significant value to the assertion.

The following example presents a quote from the American newspaper “The New York Times”, which is featured on the website of the American hotel “Faena”:

– *Accented everywhere with gold and its own lush signature red, the Faena Hotel is over-the-top luxurious in all the right ways. The New York Times* (<https://www.faena.com/miami-beach>).

The mention of “The New York Times” as a reputable source enhances the credibility of the statement, as the publication's opinions significantly influence public perception of news, events, and establishments such as hotels. Due to readers' trust in the newspaper's recommendations, the author's citation of The New York Times effectively captures the interest of potential tourists in the hotel in question. The newspaper employs descriptors such as *gold*, *lush*, *luxurious*, and the phrase *in all the right ways* to highlight the hotel's luxury in a tasteful and appealing manner. Through vivid descriptions, the publication emphasizes the hotel's unique qualities, while invoking The New York Times' name strengthens claims regarding the establishment's high caliber of service, fostering trust among clientele through association with a reputable news outlet.

Furthermore, the text discusses an environmentally sustainable hotel chain that has undergone rigorous evaluation by experts based on more than 70 indicators, resulting in the receipt of Green Tourism certifications. These accreditations attest to the hotels' commitment to sustainable development practices. Holding these certifications not only enhances the hotel's reputation but also distinguishes it from competitors, serving as a valuable marketing tool in an era characterized by the growing popularity of environmental movements worldwide:

– We **recognise** the importance of incorporating *eco-friendly initiatives* into all aspects of our operations, by prioritising **sustainability and environmentally friendly practices**. Many of our hotels have been **proudly recognised by Green Tourism** for their commitment to **sustainability and environmental conservation** (<https://www.classicbritishhotels.com/about-classic-british-hotels>).

This passage frequently employs the verb *recognize* to underscore the importance of acknowledging and acting upon environmental protection measures. Additionally, the use of *proudly* in conjunction with *recognize* emphasizes the approval of these measures from authoritative sources and conveys the hotel's pride in its accomplishments. Terms such as sustainability and environmentally friendly practices further highlight the hotel's responsible and environmentally conscious approach, appealing to environmentally conscious travelers and fostering trust in the hotel.

3. Appealing to background knowledge

Following Ter-Minasova, we identify background knowledge as “knowledge of realities and culture that the speaker and the listener mutually possess” [Ter-Minasova, 2000, p. 85]. This tactic is characterized by the use of lexical means that indicate information already known to the addressee. This approach simplifies the understanding and perception of information, strengthens the connection with the reader by referencing their background knowledge and values, and enhances the potential client's desire to stay at a particular hotel.

The following passage provides information about the geographical location of the hotel, situated in *The Shard* (the tallest building in Europe), which overlooks *the Thames*, the principal river of Great Britain. It also highlights nearby attractions such as *Borough Market*, *Tate Modern*, and *St. Paul's Cathedral*. By mentioning these landmarks, the text implies that potential guests possess some knowledge about the city, its culture, and its main attractions. These proper nouns evoke an image of tourist destinations that may appeal to visitors:

– *Starting on level 34, this luxury hotel spans 18 floors of The Shard, Western Europe's tallest building. Overlooking the Thames, enjoy panoramic skyline views, with landmarks such as Borough Market, Tate Modern and St Paul's Cathedral all within a short walk* (la.com/london/shangrila).

In the example below, the tactic of appealing to background knowledge is effectively employed through the use of proper names, such as *Belgravia* (located in the heart of residential *Belgravia*) and *Buckingham Palace* (situated just behind *Buckingham Palace*). These references prompt the reader to associate with some of the most famous landmarks in London and recognize the city's status as a cultural hub. The inclusion of these lexical elements implies that potential hotel guests are familiar with these locations and understand their cultural significance and value, which may also enhance the desire of tourists to stay at this hotel:

– *Located right in the heart of residential Belgravia just behind Buckingham Palace, The Goring is a wonderful escape from the hustle and bustle of the capital which is happening just close enough* (<https://www.thegoring.com>).

The mention of *the Las Vegas Valley* and the *iconic Bellagio fountains* in the following example prompts the reader to associate these landmarks with the renowned luxury and entertainment found in Los Angeles. This association helps to create an image of an unforgettable

vacation experience at this hotel. The use of these geographical names activates the understanding that holidays in such destinations are exceptional, thereby enhancing the desire to stay at the hotel and fully experience the positive emotions associated with a vacation:

– *With views of the Las Vegas valley or the iconic Bellagio fountains right from your suite, your stay will be nothing short of unforgettable* (<https://bellagio.mgmresorts.com/en/hotel.html>).

Conclusion

The data collected during the study suggest that the texts on the websites of British and American hotels employ verbal persuasive strategy, that is implemented through various tactics, such as appealing to honesty and reliability, referencing authoritative sources and appealing to background knowledge. The tactic of appealing to honesty and reliability involves the incorporation of arguments that highlight the integrity and dependability of the hotel. This tactic is aimed at creating and increasing the audience's trust, persuading them of the hotel's safety and stability. The text actualizes this strategy through the employment of the noun and its derivatives, quantitative numerals that signify the hotel's longevity or the tenure of its employees, as well as descriptive adjectives and adverbs that convey a sense of hospitality. These elements collectively portray the hotel as a welcoming environment that is prepared to care for its guests. The use of these lexical tools contributes to the construction of a positive image of the hotel and instills a sense of reliability.

The tactics of referencing authority and appealing to background knowledge are less frequently observed. This tactic of appealing to authority is a technique employed to enhance the credibility of information and arguments by relying on the opinions or endorsements of reputable sources, experts, or organizations. The incorporation of names of well-known organizations, publications, and celebrities, along with direct quotations and the use of vocabulary related to a particular field of knowledge, serves to render the conveyed messages more persuasive and to elevate the level of trust among potential consumers.

The tactic of appealing to background knowledge seeks to activate fundamental awareness regarding the geographical and cultural sites and attractions of a city or country that can be accessed with minimal effort, contingent upon hotel accommodations. The mention of renowned landmarks or geographical locations stimulates the interest and desire of prospective guests to visit these sites and reside in a luxury hotel.

Thus, the positivity strategy, along with the tactics employed to implement it, is designed to persuade potential tourists to choose a certain hotel. Consequently, this approach aims to achieve the communicative objective of explicit persuasion of the addressee, through a defined array of speech techniques and means.

Sources

The Goring Hotel. Available at: <https://www.thegoring.com> (accessed November 23, 2024).

The Beverly Hills Hotel. Available at: <https://www.dorchestercollection.com/los-angeles/the-beverly-hills-hotel> (accessed November 20, 2024).

Faena Hotel. Available at: <https://www.faena.com/miami-beach> (accessed November 18, 2024).

Classic British Hotels. Available at: <https://www.classicbritishhotels.com> (accessed November 15, 2024).

Shangri-La Hotel. Available at: <https://www.shangri-la.com> (accessed November 17, 2024).

Bellagio Hotel. Available at: <https://bellagio.mgmresorts.com/en/hotel.html> (accessed November 25, 2024).

References

- Golubev V., Teplyashina A., Abramova E., Ibragimov I. (2022). A course in argumentation in journalism in the master's curriculum: using Russian popular science magazines as case studies // Media Education (Mediaobrazovanie), №18 (1), 55-62. DOI: 10.13187/me.2022.1.55
- Goncharova, L. M. (2011). Strategies and tactics of advertising texts in the tourism sector, *In Service in Russia and abroad*, 7, 202–209. (In Russian)
- Graburn, N., Salazar, N., Zhu, Y. (2019). Conceptual Histories of Tourism: A Transcultural Dialog. *IUAES. UC Berkeley: Department of Anthropology*, 60 p.
- Issers, O. S. (2008). Communicative strategies and tactics of Russian speech, *In KomKniga*, Moscow, 284 p. (In Russian)
- Jalilifar, A., Moradi, Y. (2016). Tourism discourse revisited: an analysis of evaluative strategies in tourism brochures from a systemic functional linguistics perspective. *Journal of English studies*, 211–232.
- Manca, E. (2016). Persuasion in tourism discourse: methodologies and models. *Cambridge scholars publishing*, 196 p.
- Ter-Minasova, S. G. (2000). Language and Cross Cultural Communication. Moscow. Slovo. 624 p. (In Russian)
- Thurlow, C., Jaworsk, A. (2011). Tourism discourse: languages and banal globalization. *Applied linguistic review*, 285–312.
- Vestito, C. (2006). Tourism discourse and the representation of Italy: a critical analysis of English guidebooks. Available at: <https://clck.ru/3BDoue> (accessed: 12 October 2024). (In Russian)

Авдонина М. Ю.

Московский государственный лингвистический университет

Жабо Н. И.

Российский университет дружбы народов

МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Исследование посвящено использованию терминов медицины в метафорическом значении в несмежной профессиональной сфере, а именно, в текстах тематики «Изобразительное искусство». Объектом изучения является искусствоведческий дискурс на русском, французском и английском языках в условиях медиатизации общественной жизни. Цель данного исследования – выявление функций терминов медицины в переносном смысле в медиа дискурсе о живописи в новостных сайтах, интервью, обзорах выставок художников и пр. Результаты: на основе метода сплошной выборки составлен список из 90 медицинских терминов (*симптом, синдром, аллергия, вирус, гомеопатический, хрусталик, вдох и выдох / cancer, accouchement, boulimique, colonne vertébrale, exsangue, piqûre de rappel, coma, gangrené, pilule / hallucinatory, viral, injection of art* и пр.), употребленных в метафорическом смысле, в том числе узкоспециальных («*elle met la peinture sous perfusion*» / она кладет живопись под капельницу). Установлено различие между языковыми предпочтениями в трех изучаемых языках. Рассмотрены функции терминов медицины в комплексе «статья + отклики читателей» о живописи: оценка («The arts are an extremely powerful sweet pill»; «дистрофия внутрироссийских художественных связей»), высказывание мнения («the smaller galleries that make up the backbone of London's art scene», «the DNA of painting»), ирония и самоирония («случился у меня коллапс...»), ученое слово как пустая форма («Поцелуй – это светящаяся биопсия вечной любви Климта»); синестезия («des papilles (вкусовые рецепторы) impressionnistes»). Выводы. Современный человек приглашен к самостоятельному созданию произведений живописи и смелее высказывает публично свое мнение об искусстве, помогая себе метафорами несмежных областей познания.

Ключевые слова: терминология медицины, живопись, образность, синестезия, медиадискурс, русский язык, английский язык, французский язык

Marina Yu. Avdonina

Moscow State Linguistic University

Natalia I. Zhabo

Peoples' Friendship University of Russia

MEDICAL TERMINOLOGY AS A STYLISTIC DEVICE IN RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES

The study is devoted to the use of medical terms in a metaphorical sense in an unrelated professional field, namely, in texts on the topic of «Fine Arts». The object of study is art history discourse in Russian, French and English in the context of mediatization of public life. The purpose of this study is to identify the functions of medical terms in an auxiliary meaning in the media discourse about painting in news sites, interviews, reviews of artist exhibitions, etc. Results: based

on the continuous sampling method, a list of 90 medical terms was compiled (*symptom, syndrome, allergy, virus, homeopathic, lens, inhalation and exhalation / cancer, accouchement, boulimique, colonne vertébrale, exsangue, piqure de rappel, coma, gangrené, pilule / hallucinatory, viral*; etc.), used in a metaphorical sense, including highly specialized ones (« *elle met la peinture sous perfusion* » / it puts painting on a drip). The difference between language preferences in the three languages under study is established. The functions of medical terms in the complex «article + readers' commentaries» about painting are considered: assessment («The arts are an extremely powerful sweet pill»; «dystrophy of intra-Russian artistic connections»), expression of opinion («the smaller galleries that make up the backbone of London's art scene», «the DNA of painting»), irony and self-irony («I had a collapse»), the scientific word as an empty form («A kiss is a luminous biopsy of Klimt's eternal love»); synesthesia (« *les papilles impressionnistes* »). Conclusions. Nowadays, a person is invited to create his own art and more boldly expresses his opinion about art publicly, helping himself with metaphors of non-adjacent areas of knowledge.

Keywords: medical terminology, painting, imagery, synesthesia, media discourse, Russian language, English language, French language

Исследование посвящено переосмыслению терминологии медицины современным человеком и использованию общих и узкоспециальных медицинских терминов в качестве образных средств для повышения воздейственности текста в несмежной профессиональной сфере, а именно, в тематике «Изобразительное искусство».

Объектом изучения является искусствоведческий медиа дискурс на русском, французском и английском языках.

Цель данного исследования – выявление терминов медицины в медиа дискурсе о живописи и установление их функций в новостных сайтах, интервью, обзорах выставок художников

Задачи:

1. Составить списки русских, французских и английских медицинских терминов, предположительно имеющих метафорический потенциал;
2. Провести фронтальный поиск случаев употребления в медиа дискурсе медицинских терминов как стилистических средств в области живописи;
3. Выявить сходства и различия в предпочтениях авторов текстов на разных языках в выборе конкретных терминов как элемента образа;
4. Определить функции медицинских терминов как образного средства в текстах тематики «Изобразительное искусство».

Материалы: комплексы «статья СМИ о живописи + отклики читателей» на русском, французском и английском языках 2014-2024 годов.

Методы изучения материала – семантический и стилистический анализ отобранных фрагментов текста, сопоставительный анализ, историко-культурная интерпретация.

Предпосылкой исследования является развитие новых отраслей медицины. Они попадают в фокус внимания публики в рамках межкультурной и профессиональной коммуникации (Одринская, Рохлина 2023, Защитина 2023). Труды лингвистов, филологов и философов, таких как: Н. Д. Арупюнова, А. И. Баранов, В. Г. Гак, Н. Ф. Крюкова, С. В. Гринев-Гриневич, Э. А. Сорокина, Т. Cabré Castellví, J. E. Grady, A. Ortony, M. S. Zanotto and D. V. Palma и др.

Мы разделяем теоретическую позицию о медиатизации современного общества [Hjarvard 2013; Демьянков 2017; Жабо at al. 2021; Черненькая 2024; Балашова 2018], что и

образует аксиологическое пространство медиатекста и трансформирует публичность, приближая текст к читателю и образуя комплекс «статья + отзывы и комментарии», благодаря появившейся возможности читателя реагировать непосредственно по прочтении / прослушивании / просмотре, давать свою оценку, вступать в диалог с автором текста.

Результаты

Данный этап исследования был самым сложным по исполнению, так как поставленная цель была необычной – мы решили уйти из традиционного поля поиска терминов, образованных с помощью метафоры, и терминов, используемых в смежных областях как образные средства (например, музыка – театр – живопись). Первым шагом был многолетний сбор материала в текстах темы «Живопись» на русском языке (см. «ФЗО на конференции русистов в Китае» https://linguanet.ru/?ELEMENT_ID=11669), затем мы перешли к сопоставлению изучаемых образных средств в материалах на трех языках.

На предыдущем этапе были исследованы метафоры с компонентами театральной лексики в медицинских текстах. Список исследуемых терминов был практически общим для трех изучаемых языков, можно было назвать его закрытым списком. Театр как вид человеческой деятельности в наше время стал элитарным, обслуживает закрытое сообщество знатоков и пожилой изысканной публики, зато его терминология используется в самых различных тематических областях именно как образное средство. Были выявлены 68 терминов, употребляющихся как театральные метафоры-интернационализмы, и лишь менее десяти терминов были специфичны, в частности, для французской лингвокультуры (*bouffon, coup de projecteur, vaudeville, strapontin, être aux premières loges, coup de théâtre* и др.) [Avdonina 2020; Zhabo, Avdonina. 2020].

Медицина, в отличие от театра, развивается и эмоционально освещается в СМИ.

На основе метода сплошной выборки был составлен список из 90 медицинских терминов, способных употребляться как стилистическое средство.

Некоторые термины включены в многочисленные контексты, например, слово синдром в текстах тематики «Изобразительное искусство» мы обнаружили в следующих словосочетаниях *синдром упущенного шанса, синдром специалистов в живописи, синдром самозванца: синдром отложенной жизни и др.* При этом пишущий часто считает своим долгом раскрыть образ, развить метафору. Например: *Темные, покрытые лаковой желтизной, музейные картины своей узнаваемостью наводят печальное уныние, вызывают тошноту и головную боль. Это музейный синдром* (<https://yagallery.com/exhibitions/muzejnij-sindrom>).

Некоторые выражения требуют для своего понимания исторического анализа. Ярким примером является интернациональное ироничное выражение «подсластить пилюлю», «позолотить пилюлю» / «to sweeten the pill», «to gild the pill» / «adoucir la pilule», «dorer la pilule». В XVII в. лекарственные шарики обсыпали сахаром, иногда дозалили (<https://www.ouest-france.fr/leditiondusoir/2024-07-03/62182>), а в 1853 г. в Бельгии фармацевт Жан Нёос (Jean Neuhaus) разработал технологию, которая разошлась на многие страны – горькое лекарство покрывалось шоколадом. В XXI в. произошла ресемантизация этого выражения: пилюлей во французском языке стали называть покров тела человека, а «bronzer la pilule» теперь означает «загорать на пляже».

Новые термины легко усваиваются и, как следствие, могут приобретать переносные значения, но составить список таких терминов представляется невозможным, то есть это открытый список, так как экстралингвистические факторы могут мгновенно вызвать моду на то или иное понятие из области медицины, что в свою очередь может привести и к метафорическому употреблению соответствующего термина.

Одним из самых частотных в наше время во французской прессе стал термин «*piqûre de rappel*» («повторное введение вакцины, ревакцинация»), вошедший в период пандемии КОВИДа в словарь онлайн в своем новом метафорическом значении ‘напоминание’ (https://www.multitran.com/m.exe?l1=4&l2=2&s=piqûre_de_rappel). Например:

Par le simple talent du peintre et sa force de caractère, ensuite, la régulière piqure de rappel peut se justifier. Rappelons qu'il fut le chef de file du mouvement sécessionniste de 1926. (<https://lequotidien.lu/culture/joseph-kutter-fait-a-nouveau-etape-au-mnaha,09/02/24>); **Piqure de rappel: La foire Paris+Art Basel fait donc son grand retour au Grand Palais.** (<https://www.beauxarts.com/expos/paris-expos-installations-en-plein-air-que-voir-pendant-la-semaine-de-lart/>, 19.04. 2022).

В СМИ на английском языке этому термину соответствуют выражения «a short reminder about...»; «a wake-up call». Медицинские термины «booster shot», «Covid jab», «coronavirus jab», тем не менее, могут участвовать в паре с медицинской метафорой, например:

«Some German vaccination centres are offering patients an injection of art along with the coronavirus jab» (<https://www.theartnewspaper.com/2021/01/15/>)

В русском языке не существует устойчивого выражения при передаче вторичного значения данного выражения.

Самую большую трудность при поиске представляют узкоспециальные термины, которые можно выявить в первый раз только случайно посредством чтения большого числа статей по искусству, и уже потом найти другие контексты с этой единицей, например:

– «... *elle met la peinture sous perfusion, comme pour mieux la revigorer*» / она кладет живопись под капельницу, чтобы придать ей сил (<https://estellecontamin.wixsite.com/>); «*La vie d'artiste sous perfusion publique*» / жизнь художника под капельницей внимания публики (<https://www.bvoltaire.fr/>, 14.05.2024);

– «*Jeune artiste autodidacte, boulimique de formes et d'images, Stéphane Pencréac'h commence à peindre en 1992*» / Молодой художник- самоучка, ненасытный любитель форм и изображений, Стефан Пенкреак начал рисовать в 1992 году (<https://www.paris-art.com/stephane-pencreach-fabien-rigobert/>);

– «*ce sont des tableaux à la peinture exsangue et aux tons froids*» (<https://www.finestresullarte.info/fr/oeuvres-et-artistes/elin-danielson-gambogi-l-histoire-d-un-peintre-contre-les-conventions-entre-la-finlande-et-l-italie>).

Сенсорные ощущения, особенно очень сильные, отражают впечатление от картин:

«Объектами стали произведения художников в стиле «impossible art» и «optical art». Это такие невозможные картины, как ожог для мозга – этого быть не может, но ты это видишь» (<https://mephi.ru/content/news/1387/126163>).

Полисемичные термины важно было найти именно в медицинском значении, например, compulsive – ‘человек, испытывающий непреодолимое влечение’ о симптомах психических болезней, а не как ‘принудительный; обязательный’. При этом здоровый человек гиперболически называется психически больным, например:

...a selection of fifteen studies in this exhibition illustrates the artist's habit of compulsive, almost obsessional, sketching. / Подборка из пятнадцати этюдов, представленных на этой выставке, иллюстрирует привычку художника к навязчивому, почти обсессивному рисованию (<https://www.fondationcustodia.fr/Georges-Michel-57>).

В текстах на русском языке журналисты часто употребляют ученое слово как пустую форму, например: *«Если внимательно посмотреть на платье женщины в «Поцелуе», то можно заметить чашки Петри, пульсирующие клетками. Как будто художник сканирует*

ее душу. А «Поцелуй» – это светящаяся **биопсия** вечной любви Климта» (<https://www.mk.ru/culture/2020/07/20/>); «Для нас искусство – **алхимический процесс**, результатом которого должен быть **гомеопатический процесс**, перестраивающий мир» (<http://artchronika.ru/bespamiatstvo-kak-ishod/>); «Молодой художник Курт Барнерт ... **вскрывает нарыв и достаёт правду**, после которой **возникает иммунитет**» (<https://www.kinopoisk.ru/film/959606/>); «Когда рассматриваешь сюрреалистические картины Пасмура Рачуйко, вспоминается ... наивное усердие человека, неожиданно **поймавшего в себе гормон художника**» (<https://shoizdat.com/>, 04/12/2019).

Иногда подчеркивается и синестезия: «**Les papilles impressionnistes**» (импрессионистические вкусовые рецепторы) – название выставки живописи.

Возможно, включение в школьную программу знаний о ДНК выдвинуло этот термин в лидеры метафорического употребления медицинских терминов английского и французского языков (в русской прессе таких случаев мы не обнаружили): *Anglim Gilbert Gallery presents the DNA of PAINTING, an exhibition exploring the breadth of painters' practice* (03.03.2018. <https://minnesotastreetproject.com/exhibitions/1275>); *The idea of the nude body is ingrained into art history. It's in the DNA of painting and sculpture* (20.07.2024. <https://globalshoppingmarket.com/>); *Yang Liming a su distiller la quintessence de l'ADN de la peinture chinoise* (11.07.2023. <https://www.galerieloft.com/>); *Dans l'ADN de la peinture, la fonction esthétique est intégrée* (<https://www.obea.fr/com/>).

Не менее употребим в текстах о живописи и образ собаки, у которой по звоночку течет слона и закрепляется условный рефлекс. Например: «Créativité sur demande : utiliser le réflexe de Pavlov pour créer facilement. Pourquoi utiliser le réflexe de Pavlov quand on est illustratrice ?» (<https://bambelleillustration.com/2021/06/21/>);

Рассмотрены функции терминов медицины в комплексе «статья + отклики читателей» о живописи:

– оценка: «The arts are an extremely powerful sweet **pill**»; «the smaller galleries that make up the **backbone of London's art scene**», «дистрофия внутрироссийских художественных связей»;

– высказывание мнения: «Мучительная заостренность, плакатная броскость розового, зеленого и черного – все рассчитано на создание продуманного эстетического **дискомфорта, треплющего и изматывающего нервы**» (<https://www.kommersant.ru/doc/121304>);

– ирония и самоирония, в частности:

а) людическое употребление терминов в метафорическом смысле, которое часто обесмысливает такой термин, например: «Случился у меня коллапс. Взрыв. Полная перезагрузка, меня поглотила живопись, я хочу рассказать о картинах в технике Alcohol Ink, которыми я просто заболела» (<https://vladulja.livejournal.com/126540.html>)

б) игра слов, которая может быть основана на паронимии, например:

«порыв? прорыв... нарыв!» (<https://slivovaya.livejournal.com/23858.html>).

Выводы

Современный человек приглашен к самостоятельному созданию произведений живописи и смелее высказывает публично свое мнение об искусстве, помогая себе метафорами несмежных областей познания.

Медицинские термины являются эффективными средствами воздействия при формировании оценки событий, значимым источником метафор и эмотивно-оценочных компонентов лексического состава темы «Изобразительное искусство».

Литература

- Балашова Л. В. Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX-XXI вв.: (динамический аспект) // Политическая лингвистика. Изд-во: Уральский государственный педагогический университет. 2018. № 2 (68). С. 10–17.
- Демьянков В. З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 5–13.
- Жабо Н. И. Авдонина М. Ю., Чернышева И. Б. Аксиологическое пространство медиатекста // Вестник МГПУ. Серия: «Философские науки». 2021. № 1 (37). С. 32–39.
- Защитина Г. В. Роль прагматически ориентированных языковых средств в конструировании и восприятии дискурса англоязычных СМИ // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов: тезисы международной научной конференции, Минск, 12–13 мая 2023 года. Минск: МГЛУ, 2023. С. 188–189.
- Одринская А. А., Рохлина Е. К. Способы перевода метафор в текстах по атомной энергетике: сравнительно-сопоставительный анализ на материале русского и английского языков // Перевод и иностранные языки в глобальном диалоге культур: Сборник статей. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2023. С. 71–77.
- Черненко С. В. Трансформация публичности в современном медиaprостранстве // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. серия: гуманитарные науки. № 7-2. 2024. С.137–139.
- Avdonina M. Theatrical Metaphors Specific to Modern French Journalism // Languages and Migration in a Globalized World: материалы саммита QS по предметным областям «Современные языки» и «Лингвистика», December 15-17, 2020. М.: РУДН, 2020. С. 58–65.
- Hjarvard S. The Mediatization of Culture and Society. London; New York: Routledge 2013. <http://www.routledge.com/books/details/9780415692373/#>.
- Richard A. D'où vient l'expression «se faire dorer la pilule»? <https://www.ouest-france.fr/leditiondusoir/2024-07-03/d-ou-vient-l-expression-se-faire-dorer-la-pilule-62182>.
- Zhabo N. I., Avdonina M. Yu. COVID-19 en métaphores théâtrales // Современная парадигма научного знания: актуальность и перспективы: Сборник статей по материалам восьмой международной научно-практической конференции. М.: Языки народов мира; НВИ, 2020. С. 251–254.

References

- Balashova L. V. Medical conceptual metaphor in the political media discourse of the 20th-21st centuries: (dynamic aspect) [Meditsinskaya kontseptual'naya metafora v politicheskom mediadiskurse XX-XXI vv.: (dinamicheskiy aspekt)] // Political linguistics. Publisher: Ural State Pedagogical University. 2018. No. 2 (68). P. 10-17.
- Demyankov V. Z. Knowledge transfer and cognitive manipulation [Transfer znaniy i kognitivnaya manipulyatsiya] // Issues of cognitive linguistics. 2017. No. 4. P. 5-13.
- Zhabo N. I. Avdonina M. Yu., Chernysheva I. B. Axiological space of media text [Aksiologicheskoye prostranstvo mediateksta] // Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: "Philosophical Sciences". 2021. No. 1 (37). P. 32-39.
- Zashchita G. V. The Role of Pragmatically Oriented Linguistic Means in the Construction and Perception of the Discourse of English-Language Media // From Word to Discourse: Interaction of Forms and (Un)Predictability of Meanings: Abstracts of the International Scientific Conference, Minsk, May 12-13, 2023. Minsk: Moscow State Linguistic University, 2023. P. 188-189.

- Odrinskaya A. A., Rokhlina E. K. Methods of Translating Metaphors in Texts on Nuclear Energy: A Comparative and Contrastive Analysis Based on the Material of the Russian and English Languages [Sposoby perevoda metafor v tekstakh po atomnoy energetike: sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz na materiale russkogo i angliyskogo yazykov] // Translation and Foreign Languages in the Global Dialogue of Cultures: A Collection of Articles. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 2023. P. 71-77.
- Chernenkaya S. V. Transformation of Publicity in the Modern Media Space [Transformatsiya publichnosti v sovremennom mediaprostranstve] // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. No. 7-2. 2024. P.137–139.
- Avdonina M. Theatrical Metaphors Specific to Modern French Journalism // Languages and Migration in a Globalized World: Proceedings of the QS Summit on the Subject Areas of Modern Languages and Linguistics, December 15-17, 2020. Moscow: RUDN, 2020. P. 58–65.
- Hjarvard S. The Mediatization of Culture and Society. London; New York : Routledge 2013. <http://www.routledge.com/books/details/9780415692373/#>.
- Richard A. D'où vient l'expression «se faire dorer la pilule»? <https://www.ouest-france.fr/leditiondusoir/2024-07-03/d-ou-vient-l-expression-se-faire-dorer-la-pilule-62182>.
- Zhabo N. I., Avdonina M. Yu. COVID-19 en métaphores théâtrales // The modern paradigm of scientific knowledge: relevance and prospects: Collection of articles based on the materials of the eighth international scientific and practical conference. Moscow: Languages of the peoples of the world; NVI, 2020. P. 251–254.

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И НАРРАТИВЫ О КОЛЛЕКТИВНОЙ ТРАВМЕ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Автор анализирует связь между травматическими нарративами народа и культурным кодом на примере Республики Корея. Наличие нескольких травматических нарративов (пережитый колониальный опыт, несамостоятельное приобретение независимости и разделение народа) у корейского народа, наиболее важным из которых является колониальный нарратив, привело к созданию знаков-символов, выполняющих компенсирующую роль по отношению к травмам. Значительное внимание уделено понятию идентичности, которое, формируется через символическую конструкцию травмы. Процесс проработки травм в Южной Корее был запущен правительством в 1960-х гг. и продолжается до сих пор.

Ключевые слова: культурный код, знак, символ, политической миф, идентичность, колониальность, Корея.

Dinara R. Aliullova

Yaroslavl State University

CULTURAL CODE AND NARRATIVES OF COLLECTIVE TRAUMA IN SOUTH KOREA

The author explores the connection between the collective traumas of the Korean people and their cultural code, using the Republic of Korea as an example. The presence of multiple traumatic narratives among the Korean people, the most significant of which is the colonial narrative, has led to the creation of complexes—symbols that play a compensatory role in relation to the traumas. A key concept in the study is identity, which is formed through the symbolic construction of trauma. Before the process of trauma resolution begins, the affected, traumatized society undergoes a period of recreation. The process of addressing traumas in South Korea was initiated by the government in the 1960s and has been ongoing ever since.

Keywords: cultural code, sign, symbol, political myth, identity, colonialism, Korea.

Методология и обзор литературы

Проблема исторической и культурной, индивидуальной и коллективной памяти в настоящее время является одной из самых актуальных и привлекает внимание ученых разных специальностей. В условиях глобализации происходит «обретение памяти», которые имели травматический опыт. Проблематика memory studies в данном случае используется в контексте изучения нации и национальной идентичности в Республике Корея.

Коллективные представления о прошлом или коллективная память [Ассман, 2023, с. 26] представляют собой множество индивидуальных памятей, собранных в большие группы и обусловленные социальными рамками. Конструкт этот носит в себе и политический миф Республики Корея, как один из фрагментов. Отметим влияние идей культурсоциологии (социология культуры) Джеффри Александера, а именно выяснение взаимосвязи между травмой и сформированным культурным кодом и концепции «мест памяти» Пьера Нора, то

есть «мест», в которых воплощена память того или иного сообщества. При анализе составных элементов корейского культурного кода также использовались теория семиотики, идеи Ролана Барта и др.

Кроме теоретиков *memory studies*, культурсоциологии и семиотики автор обращался к исследованиям Ким Н. Н. и Асмолова К. В., раскрывающие сущность и особенности корейского национализма и специфику корейских нарративов о травме.

Вклад Ким Н. Н., как фактически единственного исследователя травматических нарративов в истории Южной Кореи, отрицать нельзя, также, как нельзя отрицать сам и факт травматичности Корейской войны и разделения корейского народа. Однако теоретические построения Н. Н. Ким о постколониальности могут рассматриваться критически, поскольку история и культура Кореи не вполне укладываются в рамки постколониального дискурса. Например, то, что принято считать «корейской антиколониальной борьбой» больше похоже на борьбу против колонии, а борьбу против собственно Японии, о чем свидетельствуют дальнейшее усиление антияпонизма и национализма. Или, действительно ли Корейская война – это фрагмент корейского постколониального дискурса? [Ким, Соловьев, 2023, с. 66] Представляется, что причины начала войны лежат за пределами японского колониального периода, и имеют довольно косвенное отношение. Исходя из того, что статус Корейской войны, как события имеющего отношение к «колониальности» подвергнут сомнению, вызывает вопросы и дальнейшее указание на проблему разделения корейского народа, как на часть антиколониального дискурса [Ким, Соловьев, 2023, с. 64].

Постколониальная теория пришла в Южную Корею извне в 1990-х гг. и не получила широкого распространения. Собственная постколониальная теория в Южной Корее не появилась, в отличие от других территорий стран (Индия и постколониальные теории Г. Спивак Чакраворти и Х. Баба, Африка и И.-В. Мудимбе, А. Мбембе; работы Э. В. Саида), пострадавших от такого явления, как колониальная политика.

Коллективные травмы и культурная идентичность в Южной Корее

Одно из самых простых определений культурных кодов предлагает трактовать их как «символы и системы значений, актуальные для представителей определенной культуры» [Nyatt, Simons, 1999, p. 23], в том числе травматические.

Культурный код Республики Корея включает нарративы, связанные с колониальной эпохой, и символы, созданные в процессе проработки травматического прошлого. Формирование современной корейской идентичности нередко связывают с «пробуждением» этнического самосознания на рубеже XIX в. – XX в. [Носкова, 2015, с. 123] и, по большей части, нарративы, используемые в культурном коде Республики Корея, порождены этим периодом.

В формировании коллективной идентичности большую роль играет «символическая конструкция травмы». Проработка и компенсация травмы нередко происходит путем изменения или перестройки идентичности после пережитого негативного опыта. Вряд ли можно говорить о кардинальном изменении идентичности: известные символы применяются для преодоления колониальной ментальности. В процессе трансформации, когда прежние символы, сформированные на рубеже, используются в рамках новых условий – травмы, нанесенной колониальной зависимостью, заново сформированная идентичность закрепляется в сакральных местах и ритуалах. Перестроенная идентичность ведет к переосмыслению сообществом представлений о самом себе. Национальная идентичность, в свою очередь, состоит из культурного кода и составляющих его единиц-знаков.

Чаще всего к конструированию национальной идентичности на основе причиненного вреда, прибегают националистически настроенные группы, находящиеся у власти, в том числе независимые правительства РК в XX веке. В 1930-х гг. корейские историки-националисты издавали работы, в которых содержались идеи, ставшие опорой для

культурного кода. Чаще всего [Асмолов, 2017, с. 310; Ким, Соловьев, 2023, с. 53] указывают работы историка Син Чхэ Хо, считавшего наличие «корейского духа» важным для существования страны.

Основными травмирующими нарративами стали японская колонизация и разделение страны. Важно, что разделение страны (и народа) еще не пройденный этап, а потому, как таковая проработка этого события не произошла.

Создание культурных кодов обусловлено стремлением к безопасности, заключенном в знакомом эмоциональном и культурном шаблоне, существовавшем на протяжении долгого времени. Идентичность и культурный код направлены на объединение национального сообщества, разделенного пережитой травмой [Александр, 2012, с.17]. Восстановление связей происходит после «периода молчания» (рекреационного периода), когда сообщество прибегает к использованию культурного кода как связующего звена, способного восстановить утраченные связи.

Травма происходит при резком смещении смыслов [Александр, 2012, с. 18], создание кода – попытка восстановить утраченный смысл, на что нацелена государственная стратегия, которая нередко фиксируется в образах.

«Период молчания» (рекреационный период) – время утраты правдивых воспоминаний – направлен на подготовку к восстановлению связей, подготовку к проработке травмы. После «периода молчания» государство, заинтересованное в восстановлении целостности, прибегает к использованию культурных кодов как общего фрагмента культуры, способного объединить и восстановить утраченные связи. Восстановление памяти идет через публичные действия, направленные на сохранение памяти о событии, репрезентацию в культуре и других сферах (общественно-политической).

У каждого элемента в составе культурного кода Кореи существует собственное буквальное (денотативное) значение, в то время как коннотативное значение у большинства знаков подчинено созданию «корейскости», то есть определенной конструкции, «образованной знаками, извлекаемых из разных пластов идиолектов» [Барт, 1989, с. 313]. Последнее обозначает, что корейская идентичность будет иметь различные прочтения, но наиболее интересно значение, предлагаемое национальным сообществом и/или государством.

Сугубо денотативного значения избранные государством образы не несут, так как они изначально связаны с корейской культурой, рождены ей, поэтому воспринимаются неотрывно. Вся система знаков, являющаяся в данном случае национальной идентичностью, представляет собой искусственно созданную систему – модель, которая подразумевает процесс «проживания» травмы путем формирования культурного кода.

Кроме разрозненных знаков, в создании нарратива участвует современная политическая мифология, состоящая из корпуса фраз [Барт, 2003, с. 474] и лексем, не имеющая подробного повествования, как такового, и представляющая собой комплекс культурно-исторических символов, в виде двух условных групп: территориально-государственной и этнокультурной [Репина, 2020, с. 34].

«Период молчания» и этап конструирования политического мифа

Основными травмирующими событиями в южнокорейской истории являются потеря независимости, разделение народа и несамостоятельное получение независимости, поэтому символы делают акценты на национальную культуру, существовавшую до этих событий.

Реализация «периода молчания» приходится на период президентства Ли Сынмана (1948-1960 гг.). При нем, в число основ, в процессе нациостроительства, входят антияпонизм, антикоммунизм и национализм. Корейский национализм, изначально

зарождался, как форма противодействия китайскому культурному влиянию, и окончательно расцвел в период колониальный период (1910-1945 гг.), как пассивная форма сопротивления японской политике. Однако, основной частью идеологии все-таки был антикоммунизм [Асмолов, 2017, с. 259], по причине постоянной угрозы безопасности со стороны Северной Кореи. Следовательно, внешне- и внутривнутриполитическая ситуация в Республике Корея не предполагала проработки недавней травмы. Ради консолидации южнокорейского общества была предпринята попытка замалчивания, что видно в практике прекращения гонений на коллаборационистов-чхинильпха. Иначе поступили с коммунистами и сочувствующим им.

Работа с «колониальным наследием» началась при президенте Пак Чонхи: продолжается конструирование политического мифа, на основах, заложенных в период 1948-1960 гг. (привлечение образов борцов за независимость, поддержание и восстановление памятников культуры прошлых эпох). Такие основы, как антияпонизм, антикоммунизм и национализм сохранены, но баланс между ними изменился в пользу усиления национализма. Пак занялся восстановлением самобытности Кореи, путем работы с культурным пространством и отдавая лидирующую роль в формировании культурного кода государству.

Тенденцию к работе с культурным пространством продолжил Ким Ёнсам. В период его президентства (1993 – 1998 гг.) шла реставрация исторических памятников, но примечательным событием является снос бывшего здания администрации генерал-губернаторства [Lee, 2003, p. 122], приуроченный к памятной дате – 50-летию со Дня Освобождения от японского управления.

Если Пак Чонхи пытался укрепить национальный дух, восстановив национальные символы, то можно предположить, что Ким Ёнсам пытался подвергнуть тотальному забвению период японской колонизации. Ким Ёнсам боролся с тем, что исследователи называют «мемориальными призраками» [Поцелуев, 2020, с. 88], то есть воспоминания, которые присутствуют в символических местах, подлежащих забвению. При этом же президенте в 1995 г. был открыт «Дом женщин для утешения», ставшим местом встречи для свидетелей травматичного опыта.

Полномасштабное «возращение памяти» происходит в начале XXI века, в контексте образа «Кореи-жертвы» (образ вианбу и мобилизованных рабочих) и возвращение к преследованию коллаборационистов. До конца XX в. – начала XXI в. речевые акты (заявления о травмах) развертывались в пределах институциональной арены – государства, и только в XXI в. в заявлениях о травмах начали участвовать общественные организации (первыми заговорили о вианбу).

Формирование политического мифа Южной Кореи имеет несколько черт, одна из которых – потребность Кореи в утверждении значимости, заключающаяся в претензии на длительность истории [Ким, Соловьев, 2023, с. 51], которую включают в более масштабный «миф о корейской исключительности» [Асмолов, 2017, с. 331] «Длительность истории» обеспечивает поддержание уже упомянутого знакомого культурного и исторического шаблона, необходимого после сдвига реальности вследствие травмы. Примером сюжета, который мог бы подтвердить длительность корейской истории, является миф о Тангуне (прародителе корейского народа), правителе, согласно мифу, создавшем первое корейское государство.

Исходя из того, что мифология складывалась при националистических правительствах, и специфики позднего японского колониального режима, становится ясно, что частью политического мифа Южной Кореи является и превознесение нации, объединенной языком, кровью, культурой [Ким, Соловьев, 2023, с. 58], то, что когда-то разрабатывалось историками, как концепция «корейского духа». В частности, Республика Корея ссылается на Корейскую империю (1897-1910 гг.), и культуру династии Чосон (популяризация национального костюма ханбок и традиционной еды, продвижение ценности корейского письма хангыль; использование образов исторических личностей, таких как,

король Седжон, мифический первопредок корейского народа Тангун, адмирал Ли Сунсин, полководец Ыльчжи Мундок, более поздние – члены временного правительства и т.д.).

Параллельно прорабатывается травматичное обретение независимости «не своими силами», используя образы, связанные с Временным правительством и борцами за независимость. Большую роль играет образ Кореи и корейского народа как жертвы.

Таким образом, абсолютное большинство символов, формирующих культурный код РК, связан с государством либо предложены им.

Заключение

Политика памяти в Республике Корея сосредоточена на образах, демонстрирующих «дух» корейской нации. Основы исторической политики и подходы к формированию политики памяти были заложены историками-националистами в период, когда Корея находилась под управлением Японской империи.

Процесс формирования культурного кода Республики Корея находится в прямой зависимости от колониальной травмы, травмы разделенного народа и сопряженными с ними коннотациями. Культурный код Южной Кореи сформирован на идеологических основах 1948-1960-х гг. В их числе национализм, антияпонизм и – в меньшей степени – антикоммунизм; баланс между идеологическими основами меняется в зависимости от политики каждого нового президента. Используются также символы, востребованные с конца XIX в. Культурный код вмещает в себя отдельные символы и политическую мифологию. Политический миф Южной Кореи выполняет несколько функций: утверждает значимость Республики, превозносит корейскую нацию и прорабатывает травмирующие события из корейской истории.

Литература

- Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность / Дж. Александр // Социологический журнал. 2012. №3. С.6-40.
- Асмолов К. В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация / К. В. Асмолов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 704 с.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 328 с.
- Барт Р. Воображение знака // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 246-252.
- Барт Р. Мифология сегодня // Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 474-477.
- Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 297-318.
- Ким Н. Н., Соловьев А. В. Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея // Международная аналитика. 2023. Том 14 (2). С. 49 –72.
- Носкова Н. Е. Миф о Тангуне как фактор формирования корейской идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2015. №398. С. 122-126.
- Поцелуев С. П. Амнезия как тип социальной забывчивости: к уточнению концепта // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 84-91.
- Репина Л. П. Историческая память и нарративы национальной идентичности «практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. С.10-37.
- Hyatt J., Simons H. Cultural Codes - Who Holds the Key? The Concept and Conduct of Evaluation in Central and Eastern Europe // Evaluation. 1999. №5 (1). P. 23–41.

Lee Kyu-Mok. Transformation of Seoul's Modern Urban Landscape / Kyu-Mok Lee // Seoul, Twentieth Century: Growth & Change of the Last 100 Years / Ed. By Kwang-Joong Kim. Seoul, Seoul Development Institute, 2003. P. 91- 151.

References

- Alexander J. C. (2012). Cultural Trauma and Collective Identity. *Sociological Journal*, 3: 6–40. (In Russian)
- Asmolov K. V. (2017). Korean Political Culture: Traditions and Transformation. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education. (In Russian)
- Assman A. (2023). The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. Moscow: New Literary Review. (In Russian)
- Barthes R. (1989). The Imagination of the Sign. *Selected Works: Semiotics: Poetics*. Progress, 246–252. (In Russian)
- Barthes R. (1989). The Rhetoric of the Image. *Selected Works: Semiotics: Poetics*. Progress, 297–318. (In Russian)
- Barthes R. (2003). Mythology Today. The Fashion System. *Articles on the Semiotics of Culture*. Sabashnikov Publishing, 474–477. (In Russian)
- Hyatt J. Simons H. (1999). Cultural Codes - Who Holds the Key?: The Concept and Conduct of Evaluation in Central and Eastern Europe. *Evaluation*, 5(1), 23–41.
- Kim N. N., Solovyov A. V. (2023). Anti-Colonial and Post-Colonial Narratives in the Context of Political Myth in the DPRK and the Republic of Korea. *International Analytics*, 14 (2): 49–72. (In Russian)
- Lee Kyu-Mok. (2003). Transformation of Seoul's Modern Urban Landscape. Seoul, Twentieth Century: Growth & Change of the Last 100 Years. Seoul Development Institute, 91- 151.
- Noskova N. E. (2015). The Myth of Tangun as a Factor in the Formation of Korean Identity. *Tomsk State University Bulletin*, 398: 122–126. (In Russian)
- Potseluev S. P. (2020). Amnesia as a Type of Social Forgetfulness: Towards Refining the Concept. *Tomsk State University Bulletin*, 461: 84-91. (In Russian)
- Repina L. P. (2020). Historical memory and national narratives of identity: “the practice of history in the service of memory”. *The Past for the Present: History-Memory and Narratives of National Identity: A Collective Monograph*. Aquilon, 10-37. (In Russian)

Анисимов В. Е.

Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России

Анисимова Е. Д.

Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ

ИЗМЕНЕНИЯ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА AMOUR/ЛЮБОВЬ ВО ФРАНЦУЗСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ XX-XXI ВВ.

В статье проанализирована динамика изменений репрезентации концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ во французских кинофильмах, вышедших в прокат в период с 1940 г. по настоящее время. Материалом исследования послужили малоформатные тексты французского кинодискурса. В результате исследования выявлены этапы репрезентации концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ, определено номинативное поле концепта на каждом из этапов.

Ключевые слова: концепт, кинодискурс, французский язык, малоформатные тексты, синопсис, слоган, заголовок.

V. E. Anisimov
MGIMO University

E. D. Anisimova
RANEPA University

CHANGES IN THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT AMOUR/LOVE IN FRENCH CINEMA OF THE 20TH-21ST CENTURIES

The article analyzes the dynamics of changes in the representation of the concept AMOUR / LOVE in French films released from 1940 to the present. The material for the study was small-format texts of French film discourse. As a result of the study, the stages of representation of the concept AMOUR/LOVE were identified, the nominative field of the concept at each stage was determined.

Keywords: concept, film discourse, French language, small-format texts, synopsis, slogan, title.

Введение

Современные исследования в области изучения концептов затрагивают, в основном, синхронический или сравнительный аспект реализации лингвокультурного концепта и форм его реализации в различных дискурсах и текстах. Однако не менее интересным становится вопрос изучения диахронического аспекта в изучении изменений в репрезентации номинативного поля концептов, как этноспецифических, так и универсальных.

Изучая концепт с точки зрения лингвокультурологии, следует отметить, что ряд универсальных концептов, характерных для множества различных лингвокультур, тем не менее обладают рядом этноспецифических особенностей в их репрезентации в конкретной лингвокультуре, в том числе во французской лингвокультуре [Анисимова 2024, с. 57].

В данном исследовании мы опираемся на определение концепта, данного А. Вежбицкой, рассматривающей данный феномен как «идеальный объект, имеющий семантическое наполнение и отражающий этноспецифическое представление о действительности» [Вежбицкая 1999]. Целью нашего исследования является выявление и описание лингвокультурных особенностей репрезентации концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ во французском кинематографе в период с 1940 по 2024 гг. на материале малоформатных текстов кинодискурса.

Для адекватного сравнительного анализа малоформатных текстов кинодискурса, принадлежащих к различным временным периодам, в текущем исследовании материалами послужили кинозаголовки, синопсисы, слоганы и постеры 528 французских кинофильмов (к/ф).

Источниками эмпирического материала послужили электронные ресурсы, предоставляющие доступ к малоформатным и полноформатным единицам французского кинодискурса, среди которых: библиотеки киноресурсов (афиши, постеры, синопсисы и оцифрованные видеоматериалы) Cinéressources, Bibliothèque Paris online и Cinémathèque, а также специализированные интернет-сайты Allociné и SensCritique.

Результаты и обсуждение

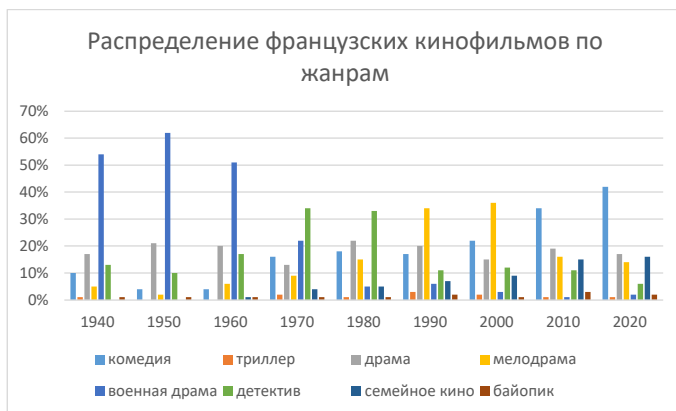
Кинодискурс представляет собой институциональный прагматически-ориентированный тип дискурса, функционирующий во времени и пространстве и выполняющий специфические функции, представляющий собой поликодовое образование, создаваемое коллективным автором и участвующее в конструировании ценностной картины мира социокультурно неоднородного адресата путем взаимодействия с ним при помощи визуальной, звуковой и изобразительной составляющих [Анисимов 2021]. Под малоформатными текстами кинодискурса мы понимаем его функционально-прагматические единицы, предвещающие выход к/ф в прокат и напрямую влияющие на его успех прагматически-ориентированные графические (визуальные) элементы кинотекста, наделенные полной или частичной автономией по отношению к содержанию кинопроизведения и взаимодействующие между собой на лингвистическом и прагматическом уровне, основной функцией которых является привлечение к просмотру к/ф как можно большего числа зрителей [там же].

Кинодискурс представляет собой особое художественное, языковое и событийное пространство, оперирующее прецедентными феноменами определенной лингвокультуры [Сургай, Бопп 2014, Ермолаева, Старцева 2022], и создающими своё собственное прецедентное пространство. В этой связи, восприятие кинотекста может в значительной степени зависеть от способности потенциального зрителя верно трактовать заложенные коллективным автором идеи.

В свою очередь, репрезентация ключевых идей к/ф происходит путем оперирования концептами – как универсальными, так и этноспецифическими. Ряд универсальных концептов также может обладать этноспецифическими чертами репрезентации [Анисимова 2024, с. 70], которые обуславливают номинативное поле рассматриваемых концептов с учетом особенностей лингвокультуры.

Франция является родиной кинематографа и на данный момент французский кинематограф продолжает оставаться одним из наиболее популярных в мире. В рамках современного французского кинопроизводства выпускается порядка 280 новых к/ф в год [CNC Bilan 2022]. Проанализировав французскую кинопродукцию периода 1940-2024 гг., мы составили аналитический график, отражающий распределение к/ф по жанрам в различные временные периоды. Выделение жанров производилось с опорой на терминологию

Национального центра кино и мультипликации Франции (Centre national du cinéma et de l'image animée).

На основе полученных данных отметим, что во французском кинематографе прослеживается четкая зависимость превалирования определенного жанра к/ф в конкретный временной период. Так, в период с 1940 по 1960 основным жанром становятся драмы с ведущей тематикой военной драмы. В период 1960-1980 гг. основным жанром становится драма с элементами детектива, тогда как в 1990-2005 гг. на первый план выходит мелодрама, а в 2005-2024 гг. наибольшую популярность приобретает комедия-мелодрама, сочетающая в себе черты обоих жанров.

Отличительной чертой французских к/ф становится частотное наличие любовной линии [Крюкова 2014], которая является одной из основных в канве повествования. Универсальный концепт AMOUR / ЛЮБОВЬ является одним из ключевых для французском лингвокультуры. Обладая этноспецифическими чертами репрезентации в различных франкоязычных текстах, данный концепт является одним из ключевых для французской лингвокультуры [Япп, Сиретт 2008, Voicu 2007].

В ходе лингвокультурного анализа и анализа номинативного поля концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ нами были выделены 4 основных этапа репрезентации концепта в соответствии с выделенными особенностями номинативного поля рассматриваемого концепта.

Первый этап, затрагивающий собой временной период 1940-1960 гг. и характеризующийся превалированием жанра военной драмы в французском кинематографе, оперирует концептом AMOUR / ЛЮБОВЬ как одним из основных.

В качестве примера, представляющего собой характерные к/ф анализируемого периода, рассмотрим синопсис культового французского к/ф *La Fille du puisatier* (1940).

Синопсис к/ф содержит следующие прецедентные детали:

Au moment de la déclaration de guerre [1], Patricia, jeune fille modeste, voit partir Jacques Mazel son amant [2], pilote dans l'armée [1], qui ignore [2] qu'elle est enceinte [2]. Blâmée [2] par son père, puisatier, et rejetée par les Mazel, commerçants aisés, elle accouche chez une tante. Mais lorsque Jacques est porté disparu [2], les grands-parents se retrouvent autour du berceau et écoutent ensemble le Chef de l'État annoncer la capitulation de la France [1]...

Под цифрой [1] нами указаны прецедентные детали, позволяющие отнести данные к/ф к жанру военной драмы, тогда как под цифрой [2] отмечены элементы, характеризующие черты репрезентации концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ. При этом следует отметить, что

любовная линия является третьей по важности из представленных в кинопроизведении: на первом плане в к/ф располагается сюжетная линия семьи, на втором – сюжетная линия войны.

Характеризуя номинативное поле концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ во французском кинематографе 1940-1960 гг., можно выделить следующие языковые элементы:

Языковое средство репрезентации номинативного поля концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ	Частотность
amour perdu	76
amant / amante	70
fiancé (-e) délaissé (-e)	64
veuve / veuf	64
partager le même sang	63
fruit de l'amour	51
fleur de l'amour	51
femme abandonnée	44
cœur blessé	40
garder la mémoire dans son cœur	14
se promettre des sentiments	13

Таким образом, ядро номинативного поля концепта составляют средства языковой репрезентации, представляющие концепт AMOUR / ЛЮБОВЬ в значении *любовь-потеря*, *любовь-расставание*, *любовь – новое начало* и *любовь-верность*.

Подводя итог, можно дать следующую характеристику особенностям репрезентации: любовь не является концептом первого плана, но выступает системообразующим для сюжета к/ф. Основными компонентами номинативного поля концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ данного периода является *потеря*, *новое начало*, *верность* и *расставание*. Прослеживается также центрированность номинативного поля концепта на трех составляющих любви: *расставании* (потеря любви), *верности* (сохранение любви) и *новом начале* (наследие любви).

Следующим этапом репрезентации концепта становится период 1960-1980 гг., который характеризуется изменением ведущего жанра французского кинематографа с военной драмы на драму-детектив, что связано с изменением социополитической ситуации: война и период послевоенного восстановления подошли к концу, наступил новый этап развития европейских государств, в частности, Французской Республики. Рассмотрим подробнее приведенные положения на примере французского к/ф *À bout de souffle* (1960), синопси которого содержит прецедентные единицы, позволяющие отнести его жанровую составляющую к детективу [1], и особенности репрезентации концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ в рамках рассматриваемого к/ф [2].

Marseille, un mardi matin. Michel Poiccard vole une voiture [1] de l'U. S. Army et prend la route nationale en direction de Paris. Énervé par une 2CV qui n'ose pas dépasser un camion, Michel double en plein virage et se fait prendre en chasse par un motard. Paniqué, il abat le policier d'un coup de revolver [1] et s'enfuit. Le lendemain, en arrivant à Paris, Michel retrouve une jeune étudiante américaine, Patricia, avec laquelle il a une liaison amoureuse libre [2]. Jeune amante [2] veut devenir journaliste et, pour pouvoir financer ses études à la Sorbonne, vend le New York Herald Tribune sur les Champs-Élysées...

Как и в случае с к/ф предыдущего периода, концепт AMOUR / ЛЮБОВЬ является одним из важнейших для формирования завязки сюжета к/ф данного периода, однако в полноформатном кинотексте (к/ф) уходит на второй план. В рамках рассматриваемых нами

сюжетных линий выделяется: криминальная (основная) линия сюжета, любовная линия и семейный сюжет.

Характеризуя номинативное поле концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ во французском кинематографе 1970-1980 гг., можно выделить следующие языковые элементы:

Языковое средство репрезентации номинативного поля концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ	Частотность
adultère	61
amant / amante	57
amoureux / amoureuse	54
écart	44
cocuage	35
crime passionnel	33
amour vache	28
passionné	27
paramour	15
femme perfide	11
amour perdu	10
rattachement des cœurs abandonés	9

Анализируя средства языковой репрезентации, составляющие ядро номинативного поля концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ, можно говорить о его представлении в значении *любовь-потеря, любовь-преступление, любовь – интимные отношения и любовь-измена (неверность)*.

Характеризуя особенности репрезентации концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ в рамках 1970-1980 гг., отметим, что несмотря на его важную роль в формировании французского кинематографа данного периода и то, что он является одним из определяющих в жанрообразующей системе французского кинодискурса, представленные им сюжетные линии являются линиями второго плана, дополняющими основной сюжет произведения, или являются завязками к нему.

Переходя к следующему временному периоду 1990-2010 гг., следует отметить, что мировая тенденция на мелодрамы, зародившаяся в Голливуде, не обошла стороной и французский кинематограф. Большая часть картин данного периода принадлежат к жанру мелодрамы или смешанного жанра мелодрамы-детектива, мелодрамы-комедии и т.д.

В рамках данной статьи мы бы хотели привести в качестве примеров синопсис французского к/ф *Vénus beauté* (1999). Элементы, одновременно представляющие основную сюжетную линию и репрезентации концепта выделены [1], т.к. в случае с жанром мелодрамы данные элементы совпадают.

*Angèle est esthéticienne à Vénus Beauté, un institut de quartier dirigé par Nadine où clientes et clients confient leurs petits et grands malheurs entre deux soins. Quand Angèle a terminé sa journée, elle **drague des hommes** [1] avec lesquels elle tente d'établir un rapport minimal **fait de sexe et de camaraderie** [1]. Elle échoue la plupart du temps. Elle ne **croit pas à l'amour** [1] et elle a ses raisons. Mais un matin, dans une gare, elle croise Antoine, qui va **l'aimer d'un coup** [1] et le lui dire d'un trait.*

Подчеркнем, что в случае с жанром мелодрамы, любовная линия становится основной сюжетной линией, что позволяет максимально подробно проанализировать концепт AMOUR / ЛЮБОВЬ.

Характеризуя номинативное поле концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ во французском кинематографе 1990-2010 гг., можно выделить следующие языковые элементы:

Языковое средство репрезентации номинативного поля концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ	Частотность
amour fou	82
amant / amante	81
tomber amoureux	65
bourreau des cœurs	66
sentiments soudains	61
s'éprendre de qn à en perdre la tête	59
liaison amoureuse	58
passionné	53
arnacœur (arnaqueur + cœur)	47
connaître quelqu'un bibliquement	45
se coiffer (<i>fam.</i>)	39
avoir un coup de foudre	33
jeu amoureux	33
jeu d'amour	21
tombeuse	19

Проводя анализ средств языковой репрезентации, составляющих ядро номинативного поля концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ в рассматриваемый период, можно говорить о его представлении в значении *любовь-игра, любовь как смысл жизни, любовь-победа, любовь-интимные отношения и неожиданная любовь.*

Наконец, заключительным этапом реализации концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ можно назвать современный период 2010-2024 гг. Особенность данного периода для французского кинематографа заключается в превалировании смешанного жанра (романтическая комедия, комедия-детектив, байопик-мелодрама и т.д.), основанного преимущественно на комедийной составляющей.

В качестве примера к/ф данного периода, рассмотрим к/ф *Monsieur & Madame Adelman* (2017):

*Comment Sarah et Victor ont-ils fait pour se supporter pendant plus de 45 ans ? Qui était vraiment cette femme énigmatique vivant dans l'ombre de son mari ? **Amour et ambition** [1,2], **trahisons et secrets** [1] nourrissent cette **odyssée** [1] d'un **couple hors du commun** [2], traversant avec nous petite et grande histoire du dernier siècle.*

Анализируя особенности репрезентации концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ на современном этапе существования французского кинематографа, следует отметить, что в рамках превалирования смешанного жанра, концепт AMOUR / ЛЮБОВЬ является неотъемлемым, но второстепенным компонентом сюжета, становясь основой для сюжетной линии второго плана. Анализируя данные за 2022 г. [CNC Bilan 2022], отметим, что 84% к/ф французского производства в качестве одного из указанных жанров имели отметку Romance, Melodrame (Мелодрама), а 93% – Comédie (Комедия).

Характеризуя номинативное поле концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ во французском кинематографе 2010-2024 гг., можно выделить следующие языковые элементы:

Языковое средство репрезентации номинативного поля концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ	Частотность
amant / amante	79
l'amour est aveugle	78
jeu d'amour	75
sentiment inattendu	74
sport de chambre	64
l'amour de sa vie	64
liaison amoureuse	55
amis-amants	50
plan d'un soir	44
l'amour est dans l'air	40
avion de chasse	40
l'amour apprend aux ânes à danser	32
avoir un coup de foudre	31
amoureux comme un coq	26
avoir un cœur d'artichaut	17
célibataire endurci	10

Рассматривая средства языковой репрезентации, составляющие ядро номинативного поля концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ в современный период, можно говорить о его представлении в значении *любовь-игра, свободная любовь, неожиданная любовь, любовно-интимные отношения и любовь-соперничество*.

Выводы

Анализируя особенности репрезентации концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ в французском кинодискурсе 1940-2024 гг. в диахроническом аспекте, следует отметить, что рассматриваемый концепт является одним из важнейших и неотъемлемых компонентов французского кинодискурса, обладая при этом собственными лингвокультурными особенностями репрезентации. Изменения в репрезентации концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ носят эволюционный характер, т.к. каждый из последующих выделенных этапов частично сохраняет элементы предыдущего.

При этом, номинативное поле концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ подвергается значительным изменениям, связанным в первую очередь с экстралингвистическими факторами развития французского общества в целом и его культурной сферы в частности. В этой связи, логичным будет указывать особенности каждого из выделенных нами временных периодов с соответствующими лингвокультурными комментариями.

Следует отметить, что функционирование концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ во французском кинодискурсе тесно связано с жанрообразованием французского кинодискурса и оказывает значительное влияние на итоговый облик как конкретных к/ф, так и французского кинематографа в целом, формируя его этноспецифические черты.

При этом также подчеркнем, что, несмотря на важную роль концепта AMOUR / ЛЮБОВЬ для жанрообразования французского кинодискурса, данный концепт не является ведущим для формирования жанра к/ф, являясь преимущественно элементом второго или третьего порядков, и представляя вторичную сюжетную линию или завязку сюжета к/ф.

Литература

- Анисимов В. Е. Интертекстуальные параметры малоформатных текстов французского кинодискурса: дис. ... филол. соц. наук: 10.02.05 / Анисимов Владислав Евгеньевич. М., 2021. 311 с.
- Анисимова Е. Д. Специфика малоформатных текстов французской социальной интернет-рекламы: лингвопрагматический анализ: дис. ... филол. соц. наук: 5.9.6 / Анисимова Екатерина Дмитриевна. М., 2024. 178 с.
- Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языка / А. Вежицкая. М., 1999. 293 с.
- Ермолаева Е. Н., Старцева Т. В. Европейский короткометражный к/ф как лингвокультурное поликодовое пространство реализации социально-значимых смыслов // Полилингвальность современной культуры : Сборник статей Международной научной конференции в рамках I Международного научно-образовательного форума «Филологическая наука и образование в Кузбассе», Кемерово, 28–29 сентября 2022 года / Отв. редактор А. Г. Фомин. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. С. 326-333.
- Крюкова О. А. Французский кинематограф в пространстве повседневности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. 2014. с. 83-94.
- Сургай Ю. В., Бопп Ю. В. Лингвокультурные особенности восприятия идейно-тематического содержания кинотекста // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 5(32). С. 187-192.
- Япп Н., Сиретт М. Эти странные французы. М.: Эгмонт, 2008. 72 с.
- Bilan de la production cinématographique 2022 // Centre national du cinéma et de l'image animée. URL: https://www.cnc.fr/professionnels/actualites/bilan-de-la-production-cinematographique-2022_1921966
- Voicu E. A la découverte de l'âme francophone. Paris, 2007. 238 p.

References

- Anisimov V. E. (2021) Intertextual parameters of small-format texts of the French film discourse: PhD thesis: 10.02.05. 311 p. (In Russ)
- Anisimova E. D. (2024) Specificity of Small-Format Texts of French-Language Social Internet Advertising: Linguopragmatic Analysis: PhD thesis: 5.9.6. 178 p. (In Russ)
- Wierzbička A. (1999) Semantic universals and the description of languages. 293 p. (In Russ)
- Ermolaeva, E. N., Startseva T. V. (2022) European short film as a linguocultural polycoded space for the implementation of socially significant meanings. Polylinguality of modern culture: Collection of articles of the International scientific conference within the framework of the I International scientific and educational forum 'Philological science and education in Kuzbass', Kemerovo, 28-29 September 2022. Editor-in-Chief A. G. Fomin. Kemerovo: Kemerovo State University. P. 326-333. (In Russ)
- Kryukova O. A. (2014) French cinema in the space of everyday life. Vestnik of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication. № 2. pp. 83-94. (In Russ)
- Surgai Y. V., Bopp Y. V. (2014) Linguocultural peculiarities of perception of the ideological and thematic content of the film text. Bulletin of Surgut State Pedagogical University. № 5(32). pp. 187-192. (In Russ)
- Yapp N., Syrett M. (2008) These strange Frenchmen. Moscow: Egmont. 72 p. (In Russ)
- Bilan de la production cinématographique 2022 // Centre national du cinéma et de l'image animée. URL: https://www.cnc.fr/professionnels/actualites/bilan-de-la-production-cinematographique-2022_1921966 (In French)
- Voicu E. (2007) A la découverte de l'âme francophone. Paris. 238 p. (In French)

ОБЛАСТЬ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИКОДОВОГО ДИСКУРСА

В статье анализируются ключевые стратегии англоязычного поликодового дискурса в СМИ в области здравоохранения Соединенных штатов Америки. На материале 50 поликодовых текстов, представленных Демократической и Республиканской партиями США в медиа в направлении «Здравоохранение», исследуются и описываются языковые и графические способы реализации стратегий и тактик. Целью статьи является изучение использования стратегий и тактик формирования англоязычного поликодового дискурса Демократической и Республиканской партиями США в области здравоохранения. В работе применяются следующие методы исследования: общенаучные методы анализа и синтеза, метод дискурсивного анализа, корпусный метод анализа ключевых слов, метод количественного анализа, метод контекстуального анализа, интерпретативный метод, описательный метод, приемы сравнительно-сопоставительного анализа. В результате исследования поликодовых текстов Демократической и Республиканской партиями США в медиа в направлении «Здравоохранение» установлено, что поликодовый текст в системе публикаций в области здравоохранения выполняет следующие функции: привлекает внимание адресата; воздействует на эмоции адресата; частично воспроизводит вербальную информацию в виде наглядных, чувственно воспринимаемых образов; выступает в качестве наглядного подтверждения переданной автором информации. Исследование дало возможность сделать выводы о том, что стратегия запугивания является наиболее частотной в публикациях от Республиканской партии США. Стратегия диалога с реципиентом является попыткой Демократической партии привлечь внимание и стимулировать к размышлениям по поднимаемым проблемам в области здоровья. На визуальном уровне также изучены основные графико-иллюстративные приемы: цветовое оформление, способы реализации связи между текстом и изображением.

Ключевые слова: поликодовый медийный дискурс, стратегия, тактика, медиа, поликодовый текст

Yulia I. Bainazarova

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

THE HEALTHCARE FIELD AND KEY STRATEGIES OF ENGLISH-LANGUAGE POLYCODE DISCOURSE

The article analyzes the key strategies of English-language polycode discourse in health care media in the United States of America. 50 polycode texts presented by the Democratic and Republican parties of the United States in the health care media are the material for this study. The linguistic and graphic ways of implementing strategies and tactics are studied. The purpose of the article is to study the use of strategies and tactics of English-language polycode discourse by the Democratic and Republican parties of the USA in health care. The following research methods are used in the work: analysis and synthesis, discourse analysis, corpus method of keyword analysis, quantitative analysis, contextual analysis, interpretive method, descriptive method, comparative analysis. As a result of the study of polycode texts of the Democratic and Republican parties of the United States in health care media it was concluded that polycode text in health care media

performs the following: attracts the addressee's attention; influences the addressee's emotions; partially reproduces verbal information; acts as a visual confirmation of the information. The study shows that the strategy of intimidation is the most frequent in publications from the Republican Party of the USA. The strategy of dialog with the recipient is an attempt by the Democratic Party to attract attention and stimulate reflection on the health care issues. At the visual level, the main graphic-illustrative techniques are also studied: color design, ways of realizing the connection between text and image.

Keywords: polycode media discourse, strategy, tactic, media, polycode text

Введение

В конце XX и начале XXI века, под влиянием различных социальных условий, складываются области коммуникации, отличающиеся особыми лексическими, прагматическими и текстуальными чертами. Современные исследовательские приоритеты обусловлены тем, что сегодня специалист действует в многоязычной и поликодовой среде. Лингвистика сосредотачивается на новых объектах изучения, таких как дискурс, поликодовость.

Рост популярности визуальных методов анализа и возросшая роль изобразительных элементов, обусловленная развитием новых медиальных форматов, визуальных технологий и электронной среды, ведут к появлению новых типов текстов. В текстах, передаваемых через экран, невербальная составляющая становится равноправной с вербальной: из подчиненного элемента она трансформируется в компонент, равный словесному ряду по значимости [Болдырев, 2017, с. 7].

Современный медиа-дискурс начала XXI века отличается стремительным развитием как в техническом аспекте, так и в языковом. Информационное поле современных средств массовой информации собирает, дополняет и обновляет все новости, отражающие различные события в мире, в т.ч. в области здравоохранения.

СМИ, будучи важной частью современной социальной реальности, оказывают значительное влияние на общественное мнение; они занимают центральное место в процессе создания образов политиков в сознании людей. СМИ Соединенных штатов Америки также не являются исключением.

С учетом увеличивающегося влияния текстового формата важным становится изучение невербальных средств воздействия в сочетании с вербальными, то есть анализ поликодовой структуры текста. Поликодовый текст представляет собой вербально-визуальное единство, где смысловое целое возникает благодаря взаимному наложению двух кодов – вербального и визуального. Читатели СМИ воспринимают воздействие вербальных и визуальных кодов одновременно и целостно [Островская, 2016, с. 178].

Поликодовые тексты СМИ, представленные Республиканской и Демократической партиями, имеют высокий лингвопрагматический потенциал и направлены на достижение институциональных целей, таких как приобретение, укрепление и сохранение власти. Потребность политических партий в применении эффективных стратегий и тактик через поликодовые тексты СМИ подчеркивает важность исследования [Артемова, 1999, с. 35-36].

Представленная статья фокусируется на стратегиях и тактиках формирования англоязычного поликодового дискурса Демократической и Республиканской партиями США в области здравоохранения. 50 единиц англоязычного поликодового текста, представленных демократической и республиканской партиями США в медиа в направлении «Здоровье» прошли анализ, послужив практическим материалом для этого исследования.

Методы и материалы

Обзор статей, посвященных рассмотрению медиа с точки зрения англоязычного поликодового дискурса (G. Kress, T. Van Leeuwen, Н. Болдырев, В. Мишланов), подтвердил тот факт, что с ростом влияния текстового формата становится особенно важным изучение взаимодействия вербальных и невербальных средств, то есть анализ поликодовой структуры текста медиа.

Исследование проводилось на основе данных публикаций, включающих 25 поликодовых текстов Республиканской партии США в области «Здравоохранения», опубликованных Fox News, придерживающейся консервативной ориентации и 25 поликодовых текстов Демократической партии США в области «Здравоохранения», опубликованных CNN, придерживающейся демократической ориентации.

Представители медиа, придерживающиеся демократической или консервативной ориентации, выбирают формы для выражения того, что они имеют в виду, в том числе семиотические средства выражения (например, изображения, визуальное структурирование и вербальные элементы) и создают поликодовые тексты на основе выбранных стратегий и тактик, культурно и контекстно соответствующих интересам и проблемам читателя [Scollon, 2001, p. 120].

В работе применяются следующие методы исследования: общенаучные методы анализа и синтеза, метод дискурсивного анализа, корпусный метод анализа ключевых слов, метод количественного анализа, метод контекстуального анализа, интерпретативный метод, описательный метод, приемы сравнительно-сопоставительного анализа.

В данном исследовании используются проверенные методики, адаптированные к новому материалу данного исследования, с целью получения оригинальных результатов.

Результаты

Значительный объем научной литературы посвящен изучению дискурсов и их жанров с точки зрения особенностей поликодового текста: взаимодействия его компонентов, выбора или исключения определенных семиотических кодов, интерпретации авторской интенции. В современных СМИ поликодовые новообразования применяются как инструмент воздействия, одновременно обеспечивающие вербальное и визуальное влияние, усиливая общий эффект. В зависимости от контекста и структуры такие образования выполняют разнообразные функции. Их нестандартная визуальная форма неизменно направлена на привлечение внимания аудитории [Громова, 2020, 358]. Современные принципы коммуникации обеспечивают возможность передать адресату не только саму информацию, но и отношение к ней, даже в условиях удаленного общения, благодаря включению в сообщение дополнительных элементов, таких как аудиальные, визуальные компоненты или их комбинация [Atkin, 2013, p. 12].

Анализ взаимодействия семиотических кодов и обобщенных оценочных значений указывает на семантические оттенки, отражающие идеологические ориентации, политические взгляды, а также новостную повестку дня Демократической и Республиканской партий [Hallahan, 2007, p. 27]. Поскольку основной целью участников политической коммуникации является достижение и удержание власти, одной из ключевых функций англоязычного поликодового дискурса в медиа становится борьба за власть, главным инструментом которой является речевая коммуникация.

Модель стабильной коммуникации охватывает различные методы усиления смысла и коммуникативные стратегии, то есть стратегии создания смысла, которые задействуют как вербальные, так и невербальные каналы общения [Кушнерук, 2007, с. 141]. Каждая коммуникативная стратегия в тексте осуществляется через широкий набор

коммуникативных тактик, при этом отдельные тактики могут быть задействованы в разных стратегиях. Конкретные тактики служат инструментами для выражения авторской позиции [Мишланов, 2009, с. 10]. Для целей нашего исследования достаточно рассматривать стратегию как общую направленность речевого поведения. Под коммуникативной тактикой будем понимать способ реализации выбранной стратегии через конкретные приемы (речевые ходы) [Паршина, 2004, с. 56].

Согласно Н. Н. Кирилловой коммуникативные стратегии в процессе реализации управленческих решений классифицируются на стратегии кооперации и конфронтации [Кириллова, 2012, с. 27]. При рассмотрении специфики инновационных коммуникаций используется классификация М. Хульсманн, который выделяет следующие стратегии: стратегия знаний; стратегия позиционирования; стратегия управления [Hulsmann, 2011, с. 96]. О. Н. Паршина основывает свою классификацию на коммуникативной цели и наборе тактик, которые способствуют ее достижению, формируя определенные типы стратегий: стратегии борьбы за власть, стратегии удержания власти и стратегии убеждения [Паршина, 2004, с. 55].

В ходе анализа 50 публикаций Республиканской партии и Демократической партии США в области «Здравоохранения», опубликованных Fox News и CNN, мы опирались на классификацию стратегий и соответствующих им тактик, предложенную О. Н. Паршиной.

Стратегия запугивания является наиболее частотной в публикациях от Республиканской партии США. Из общего количества публикаций (25) от Республиканской партии США, в 18 (72%) из них была применена стратегия запугивания. Через использование тактик апелляции к статистическим данным (19 публикаций, 76%), демонстрации последствий (12 публикаций, 48%), предостережения (9 публикаций, 36%) происходит формирование негативного образа текущей ситуации в сфере здравоохранения особенно на фоне кризисов и изменений в политике [Kress, 2006, p. 71].

Пример стратегии запугивания в публикации Fox News о вспышке туберкулеза в Калифорнии:

The alarming outbreak at the unnamed hotel infected 14 people, resulting in nine people being hospitalized. Cases increased from 8,320 in 2022 to 9,615 in 2023, an increase of 1,295 cases with numbers going up among all age groups [Fox News, 30.08.2024].

Можно обратить внимание, что запугивание осуществляется через тактику апелляции к статистическим данным, а также демонстрацию последствий предпринимаемых мер действующей политической партии.

Публикации используют статистические данные, например, о количестве вакцинированных людей, о снижении уровня заболеваемости благодаря вакцинации, приводя конкретные проценты и цифры. Многие поликодовые новообразования в медиатекстах используются не только для запугивания читателя, но и для формирования оценочного характера текста:

The expert cited a Gallup research study from 2023, which noted that teens who were on screens more than five hours a day were 60% more likely to express suicidal thoughts or self-harm [Fox News, 11.08.2024].

Использование числовых данных придает заявлению вид объективности и научной обоснованности. Указание на серьезные психические проблемы подростков, связанные с чрезмерным использованием экранов, направлено на формирование образа критической ситуации.

На визуальном уровне также изучены основные графико-иллюстративные приемы: цветовое оформление, способы реализации связи между текстом и изображением. Особое

место в реализации стратегии запугивания принадлежит изображениям (23 публикации, 92%) (рис. 1).

Рис. 1. Визуальный уровень стратегии запугивания¹

Текстовая информация о проблемах длительного использования телефона подкреплена фотографией снимка позвоночника и указанной проблемы красным цветом. Фокус на проблеме со здоровьем, отраженном на медицинском снимке создает дополнительный уровень давления, подталкивая родителей к действиям. Поликодовый компонент способствует расширению интерпретационных возможностей публикации и предоставляют возможность одновременного задействования различных анализаторов [Айзикова, 2024, 93].

Стратегия диалога с реципиентом является попыткой Демократической партии привлечь внимание и стимулировать к размышлениям по поднимаемым проблемам в области здоровья (19 публикаций, 76%). Частотными тактиками являются обращение к реципиенту (16 публикаций, 64%) и постановка вопроса (14 публикаций, 56%).

В примере реализуется стратегия диалога, поскольку осуществляется прямое обращение к реципиенту:

Are you worried about your child's size? Here's why it may not be an issue.

Do you ever find yourself comparing the size of your child with those of their classmates and worrying about their health? [CNN, 14.08.2024]

В представленном отрывке также отражена интеграция элементов языковой периферии (“*find yourself comparing*”). Использование вопросов во втором лице вовлекает читателя, делая сообщение личным.

---

¹ “Posture problems after prolonged phone use” // FOX NEWS, 11.08.2024. <https://www.foxnews.com/health/slashing-screen-time-mental-health-carlos-whittaker-shares-unplugged-journey> (дата обращения: 13.08.2024).

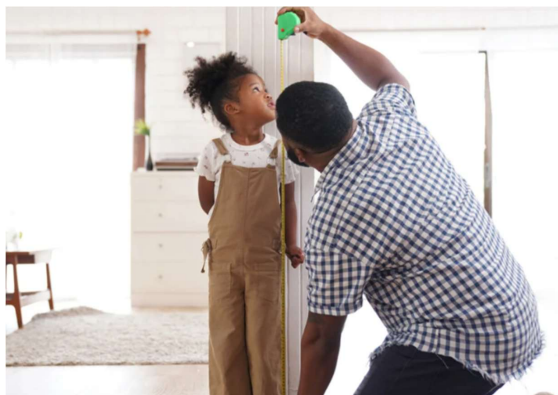

Рис. 2. Визуальный уровень стратегии диалога¹ [CNN, 14.08.2024]

Изображение демонстрирует взаимодействие отца и дочери, что вызывает положительные эмоции у зрителя, отображает повседневную, знакомую многим родителям ситуацию.

Примером стратегии диалога, целью которой выступает установление взаимодействия с ключевыми заинтересованными сторонами, также служит следующая публикация:

Thompson, the LA comedian, said she drank bleach when she was 10 years old, thinking it would lighten her skin. Fortunately, it caused only nausea. If she could speak to her younger self, she would say: "You're beautiful. You're brilliant." [CNN, 13.08.2024]

Автор интервью делится личной частью своего опыта, признанием из детства. Томпсон обращается не только к собственному опыту, но и к возможным переживаниям читателей.

Выводы

Анализ англоязычного поликодового дискурса позволяет сделать следующие выводы. Одним из актуальных проявлений прагматического аспекта современной коммуникации, особенно в медиа, является поликодовый текст, который демонстрирует сложные и динамичные взаимодействия вербальных и невербальных кодов. Поликодовый текст в системе публикаций о здоровье выполняет следующие функции: привлекает внимание адресата; воздействует на эмоции адресата; частично воспроизводит вербальную информацию в виде наглядных, чувственно воспринимаемых образов; выступает в качестве наглядного подтверждения переданной автором информации [Иванов, 2003, 791].

Анализ материалов, представленных Республиканской и Демократической партиями США в области «Здравоохранения», опубликованных Fox News и CNN, дает представление о содержательной и прагматической составляющих современного поликодового текста и медиа.

Стратегия запугивания является наиболее частотной в публикациях от Республиканской партии США. Через использование тактик апелляции к статистическим данным, демонстрации последствий, сравнения, употребления пугающих слов происходит

¹ "Size doesn't tell the whole story of a child's health, said Jill Castle, a pediatric dietitian in Massachusetts" // CNN, 13.08.2024. <https://edition.cnn.com/2024/08/13/health/kids-size-health-wellness/index.html> (дата обращения: 14.08.2024).

формирование негативного образа текущей ситуации в сфере здравоохранения особенно на фоне кризисов и изменений в политике.

Стратегия диалога с реципиентом является попыткой Демократической партии привлечь внимание и стимулировать к размышлениям по поднимаемым проблемам в области здоровья. Частотными тактиками являются обращение к реципиенту, постановка вопроса.

Авторы публикаций используют вышеназванные стратегии для привлечения внимания к общественным явлениям, формирования и/или изменение общественного мнения.

На визуальном уровне также изучены основные графико-иллюстративные приемы: цветовое оформление, способы реализации связи между текстом и изображением. Особое место в реализации стратегии запугивания принадлежит поликодовым текстам: графики, фотографии с мест событий. Визуальный элемент текст во взаимосвязи с текстовым элементом, уточненным речевым контекстом, играет необходимую роль в передаче информации, направляя восприятие реципиента и помогая ему ориентироваться в вербальном сообщении. Однако, отсутствие комментариев в тексте к изображениям в проанализированных публикациях может привести к неоднозначным выводам и усложнить понимание авторского замысла.

Литература

- Айзикова И. А., Горенинцева В. Н. Поликодовые тексты в вузовском учебном чтении: методология исследования востребованности и эффективности использования // Текст. Книга. Книгоиздание : Сб. науч. тр., 2024. С. 92-109.
- Анисимова Е. Е. Креолизованные тексты XXI века? (на материале креолизованных текстов). Воронеж : ЦЧКИ, 2003. 148 с.
- Артемова Е. Специфика реализации текстовых категорий в политическом креолизованном тексте // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : Сб. науч. тр., 1999. С. 34-39.
- Бажалкина Н. К проблеме различных подходов к пониманию дискурса в современном языкознании. Вестник Кемеровского государственного университета : Сб. науч. тр., 2016. С. 156-159.
- Болдырев Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики: Сб. научн. тр., М., 2017. С. 5-14.
- Большакова Л. Метафора в англоязычном поликодовом тексте (на материале британских и американских видеоклипов): Автореф. канд. дис. Самара, 2008. 23 с.
- Громова Н. С. Поликодовые тексты в сети интернет: специфика бытования и особенности экспертизы // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VI Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 27-28 апреля 2020 г.): в 2 т. Т. 1 / авт.сост.: [и др.]; под общ. ред. В. В. Акбердина [и др.]. Издательство Уральского университета: Екатеринбург, 2020. С. 357-360.
- Иванов Л. Язык в электронных средствах коммуникации. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / авт.сост.: [и др.] ; под общ. ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 791-793.
- Карасик В. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград, 2005. С. 5-20.
- Кириллова Н. Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник НГТУ им. П. Е. Алексеева: Сб. науч. тр., 2012. С. 26-33.
- Кушнерук С. Расширение коммуникативного пространства: специфика текстов электронных СМИ в сравнении с печатными. Политическая лингвистика: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2007. С. 140-143.

- Мишланов В. Коммуникативные стратегии и тактики в современном политическом дискурсе (на материале политической рекламы предвыборных кампаний 2003, 2007, 2008 гг.) // Вестник Пермского университета: Сб. науч. тр., 2009. С. 5-13.
- Atkin C. K., Rice R. E. Advances in public communication campaigns // The international encyclopedia of media studies. Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2013. P. 1070-1073.
- CNN: Breaking News, Latest News and Videos. URL: <https://edition.cnn.com/> (accessed: 30.08.2024).
- Fox News – Breaking News Updates. URL: <https://www.foxnews.com/> (accessed: 30.08.2024).
- Hallahan K., Holthausen D., Van Ruler B., Vercic D. & Sriramesh K. Defining strategic communication // International Journal of Strategic Communication, 2007. P. 3-35.
- Hulsmann M., Pfeffermann N. The Linkage Between Strategy and Communication for Innovation // Strategies and Communications for Innovations. Berlin, Germany : Springer, 2011. P. 185-192.
- Kress G., Van Leeuwen T. The semiotic landscape: language and visual communication // In Reading Images: The Grammar of Visual Design, 2006. P. 561-564.
- Scollon R. Mediated discourse: The nexus of practice // Journal of Pragmatics. New York : Routledge, 2001. P. 799-802.
- Островская Т. А. Основные направления исследования дискурса в современной лингвистике // Вестник АГУ : Сб. науч. тр. Майкоп: Изд-во АГУ, 2016. С. 177-182.
- Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : монография ; под ред. О. Б. Сиротининой. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. техн. ун-та, 2004. 195 с.
- Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: Автореф. дис. д-ра фил. наук. М., 2006. 21 с.

References

- Ajzikova I. A., Goreninceva V. N. Polikodovye teksty v vuzovskom uchebnom chtenii: metodologiya issledovaniya vostrebovanosti i effektivnosti ispol'zovaniya // Tekst. Kniga. Knigoizdanie : Sb. nauchn. tr., 2024. S. 92-109.
- Anisimova E. E. Kreolizovannyye teksty XXI veka? (na materiale kreolizovannykh tekstov). Voronezh : CCHKI, 2003. 148 s.
- Artemova E. Specifika realizatsii tekstovykh kategoriy v politicheskom kreolizovannom tekste // Yazykovaya lichnost': problemy lingvo-kul'turologii i funkcional'noy semantiki : Sb. nauch. tr., 1999. S. 34-39.
- Atkin C. K., Rice R. E. Advances in public communication campaigns // The international encyclopedia of media studies. Oxford, UK : Blackwell Publishing, 2013. P. 1070-1073.
- Bazhalkina N. K probleme razlichnykh podhodov k ponimaniyu diskursa v sovremennom yazykoznanii. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta : Sb. nauch. tr., 2016. S. 156-159.
- Boldyrev N. Problemy verbal'noy kommunikatsii v kognitivnom kontekste // Voprosy kognitivnoy lingvistiki : Sb. nauchn. tr., M., 2017. S. 5-14.
- Bol'shakova JI. Metafora v angloyazychnom polikodovom tekste (na materiale britanskih i amerikanskih videoklipov) : Avtoref. kand. dis. Samara, 2008. 23 s.
- CNN: Breaking News, Latest News and Videos. Available at : <https://edition.cnn.com/> (accessed: 30.08.2024).
- Fox News – Breaking News Updates. Available at : <https://www.foxnews.com/> (accessed: 30.08.2024).
- Gromova N. S. Polikodovye teksty v seti internet: specifika bytovaniya i osobennosti ekspertizy // Strategii razvitiya social'nykh obshchestv, institutov i territoriy: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ekaterinburg, 27-28 aprelya 2020 g.): v 2 t. T. 1 / avt.sost.: [i dr.] ; pod obshch. red. V. V. Akberdina [i dr.]. Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta: Ekaterinburg, 2020. S. 357-360.

- Hallahan K., Holthausen D., Van Ruler B., Vercic D. & Sriramesh K. Defining strategic communication // *International Journal of Strategic Communication*, 2007. P. 3-35.
- Hulsmann M., Pfeffermann N. The Linkage Between Strategy and Communication for Innovation // *Strategies and Communications for Innovations*. Berlin, Germany : Springer, 2011. P. 185-192.
- Ivanov L. YAzyk v elektronnyh sredstvah kommunikacii. Kul'tura russkoj rechi: Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik / avt.sost.: [i dr.] ; pod obshch. red. L. YU. Ivanova [i dr.]. M.: Flinta, Nauka, 2003. S. 791-793.
- Karasik V. O tipah diskursa // *Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* : Sb. nauch. tr. Volgograd, 2005. S. 5-20.
- Kirillova N. N. Kommunikativnye strategii i taktiki s pozicii nraustvennyh kategorij // *Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva* : Sb. nauch. tr., 2012. S. 26-33.
- Kress G., Van Leeuwen T. The semiotic landscape: language and visual communication // *In Reading Images: The Grammar of Visual Design*, 2006. P. 561-564.
- Kushneruk S. Rasshirenie kommunikativnogo prostranstva: specifika tekstov elektronnyh SMI v sravnenii s pechatnymi. Politicheskaya lingvistika : Sb. nauch. tr. Ekaterinburg, 2007. C. 140-143.
- Mishlanov V. Kommunikativnye strategii i taktiki v sovremennom politicheskom diskurse (na materiale politicheskoy reklamy predvybornyh kampanij 2003, 2007, 2008 gg.) // *Vestnik Permskogo universiteta* : Sb. nauch. tr., 2009. S. 5-13.
- Ostrovskaya T. A. Osnovnye napravleniya issledovaniya diskursa v sovremennoj lingvistike // *Vestnik AGU* : Sb. nauch. tr. Majkop: Izd-vo AGU, 2016. S. 177-182.
- Parshina O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoj politicheskoy elity Rossii : monografiya ; pod red. O. B. Sirotininoj. Astrahan' : Izd-vo Astrahan. gos. tekhn. un-ta, 2004. 195 s.
- Scollon R. Mediated discourse: The nexus of practice // *Journal of Pragmatics*. New York : Routledge, 2001. P. 799-802.
- Sonin A. G. Modelirovanie mekhanizmov ponimaniya polikodovyh tekstov: Avtoref. dis. d-ra fil. nauk. M., 2006. 21 s.

Бакина А. Д.

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

**БИНАРНЫЕ КОНЦЕПТЫ ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ / LIFE-DEATH И ИХ
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СРЕДСТВАМИ БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

Исследование бинарных концептов ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ / LIFE-DEATH и их актуализация средствами русской и английской фразеологии библейского происхождения позволит не только расширить наше понимание о многообразии культурных и библейских концептов, но и поможет углубить наши знания о мироздании, человеческой природе и месте человека в мире. Данное исследование актуально в свете лингвокультурной глобализации и растущего интереса к библейской фразеологии, порожденной текстами и сюжетами Священного Писания как всемирного историко-культурного, литературного и лингвокультурного памятника. Автор обсуждает различные интерпретации понятия «концепт», проводит анализ культурных и библейских бинарных концептов ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ / LIFE-DEATH, выявляет библейские фразеологические единицы, вербализующие исследуемые концепты.

Ключевые слова: концепт, бинарный концепт, библейская фразеология, вербализация концепта, актуализация концепта, репрезентация концепта, ЖИЗНЬ / LIFE, СМЕРТЬ / DEATH.

Anna D. Bakina

Oryol State University named after I. S. Turgenev

**BINARY CONCEPTS ZHIZN'-SMERT' / LIFE-DEATH AND THEIR
VERBALIZATION BY MEANS OF BIBLICAL PHRASEOLOGY**

The study of the binary concepts ZHIZN'-SMERT' / LIFE-DEATH and their actualization by means of English and Russian phraseology of biblical origin will not only expand our understanding of the diversity of cultural and biblical concepts, but also help us to deepen our knowledge of the universe, human nature and the place of man in the world. This study is relevant in the light of linguocultural globalization and the ongrowing interest in biblical phraseology generated by the texts and plots of the Holy Scripture as a world historical-cultural, literary and linguocultural monument. The author discusses various interpretations of the term 'concept', analyzes the cultural and biblical binary concepts ZHIZN'-SMERT' / LIFE-DEATH, and identifies biblical phraseological units that verbalize the concepts under study.

Keywords: concept, binary concept, biblical phraseology, concept verbalization, concept actualization, concept representation, ZHIZN'/LIFE, SMERT'/DEATH.

Введение

Актуальность исследования бинарных концептов ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ / LIFE-DEATH, проникающих в глубины человеческого существования, затрагивающих его философские, культурные, и психологические аспекты, несомненна. В современном мире, где разнообразные культурные контексты переплетаются и взаимодействуют, понимание этих бинарных концептов через языковую призму становится более важным, чем когда-либо.

Кроме того, актуальным является исследование содержания концептов ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ / LIFE-DEATH и средств, их вербализующих, в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Язык, будучи неотъемлемой частью культуры и мышления, является ключевым инструментом для выражения, интерпретации и передачи наших представлений о жизни и смерти. Фразеология, как составная часть языка, вносит свой вклад в формирование смысла и значимости данных концептов через воспроизводимые устойчивые обороты, метафорические выражения и идиомы. Особенности библейской фразеологии являются ее этическая ценность и экспрессивность [Fedulenkova, 2001]. Библейские концепты входят в состав духовного кода культуры, а библейская фразеология представляет собой своего рода указатель культурных концептов.

Объектом исследования являются культурные и библейские бинарные концепты ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ / LIFE-DEATH, а также вербализующие их библейские фразеологические единицы. Под библейским фразеологизмом мы будем понимать в относительной степени устойчивую, регулярно воспроизводимую языковую единицу, этимологически восходящую к Библии, которая структурно может быть представлена в виде сочетания двух и более слов или предложения, обладает цельностью номинации при раздельнооформленности составляющих ее элементов и целостностью значения. Связь с порождающим библейские фразеологизмы источником по-разному манифестируется в различных типах фразеологизмов: 1) заимствованных напрямую из библейского текста; 2) созданных на основе библейского сюжета, но не встречающихся в библейском тексте в том устоявшемся виде, в котором фразеологическая единица используется в речи.

Материалом исследования послужили данные толковых словарей русского и английского языков, многоязычные словари библейских фразеологизмов (Лепта библейской мудрости, Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии), а также библейские тексты на английском (King James Bible) и русском языках (Библия: Синодальный перевод).

Определение и характеристики концепта

Концепт отражает культурные нормы и ценности, играет ключевую роль в когнитивных процессах и передаче культурного опыта. Он динамичен и изменяется со временем, обеспечивая взаимопонимание и коммуникацию между носителями языка.

Вслед за Ю. С. Степановым мы интерпретируем понятие *концепт* в контексте когнитивных и культурных аспектов. Лингвист рассматривает концепт как базовую единицу ментального пространства, которая структурирует знание и опыт человека. Он подчеркивает, что концепт – это не просто лингвистическая единица, но и культурный феномен, который объединяет в себе знания, образы и ценности, характерные для определенной культуры. Концепты помогают понять, как язык отражает и формирует ментальные структуры и как через язык передается культурный опыт и знание [Степанов, 2004, с. 42-67].

Структура концепта многослойна и содержит объективные знания и информацию о предмете или явлении; включает визуальные, слуховые, тактильные и другие образы, связанные с концептом; содержит оценочные компоненты, которые выражают отношение носителей языка к концепту. Концепты способны отражать культурные и исторические особенности общества. Они содержат культурно значимую информацию и помогают передавать культурные ценности и нормы [Телия, 1996]. Концептам свойственно изменяться и развиваться вместе с культурой и языком, они подвержены влиянию социальных изменений и исторического контекста [Слышкин, 2004]. Концепты играют важную роль в процессах мышления и познания. Они организуют и структурируют знания, помогают людям понимать и интерпретировать мир [Карасик, 2001].

Бинарные/парные/контрарные концепты представляют собой бинарные концептуальные оппозиции, т.е. содержат в себе противопоставление, антиномию. Противопоставление выражается наличием двух взаимосвязанных ядер в концепте. Отношение взаимосвязи есть противопоставление. Именно противопоставление составляет основополагающий смысл фразеологических единиц, актуализирующих бинарные концепты, поэтому часто вербализующие их фразеологизмы невозможно разделить на два класса, которые репрезентируют только одно (то или иное) из двух ядер.

Анализ культурных концептов ЖИЗНЬ- СМЕРТЬ / LIFE-DEATH

Проанализируем две стороны концептов ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ / LIFE-DEATH по отдельности на основе ряда словарей.

Согласно русскоязычным словарям (Толковый словарь современного русского языка В. В. Лопатина, Иллюстрированный толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой) в семантическом поле лексемы ЖИЗНЬ можно обнаружить такие значения, как:

- 1) происходящие в организмах явления, форма существования материи: *жизнь Вселенной*;
- 2) физиологическое существование человека, животного, всего живого; состояние особи, существование отдельной личности: *дать кому-либо жизнь* (родить); *вопрос жизни и смерти* (крайне важный вопрос);
- 3) время существования человека или животного от его возникновения до конца, а также в какой-то конкретный период: *короткая / долгая жизнь*; *под конец жизни*;
- 4) деятельность общества и человека в тех или иных проявлениях: *общественная / семейная жизнь*;
- 5) реальная действительность: *такова жизнь*;
- 6) оживление, проявление энергии: *улицы полны жизни*.

При анализе англоязычных словарей Longman Dictionary of Contemporary English Online (LDCE), Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD), Macmillan Dictionary (MD), Collins Online Dictionary (COD), Cambridge Dictionary Online (CDO) можно обнаружить следующие значения лексемы LIFE:

- 1) the period between somebody's birth and their death, or the experience or state of being alive: *natural life*; *to go through life*;
- 2) the ability to breathe, grow, reproduce that people, animals and plants have before they die and that objects, substances, and things do not possess: *plant / animal / insect life*;
- 3) a way of living or a particular part of someone's life: *comfortable life*;
- 4) the things that people do and experience during their lives: *to see life*;
- 5) the period of time when something (e. g. a machine or organization) exists or functions: *the useful life of a car*;
- 6) the quality of having a lot of energy, interest, or excitement: *to be full of life*;

Подводя итоги данной части анализа, отметим, что и в русской, и в английской лингвокультурах концепты ЖИЗНЬ и LIFE ассоциируются с *периодом существования* какого-либо живого организма (или же, в отдельных случаях, предмета или явления), а также с *человеческой деятельностью, активностью*.

Анализируя русскоязычные словари, можно выделить такие значения лексемы СМЕРТЬ, как:

- 1) прекращение жизнедеятельности организма: *биологическая смерть; быть при смерти;*
- 2) (*перен.*) конец, прекращение какой-либо деятельности: *политическая смерть;*
- 3) в высшей степени, очень много: *народу смерть сколько!;*
- 4) (до смерти) очень, крайне: *устать до смерти.*

Согласно вышеупомянутым англоязычным словарям, лексема DEATH определяется следующими значениями:

- 1) the permanent end or destruction of something: *sudden death; death of memory;*
- 2) the stopping of biochemical processes of life in a cell or tissue, in a way that cannot be reversed: *the death of the tissues;*
- 3) a particular way of dying: *natural / violent death; to bleed /starve/ burn to death;*
- 4) the fact of somebody dying or being killed: *to escape death;*
- 5) the time when something ends or the fact that it ends;
- 6) (*literary*) the power that destroys life, imagined as human in form.

Итак, в обеих лингвокультурах концепты СМЕРТЬ и DEATH связаны с *прекращением жизни, существования* кого- или чего-либо, *разрушением* чего-либо. Также стоит отметить, что в обеих культурах существуют антропоморфные образы смерти как некоего физического существа: скелета, старухи с косой и так далее. Тем не менее анализ содержания концептов СМЕРТЬ и DEATH доказывает отсутствие полного тождества между ними.

Анализ библейских концептов ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ / LIFE-DEATH

Частотными репрезентантами концептов ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ / LIFE-DEATH являются лексические единицы *жизнь (жизни, жизнью и т.д.), смерть (умер, смертный, смерти), life (live, living, lived, alive), death (die, dying, dead)*. Квантитативный анализ доказывает высокую частотность представленных выше лексем: в русскоязычном библейском тексте (Ветхом и Новом Заветах, Синодальный перевод) лексема *жизнь* встречается 245 раз (*жизни* – 280 раз), а лексема *смерть* – 119 раз (*смерти* – 310 раз,). В англоязычной Библии короля Якова (King James Bible) лексемы *life* и *death* встречаются 409 и 342 раза, соответственно. Наряду с этими англоязычными лексемами встречаются также: *live* – 231 раз, *living* – 139 раз, *died* – 189 раз, *dead* – 331 раз.

По Библии, *жизнь* исходит от Бога. Он создал человеческую *жизнь*, он управляет человеческой *жизнью*, о чем свидетельствуют следующие слова: «*И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою*» / “*And the Lord God formed man of the dust of the ground, and breathed into his nostrils the breath of life; and man became a living being*” (Быт. 2:7 / Genesis 2, 7). Людям следует ценить земную жизнь, данную Богом, но при этом помнить, что в большей мере необходимо заботиться о жизни вечной: «*Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную*» / “*He who loves his life will lose it, and he who hates his life in this world will keep it for eternal life*” (Ин. 12:25 / John 12, 25); «... дар Божий — *жизнь вечная* во Христе Иисусе, Господе нашем» / “... the gift of God is *eternal life* in Christ Jesus our Lord” (Рим. 6:23 / Romans 6, 23).

Смысл человеческой жизни заключается не в мимолетных наслаждениях, а в служении Господу: «... *страдающий плотью перестает грешить, чтобы остальное во*

плоти время *жить* уже не по человеческим похотям, но по воле Божией» / “... he who has suffered in the flesh has ceased from sin, that he no longer should *live* the rest of his time in the flesh for the lusts of men, but for the will of God” (1Петра 4:1-2 / 1 Peter 4, 1-2).

Согласно библейским текстам, *смерть* — коварный враг, «последний враг» (*the last enemy*) человека (1Кор. 15:26 / 1 Corinthians 15, 26); она неотвратима и страшна, заключить «союз со смертью» (*covenant with death*) невозможно (Ис. 28:18 / Isaiah 28, 18).

Смерть может выступать как наказание за нарушение Божьих заповедей. Так, Адаму и Еве было запрещено вкушать плоды древа познания добра и зла: «от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, *смертью умрешь*» / “... of the tree of the knowledge of good and evil you shall not eat, for in the day that you eat of it you shall surely *die*” (Быт. 2:17 / Genesis 2, 17). Когда этот запрет был нарушен, «грех вошел в мир, и грехом — *смерть*, так и *смерть* перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили» / “... just as through one man sin entered the world, and *death* through sin, and thus *death* spread to all men, because all sinned” (Рим. 5:12 / Romans 5, 12).

Однако, как бы то ни было, смерть подчиняется Богу. Через нее Он может проявить Свой гнев (Исх. 15:12 / Exodus 15, 12), а может избавить от преждевременной смерти тех, к кому относится милостиво (Пс.17:5–20 / Psalms 17, 5-20).

Жертвенная смерть Иисуса Христа на кресте положила начало избавлению от смерти. Его воскресение обеспечивает будущее воскресение Его народа. Верующий в Христа *имеет жизнь вечную*, и на суд не приходит, но перешел от *смерти в жизнь*» / “... has *everlasting life*, and shall not come into judgment, but has passed from *death into life*” (Ин. 5:24 / John 5, 24). Таким образом, победа Иисуса над смертью стала благом для Божьего народа: «... они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет» / “... they shall be priests of God and of Christ, and shall reign with Him a thousand years” (Откр. 20:6 / Revelation 20, 6).

На основе данного анализа выделим следующие концептуальные признаки исследуемых бинарных концептов.

ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ:

- 1) земная жизнь, бытие;
- 2) жизнь как дар, ценность;
- 3) брэнность человеческого бытия, существования;
- 4) смысл человеческой жизни;
- 5) конец жизни, утрата, боль;
- 6) вечная жизнь после окончания земного пути, райская жизнь, адские муки.

LIFE-DEATH:

- 1) living, earthly life;
- 2) life as the precious gift of God;
- 3) life as constant fight; the agony of life;
- 4) afterlife, resurrection, eternal life, life in heaven \ suffering in hell;
- 5) the end of life, imminent death.

Вербализация концептов ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ / LIFE-DEATH библейскими фразеологическими единицами

Выше мы уже говорили о том, что именно фразеологизмы как устойчивые и воспроизводимые единицы, обладающие семантической монолитностью и структурной замкнутостью, в силу своей метафоричности, образности и эмотивности способны актуализировать культурные концепты. В данном исследовании нами было выделено более 40 английских и 40 русских библейских фразеологизмов. Представим некоторые из фразеологических репрезентантов исследуемых бинарных концептов:

Табл. 1.

Английские библейские фразеологизмы, вербализующие бинарный концепт LIFE-DEATH	Русские библейские фразеологизмы, вербализующие бинарный концепт ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ
a living soul [Genesis 2, 7] (this) vale of tears [Psalms 84, 7]	живая душа [Быт. 2:9] юдолю плача (земная жизнь с ее трудностями, рутинными заботами, проблемами) [Пс. 83:7]
all flesh [Luke 3, 6] All flesh is grass [Isaiah 40, 6]	все живое [Лк. 3:6] Всякая плоть – трава (выражение о бренности жизни) [Ис. 40:6]
to give (lay down) one's life [John 15, 13]	отдать свою жизнь, пожертвовать жизнью ради чего-либо [Ин. 15:13]
the tree of life [Genesis 2, 9] safe and sound [Luke 15, 27] beyond (within) the veil [Hebrews 6, 19]	древо жизни [Быт. 2:9] жив-здоров [Лк. 15:27] на том свете [Евр. 6:19]
The silver cord is loosed [Ecclesiastes 12, 6] dead and buried (dead and gone) [Acts 2, 29]	В знач. «приближение смерти», нет фразеологического эквивалента умер и погребен, о том, кого нет в живых [Деяния 2:29]
of the earth, earthy [1 Corinthians 15, 47]	из земли, перстный (в знач. смертный, тленный) [1 Кор. 15:47], нет фразеологического эквивалента
the great (the last) enemy [1 Corinthians 15, 26] to be gathered to one's fathers [Judges 2, 10]	в знач. «смерть», нет фразеологического эквивалента отправиться к праотцам, умереть, скончаться [Судьи 2:10]
to give up the ghost [Genesis 25, 8; 25, 17 / Job 14, 10 / Luke 23, 46] Let the dead bury their dead [Matthew VIII, 22]	испустить дух, умереть [Быт. 25:8, 25:17; Иов 14:10; Лк. 23:46] Пусть мертвые хоронят мертвых [Мф. 8:22]
to go beyond the veil / go hence / go out of this world / go the way of nature / go to a better world / go to glory / go to heaven / go to one's last (long) home) / to be gathered to one's fathers etc. [Ecclesiastes 12, 5] the king of terrors [Job 18, 14] a dead letter [Romans 7, 6]	отправиться на «тот» свет, отдать Богу душу [Еккл. 12:5] царь ужасов (в знач. смерть) [Иов 18:14] мертвая буква; что-либо, утратившее свое значение [Рим. 7:6]
smb's days (hours) are numbered [Psalms 90, 12] The pitcher is broken at the fountain	его (ее и т. д.) дни (или часы) сочтены [Пс. 89:12] жизнь кончена [Еккл. 12:6]

[Ecclesiastes 12, 6]	
to rise from the dead (grave) [John 2, 22; Luke 16, 31]	восстать из мертвых, воскреснуть [Ин. 2:22; Лк. 16:31]
the valley of the shadow (of death); the valley of the shadows [Psalms 23, 4]	долина смертной тени, гибель, смерть; граница между жизнью и смертью [Пс. 22:4]
a dead dog [1 Samuel 24, 14]	(в знач. никчемный человек) нет фразеологического эквивалента [1 Самуил 24:14]
to go the way of all flesh (of all the earth) [Joshua 23, 14 / 1 Kings 2, 2]	отправиться в путь всего земного, умереть [Иисус Навин 23:14; 1 Цар. 2:2]
A living dog is better than a dead lion [Ecclesiastes 9, 4]	Живая собака лучше мертвого льва [Экл. 9:4]
dust and ashes [Genesis 18, 27]	прах и тлен [Быт. 18:27]
to breathe life into smb [Genesis 2, 7]	вдохнуть жизнь в кого-либо [Быт. 2:7]
to live on / off the fat of the land [Exodus 3, 8]	жить в раю (жить в роскоши и изобилии) [Исх. 3:8]
to cumber the ground [Luke 13, 7]	топтать землю (вести бесполезное существование) Лк. 13:7]
Man shall not live by bread alone [Matthew 4, 4]	Не хлебом единым жив человек [Мф. 4:4]

Как видно из Таблицы 1, фразеологизмы-репрезентанты исследуемых концептов многочисленны и разнообразны, как по своей структуре (двух-, трех- и многокомпонентные единицы; словосочетания и предложения), так и по семантике (от фразеологических сочетаний до сращений) и способу образования. Представленные фразеологические единицы актуализируют бинарные концепты LIFE-DEATH / ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ, семантически отражая выявленные концептуальные признаки. Отметим, что фразеологизм может не содержать в своем составе лексемы *life*, *death*, *жизнь*, *смерть*, или однокоренные ключевые слова, как, например, в случаях *c to cumber the ground*, *dust and ashes*, *the king of terrors*, тем не менее такие фразеологические единицы являются репрезентантами данного бинарного концепта, поскольку сама семантика фразеологизма обуславливает актуализацию выявленных концептуальных признаков.

Заключение

Подведем итоги. В исследовании было рассмотрено понятие «концепт», представлены основные подходы к его пониманию, охарактеризованы культурный и библейский концепты, проведено сравнительно-сопоставительное изучение бинарных концептов ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ / LIFE-DEATH, выявлены фразеологические средства вербализации исследуемых концептов.

Культурный концепт в нашем исследовании предстает как многомерная когнитивная единица, которая структурирует и организует знания, ассоциации, эмоции и культурные значения, связанные с определенным понятием. Культурный концепт является базовой единицей культуры. Библейские концепты, наделенные теми же характеристиками, что и культурные концепты, имеют ярко выраженное символическое значение и способны образовывать множество ассоциативных метафорических связей, что, в свою очередь, обуславливает их актуализацию именно фразеологическими единицами библейского происхождения. Библейские концепты можно условно разделить на концепты с более узким значением, в большей мере характерные именно для Священного Писания, и общекультурные концепты, приобретающие определенную специфику значения в библейском контексте.

Бинарные концепты ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ / LIFE-DEATH вербализуются библейскими фразеологизмами русского и английского языка, соответственно. Нами было выделено более 40 фразеологизмов библейского происхождения на каждом из двух языков, которые в образной форме отражают семантические признаки исследуемых концептов. В большинстве своем библейские фразеологизмы универсальны, т.е. эквивалентны во всех европейских языках. Некоторые (совсем небольшая часть) английские библейские фразеологизмы, актуализирующие бинарный концепт LIFE-DEATH, не имеют фразеологических эквивалентов, репрезентирующих концепт ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ в русском языке, что может быть связано с семантическими и лингвокультурными расхождениями, а также с несовпадениями в их выделении из библейского текста и частотности их употребления в двух исследуемых языках.

Литература

- Адамия З. К. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. Т. 1 : А–О / авт.сост.: [и др.] ; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019а. 288 с.
- Адамия З. К. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. Т. 2 : П–Я / авт.сост.: [и др.] ; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019б. 308 с.
- Даль В. И. Иллюстрированный толковый словарь живого великорусского языка. Под редакцией В. П. Бутромеева. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 448 с.
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. научн. тр. / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 75-80.
- Лопатин В. В. Толковый словарь современного русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. М.: Эксмо, 2009. 928 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. - 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 стр.
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2004. 9 с.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп.: Академический Проект, 2004. 92 с.
- Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
- Федуленкова Т. Н. Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии / Т. Н. Федуленкова, Е. В. Мартюшова, М. Боннемарк; Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова», Северодв. фил. Архангельск: Поморский университет, 2008. 167 с.
- Fedulenkova T. N. Discourse value of biblical proverbial idioms in English // Textual Secrets: The Message of the Medium: Book of Abstracts of 21st PALA Conference / British Council. Budapest, 2001.

Электронные ресурсы

- Библия онлайн. URL: <https://bible.by/> (дата обращения: 30.11.2024).
- Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 03.10.2024).
- Collins Online Dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 03.10.2024).

King James Bible URL: <https://kingjamesbible.me/> (дата обращения 30.11.2024).
Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 03.10.2024).
Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 03.10.2024).
Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 03.10.2024).

References

- Adamiya Z. K. Lepta biblejskoj mudrosti : rusko-slavyanskij slovar' biblejskih krylatyh vyrazhenij i aforizmov s sootvetstviyami v germanskih, romanskih, armyanskom i gruzinskom yazykah : v 2 t. T. 1 : A–O / avt.sost.: [i dr.] ; pod obshch. red. E. E. Ivanova [i dr.]. Mogilev : MGU imeni A. A. Kuleshova, 2019a. 288 s.
- Adamiya Z. K. Lepta biblejskoj mudrosti : rusko-slavyanskij slovar' biblejskih krylatyh vyrazhenij i aforizmov s sootvetstviyami v germanskih, romanskih, armyanskom i gruzinskom yazykah : v 2 t. T. 2 : P–Ya / avt.sost.: [i dr.] ; pod obshch. red. E. E. Ivanova [i dr.]. Mogilev : MGU imeni A. A. Kuleshova, 2019b. 308 s.
- Dal' V. I. Illyustrirovannyj tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Pod redakciej V. P. Butromeeva. M.: OLMA Media Grupp, 2015. 448 s.
- Fedulenkova T. N. Discourse value of biblical proverbial idioms in English // Textual Secrets: The Message of the Medium: Book of Abstracts of 21st PALA Conference / British Council. Budapest, 2001.
- Fedulenkova, T. N. Anglo-nemecko-shvedskij slovar' biblejskoj frazeologii / T. N. Fedulenkova, E. V. Martyushova, M. Bonnemark ; Feder. agentstvo po obrazovaniyu, Gos. obrazovat. uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya «Pomor. gos. un-t im. M. V. Lomonosova», Severodv. fil. Arhangel'sk: Pomorskij universitet, 2008. 167 p.
- Karasik V. I., Slyshkin G. G. Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovaniya // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki: Sb. nauchn. tr. / Pod red. I. A. Sternina. Voronezh, 2001. S. 75-80.
- Lopatin V. V. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka / V. V. Lopatin, L. E. Lopatina. M.: Eksmo, 2009. 928 p.
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. - 4-e izd., dopolnennoe. M.: Azbukovnik, 1999. 944 p.
- Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.19 / Volgogr. gos. ped. un-t. Volgograd, 2004. 9 p.
- Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury: Izd. 3-e, ispr. i dop.: Akademicheskij Proekt, 2004. 92 p.
- Teliya V. N. Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. 288 p.

Electronic resources

Bible online. URL: <https://bible.by/> (accessed: 30.11.2024).
Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 03.10.2024).
Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 03.10.2024).
King James Bible. URL: <https://kingjamesbible.me/> (accessed: 30.11.2024).
Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed: 03.10.2024).
Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed: 03.10.2024).
Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: 03.10.2024).

Балабан А. И.

Балтийский государственный технический университет
«ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова Российская Федерация

Кондратьева Е. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОИСКИ РОДИТЕЛЬСКОЙ ФИГУРЫ: НОВЫЙ ОБЛИК СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ (ВАЛЕРИ РУЗО, СЕЛИН ЗЕНС, СЕРАФИН АЛЬБЕ)

Опыт литературы XX века, впитавшей исторические потрясения и смену парадигм сознания, казалось, максимально удалён от человеческого измерения. Трансформация языкового знака в актуальной лингвистической поэзии замыкает текст в герметичном мире чисто вербального выражения. Удивительно, что на этом фоне и в русле тех же процессов возникает вспышками отдельных литературных фактов проявление человеческого начала. Это особенно верно относительно коммуникативной функции поэзии, которая проявляется в затруднённых формах выражения речи, обращённой к отсутствующему собеседнику. В настоящем исследовании осуществляется попытка проследить развитие данного феномена в творчестве современных французских поэтесс: от 80-х годов минувшего века до 20-х годов нынешнего. Творчество Валери Рузо, Селин Зенс и Серафин Альбе объединено сходным переживанием утраты родительской фигуры и стремлением обрести связь с ней посредством поэтического слова, открывая подлинно человеческую интонацию в практике современного письма.

Ключевые слова: языковая поэзия, коммуникативная функция литературы, переживание утраты, семантическая поэзия, синтаксис, Валери Рузо, Селин Зенс, Серафин Альбе

Alina I. Balaban

Baltic State Technical University “Voenmeh” named after D. F. Ustinov

Ekaterina A. Kondrateva

St. Petersburg University

LOOKING FOR A PARENT: NEW VISION OF CONTEMPORARY FRENCH POETRY (VALÉRIE ROUZEAU, CÉLINE ZINS, SÉRAPHINE ALBÉ)

The experience of the twentieth-century literature, absorbed in historical upheavals and new paradigms of consciousness, seemed as far removed from the human dimension as possible. The transformation of the linguistic sign in current language poetry locks the text in the hermetic world of purely verbal expression. Surprisingly, through this background and in line with the same processes, a manifestation of the human element emerges in flashes of individual literary facts. That refers especially to the communicative function of poetry, which manifests itself in the hampered forms of speech addressed to an absent interlocutor. The present study attempts to trace the development of this phenomenon in the work of contemporary French poetesses: from the 80s of the twentieth century to the 20s of the twenty-first century. The work of Valérie Rouzeau, Céline Zins and Séraphine Albé is united by a similar experience of the loss of the parental figure and the

desire to find a connection with it through the poetic word, revealing a truly human intonation in the practice of contemporary writing.

Keywords: language poetry, communicative function of literature, the experience of loss, semantic poetry, syntax, Valérie Rouzeau, Céline Zins, Séraphine Albé

Исторические потрясения XX века, повлекшие за собой изменение человеческого сознания и мышления, преобразили и сферу человеческого творчества, в том числе и область литературы. Поэзия как концентрат мысли не могла не запечатлеть трансформаций – глубинным образом, самой своей основой – на протяжении всего XX века, особенно во второй его половине. Естественным здесь был поворот к разрыву языка с его денотативной основой и появление в США так называемой «языковой» поэзии, замкнутой на собственной, внутренней реальности слова. Такая поэзия, вопреки возможным ожиданиям, не тонет в хаосе словесного потока – напротив, она продумана и выстроена, но лишь на оси непосредственно языковой реальности, и фокусируется на новой задаче – формирования взаимоотношений с читателем, интерпретацию которого автор подготавливает словами, расположенными в определенном порядке. Эта интерпретация становится непростым занятием, поскольку в голосе поэта нет прямых отсылок к той реальности, которая породила текст. От самовыражения поэт переходит к конструированию языковой структуры. Как замечает американский поэт и критик Х. Лазер, «Поэзия перестает быть основой для творения и выражения «аутентичного» голоса и личности... Языковая поэзия возникает из состояния «взорванного «Я», размывает границы жанров... и стремится к активным взаимоотношениям читателя и автора» [Lazer, 2004]. О смещении фокуса во взаимоотношениях автора и читателя говорит один из основателей движения С. МакКаффри – в ракурсе кризиса знака как благодатного процесса возвращения читателя к самому себе: «Сегодня есть группа писателей, единых в ощущении, что литературу постигает кризис знака и что наша прямая, непосредственная задача... лишить язык туманного заблуждения относительно его денотативной природы» [McCaffery, 1977]. Уход языкового знака от соотнесённости с внеязыковой реальностью помогает читателю обрести себя внутри вербального проявления текста. Этот процесс лишения текста его отсылки к материальному миру напоминает разрушительный процесс ядерной реакции, в котором слово становится одновременно своим собственным субъектом, объектом и инструментом постижения. Результат процесса – высвобождение большого количества энергии.

Парадоксально, и всё же именно в таком тексте есть шанс обрести выход к новой реальности, преобразённой в ходе трансформации языкового знака. Эта реальность – скрытая, искомая, завуалированная – имеет мало общего с традиционной отсылкой к предметному миру и достижима лишь в определённом ракурсе, в определённой ситуации. Обращение к отсутствующей фигуре собеседника, в которой сконденсировался целый мир, устанавливает новые отношения между поэтом, его адресатом и читателем. Языковая поэзия становится человеческой, подлинной, зримой.

Сборники стихотворений, представленные в настоящем исследовании, выражают эту тенденцию обращения к отсутствующей фигуре, с которой авторов (лирических героев текста) соединяет близкое родство. Отсутствие адресата ставит его в положение абсолютного слушателя, как писал И. А. Бродский в эссе о стихотворении М. И. Цветаевой «Новогоднее» [Бродский, 1995, с. 81]. Перед нами абсолютный же монолог, стремящийся стать диалогом. Отсутствующий адресат текста – недостижимый (не всегда умерший) близкий. В поэзии Валери Рузо и Селин Зенс — это образы ушедших отцов, в лирике Серафин Альбе – образ биологической матери, которой она не знала. Текст восстанавливает связь лирического «Я» с родительской фигурой и оказывается единственным способом её восстановления, а также воплощением самой этой фигуры.

Стоит попытаться проследить ту разницу, которую учёные видят в обращении к фигурам отца и матери в литературном творчестве. Немецкий исследователь Э. Фромм

рассказывает следующее о природе материнской любви: «Материнская любовь безусловна... её не нужно добиваться, её не нужно заслуживать» [Фромм, 2023, с. 71]. Однако биография поэтессы Серафин Альбе, удочерённой в раннем детстве родителями-французами, связана с поисками образа биологической матери и, следовательно, поисками собственной идентичности. Кореянка по происхождению, лишённая связи с культурой предков, Альбе росла во французском обществе, французский язык является для неё родным, при этом автор с детства ощущает свою «инаковость». Учёные считают, что матери отводится роль «культурного посредника», поскольку она передает ребенку знания о родном языке и культуре [Моркина, 2023, с. 2967]. В отсутствующей материнской фигуре Альбе ищет свои корни и своё «Я».

Представление о роли родительской фигуры основывается на учении З. Фрейда о структуре семьи. Широко известно, что именно он впервые указал на желание ребёнка избавиться от отца как от соперника за внимание матери, который должен ограничить «наслаждение матери собственным ребенком». Современные исследователи отмечают, что «смысл данного ограничения для ребёнка скрывается в необходимости существовать самостоятельно без родителей во взрослом возрасте, то есть именно отец отвечает за способность ребенка сепарироваться и быть самостоятельным» [Моркина, 2023, с. 2967].

Принято считать, что именно отец отвечает за способность взаимодействовать с внешним миром, уметь достигать поставленные цели, переживать успех, гордиться своими победами, а также не пасовать перед неудачами, верить в собственные силы и т. д. [Зотова, Летучева, 2019, с. 74]. Однако некоторые современные исследователи отмечают, что в силу того, что неагрессивных отцов становится всё больше – на первый план выходит фигура «кроткого», «отсутствующего» отца, а функции отца и матери сближаются [Зойя, 2014, с. 8]. Если принять данное утверждение, то и тоску Валери Рузо и Селин Зенс по отцам, и внутренние поиски матери в поэзии Серафин Альбе можно рассматривать через одну призму: родительский образ – ключ к идентичности самих авторов.

Сборник 1999 года «*Pas revoir*» французской поэтессы Валери Рузо, посвящённый умершему отцу, крайне показателен в данной перспективе. В ситуации утраты автор обретает индивидуальный почерк. Смерть отца стала невольным катализатором поэтической энергии, направленной на установление вербального контакта иного порядка. В первом же стихотворении сборника средствами этой обновлённой речи автор объясняет, что произошло: она не успела попрощаться с умирающим отцом. Текст запечатлевает попытку добраться до него, обречённую на неудачу, и само мгновение его ухода. Большой формат дневниковой книги-исповеди, в которой переживание утраты представлено как путешествие души в поисках утраченной фигуры, а средства языка служат нематериальным способом установления почти физического контакта с другой душой, стал целительным опытом для поэта и его гипотетического читателя. Первое стихотворение сборника задаёт и тон, и тему, и задачу, и сам контекст вечного пути к навсегда утраченному, привлекая ранее не задействованные глубинные ресурсы языка. В настоящей статье стихотворение, как и другие, ранее не публиковавшиеся поэтические произведения, представлено в переводе одного из авторов – Е. А. Кондратьевой.

Toi mourant man au téléphone pernoctera pas voir papa.

Le train foncé sous la pluie dure pas mourir mon père oh steu plaît tends-moi me dépêche d'arriver.

Pas mouranrir désespérer père infinir lever courir – [Rouzeau, 2010, p. 13]

Ты умираешь там по телефону ма ну отчего и не дожить и верно до утра ты

И поезд тянет под дождем дождись пожалуйста хоть капельку торопится не терпится к тебе

Хотя бы миг добыть доплыть продлись пожалуйста не умирайныше времени отчалить

Час от часу и вот уже Вьерзон и град снаружи

И я еще не знаю насколько я проехала и нет тебя сейчас

Не смерть скончаться ночь еще не скоро и дай мне дотянуть до коридора
Не уми рай вдали вокзал о радость всем скорбящим до краешка постели
До поцелуя в лоб и мы всем миром в тесной комнатке и не забыть

В стихотворении, каждая строка которого представляет абсолютное развитие мысли, воплощая сам путь лирического «Я» к неизбежному концу и расставанию, присутствует большое количество языковых приёмов, рассыпанных по всей ткани текста. Это лексические приёмы (авторские неологизмы – инфинитивы, соединяющие идею смерти с представлением о протяженности во времени; фонетические сокращения, призванные сократить пространство и также деформирующие слова; присутствие внутри различных по смыслу слов одного «теневого» корня со значением «отец» – “*pernocter*”, “*désespérer*”) и приёмы синтаксические. Именно в этом сборнике был впервые реализован приём так называемого «чайнворда», впоследствии закрепившийся в поэзии Рузо: каждая лексема цепляется за соседний элемент и с каждым образует новые связи. Таким образом, весь текст становится поливалентным. В настоящем стихотворении в такие связи вступают и слова, изначально нагруженные авторскими трансформациями; в результате смысловая нагрузка каждого элемента существенно возрастает. Каждый элемент выполняет свою отдельную задачу по сокращению пространства и продлению времени, и всё вместе сходится в единой сверхзадаче: слово становится заклинанием, мольбой о возможности в последний раз встретиться с отцом.

Французская поэтесса Селин Зенс, в творчестве которой лаконичность японской поэзии и глубина восточной философии сопряжены с каббалистической загадочностью текста, в конце 1980-х годов пишет сборник стихотворений «Адамах», посвященный памяти отца, пропавшего без вести в годы Второй мировой войны, возможно, погибшего в концентрационном лагере. Её книга – и приношение отцу, и попытка разыскать его тело в нематериальном пространстве текста, удостоить его земных похорон, исполняя задачу, подобную миссии Антигоны. Стихотворения сборника тесно спаяны, переходя одно в другое, и весь корпус текстов можно назвать единой поэмой. Однако стихотворения смонтированы не только по принципу логической связи, но и по принципу несовпадения, чужеродности, отсутствия смысловой корреляции. Между текстами и внутри них самих образуются зияния, пробелы между фрагментами и отдельными словами, лакуны смысла. Это физическое отсутствие – намёк на физическое отсутствие адресата. Имеет место ещё один парадокс: адресат не владеет грамотой, что подчеркивается неоднократно в текстах стихотворений. Таким образом, призыв, обращённый к нему, из сферы письменной речи переходит в некую надмирную сферу высшего понимания, восстановления целого из разрозненных деталей, намёков, семантических сближений. Это понимание парадоксальной сентенции коана.

Стихотворения, составляющие сборник, разнообразны по форме. Все они за некоторым исключением написаны верлибром и имеют разные графические очертания. Текст представляет собой одновременно скрытую и открытую конструкцию с незаметными переходами и «кратовыми норами» семантических связей – и обаянную, выведенную в вербальный и графический план структуру. Основным приёмом воздействия на читателя является двойственный характер соположения текстовых элементов: с одной стороны, совпадение задач на разных уровнях реализации текста, а с другой стороны, сбой связности синтаксической структуры, стыки разнородных смыслов соседствующих элементов. Эта работа на нескольких уровнях языка даёт читателю возможность проникнуть в самую сердцевину замысла текста – процесса поиска, услышать невозможный диалог лирической героини с её отцом.

В первой категории можно отметить такие особенности, как совпадение графической формы и смысла фразы:

En marge du corps, la parole mène son labour   На окраине тела, на самых полях, пашут

Les mots – incorrigibles –
démènent l'œuvre de mort
Coupure tragique [Zins, 1988, p. 26]

слова
Их исправить нельзя
Выводят гибельный плод
Горький разрыв

Во второй категории - семантический сбой внутри непрерывной линии строки – парадокс коана:

Où, je reviens d'où je ne suis pas allée [Zins, 1988, p. 13] Да, оттуда, где не было раньше меня

D'où ne suis-je pas? [Zins, 1988, p. 27]

Откуда же меня нет?

Pour pénétrer en l'heure d'exil

И так и проникнуть в час бегства

dans la parole de celui qui n'a plus de mots [Zins, 1988, p. 30] в голос того, у кого уже нет больше слов

Стык разнородных фрагментов и их семантическое сближение на соседних страницах одного разворота:

Фрагмент 1:

La mer s'est retirée

Море ушло далеко

Laissant un sable d'où s'écoule

только течет из песка

Un azur primordial [Zins, 1988, p. 12]

первородная синь лазурь

Фрагмент 2:

Ils dirent

Говорили

D'où viens-tu

Откуда ты

Et je dis

А я

Où, je reviens d'où je ne suis pas allée [Zins, 1988, p. 13] Да, оттуда, где не было раньше меня

В последнем примере безличная, неодушевленная картина природы соединяется с отрывком, соотносимым с авторским «Я», а также с «Я» адресата. Иллюстрируя представление о потере связи с прошлым, эти фрагменты, сближаясь, дают возможность обрести утраченное бессознательным образом.

Поэтесса Марион Симонен (псевдоним Серафин Альбе) посвятила свой сборник “Derrière la lumière” (возможный перевод – «За светом») внутреннему поиску фигуры своей биологической матери. Эта книга – путешествие в глубины собственной души в стремлении обрести отпечаток родного, но незнакомого образа. В трёхчастный сборник входят различные по объёму и по типу текста стихотворения. Разнородный поиск по всем возможным направлениям страницы, осуществляемый словами собственного «Я», не может быть удовлетворён в реальности, но внутреннее зеркало готово отразить представление о чём-то настолько же чужом, насколько близком. Возможно, поиск матери оказывается поиском совершенного Другого и доселе неведомого себя, подобного негативу фотографии.

Программное стихотворение сборника под названием «Негатив», расположенное в третьей части книги, вбирает в себя противоречивые элементы, демонстрируя свою двуединую природу одновременно классического и экспериментального произведения. В нём присутствуют черты регулярного стиха, но они подвергаются постоянным сбоям. Обязательное соблюдение рифмы сочетается с прихотливым рисунком рифм (AABBB CBVC DEED BBBB), в котором представлены как парные, так и опоясывающие рифмы, и даже монорифма. Разделение стихотворения на строфы обнаруживает неравнозначное количество строк в строфах и в стихотворении в целом. Ритмическое единство текста запечатлевает

неровный ритм отдельных строк. С формальной точки зрения стихотворение одновременно равно и неравно себе, подтверждая фактическую информацию текста: лирическая героиня видит себя иной на собственном старом снимке. Описывая свой портрет, она невольно представляет себе гипотетическую фигуру биологической матери, которую мечтает встретить наяву. И всё же в какой-то мере эти поиски и предположения не напрасны, поскольку приводят героиню к лучшему пониманию самой себя. Смутный физический контур стихотворения даёт возможность читателю уловить всю сложность поставленной перед автором задачи, осознать её с высокой степенью близости к позиции лирического героя.

Négatif

Sur une photographie amoureuse
Éblouie de flèches lumineuses
Tes contours excavés.
Je demande qui est cette fée.
Le prophète souffle : l'inespérée.

À l'aube de ton âge
Qui nous a vues arrachées
De nos bras enlacés
Tu m'apparais en image.

Je ne me reconnais pas
C'est toi en cette place évidente
Ce port d'altesse naissante
Les yeux abaissés sur le chas.

À toi l'heureuse estompée
Ineffable beauté
De toi-même ignorée
Je dédie mon visage excarné [Albé, 2019, р. 74].

Негатив

На фото – чей-то лик влюбленный
В сиянье вспышек воспаленных –
И, как со дна, твои черты.
Кто этот ангел красоты,
Воскресший враз из темноты?

Твоей весной, в прозрачной дымке,
В тот миг, когда распались вдруг
Объятия наших слабых рук,
Тебя увижу, как на снимке.

Я здесь себя не узнаю!
Здесь ты – на этом самом месте,
Где гордость и неловкость вместе
Сливаются в одну струю.

Тебе, чей образ чуть возник
И растворился в тот же миг, –
Неведомый себе тайник, –
Вверяю свой бесплотный лик.

Итак, современная поэзия возвращается к человеческому началу. Классическая функция поэзии – установление коммуникации – возрождается здесь и обретает новое звучание сквозь слово, обретающее силу физического прикосновения.

Литература

- Бродский И. А. Сочинения. Т. 4. Сост. Г. Ф. Комаров. – СПб: Издательство «Пушкинский фонд», 1995. 336 с.
- Зоя Л. Отец: исторический, психологический и культурный анализ. М.: Класс, 2014. 352 с.
- Зотова Ю. П., Летучева М. В. Всё дело в папе. Работа с фигурой отца в психологическом консультировании. М.: Класс, 2019. 344 с.
- Моркина М. А. ОБРАЗ ОТЦА В ТВОРЧЕСТВЕ ЮНАСА ХАССЕНА КЕМИРИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики, Т. 16, № 9, 2023. С. 2964-2971.
- Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ, 2023. 256 с.
- Albé S. Derrière la lumière. Poésie. Éditions Lire et Méditer. Collection L'Osmose, 2019. 92 p.
- Lazer H. The People's Poetry // Boston Review 04/05 2004. <https://www.bostonreview.net/articles/hank-lazer-peoples-poetry/> (дата обращения: 28.11.2024)

- McCaffery S. The Politics of the Referent // Symposium. Open Letter 3.2 (1977)
<https://eclipsearchive.org/projects/LANGUAGESupp1/LanguageSuppl.pdf> (дата
 обращения: 28.11.2024)
- Rouzeau V. Pas Revoir. Suivi de Neige Rien. Paris : La Table Ronde, 2010.
- Zins C. Adamah. Paris: Gallimard, 1988.

References

- Albé, S. Derrière la lumière. Poésie. – Éditions Lire et Méditer. Collection L'Osmose, 2019. 92 p.
- Brodskij I. A. Sochineniya. T. 4. Sost. G. F. Komarov. SPb: «Pushkinskij fond», 1995.
- Fromm, E. Iskustvo lyubit. – M.: AST, 2023.
- Lazer H. The People's Poetry // Boston Review 04/05 2004.
<https://www.bostonreview.net/articles/hank-lazer-peoples-poetry/> (accessed: 28.11.2024)
- McCaffery S. The Politics of the Referent // Symposium. Open Letter 3.2 (1977)
<https://eclipsearchive.org/projects/LANGUAGESupp1/LanguageSuppl.pdf> (accessed:
 28.11.2024)
- Morkina, M. A. OBRAZ OTCA V TVORCHESTVE YUNASA KHASSENA KEMIRI // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, T. 16, № 9, 2023.
- Rouzeau V. Pas Revoir. Suivi de Neige Rien. Paris : La Table Ronde, 2010.
- Zins C. Adamah. Paris: Gallimard, 1988.
- Zoya L. Otec: istoricheskiy, psikhologicheskiy i kulturnyy analiz. M.: Klass, 2014.
- Zotova U. P., Letucheva, M. V. Vse delo v pape. Rabota s figuroy otca v psikhologicheskom konsultirovanii. M.: Klass, 2019.

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕРМЕНЕВТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В статье рассматриваются когнитивные стратегии интерпретации текстов с точки зрения герменевтики и лингвокультурологии. Когнитивные стратегии определяются как совокупность интеллектуальных операций, направленных на анализ явных и скрытых смыслов текста, включающих семантические и лингвокультурные аспекты. Применение только лишь когнитивных стратегий является недостаточным для полного анализа смысла текста, поэтому предлагается применить модель анализа, предложенную Т. ван Дейком и подчеркивающую важность многослойного подхода к пониманию. Интегральное применение семантизированных, лингвокультурных и когнитивных стратегий интерпретации для раскрытия сложных смыслов текстов и их культурной значимости может быть рассмотрено на примере исторических текстов (The Routledge History of Happiness). В качестве примера рассматривается интерпретация фразы из Декларации независимости США «the pursuit of happiness», которая восходит к философии Джона Локка и эпохе Просвещения. Анализ семантики ее ключевых понятий (pursuit, happiness) позволяет раскрыть их многозначность, связанную как с общественными, так и индивидуальными измерениями счастья. Лингвокультурные стратегии помогают выявить культурно-исторический контекст, включая вопросы прогресса, морали и социального устройства. Применение когнитивных стратегий позволяет реконструировать философские идеи XVIII–XIX веков, включая противоречия между цивилизованными и примитивными обществами и роль счастья в общественном и личном измерении.

Ключевые слова: когнитивные стратегии, семантизированные стратегии, лингвокультурные стратегии интерпретации, исторический текст.

Julia A. Belova

St. Petersburg University

COGNITIVE INTERPRETATION STRATEGIES THROUGH HERMENEUTICAL AND LINGVO-CULTURAL APPROACHES

The article explores cognitive strategies for text interpretation, which are defined as a set of intellectual operations aimed at analyzing both explicit and implicit meanings of texts, encompassing semantic, linguocultural, and contextual aspects. The analytical model proposed by T. A. van Dijk is employed, highlighting the importance of a multilayered understanding.

Particular attention is paid to interpreting the phrase “the pursuit of happiness” from the U. S. Declaration of Independence, which originates in John Locke’s philosophy and the Enlightenment era. Semantic analysis of key terms (“happiness,” “pursuit”) reveals their multifaceted nature, reflecting both public and individual dimensions of happiness. Linguocultural strategies shed light on the cultural and historical context, addressing issues such as progress, morality, and social structure. The application of cognitive strategies enables the reconstruction of philosophical ideas from the 18th and 19th centuries, including the contradictions between civilized and primitive societies and the role of happiness in public and private spheres. The article

underscores the significance of integrating semantic, linguocultural, and cognitive approaches to uncover the complex meanings of texts and their cultural relevance.

Keywords: cognitive strategies, interpretation, historical text, context.

В современной научной литературе концепция когнитивных стратегий интерпретации текстов, в том числе художественных и исторических, формируется на основе представлений об уровнях понимания. Так, отечественные исследователи, например С. К. Фоломкина, трактуют процесс понимания как многоуровневый, включающий восприятие графических комплексов, извлечение информации и её последующее осмысление [Фоломкина 1987]. Подобные точки зрения характерны также для трудов зарубежных учёных, где понимание описывается как сложный процесс обработки текстовой информации на различных уровнях анализа. В настоящей статье нами предпринята попытка осмысления когнитивных стратегий через такой вид интерпретации, как герменевтическая, при этом лингвокультурная составляющая интерпретации смысла также не остается в стороне.

Когнитивные стратегии интерпретации представляют собой сложный комплекс интеллектуальных операций, направленных на анализ и осмысление текста, выявление его явных и скрытых смыслов, а также создание новых значений. Эти стратегии, формирующиеся на пересечении психологии, лингвистики, философии и когнитивной науки, обеспечивают понимание информации с учетом языковых и экстралингвистических факторов, таких как контекст, культурные коды и индивидуальный опыт интерпретатора.

Наиболее значимым для подобного междисциплинарного анализа представляется подход, разработанный Т. А. ван Дейком и В. Кинчем, в рамках которого предполагается рассматривать понимание как многоступенчатую когнитивную операцию, сопряжённую с необходимостью ограничения вариативности интерпретации не только на грамматическом или лексико-семантическом уровнях, но и на уровне когнитивных процессов [Дейк 1989]. Согласно этой точке зрения, понимание заключается в построении когнитивного представления текста на основе языковой базы, которая активизирует в сознании реципиента определённые фрагменты знаний, соотносимые со смысловым полем сообщения. Целью данной статьи является показать, что когнитивные стратегии интерпретации смысла текста являются одной из трех видов стратегий, применяемых в расшифровке смысла и только их интегральное применение способствует полному пониманию текста.

Ключевым термином в выше озвученном подходе выступает интерпретация, которая трактуется достаточно широко и используется в различных научных контекстах. З. Шмидт выделяет три основных подхода: 1) интерпретацию как термин повседневной речи, который обозначает субъективные способы анализа высказываний и фактов, особенно в случае проблематичных текстов; 2) интерпретацию как характеристику художественной презентации, сравнимую с понятием «музыкальной интерпретации»; 3) интерпретацию как понятие, применяемое в лингвистике и логике, где символу приписывается определённая область индивидов, принимаемая формальной системой в качестве интерпретации для данного символа [Schmidt 1983]. Ч. Филлмор, в свою очередь, определяет интерпретацию как способ представления свойств внешнего мира, которая создает тем самым уникальный «взгляд на мир» [Fillmore 1984]. В более общем смысле интерпретация выступает инструментом научного познания, представляя собой средство осмысления реальности. Человек, интерпретируя, стремится не только понять текст или высказывание самостоятельно, но и передать это понимание другим.

Вследствие такого множества определений понятия, в истории науки сформировались различные типы интерпретаций. В точных науках распространены естественнонаучная и логико-математическая интерпретации, которые акцентируют внимание на соотношении теории и эмпирической реальности. Они требуют строгости в определении понятий,

построении отношений между ними и формулировании доказательных процедур. В гуманитарных науках интерпретация демонстрирует более разнообразные формы, что обусловлено спецификой объекта анализа и методологии. Можно выделить три этапа в развитии этого понятия, каждый из которых отражает свои особенности гуманитарной интерпретации.

Герменевтическая интерпретация представляет собой реконструкцию текста читателем с целью восстановления его авторского смысла. Этот подход, разработанный в XIX веке Ф. Шлейермахером и В. Дильтеем, основывается на двух уровнях анализа. Шлейермахер определял герменевтику как «искусство и учение о понимании» и выделял лингвистический анализ структуры текста и психологическое исследование эмоциональных состояний автора [Шлейермахер 2004]. В концепции В. Дильтея процесс интерпретации включает соотнесение текста с личностью автора и историческим контекстом, а также последующую интеграцию его смысла в личный опыт интерпретатора. Такой подход получил название классической интерпретации [Дильтей 2001].

Структурно-семиотическая интерпретация рассматривает текст как автономную объективную реальность, независимую от личности автора и исторического контекста, придавая минимальное значение внешним факторам. Этот подход, характерный для модернистской парадигмы середины XX века, представлен в работах Г. Башляра и П. Рикёра. Деконструктивистская интерпретация, сформулированная Р. Бартом в 1960-х годах в рамках постмодернизма, утверждает множественность возможных смыслов текста, подчеркивая их зависимость от восприятия читателя. Современные авторы (Щербакова О. В., Обольская В. А.) высказывают мысль о том, что понимание имеет градуальную природу и зависит от сложенной работы когнитивных и эмоциональных механизмов реципиента [Щербакова, Обольская 2024: 31]. К концу XX века появился методологический подход интерпретативизма (интерпретивизма) [Демьянков 2022:119], или «interpretive turn», который подразумевает, что значения слов формируются через процесс интерпретации, а не заключены в их языковой форме. Е. С. Кубрякова [Кубрякова 2000] и М. Шапиро связывают понимание языка с аналитической интерпретацией семантических и грамматических структур. Поль Рикёр дополняет эти идеи и описывает интерпретацию как процесс расшифровки скрытых смыслов и раскрытия многослойности текста [Рикер 1995].

Данные идеи позволяют рассматривать герменевтический процесс, ориентированный на выявление смыслов текста, как сложную многослойную процедуру, включающую семантические, культурные и когнитивные аспекты интерпретации. В этой связи представляется возможным выделить три ключевые группы стратегий, применяемых при анализе исторических текстов: семантизированные, лингвокультурные и когнитивные. Эти стратегии позволяют понять как прямое значение текста, так и его более глубинные структуры, связанные с культурным и концептуальным контекстом. Нами были проанализирован небольшой фрагмент текста исторической тематики из *The Routledge History of Happiness* [Routledge 2024].

Семантизированные стратегии направлены на исследование языковой семантики, выявление как прямых, так и косвенных значений слов и выражений. Они акцентируют внимание на лексической и грамматической организации текста, что особенно важно при работе с историческими текстами, где языковые конструкции и термины часто имеют устаревшие или изменившиеся значения. В англо-английском словаре [Cambridge] зафиксированы следующие значения каждого из данных слов: pursuit (n) – 1) an activity that you spend time doing, usually when you are not working; 2) the act of following someone or something to try to catch him, her, or it 3) the act of trying to achieve a plan, activity, or situation, usually over a long period of time. Happiness (n) – 1) the feeling of being happy; 2) the feeling of being pleased or happy. Анализ синтаксической структуры предложений, этимологии терминов и различие буквальных и метафорических значений позволяют уточнить смысл текста. Фраза «the pursuit of happiness», впервые встречающаяся у Джона Локка, требует

анализа каждого элемента: слово «pursuit» указывает на активный процесс, а «happiness» интерпретируется в контексте интеллектуальных установок эпохи Просвещения, включая такие аспекты, как удовольствие, радость и спокойствие.

Лингвокультурные стратегии фокусируются на концептуальной семантике текста, рассматривая его как отражение культурных ценностей, менталитета и исторического контекста. Такие стратегии включают анализ культурных маркеров текста, прецедентных феноменов, учет временного разрыва между эпохой создания произведения и современной интерпретацией, а также адаптацию культурно специфических понятий для современной аудитории. Например, термин «public happiness», характерный для философии эпохи Просвещения, выражает веру в науку и разум как пути к достижению общего блага (“It became permissible to seek happiness, not only in the future life affirmed by traditional Christianity but also (or instead) in earthly life. Happiness was variously conceived. “Public happiness” could be ensured by benevolent governments. Individual happiness was harder to attain or even to define”) [Routledge 2024: 298]. Однако критика идеи прогресса, отраженная в противопоставлении цивилизованных и примитивных обществ, демонстрирует амбивалентность этой эпохи (“...moral duty and human dignity might be more important than happiness.”) [Routledge 2024: 312]. Лингвокультурный анализ позволяет выявить такие нюансы и передать их современному читателю.

Когнитивные стратегии основываются на активации знаний, связывающих текст с более широкими контекстуальными рамками. Согласно Т. ван Дейку, когнитивные стратегии делятся на контекстуальные, которые используют фоновое знание о мире для интерпретации, и текстовые, анализирующие внутренние связи и структуры текста. Рассмотрение концепции «the pursuit of happiness» в контексте философии Локка иллюстрирует применение таких стратегий. Контекстуальный анализ включает изучение эпистемологии Локка, его идеи разума и опыта как основы человеческой жизни. Текстовые стратегии позволяют выявить концептуальные подсказки, такие как вопросы о природе счастья, что уточняет философский контекст эпохи. На этапе выделения контекстуальной информации мы выявляем, что фраза из Декларации независимости «the pursuit of happiness» восходит к тексту Джона Локка «Essay concerning Human Understanding» (1689), и это указывает на её философские корни, сформированные в эпоху Просвещения. Контекст её появления подчеркивает разрыв с традиционной христианской парадигмой, где счастье ассоциировалось исключительно с загробной жизнью. Локковская трактовка предполагает возможность счастья в земной жизни, связанной с разумом и опытом [Britannica].

Далее реципиентом могут быть выделены ключевые слова и концептуальные модели: «happiness»: включает различные интерпретации – удовольствие, радость, спокойствие; «public happiness»: связано с социальными и политическими институтами, обеспечивающими общее благо; «individual happiness»: трудноопределимое понятие, связанное с личным удовлетворением, но также зависящее от материального благополучия и общественных связей (“Individual happiness was harder to attain or even to define: was it pleasure, joy, or just tranquillity? Did it require material prosperity? Could it be measured? And could the individual be happy without a positive relation to society? Did the advance of civilization increase happiness? Were primitive societies perhaps happier than civilized ones?”) [Routledge 2024: 298]. На этом этапе могут быть сформированы следующие концептуальные модели: источник счастья – материальные или духовные ценности; противопоставление счастья в примитивных и цивилизованных обществах; прогресс как условие достижения счастья [Routledge 2024: 298].

Контекстуальные стратегии активизируют знания о политических и философских предпосылках эпохи Просвещения, её ключевых фигурах и социальных процессах. Фраза рассматривается в исторической перспективе: 1) Декларация независимости США отражает идеи Просвещения, где счастье связано с естественными правами человека. 2) Дискуссии о счастье и прогрессе включают взгляды на примитивные общества (где счастье могло быть проще) и цивилизованные государства (где оно становится результатом социальных усилий).

3) Критика эпохи Просвещения, представленная в трудах таких мыслителей, как Мэри Уоллстонкрафт, отмечает необходимость включения вопросов равенства и морали в дискурс о счастье [Routledge 2024: 299].

Применение когнитивных стратегий позволяет реконструировать сложные концепции эпохи Просвещения, связанные с понятием счастья, в их социальном, культурном и философском измерениях. Взаимосвязь идей о прогрессе, морали, личной свободе и общественном благе формирует многослойную картину, отражающую эволюцию представлений о человеческом счастье в XVIII–XIX веках.

Таким образом, интерпретация представляет собой не только метод анализа текстов, но и творческую деятельность, основанную на интеллектуальных когнитивных способностях интерпретатора и его экстралингвистических лингвокультурных знаниях. Эффективная интерпретация текста, как показывают современные исследования (например, [Белова 2010], [Fatkulina 2022]), достигается благодаря интеграции семантизированных, лингвокультурных и когнитивных стратегий. Семантизированные стратегии обеспечивают анализ лексико-грамматических структур, лингвокультурные углубляют понимание за счет учета социальных и исторических контекстов, а когнитивные связывают текст с глобальными знаниями. Такой интегративный подход позволяет интерпретировать текст не только на уровне явного содержания, но и раскрывать его скрытые смыслы, расширяя понимание как самого текста, так и его культурного значения.

Литература

- Белова Ю. А. Strategies for headline sense interpretation // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. №1. С. 120-124.
- Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
- Дильтей В. Предпосылки или условия сознания либо научного познания // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 124—125.
- Демьянков В. З. Базы данных: синтаксис, семантика, прагматика и «интерпретирующий зигзаг» // МЕТОД : московский ежеквартальный труд из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М. В. Ильина; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – М., 2022. – Вып. 12. – Т. 2, № 2. – С. 118–123.
- Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русск. культуры, 2000. С. 84-92.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М.: Медиум. 1995. 415 с.
- Фоломкина С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. М.: Высшая школа, 1987. 205 с.
- Щербакова О. В., Оболюская В. А. Уровни понимания и градуальность смысловой организации текста: комплексный подход на стыке психологии и лингвистики // Культурно-историческая психология. 2024. Том 20. № 4. С. 31–39.
- Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб: Европейский дом. 2004. 242 с.
- Cambridge Dictionary. Режим доступа: [https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/happiness?q=happiness+](https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/happiness?q=happiness)
- Fatkulina F. G., Lukmanova R. R., Belova Y. A. Translation strategies for rendering higher education institution terms from English into Russian / // Russian Linguistic Bulletin. - 2022. - №6 (34).
- Fillmore C. J. Lexical semantics and text semantics // J. E. Copeland ed. New directions in linguistics and semiotics. – A.: Benjamins. 1984. Pp. 123-147.

- Graham A. J. Rogers An essay concerning human understanding by J. Locke // Britannica/ Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/Essay-Concerning-Human-Understanding#ref354791>
- Routledge History of Happiness edited by Katie Barclay, Darrin McMahon, Peter N. Stearns. 2024. Режим доступа: https://www.routledge.com/The-Routledge-History-of-Happiness/Barclay-McMahon-Stearns/p/book/9781032323190?srsltid=AfmBOoqDZmaK5fTA2Ah0YQjGU-IMwxLVysYxXLovo0Wrs_Adjf2oUVvw
- Schmidt S. J. Interpretation today – introductory remarks // Poetics 1983, v.12, № 2/3, С. 71-81.

References

- Belova J. A. Strategies for headline sense interpretation // Vestnik Bashkirskogo Universiteta. 2010. V. 15. №1. Pp. 120-124.
- Cambridge Dictionary. Online assess: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/happiness?q=happiness+>
- Demjankov V. Z. Bazy dannih: sintaksis, semantika, pragmatika b “interpretiruyuschiy zigzag” //METOD: moskovskiy ezekvartalnik trudov iz obshchestvovedcheskih discipline / ed. M. V. Iliyina; INION RAN M., 2022. – Vol. 12. – V. 2, № 2. – Pp. 118–123.
- Dijk T. V. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. [Language. Cognition. Communcation]. M.: Progress, 1989. 312 p.
- Diltey V. Predposylki ili usloviya soznaniya libo nauchnogo poznaniya [Assumptions or consciousness conditions or scientific cognition] // Voprosy filosofii. 2001. № 9. Pp. 124—125.
- Fatkullina F. G., Lukmanova R. R., Belova Y. A. Translation strategies for rendering Белова Ю. А. Strategies for headline sense interpretation // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. №1. С. 120-124.
- Fillmore C. J. Lexical semantics and text semantics // J. E. Copeland ed. New directions in linguistics and semiotics. – A.: Benjamins. 1984. Pp. 123-147.
- Graham A. J. Rogers An essay concerning human understanding by J. Locke // Britannica/ Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/Essay-Concerning-Human-Understanding#ref354791>
- Kubryakova E. S. O ponyatiyah mesta, predmeta i prostranstva // Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv. M.: Yazyki russk.kultury, 2000. Pp. 84-92.
- Pholomkina S. K. Obuchenie chteniyu na inostrannom yazyke v neyazikogom vuze [Teaching foreign language reading in a non-linguistic university]. M.: Visshaya shkola, 1987. 205 p.
- Riker P. Konflikt interpretatsiy: ocherki o germenevtike [Conflict of interpretations: sketches on hermeneutics]. M.: “Medium”. 1995. 415 p.
- Routledge History of Happiness edited by Katie Barclay, Darrin McMahon, Peter N. Stearns. 2024. Режим доступа: https://www.routledge.com/The-Routledge-History-of-Happiness/Barclay-McMahon-Stearns/p/book/9781032323190?srsltid=AfmBOoqDZmaK5fTA2Ah0YQjGU-IMwxLVysYxXLovo0Wrs_Adjf2oUVvw
- Scherbakova O. V., Obol'skaya V. A. Urovni ponimaniya i gradual'nost smyslovoy organizatsii teksta: kompleksniy podhod na styke psyhologii i linguistiki // Kulturno-istoricheskaya psyhologiya. 2024. Vol. 20. № 4. Pp. 31–39.
- Schmidt S. J. Interpretation today – introductory remarks // Poetics 1983, v.12, № 2/3, Pp. 71-81.
- Shleermaher F. Germenevtika [Hermeneutics]. SPb.: Evlopeiskiy Dom. 2004. 242 p.

Белькова А. Е.

Нижевартовский государственный университет

Ланге Ю. Р.

Нижевартовский благотворительный фонд по поддержке программ
международного союза благотворительных организаций «Мир добра»

ТВОРЧЕСТВО ЕРЕМЕЯ ДАНИЛОВИЧА АЙПИНА КАК СРЕДСТВО ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

В условиях глобализации и информационного бума особую актуальность приобретают традиционные нравственные ценности. Творчество Еремея Даниловича Айпина является ценным ресурсом для формирования нравственного сознания у подростков и молодёжи региона. Произведения Е. Айпина – это отражение жизни хантыйского народа, его этнических ценностей и глубокой связи с родной землей, малой Родиной. Его герои сталкиваются с моральными дилеммами, выбирая между личной выгодой и правильным поступком. Особое значение в творчестве писателя имеет тема любви к Родине и её защиты. Он показывает, что гибель за малую Родину – это жертвенный и искупительный поступок. Произведения Еремея Даниловича могут использоваться в образовательном процессе Ханты-Мансийского автономного округа – Югра, помогая обучающимся понять ценности этнической культуры и определить верный путь в жизни.

Ключевые слова: Айпин Еремей Данилович, цикл рассказов «Время дождей», сборник «Река-в-Январе», роман «В поисках Первоземли» югорская литература, нравственное воспитание, малая Родина.

Belkova A. E.

Nizhnevartovsk State University

Lange Yu. R.

Charitable Foundation to support programmes of the International
Union of Charitable Organisations «The World of Good»

YEREMEY DANILOVICH AIPIN'S CREATIVE WORK AS A MEANS OF MORAL EDUCATION

In the conditions of globalisation and information boom the traditional moral values become especially relevant. The creative work of Aipin Eremey Danilovich is a valuable resource for the formation of moral consciousness among teenagers and youth of the region. E. Aipin's works are a reflection of the life of the Khanty people, their ethnic values and deep connection with their native land and small homeland. His heroes face moral dilemmas, choosing between personal gain and the right thing to do. Of special importance in the writer's work is the theme of love for the Motherland and its defence. He shows that dying for a small homeland is a sacrificial and redemptive act. The works of Yeremey Danilovich can be used in the educational process of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, helping students to understand the values of ethnic culture and determine the right path in life.

Keywords: Aipin Eremey Danilovich, the cycle of stories «Time of Rains», the collection «River-in-Yanvara», the novel «In Search of Pervozemlya», Ugra literature, moral education, small homeland.

«Сегодня как никогда важно поощрять и распространять ценности, поведение и взгляды, способствующие диалогу, ненасилию и сближению культур в соответствии с принципами Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии» [Белькова, 2019, с. 5].

В условиях современного мира, где глобализация и информационные технологии активно влияют на формирование личности, особую роль играют традиционные ценности, нравственные ориентиры. В настоящее время наблюдается устойчивый интерес к проблеме поиска подходов к нравственному воспитанию, под которым традиционно понимается «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами» [Ожегов]. Нравственность включает такие качества, как честность, справедливость, доброта, ответственность, уважение к другим людям и их правам, а также позитивное мировоззрение и позиция по фундаментальным социальным, историческим вопросам. Нравственность служит основой морали и этики, определяя, что является правильным и неправильным в человеческой жизни.

Югорская литература является носителем духовного начала в человеке, идеалов добра, любви и сострадания. Художественная литература способна воздействовать на читателя всесторонне, расширять его жизненные горизонты, эмоционально обогащать, будить человечность. Нравственные начала в художественной литературе закрепляются в его эмоциональной памяти. Писатели Югры вовлекают читателя в жизненные ситуации и во взаимоотношения людей, предоставляя ему самому разобраться, что его радует и что огорчает, что заставляет восхищаться, и что негодовать, что следует беречь и что подлежит отрицанию, что волнует, что вызывает симпатии и антипатии. Здесь, в борении чувств, и происходит выработка личностных качеств ума и сердца, обогащение себя духовным опытом человечества, сконцентрированного в литературе.

Кроме того, в литературе часто затрагивается тема любви к Родине и её защите. Нравственность в этом случае связана с готовностью жертвовать своими интересами и жизнью ради блага Родины. Через литературу обучающиеся могут узнать о героических поступках и патриотических чувствах, которые вдохновляют на действия во имя Родины. Поскольку в основе нравственного воспитания заложена любовь к Родине, вопросы её изображения в художественной литературе приобретают особую актуальность.

Само понятие «Родина» занимает в литературе совершенно особое место. Тем не менее, у каждого человека собственный образ Родины, который наполнен персональными для него ассоциативными связями и эмоциональными оттенками. При этом образ малой Родины формируется, как правило, с самого рождения, естественным образом находясь под влиянием целого ряда факторов, среди которых разнообразные национальные традиции, обычаи, родной язык, а также природные и экономические особенности местности и т.д. На первых этапах своего взросления каждый человек ассоциирует Родину с чувством принадлежности и любви к своему родному дому, где он родился и вырос, затем – с родным городом или поселком, и только потом – со страной в целом.

Важным аспектом данного образа является оценочно-эмоциональная составляющая, неизменно проявляющаяся в творчестве писателей, поэтов и других деятелей культуры, которая помогает лучше понять и полюбить свою малую Родину, бороться за её развитие и процветание. «Различные средства стилизации оформляют субъектно-речевые структуры текста. Социально-речевая стилизация через лексико-фразеологические средства способствует выражению жизненных явлений и определённой языковой среды» [Белькова, 2020, с. 33].

В данном контексте творчество Еремея Даниловича Айпина, писателя и общественного деятеля Югры, представляет ценный ресурс для нравственного воспитания

подростающего поколения в образовательном пространстве Югры. «Простота слова и точность в определении обозначаемого им понятия является основным принципом авторского отношения к отбору художественно-изобразительных средств, которые могут быть использованы в преподавании учебных дисциплин «Литература писателей Югры», «Методика преподавания родного языка и литературы» в высшей школе, а также на уроках литературы при изучении творчества югорского писателя Е. Д. Айпина в средних общеобразовательных школах с национально-региональным компонентом» [Белькова, 2021, с. 500].

В рамках данной статьи рассмотрим основные способы формирования многоаспектной категории нравственности через образ Родины в творчестве Еремея Даниловича Айпина на материале ключевых для югорской литературы произведений.

Еремей Данилович Айпин – один из современных и известнейших писателей Югры, он любит много ездить по родной стране, и свежие впечатления обогащают его творчество новыми мотивами. Среди них не теряются, а усиливаются прежние, вечно живые этнические и нравственные чувства. Его творчество может быть использовано в качестве средства нравственного воспитания, особенно для молодёжи Югры.

Анализ художественного текста является ключевым методом изучения механизмов формирования и функционирования языка в его речевых проявлениях. Художественные тексты Е. Д. Айпина создают общий контекст, в котором описываются действующие лица, обстоятельства, время и т.п. Особое значение приобретает интерпретация мира этноса ханты, через который читатель воспринимает языковую картину мира.

Одним из главных принципов, пропагандируемых Айпиным, является любовь к ближнему. В его произведениях часто освещаются темы дружбы, сострадания и уважения к другим людям, а также необходимости помогать нуждающимся. Его герои, следовательно, и он сам, с безграничной любовью относятся к любимым родителям, старцу Ефиму, деду Роману, всему роду Бобра, к своей малой Родине. В этом понятии сосредоточиваются самые сокровенные мысли и чаяния писательской души Еремея Даниловича.

Родина в творчестве Е. Д. Айпина – это не просто географическое понятие, а глубокое чувство, символ принадлежности к своему народу и его истории. Любовь к Родине, преданность, готовность к любым подвигам во имя рода, земли, этноса ханты – это и есть нравственность. Воспитание любви к Родине – основа нравственного воспитания, а любовь к Родине всегда начинается с любви к своей нации. История хантыйского этноса – это живая история, она в судьбе поколений. Эти идеи могут быть использованы для формирования у молодёжи Югры положительных нравственных ценностей. Нравственная специфика поэтики Е. Айпина проявляется в своеобразии структуры его произведений, композиции, системы образов и сюжета и пр. На протяжении всего творчества Е. Д. Айпин обращался к образу Родины.

В ранних произведениях Е. Д. Айпина, в частности, в цикле рассказов «Время дождей» [Айпин, 1993], прослеживается глубокая любовь к малой Родине. В этих рассказах традиционная схема мифа о противостоянии героя-защитника и антагониста трансформируется в контекст «человек и природа». Данная тема порождает оппозицию «свой» – «чужой», где герой познает окружающий мир через конфликт культур. В рассказах «Волки», «В урмане», «Конец рода Лагермов», «Во тьме», «Время дождей», «Бездомная собака», «Русский лекарь» «чужими» предстают люди, нарушающие традиционный уклад жизни коренных жителей и лишаящие их права на землю. В этой ситуации «свои» могут лишь отстаивать свои интересы. Тема своей и чужой культуры раскрывает сложности адаптации в новой среде и необходимость уважения и понимания различных культур. Описание малой Родины в рассказах «Время дождей» указывает на важность сохранения культурных традиций этноса ханты и привязанности к своей земле. В поле зрения автора находится вся малая земля, судьбе которой автор искренне сопереживает. Читатель

наблюдает типичную картину для представителя этнической культуры, который сохраняет природную гармонию народа ханты в рамках глобальных цивилизационных перемен. Локальная природа помогает находить выход из сложных ситуаций и сохранять оптимизм в трудные времена.

В поздних рассказах, в частности, в книге «Река-в-Январе» [Айпин, 2007], описана история жизни главного героя, рассказывающего о своей Родине, о местах, где он вырос и провёл свою юность. Автор изображает особую красоту сибирской природы, традиции и обычаи своей родной деревни, которые он любил и которые сформировали его как личность. Книга «Река-в-Январе» помогает показать важность сохранения культурных традиций и привязанности к своей земле. Герой осознает, что его Родина – это не только место, где он вырос, но и часть его самой личности, которая остаётся с ним на протяжении всей жизни. В данном контексте базовые средства этнической культуры «выступают не только как средство общения и познания окружающей действительности, но и как средство фиксации, сохранения национальных, культурных традиций и приобщения к ним последующих поколений» [Белькова, Орехова, 2021, с. 15].

В сборнике рассказов «Река-в-Январе» время и пространство играют ключевую роль, создавая уникальную атмосферу и погружая читателя в субъективный мир персонажей. Сюжет сосредоточен на взаимодействии человека с окружающим миром. Река становится символом течения времени и неизменности природы, в то время как герой пытается понять своё место в этом мире. Время и пространство в книге создают уникальную структуру и определяют речевую систему произведения. Ночь в книге – мистическое явление, ночное время замедляется, мгновения становятся бесконечными. Дневное время, напротив, описывается Е. Айпиным как быстротечное и бесценное. Время и пространство становятся неотъемлемой частью внутреннего мира главного героя, определяя его ощущения и переживания.

Другим примером является роман Е. Д. Айпина «В поисках Первоземли», где автор описывает события, происходившие в советском и постсоветском пространстве в 1980-х начале 90-х гг. Данный период был отмечен значительными социальными, экономическими и политическими изменениями. В это время происходили события, которые сильно повлияли на будущее России. В начале 1980-х годов в стране начался период «застоя», когда экономика замедлила свой рост, а политическая система стала все более жёсткой и закрытой. Однако в середине десятилетия произошли события, которые изменили ход истории. В 1985 году на пост генерального секретаря ЦК КПСС пришёл Михаил Горбачёв, который начал проводить реформы, направленные на модернизацию экономики и политической системы. Эти реформы получили название перестройки. В результате перестройки произошли значительные изменения в экономике и политике России. Была проведена денежная реформа, упразднена политическая цензура, разрешены свободные выборы и созданы новые политические партии. Перестройка также привела к экономическому кризису, инфляции и ухудшению жизни многих людей. В 1991 году произошло распад Советского Союза, что привело к созданию новых независимых государств, включая Россию.

Еремей Данилович описывает период 1980-х и начала 1990-х годов в России как сложный и противоречивый. С одной стороны, происходили важные изменения, направленные на модернизацию страны. С другой стороны, эти изменения привели к экономическому кризису и социальным проблемам: «расследование государственного переворота по уничтожению Советского Союза и ликвидация Советской власти» [Айпин, 1993, с. 55]. Автор показывает сложность политической и социальной обстановки того времени, а также задаёт вопросы о справедливости и равенстве.

Творчество Е. Айпина подчёркивает важность справедливости и честности. В его произведениях герои часто сталкиваются с моральными дилеммами и должны выбирать между личной выгодой и правильным поступком. Эти сюжеты могут помочь молодёжи

понять, что правильность действий не всегда соответствует личным интересам, и что важно придерживаться нравственных принципов.

Роман «В поисках Первоземли» пронизан любовью к Родине и патриотическими чувствами. Сибирь, малая Родина предстает в качестве главного героя. Родина – это и природа во всем ее многообразии, и погодные явления, и десятки городов. Судьба Матвея Тайшина по прозвищу Мазетро, Ромы Самурая, Егора Кузьмича и др. соотносится писателем с нравственностью, волей Божественной Покровительницы и Небесного Отца Первоземли [Белькова, Лаптева, 2021, с. 257]. Отсюда вытекает главная идея романа, заключающаяся в том, что Родина подобна живому организму, она присутствует в каждом ее жителе, в каждом дуновении ветра или ударе грома, именно Родина формирует моральный облик человека, принципы, которыми руководствуется человек в своём выборе.

В творчестве Е. Д. Айпина отмечается представление Родины в качестве некоего объединяющего символа, концепта, призванного объединить людей в борьбе с врагами. Именно поэтому гибель за малую Родину в этой борьбе принимает жертвенный, даже искупительный характер: «28 марта 20.. года в 13 часов 37 минут по московскому времени на приполярном побережье Западной Сибири пропал с экранов радаров вертолёт новейшей модификации Ми-8МТВ. <...> Об их судьбе ничего не известно» [Айпин, 2019, с. 403-404].

В целом, «В поисках Первоземли» – это интересный и многогранный роман, который помогает понять сложность жизни и задаёт важные вопросы о вере, нравственности, религии и смысле жизни.

Вышесказанное позволяет заключить, нравственность представляет собой один из важнейших символов югорской художественной литературы. Нравственное воспитание должно быть плановым, системным, постоянным и одним из приоритетных направлений в области воспитательной деятельности. Творчество Еремея Даниловича Айпина может быть использовано в качестве средства нравственного воспитания, помогая формировать у молодёжи положительные нравственные ценности и принципы поведения. В связи с этим считаем, что художественный текст способствует реализации гуманистических принципов взаимообогащения, взаимодействия и диалога культур.

Региональное образование является основополагающим фактором становления личности обучающегося из числа коренных малочисленных народов Севера. Считаем, что в данном направлении необходимо проводить продуктивную работу, направленную на обеспечение активного участия учителей-предметников в разработке и сопровождении программ школьного и вузовского обучения с этнокультурным компонентом образования, а также расширение использования методов работы с ценностно-смысловыми ориентациями обучающихся через различные формы занятий. «Проанализированный материал представляет собой богатый и ценный лексический ресурс, который может быть использован как учителями-словесниками при подготовке к урокам, так и школьниками, студентами при выполнении практических или научных работ» [Белькова, Спешилова, 2019, с. 157].

Таким образом, творчество Еремея Даниловича Айпина демонстрирует значимость нравственных ценностей, таких как доброта, честность, ответственность, уважение к старшим, любовь к родной земле и этническим традициям. Его произведения представляют собой инструмент для формирования нравственных ориентиров у молодого поколения югорчан. Ключевые темы его произведений, их нравственный потенциал делают их ценным ресурсом для практики преподавания в ХМАО-Югре.

Литература

Айпин Е. В поисках Первоземли. М.: РИПОЛ классик, 2019. 412 с.

Айпин Е. Д. Клятвопреступник. М.: Русло, 1993. 423 с.

Айпин Е. Д. Река-в-Январе: сб. рассказов. СПб: Миралл, 2007. 208 с.

- Белькова А. Е., Орехова А. Н. Структурно-типологический анализ имени существительного в сургутском диалекте хантыйского языка // Нижневартковский филологический вестник. 2021. № 1. С. 15-24.
- Белькова А. Е. Лексическая актуализация разговорного стиля в структуре повествования югорского прозаика Н. И. Коняева // Вестник угроведения. 2020. Т 10. №1. С. 26-33.
- Белькова А. Е. Магистратура по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, направленность «Хантыйская филология» как элемент образовательной системы НВГУ, способствующий поддержке национального (родного) языка и литературы коренных малочисленных народов // Нижневартковский филологический вестник. 2019. №1. С. 3-7.
- Белькова А. Е. Языковые средства выразительности в повести Е. Д. Айпина «У гаснущего очага» // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Всероссийская научно-практическая конференция (г. Нижневартовск, 20 февраля 2021 г.) / Отв. ред. Д. А. Погonyшев. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2021. С.500-504.
- Белькова А. Е., Лаптева Г. П. Многомерность понимания истины в романе Еремея Даниловича Айпина // «В поисках Первоземли» Международный научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук». Белгород. 2021. №3. С. 257-259.
- Белькова А. Е., Спешилова В. В. Стилизация разговорной речи в художественной прозе: лингвостилистический аспект (на материале романа югорского писателя Еремея Айпина «Божья мать в кровавых снегах») // Лучшая студенческая статья 2019: сборник статей XXI Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2019. С. 157-160.
- Толковый словарь Ожегова URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17288> (дата обращения: 05.06.2023).

References

- Aipin E. 2019. *V poiskakh Pervozemli*. M.: RIPOL Classic, 412 pp (in Russ.).
- Aipin E. D. 1993. *Klyatvoprestupnik*. Moscow: Ruslo, 423 pp (in Russ.).
- Ajpin E. D. 2007. *Reka-v-Yanyare: sb. rasskazov*. SPb.: Mirall, 208 pp (in Russ.).
- Bel'kova A. E., Orekhova A. N. 2021. *Strukturno-tipologicheskij analiz imeni sushchestvitel'nogo v surgutskom dialekte hantyjskogo yazyka*. Nizhnevartovsk Philological Bulletin. № 1. p. 15-24 (in Russ.).
- Bel'kova A. E. 2020. *Leksicheskaya aktualizaciya razgovornogo stilya v strukture povestvovaniya yugorskogo prozaika N. I. Konyayeva*. Bulletin of Threat Studies. Т 10. №1. pp. 26-33 (in Russ.).
- Bel'kova A. E. 2019. *Magistratura po napravleniyu podgotovki 44.04.01 Pedagogicheskoe obrazovanie, napravlennost' «Hantyjskaya filologiya» kak element obrazovatel'noj sistemy NVGU, sposobstvuyushchij podderzhke nacional'nogo (rodnogo) yazyka i literatury korenykh malochislennykh narodov* Nizhnevartovsk Philological Bulletin. №1. pp. 3-7 (in Russ.).
- Bel'kova A. E. 2021. *Yazykovye sredstva vyrazitel'nosti v povesti E. D. Ajpina «U gasnushchego ochaga»*. Actual Problems of Humanities: All-Russian Scientific and Practical Conference, pp.500-504 (in Russ.).
- Bel'kova A. E., Lapteva G. P. 2021. *Mnogomernost' ponimaniya istiny v romane Eremeya Danilovicha Ajpina «V poiskakh Pervozemli»*. Modern Humanities Success. №3. pp. 257-259 (in Russ.).
- Bel'kova A. E., Speshilova V. V. 2019. *Stilizaciya razgovornoj rechi v hudozhestvennoj proze: lingvostilicheskij aspekt (na materiale romana yugorskogo pisatelya Eremeya Ajpina «Bozh'ya mater' v krovyah snegah»)*. Best Student Paper 2019: Collection of Articles of the XXI International Research Competition. Penza: MCNS «Nauka i Prosveshchenie», 2019. pp. 157-160 (in Russ.).

Tolkovyy slovar' Ozhegova. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17288> (accessed 8 September 2024) (in Russ.).

Бибарцева К. Р., Рябова М. Э.

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ВЕБСАЙТА ВУЗА

Актуализируется успешное распространение товаров и услуг с помощью интернет-сайтов. Как в сфере предпринимательства, так и в сфере образовательных услуг, учреждению необходимо свое интернет-представительство. С целью привлечения иностранных абитуриентов вузы обращаются к рекламе, задачей которой является качественное представление англоязычной версии веб-сайта университета. Важнейшим пунктом в процессе локализации сайта является его перевод на иностранный язык.

Рассматриваются переводческие приемы, примененные в процессе локализации веб-сайта вуза. Материалом исследования выступает веб-сайт одного из ведущих высших учебных заведений России РАНХиГС Санкт-Петербург.

В ходе переводческого анализа был выявлен ряд приемов и трансформаций, частотными среди которых выступают опущение, конкретизация, и добавление.

Сделан вывод о целесообразности всестороннего подхода к вопросу обеспечения качественной переводческой адаптации контента веб-сайта вуза в процессе локализации.

Ключевые слова: локализация, перевод, интернационализация, глобализация, веб-сайт, университет, контент.

Kamilia R. Bibartseva, Marina E. Ryabova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

SOME PECULIARITIES OF LOCALIZATION AS A TRANSLATION ADAPTATION OF THE ENGLISH VERSION OF THE UNIVERSITY'S WEBSITE

The successful distribution of goods and services through Internet sites is actualized. Both in the field of entrepreneurship and in the field of educational services, the institution needs its own Internet representation. In order to attract foreign applicants, universities turn to advertising, task of which is to ensure a high-quality English-language version of the university's website. The most important point in the process of site localization is its translation into a foreign language.

This paper is devoted to the analysis of translation techniques and transformations applied in the process of localization of the university's website. The research material is the website of one of the leading higher educational institutions in Russia, RANEPA St. Petersburg.

During the translation analysis, a number of techniques and transformations were identified, among which omission, concretization and addition are frequent.

The conclusion is drawn about the expediency of a comprehensive approach to ensuring high-quality translation adaptation of a university website's content in the localization process.

Keywords: localization, translation, internationalization, globalization, website, university, content.

Современную эпоху научно-технического прогресса можно охарактеризовать как цепь постоянных изменений в тех или иных сферах деятельности человека. В рамках этих процессов межкультурная коммуникация так же активно развивается и, в свою очередь, играет здесь важную роль. Глобализация накладывает на осуществление межкультурной коммуникации определенные условия. Локализация является одним из них. «Локализация предусматривает полную адаптацию реализуемого товара к использованию в странах, отличающихся по языковым и культурным традициям» [Рябова, 2014, с. 132]. Так, зачастую, целью межкультурного взаимодействия становится продвижение тех или иных услуг или товаров.

Целью исследования выступает англоязычная версия веб-сайта университета и выявление переводческих приемов, примененных в процессе локализации контента веб-сайта вуза.

В современных условиях высокоскоростного развития коммуникационных технологий интернационализация становится одним из ключевых элементов системы высшего образования. «Благодаря динамичности коммуникационного пространства сегодня неотъемлемой чертой высшего образования становится интернационализация образовательного пространства. Российская вузовская система также претерпевает аналогичные изменения» [Рябова, Родин, 2009, с. 22].

Веб-сайт университета представляет собой сложный продукт, включающий в себя несколько видов информации: текстовая, графическая, а также видеоконтент. В настоящее время веб-сайт вуза является не просто современным и доступным средством информирования и взаимодействия с участниками образовательного процесса, но, также, незаменимым средством позиционирования вуза в международном образовательном пространстве.

Если рассматривать вопрос локализации сайта университета с точки зрения маркетинга, то главной задачей здесь является привлечение большего количества иностранных абитуриентов в условиях конкурентной среды, что, в свою очередь, повышает рейтинг высшего учебного заведения. Достижение этой цели связано с разработкой качественной и удобной англоязычной версии веб-сайта университета, при которой существенную роль играет переводческая адаптация контента сайта.

В последние десятилетия сфера локализации расширилась от локализации программного обеспечения, и веб-приложений до таких продуктов, как новости цифрового формата, телешоу, музыкальные клипы, комиксы, видеонигры и другие. Понятие локализации пришло из сферы программного обеспечения и значительно развилось благодаря данному виду услуг, что стоит внимательного рассмотрения.

Прежде, чем обратиться к определению локализации, необходимо рассмотреть ее незаменимые этапы, такие, как глобализация и интернационализация. «Локализация – это процесс, который не может быть осуществлен без предварительного прохождения процессов глобализации и интернационализации» [Esselink, 2000, с. 3].

В литературе термин «глобализация» определяется как «расширение торговли по всему миру, особенно крупными компаниями, производящими товары и торгующими ими во многих разных странах, когда доступные товары и услуги или социальные и культурные влияния постепенно становятся одинаковыми во всех частях мира» [Cambridge Dictionary].

За процессом глобализации следует интернационализация. Р. Шелер рассматривает это явление как «<...> процесс разработки (или модификации) программного обеспечения таким образом, чтобы пользователи могли работать на выбранном ими языке (даже если программное обеспечение не локализовано) и изолировать лингвистически и культурно зависимые части приложения при подготовке к локализации» [Schaeler, 2010, с. 210].

Определение интернационализации в соответствии с Международной ассоциацией стандартизации в области локализации LISA (Localization Industry Standards Association) звучит следующим образом: «Интернационализация – это процесс генерализации продукта таким образом, чтобы он был доступен на нескольких языках и функционировал в рамках культурных традиций. Несоответствующая или частичная интернационализация может привести к корректировке и дополнительным затратам» [LISA (Localization Industry Standards Association)]. Немаловажным фактором является прошлый опыт целевой аудитории. Если предполагаемый пользователь уже сталкивался с аналогичными продуктами или услугами, может возникнуть необходимость обновить или модифицировать результат интернационализации, так как предыдущий опыт целевой аудитории может в значительной степени определять восприятие продукта или услуги.

Понятие локали (locale) тесно связано с процессами интернационализации и локализации. П. Сандрини определяет локаль как «набор параметров, используемых для определения языка, страны и других предпочтений пользователя» [Sandrini, 2008, с. 408]. Это, иначе говоря, комбинация языка и географического района со всеми вытекающими культурными последствиями.

Исследователи рассматривают локализацию как один из этапов адаптации продукта, которой предшествуют глобализация и интернационализация. Кроме того, локализация представляется как заключительный этап интеграции продукта.

Так, М. Кронин определяет локализацию как «процесс адаптации продукта, содержимого или услуги для конкретного регионального или локального рынка или аудитории» [Cronin, 2003, с. 81]. Локализация включает в себя не только перевод текста на местный язык, но и учет культурных, социальных и правовых особенностей данного региона. Кронин отмечает, что локализация позволяет компаниям приспосабливать свои продукты и услуги к потребностям рынка каждой страны, учитывая различия в культуре, предпочтениях потребителей, юридических нормах и технологической инфраструктуре.

Данное определение подчеркивает, что локализация не сводится только к переводу на те или иные целевые языки, но и включает модификацию контента, дизайна, цветовых схем и других элементов продукта или услуги, чтобы они соответствовали ожиданиям и предпочтениям местного рынка.

Возвращаясь к теме локализации веб-сайтов, необходимо выделить составляющие процесса локализации: 1) «перевод программного обеспечения; 2) перевод тестового содержания сайта вуза; 3) перевод программного обеспечения сайта; 4) социокультурная адаптация структуры и дизайна сайта; 5) оптимизация сайта» [Сухарева, Шурлина, 2013, с. 168].

В анализе переводческих решений в процессе локализации сайта вуза, проведенном в рамках данной работы, были рассмотрены вышеуказанные этапы локализации. Больше внимание было уделено именно вопросу переводческих трансформаций, как одному из важнейших средств осуществления локализации. Для проведения анализа был выбран вуз с международным статусом, широкой целевой аудиторией из стран по всему миру, что предполагает наличие у такого университета сайта с развитой инфраструктурой, которая, в свою очередь, должна быть качественно адаптирована. Такой сайт позволяет провести анализ учета потребностей абитуриентов и студентов, принадлежащих разным языковым и культурным группам, и того, как это может влиять на переводческие решения и адаптацию контента. Сайт университета РАНХиГС-Санкт-Петербург соответствует критериям вуза с мировым именем, что делает возможным проведение глубокого анализа переводческих решений, а также последующее изучение данного вопроса.

Первым этапом локализации, как было указано в списке выше, является *перевод программного обеспечения*. На сайте РАНХиГС не представлена информация о программном

обеспечении сайта, по этой причине данный аспект не рассматривается в исследовании. Что касается перевода текстового наполнения сайта, то выделить можно следующие приемы перевода:

На лексическом уровне:

1) Модуляция:

«Мы следуем непростой, но очень важной миссии – учим принимать эффективные решения, предоставляя своим студентам образование, соответствующее международным стандартам и открывая для них мир принципиально новых возможностей». – “Our mission is to contribute to the global community by providing students a comprehensive and in-depth business education in compliance with international standards and to empower motivated future leaders to fulfil their potential through educational achievement, effective decision-making skills and career development both in public and private sectors.”

Как представляется, при переводе произошло логическое развитие исходной мысли автора, можно вычленив причинно-следственную связь.

2) Конкретизация:

«Президентская Академия включена в перечень высших учебных заведений, самостоятельно устанавливающих образовательные стандарты и программы» - “RANEPA St. Petersburg is in the list of higher education institutions authorized to independently establish educational standards and programs.”

3) Опускание:

«Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ – один из ведущих вузов Санкт-Петербурга, центр фундаментальных научных исследований.» – “RANEPA St. Petersburg – one of the leading higher education institutions in St. Petersburg — combines the best traditions of Russian higher education, high standards of learning and teaching, digital technologies, research and innovations.” Здесь же можно выделить такой прием, как добавление: *“the best traditions of Russian higher education, high standards of learning and teaching, digital technologies.”*

На грамматическом уровне:

1) Грамматическая замена:

«Нами разработана концепция формирования современной системы непрерывного образования государственных гражданских служащих, на базе которой возможна модернизация системы повышения квалификации и переподготовки» – “We have developed a concept to create a modern system of continuous education for civil servants, to help modernize the system of advanced training.”

Грамматическая замена предполагает частичную замену. В данном отрывке наблюдается разворачивание отлагательных существительных в инфинитивы.

На синтаксическом уровне:

Объединение:

«В этой связи был создан Северо-Западный кадровый центр при Правительстве РФ. 26 апреля 1995 года указом Президента РФ он был переименован в Северо-Западную академию государственной службы». “In this regard North-West Training Center under the Russian Government was founded in St. Petersburg, renamed the North-West Academy of Public Administration by the President’s Decree of 26 April 1995.”

Как представляется, данный прием соединяет два высказывания в одно сложное.

Социокультурная адаптация структуры и дизайна сайта. Как на русскоязычной, так и на англоязычной версии сайта РАНХиГС представлена информация о международном сотрудничестве с другими университетами по всему миру. Также англоязычная версия сайта предлагает основную информацию, необходимую для успешной адаптации в русскоязычном обществе и информацию о таких объектах инфраструктуры, как магазины, аптеки, метро.

Оптимизация сайта. Англоязычная версия сайта РАНХиГС, как и доменное имя академии оптимизированы для поисковых систем. Так, в поисковой системе Google при вводе запроса «Russian academy», РАНХиГС занимает первую позицию.

Подводя итог, необходимо помнить, что локализация является ключевым аспектом в международной коммуникации. Это сложный и многогранный процесс. Но создание англоязычной версии веб-сайта не ограничивается переводом исходного варианта на английский язык, а представляет собой лингвокультурную адаптацию.

Переводческие трансформации являются важным методом обеспечения адекватного перевода контента веб-сайтов образовательных учреждений. Переводчиком был применен ряд трансформаций, самыми частотными среди которых были опущение, конкретизация и добавление.

Как уже было сказано, перевод текстовой составляющей веб-сайта представляется одной из задач переводчика-локализатора. Первоочередной же задачей является обеспечение достаточной культурной адаптации продукта, подразумевающей его качественное и эффективное использование на территории целевой аудитории. В этом процессе правильный подбор переводческих решений играет важную роль. Для адекватной передачи содержания текстового контента следует обращаться к переводческим трансформациям, так как дословный перевод затрудняет восприятие текста перевода. Перевод в процессе локализации выступает инструментом качественной адаптации продукта. Критерием успешного перевода в этом процессе является всесторонний подход переводчика к вопросу сохранения культурного контекста, адаптированного к иностранному пользователю. Исходя из данной точки зрения, можно вывести, что локализация и перевод – это два взаимосвязанных процесса, и рассматривать их стоит как две части одного целого.

Литература

- Рябова М. Э. Интегративные процессы как основа повышения качества подготовки переводчиков / М. Э. Рябова // Интеграция образования. – 2014. – Т. 18, № 2(75). – С. 130-135. DOI 10.15507/Inted.075.018.201402.130. – EDN SFARVN.
- Рябова М. Э. Коммуникационное пространство как фактор трансформации образовательной политики региона / М. Э. Рябова, А. В. Родин // Интеграция образования. – 2009. – № 2(55). – С. 19-24. EDN KVDIEN.
- Сайт РАНХиГС–Санкт-Петербург. [Электронный ресурс]. URL: <https://spb.ranepa.ru> (дата обращения: 15.09.2024).
- Сухарева Е. Е. Локализация сайта как форма межкультурной коммуникации / Е. Е. Сухарева, О. В. Шурлина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – No 1. – С. 166-169.
- Cronin M. Translation and Globalization, London New York : Routledge, 2003 – 197 p.
- Esselink B. A Practical Guide to Localization, Amsterdam Philadelphia. : Jon Benjamins Publishing Company, 2000. 488 p.
- Sandrini P. Localization and Translation. Pro Drupal Development, 2008. 407–438 p.
- Schaefer R. Localization and translation. Handbook of Translation Studies / Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2010 - 478 p.
- Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 10.09.2024).

LISA (Localization Industry Standards Association) [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20060202012248/http://www.lisa.org/> (дата обращения: 11.09.2024).

References

- Ryabova M. E. (2014). Integrative processes as a basis for improving quality training among translators. *Integration of Education*. No. 2 (75), pp. 130–135. DOI: 10.15507/Inted.075.018.201402.130. (In Russian)
- Ryabova M. E., Rodin A. V. (2009). Communication area as a factor in transformation of a region's educational policy. *Integration of Education*. No. 2(55), pp. 19-24. EDN KVDIEN. (In Russian)
- Sukhareva E. E., Shurlina O. V. (2013). Localization of internet sites as a form of intercultural communication. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. No 1, pp. 166-169. (In Russian)
- Cronin M. *Translation and Globalization*, London–New York : Routledge, 2003 – 197 p.
- Esselink B. *A Practical Guide to Localization*, Amsterdam–Philadelphia. : Jon Benjamins Publishing Company, 2000. 488 p.
- Sandrini P. *Localization and Translation*. *Pro Drupal Development*, 2008. 407–438 p.
- Schaefer R. *Localization and translation*. *Handbook of Translation Studies* / Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2010 - 478 p.
- Cambridge Dictionary. –URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
- LISA (Localization Industry Standards Association). –URL: <https://web.archive.org/web/20060202012248/http://www.lisa.org/>
- Website RANEPa St.-Petersburg. – URL: <https://spb.ranepa.ru>

Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

АРКТИКА В МОДЕ И МОДА В АРКТИКЕ. ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается отражение темы Арктики в зеркале моды. Цель статьи – показать, насколько широко тема Арктики представлена в российской и зарубежной фэшн-индустрии. Авторы обращаются к таким аспектам как влияние национального костюма северных народов на современную повседневную моду, участие дизайнеров региона русской Арктики в региональных, общероссийских и мировых показах моды. В статье рассмотрены инновационные проекты в области модной индустрии с участием модельеров Крайнего Севера, дана оценка их значения для развития региона в целом и его модной индустрии в частности. Особое внимание авторы уделяют модным коллекциям, посвященным Арктике, ее природе и традициям народов Крайнего Севера. Тема «Арктика в моде и мода в Арктике», как показало обращение к научной литературе, оказалась практически не разработанной российскими учеными. Основными источниками послужили информационные публикации о событиях из мира моды, заметки экспертов из области фэшн-индустрии, отчеты о проведенных мероприятиях в СМИ.

Ключевые слова: Арктика, культура, мода, модная индустрия, межкультурное взаимодействие, коренные народы Крайнего Севера, Россия.

Bogoliubova Natalia M., Nikolaeva Julia V.

St. Petersburg University

THE ARCTIC IS IN FASHION AND FASHION IN THE ARCTIC. A LOOK THROUGH THE PRISM OF INTERCULTURAL INTERACTION

The article examines the reflection of the Arctic theme in both Russian and global fashion. The purpose of this study is to demonstrate how the Arctic theme is represented in the Russian and international fashion industries. The authors explore various aspects, including the influence of the traditional clothing of northern peoples on contemporary everyday fashion and the participation of designers from the Russian Arctic region in regional, Russian, and international fashion shows. The article highlights innovative projects in the fashion industry involving designers from the Far North, evaluating their significance for the region's overall development and its fashion industry in particular. Special attention is given to fashion collections dedicated to the Arctic, its nature, and the traditions of the indigenous peoples of the Far North. As shown by the review of academic literature, the theme of "Arctic in fashion and fashion in the Arctic" has been largely unexplored by Russian scholars. The main sources of information include publications on fashion events, expert notes from the fashion industry, and media reports on events.

Keywords: Arctic, culture, fashion, fashion industry, intercultural interaction, indigenous peoples of the Far North, Russia.

Введение

Мода – неотъемлемая часть человеческой культуры, отражающая все общественные процессы. Как и другие части культуры она активно участвует в межкультурном

взаимодействии. Мода обладает рядом общественно значимых функций. Коммуникативная функция моды заключается в её способности сближать людей, интересующихся модными тенденциями. Она помогает их общению, обмену идеями и информацией. Репрезентативная функция моды основана на том, что через национальный костюм мода показывает национальную и культурную самобытность, передает информацию о культурных кодах и ценностях народа. Мода может служить инструментом пропаганды и манипулирования массовым сознанием, она способна формировать определенный вкус, влиять на общественное мнение, привлекать внимание к «нужным» темам и проблемам. Такую функцию моды А. Ж. Кусжанова и Т. В. Наumenко назвали «убеждающей коммуникацией» [Кусжанова, Наumenко, 2016, с. 93]. Таким образом, мода – это не только неотъемлемая часть культуры, но также её отражение, способ передачи и формирования.

В международном масштабе мода открывает огромные возможности для репрезентации национальных культур. При выстраивании внешнеполитического имиджа государства учитываются не только экономические или политические успехи, но и достижения в области культуры, в т.ч. и моды. Как отмечает исследователь из Индии Нирбхай Рана, мода – это «альтернативный путь к взаимопониманию и сотрудничеству» [Rana, 2024, p. 3]. Ее сила в переплетении традиций, экономики, мягкой силы, стиля, элегантности.

Таким образом, мода – это средство наведения «культурных мостов» и укрепления взаимоотношений, один из актуальных аспектов мягкой силы и имиджевой политики государств.

Влияние национальных костюмов народов Севера на современную повседневную моду

Мода в Арктике и Арктика в моде – эти понятия тесно взаимосвязаны. Тема «Арктика и мода» отличается большим разнообразием проявлений: в использовании элементов национального костюма северных народов в повседневной жизни, в создании модных коллекций на тему северной природы и культуры, в разработке специальной одежды для Крайнего Севера; в организации модных показов и фестивалей моды, в творчестве модельеров, живущих и работающих в Арктике. Современная мода позаимствовала у коренных народов Арктики несколько моделей практичной и удобной одежды и обуви, вошедшей в повседневный обиход. Так, в наш гардероб из Арктики пришла аляска (парка) – теплая куртка с меховым капюшоном, созданная по мотивам традиционной одежды эскимосов. Не менее популярен другой вид теплой верхней одежды – анорак, ветронепроницаемая куртка без застежки с капюшоном и большим карманом спереди. Куртку-анорак надевают через голову, она надежно защищает от сильного ветра и холода. Отдельного внимания заслуживает теплая обувь – унты – меховые сапоги из меха собаки или оленя, неотъемлемая часть национального костюма арктических эскимосов. Они тоже перекочевали в современную моду.

Сегодня различные российские и зарубежные бренды создают одежду и обувь под влиянием традиционного костюма коренных народов Севера, например, Jack Wolfskine (Германия) производит парки; Husky (Россия) стеганные телогрейки, Jog Dog (Италия) – современные унты. Некоторые бренды, например, Canada Goose специально разрабатывают пуховики повышенной теплоустойчивости для экспедиций в северные районы.

Отдельного упоминания заслуживают орнаменты в северном стиле, украшающие современную одежду и обувь. Стилизованные образы оленей, чумов, северного сияния, моржей, снежинок и др. геометрические рисунки – эти мотивы очень распространены в женской и мужской современной одежде, особенно в так называемых «лыжных свитерах». Особое расположение орнамента в верхней части одежды, словно полукругом охватывающего плечи, позаимствовано из традиционного костюма грenландских женщин

[Богомолов, 2015]. Такой костюм украшался бисерным воротником-наплечником похожей формы.

Привнесение в современную моду элементов национального костюма эскимосов Гренландии, Канады, Аляски, Чукотки и других народов, населяющих северные территории, дало жизнь новому стилю в одежде, получившему название «эскимо». Этот стиль весьма популярен как в повседневной одежде, так и в коллекциях высокой моды; он имеет своих верных почитателей среди мужчин и женщин благодаря своей декоративности и функциональности.

Тема Арктики в коллекциях известных модных домов

Арктика, её уникальная природа и самобытная культура, часто становятся источником вдохновения для дизайнеров одежды. Современные модельеры, представляющие всемирно известные бренды, довольно часто используют в своих коллекциях различные интерпретации северных мотивов. В разные годы тема севера отразилась в коллекциях модных домов Chanel, Dolce & Gabbana (2010), Oscar de la Renta (2011), Moncler (2013), Alexander McQueen (2014), Balenciaga (2016). Темой Арктики вдохновлялись и такие известные дизайнеры как Джон Гальяно, Карл Лагерфельд, Йоджи Ямамота. С нашей точки зрения, включение темы Арктики с присущими ей этническими и животными мотивами в коллекции одежды престижных брендов служит действенным способом привлечения интереса к арктической культуре, природе и традициям живущих там народов.

Модные показы как средство популяризации культуры и традиций Арктики

Модные показы в России

Начиная с 2019 г. ежегодно в начале декабря в Якутске проходит крупнейшее региональное событие в сфере моды и дизайна – «Arctic Fashion Show», включенное в программу культурного фестиваля «Зима начинается с Якутии». В нем участвуют как местные представители модной индустрии, так и дизайнеры со всей России. Организовано это яркое событие при участии Арктического государственного института культуры и искусства. Цель шоу - «способствовать развитию модной индустрии в Якутии, поддержке якутских модельеров и дизайнеров за пределами республики, показать национальный костюм как отражение новой картины мира» [Якутские модельеры..., 2020]. Иными словами, шоу призвано сделать моду новым брендом Якутии.

Концепция фестиваля предполагает продвижение народной художественной культуры Арктики в сочетании с современным дизайном. Каждый год для показа выбирается новая тема, актуальная для развития региона. Так, в 2020 г. показ был посвящен сохранению традиций народов Арктики, охране северной природы в условиях климатических изменений и пандемии коронавируса. В 2021 г. главной темой стала цифровизация и то, как виртуальный мир меняет мир реальный. Это очень важно, т.к. подобным образом перед обширной аудиторией организаторов, участников и зрителей ставятся важные экологические, социальные и культурные проблемы, требующие немедленного решения.

В разные годы на подиуме были показаны многие тематические коллекции, где в центре внимания находилась Арктика: «Под белым снегом Арктики» (Светлана Данилова), «Арктик фэшн» и «Грани Арктики» (Варвара Филиппова), «Soft Arctic» /«Мягкая Арктика»/ (Марианна Степанова). Все они были посвящены не только красоте, но и острым проблемам региона. Например, коллекция «Под белым снегом Арктики» затрагивает проблему таяния льдов и экологии Севера в целом. Коллекция «Soft Arctic» привлекает внимание к сохранению экосистемы и культурных традиций народов Севера в современных условиях.

Важно отметить, что «Arctic Fashion Show» широко транслируется в регионе, что, безусловно, способствует продвижению якутской моды в целом, а также ее богатого

этнографического компонента. Мероприятие можно увидеть в прямом эфире на каналах НВК «Саха» и «Якутия 24», на официальной странице мероприятия в интернете. Оно освещается информационным агентством ЯСИА. Для многих молодых якутских модельеров проект «Arctic Fashion Show» стал трамплином в их дальнейшей карьере и позволил освоить новые рубежи. Например, по итогам показа 2019 г. дизайнеры бренда SOLKO получили возможность выступить на всероссийской неделе моды «Mercedes-Benz Fashion Week Russia»-2020 в Москве [Пиннигина, 2021, с. 51-54].

К слову, в московской неделе моды «Mercedes-Benz Fashion Week Russia» принимали участие многие модельеры из Якутии: Марфа Фёдорова, Светлана Габайдулина, Алёна Неустроева и Снежана Стручкова, Лилия Иванова и Глеб Хорошев, Александра Корякина [Модели из Якутии, 2021]. С 2016 г. свой бренд одежды «O5O» представляет модельер Мария Саввина. Её коллекция 2020 г., выполненная в стиле ретрофутуризма, поднимает проблему влияния цифрового кочевничества на утрату культурных корней северных народов и напоминает о загрязнении окружающей среды [Дизайнер из Якутии..., 2020]. При создании коллекции были использованы идеи традиционных костюмов народов севера. Коллекции М. Саввиной представлены в популярных модных изданиях Harper's Bazaar, Marie Claire, Grazia. Все это свидетельствует о богатейшем творческом потенциале модной индустрии Крайнего Севера, которая способна стать достойным представителем российской фэшн-индустрии на национальных и мировых показах.

Крупным событием в мире моды по праву можно назвать Международный форум BRICS+ Fashion Summit, впервые состоявшийся в Москве в конце 2023 г. Несмотря на санкции, его посетили делегации из 60 стран Европы, Азии, Латинской Америки и Африки. «Саммит моды БРИКС+» – это «международное мероприятие, объединяющее различные культуры, точки зрения и таланты со всего мира» [Акимов, 2023]. Среди 130 брендов, отобранных жюри для финального показа, были и два дизайнера из Якутии: Марфа Фёдорова (бренд «MARFAFEDOROVA») и Александра Корякина-Николаева (бренд «ZA_ZA»). В своих работа они представили уникальные культурные особенности Якутии, достойно показав свой родной регион через яркие, колоритные образы.

Значение модных показов сложно переоценить. Они способствуют выходу региональной модной индустрии на новый уровень, общероссийский и международный, создают условия для поддержки молодых дизайнеров и в целом способствуют развитию творческих инициатив в Арктике. Модные фестивали служат уникальной площадкой, на которой молодые модельеры могут показать народную культуру Севера, его колорит и самобытность. Модные показы не только популяризируют природу и культуру Арктики, но и заставляют задуматься о насущных проблемах Крайнего Севера и живущих там людей.

Зарубежные показы мод

Признанием работ модельеров из Арктики служит их активное участие в зарубежных показах. Большим успехом якутской модной индустрии стало заключение Изабеллой Дордосовой, основательницей бренда модной одежды «INNIKI FASHION», долгосрочного контракта о сотрудничестве с представителем World Fashion Exhibition в Шанхае. Контракт позволяет бренду в течение десяти лет показывать образы Арктики в Китае и благодаря интернет- и телетрансляциям во всем остальном мире [Якутский модельер..., 2024]. Это открывает прекрасные возможности для дальнейшего продвижения арктической тематики в мировой моде. Идеи для своих коллекций И. Дордосова черпает из природы и культуры родной Якутии. Её концептуальная коллекция «Дельта» создана под влиянием реки Лены, природного достояния Якутии и одного из красивейших мест на земле. Чтобы создать образы, отражающие красоту этой реки, автор изучала фотографии дельты с высоты птичьего полета, просматривала документальные фильмы и фотографии, читала научные статьи. Это позволило ей с точностью передать культурные коды народов Якутии, сделать их более известными за пределами России.

Показы мод обладают большим коммуникационным потенциалом. В международном масштабе они способствуют обмену творческими идеями, культурами, сближают людей, укрепляют культурные и экономические связи. Будучи открытой креативной площадкой, они дают возможность продвигать национальные ценности, традиции и историю разных стран, с помощью визуальных образов доступно и ярко рассказывать о них.

Креативные проекты в области моды

С целью содействия модной индустрии русского Севера и поддержки выхода местных модельеров на всероссийский рынок в 2018 г. в Салехарде был запущен региональный конкурсный проект «Ямал — центр арктической моды». Он также имеет статус арктического фэшн-фестиваля. Проект направлен на то, чтобы через моду открыть Арктику с точки зрения её уникального культурного потенциала. В конкурсе могут принять участие мастера национальных костюмов народов Севера, которые получают возможность обучения, в т.ч. дистанционного, и подготовки авторской коллекции одежды. На основе работ финалистов конкурса была создана экспозиция, представленная широкой публике в Русском музее (2019). Уникальная культурная площадка одного из крупнейших российских музеев, освещение в СМИ способствовали дальнейшему продвижению модельеров Крайнего Севера и популяризации национального костюма [Фестиваль «Ямал ...», 2018].

Также в Салехарде проводится фестиваль арктической моды «Ямалица», направленный на поддержку культуры малых коренных народов Севера и поддержку традиционных ремесел. Это новый проект, он впервые он прошел летом 2024 г., но уже приобрел популярность, т.к. освещался практически всеми местными СМИ и объединил около 70 дизайнеров.

Выводы

Мода - идеальное сочетание искусства, креативности и бизнеса. Она открывает огромные возможности для репрезентации национальной культуры в мире, формирования и продвижения благоприятного имиджа государства, помогает демонстрировать идентичность через национальные костюмы, орнаменты, украшения. Развитие индустрии моды имеет важное социальное измерение: появляются новые рабочие места, привлекается иностранный капитал и технологии.

Как показывает проведенное исследование, тема Арктики присутствует в модных коллекциях как российских, так и мировых брендов. В повседневной одежде Арктика «подарила» нам удобные и практичные модели, позаимствованные у коренных народов Севера. Модная индустрия в Арктике активно развивается, местные дизайнеры успешно осваивают не только родные региональные подиумы, но также всероссийские и зарубежные площадки. Они получают выгодные контракты в России и за ее пределами, их работы украшают обложки модных журналов и международных выставок. Их коллекции – это не только искусство, но еще и способ продвижения природы и культуры российской Арктики, привлечение внимания к проблемам живущих там людей. Тема Арктики в моде отличается неповторимым колоритом, вдохновленным природой, культурой и людьми этого сурового, но красивейшего края.

При этом совершенно очевидно, что модная индустрия региона нуждается в дальнейшей поддержке, в более активном продвижении на общероссийский и международный уровень. Для решения этой задачи можно задействовать потенциал международных площадок СНГ, БРИКС, проекта «Один пояс и один путь», активнее продвигать молодых дизайнеров с Крайнего Севера по центральному телевидению и в интернете, устраивать их показы на престижных площадках России. При дальнейшем выстраивании работы важно учитывать, что успехи модной индустрии Севера способны

стать импульсом для динамичного развития экономики и культуры региона в целом. Отражение темы Арктики в российской и мировой моде наряду с продвижением российских дизайнеров, живущих и работающих в северном регионе, может стать частью культурной дипломатии России и поддерживать популяризацию многонациональной культуры нашей страны в мире.

Литература

- Акимов И. «Полотно культур»: чем запомнился международный форум BRICS+ Fashion Summit//Газета.ру. 2023. 4 декабря <https://www.gazeta.ru/culture/2023/12/04/17961925.shtml> (дата обращения 12.10.2024)
- Богомолов К. Стиль Eskimo – суровая красота севера. Мода, 2015. 20 июня <https://bogomolov-image.livejournal.com/622.html> (дата обращения 14.10.2024)
- Дизайнер из Якутии представила коллекцию на Неделе моды Mercedes-Benz Fashion Week Russia //ЯСИА. 2020. 21 октября <https://ysia.ru/dizajner-iz-yakutii-predstavila-kollektsiyu-na-nedele-mody-mercedes-benz-fashion-week-russia/> (дата обращения 12.10.2024)
- Кусжанова А. Ж., Науменко Т. В. Убеждающая коммуникация как инструмент управления социально-экономическими процессами современности//Управленческое консультирование. 2016. № 7. С. 92 – 102.
- Модели из Якутии открыли показы двух дизайнеров. //Новости «Якутия 24». 2021. 25 октября https://vk.com/wall-74852417_40732 (дата обращения 15.10.2024)
- Пинигина О. Н. Мода как вид коммуникации// Актуальные проблемы современного гуманитарного знания: Мат-лы VII межвузовской научно-практ. конф. Якутск: ИЦ АГИКИ, 2021. С. 51-54.
- Фестиваль «Ямал - центр арктической моды» приглашает к участию молодых дизайнеров – Портал о развитии Арктики, 2018 <https://goarctic.ru/news/festival-yamal-tsentr-arkticheskoy-mody-priglashaet-k-uchastiyu-molodykh-dizaynerov/> (дата обращения 14.10.2024)
- Якутские модельеры представили яркие и самобытные коллекции на Arctic Fashion Show// Информационное агентство РИА МОДА. 2020. 11 декабря <https://riamoda.ru/news/39765.html> (дата обращения 14.10.2024)
- Якутский модельер выходит на рынок Китая | ЭХО-УКТ. ЭХО СТОЛИЦЫ, 2024 <https://echo-ykt.ru/articles/yakutskiy-modeler-vykhodit-na-rynok-kitaya> (дата обращения 17.10.2024)
- Nirbhay Rana. Fashion Diplomacy: The Role of Fashion in Cultural Exchange //International journal for innovative research in multidisciplinary field. 2024 (January). Vol.10, Issue 1, Pp. 1-5. https://www.researchgate.net/publication/377334520_Fashion_Diplomacy_The_Role_of_Fashion_in_Cultural_ExchangeDOI:10.2015/IJIRMF/202401001

References

- Akimov I. «Polotno kul'tur»: chem zapomnilsya mezhdunarodnyj forum BRICS+ Fashion Summit//Gazeta.ru. 2023. 4 dekabrya <https://www.gazeta.ru/culture/2023/12/04/17961925.shtml> (accessed 12.10.2024)
- Bogomolov K. Stil' Eskimo – surovaya krasota severa. Moda, 2015. 20 iyunya <https://bogomolov-image.livejournal.com/622.html> (accessed 14.10.2024)
- Dizajner iz Yakutii predstavila kollekciyu na Nedele mody Mercedes-Benz Fashion Week Russia //YaSIA. 2020. 21 oktyabrya <https://ysia.ru/dizajner-iz-yakutii-predstavila-kollektsiyu-na-nedele-mody-mercedes-benz-fashion-week-russia/> (accessed 12.10.2024)
- Kuszhanova A. Zh., Naumenko T. V. Ubezhdayushchaya kommunikaciya kak instrument upravleniya social'no-ekonomicheskimi processami sovremennosti//Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2016. № 7. S. 92-102.
- Modeli iz Yakutii otkryli pokazy dvuh dizajnerov. //Novosti «Yakutiya 24». 2021. 25 oktyabrya / (accessed 15.10.2024)

- Pinigina O. N. Moda kak vid kommunikacii// Aktual'nye problemy sovremennogo gumanitarnogo znaniya: Mat-ly VII mezhvuzovskoj nauchno-prakt. konf. Yakutsk: IC AGIKI, 2021. – S. 51-54.
- Festival' "Yamal - centr arkticheskoy mody" priglashaet k uchastiyu molodyh dizajnerov – Portal o razvitii Arktiki, 2018 <https://riamoda.ru/news/39765.html> (accessed 14.10.2024)
- Yakutskie model'ery predstavili yarkie i samobytnye kollekcii na Arctic Fashion Show// Informacionnoe agentstvo RIA MODA. 2020. 11 dekabrya <https://riamoda.ru/news/39765.html>
- Yakutskij model'er vyhodit na rynek Kitaya | EXO-YKT. EHO STOLICY, 2024 <https://exo-ykt.ru/articles/yakutskiy-modeler-vyhodit-na-rynok-kitaya> (accessed 17.10.2024)
- Nirbhay Rana. Fashion Diplomacy: The Role of Fashion in Cultural Exchange //International journal for innovative research in multidisciplinary field. 2024 (January). Vol.10, Issue 1, Pp. 1-5. https://www.researchgate.net/publication/377334520_Fashion_Diplomacy_The_Role_of_Fashion_in_Cultural_ExchangeDOI:10.2015/IJIRMF/202401001 (accessed 18.10.2024)

СТРОЕНИЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В данной статье рассматриваются особенности строения газетных заголовков на английском и русском языках, сходства и различия, а также, трудности, возникающие при переводе. В ходе исследования использовались такие методы, как сопоставительный лингвистический анализ и переводческий анализ. В результате исследования были выявлены различия строения газетных заголовков на русском и английском языках, а также сформулированы основные трудности их перевода. Результаты исследования могут быть интересны начинающим переводчикам и всем, кто изучает процессы межкультурной коммуникации в современном информационном медиапространстве.

Ключевые слова: заголовок, функции заголовка, структура заголовка, перевод заголовков

Alexandra D. Bogomolova

St. Petersburg University

TRANSLATING NEWSPAPER HEADLINES FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

The article discusses the specifics of newspaper headlines in terms of translation from English into Russian. Translators must know the structure and special features of newspaper headlines, their similarities and differences in English and Russian to translate them adequately. This research uses methods such as comparative linguistic analysis and translation analysis. As a result, the author describes differences between newspaper headlines in Russian and English at all language levels, which may cause difficulties in translating newspaper headlines. The findings could be useful for novice translators and for those who study cross-cultural communication in the modern media environment.

Keywords: headlines, functions of headlines, structure of headlines, translation of headlines

Введение

В настоящее время обмен информацией является ключевым аспектом в жизни человека. Информационный обмен происходит через общение людей, а также все виды традиционных и новых медиа. Сегодня многие печатные издания (газеты и журналы) имеют электронные версии, оставаясь актуальным источником информации. Электронные версии имеют такие российские газеты, как «Аргументы и факты» (www.aif.ru), «Ведомости» (www.vedomosti.ru), «Вечерняя Москва» (www.vm.ru), «Известия» (www.izvestia.ru), «Коммерсант» (www.kommersant.ru), «Комсомольская правда» (www.kp.ru) и многие другие. Данное исследование выполнено на материалах сетевого издания ИноСМИ, которое является одним из источников информации из зарубежных СМИ. Интернет-проект медиагруппы «Россия сегодня» (<https://inosmi.ru/>) публикует переводы на русский язык наиболее интересных публикаций более 2800 зарубежных СМИ, видео- и телепередач, публичных выступлений экспертов со всего мира. ИноСМИ имеет мобильное приложение, что во много раз повышает доступность информации.

Цель данного исследования – уточнить структурные и лингвистические особенности строения заголовков на английском и русском языках, описать их сходства и различия, которые должны учитываться при переводе. Задачи исследования: 1) описать особенности строения газетных заголовков на русском и английском языках; 2) определить лингвистические особенности строения газетных заголовков на русском и английском языках; 3) выявить различия газетных заголовков на английском и русском языках; 4) описать особенности перевода газетного заголовка с английского на русский язык; 5) выработать рекомендации для переводчика медиатекстов.

Данное исследование основывается на публикациях А. Д. Швейцера (1973), В. Н. Комиссарова (1990), А. В. Федорова (2002), С. И. Сметаниной (2002), Э. А. Лазаревой (2004), И. Р. Гальперина (2007), Ю. В. Верещинской (2009), Н. И. Ударовой (2017), Р. В. Попадинца (2021) и других.

Заголовок – название небольшого произведения, статьи¹. Газетный заголовок – первое, на что обращает внимание читатель. Именно заголовок помогает решить, будет ли он читать данный материал. Газетный заголовок должен отвечать нескольким постоянным требованиям. Заголовок должен быть ярким, кратким, информативным, легко читаемым и понятным. Краткость газетного заголовка можно объяснить в том числе и закономерностью работы памяти. Согласно исследованиям Джорджа Миллера, кратковременная память человека может удержать семь плюс минус два элемента [Миллер, 1956].

Заголовок должен передавать основную идею текста, а также содержать ключевые слова, которые помогут понять его содержание. Согласно И. Р. Гальперину, заголовок представляет собой компрессированное, нераскрытое содержание текста, которое своеобразно сочетает в себе две функции – функцию номинации (эксплицитно) и функцию предикации (имплицитно) [Гальперин, 2007, с. 133]. С точки зрения маркетинга, заголовок должен быть «продающим», рекламным.

Э. А. Лазарева выделяет две классификации газетных заголовков: по зависимости от смысла текста и по полноте отражения текста. Первая классификация включает в себя однонаправленные и комплексные заголовки. Однонаправленные заголовки соотносятся с одним элементом структуры текста, основным или второстепенным. В основном это тематизирующее заглавие, сообщающее читателю тему статьи и вводящее в состав его основной мысли. Комплексные заголовки отражают одновременно несколько элементов структуры текста и считаются выразительным ресурсом газеты. Заголовки этого типа, как правило, имеют сложную синтаксическую структуру.

Согласно второй классификации, заголовки делятся на полноинформативные, которые отражают тему всего текста; часто используются в анонсах и являются содержательными. Неполноинформативные заголовки отражают только часть освещаемого в статье тезиса [Лазарева, 2004].

Ю. В. Верещинская выделяет следующие функции заголовков: номинативно-информативная (функция сообщения о факте); оценочная; рекламная; эстетическая, позволяющая отделить один текст от другого, выделить текст из окружающего контекста и в то же время связать всю полосу в единое целое; осуществляется преимущественно топографическими средствами [Верещинская, 2009].

Таким образом, постоянными характеристиками газетного заголовка являются привлекательность, краткость, информативность и легкость восприятия читателем. Газетные заголовки на русском и английском языках выполняют одни и те же функции: информирующую, оценочную, рекламную и эстетическую. Графические средства важны в любом медиапространстве, особенно в газетных заголовках. Это связано с визуальным

---

¹ Толковый словарь Ожегова

восприятием текста. Шрифт, стиль, композиция, структура и организация текста на странице способствуют созданию определенного настроения или атмосферы, которые могут усиливать содержание текста. Например, изящные, каллиграфические шрифты могут передавать романтичность, в то время как строгие, геометрические шрифты могут ассоциироваться с профессионализмом [Верещинская, 2009].

Исследование

Особенности строения газетных заголовков на русском и английском языках

Выделяются следующие виды газетных заголовков на русском языке.

- повествовательный заголовок (новостного текста): «Губернатор задаст приоритеты»;
- заголовок-резюме или комментирующий заголовок (нередко с ироничной «оговоркой»): «Метро докопалось до «Парнаса», «Диагноз: затмение»;
- заголовок-парадокс пробуждает любопытство, шокирует читателя, а иногда искусственно усиливает значимость не особенно важного сообщения: «Город уберут шлангом и «пагонами», «Таможня играет в карты»;
- упоминание имен участников события в заголовке усиливает интерес к тексту: «Клебанов взялся за цемент», «Геннадий Селезнёв махнет налево»;
- заголовок-цитата;
- игровой заголовок: «Таможня дает добро», «Враг опасен – будь начеку!», «А у нас газопровод! Вот». [Сметанина, 2002]
- Заголовки таких видов характерны и для публикаций на английском языке:
- повествовательный заголовок: Americans Don't Want to Fight for Their Country Anymore¹;
- заголовок-резюме: The Post-America War Has Begun²; Why Everything you Buy is Worse Now³;
- заголовок-парадокс: Lady Brigitte Macron is a Man⁴; Kate Middleton's Story is About So Much More Than Kate Middleton⁵;
- заголовок-цитата: "All hell broke loose": Passengers on Singapore Airlines flight describe nightmare at 37,000 feet⁶; Candace Owens says she'll stake her "entire reputation" on debunked theory that French First;
- игровой заголовок: Why do We Let Israel and Ukraine Wag the US Dog?⁷

Таким образом, приемы построения заголовков на русском и английском языках во многом совпадают. Такие приемы, как использование цитат, игры слов, антитезы или парадокса, резюмирующего утверждения способствуют реализации двух главных функций заголовка: информативную и рекламную (привлечение внимания читателя).

---

¹ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20231112/armiya-ssha-266558110.html>

² ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20231111/amerika-266554216.html>

³ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20231201/torgovlya-266806894.html>

⁴ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20240320/makron-268321738.html>

⁵ ИноСМИ – URL: https://inosmi.ru/20240316/keyt_middlton-268272673.html

⁶ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20240522/turbulentnost-268951770.html>

⁷ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20231109/ssha-266514947.html>

Лингвистические особенности газетного заголовка на английском языке

Среди лексико-грамматических средств, наиболее характерных для газетного заголовка на английском языке, можно выделить следующие.

1. Преобладание глагольных конструкций.
2. Лексические единицы, характерные для разговорного стиля речи.

Putin's **buddy** Orbán pushes EU to the brink over Ukraine¹

Существительное **buddy** является американским сленговым словом в значении «друг» или «приятель». Иногда употребляется с ироническим оттенком.

Global study names world's **booziest** nations; the top 3 will surprise you²

Прилагательное **boozy** – сленговое слово со значениями «поддатый», «навеселе».

Russian Tycoons **Pocket** \$11 Billion Dividends on War Economy Boom³

Российские магнаты **заработали** 11 миллиардов долларов дивидендов на буме военной экономики

3. Сокращения часто используются в газетных заголовках для повышения экспрессивности и уменьшения информационного шума.

New **Tech** Innovations Transforming Daily Life

Eco Initiatives Gaining Popularity Worldwide

Med Advances in Cancer Treatment Announced

Russian Oil Is Once Again Trading Far Above the **G-7's** Price Cap Everywhere

4. Термины (часто аббревиатуры)

***AI-Powered Super Soldiers Are More Than Just a Pipe Dream**⁴*

5. «Заголовочная лексика» (headline vocabulary). Особенности «заголовочной лексики» являются частота употребления и широкая семантика таких слов, как **ban, bid, claim, crack, crash, cut, dash, hit, move, pact, plea, probe, quit, quiz, rap, rush, slash** и др. [Швейцер, 1973, с. 163].

Why the Red Sea Crisis Hasn't **Hit** Energy—Yet⁵

Republican Candidates **Clash** on Ukraine⁶

6. Использование клише (шаблонных фраз).

The New Arms Race: Nations Compete for Technological Supremacy

A Bitter Pill to Swallow: The Reality of Rising Costs

7. Использование имен собственных (имен известных людей).

Sir Elton John: The Man Behind the Music

The Influence of **Sir Peter Jackson** on Modern Cinema

¹ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20231201/orban-266866638.html?in=t>

² ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20231111/alkogol-266553358.html>

³ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20240709/sanktsii-269472479.html>

⁴ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20240715/ii-269532967.html>

⁵ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20240121/tsena-na-neft-267500763.html>

⁶ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20231109/ssha-266517582.html>

В Великобритании Командоры Ордена Британской Империи получают титул рыцаря-бакалавра и право добавлять приставку «сэр» к своему имени. В англо-саксонской культуре часто используются диминутивы имен собственных или инициалы.

Bill Clinton, Israeli Billionaire Launch \$1 Billion Climate Fund¹

Tony Blair Should Stop Fueling the AI Hype Now²

Полное имя Билла Клинтона - William Jefferson Clinton, а Тони Блэра - Anthony Charles Lynton Blair.

8. Прецедентные феномены (часто трансформированные).

Appleocalypse now (статья о попытке спасти яблоневые сады в США) апеллирует к культовому фильму Apocalypse Now Фрэнсиса Форд Копполы (The Economist, 2019). [Попадинец, 2021, с. 69]

9. Опускание служебных слов (артиклей, глагола-связки to be), вводящего глагола при цитировании придает заголовку динамичность и снижает информационный шум.

(A) Global Study Names **(the)** World's Booziest Nations; **The** Top 3 will Surprise You

Millions of Books **(were)** Donated to Local Libraries

Ancient Artifacts **(were)** Recovered from Underwater Site

Associated Press **(announced)**: "Biden is Often Alive and Conscious, but Sometimes Mostly Dead"

"All hell broke loose" **(said)**: Passengers on Singapore Airlines flight describe nightmare at 37,000 feet

В газетных заголовках на английском языке часто используются следующие стилистические средства выразительности.

1. Аллюзия

Why do We Let Israel and Ukraine **Wag the US Dog**?³

В заголовке присутствует аллюзия на американскую поговорку *the tail wagging the dog*, которая имеет отрицательную коннотацию и употребляется для создания иронии. Впервые это выражение появилось в американской политической статье 1871 года.

2. Антитеза

Will China and Russia **Reap the Rewards** of Global Chaos?⁴

В английском языке выражение *to reap the rewards* имеет значение наслаждаться или получать награду, видеть плоды своих усилий, действий или инвестиций. В заголовке *rewards* контрастирует с *chaos* – антитеза с ироническим оттенком.

3. Игра слов

US **cool** on climate change

Игра слов основана на многозначности слова *cool*, которое имеет два значения:

1) прохладный 2) выражение *to be cool on* = быть не заинтересованным в чем-либо.

4. Аллитерация

---

¹ Bloomberg – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-09-19/bill-clinton-israeli-billionaire-launch-1-billion-climate-fund>

² Bloomberg – URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2024-07-17/tony-blair-should-stop-fueling-the-ai-hype-now>

³ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20231109/ssha-266514947.html>

⁴ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20231029/kitay-266363255.html>

“Eat an apple” suggests sneaky snake (The Sun)

«Съешь яблоко» - искушает подлый змей [Набиуллина, 2020, с. 67]

5. Риторический вопрос

English still rules the world, but that's not necessarily OK. Is it time to curb its power?¹

Why are Americans Becoming More Stupid?²

Особенности газетного заголовка на русском языке

Выделяются следующие модели построения газетных заголовков на русском языке:

1. существительное + существительное: «Книга мудрости»
2. существительное + прилагательное: «Солнечный день»
3. субъект действия + предикат: «Состоялась премьера фильма»
4. объект действия + предикат: «Ученые проводили эксперименты»
5. побудительные предложения: «Не упустите шанс!»
6. простое предложение с именной частью составного сказуемого (выраженного существительным): «Культура – основа общества» [Пешковский, 2001].

Рассмотрим языковые особенности газетных заголовков на русском языке.

1. Преобладание именных конструкций.
2. Использование имен собственных известных людей.

Associated Press: «**Байден** нередко жив и даже в сознании, но вообще скорее мертв»³

Покушение на **Трампа** показало **Путину** и **Си**, что Запад при **Байдене** уязвим и растерян⁴

3. Использование клише.

Время покажет

Ситуация под контролем

Не все так просто

4. Прецедентные феномены.

С легким паромом⁵

Аллюзия на советский фильм «Ирония судьбы, или с лёгким паром!» 1975 года.

5. Образные средства.

Почему **кризис** в Красном море до сих пор **не ударил** по энергетическим рынкам⁶
(олицетворение)

Айфон стал **троянским конем** в области ИИ⁷ (метафора)

¹ <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/dec/27/english-world-power-language-linguistic-justice>

² ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20240226/obrazovanie-268011195.html>

³ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20240709/bayden-269479296.html>

⁴ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20240720/razvedka-269583464.html>

⁵ Коммерсантъ – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6747982?query=c%20легким%20паром>

⁶ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20240121/tsena-na-neft-267500763.html>

⁷ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20240617/ayfon-269215966.html>

Троянский конь – символ предательства, вероломства. Огромный деревянный конь, подаренный данайцами (греками) Трое, укрывал в себе воинов, которые, выйдя из него, впустили войско, напавшее на город.¹ В заголовке – метафора.

6. Языковые средства, характерные для разговорного стиля речи

Краны для «чайников»²

7. Цитирование

«Я никогда не гнался за популярностью»: умер экс-солист «На-На» Владимир Левкин³

8. Окказионализмы

В «Авито» запустили «Хватамбу» — первую федеральную распродажу вещей от частных продавцов⁴

Wildberries С 11 по 22 сентября пройдет новая акция «УХТЫДАЖА!»⁵

Таким образом, лингвистические особенности газетных заголовков на английском и русском языках включают: использование разговорной лексики, сокращений, шаблонных фраз, «заголовочного жаргона», прецедентных феноменов, а также стилистических средств выразительности, таких как аллюзия, все виды метафоры, риторический вопрос. Аллитерация встречается в заголовках на русском языке крайне редко. Кроме того, передать аллитерацию при переводе с английского на русский язык скорее всего не удастся. В отличие от заголовков на русском языке для англоязычных заголовков характерно преобладание глагольных конструкций, опущение служебных слов, что объясняется различиями в строении языков, и вводящего слова при цитировании. Опущение этих элементов придает заголовку динамичность и снижает уровень информационного шума. Основными отличиями заголовков на русском языке, выявленными в рамках данного исследования, является преобладание именных конструкций, использование окказионализмов, которые создаются автором публикации в соответствии с законами словообразования русского языка для какого-либо одного особого случая с целью усиления художественной выразительности и/или языковой игры.

Особенности перевода газетных заголовков

Указанные выше лексико-грамматические различия, стилистическая окраска языковых единиц, а также стилистические средства выразительности могут стать причинами трудностей и ошибок при переводе газетных заголовков с английского на русский язык. Например, в следующем примере сочетаются такие приемы, как аллюзия на эпическую поэму Д. Мильтона (высокий стиль) и разговорная лексика, эргоним и числительное, требующее локализации, которые адекватно переданы в переводе.

“All hell broke loose”: Passengers on Singapore Airlines flight describe **nightmare** at 37,000 feet
«И разверзлась бездна». Пассажиры рейса «Сингапурских авиалиний» описывают кошмар на высоте 12 000 метров

Выражение “All hell broke loose” впервые появилось в поэме Джона Мильтона (John Milton) «Потерянный рай» (Paradise Lost (1667), книга 4, строка 917). Архангел Гавриил

¹ Толковый словарь Ожегова

² Фонтанка.ру – URL: <https://www.fontanka.ru/longreads/73501787/?erid=2SDnjcLhMNZ>

³ Газета – URL: <https://www.gazeta.ru/photo/20089969/vladimir-levkin-passed-away.shtml>

⁴ IXBT. COM – URL: <https://www.ixbt.com/news/2024/06/24/v-avito-zapustili-hvatambu--pervuju-federalnuju-rasprodazhu-veshej-ot-chastnyh-prodavcov-.html?ysclid=m3lvvrofxw50586455>

⁵ AVOSHOP – URL: https://avoshop.ru/company/news/2024/wildberries_s_11_po_22_sentyabrya_proydyet_novaya_aktsiya_ukhtydazha/

обращается к Сатане: “Wherefore with thee Came not all hell broke loose?” (Why did all hell not break loose and come with you?).

В большинстве случаев перевод заголовка и газетно-информационного материала в целом трудно назвать собственно переводом. «Газетно-информационные тексты – в отличие от других – редко переводятся для печати целиком и в «чистом виде». <...> Данные иностранной прессы подвергаются приспособлению к стилистическим нормам газетного стиля или официальных сообщений на русском языке; перевод при этом нередко заменяется более коротким реферативным изложением, своего рода пересказом» [Федоров, 2002, с. 284].

Часто новостными статьями занимаются журналисты и редакторы, для которых исходный текст на иностранном языке – только основа для создания своего материала [Ударова, 2017]. О таком виде языкового посредничества говорил В. Н. Комиссаров, используя термин «адаптивное транскодирование» или рекреация. Он отмечал, что адаптации создаются либо для оказания «желаемого воздействия на определенную группу рецепторов», либо для извлечения «определенной части информации» из оригинала. При этом в отличие от перевода «создаваемый текст не предназначен для полноценной замены оригинала», но в большей или меньшей степени сохраняет его характеристики [Комиссаров 1990].

Н. И. Ударова выделяет несколько причин для рекреации: разница в аудиториях, на которую ориентируются издания; политика редакции; необходимость подачи одного и того же информационного материала с наиболее интересующей стороны [Ударова, 2017].

Приведем примеры рекреации газетных заголовков. В заголовках, переведенных на русский язык, наблюдается усиление экспрессивности и образности.

Americans Don't Want to Fight for Their Country Anymore

Довоевались до кризиса доверия: армию США охватил кадровый голод

The post-America war has begun

«Американский мир мертв». На гегемонии США поставлен крест

AI-Powered Super Soldiers Are More Than Just a Pipe Dream¹

«Когнитивное превосходство»: американские военные сделали ставку на ИИ

Заключение

В заключении сделаем следующие выводы. Газетные заголовки на русском и английском языках выполняют одинаковые функции. Различия наблюдаются в моделях построения и лексико-грамматическом оформлении. Эти различия могут стать причинами ошибок при переводе. Можно выделить две стратегии перевода газетных заголовков: собственно перевод и адаптивное транскодирование. Для передачи заголовков часто используется не перевод, а рекреация или адаптивное транскодирование.

В ходе исследования были сформулированы рекомендации для начинающих переводчиков медиатекста: 1) изучить особенности строения и перевода заголовков на языке оригинала и перевода и учитывать их при переводе или рекреации; 2) избегать буквального перевода; 3) сохранять стилистическую окраску языковых единиц; 4) сохранять объективность и точность данных, например при передаче числительных; 5) избегать двусмысленности, если это не подразумевалось автором оригинальной публикации; 6) проверять этимологию идиоматических единиц и источники цитат из классических произведений; 7) проверять правильность понимания аллюзий; 8) эффективно использовать

¹ ИноСМИ – URL: <https://inosmi.ru/20240715/ii-269532967.html>

стилистические средства выразительности в языке перевода; 9) обращать особое внимание на перевод терминологии и прецедентных феноменов; 10) перепроверять перевод.

Перспективами данного исследования являются изучение возможностей нейронного машинного перевода медиатекста, а также исследование динамической эквивалентности оригинала и перевода в восприятии читателями, владеющими разными языками и представляющим разные культуры.

Литература

- Верещинская Ю. В. Газетный заголовок в аспекте медиалингвистики (на материале испанской прессы) // Коммуникация, дискурс, профессиональное общение: лингвокультурологический аспект. Вестник МГЛУ. М., 2009. С. 126-136.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 125 с.
- Лазарева Э. А. Заголовок в газете. Екатеринбург: Уральский университет, 2004. 84 с.
- Миллер Дж. «Магическое число семь, плюс-минус два: некоторые пределы нашей способности обрабатывать информацию». The Psychological Review, 1956, vol. 63, pp. 81-97.
- Набиуллина В. Р. Аллитерация в газетных заголовках англоязычной прессы // International Journal of Advanced Studies in language and communication, №1, 2020. – С. 64-68.
- Ударова Н. И. К вопросу о принципах и способах передачи эргонимических единиц при переводе информационных текстов. Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 10 (783), 2017.
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода. 5-е изд. СПб: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. 416 с.
- Пешковский А. Русский синтаксис в научном освещении. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 510 с.
- Попадинец Р. В. Функции употребления прецедентных феноменов в заголовках текстов СМИ и их основные источники (по материалам англоязычного журнала The Economist) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11, № 4. – С. 62–74.
- Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.): Научное издание. СПб: Изд-во Михайлова В. А., 2002.
- Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. Газетно-информационный и военно-публицистический перевод. М.: Воениздат, 1973. 280 с.

References

- Vereshchinskaya Yu. V. Newspaper headline in the aspect of media linguistics (based on the material of the Spanish press). Communication, discourse, professional communication: linguistic and cultural aspects. Bulletin of Moscow State University. 2009. P. 126-136.
- Galperin I. R. Text as an object of linguistic research. Moscow: KomKniga, 2007. 144 p.
- Komissarov V. N. Theory of translation (linguistic aspects). Moscow: Higher School, 1990. 125 p.
- Lazareva E. A. The headline in the newspaper. Yekaterinburg: Ural University, 2004. – 84 p.
- Miller George A. The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information. The Psychological Review, 1956, vol. 63, pp. 81-97.
- Nabiullina V. R. Alliteration in newspaper headlines in the English-language press. International Journal of Advanced Studies in language and communication, No.1, 2020. P. 64-68.
- Udarova N. I. On the question of the principles and methods of transferring ergonomic units in the translation of information texts. Bulletin of the Moscow State University. Humanities. Issue 10 (783), 2017.

- Fedorov A. V. Fundamentals of the theory of translation. 5th ed. St. Petersburg: PHILOLOGY THREE, 2002. 416 p.
- Peshkovsky A. Russian syntax in scientific coverage. Moscow: Languages of Slavic culture, 2001. 510 p.
- Popadinets R. V. Functions of precedent phenomena usage in the headlines of media texts and their sources (Based on the materials of the English-language magazine the Economist). Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2021, 11(4): 62-74.
- Smetanina S. I. Media text in the cultural system (dynamic processes in the language and style of journalism of the late XX century): Scientific publication. St. Petersburg: Mikhailov V. A. Publishing House, 2002.
- Schweitzer A. D. Translation and linguistics. Newspaper-informational and military-journalistic translation. Moscow: Voenizdat, 1973. 280 p.

Бондарева Л. М.

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

**ФЕНОМЕН ГЕТЕРОГЕННОСТИ РЕЧЕВОГО СУБЪЕКТА В ТЕКСТАХ
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО РЕТРОСПЕКТИВНОГО ДИСКУРСА**

Освещаются особенности самопрезентации субъекта ретроспективной ментально-когнитивной деятельности в текстах воспоминаний немецкоязычных писателей XIX–XX вв. Новизна исследования определяется лингвокогнитивным подходом к проблеме взаимодействия рефлексирующей личности писателя с собственным сознанием в условиях ретроспективного дискурса. Цель работы заключается в установлении способов реализации феномена квазимножественности авторского Я при реконструкции собственного прошлого опыта. В качестве методов исследования используются метод контекстуального анализа, аналитико-описательный метод и элементы когнитивного анализа дискурса. Выявляются формы экспликации гетерогенности речевого субъекта в автобиографических текстах, основной из которых служит семантическая оппозиция «Я настоящее – Я прошлое», или «субъект-реконструктор – субъект-реконструкт». В качестве очередных форм репрезентации субстанциальной расщепленности структуры речевого субъекта фиксируются оппозиции «Я единое физическое – Я гетерогенное духовное», «Я сознательное – Я бессознательное», а также факт вариативности эвентуальной множественности субъекта-реконструкта.

Ключевые слова: эго-идентичность, ретроспективный дискурс, субъект-реконструктор, субъект-реконструкт, семантическая оппозиция

Ludmila M. Bondareva

Immanuel Kant Baltic Federal University

**THE PHENOMENON OF HETEROGENEITY OF THE SPEECH SUBJECT IN
GERMAN-LANGUAGE RETROSPECTIVE DISCOURSE TEXTS**

The study highlights the peculiarities of self-presentation in the retrospective mental-cognitive activity of German-speaking writers of the 19th–20th centuries within their autobiographical texts. The novelty of the research lies in the linguo-cognitive approach to the interaction between the reflecting writer's personality and their own consciousness within the framework of retrospective discourse. The aim of the study is to identify the ways in which the phenomenon of quasi-multiplicity of the author's self is manifested during the reconstruction of personal past experiences. The research methods include contextual analysis, an analytic-descriptive approach, and elements of cognitive discourse analysis. The study identifies forms of explicating the heterogeneity of the speech subject in autobiographical texts, with the primary form being the semantic opposition of “present self vs. past self” or “reconstructing subject vs. reconstructed subject.” Further forms of representing the substantial split in the structure of the speech subject include oppositions such as “physical unified self vs. spiritual heterogeneous self,” “conscious self vs. unconscious self,” as well as the variability in the event-based multiplicity of the reconstructed subject.

Keywords: ego-identity, retrospective discourse, reconstructing subject, reconstructed subject, semantic opposition

В ряду актуальных вопросов онтологического характера, которые пытается решить современная антропоцентрически ориентированная наука, продолжает оставаться проблема функционирования человеческой психики. За последние десятилетия неоценимый вклад в исследование проблем подобного рода внесла когнитивистика, поскольку само понятие «когниция», согласно Н. Н. Болдыреву, соотносится с любым процессом сознательного или неосознанного характера, непосредственно связанным с получением, преобразованием и использованием информации и включающим в себя, помимо восприятия мира, категоризации, мышления, речи, целую совокупность других психических процессов [Болдырев, 2004, с. 23].

Вполне понятно, что когнитивная деятельность человека, направленная на взаимодействие с объективной реальностью, неизбежно подразумевает познание *самого* человека, являющегося константной составляющей этой объективной реальности. Принципиальным моментом при анализе структуры нашего сознания следует считать его онтологически обусловленную изначальную «расщепленность»: любая личность в качестве звена триады «человек – пространство – время» представляет собой синтез Я вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего, а стабильный характер этого триединства гарантируется функционированием механизма личностной памяти.

По утверждениям психологов гетерогенность феномена Я есть результат естественного процесса индивидуального развития, начинающегося примерно в трехлетнем возрасте и служащего в дальнейшем основой самопознания, самоанализа и самооценки [подр. см.: Кон, 1984; Коломинский. 1986]. Что касается процесса самопознания, то его осмысление является не только актуальным объектом изучения в сферах психологии и философии, но и предметом изображения в области литературного творчества. Достаточно отчетливо подразумеваемый феномен реализуется в текстах выявленного нами особого дискурсивного типа, а именно *ретроспективного дискурса*, под которым мы понимаем процесс вербализации интенционально обусловленной ментально-когнитивной ретроспективной деятельности речевого субъекта – реальной исторической личности или фикционального главного героя-рассказчика, реконструирующего факты и события из личного или чужого прошлого опыта [Бондарева, 2019, с. 25]. Таким образом, речь идет прежде всего о текстах воспоминаний, которые циркулируют в пространстве мемуарно-автобиографического жанра.

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что в период фиксации собственных воспоминаний автор находится в иной онтологической фазе личностного развития по сравнению со своим изображаемым Я, что обусловлено естественной темпоральной дистанцией между временем свершения и временем описания речевым субъектом какого-либо конкретного пережитого события. Важно подчеркнуть, что расстояние между упоминаемыми Я-полюсами представляет собой величину достаточно вариабельную и непосредственно зависящую от глубины погружения рассказчика в прошлую действительность.

В свое время известный немецкий литературовед К. Гамбургер, рассматривавшая природу автобиографического романа, справедливо констатировала наличие в произведениях данного жанра двух «я», первое из которых, представляющее собой «я нынешнее», соответствующее «теперь» и «здесь» пишущего (Jetzt- und Hier-Origo des Schreibers), рассказывает о втором, «юношеском я», проходящем определенные стадии личностного развития (das seine Ich-Stadien durchlaufende ich) [Hamburger, 1957, S. 229].

Следует добавить, что репрезентация двуединой сущности автобиографического субъекта интерпретируется в литературоведческих исследованиях под различными номинациями, к числу которых относятся, в частности, «я повествующее» и «я переживающее» [Stanzel, 1959], «автор» и «автобиографический персонаж» [Гинзбург, 1976], «я наблюдающее, сентиментальное» и «я наивное» [Picard, 1978], «рассказчик» и «главный

персонаж» [Finney, 1985] и др. Впрочем, согласно Л. М. Ньюбиной, в автобиографических текстах форма Я объединяет три личности, которыми являются автор, субъект и объект рассказа [Ньюбина, 2014, с. 190].

В данном смысле мы все же считаем логичным говорить о правомерности разграничения в автобиографическом нефикциональном нарративе таких понятий, как *субъект-реконструктор*, наиболее близкий аутентичной исторической личности автора воспоминаний и обозревающий с определенной темпоральной дистанции собственное прошлое, и *субъект-реконструкт*, который действует исключительно в рамках своей пространственно-временной перспективы, относящейся к этому прошлому. Субъект-реконструктор в качестве «я настоящего» рассказчика занимает доминирующую позицию в семантической структуре текста, что позволяет ему целенаправленно интегрировать и перерабатывать совокупный жизненный опыт.

При этом, однако, не следует забывать о факте естественной отчужденности субъекта литературного творчества от продукта его труда, то есть о невозможности абсолютного совпадения исторической личности писателя и субъекта-реконструктора в связи с неизбежно существующими онтологически обусловленными различиями между текстовой репрезентацией автора и ее референтом, на что указывают С. Четмен [Chatman, 1978] и Т. Докерти [Docherty, 1990]. В свое время ещё М. М. Бахтин писал по этому поводу следующее: «Я как рассказывающий или пишущий о только что свершившемся с ним событии уже находится вне того времени и пространства, в котором это событие произошло, а отождествление своего «я» с рассказываемым «я» так же невозможно, как и невозможно самого себя поднять за волосы» [Бахтин, 1975, с. 405].

В процессе исследования ряда немецкоязычных нефикциональных и фикциональных текстов личных воспоминаний нам удалось установить, что неоднородность авторского Я реализуется в этих текстах в нескольких вариантах. Одним из таких вариантов является экспликация семантической оппозиции «*Я единое физическое – Я гетерогенное духовное*», наглядным примером чему может служить фрагмент фикциональных воспоминаний эксцентрического одиночки и главного героя-рассказчика Гарри Галлера в романе Г. Гессе «Der Steppenwolf», в котором речь идет о бесчисленном множестве душ, живущих в физическом теле каждого отдельного человека:

Als Körper ist jeder Mensch eins, als Seele nie [Hesse, 1994, S. 73];

Die Brust, der Leib, ist eben immer eines, der darin wohnenden Seelen aber sind nicht zwei, oder fünf, sondern unzählige; der Mensch ist eine aus hundert Schalen bestehende Zwiebel, ein aus vielen Fäden bestehendes Gewebe [Ibid., S. 75].

Впрочем, гипертрофированная акцентуация факта множественности духовного человеческого Я, безусловно, может служить признаком патологической психической лабильности рефлексирующей личности автора воспоминаний, показателем его внутренних колебаний и сомнений в адекватности собственного поведения и отношения к жизни. Автопортрет такой ранимой в юности натуры, лишь с возрастом сумевшей преодолеть комплекс неполноценности, представлен в автобиографии Г. Фаллады «*Damals bei uns daheim*». В цитируемом ниже фрагменте текста обращает на себя внимание констатация писателем приступов осознания даже физической чужеродности своей личности, выход из которых знаменовался для него состоянием экзальтации и опьянения счастьем от возвращения к своему единому, целостному Я. Формальным признаком подразумеваемой гетерогенности авторского Эго на духовном и физическом уровнях служит написание соответствующего немецкого местоимения *ich* с прописной и строчной букв:

Manchmal sah ich mich lange im Spiegel an. Bei der Betrachtung meines Gesichtes schien es mir dann, als sei dies ein falsches Gesicht, als müsse ich in Wirklichkeit ganz, ganz anders aussehen! Dann stiegen aus schon überwunden geglaubten Zeiten alte, schon traumhaft gewordene

Erinnerungen auf an ein Ich, das ich auch war, aber anders, und vergingen wieder, wobei sie einen Nachgeschmack von bitterer Trauer hinterließen.

*Betrachtete ich mich aber nach dem Baden im Spiegel, so konnte eine Art Identitätsrausch über mich kommen. Hundertmal sagte ich mir vor: **Das bin ich! Ich! Ich! Hans Fallada! Das bin ich!** – Und dann warf ich mich wohl auch hin und heulte vor trunkenem Glück, daß es „Ich“ gab, daß ich „Ich“ war... (выделено нами – Л. Б.) [Fallada, 1955, S. 227-228].*

Однако в соответствии с жанровой спецификой автобиографического нарратива, относящегося к сфере ретроспективного дискурса, нетрудно предположить, что основным вариантом репрезентации множественности семантической структуры субъекта речевой деятельности будет являться подлежащая облигаторной экспликации текстовая оппозиция универсального характера «Я нынешнее – Я прошлое». Реализация этой оппозиции всегда осуществляется на осях двухмерного локально-темпорального континуума текстового пространства, характерного для ретроспективного повествования. На оси настоящего времени, или оси презенса, фиксируются разнообразные виды ментально-когнитивной деятельности «Я нынешнего» как субъекта-реконструктора, осмысливающего и изображающего личный прошлый опыт, в то время как на оси прошедшего времени, то есть претеритальной оси, отражаются факты и события из жизни «Я прошлого», выступающего в роли субъекта-реконструктора.

В качестве примера может служить фрагмент автобиографических воспоминаний знаменитого немецкого писателя XX века, лауреата Нобелевской премии Г. Грасса «Beim Häuten der Zwiebel», в котором автор рассказывает о своем знакомстве в юности с творчеством Э. М. Ремарка. Данный эпизод глубоко врезался в память автора, предполагающего теперь, что его дядя так же, как и он сам, не подозревали в период гитлеровского режима о том, что роман «Im Westen nichts Neues» уже был запрещенной в Германии книгой, подлежащей публичному сожжению. Обращает на себя внимание факт усиления презенсной оси повествования за счет введения в претеритальный контекст лексического темпорального маркера настоящего времени *bis heute*:

Ich nehme an (Präsens), daß mein Onkel nicht gewußt hat, daß „Im Westen nichts Neues“ zu den verbotenen Büchern gehörte (Präteritum), wie ja auch ich die Geschichte vom jämmerlichen Verrecken der jungen Freiwilligen des Ersten Weltkrieges las (Präteritum), ohne zu ahnen, daß dieser Roman zu den verbrannten Büchern gehört hatte. Bis heute läuft die verzögerte Wirkung früher Leseerfahrung nicht von mir ab (Präsens) (выделено нами – Л. Б.) [Grass, 2006, S. 111].

Очередным вариантом экспликации квазимножественности авторского Я в автобиографических текстах следует считать факт расщепленности на неограниченное количество ипостасей самого субъекта-реконструктора. Если субъект-реконструктор вербально зафиксирован в конкретной точке временного отсчета, актуальной для времени написания воспоминаний, то есть в некоей «точке обсервации» (термин А. А. Галича, 1991), то его «прошлое Я» гетерогенно по своей сути, если иметь в виду постоянно меняющиеся локально и темпорально обусловленные субъектные модификации, каждый раз соответствующие новому реконструируемому возрастному этапу в жизни автора.

Убедительной иллюстрацией к вышесказанному является цитируемый ниже текст из автобиографии Э. Вихерта «Wälder und Menschen», в котором «Я прошлое» складывается из «Я прошлого»-1, референциально соотносящегося с личностью взрослого, но еще относительно молодого писателя, завершившего работу над рукописью своего первого романа, и «Я прошлого»-2, маркирующего с личностью мальчика, то есть автора в детском возрасте, впервые взявшего в руки скрипку:

Ich weiß nicht, wann Stolz, Seligkeit und Zweifel größer gewesen sein mögen, ob in der Stunde, als ich («Я прошлое» - 1) die Handschrift meines ersten Romans beendete, oder in dem

Augenblick, als ich («Я прошлое» - 2) meine erste Geige unter das Kinn hob und zum erstenmal den Bogen über die dunklen, geflochtenen Saiten gleiten ließ [Wiechert, 1956, S. 36].

Наконец, четвертая, весьма любопытная форма реализации феномена гетерогенности Я в немецкоязычных автобиографических текстах представлена семантической оппозицией «Я сознательное» - «Я бессознательное», что находит адекватное воплощение в одном из фрагментов воспоминаний немецкой писательницы XIX века Б. фон Зуттнер «Lebenserinnerungen». Автор, описывая факт собственного крещения, о котором она знает только по воспоминаниям родственников, рассуждает о присущей в целом каждому человеку принципиальной разнородности «Я сознательного», маркируемого в тексте местоимением *Ich* с прописной буквы и, соответственно, «Я бессознательного», эксплицированного формой *ich* со строчной буквы:

*Dieser Taufe ... habe ich nicht beigewohnt. Unter „ich“ verstehe ich nämlich nicht die lebendige körperliche Form, in der dasselbe enthalten ist, sondern jenes Selbstbewußtsein, das sowohl in der ersten Kindheit als auch öfters im ganzen Lauf des Lebens abwesend ist: im Schlaf, in der Ohnmacht, in der Narkose und in gar vielen Augenblicken, wo man nur atmet und nicht denkt, nicht schaut, nicht hört, wo man nur so vegetativ weiterexistiert, bis das **Ich** wieder in Funktion tritt* (выделено нами – Л. Б.) [Suttner, 1970, S. 36].

Подводя итоги вышесказанному, представляется возможным констатировать, что сложная структура человеческой Эго-идентичности служит постоянным объектом внимания автобиографов в ходе их когнитивной деятельности, направленной на реконструкцию собственного прошлого опыта. Разнообразие форм осмысления и текстовой репрезентации квазимножественности авторского Я подтверждает активный характер функционирования речевого субъекта в условиях ретроспективного дискурса.

Одновременно необходимо признать неоспоримость того факта, что при анализе особенностей экспликации семантической структуры Я не следует впадать в крайности экзистенциалистского толка в духе абсолютной непостижимости нашей сущности вследствие ее постоянной изменчивости как реальной, так и эвентуальной. При исследовании феномена онтологически обусловленной множественности Эго, нашедшего свое отражение в расщепленности субъекта речевой деятельности в текстах ретроспективного дискурса, мы вполне отдаем себе отчет в том, что любая рефлекслирующая личность всегда сохраняет в биографическом плане тождественность своей самости, что является залогом целостности субстанциального ядра автора воспоминаний.

Литература

- Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.
- Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.
- Бондарева Л. М. Ретроспекция как фактор структурирования дискурса и текста: монография. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. 295 с.
- Галич А. А. Украинская писательская мемуаристика (Природа, эволюция, поэтика): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1991. 48 с.
- Гинзбург Л. О психологической прозе. Изд. 2-е. Л.: Худ. лит. Ленингр. отд-ние, 1976. 448 с.
- Коломинский Я. Л. Человек: психология. 2-е изд., доп. М.: Просвещение, 1986. 223 с.
- Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
- Нюбина Л. М. Мемуарный текст как «культурогенный» феномен // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры : Знак, 2014. Т. 11. С. 190-202.

- Chatman S. *Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1978. 277 p.
- Docherty Th. *Anti-Mimesis: The Historicity of Representation // Literary representations of the self: Papers from the 5th triennial BCLA conf.*, 1989. Oxford univ. press, 1990. Pp. 272-281.
- Finney B. *The inner I: British literary autobiographies of the twentieth century*. London; Boston: Faber a. Faber, 1985. 286 p.
- Hamburger K. *Die Logik der Dichtung*. Stuttgart: Klett, 1957. 255 S.
- Picard H.-R. *Autobiographie im zeitgenössischen Frankreich: Existentielle Reflexion und literarische Gestaltung*. München: Fink, 1978. 294 S.

Источники

- Fallada H. *Damals bei uns daheim (Erlebtes, Erfahrenes und Erfundenes)*. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1955. 231 S.
- Grass G. *Beim Häuten der Zwiebel*. Göttingen: Steidl Verlag, 2006. 479 S.
- Hesse H. *Der Steppenwolf. Erzählung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1994. 278 S.
- Suttner von B. *Lebenserinnerungen*. Berlin: Verlag der Nationen, 1970. 665 S.
- Wiechert E. *Wälder und Menschen. Eine Jugend*. Wien; München; Basel: Welt im Buch, 1956. 317 S.

References

- Bakhtin M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike // Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. Pp. 234-407. (In Russian).
- Boldyrev N. *Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoy lingvistiki. Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2004. №1. Pp. 18-36. (In Russian).
- Bondareva L. *Retrospektiya kak faktor strukturirovaniya diskursa i teksta: monografiya*. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2019. (In Russian).
- Chatman, S. *Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1978.
- Docherty, Th. *Anti-Mimesis: The Historicity of Representation // Literary representations of the self: Papers from the 5th triennial BCLA conf.*, 1989. Oxford univ. press, 1990. Pp. 272-281.
- Finney, B. *The inner I: British literary autobiographies of the twentieth century*. London; Boston: Faber a. Faber, 1985.
- Galich A. *Ukrainskaya pisatel'skaya memuaristika (Priroda, evolyutsiya, poetika): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. Kiev, 1991. (In Russian).
- Ginzburg L. *O psikhologicheskoy prose*. L.: Khud. lit. Leningr. otd-nie, 1976. (In Russian).
- Hamburger, K. *Die Logik der Dichtung*. Stuttgart: Klett, 1957.
- Kolominskij Ya. *Chelovek: psikhologiya*. M.: Prosveshchenie, 1986. (In Russian).
- Kon I. *V poiskakh sebya: Lichnost' i ee samosoznanie*. M.: Politizdat, 1984. (In Russian).
- Nyubina L. *Memuarnyj text kak „kul'turogennyj“ fenomen // Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov*. T. 11. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury: Znack, 2014. Pp. 190-202. (In Russian).
- Picard, H.-R. *Autobiographie im zeitgenössischen Frankreich. Existenzielle Reflexion und literarische Gestaltung*. München: Fink, 1978.

Sources

- Fallada H. *Damals bei uns daheim (Erlebtes, Erfahrenes und Erfundenes)*. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1955.
- Grass G. *Beim Häuten der Zwiebel*. Göttingen: Steidl Verlag, 2006.

Hesse H. Der Steppenwolf. Erzählung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1994.
Suttner von B. Lebenserinnerungen. Berlin: Verlag der Nationen, 1970.
Wiechert E. Wälder und Menschen. Eine Jugend. Wien; München; Basel: Welt im Buch, 1956.

**ОБ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭКВИВАЛЕНТАХ ТЕРМИНОВ «УК РФ»,
«УПК РФ», «УИК РФ»**

Статья носит прикладной характер и посвящена изучению вопроса перевода трех юридических терминов – «УК РФ», «УПК РФ» и «УИК РФ» – на английский язык. Целью исследования является выявление переводных эквивалентов указанных терминов и сопоставление объема значения русскоязычных и англоязычных терминов на предмет обеспечения точности юридического перевода. Указывается, что перевод юридической терминологии в паре английский – русский языки осложняется принадлежностью стран к разным правовым системам. В одних случаях перевод термина однозначен ввиду давно сложившейся практики, в других варианты перевода отличаются друг от друга синтаксисом. Однако есть термины, несущие на себе более выраженный отпечаток правовой культуры, в результате чего возникает вариативность переводческих решений. В статье рассматриваются некоторые факторы, обуславливающие принятие переводческого решения, такие как семантика терминов в двух языках, частотность употребления тех или иных переводных эквивалентов, контекст и коммуникативная ситуация перевода в целом. Делается вывод о конкретных англоязычных переводных эквивалентах исследуемых терминов с учетом указанных факторов.

Ключевые слова: юридический перевод, юридическая терминология, термин, перевод с русского на английский

Lydia A. Borisova
Voronezh State University

**ENGLISH TRANSLATION EQUIVALENTS OF SOME RUSSIAN LEGAL TERMS
DESIGNATING CRIMINAL LAW CODES**

The paper considers the issue of translating some Russian legal terms designating criminal law codes. Its results can have practical application in translation. The purpose of the research is to establish the English translation equivalents of the Russian terms concerned, to compare the meanings of the English and Russian terms in order to ensure further precision in legal translation. The paper states that translation from Russian into English and vice versa poses certain difficulties because of the differences in the legal systems between the countries. In some cases the translation equivalent has long been established while in others the translation equivalents can only differ syntactically. Yet there are culturally marked legal terms, which leads to a whole range of translation equivalents. The paper analyses certain factors affecting a translator's choice such as the meaning of the terms in both languages, the frequency of use of certain translation equivalents, the context and the communicative situation in general. In conclusion, the author provides particular translation equivalents of the Russian terms accounting for the above listed factors.

Key words: legal translation, legal terminology, terms, translation from Russian into English

Любой специальный перевод предполагает в первую очередь владение отраслевой терминологией. Юридический перевод в этом отношении не является исключением. Одной из главных трудностей юридического перевода является перевод юридических терминов, особенно в ситуации, когда страны относятся к разным правовым системам, как в случае с переводом в паре английский-русский.

«При юридическом переводе с русского на английский возникает целый ряд сложностей. Связаны они с весьма существенными различиями в правовых системах и понятиях, и с необходимостью передачи чисто российских реалий средствами чужого языка, и с особенностью юридического словоупотребления вообще, и со спецификой индивидуального стиля автора того или иного юридического документа в частности» [Некрасова, 2012, с.7].

Юридический термин служит обозначением конкретного понятия, и юридический переводчик должен обеспечить максимальную точность при передаче содержания этого понятия средствами языка перевода.

Источниками юридической терминологии чаще всего выступают законодательные тексты. В России законы могут сводиться в кодексы, и названия таких кодексов отражают действующее в нашей стране деление на отрасли права, следовательно, входящие в состав названия кодексов термины, по сути, выступают номинациями отраслей права. Однако «основания классификации отраслей права в Англии и России могут отличаться, что объясняется принадлежностью этих стран к разным правовым системам. Поэтому юридическому переводчику надо быть готовым к терминологическим проблемам. Есть отрасли права, которые принято выделять в английской системе, но которые не выделяются отдельно в российской и наоборот» [Борисова, 2023, с.17].

В данной статье мы подробно рассмотрим русскоязычные термины, выступающие номинациями тех отраслей права, которые связаны с понятием «преступление», а также их переводные эквиваленты в английском языке.

В России разграничивают уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право, для регулирования отношений в каждой из этих сфер приняты соответствующие кодексы (УК РФ, УПК РФ, УИК РФ).

Уголовный кодекс Российской Федерации

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) представляет собой «систематизированный законодательный акт, определяющий, какие общественно опасные деяния являются преступными, и устанавливающий наказания за их совершение» [Юридическая энциклопедия, URL].

Двуязычные и корпусные словари единодушны, предлагая переводной эквивалент «Criminal Code of the Russian Federation». Например:

Помимо этого, *Уголовный кодекс Российской Федерации* устанавливает минимальный возрастной предел для применения некоторых видов наказания. – In addition, the *Criminal Code of the Russian Federation* establishes a minimum age for the application of some forms of punishment [Reverso, URL].

Термин «Criminal Code» применительно к УК РФ используется также как на англоязычных версиях сайтов государственных структур (например, сайта Президента России [President of Russia, URL]), так и в аутентичных источниках.

"The Federal Security Service of the Russian Federation has opened a criminal case against a U.S. citizen on the grounds of a crime under Article 276 of the *Criminal Code of the Russian Federation* – 'Espionage'," the FSB said in a statement [Reuters, URL].

Таким образом, с точки зрения перевода термин «Уголовный кодекс» представляет наименьшую сложность, его традиционным эквивалентом в английском языке выступает «Criminal Code».

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) – «основанный на Конституции РФ федеральный закон, устанавливающий порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации. Он представляет собой систематизированный свод правовых норм, во взаимосвязи и содержательном единстве регулирующих уголовное судопроизводство в целом, отдельные его стадии, части, этапы, а также принятие отдельных решений и производство отдельных действий» [Большой юридический словарь, URL].

Согласно словарям, переводные эквиваленты термина «УПК» – Code of Criminal Procedure, Criminal Procedure Code.

Трудно сказать, в пользу какого из двух предложенных вариантов стоит сделать выбор переводчику, если учесть, что оба они с одинаковым успехом используются на достаточно авторитетных сайтах, причем нередко одних и тех же, и примерно совпадают по частотности.

Judgement of 16 December 2021 No. 53-П in case on the review of constitutionality of Articles 416 and 417 of the *Criminal Procedure Code of the Russian Federation* in connection with the complaint of citizen F.B. Iskhakov [2021 Decisions Constitutional Court of the Russian Federation, URL].

Vladimir Putin signed the Federal Law On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the *Criminal Procedure Code of the Russian Federation* [President of Russia, URL].

The *Code of Criminal Procedure of the Russian Federation* shall be amended accordingly in order to clarify the jurisdiction and investigative jurisdiction of criminal cases involving crimes, liability for which is established by Federal Law [President of Russia, URL].

Under article 166 of the *Code of Criminal Procedure*, video recordings may be used in the course of an investigation (during questioning, for example) [UN Women, URL].

Таким образом, можно сказать, что термин «Уголовно-процессуальный кодекс» имеет несколько англоязычных переводных эквивалентов, но все они так или иначе содержат в своем составе слова «criminal» и «procedure». Варианты перевода отличаются друг от друга синтаксической формой словосочетания, а именно: Code of Criminal Procedure или Criminal Procedure Code.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) является основным источником уголовно-исполнительного права, под которым понимается «самостоятельная отрасль права РФ, представляющая собой совокупность юридических норм, регулирующих порядок и условия исполнения и отбывания наказаний» [Юридическая энциклопедия, URL].

Пожалуй, это единственный кодекс из трех анализируемых, при переводе названия которого налицо вариативность переводческих решений. Двухязычный Мультитран предлагает Penal Code, Penitentiary Code, Correctional Code, Penal Enforcement Code, criminal law enforcement code, criminal penal code, penal execution code.

Reverso добавляет еще несколько вариантов: Code of Execution of Criminal Sentences, Punishment Code of the Russian Federation, Criminal Penitentiary Code of the Russian Federation, например:

В *Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации* введена глава 3, посвященная вопросам ведомственного и вневедомственного (общественного, независимого) контроля за учреждениями и органами, исполняющими наказание. – Chapter 3 of the *Punishment Code of the Russian Federation* deals with departmental and extra-departmental (public and independent) monitoring of correctional establishments and authorities [Reverso, URL].

Столь большое разнообразие переводных эквивалентов объясняется различиями в правовых системах США и Великобритании, с одной стороны, и России, с другой стороны.

Проанализируем некоторые из переводных эквивалентов термина «уголовно-исполнительный». Так, одним из них выступает термин «penal». Black's Law Dictionary определяет его значение следующим образом: «of, relating to, or being a penalty or punishment, especially for a crime» [Black's, 2009, с.1246]. Термин «penal», безусловно, содержит сему наказания, что позволяет предложить его в качестве переводного эквивалента термина «уголовно-исполнительный», предполагающего исполнение наказаний. Однако стоит обратить внимание и на дефиницию термина penal code в том же словаре: «penal code – a compilation of criminal laws, usually defining and categorizing the offenses and setting forth their respective punishments» [Black's, 2009, с.1247]. Семантика данного термина больше соотносится с нормативными положениями, которые в России предусмотрены Уголовным кодексом. Неслучайно словарная статья содержит помету «Also termed criminal code» [там же]. Таким образом, если перевести «Уголовно-исполнительный кодекс» как Penal Code, есть вероятность неточного понимания сути российского нормативно-правового документа англоязычной аудиторией. «Penal Code» с таким же успехом может выступать переводным эквивалентом названия другого российского кодекса – Уголовного.

В Кодексе США (US Code) есть раздел 18 (Title 18) Crimes and Criminal Procedure следующего содержания:

Part I — Crimes (§§ 1 – 2725)

Part II — Criminal Procedure (§§ 3001 – 3772)

Part III — Prisons and Prisoners (§§ 4001 – 4353)

Part IV — Correction of Youthful Offenders (§§ 5001 – 5043)

Part V — Immunity of Witnesses (§§ 6001 – 6005) [US Code, URL]¹.

Как видно из содержания, этот раздел содержит правовые нормы, которые в России относятся к трем отраслям и соответствующим кодексам: Crimes – к Уголовному кодексу, Criminal Procedure – к Уголовно-процессуальному кодексу, Prisons and Prisoners – к Уголовно-исполнительному кодексу.

Таким образом, термин «penal code» нельзя отнести к категории терминов, максимально точно передающих значение русскоязычного термина «уголовно-исполнительный кодекс». Англоязычный термин гораздо шире по семантике.

Это обуславливает необходимость поиска других переводных эквивалентов. Подсказкой для переводчика может стать американский Модельный уголовный кодекс (Model Penal Code (MPC)). В п. 1 ст. 1.01 содержится следующее положение: «This Act is called the Penal and Correctional Code...» [Model Penal Code, URL]². Термин «correctional» соотносится с целями наказания, предусмотренными ст.1 УИК РФ: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление

¹ U.S. Code: Table of Contents. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text> (дата обращения 24.10.2023)

² Model Penal Code. – URL: https://archive.org/details/ModelPenalCode_ALI/mode/2up (дата обращения 24.10.2023)

осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами» [УИК РФ, URL]¹.

Он нередко комбинируется с прилагательным *criminal* и в такой форме довольно распространен в различных интернет-источниках. В большинстве своем он используется в научных публикациях русскоязычных авторов, в особенности в аннотации и ключевых словах на английском языке.

Термин «*Criminal Correctional Code of the Russian Federation*» встречается в англоязычной версии доклада за 2017 год Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации:

«...On liberalization of legislation on women in prisons for the commission of minor offenses, including the wider application of the grounds for exemption from serving the sentence provided for in Article 172 of the *Criminal Correctional Code of the Russian Federation* with regard to pregnant women and women who have young children, in accordance with the National Strategy of Action for Women 2017–2022» [The Annual 2017 Report, 2017, с.281].

В два раза больше поисковых запросов выпадает на термин «*Correctional Code of the Russian Federation*». Среди источников встречаются публикации российских ученых-юристов, отчеты Совета Европы или иных зарубежных организаций.

Наконец, не менее частотным, чем «*Correctional Code*», является такой переводной эквивалент как «*Penitentiary Code*». Помимо научных статей российских исследователей, этот термин встречается, например, в публикации британского профессора права [Thornhill, 2018].

Кроме того, он используется в англоязычной версии сайта Российского агентства правовой и судебной информации (РАПСИ):

Amendments are proposed to the Law on the Detention of Persons Suspected and Accused of Committing Crimes and the *Penitentiary Code of the Russian Federation* [Burnov, 2020].

Один из новостных блоков агентства ТАСС также содержит этот термин:

The Federal Penitentiary Service reminded that “according to article 17 of the *Penitentiary Code of the Russian Federation* notification of the convict’s arrival to the destination where the sentence shall be served is sent to only one relative of the convict no later than ten days after arrival [Nadezhda Tolokonnikova..., 2013].

Наконец, термин зафиксирован в аутентичной публикации Международного научного центра имени Вудро Вильсона:

Article 24 of the *Penitentiary Code of the Russian Federation* enumerates a closed list of public officials... [Cannon Fodder for “Putin’s Chef”, URL].

Другим примером аутентичной публикации может быть отчет одного из комитетов Совета Европы:

A new Law on the execution of sentences (*Penitentiary Code*) was adopted by the State Duma on 18 December 1996, and by the Federation Council on 25 December 1996. It entered into force on 1 June 1997 [Honouring of Obligations, URL].

Подобного рода контексты и авторитетность ряда источников могут склонить переводчика в пользу выбора эквивалента «*Penitentiary Code*».

---

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации" от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.07.2023) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения 24.10.2023)

Одним из авторитетных источников является и англоязычная версия сайта Президента России, на которой в новостных сообщениях используется термин «Criminal Penitentiary Code»:

Dmitry Medvedev signed Federal Law On Amendments to Article 117 of the *Criminal Penitentiary Code of the Russian Federation* [President of Russia, URL].

Суммируя вышесказанное, отметим, что по многообразию переводных эквивалентов термин «уголовно-исполнительный кодекс» явно выделяется среди других терминов-номинаций кодексов. Такое многообразие объясняется различиями в правовых системах. Выбирая вариант перевода из ряда зафиксированных разными источниками, стоит обратить внимание на частотность использования эквивалента, категорию источника и его авторитетность. При таком подходе мы бы предложили использовать Correctional Code of the Russian Federation или Penitentiary Code of the Russian Federation.

Подведем итог. Обеспечение точности при передаче семантики юридического термина крайне важно в ситуации юридического перевода. В случае различий правовых систем перевод терминологии может в некоторых случаях стать непростой задачей. Русскоязычные термины, выступающие номинациями отраслей права, связанных с понятием «преступление», имеют как вполне устоявшиеся переводные эквиваленты, что позволяет переводчику сделать однозначный выбор, так и вариативные, отличающиеся своей спецификой в английском языке, что требует от переводчика более вдумчивого анализа семантики терминов в двух языках, анализа контекста и коммуникативной ситуации в целом.

Источники

- 2021 Decisions of the Court. Constitutional Court of the Russian Federation. – URL: <http://www.ksrf.ru/en/Decision/Judgments/Pages/2021.aspx> (дата обращения 24.10.2023)
- Burnov, Vladimir. Russian penitentiary officials next to police may be authorized to issue cautions News, 14:14 13.01.2020. – URL: https://www.rapsinews.com/legislation_news/20200113/305302161.html (дата обращения 24.10.2023)
- Cannon Fodder for “Putin's Chef”. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/cannon-fodder-putins-chef> (дата обращения 24.10.2023)
- Honouring of obligations and commitments by the Russian Federation. Information report. 1998. – URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewHTML.asp?FileID=8566&lang=EN> (дата обращения 24.10.2023)
- Nadezhda Tolokonnikova will be transferred to another penal colony. 18 Oct 2013, 15:51 // TASS Russian news agency. – URL: <https://tass.com/russia/702446> (дата обращения 24.10.2023)
- President of Russia. – URL: <http://en.kremlin.ru/> (дата обращения 24.10.2023)
- Reverso Context. – URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения 24.10.2023)
- Russia's FSB spy agency opens espionage case against U.S. citizen // Reuters January 19, 2023. – URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russias-fsb-opens-spying-case-against-us-citizen-2023-01-19/> (дата обращения 24.10.2023)
- The Annual 2017 Report on the activity of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. – URL: <https://ombudsmannr.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/027fa129-f1a1-4d85-abe2-b5ac118a74ac/d218e82a-fd85-4ec0-a6e2-eb4a3a50ed5b.pdf> (дата обращения 24.10.2023)
- Thornhill, C. (2018). Politics Becomes the Law // The Sociology of Law and the Global Transformation of Democracy (Global Law Series, pp. 277-419). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/9781108186049.005 URL: <https://www.cambridge.org/core/books/sociology-of-law-and-the-global-transformation-of-democracy/politics-becomes-the-law/5F9C4AE184519B5B1318E0BF5BFA984A> (дата обращения 24.10.2023)

UN Women. Global Database on Violence against Women. – URL: <https://evaw-global-database.unwomen.org/en/countries/europe/russian-federation/2002/code-of-criminal-procedure-of-the-russian-federation> (дата обращения 24.10.2023)

Литература

- Большой юридический словарь // Словари и энциклопедии на Академике. – URL: <https://jurisprudence.academic.ru/> (дата обращения 24.10.2023)
- Борисова Л. А. Номинация отраслей права в английском и русском языках: переводческий аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 16–22. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_16
- Некрасова Т.П. Юридический перевод. Сборник статей. С русского юридического на английский общепонятный. – М.: Р.Валент, 2012. – 304 с.
- Юридическая энциклопедия // Словари и энциклопедии на Академике. – URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/ (дата обращения 24.10.2023)
- Black's Law Dictionary / Ed. by Bryan Garner. – Ninth edition. – West, Thomson Reuters business, 2009. – 1920 p.

References

- Big Legal Dictionary // Dictionaries and Encyclopedias on Academia. - URL: <https://jurisprudence.academic.ru/> (accessed: 24.10.2023)
- Black's Law Dictionary / Ed. by Bryan Garner. – Ninth edition. – West, Thomson Reuters business, 2009. – 1920 p.
- Borisova L. A. Nomination of branches of law in English and Russian languages: translation aspect // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2023. Vyp. 5 (873). С. 16–22. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_16
- Nekrasova T.P. Legal translation. Collection of articles. From Russian legal to English commonly understood. - Moscow: R. Valent, 2012. - 304 с.
- Legal Encyclopedia // Dictionaries and Encyclopedias on Academic. - URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/ (accessed: 24.10.2023)

Вишаренко С. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

**ПОСТАНОВКА РЕЧЕВОГО ДЫХАНИЯ У СИНОФОНОВ ПРИ
ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ В СВЕТЕ
ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ**

Данная междисциплинарная статья посвящена проблеме интерференции речевого дыхания у носителей слогового языка (китайского) в процессе развития навыков произношения английского и русского языков. В исследовании участвовали две студентки из КНР в возрасте 23 и 29 лет, которым было предложено прочитать тексты на китайском, русском и английском языках. Анализировался тип дыхания, частота, наличие маркеров повышенного психоэмоционального напряжения. Дополнительно исследовались коммуникативные способности. Было установлено, что дыхательные паттерны, характерные для носителей китайского языка, создают существенную интерференцию при чтении текстов на русском и английском языках. Доказана возможность визуального наблюдения за типом дыхания и его паттернами в классе, приведен краткий обзор существующих методов постановки дыхания, определены три этапа постановки дыхания. Рассмотрены некоторые когнитивно-психологические особенности китайских студентов (трудолюбие; способность к монотонному труду; внимание к деталям, образное мышление; хорошие зрительно-моторные навыки) в свете их влияния на процесс постановки речевого дыхания в классе.

Ключевые слова: речевое дыхание, интерференция, синофоны, обучение иноязычному произношению

Svetlana V. Visharenko
St. Petersburg University**SPEECH BREATH TRAINING IN THE SINOPHONES WHEN TEACHING
FOREIGN PRONUNCIATION IN LIGHT OF ETHNO-PSYCHOLOGICAL
FEATURES**

This multidisciplinary research paper deals with the issue of speech breathing pattern interference in native speakers of a syllabic language (Chinese) in the process of developing English and Russian pronunciation skills. The study involved two female students from China, aged 23 and 29, who were asked to read texts in Chinese, Russian and English. The type of breathing, frequency, and presence of markers of increased psychoemotional stress were analyzed. Additionally, communication skills were studied. It was found that the breathing patterns of native Chinese speakers create significant interference when reading texts in Russian and English. The possibility of visual observation of the type of breathing and its patterns in the classroom is evaluated, a brief overview of existing methods of breath training is given and its three stages are identified. Some cognitive and psychological features of Chinese students are considered (diligence; aptitude for monotonous work; attention to detail, imaginative thinking; good visual-motor skills) in light of their impact on the process of speech breathing in the classroom.

Keywords: speech respiration, interference, sinophones, foreign pronunciation training

Introduction

The relevance of the study is determined by intensification of cooperation in the sphere of higher education between the Russian Federation and the PRC. According to the Ministry of Education, in academic year 2024/2025 over 48,000 students from China are enrolled in training programmes in Russian universities, and by 2030 it is planned to significantly increase this number¹. Thus, the task of ensuring full adaptation of students from PRC in Russian universities is of particular importance. In the pedagogical experiment conducted at the Minin State Pedagogical University, it was noted that Chinese students experience significant adaptation difficulties: 50% noted the presence of serious intercultural barriers, 25% reported significant difficulties in mastering the phonetic system of Russian and only 12% of respondents from PRC noted difficulties in understanding the written text (traditionally in China great attention is paid to the analysis of written texts). [Nedelyaeva, Gordeeva, Visharenko, 2023]. One of the factors contributing to insufficient adaptation of Chinese students to the academic environment in Russian universities is their relative self-isolation from other ethnic groups as well as a lack of personal initiative during discussions (group discussions are preferred). This may be due, in part, to difficulties arising in oral speech. Instrumental studies of recent years suggest that speech breath patterns in syllabic and phonemic languages are very different [Pavlovskaya, Bozhevol'nov, Lan Hao, 2021]. In the Russian and English languages there is a relative lengthening of the stressed syllables and strong reduction of the unstressed vowels accompanied by faster pronunciation of the unstressed syllables. In Chinese, the syllables are pronounced with approximately the same speed, intensity and duration, which requires vigorous articulation and a high-speed air flow, as a result, the syntagma cannot be particularly long. The breathing patterns are formed during life under the influence of linguistic and non-linguistic factors [Hoil, Hixton, Watson, 1990] and can therefore be corrected. Speech correction is traditionally carried out by stage speech teachers and speech therapists, but their target audience is completely different. The aim of this study is to determine the possibility of visual evaluation of respiratory patterns in the training audience, give a brief overview of existing methods and techniques and analyze them in light of the ethno-psychological characteristics of students from PRC.

Methods and Material

A comprehensive study in three phases has been conducted to examine the issue. The first preparatory stage was a test of communicative and organizational skills, performed with the aim of identifying possible adaptation and communication problems, as such problems could represent a certain difficulty in teaching. In the second phase of the study, an assessment was made of speech respiration type, identification of markers of increased psycho-emotional tension by E. L. Nosenko method, during which volume, rate, articulation, respirations, hesitation pauses, presence of non-phonological formations, as well as the posture and presence/ absence of obsessive movements were evaluated [Nosenko, 1979]. This method was chosen as the most appropriate in the classroom; an examination for the presence of markers of increased psycho-emotional stress was considered necessary, because the emotional state can greatly influence speech parameters (for instance, it has been observed that in a state of agitation many speakers switch to the less physiological upper chest type of breathing, which contributes to reduced breathing volume and increased respiration rate). The frequency of breathing movements was further determined to identify respiratory patterns in two Chinese speakers when reading texts in Chinese, English and Russian. During the third, analytical phase, the breathing training methods proposed by various authors were investigated, taking into account the ethno-psychological characteristics of students from PRC and the experience of speech breath training performed at the Faculty of Philology of SPbSU.

---

¹ <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/83209/>

Results and discussion

During the first phase of the study, a modified communicative and organizational skills test, proposed by V. A. Sinyavsky and B. A. Fedorishin [Istratova, 2006, p.339] was conducted in a group of 7 students from China aged 23 to 30 years. The results of this test were compared with the results obtained during a similar test in a group of 5 Russian first-year students aged 19 to 28 years [Visharenko, Gordeeva, 2017, p.113]. No significant differences in the level of development of communicative abilities were identified (6 out of 7 students from PRC and 4 out of 5 students from the Russian Federation showed high values on the “communication” scale).

In the second phase of the study, two subjects (23 and 29 year-old Chinese females) were asked to read excerpts in Chinese, English and Russian. The video recording was made as follows: we could observe the lips, neck, shoulders, chest and abdomen on the recording. The type of respiration was assessed (clavicular, costal, costo-abdominal or abdominal): the type of breathing can affect both the volume of air inhaled and exhaled and the potential breathing control, the costo-abdominal type being physiologically more effective. [Chernaya, 2016, p.23]. After that a digital stopwatch was used to determine the length of the phrase uttered in one breath. The digital stopwatch was synchronized with the beginning of video playback; during repeated viewings, the measurement error did not exceed a few tenths of a second; markers of increased psycho-emotional tension were determined [Nosenko, 1979].

Subject 1 (S1), age 29, female, has been studying in Russia for 4 years. Communication skills test result: 0.75 out of 1.0 (high/very high). High psychoemotional stress markers by E. L. Nosenko when reading the excerpt in Chinese are absent, while reading the excerpt in Russian and English they are insignificant (intonation is variable, volume and pace are medium, tone is natural, shoulders stiffness and lip tension are absent, few hesitation pauses are observed, non-linguistic vocal formations are absent). Type of breathing — costal/clavicular. Visually determined moderate clavicle elevation, rib expansion. The subject demonstrates frequent short breaths taking a breath every 2-3 seconds (see Fig. 1). The graphs show the respiratory rate when reading a passage in Russian for S 1 and S 3 (Russian female, 49 y.o. — see Fig.2). Discreteness of values on the axis $t = 1$ c. Values on the y axis are set as 100 for any full breath. Graphs have been built for visualization.

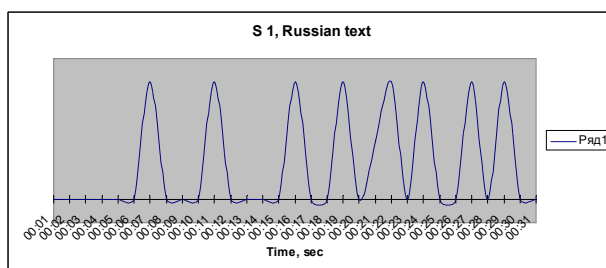

Fig. 1.

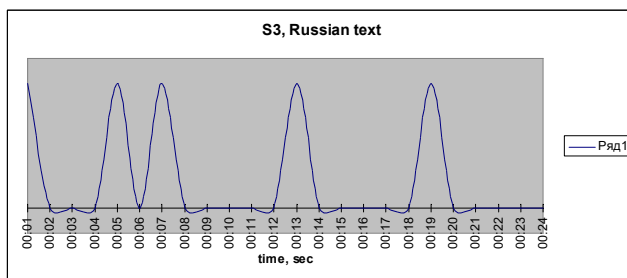

Fig. 2.

Subject 2, (S2) age 23, female, has been studying in Russia for 1 year. Communication skills test result: 0.4 out of 1.0 (low). High psychoemotional stress markers by E. L. Nosenko when reading the excerpt in Chinese are moderate, when reading the excerpt in Russian they are moderate to high (tight shoulder line, “metallic” timbre, accelerated pace). The subject shows the costo-abdominal type of breathing; frequent short respirations, some of which are shallow and may be regarded as supplementary “luftpauses” (full breath is not taken) (see Figure 3; for any full breath on y axis, it is 100 and for luftpauses it is 50). The presence of such supplementary breaths in S2 is not related to physiological needs, but is due to the usual respiratory pattern, formed under the influence of syllabic structure and rhythmic aesthetics of Chinese.

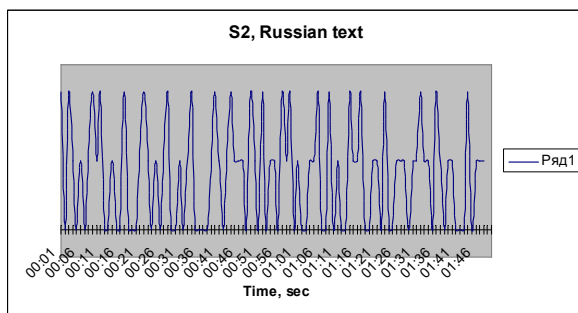

Fig. 3.

It has been established that differences in the nature and frequency of respiration can be assessed at first approximation during visual observation. Since speech patterns are acquired, it is safe to say that they can be corrected during the course of study. For centuries vocal and speech teachers have practiced an empirical approach, passing on the skill “from teacher to student”, usually individually. [Nazarenko, 1968; Belyakova, 1998; Chernaya, 2016]. Choral conductors practice breath training in large groups, but vocal breathing differs from speech, moreover, so-called “chain breathing” is frequently used [Samarin, 2002, p.59]. Obviously, if we set ourselves the task of correcting speech breathing patterns in Chinese speakers, we cannot rely solely on empirical knowledge.

Speech therapy established itself as an independent scientific discipline in the second half of the 19th century; it was further developed with the appearance of instrumental methods of research in the 1930s. In the 1960s E. K. Siirde conducted a quantitative and qualitative analysis of respiratory function in people with speech pathology, normal voice formation and singers and confirmed the possibility of correction of speech breathing based on scientific principles [Siirde, 1963]. Scientific methods formed the basis of speech correction performed by speech therapists

whereas stage speech teachers rely heavily on empirical methods; it appears that one may benefit from investigating the existing methods and techniques in the light of linguistic and ethnopsychological data.

Researchers of ethno-methodological aspects of education note that students from the PRC experience considerable difficulties due to the discrepancy between the approaches applied in Russian universities and the mentality of students from the PRC [Rakova, 2024, p.2559]. The more democratic principles of Russian universities have long caused confusion among the Chinese [Zhao Yujianjiang, 2008]. It has been noted that most Chinese students possess such ethno-psychological characteristics as: industriousness; aptitude for monotonous labour; pragmatism and commitment to result; attention to detail, consistency; figurative thinking; predisposition to analogy; good visual motor skills; preference for visual channel of perception; hierarchical mentality; necessity to save one's face; predominance of collective principle over individualism; relevance of the principle of self-improvement and self-education [Zhao Yujianjiang 2008, Rakova 2024]. Given the ethnopsychological characteristics, it is advisable to rely on the following principles:

- Principle of visual clarity
- Principle of the systematization
- Principle of consciousness
- Priority of teamwork
- Commitment to “face-saving”

The work on phonation breathing includes the following steps:

1. Developing diaphragmatic breathing
2. Developing a long phonation exhalation
3. Developing speech breathing

The development of diaphragmatic breathing is performed to increase physiological capabilities and gain greater control over breathing. Speech therapists recommend building classes in such a way that proper breathing is mastered unconsciously, however, taking into account the characteristics of our intended classroom (the priority of group work, the need for face-saving, the principle of consciousness), it seems advisable to use techniques from the arsenal of stage speech teachers, since they provide group classes, in which students first master controlled breathing. Self-control is carried out by placing hands on the anterior abdominal wall, the posterolateral part of the chest, and the collarbone. Additionally, sliced paper or powder puffs can be used to control the force of exhalation and the direction of the air jet. Practice shows that not all exercises used for breath training in future actors are applicable for teaching a foreign language due to the much greater degree of freedom in the representatives of public professions.

It is understood that, if exercises requiring body movements or noisy exhalation are performed in a group, the awkwardness is partially removed, however, a certain restraint should be observed when using such exercises in order to maintain a comfortable environment during the learning process.

Development of long phonation exhalation. Speech therapists recommend starting this stage by singing vowels, later moving on to pronouncing chains of syllables; additionally, this stage allows you to work on the timbre of the voice, register and tempo of future speech in a foreign language. Experience in the classroom shows that when an atmosphere of friendly cooperation is created, students usually do not object to chanting syllables or phrases in a group, however, at the initial stage, individual reading of phrases should be avoided so as not to create a feeling of awkwardness. It seems reasonable to select vowels and sound chains according to the principle “from the easiest to the hardest”, from sounds characterized by a minimum degree of difference in

articulation with the sounds of the Chinese language to the maximum degree of difference. [Du Yunsha, 2017].

Table 1.

Pairs of sounds with minimal difference	Russian [a] – Chinese [a], Russian [o] – Chinese [o], Russian[u] – Chinese [u], Russian [i] – Chinese [i], Russian[m] – Chinese [m], Russian [n] – Chinese[n], Russian [s] – Chinese[s], Russian [f] – Chinese[f], Russian [x] – Chinese[x];
Pairs of sounds with the highest degree of difference	Russian [j] – Chinese [i], Russian [ɣ] – Chinese [pi], Russian [ʒ] – Chinese [z], Russian [l] – Chinese [l], Russian [čʹ] – Chinese [tɕʹ], Russian [ʃʹ:] – Chinese [ɕ].

The alternation of traditional sound chains like “ma-mo-mu-me-mi” and the prolonged pronouncing of vowel sequences, such as “a-o-u-e-i” will allow the learners you to avoid separate pronouncing of each syllable, which is subjectively perceived as chanting. This technique is designed to contribute to the development of smooth speech - a holistic continuous articulation of an intonationally logically completed segment of an utterance in the process of one continuous exhalation.

Development of speech breathing

Moving on from pronouncing separate chains of syllables, one may first suggest reading poetic lines and individual phrases, initially short, with a length not exceeding 4-6 syllables, then 7-9 syllables. Gradually, one can move on to reading longer passages, including prose. Bearing in mind that in reality speech activity is rarely carried out at rest, it can be suggested to accompany reading with movement (the general principle being spreading or raising arms at the moment of inhalation). As the complex of conditioned reflexes is consolidated, it is possible to move from reproductive speech to productive (e.g. retelling a story with or without visual stimuli). To develop automatisms, exercises to strengthen or weaken the sound, change the tempo, extend the exhalation, use the entire volume of breathing may be suggested.

Conclusion

Since the patterns of speech breathing among native speakers of Chinese, English and Russian languages are very different, it seems reasonable to pay attention to speech breathing when teaching Chinese students foreign languages. When adapting existing exercise systems, it is important to keep in mind the peculiarities of the mentality of Chinese students. It is necessary to implement in the educational process the principles of pedagogy of cooperation, an individual approach to learning and adaptation of students to new academic and socio-cultural conditions; visual clarity, diagrams, drawings, and display should be used as much as possible; the national mentality obliges students to control their emotions and “save face”, therefore, work should be structured in such a way as not to violate this tradition; the teacher should show maximum restraint and tact when commenting on mistakes; collective forms of educational work are preferable, however, when there is a It is possible for individual students to combine special difficulties with individual ones. This study has established that basic observation of breath patterns can be carried out in a classroom, and also highlighted three stages of speech breathing and allowed to formulate a number of principles to be taken into account when creating a system of exercises for speech breathing in students from PRC in view of their ethno-psychological characteristics.

References

- Belyakova L. I., Diakova E. A. (1998). Stuttering therapy. *Teaching manual for students of pedagogical institutes in the specialty "Speech therapy"*. Moscow: Eksmo Press (in Russian)
- Chernaya E. I. (2016). Basics of stage speech. Phonation breathing and voice. *Textbook for performing arts students*. Saint Petersburg: Lan' (in Russian)
- Du Yunsha. (2017). Methodological aspects of the production of Russian pronunciation for Chinese students in the initial stage of study. *Dissertation of candidate of pedagogical sciences:13.00.02.* (in Russian)
- Hoil J. D., Hixon T. J. Watson P. J. Morgan W. J. (1990). Speech breathing in children and adolescents. *Journal of Speech, Language, and hearing research*. Vol.33(1): 51-69.
- Istratova O. N. (2006). Psychodiagnostic: collection of the best tests. Rostov-on-Don: Feniks. (in Russian)
- Nazarenko I. K. (1968) Art of singing. Moscow: Music. (in Russian)
- Nedelayeva, A. V., Gordeeva, I. A., Visharenko S. V. (2023). Language and communication problems in the education of foreign students // *Modern scholar*, 3: 262-268. (in Russian)
- Nosenko E. L. (1979). The specificity of manifestations in speech emotional tension: dissertation of doctor of psychological sciences : 19.00.01. (in Russian)
- Pavlovskaya I. Yu., Bozhevol'nov V. B., Lan', Hao. (2021). Speech Breathing Parameters as a Differentiating Factor in Language Testing//*Academic Testing and Assessment*, 3 (15):34-45
- Rakova, I. V. (2024) Teaching Chinese students to read economic texts in Russian classes, taking into account the ethnopsychological characteristics of the students// *Philological sciences. Questions of theory and practice*, vol 17/ 7: 2558-2563. (in Russian)
- Samarin V. A. (2002). Choral studies and arrangement. *Textbook for students of choral conducting departments*. Moscow: Academia (in Russian)
- Siirde E. K. (1963) On phonation breathing/*Development of children's voice*. Moscow: Academy of pedagogical sciences (in Russian)
- Visharenko, S. V., Gordeeva I. A. (2017) Psychophysiological and Linguistic Testing for Students Enrolled in Interpreter and Translator Training Programs //*Proceedings of the 45th International Philological Conference, Vol. 122:112-115*, Saint Petersburg: Atlantis Press
- Zhao Yujianjiang. (2008). Linguistic and didactic basics of ethnic-oriented teaching of the Russian language and testing: *dissertation of candidate of philological sciences.* (in Russian)

Гаврилюк М. А., Жилуек С. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПЕРНОГО ЛИБРЕТТО Р. ВАГНЕРА (НА ПРИМЕРЕ ТЕТРАЛОГИИ «КОЛЬЦО НИБЕЛУНГА»)

Оперное либретто до сих пор является жанром, относительно слабо изученным в рамках лингвистики — мало изучен и стиль отдельных либреттистов, даже столь значительных, как композитор Рихард Вагнер. Известно, что Вагнер сам писал и музыку, и текст для своих опер; также неоспоримым фактом является, что в его концепции идеальной музыкальной драмы текст занимает равное с музыкой положение. В основе исследования лежит гипотеза о том, что, поскольку в вагнеровской концепции текст и музыка равны, то его либретто может быть проанализировано как произведение с самостоятельной стилистической ценностью. Целью статьи является выявление лексико-стилистических средств, характерных для текста либретто тетралогии «Кольцо Нибелунга».

Ключевые слова: стилистика, оперное либретто, творчество Рихарда Вагнера, немецкий язык

M. A. Gavriljuk, S. A. Zhilyuk
St. Petersburg University

LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF OPERA LIBRETTI BY R. WAGNER (ON THE EXAMPLE OF “THE RING OF THE NIBELUNG” TETRALOGY)

The work of German composer R. Wagner still attracts the attention of researchers, but despite the large number of musicological and cultural studies, the texts of his libretti are rarely studied by linguists. The reason for this may be the perception of the libretto as a text whose style is determined by the music - although it is known from Wagner's theoretical works that he created the text of his works himself. The paper is based on the hypothesis that, since in Wagner's conception of musical drama the text occupies as important a position as music, the text of his libretto can be analyzed as a work with an independent stylistic value. The aim of the paper is to identify lexico-stylistic means characteristic of the text of the libretto to the tetralogy “The Ring of the Nibelung”.

Keywords: stylistics, opera libretto, works of Richard Wagner, German language

Введение

Оперное либретто до сих пор является типом текста, мало изученным лингвистами: это касается как характеристики либретто с точки зрения лингвистики текста, его прагматической структуры, так и его стиля. При этом слабо изучен и стиль опер отдельных композиторов, даже столь значительных, как немецкий композитор XIX века Рихард Вагнер, хотя его либретто уникальны: Вагнер — первый композитор, самостоятельно писавший текст к операм, и один из немногих, для кого текст играл в опере такую же значительную роль, как и музыка. По сей день едва ли можно говорить о существовании полноценных исследований языка Вагнера, хотя исследователи указывают на некоторые аспекты его стиля: изучен, например, аллитерационный стих, которым написано «Кольцо Нибелунга»

[Buller, 1995]. Предположим, что такое отсутствие внимания к текстам Вагнера можно объяснить отчасти малой изученностью либретто, отчасти — долгое время существовавшим мнением о либретто как о сугубо подчиненных музыке и лишенных поэтического замысла текстах [Gier, 2000, с. 8–10].

Исходной точкой исследования служит гипотеза о том, что, следуя из теоретических воззрений Вагнера касательно музыки и текста, а также опираясь на его отношение к либретто и процессу их создания, мы можем считать тексты вагнеровских либретто художественными текстами с самостоятельной стилистической ценностью. Соответственно, цель исследования состоит в выявлении лексико-стилистических средств, характерных для текста тетралогии «Кольцо Нибелунга».

Полный текст тетралогии, включающей в себя части «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Сумерки богов», был исследован с применением лексико-стилистического анализа, синхронного и диахронического подхода; материал для анализа был отобран методом сплошной выборки, для определения частотности лексем были задействованы основной и исторический корпус DWDS, а также *Deutsches Wörterbuch von Jakob Grimm und Wilhelm Grimm*.

«Кольцо Нибелунга»: история создания и источники либретто

Написание тетралогии «Кольцо Нибелунга» длилось практически три десятилетия: в 1848 году Вагнер создает первый черновик оперы «Смерть Зигфрида», действие которой в дальнейшем разворачивается в еще три полноценные оперы, а в 1874 году заканчивает «Кольцо». С начала творческого пути Вагнер-либреттист обращается к германским сагам и сказаниям, и его тетралогия в этом смысле не стала исключением.

Несмотря на то, что само название тетралогии — «Кольцо Нибелунга» — указывает, казалось бы, на германский эпос «Песнь о Нибелунгах» как на литературную основу вагнеровского либретто, подобный вывод был бы не совсем верен: около 80% действия Вагнер заимствует из скандинавской литературы, и лишь 5% приходится на германский эпос [Björnsson, 2003, с. 7]. Более того, в письмах и теоретических работах композитор неоднократно упоминает о том, что не «Песнь» послужила его главным вдохновением для «Кольца»; одно из подобных упоминаний мы встречаем в его «Послании к друзьям»: «Поскольку теперь я хотел более основательно познакомиться с немецкими героическими сказаниями, <...> решающее влияние <...> на меня оказало чтение «Саги о Вельсунгах» [Wagner, 1853, с. 394].

Среди основных произведений, которыми Вагнер вдохновлялся при работе над тетралогией, можно упомянуть: *Der Nibelunge Noth u. die Klage, Zu den Nibelungen etc., Grimm's Mythologie, Edda, Volsunga-saga, Wilkina- und Niflunga saga, Das deutsche Heldenbuch, Die deutsche Heldensage, Untersuchungen zur deutschen Heldensage, Heimskringla* — этот, пусть и неполный список, сам Вагнер составляет в 1856 году по запросу историка театра Франца Мюллера [Björnsson, 2003, с. 117].

Подчеркнем, что Вагнер в течение долгого времени погружается в германские мифы и сказания, проникается ими и затем создает на их основе свое либретто, поэтому речь не идет о простом переложении исходного материала (или компиляции нескольких материалов) на музыку — в «Кольце Нибелунга» Вагнер создает свой миф на основе уже существующих, как художник используя опубликованные ранее работы для вдохновения [Magee, 1990, с. 14].

«Кольцо Нибелунга» считается основной работой в творчестве Вагнера не только из-за объема или количества времени, потраченного на создание тетралогии — в «Кольце» воплощаются вагнеровская концепция музыкальной драмы. По Вагнеру, идеальная музыкальная драма должна, во-первых, объединять в одно целое музыку, текст и сценическое действие; во-вторых, части музыкальной драмы равноправны. Из этого следует,

что текст и музыка у Вагнера равны — текст не занимает сугубо подчиненного места по отношению к музыке [Wagner, 1851, с. 227].

Лексико-стилистические средства в либретто тетралогии «Кольцо Нибелунга»

Характерная стилевая черта либретто тетралогии — высокий стиль, который создается Вагнером не только, однако, с помощью лексических, но и синтаксических средств.

[1] *Doch du bei dem Wohnbau sannst // auf Wehr und Wall allein; // Herrschaft und Macht // soll es dir mehren; // nur rastlosen Sturm zu erregen, // erstand dir die ragende Burg. — Но при строительстве ты думал // лишь об оружии и стенах; // власть и могущество // твои он должен преумножить; // только чтобы вызвать беспокойную бурю, // возник стремящийся ввысь замок (Здесь и далее перевод наш — С. Ж., М. Г.).*

Помимо нескольких лексем, относящихся к высокому стилю и выделенных жирным шрифтом, интересны в приведенном отрывке и другие средства создания возвышенного текста. Так, выражение *Wehr und Wall* напоминает благодаря своей аллитерационной форме о парных формулах, которые были типичны для германского эпоса ввиду его изначально устного характера; однако такая формула не зафиксирована в словарях и является исключительно авторской. Формула возвращает нас к эстетическим взглядам Вагнера на оперу: он полагал, что именно аллитерационный стих, которым написана, к примеру, «Песнь о Нибелунгах» — идеальная и единственно верная форма для оперы. Именно в аллитерационной форме он создает тетралогию — многие средства создания стиля будут работать именно на воплощение формы.

Также плотна частота употребления конструкций со свободным дативом (*erstand dir...*), к которым мы относим все случаи употребления датива, когда он не является обязательным дополнением; такие конструкции служат также, во-первых, для придания тексту возвышенного характера, а во-вторых, являясь устаревшими, архаизируют текст.

Заключить, что текст тетралогии звучит для слушателя XIX в. возвышенно, пафосно и достаточно сложно, позволяет сравнение нескольких драматических текстов, основанных так или иначе на «Песни о Нибелунгах» — снова отметим, что для Вагнера «Песнь» не была основным источником, но в духе времени он сперва, как и многие композиторы и драматурги, обратился к эпосу. Помимо тетралогии, на сюжет «Песни» был создан ряд драматических и музыкальных произведений, из которых, однако, только тетралогия Вагнера до сих пор пользуется популярностью.

Для сопоставительного анализа были привлечены драма Ф. Хеббеля «Нибелунги» (1862) и опера Г. Дорна «Нибелунги» (1854).

Таб. 1. Сопоставление текстов либретто произведений Р. Вагнера, Ф. Хеббеля и Г. Дорна

<i>R. Wagner „Der Ring des Nibelungen“</i>	<i>F. Hebbel, „Die Nibelungen“</i>	<i>H. Dorn „Die Nibelungen“</i>
Um des Gatten Treue besorgt muß traurig ich wohl sinnen, wie an mich er zu fesseln, zieht's in die Ferne ihn fort: herrliche Wohnung, wonniger Hausrat, sollten mit sanftem Band dich binden zu säumender Rast. Doch du bei dem Wohnbau	Um das denn, was d'ran fehlt! Ich hab' ein Reich, So groß wie Dein's, und wenn Du mich besiegst, So bist Du Herr darin. Was willst Du mehr? Du greifst noch nicht zu Deinem Schwert? Ich hörte Ja doch, daß hier die Tapfersten der Recken Versammelt seien, kühn	Mein König, was ich tat, will ich vertreten. Den Ring, den ich auf einer Fahrt gewann, Gab ich Kriemhilden als ein treuer Mann. — Bekenne, Weib, hab' ich Dir je gesagt, Dass dieser goldne Reif von jener Fürstin kam?

sannst auf Wehr und Wall allein: Herrschaft und Macht soll er dir mehren; nur rastlosem Sturm zu erregen erstand die ragende Burg.	genug, mit Thor Zu kämpfen um den Donner, wenn sie ihn In irgend einem Eichenhaine träfen, Und stolz genug, die Beute zu verschmäh'n. [Hebbel, 1862, с. 10]	[Horn, 1854, с. 25]
Беспокоюсь о верности мужа, с грустью размышляю о том, как привязать его к себе, а он уносится вдаль: великолепный дом, хозяйство должны связать тебя нежными узами привязать тебя к безмятежному покою. <i>Но при строительстве ты думал лишь об оружии и стенах; власть и могущество твои он должен преумножить; только чтобы вызвать беспокойную бурю, возник стремящийся ввысь замок</i>	За то, чего ему не хватает! У меня есть империя, такая же большая, как твоя, и если ты победишь меня, ты станешь ее хозяином. Чего еще ты хочешь? Ты еще не достал свой меч? Я слышал, Да, что здесь собрались храбрейшие из воинов, достаточно смелые, чтобы сразиться с Тором. Чтобы сражаться за Доннер, когда они увидят его в дубовой роще, И достаточно гордые, чтобы отказаться от добычи.	Мой король, я хочу оправдать то, что я сделал. Кольцо, которое я завоевал в путешествии, я отдал Кримхильд как верный человек. — Признайся, женщина, говорил ли я тебе когда-нибудь, Что это золотое кольцо досталось мне от той княгини?

В сравнении с текстом Вагнера драма Хеббеля и опера Дорна написаны значительно более простым языком, если средства стилизации или тропы и встречаются, то в меньшей степени, чем у Вагнера.

Пластом лексики, тесно смыкающимся с лексикой высокого стиля, является, вне сомнений, устаревшая лексика. В тексте тетралогии удалось выделить три группы устаревшей лексики, на которых далее остановимся подробнее.

I. Лексические единицы, значительно устаревшие к моменту написания либретто, т. е. к XIX в.

Данная группа немногочисленна и включает в себя лишь несколько лексем. Вывод о степени устаревания единиц для XIX в. был сделан на основе *DWDS* и словаря братьев Grimm; В. и Я. Grimm были современниками Вагнера, поэтому особую ценность для анализа представляют указания (в случае их наличия) на то, что та или иная лексема не была в употреблении в XIX в.

[1] *Misswende folgt mir, // wohin ich fliehe; // Misswende naht mir, // wo ich mich neige. – Злой рок следует за мной, // куда бы я не направился; // злой рок настигает меня, // куда бы я не свернул.*

Словарь братьев Grimm лексему не документирует, в историческом корпусе *DWDS* зафиксированные употребления относятся к эпосу; *miss(e)wende* встречается, например, в 16 аванюре «Песни о Нибелунгах», однако не в переводе К. Зимрока (У Зимрока *misswende* — *Untat*), который Вагнер знал, а в оригинале. Нет указаний на то, что Вагнер читал оригинал

«Песни», хотя это в целом возможно, но вероятнее всего предположить, что лексема могла встретиться ему в сборниках старой немецкой литературы для учебных заведений: в ряде переводов *miss(e)wende* сохраняет свою форму.

[2] *Such dir ein **Friedel**, // dem du gefälltst!* — *Найди себе любимую, // которой понравилась!*

Судя по словарю братьев Гримм, до 15 века лексема *friedel* (*vriedel*, *videl*) сохранялась в употреблении, а затем исчезла — часто встречается в эпосе. Схожая ситуация представляется в следующем случае:

[3] *Glühender Glanz entgleisset dir weihlich im **Wag!*** — *Священный сияющий блеск освещает тебя в реке!*

Wag в общем обозначает не конкретно реку, а «движущийся поток воды», как указано в словарях; также встречается в германском эпосе, до XVII века сохраняется в ряде диалектов, но, судя по всему, распространенной никогда не была.

[4] *Nach **freislichem** Streit // dich zu erfrischen, // wirst du mir wohl nicht wehren?* — *Чтобы освежить тебя после страшного боя — ты не будешь сопротивляться мне?*

Как и приведенные ранее лексемы, *freislich* (страшный, ужасный) встречается в эпосе.

Также в примерах [3], [4] — в меньшей степени в [2], — заметно, что выбранные лексемы позволяют создавать аллитерационную форму: в [3] встречается аллитерация на *w* через *weihlich* и *Wag*, в [4] — *freislichem* и *erfrischen*; возможно, в [2] также наблюдается аллитерация на *f* через *Friedel* и *gefälltst*.

II. Лексические единицы, устаревшие до XIX в., но вновь вошедшие в состав немецкого литературного языка в XIX в.

Тезис о том, что словарный состав немецкого языка на фоне интереса к национальному прошлому в XIX в. пополняется новой лексикой, не нов [Жирмунский, 1948, с. 82]. Судя по статистическим данным корпусов словаря DWDS, в случае «Кольца Нибелунга» мы имеем право действительно говорить об устаревшей, но употребимой лексике — речь идет также зачастую о лексемах, принадлежащих высокому стилю. Данная группа лексем больше всего представлена в тексте и является самой крупной.

Примерами подобной лексики могут являться: *Minne* (куртуазная любовь), *Gemahl* (супруг), *freien* (свататься), *dünken* (казаться), *sinnen* (думать, задумать) и т.д.

III. Диалектные лексемы и формы

Как и приведенные ранее две группы лексики, встречающиеся диалектные лексемы Вагнер использует не для создания определенного местного колорита, но также для стилизации, поскольку все лексемы этой группы относятся к разным диалектам. Использование диалекта для стилизации может быть обусловлено тем, что диалектные единицы часто представляют собой более старые формы, чем литературная норма. В качестве примеров приведем: *talpen* (неуклюже тащиться), *Geck* (дурак), *hierher* (сюда) и т.д.

Словообразование

Любопытно, что Вагнер довольно часто прибегает к возможностям словообразования для создания новых лексем; зачастую это глаголы, которые он образует префиксальным способом.

[5] *Es gibt ein Schwert, // das er nicht **zerschwänge**: // Notungs Trümmer **zertrotzt** er mir nicht...* — *Один лишь меч // не уничтожил бы Зигфрид: // Осколки Нотунга он не сломаёт...*

Глаголы *zerschwingen* и *zertrotzen* не зафиксированы в словарях или историческом корпусе DWDS, что позволяет сделать вывод о том, что это сугубо авторские образования. Есть две вероятные причины, которыми можно объяснить использование лексем. Во-первых, два глагола с приставкой *zer-* подходят к контексту сцены и характеризуют героя, о котором идет речь — Зигфрида, — как импульсивного героя, крушащего и разрушающего все вокруг себя. Во-вторых, оба глагола снова поддерживают аллитерационный стих: *Schwert* — *zerschwänge*, *Trümmer* — *zertrotzt*; помимо того, оба глагола начинаются с *z*, что, вероятно, также играет роль для аллитерации. Однако использование словообразовательных средств едва ли ограничивается только этим, поскольку в либретто часты примеры авторских образований, начинающихся на гласный и не способных участвовать в аллитерационной цепочке:

[6] *Zum Ekel find' ich // ewig nur mich // in allem was ich erwirke! // Das andre, das ich ersehne, // das andre erseh' ich nie; // denn selbst muß der Freie sich schaffen - // Knechte erknet' ich mir nur!* — Противно видеть только себя // во всем, что я творю! // Другого страстно желая, // — другого не вижу нигде. // Свободный сам должен себя создать, — // я лишь рабов создавал!

Глагол *erkneten* является авторским и, вероятно, служит для того, чтобы дополнить синтаксический параллелизм четвертым звеном с приставкой *er-*.

Фигуры и тропы

Любопытно, что текст либретто сравнительно небогат поэтическими фигурами и тропами — как либреттист, Вагнер предпочитает сместить фокус в сторону стилизации текста. В либретто встречаются олицетворения:

[7] *Des Goldes Schlaf // hütet ihr schlecht; // besser bewacht // des Schlummernden Bett.* — Сон Золота // бережете вы плохо; // стерегите лучше // ложе дремлющего.

Олицетворения чаще всего применяются к кольцу, мечу Нотунгу или природе, которую Вагнер часто описывает в либретто, следуя духу романтизма.

Часты эпитеты, но интересно, что они часто не наполнены особым смыслом и довольно схематично характеризуют объект:

[8] *Schwatz mir von Riesen // und rüstigen Kämpfen, // von kühnen Taten // und tüchtiger Wehr.* — Болтаешь о великанах // и жарких битвах, // о смелых делах // и славном оружии.

Метафоры и сравнения в тексте либретто не встречаются.

Выводы

Выдвинутая нами во введении гипотеза подтвердилась: вагнеровское либретто богато средствами создания стиля, среди которых основное — наличие стилизации как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. Еще одна стилевая черта, характерная для «Кольца Нибелунга» — скупость Вагнера как либреттиста на метафоры и сравнения; эпитеты в подавляющем большинстве случаев «пустые» и напоминают формулы, встречающиеся в сагах или сказках. Вероятно, так Вагнер пытается приблизить стиль тетралогии к стилю сказания или эпоса — или, во всяком случае, к тому, как он себе представляет этот стиль; по этой же причине весь текст он пишет в торжественном стиле.

При этом те средства архаизации текста, что композитор использует, относятся к разным временным отрезкам, что приводит к следующему заключению: Вагнер не стилизует текст под какой-то определенный период времени, он добивается того, чтобы для слушателя XIX в. текст звучал чудно, иначе.

Тот факт, что Вагнер обращается к аллитерационному стиху как к идеальной форме для его музыкальной драмы, считая, что это наивысшая форма бытования языка, а также его активное словотворчество приводят к следующему: устоявшимся и бесспорным фактом является то, что Вагнер в «Кольце Нибелунга» создает свой миф на основе существующих, но возможно ли провести аналогию между его деконструкцией германского мифа и частичной деконструкцией языка? Мысль о «языке» Вагнера встречается в работах великих культуртрегеров прошлого, таких как Ф. Ницше («Рихард Вагнер в Байройте») или Т. Манн («Страдания и величие Рихарда Вагнера»), однако никогда не сопровождается пояснениями.

В случае «Кольца Нибелунга», на наш взгляд, уместно говорить не просто о стилизации и архаизации текста, а о том, что Вагнер пользуется доступными ему языковыми средствами, чтобы перегруппировать их, изменить и создать тот язык, который, по его мнению, подходит для его мифа.

Литература

- Björnsson A. Wagner and the Volsungs. Icelandic Sources of *Der Ring des Nibelungen*. London: University College London, 2003. 294 S.
- Buller J. L. The Thematic Role of Stabreim in Richard Wagner's *Der Ring des Nibelungen*. // The Opera Quarterly, Volume 11, Issue 4, 1995. – p. 59-93.
- Gier A. Das Libretto. Theorie und Geschichte einer musikaliterarischen Gattung. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1. Auflage, 2000. 503 S.
- Magee E. Richard Wagner and the Nibelungs. Oxford: Clarendon Press, 1990. 232 p.
- Wagner R. Oper und Drama. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1852. 264 S.
- Жирмунский В. М. История немецкого языка. Издание 3-е. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1948 г. 300 с.

Словари

- Wörterbuchnetz. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. URL: <https://woerterbuchnetz.de/?sigle=DWB&lemid=A00001> (дата обращения: 27.11.2024)
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 27.11.2024)

Источники

- Dorn H. Die Nibelungen: grosse Oper in fünf Akten. Berlin: Druckerei von F. W. Gubnitz, 1854. 52 S.
- Hebbel F. Die Nibelungen. Ein deutsches Trauerspiel in drei Abtheilungen. Berlin: B. Behr's Verlag, 1862. 212 S.
- Wagner R. Der Ring des Nibelungen. Ein Bühnenfestspiel für drei Tage und einen Vorabend. Herausgegeben und kommentiert von Egon Voss. Stuttgart: Reclam, 2009. 552 S.

References

- Björnsson A. Wagner and the Volsungs. Icelandic Sources of *Der Ring des Nibelungen*. London: University College London, 2003. 294 S.
- Buller J. L. The Thematic Role of Stabreim in Richard Wagner's *Der Ring des Nibelungen*. // The Opera Quarterly, Volume 11, Issue 4, 1995. – p. 59-93.
- Gier A. Das Libretto. Theorie und Geschichte einer musikaliterarischen Gattung. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1. Auflage, 2000. 503 S.
- Magee E. Richard Wagner and the Nibelungs. Oxford: Clarendon Press, 1990. 232 p.
- Wagner R. Oper und Drama. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1852. 264 S.
- Zhirmunskij V. M. Istoriya nemeckogo yazyka. Izdanie 3-e. M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah, 1948 g. 300 s.

Dictionaries

Wörterbuchnetz. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Available at: <https://woerterbuchnetz.de/?sigle=DWB&lemid=A00001> (Accessed 27 November 2024)
Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Available at: <https://www.dwds.de> (Accessed 27 November 2024)

Sources

Dorn H. Die Nibelungen: grosse Oper in fünf Akten. Berlin: Druckerei von F. W. Gublitz, 1854. 52 S.
Hebbel F. Die Nibelungen. Ein deutsches Trauerspiel in drei Abtheilungen. Berlin: B. Behr's Verlag, 1862. 212 S.
Wagner R. Der Ring des Nibelungen. Ein Bühnenfestspiel für drei Tage und einen Vorabend. Herausgegeben und kommentiert von Egon Voss. Stuttgart: Reclam, 2009. 552 S.

КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Развитие умений диалогической речи является неотъемлемой частью в овладении английским языком. Однако, многие студенты высшей школы испытывают трудности при коммуникативном взаимодействии на английском языке. Основной целью данной работы является исследование приемов использования коммуникативно-когнитивного подхода при формировании умений диалогической речи студентов высшей школы. В данном исследовании раскрывается содержание таких понятий, как диалогическая речь, коммуникация, коммуникативный и когнитивный подходы, а также рассматриваются особенности использования моделей коммуникации и других приемов, способствующих формированию умений диалогической речи. В статье приводится анализ литературы по теме использования коммуникативно-когнитивного подхода в обучении. Полученные результаты исследования показали, что применение коммуникативно-когнитивного подхода на занятиях по английскому языку предполагает использование более широкого ряда приемов обучения, направленных на развитие умений диалогической речи, а также способствует более осознанному и интерактивному изучению материала студентами. Результаты данной научной работы могут быть использованы преподавателями английского языка для разработки более эффективных методов обучения диалогической речи и повышения уровня коммуникативной компетенции студентов.

Ключевые слова: коммуникативно-когнитивный подход, диалогическая речь, коммуникативная компетенция, коммуникация, модели коммуникации.

Dmitry N. Galchinskii
St. Petersburg University

COMMUNICATIVE-COGNITIVE APPROACH TO TEACHING ENGLISH DIALOGICAL SPEECH TO HIGHER EDUCATION STUDENTS

Developing dialogical speech skills is an integral part of mastering the English language. However, many high school students experience difficulties in communicative interaction in English. The main goal of this work is to study the techniques of using the communicative-cognitive approach in developing dialogical speech skills of high school students. This study reveals the content of such concepts as dialogical speech, communication, communicative and cognitive approaches, and also considers the features of using communication models and other techniques that contribute to the formation of dialogic speech skills. The article provides an analysis of the literature on the topic of using the communicative-cognitive approach in teaching. The results of the study showed that the use of the communicative-cognitive approach in English classes involves the use of a wider range of teaching techniques aimed at developing dialogical speech skills, and also contributes to a more conscious and interactive study of the material by students. The results of this scientific work can be used by English teachers to develop more effective methods of teaching dialogic speech and improve the level of students' communicative competence.

Keywords: communicative-cognitive approach, dialogic speech, communicative competence, communication, communication models.

Овладение умениями англоязычной диалогической речи является одним из важнейших аспектов в современном языковом образовании, так как способность взаимодействовать с адресантом и реципиентом сообщения на иностранном языке является неотъемлемой частью профессионально-ориентированного образования студентов высшей школы. Наряду с этим, обучение диалогической речи на английском языке имеет первостепенное значение для студентов, стремящихся к развитию своих коммуникативных навыков, расширению профессиональных горизонтов и повышению уровня культуры общения. Л. В. Щерба обращал внимание на то, что, изучая иностранный язык, структура и особенности родного языка становятся для носителей более понятными. При этом, овладевая языком, мы используем ряд правил, присущих каждому языку, которые Н. Хомский называл «универсальной грамматикой».

Вопросами обучения диалогической речи занимались такие отечественные методисты как И. Л. Бим, М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев, Е. И. Пассов, В. Л. Скалкин, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский и другие ученые. Отметим, что обучение умениям диалогической речи на иностранном языке является актуальной проблемой в лингводидактике и требует дальнейших исследований.

Согласно Л. С. Выготскому, диалогическая речь является первичной формой речи, в основе которой лежит единство процессов мышления и речи. Более того, диалогическая речь рассматривалась Л. С. Выготским как инструмент развития культурных и социальных аспектов личности, обращая внимание на ее способность формировать новые знания и концепции через активный обмен информацией между участниками общения [Выготский, 2014].

И. Л. Бим рассматривала диалогическую речь как «процесс непосредственного общения, который характеризуется поочередно сменяющимися друг друга и порождающими одна другую репликами двух или более лиц. Продуктом данной формы речевого высказывания является диалог разной степени развернутости» [Бим, 1988, с. 176].

А. Н. Щукин и Г. М. Фролова считали, что основной целью студентов является овладение умениями выражать собственную точку зрения. Данная цель обучения обуславливается следующими умениями:

- 1) инициировать общение и принимать в нем участие;
- 2) адекватно реагировать на реплики собеседника;
- 3) подбирать подходящие языковые средства;
- 4) последовательно и логично строить высказывание [Щукин, Фролова, 2015, с. 203].

Примечательно, что в основе умений говорения лежат следующие навыки:

- 1) произносительные: обеспечивают оформление высказывания в соответствии с фонетическими нормами языка;
- 2) лексические: обеспечивают возможность выбора лексических единиц и соединение их между собой в соответствии с замыслом высказывания;
- 3) грамматические: обеспечивают правильное употребление частей высказывания в соответствии с существующей грамматической нормой.

Поскольку диалогическая речь и коммуникация являются важными составляющими в методике обучения английскому языку, особое внимание следует уделить особенностям коммуникации, которым в лингвистике уделяли такие выдающиеся ученые как М. М. Бахтин, Л. П. Якубинский, Р. О. Якобсон, Ф. де Соссюр, Дж. Остин и другие. Э. Роджерс рассматривал коммуникацию как процесс, посредством которого передается некоторое сообщение с целью изменения поведения реципиента [Роджерс, 1980]. Помимо этого, В. Б. Кашкин указывал на то, что коммуникацию следует рассматривать не только как систему

знаков, а «систему человеческих действий со знаками, соответствующих потребностям и выражающих намерения коммуникантов» [Кашкин, 2007, с. 256]. Следовательно, применяя понятие коммуникации к обучению диалогической речи, можно прийти к выводу, что коммуникация – это процесс вербального и невербального взаимодействия между адресантом и реципиентом сообщения, с целью получения обратной связи, а также совершения когнитивного воздействия. В представленных понятиях «коммуникации» мы бы хотели выделить процессуальность (передача, обмен, получение, сообщение), а также информативность данного явления.

Повышенный интерес к изучению проблем коммуникации вызывают **модели коммуникации** и то, как они могут быть использованы при обучении англоязычной диалогической речи.

Линейная (концептуальная) модель коммуникации предполагает однонаправленный процесс, в котором сообщение передается от адресанта к реципиенту [Shannon, Weaver, 1949]. Применительно к обучению англоязычной диалогической речи, данная модель может быть использована для кодирования и декодирования сообщения, в основе которого будут аутентичные диалоги, тексты, способствующие формированию лексико-грамматических, фонетических навыков, а также навыков аудирования. В основе данной модели коммуникации могут быть упражнения на аналитическое чтение, а также выполнение упражнений, направленных на закрепление лексического и грамматического материала.

Транзакционная модель коммуникации рассматривает взаимодействие между участниками диалога [Мартirosян, Петрова, 2014]. Отметим, что в рамках данной модели особую роль играют контекст, окружение, используемые участниками диалога паралингвистические средства (тембр, темп, громкость, скорость речи, паузация, смысловое ударение). Использование данной модели предполагает участие в ролевых играх, дебатах, дискуссиях на уроках английского языка.

Интерактивная (круговая) модель коммуникации – в отличие от двух предыдущих моделей, подразумевает отведение основной роли обратной связи [Мартirosян, Петрова, 2014]. Данная модель может быть использована при обучении диалогической речи на английском языке посредством интервью, где учащиеся делятся на «ведущих» и «гостей» и принимают участие в опросе. Затем, по команде преподавателя, гости меняются местами, пересаживаясь к новому ведущему.

Таким образом, исходя из представленных моделей коммуникации, схема акта коммуникации может быть изображена следующим образом:

Схема 1. Модель акта коммуникации

Рассмотрев особенности коммуникации, отметим, что коммуникативный подход в обучении иностранным языкам ориентирован на практическое овладение языком для реального общения. Этот подход предполагает не только знание грамматики и лексики, но и развитие коммуникативной компетенции, то есть способности использовать язык для решения коммуникативных задач в различных контекстах. основополагающее понятие коммуникативной компетенции было сформулировано Д. Хаймсом, который расширил представление о владении языком за пределы знания грамматических правил, включив в него способность к адекватному взаимодействию в различных ситуациях общения и знание социальных норм. В дальнейших исследованиях это понятие было дополнено и углублено, включая в себя умения выбирать коммуникативное поведение, соответствующее контексту, и точно выражать свои мысли.

Стоит также обратить внимание на то, что наряду с термином *компетенция* также используется понятие *компетентность*, которые дифференцируют следующим образом: *компетенция* – это набор знаний, умений, навыков, приобретенных в ходе занятий по иностранному языку, которые необходимы для успешного осуществления учебной деятельности; *компетентность* – «свойства личности, определяющие ее способность к выполнению деятельности на основе сформированной компетенции» [Щукин, 2003, с. 142].

И. Л. Бим рассматривала коммуникативную компетенцию как способность и готовность осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка [Бим, 1988]. Более того, коммуникативная компетенция включает ряд следующих компетенций: лингвистическую (языковую), речевую (социолингвистическую), дискурсивную, стратегическую (компенсаторную), социальную (прагматическую), социокультурную, предметную, профессиональную компетенции.

Е. А. Быстрова определяла коммуникативную компетенцию как способность и готовность к речевому взаимодействию. Ее основными составляющими, как отмечала Е. А. Быстрова, являются коммуникативные умения репродуктивных и продуктивных уровней: способность отбирать языковой материал для осуществления взаимодействия с партнером; умение понимать и воспроизводить информацию [Быстрова, 2004].

Важно отметить, что коммуникативный подход также предполагает использование следующих упражнений: направляемая дискуссия, свободная дискуссия, решение проблемных задач, сценарий [Колесникова, Долгина, 2008].

Направляемая дискуссия (*guided discussion*) основывается на определенной теме или тексте. Данный тип упражнений подразумевает использование преподавателем направляющих вопросов, картинок, иллюстраций, логико-синтаксических схем, лексических таблиц.

Свободная дискуссия (*free discussion*) имеет более продуктивный характер для студентов, так как на данном этапе преподаватель может принимать участие в диалогическом взаимодействии с учащимися, стимулируя их работу, используя эвристические приемы обучения.

Решение проблемных задач (*problem solving*) – упражнение, направленное на решение проблемной задачи, что, в свою очередь, способствует стимулированию когнитивных и речемышлительных процессов в ходе занятия у студентов.

Сценарий (*scenario*) – это речевое взаимодействие между студентами, в котором демонстрируются их возможные пути разрешения определенной задачи.

А. Н. Щукин обращает внимание на то, что в рамках коммуникативного подхода студент не является объектом обучения, а непосредственным участником диалогического взаимодействия и учебного процесса. Более того, обучение англоязычной диалогической речи предполагает учет личностных особенностей студентов: возрастных, индивидуальных,

психологических, а также их личных интересов [Щукин, 2006]. Таким образом, основным подходом при обучении англоязычной диалогической речи является не только коммуникативный, но и когнитивный.

Ведущим принципом когнитивного подхода при обучении студентов высшей школы является сознательность, так как усвоение единиц языка должно происходить осознанно с помощью применения их в процессе реальной коммуникации, аргументируя собственную точку зрения. Более того, С. Крашен и Г. Гатеньо обращали внимание на наличие некой социально-когнитивной лакуны в процессе коммуникации – осознания необходимости использования языкового явления для передачи более точной информации [Gattegno, 1972], [Krashen, 1981].

Согласно А. Н. Щукину, когнитивный подход возник в противовес прямому подходу, предполагавший интуитивное овладение языком. К тому же, в основу когнитивной теории были заложены идеи американского психолога, педагога Дж. Брунера, который отмечал, что овладение иностранным языком происходит в 3 этапа:

- 1) изучение лексико-грамматического материала;
- 2) закрепление полученных знаний, путём выполнения упражнений;
- 3) контроль приобретенных знаний, посредством дальнейшего развития навыков и умений [Щукин, 2006].

Применительно к методике использования «когнитивного подхода» при обучении англоязычной диалогической речи студентов высшей школы, метод Китайгородской, или «активизация возможностей личности и коллектива», разработанный психологом Г. А. Китайгородской, направлен на развитие личности через самопознание и самовыражение с помощью стимулирования творческой деятельности человека [Китайгородская, 1992]. В связи с этим, метод Китайгородской может быть использован следующим образом:

- 1) самопознание: студентам предлагается рефлексировать над своей речью, ошибками, с целью дальнейшего улучшения их языкового образования;
- 2) самовыражение: студентам даются задания на творческое самовыражение, обмениваясь информацией друг с другом. Они могут выразить свои мысли, идеи, чувства и переживания, развивая при этом умения устного общения на английском языке;
- 3) развитие индивидуальности: студентам предоставляется возможность развивать умения англоязычной диалогической речи путем создания презентаций на заданную тему в парах, принимая участие в ролевых играх, дебатах.

С учетом вышеизложенного, метод Китайгородской способствует развитию личности студента, его творческим возможностям, а также улучшению навыков диалогической речи на английском языке. Он позволяет студентам не только улучшить свои языковые навыки, но и раскрыть свой потенциал и стать более уверенными в себе.

Так как в отечественной и зарубежной методике обучения иностранным языкам на данный момент не существует систематизированного описания методических приемов, интегрирующих “коммуникативный подход” и “когнитивный подход”, то в данном исследовании нами предложена интегративная модель двух подходов с целью изложения общих идей и приемов, которые могут быть использованы преподавателем иностранного языка в рамках «коммуникативно-когнитивного подхода».

Таким образом, коммуникативно-когнитивный подход предполагает использование материала, направленного на формирование у студентов более глубокого понимания об использовании языка благодаря принципу сознательности. Сознательное изучение языковых явлений, подкрепленное практическим применением, позволяет студентам использовать язык более эффективно и творчески в реальном общении.

Стоит отметить, что М. Ю. Копыловская указывает на необходимость создания коммуникативных ситуаций, в которых учащиеся испытывают дефицит языковых средств для взаимодействия. Это способствует подсознательному усвоению материала [Копыловская, 2016]. В рамках коммуникативно-когнитивного подхода для достижения такого эффекта предлагаются следующие приемы:

- 1) вопросы, стимулирующие мышление;
- 2) выполнение упражнений на генерацию идей, мозговой штурм;
- 3) упражнения на расширение заданного речевого материала;
- 4) метод Лозанова (суггестопедия).

Рассмотрим следующие приемы обучения более подробно:

1. Использование вопросов, стимулирующих мышление “thought-provoking questions”. Например: “*Were you a president, what steps would you take to address economic challenges? Justify your opinion*”. Такие вопросы могут использоваться в начале занятия в качестве разминки.

2. Выполнение упражнений на генерацию идей (brainstorming, mind-mapping). Особое внимание заслуживает создание семантических карт (mind-mapping) – графически упорядоченных схем. Ключевое слово в центре карты служит основой для ассоциативного формирования лексико-грамматического материала. Это способствует более эффективному запоминанию лексики и грамматики, а также ясному выражению мыслей;

3. Выполнение упражнений на расширение заданного речевого материала (expansion) предполагает продолжение высказывания на уровне предложения, сверхфразового единства или текста [Колесникова, Долгина, 2008]. Более того, расширение речевого материала может осуществляться за счет детализации, уточнения, использования элементов описания, раскрытия причинно-следственных связей;

4. Метод Г. К. Лозанова, также известный как Суггестопедия, предполагает использование техник глубокой релаксации, позитивного внушения в ходе обучения, способствующий интенсификации познавательной деятельности. При обучении англоязычной диалогической речи, метод Лозанова может быть использован при театрализации и ролевых играх.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что данное исследование предлагает интегративную модель, объединяющую методику использования коммуникативного и когнитивного подходов в обучении англоязычной диалогической речи студентов высшей школы. В отличие от традиционных методов обучения, коммуникативно-когнитивный подход, рассмотренный в данном исследовании, учитывает как коммуникативные, так и когнитивные аспекты обучения диалогической речи. Предложенные методические приемы в рамках «коммуникативно-когнитивного подхода» в данной работе могут быть использованы на практических занятиях для повышения эффективности обучения диалогической речи, способствующих формированию лексико-грамматических навыков, а также способности к спонтанному общению. В перспективе представляется целесообразным разработка новых приемов обучения на основе теоретических положений исследования.

Литература

- Бим И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1988. 255 с.
- Быстрова Е. А. и др. Обучение русскому языку в школе //М.: Дрофа. 2004. С. 127.
- Выготский Л. С. Мышление и речь. –Directmedia, 2014.
- Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации: Краткий курс //М.: Восток-Запад. 2007. Т. 256.
- Китайгородская Г. А. Интенсивные методы обучения. Теория и практика //Москва. 1992.

- Колесникова И. Л., Долгина, О. А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранного языка. М.: Дрофа; 2008. 173 с.
- Копыловская М. Ю. Видеоинтервью как оптимальный учебный материал в компетентностно-ориентированном обучении // Концепт. 2016. №. S19. С. 29-32.
- Мартirosян А. Г., Петрова Л. Г. Перевод как вид коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 1. №. 1 (57). С. 138-141.
- Роджерс Э., Агарвала-Роджерс Р. А Коммуникации в организациях М.: Экономика, 1980.
- Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов М.: Высш. шк., 2003. 332 с.
- Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика. М.: Филоматис, 2006. 480 с.
- Щукин А. Н., Фролова Г. М. Методика преподавания иностранных языков М. 2015. 203 с.
- Gattegno Caleb Teaching Foreign Languages in Schools: The Silent Way (2nd ed.). New York: Educational Solutions, 1972.
- Krashen S. D. Second language acquisition and second language learning. – Oxford University Press, 1981.
- Shannon C. E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana. Univ. of Illiniyce Press, 1949.

References

- Bim I. L. Theory and Practice of Teaching German in Secondary School: A Manual. Moscow: Education, 1988. 255 p.
- Bystrova E. A. et al. Teaching Russian at School // Moscow: Drofa. 2004. P. 127.
- Vygotsky L. S. Thinking and Speech. Directmedia, 2014.
- Kashkin V. B. Fundamentals of Communication Theory: A Brief Course // Moscow: East-West. 2007. T. 256.
- Kitaigorodskaya G. A. Intensive Teaching Methods. Theory and Practice // Moscow. 1992.
- Kolesnikova, I. L., Dolgina, O. A. English-Russian Terminology Handbook of Foreign Language Teaching Methods. Moscow: Drofa; 2008. 173 p.
- Kopylovskaya M. Yu. Video interviews as an optimal teaching material in competence-oriented learning // Concept. 2016. No. S19. P. 29-32.
- Martirosyan A. G., Petrova L. G. Translation as a type of communication // Bulletin of the Kemerovo State University. 2014. – Vol. 1. – No. 1 (57). – P. 138-141.
- Rogers E., Agarwala-Rogers R. A. Communications in organizations. M.: Economica, 1980.
- Shchukin, A. N. Methods of teaching Russian as a foreign language: textbook. manual for universities / A. N. Shchukin. – M.: Higher. shk., 2003. – 332 p.
- Shchukin, A. N. Teaching foreign languages: theory and practice / A. N. Shchukin. M.: Filomatis, 2006. – 480 p.
- Shchukin A. N., Frolova G. M. Methods of teaching foreign languages / A. N. Shchukin, G. M. Frolova – M. – 2015. – 203 p.
- Gattegno C. Teaching Foreign Languages in Schools: The Silent Way (2nd ed.). New York: Educational Solutions, 1972.
- Krashen S. D. Second language acquisition and second language learning. Oxford University Press, 1981.
- Shannon C. E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana. Univ. of Illinoice Press, 1949.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются ключевые аспекты языковой репрезентации культуры в контексте современного медиадискурса, а также их влияние на формирование общественного сознания и культурной идентичности. В условиях современного информационного общества языковая репрезентация культуры претерпевает значительные изменения. Это связано с развитием информационных технологий, глобализацией, изменением роли и функций языка в культуре, ростом значимости визуальных и аудиовизуальных средств, а также увеличением роли интерактивности. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью изучения этих изменений и их влияния на языковую систему и культурную идентичность. В современном мире медиапространство играет ключевую роль в формировании общественного сознания и культурных ценностей. Оно становится основным каналом коммуникации, через который люди получают информацию о различных аспектах жизни, включая культуру. В связи с этим возникает необходимость изучения особенностей языковой репрезентации культуры в медиапространстве. Анализируются механизмы, с помощью которых медиа формируют и трансформируют культурные значения, а также роль языка в этой динамике. Особое внимание уделяется использованию языковых средств для создания культурных образов, стереотипов и идентичностей. Цель исследования заключается в выявлении и анализе особенности языковой репрезентации культуры в современном медиапространстве. Задачи исследования включают в себя: 1. Изучение теоретической основы языковой репрезентации культуры и её влияния на формирование общественного сознания; 2. Выявление основных тенденций и закономерностей языковой репрезентации культуры в условиях современного информационного общества; 3. Установление специфики функционирования языковых средств и методов представления информации о культуре в различных типах медиа. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе языковой репрезентации культуры в современном медиапространстве. В работе будут рассмотрены различные аспекты этого процесса. Исследуются примеры различных медиаформатов, включая социальные сети, телевидение и печатные издания, которые позволяют выявить новые тенденции и изменения в восприятии культурных реалий. Подчеркивается важность критического подхода к анализу медиадискурса, поскольку он влияет на общественное сознание и формирование культурных норм. Также обсуждаются перспективы дальнейших исследований в данной области и значение языковой репрезентации для понимания современного общества. Результаты исследования будут полезны для специалистов в области межкультурной коммуникации, которые работают над улучшением взаимопонимания между представителями разных культур. Данная работа способствует глубокому пониманию взаимосвязи языка и культуры, а также открывает новые горизонты для дальнейших исследований в области медиапсихологии и культурной лингвистики.

Ключевые слова: мультикультурализм, межкультурная коммуникация, медиадискурс, медиапространство, лингвокультура, глобализация, социокультурная компетенция, грамматический уровень, стилистический уровень, лексический уровень.

FEATURES OF LINGUISTIC REPRESENTATION OF CULTURE IN THE MODERN MEDIA SPACE

The article examines the key aspects of linguistic representation of culture in the context of modern media discourse, as well as their influence on the formation of public consciousness and cultural identity. In the context of the modern information society, linguistic representation of culture undergoes significant changes. This is due to the development of information technology, globalization, changes in the role and functions of language in culture, the growing importance of visual and audiovisual means, as well as the increasing role of interactivity. The relevance of this topic is due to the need to study these changes and their impact on the language system and cultural identity. In the modern world, the media space plays a key role in shaping public consciousness and cultural values. It becomes the main channel of communication through which people receive information about various aspects of life, including culture. In this regard, there is a need to study the features of linguistic representation of culture in the media space. The mechanisms by which the media form and transform cultural meanings, as well as the role of language in this dynamics, are analyzed. Particular attention is paid to the use of linguistic means to create cultural images, stereotypes and identities. The aim of the study is to identify and analyze the features of the linguistic representation of culture in the modern media space. The objectives of the study include: 1. Studying the theoretical basis of the linguistic representation of culture and its influence on the formation of public consciousness; 2. Identifying the main trends and patterns of the linguistic representation of culture in the context of the modern information society; 3. Establishing the specifics of the functioning of linguistic means and methods of presenting information about culture in various types of media. The novelty of the study lies in the comprehensive analysis of the linguistic representation of culture in the modern media space. The work will consider various aspects of this process. Examples of various media formats are examined, including social networks, television and print media, which allow us to identify new trends and changes in the perception of cultural realities. The importance of a critical approach to the analysis of media discourse is emphasized, since it affects public consciousness and the formation of cultural norms. Prospects for further research in this area and the importance of linguistic representation for understanding modern society are also discussed. The results of the study will be useful for specialists in the field of intercultural communication who work to improve mutual understanding between representatives of different cultures. This work contributes to a deep understanding of the relationship between language and culture, and also opens up new horizons for further research in the field of media psychology and cultural linguistics.

Keywords: multiculturalism, intercultural communication, media discourse, media space, linguaculture, globalization, sociocultural competence, grammatical level, stylistic level, lexical level.

В современном мире медиапространство играет ключевую роль в формировании общественного мнения и культурного самосознания. Оно является не только средством передачи информации, но и инструментом создания и распространения культурных ценностей и норм. В этой статье рассматриваются особенности языковой репрезентации культуры в современных медиа. По мнению ученого социолога А. А. Ефанова, «Вследствие активного позиционирования посредством сетевых коммуникаций и телевидения шедевров музыкального и изобразительного искусства наблюдается дуалистичный процесс: с одной стороны, происходит переориентация ценностной системы аудитории; с другой – смена культурообразующих детерминант в конечном итоге будет способствовать трансформации контента всего медиа рынка» [Ефанова, 2020, с. 47]. Таким образом, наблюдается взаимное

влияние и изменение медиасреды под влиянием цифровых технологий и цифровизации пространства.

Отечественный лингвист С. Г. Тер-Минасова утверждает, что «Язык — это зеркало культуры, в котором отражаются все её ценности и нормы» [Тер-Минасова, 2000, с. 56]. Язык формируется под влиянием культурных, исторических и социальных факторов. В языке отражены особенности мышления, восприятия мира и поведения людей, которые принадлежат к определённой культуре.

В условиях современного информационного общества языковая репрезентация культуры претерпевает значительные изменения. Основные тенденции и закономерности этого процесса можно проследить на примере различных аспектов языка и культуры.

Современные технологии оказывают значительное воздействие на способы коммуникации и представления информации. Это приводит к появлению новых языковых форм и стилей. Например, социальные сети способствуют распространению разговорного стиля речи, использованию эмодзи и хештегов для выражения эмоций и структурирования информации. Новые социальные связи востребованы самой социокультурной действительностью. Оказалось, что слабые диффузные социальные связи, которые человек постиндустриального общества формирует на основе коммуникации через Интернет и мобильные технологические устройства, позволяют лучше адаптироваться к условиям экономики знаний. В частности, в таких условиях человек лучше овладевает информацией и выполняет различные эффективные манипуляции с ней [Солдатова, 2012].

В условиях информационного общества возрастает роль визуальных и аудиовизуальных элементов в представлении культурной информации. Язык дополняется изображениями, видео, анимацией и другими мультимедийными средствами, что способствует более глубокому и эмоциональному восприятию культурных явлений. Примером могут служить видеоматериалы с экскурсий по картинной галерее, которые используются для привлечения посетителей.

Современное информационное общество характеризуется активным взаимодействием между создателями культурного контента и его потребителями. Языковые средства и методы становятся более ориентированными на вовлечение аудитории, стимулирование обсуждений и обмена мнениями. Примером является использование интерактивных элементов на сайтах музеев, таких как возможность оставлять комментарии и задавать вопросы.

Таким образом, языковая репрезентация культуры в условиях современного информационного общества характеризуется рядом тенденций и закономерностей, связанных с развитием технологий, ростом значимости мультимедийных средств и увеличением роли интерактивности. Эти процессы отражают динамичный и многогранный характер взаимодействия языка и культуры в эпоху информационных технологий.

Языковая репрезентация культуры — это способ представления культурных особенностей и ценностей через язык. Она включает в себя использование определённых языковых средств, таких как лексика, грамматика, стилистика, для передачи культурных смыслов и образов. В современном медиапространстве языковая репрезентация культуры имеет свои особенности, которые связаны с такими факторами, как глобализация, мультикультурализм, цифровизация и др.

Комплексный анализ языковой репрезентации культуры в современном медиапространстве позволяет выявить основные тенденции и закономерности языковой репрезентации культуры в медиапространстве, а также определить её роль в формировании общественного сознания и культурной идентичности. Анализ языковой репрезентации культуры в современном медиапространстве на лексическом уровне включает изучение словарного состава, используемого для описания культурных явлений и ценностей. В грамматические языковые средства входят:

1. Синтаксические конструкции. Использование сложных предложений, причастных и деепричастных оборотов, вводных слов и конструкций позволяет разнообразить текст и сделать его более выразительным. Среди основных синтаксических средств достижения экспрессивности текста, можно отметить инверсию, использование различных синтаксических структур (типов предложения), использование коротких предложений при ответах на вопросы, разновидности повторения, эллипсис, прямая речь, параллельные конструкции. Инверсия - нарушение обычного порядка размещения членов предложения, в результате которого какой-то элемент становится обособленным и получает специальные коннотации эмоциональности и экспрессивности. Инверсия определяется позицией синтаксически связанных между собой членов предложения относительно друг друга. Рассмотрим выражение «Out of the darkness comes light» [Palmer, 2016, с. 400], которое является слоганом рекламной кампании пива «Guinness Irish Stout». В нем наблюдается инверсия сказуемого «comes», предшествующего подлежащего «light». Пиво, в данном слогане, сравнивается со «светом» и в переводе на русский выглядит следующим образом: «Из темноты выходит свет». То есть рекламируемое пиво в данном случае, воспринимается, как нечто светлое и позитивное, и с целью привлечения внимания к этим качествам применяется особый порядок главных членов в предложении.

2. Морфология. Выбор определённых частей речи может влиять на стиль текста. Например, во фразе «черная корова пасётся на лугу» словоформа «корова» имеет частные грамматические значения женского рода, единственного числа, именительного падежа и требует согласовательной связи с определяющей её словоформой «черная» в тех же значениях рода, числа и падежа.

На стилистическом уровне выделяются такие языковые средства, как:

1. Метафора. Перенос значения слова по сходству позволяет создать яркие образы и ассоциации. Например: Метафора «a shadow of a smile» («тень улыбки») основана на сходстве между улыбкой и её тенью. Улыбка обычно ассоциируется с радостью, счастьем и позитивными эмоциями. Тень же обычно ассоциируется с чем-то мрачным, тёмным и негативным. Используя метафору «тень улыбки», автор хочет передать, что улыбка человека слабая, неуверенная или неискренняя. Это может быть связано с тем, что человек пытается скрыть свои настоящие чувства или эмоции. Таким образом, метафора помогает автору передать тончайшие оттенки чувств и эмоций, создать яркие образы и ассоциации в сознании читателя.

2. Эпитет. Образное определение, придающее слову выразительность. Например: эпитет «a sharp smile» (острая улыбка) используется для описания улыбки, которая выглядит резкой, пронизательной или хитрой. Это может быть связано с тем, что человек улыбается неискренне или пытается скрыть свои истинные намерения. Таким образом, эпитет помогает автору передать тончайшие оттенки чувств и эмоций, создать яркие образы в сознании читателя.

3. Сравнение. Сопоставление двух явлений с целью пояснить одно через другое. Например, в предложении «The boy seems to be as clever as his mother» («Мальчик, кажется, такой же умный, как его мать») используется конструкция «as...as», чтобы показать, что мальчик и его мать одинаково умны. Такое сравнение помогает понять, что способности мальчика в определённой области (например, учёба) сопоставимы со способностями его матери. Это может указывать на то, что ребёнок унаследовал интеллект или обучаемость от своей матери или даже превзошёл её в этом аспекте. Таким образом, сравнение делает текст более наглядным и понятным, позволяя читателю легче представить себе уровень интеллекта мальчика.

Одной из главных особенностей языковой репрезентации культуры в медиа является её мультикультурный характер. Медиaprостранство объединяет людей из разных стран, культур и языков, что приводит к взаимодействию и обмену культурными ценностями и

нормами. Это проявляется в использовании различных языков, стилей и жанров, а также в создании гибридных форм культуры. Например, в СМИ можно встретить статьи о культуре других стран, интервью с представителями разных культур, фильмы и сериалы, снятые в сотрудничестве с другими странами и т. д.

Исследователь Е. А. Кожемякин отмечает, что «В условиях глобализации и интенсификации межкультурных контактов медиа становятся ключевым пространством репрезентации и интерпретации культурных различий». Он подчёркивает, что медиа играют важную роль в формировании представлений о других культурах и их особенностях» [Кожемякин, 2023, с. 74]. В наше время, где границы между странами и культурами становятся всё более размытыми, средства массовой информации играют важную роль в формировании представлений о других культурах и их особенностях.

Медиа предоставляют информацию о различных аспектах жизни других культур: традициях, обычаях, ценностях, нормах поведения и т. д. Они могут формировать стереотипные представления о других народах, но также могут способствовать развитию толерантности и уважения к другим культурам.

В качестве примера можно привести новостные репортажи о культурных событиях, таких как фестивали, выставки, концерты и другие мероприятия, которые позволяют аудитории познакомиться с культурой других стран. Также существуют специализированные издания и программы, посвящённые культуре других народов, которые помогают расширить кругозор и сформировать более глубокое понимание других культур.

В СМИ языковая репрезентация культуры проявляется в различных формах:

1. Использование лексики, связанной с культурой. Это могут быть слова и выражения, обозначающие культурные ценности, традиции, обычаи и т. д. Например, в новостных репортажах часто используются такие слова, как «культура», «искусство», «традиция» и др.

2. Создание образов и ассоциаций. С помощью языковых средств можно создавать яркие образы, связанные с определёнными культурами. Например, при описании китайской культуры можно использовать такие слова и выражения, как «дракон», «чайная церемония», «иероглифы» и т. п.

3. Интерпретация событий и явлений. Языковые средства позволяют интерпретировать события и явления с точки зрения культурных ценностей и норм. Например, в статье о конфликте между двумя странами можно использовать такие выражения, как «культурные различия», «менталитет», «национальные особенности» и т. д., чтобы объяснить причины и последствия конфликта.

То, как влияет языковая репрезентация культуры на аудиторию прослеживается в положительных и отрицательных сторонах. С одной стороны, она способствует формированию представлений о других культурах и их ценностях. Это может привести к развитию толерантности, уважения и интереса к другим культурам. С другой стороны, она может привести к стереотипизации и искажению представлений о других культурах. Это может вызвать недопонимание, конфликты и дискриминацию [Randal D. Koster, 2021, с. 156].

Ещё одной особенностью языковой репрезентации культуры является её гибкость и адаптивность. Медиапространство быстро реагирует на изменения в обществе, культуре и языке. Оно адаптирует и создаёт новые формы и способы выражения культурных смыслов и идей. Например, в социальных сетях и мессенджерах появляются новые слова и выражения, отражающие современные культурные тенденции и события. Также в медиа используются различные стили и жанры, такие как инфографика, мемы, подкасты и др., которые позволяют более эффективно и интересно передавать культурные ценности и нормы [Perez-Sabater, 2021, с. 266].

По мнению исследователя Л. С. Винарской, «Язык является основным средством репрезентации культурной идентичности». Она подчёркивает, что язык отражает культурные особенности и ценности, которые передаются из поколения в поколение [Винарская, 1995, с. 15].

Влияние языка на личность, его мыслительные процессы и поведение тесно связано со средствами массовой коммуникации. Заполняя свободное время и предоставляя информацию о событиях в мире, СМИ формируют восприятие действительности и влияют на современную культуру.

Язык, используемый в СМИ, играет ключевую роль в повышении уровня грамотности среди населения. С отменой цензуры возникла возможность использования спонтанной устной речи в прямом эфире, что привело к вовлечению в диалог людей с разным уровнем образования и культурной подготовки. В результате, ухудшение культурного и речевого уровня в медиа естественным образом сказывается на состоянии языка в современном обществе.

Современные технологии и новые форматы коммуникации (социальные сети, блоги, видеохостинги) оказывают значительное влияние на языковую репрезентацию культуры. Исследование этих тенденций позволяет понять, какие изменения происходят в языковой практике и как они влияют на культурное пространство. Социальные сети усложняют саму природу жизни общества. Технологии способны изменять публичность, размывать «аудиторию» и публику. Природа публичности в Интернете определяется архитектурой и возможностями социальных сетей, а также социальным контекстом, идентичностью и практиками людей. Умение ориентироваться в социально опосредованной публичности требует новых механизмов контроля и новых навыков [Баум, 2012, с. 320]. Современное медиапространство характеризуется многоязычием, где разные языки взаимодействуют и переплетаются. Новые медиа, такие как подкасты, блоги и видеоблоги, предлагают новые форматы для репрезентации культурных идей и норм. Язык в этих форматах становится более неформальным, приближенным к живому общению, что создает эффект аутентичности. Это также способствует распространению «жаргонов» и сленгов, которые отображают культурные особенности и образ жизни различных групп. Популярные подкасты, посвященные культурным и социальным вопросам, часто включают в себя обсуждения на актуальные темы с использованием специфических терминов и фраз, что делает их интересными и доступными для определенной аудитории. Глобальные платформы, такие как социальные сети, блоги и видеохостинги, предоставляют возможность пользователям из различных стран и культур делиться своим опытом, традициями и взглядами. Это многоязычие способствует формированию мультикультурной среды, где различные культурные нарративы могут сосуществовать и взаимодействовать. Возьмем, к примеру, Rutube, где пользователи со всех уголков мира создают контент и снимают видео на своих родных языках. Это позволяет многим людям открывать для себя новые культуры и языки, получая доступ к информации и традициям, которые ранее могли быть недоступны.

Исследователь М. Р. Желтухина утверждает, что «Медиадискурс – это сложное коммуникативное явление, которое включает в себя различные формы и виды коммуникации, осуществляемые посредством массовой информации» [Желтухина, 2001, с. 5]. Медиадискурс представляет собой совокупность текстов, созданных в СМИ, которые отражают актуальные события и явления общественной жизни.

К формам медиадискурса можно отнести новостные репортажи, аналитические статьи, интервью, блоги, комментарии пользователей и т. д. Виды медиадискурса включают в себя печатные издания, телевидение, радио, интернет-издания и другие каналы распространения информации.

С одной стороны, медиадискурс способствует распространению новых идей и тенденций, которые могут обогатить культурное наследие общества. С другой стороны, он

может привести к унификации культуры и потере её самобытности. Это особенно актуально в эпоху глобализации, когда медиа становятся всё более доступными для людей из разных стран и культур.

Влияние медиадискурса на культуру проявляется в следующих аспектах:

1. Формирование представлений о красоте и эстетике. Медиадискурс создаёт образы идеальной внешности, которые становятся эталоном для многих людей. Это может привести к развитию комплексов и недовольства собой у тех, кто не соответствует этим стандартам.

2. Изменение языка и стиля общения. Медиадискурс влияет на то, как мы говорим и пишем. Он способствует распространению сленга, жаргона и других форм неформального общения. Это может негативно сказаться на качестве речи и уровне грамотности населения.

3. Создание стереотипов и предрассудков. Медиадискурс часто формирует стереотипные представления о различных группах людей. Эти стереотипы могут быть основаны на расе, национальности, религии или других факторах. Они могут привести к дискриминации и насилию.

Специфика функционирования языковых средств и методов представления информации о культуре в различных типах медиа обусловлена их целями, аудиторией и форматами. Например, на телевидении и радио информация о культуре представлена в виде программ, репортажей, интервью и т. п. Здесь языковые средства и методы включают в себя использование устной речи, а также различных невербальных средств (жесты, мимика, интонация). Например, в репортаже о фестивале фольклорной музыки могут использоваться эпитеты и сравнения для описания выступлений артистов, а также жесты и мимика ведущего для передачи эмоций и атмосферы фестиваля.

Также, в печатных изданиях информация о культуре обычно представлена в виде статей, интервью, рецензий и т. д. Языковые средства и методы представления информации здесь включают в себя использование различных стилей речи (научный, публицистический, художественный), а также использование разнообразных лексических и грамматических средств (метафоры, эпитеты, сравнения, риторические вопросы и др.). Например, в статье о выставке современного искусства могут использоваться метафоры и эпитеты для описания работ художников, а также риторические вопросы для вовлечения читателя в обсуждение.

Поэтому, специфика функционирования языковых средств и методов представления информации о культуре зависит от типа медиа и его целей. Печатные издания используют более формальный стиль речи и разнообразные лексические и грамматические средства, телевидение и радио – устную речь и невербальные средства.

Таким образом, языковая репрезентация культуры в медиадискурсе представляет собой сложное и многогранное явление, которое отражает взаимосвязь языка и культуры в контексте современных средств массовой информации. Языковая репрезентация способствует созданию новых культурных значений и смыслов, которые отражают изменения в обществе и культуре. Медиадискурс является ключевым каналом распространения культурных ценностей, норм и традиций. Он формирует общественное сознание, влияет на формирование культурной идентичности и способствует межкультурной коммуникации. В условиях глобализации и развития информационных технологий медиадискурс становится основным инструментом репрезентации культуры. Языковые средства, такие как грамматические конструкции и стилистические приёмы играют важную роль в формировании культурной картины мира. Они отражают культурные ценности, нормы и традиции, а также влияют на восприятие реальности и формирование культурных стереотипов. Языковые практики формируют культурную картину мира, которая отражает представления о реальности, ценностях и нормах определённой культурной группы. Анализ лексики, грамматических конструкций, стилистических приёмов и других языковых средств позволяет выявить особенности языковой репрезентации культурных явлений и ценностей.

Современный медиадискурс играет значительную роль в формировании культуры. Важно понимать, что медиадискурс не является единственным фактором, определяющим развитие культуры. На него также влияют другие факторы, такие как образование, религия, искусство и т.д. Однако медиадискурс является важным инструментом в формировании общественного сознания и мировоззрения людей.

Литература

- Винарская Л. С. Информативная структура рекламного текста. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1995. 112 с.
- Ефанов А. А. Популяризация культуры посредством медиа: дилемма массовости и элитарности // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием, Иркутск, 24 апреля 2020 г. / отв. ред. О. Б. Истомина. Иркутск: Иркутский государственный университет. С. 345–348.
- Желтухина М. Р. Специфика масс-медиального дискурса // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы: Тезисы докладов международной конференции. Москва, 23-25 окт. 2001 г. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 156-159.
- Кожемякин Е. А. Основы теории коммуникации [Текст]: Учебное пособие / Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023. 189 с.
- Солдатова Г. Цифровое поколение России: взгляд изнутри: видеолекция. URL: <http://theoryandpractice.ru/?scope=video> (дата обращения: 22.12.2024).
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». М., 2000. 262 с.
- Baym, Naomi, Boyd, Danah, 2012. Socially mediated publicness: an introduction. J. Broadcast. Electron. Media 56 (3), 320-329.
- Perez-Sabater Carmen, 2021. Moments of sharing, language style and resources for solidarity on social media: a comparative analysis. J. Pragmat. 180, 266-282.
- Randal D. Koster, Linguistics and Education, 2021. Multidimensional perspectives on gender in Dutch language education: Textbooks and teacher talk. 64, 100-953.

References

- Baym, Naomi, Boyd, Danah, 2012. Socially mediated publicness: an introduction. J. Broadcast. Electron. Media 56 (3), 320-329.
- Efanov, A. A. Popularization of culture through media: the dilemma of mass character and elitism // Social processes in modern Russian society: problems and prospects: materials of the IV All-Russian scientific conference with international participation, Irkutsk, April 24, 2020 / ed. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 345–348. (in Russian)
- Kozhemyakin E. A. Fundamentals of Communication Theory [Text]: Textbook / Belgorod State National Research University, 2023. - 189 p. (in Russian)
- Perez-Sabater Carmen, 2021. Moments of sharing, language style and resources for solidarity on social media: a comparative analysis. J. Pragmat. 180, 266-282.
- Randal D. Koster, Linguistics and Education, 2021. Multidimensional perspectives on gender in Dutch language education: Textbooks and teacher talk. 64, 100-953.
- Ter-Minasova, S. G. Language and Intercultural Communication: Textbook for students, postgraduates and applicants in the specialty "Linguistics and Intercultural Communication". М., 2000. 262 p. (in Russian)
- Vinarskaya, L. S. Informative structure of advertising text. Abstract of dissertation for the degree of candidate of philological sciences. - М., 1995. - 112 p. (in Russian)
- Zheltukhina M. R. Specificity of mass-media discourse // Language and society on the threshold of the new millennium: results and prospects: Abstracts of reports of the international conference. Moscow, October 23-25. 2001 М.: Editorial URSS, 2001. P. 156-159. (in Russian)

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА В ТЕКСТАХ SAMUEL И KINGS

Важную роль в исследовании исторического контекста Библии играет анализ библейской лексики. При этом основная роль отдается изучению происхождения лексем и выявлению их денотативного элемента значения. Однако большое значение придается также пониманию прагматического или коннотативного слоя значения той или иной реалии. Среди библейских реалий коннотативным значением обладают три группы лексем и словосочетаний: библейские фразеологизмы, тропы и фигуры речи. Фразеологизмы, имеющиеся в книгах Samuel и Kings следует условно разделить на три группы. Первая группа включает в себя устойчивые стереотипы общения, которая вводит в понимание бытового уклада, взаимоотношений между людьми разного социального положения. Другую группу фразеологизмов составляют выражения, обозначающие предметы топонимики, военной сферы государства. К третьей группе могут относиться антропонимы (имена собственные) если они имеют фразеологическое значение. Исследование исторического компонента в коннотативном элементе лексического значения (экспрессивность, динамизм, психологизм) обеспечивает более четкое понимание исторического материала. В целом, анализ особенностей библейской фразеологии, тропов, фигур речи способствует лучшему пониманию библейского текста во всей полноте, помогает проникнуть в сферу переживаний автора текста, психологии людей той эпохи, почувствовать драматизм, происходивших в то время событий.

Ключевые слова: библейский текст, Библия короля Иакова, лексема, фразеологизмы, тропы, фигуры речи.

Anatoly A. Gorokhov

Tobolsk Theological Seminary

THE FEATURES OF UNDERSTANDING OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS AND OF THE LANGUAGE'S EXPRESSIVE MEANS IN THE TEXTS OF SAMUEL AND KINGS

The analysis of Biblical lexis plays an important role in the study of the Bible's historical context. Meanwhile, the main role is given to the study of the lexemes' origin and the identification of their denotative element. However, great importance is also attached to understanding the pragmatic or connotative element in the meaning of words. Among the biblical realities, three groups of lexemes and phrases have connotative meaning: biblical phraseological units, tropes and stylistic devices. The phraseological units in the books Samuel and Kings should be divided into three groups. The first group includes communication stereotypes, it introduces into the understanding of everyday life, relationships between people of different social status. Another group of phraseological units consists of lexemes describing objects of toponymy, the military sphere of the state. The third group may include anthroponyms (proper names) if they have a phraseological meaning.

The study of the historical component in the connotative element of lexical meaning (expressiveness, dynamism, psychologism) provides a clearer understanding of the historical

material. In general, the analysis of the features of biblical phraseology, tropes, stylistic devices contributes to a better understanding of the biblical text, helps to penetrate the sphere of the author's experiences of the text, the psychology of people of that epoch, to feel the drama of the events that took place at that time.

Keywords: biblical text, the King James Version, lexeme, phraseological units, tropes, stylistic devices.

Актуальность данного исследования обусловлена стремлением многих наших современников к изучению проблематики историко-культурного контекста библейского текста.

Важнейшую роль в исследовании историко-культурного контекста Библии играет анализ библейской лексики. По мнению исследователя М. Э. Конурбаева, «главным является аспект изучения Библии как произведения словесно-художественного творчества, которое не сравнимо ни с чем по своей социальной, общественно-исторической и литературной значимости» [Конурбаев, 1998, с. 11, 12]. Большое значение здесь имеют лексемы, называемые «реалиями», но передавать их особенно сложно. С точки зрения зарубежных исследователей С. И. Влахова и С. П. Флорина «перевод реалий – часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия» [Влахов, Флорин, 2012, с. 17]. Поэтому для исследования данных реалий, в первую очередь, необходим эквивалентный перевод с целью установления референциальных или понятийных, предметно-логических значений предметов, процессов, явлений, реконструируемой исторической действительности.

Отечественный исследователь И. М. Кобозева выделила денотативный, сигнификативный и прагматический слои значения [Кобозева, 2016, с. 62–66]. При этом основная роль отдается выявлению денотативного элемента значения лексем. Однако большое значение придается также пониманию прагматического или коннотативного слоя значения той или иной реалии. Среди библейских реалий коннотативным значением обладают три группы лексем и словосочетаний: библейские фразеологизмы, тропы и фигуры речи.

Видный отечественный ученый-лингвист А. В. Кунин относил библеизмы к заимствованным фразеологическим единицам английского языка [Кунин, 2005, с. 268–271]. С точки зрения К. Н. Дубровиной, «Библейская фразеология включает в себя устойчивые обороты, которые, как правило, обладают экспрессивностью, эмоционально-оценочными характеристиками. Многие библейские обороты отражают особенности жизненного уклада, традиции и обычаи древнего Востока» [Дубровина, 2012, с. 11, 17].

Кроме того, большое значение имеет лексика одного из наиболее авторитетных англоязычных переводов – Библии короля Иакова поскольку данный перевод выполняет образца и стандарта английского перевода. Так, ученый У. Уэссель пишет, что переводчики сразу стремились подобрать «эквиваленты на английском языке словам на языке оригинала – библейском иврите» [Wessel, 2003, с. 209]. С точки зрения исследовательницы А. А. Осиповой, данный перевод стал «источником вошедших в него фразеологических оборотов, пословиц, цитат и может по праву считаться неотъемлемой частью английской языковой картины мира и англоязычной культуры» [Осипова, 2016, с. 3]. Согласно взгляду ученого Д. Нортон «переводчиками Библии короля Иакова сразу решались проблемы передачи стилистических средств и выражения точности знаний историко-культурного фона» [Norton, 2000, с. 57, 73]. Также английский язык является международным научным языком в том числе и области гуманитарных знаний.

Говоря о степени разработанности темы влияния коннотативного элемента языковых единиц на понимание исторического контекста книг Samuel и Kings, следует отметить ее

слабую проработку как в отечественной, так и в мировой научной литературе. Отсутствуют отдельные работы, где бы рассматривалась указанная проблематика. Среди авторов работ теоретико-методологической направленности следует выделить И. В. Арнольд, Р. Гальперина, И. М. Кобозеву. Общие вопросы лингвистического анализа Библии короля Иакова как литературного памятника рассматриваются исследователями М. Э. Конурбаевым, А. А. Липгартом, А. А. Осиповой. Проблемам понимания ветхозаветных фразеологизмов и выразительных средств языка посвящены труды О. А. Головкиной, К. Н. Дубровиной, А. В. Кунина, А. В. Форостенко. Среди зарубежных исследователей нужно указать С. И. Влахова, С. П. Флорина, Д. Нортона, У. Уэсселя.

Цель данной статьи заключается в анализе языковых единиц с коннотативным значением в тексте I-II Samuel, I-II Kings. Для выполнения поставленной цели предполагается решение следующих задач: 1. Рассмотреть особенности фразеологизмов; 2. Изучить специфику выразительных средств языка; 3. Выявить основные черты языковых единиц с коннотативным значением, способствующие лучшему пониманию исторического контекста книг Samuel и Kings.

Материалом для анализа фразеологизмов и выразительных средств языка выбран текст I-II Samuel, I-II Kings из наиболее авторитетного англоязычного перевода – Библии короля Иакова (The King James Authorized Version). Безусловно, важным аспектом в изучении данного вопроса является анализ и других разноплановых английских переводов, но узкие рамки статьи не дают этого сделать. В процессе исследования использованы следующие методы: общенаучный метод анализа и синтеза теоретического материала, междисциплинарный историко-литературно-критический метод для исследования библейского текста.

Исследователями отмечено большое количество английских библейских фразеологизмов, восходящих к тексту Samuel и Kings [Головкина, 2015, с. 16]. Фразеологизмы, имеющиеся в этих книгах, следует условно разделить на три группы.

Так, первая группа включает в себя устойчивые стереотипы общения. Например, *"Let thine handmaid find grace in thy sight"* (1 Sam. 1:18), *"God save the king"* (1 Sam. 10:24), *"As thy soul liveth, O king"* (1 Sam. 17:55), *"go in peace"* (1 Sam. 20:13), *"...peace be both to thee, and peace be to thine house"* (1 Sam. 25:6), *"Go up in peace to thine house"* (1 Sam. 25:35), *"I know that thou art good in my sight"* (1 Sam. 29:9), *"...Art thou he that troubleth Israel?"* (1 Ki. 18:17) *"...Is all well?"* (2 Ki. 5: 21). Эти фразеологизмы вводят в понимание взаимоотношений между людьми разного социального положения. Служанка мечтает обрести милость в очах своего господина. Человек успокаивается, когда кто-то вышестоящий, особенно правитель сообщает ему, что тот благ в очах правителя. Большая роль отводится фразеологизмам, связанным с фигурой правителя. Царю выражается пожелание находиться под кровом Бога, быть должжителем, чтобы жила его душа. Очень часто в таких библейских фразеологизмах встречается лексема *"peace – мир"*. Это естественно для древневосточного периферийного общества, каким являлся Древний Израиль, почти постоянного пребывающего в состоянии военных конфликтов и действий. Причисляются нарушители привычного порядка вещей, установленного закона, как опасные антиобщественные силы, те лица кто смущает Израиль.

Другую группу фразеологизмов составляют выражения, обозначающие предметы топонимии, военной сферы государства. Приведем следующие примеры: *"all Israel from Dan even to Beersheba"* (1 Sam. 3: 20), *"Be strong, and quit yourselves like men, O ye Philistines"* (1 Sam. 4:9), *"thy going out and thy coming in with me in the host"* (1 Sam. 29:6), *"thou wast he that leddest out and broughtest in Israel"* (2 Sam. 5:2). Данные фразеологизмы также способствуют пониманию исторических реалий и раскрывают географические, социально-политические и другие реалии. Например, показаны пределы Израиля от города Дана на северной границе и до Бээр-Шевы на юге. Дается характеристика филистимлянам – одному

из главных врагов библейского Израиля. Выведен образ Давида – первоклассного полководца, который выходил во главе войска из ворот города и с войском заходил туда.

К третьей группе могут относиться антропони́мы (имена собственные) если они имеют фразеологическое значение. Так, “*David*” – символ благородства, мужества и милости “*thou hast shewed this day how that thou hast dealt well with me*” (1 Sam. 24: 18), “*Solomon*” – образ мудрости “*I heard of thy wisdom*” (1 Ki. 10: 6), “*H Ezekiah*” – благоразумия и успешности “*he prospered whithersoever he went forth*” (2 Ki. 18: 7). Некоторые библеизмы-фразеологизмы впервые упомянутые в тексте Samuel и Kings давно вышли из границ только библейской лексики и стали мировым достоянием. Например, “*Is Saul also among the prophets – неужели и Саул среди пророков?*” (1 Sam. 10:11). Так говорят про человека, который казался всем совершенно обычным и неожиданно для всех приобрел высокое положение либо стал заниматься совершенно несвойственным для него прежде видом деятельности.

Кроме того, большое коннотативное значение имеют тропы. Так именуются «лексические изобразительно-выразительные средства, в которых слово или словосочетание употребляется в преобразованном значении» [Арнольд, 2014, с. 123].

Так, метафора представляет собой «отношение предметно-логического значения и значения контекстуального, основанное на сходстве признаков двух понятий» [Гальперин, 1958, с. 125]. В рассматриваемом тексте мы можем видеть следующие примеры метафоры, “*his heart died within him, and he became as a stone – его сердце замерло в нем и он стал как камень/окаменел*” (1 Sam. 25:37), “*they shall quench my coal – они погасят мой уголёк*” (2 Sam. 14:7). Богач Навал впал в сердечную болезнь, узнав неожиданную новость о том, что разгневанный Давид идет к нему со своим отрядом, чтобы отомстить. Для характеристики состояния Навала в тексте употребляются выражения “*his heart died within him*” “*he became as a stone*”. Это придает живость и драматизм рассказу о Навале. В другом отрывке жизнь потомства, сына сравнивается с горящим угольком и тушение этого уголька с угрозой этой жизни.

Наряду с этим, одна и та же фраза может быть метафорой и сравнением “*the king of Israel is come out to seek a flea, as when one doth hunt a partridge in the mountains – царь Израиля вышел поискать блоху, подобно как охотятся на куропатку в горах*” (1 Sam. 26:20). Давид, которого подозревали в заговоре, сравнивается в данном контексте очень уничижительно с куропаткой, блохой. Царь Саул, который стремился захватить Давида и убить, показан человеком, занимавшимся очень маловажным, незначительным делом, недостойным правителя Израиля.

Далее следует сказать, что очень часто в текстах Samuel и Kings присутствует такой троп, как метонимия – основанный «на ассоциации по смежности» [Арнольд, 2014, с. 127]. Приведем такие примеры использования метонимии в тексте Библии короля Иакова: “*all the city cried out*” (1 Sam. 4:13), “*Israel is fled before the Philistines Израиль*” (1 Sam. 4:17), “*the cry of the city went up to heaven*” (1 Sam. 5:12), “*Israel was alarmed*” (2 Sam. 4:1), “*smite the city with the edge of the sword*” (2 Sam. 15:14), “*the country wept with a loud voice*” (2 Sam. 15:23), “*the wood devoured more people that day than the sword devoured*” (2 Sam. 18:8), “*this noise of the city*” (1 Ki. 1:41), “*the city was in quiet*” (2 Ki. 11:20). Так, город показан “*being in an uproar*”, “*was in quiet*”, “*cried out*”, “*smite with the edge of the sword*”, то волновавшимся, то притихшим, то плачущим, то пораженным мечем. Страна “*wept with a loud voice*”. Израиль, под топонимом понимается в этом контексте войско, “*was alarmed*”, “*is fled*”. *The wood* и *the sword* поражают, убивают людей.

Разновидность метонимии представляет собой стилистический прием именуемый – синекдоха, используемый с теми же целями, что и метонимия. Например, “*all Israel shouted with a great shout*” (1 Sam. 4:5), “*the hand of the LORD was against the city*” (1 Sam. 5:9), “*the soul of all the people*” (1 Sam. 30:6), “*the king’s heart was toward Absalom*” (2 Sam. 14:1). Здесь следует выделить такие выражения как “*all Israel*”, “*the hand of the LORD*”, “*the soul of the*

people”, “the king’s heart”, которые показывают единство и сплоченность войска Израиля, а также веру древних израильтян, усмотревших могущественное действие божественной силы или характеристику народной души или эмоциональных привязанностей, любви правителя к кому-либо.

Таким образом, понимание метонимии дает нам возможность непосредственно проникнуть в эмоциональную сферу, переживания библейского автора, всю глубину драматизма событий, происходивших в описываемое время.

В тексте Samuel и Kings используется и такое средство выразительности, как ирония. Например, “Who is David? and who is the son of Jesse? there be many servants now a days that break away every man from his master” (1 Sam. 25:10), “Am I a dog’s head?” (2 Sam. 3:8), “Had Zimri peace, who slew his master” (2 Ki. 9:31), “Egypt, on which if a man lean, it will go into his hand, and pierce it, so is Pharaoh king of Egypt unto all that trust on him” (2 Ki. 18: 21). В первом отрывке богач из иудейского местечка Меон, которого звали Навал, иронизирует, почти издевается над Давидом, бежавшим от Саула, именует того “servant who break away from his master”. В следующем стихе военачальник Авенир спрашивает виноватого перед ним сына царя, задавая по сути риторический вопрос. Далее царица Иезавель, ставшая жертвой военного переворота, не теряет присутствия духа и обращается к Йеху – главе восставших. Она называет его нарицательным именем Зимри, то есть мятежником и убийцей, у которого не может быть мира и долговечного правления на крови предшественника. В последнем стихе царь Ассирийской военной державы издевается над своим политическим противником Древним Египтом времени упадка, называя его тростинкой, которая только и может поранить руку того, кто поверит и будет надеяться на силы и помощь египтян. Так, ирония также помогает понять психологию человека того времени, увидеть глубину и сложность психологических взаимоотношений между людьми и даже народами, государствами.

Для усиления экспрессивности, психологизма в ветхозаветном тексте употреблен такой троп, как эпитет: “the sons of Eli were worthless men” (1 Sam. 2:12), “but certain worthless fellows said, how shall this man save us?” (1 Sam. 10:27), “a mighty valiant man, and a man of war, and prudent in matters, and a comely person” (1 Sam. 16:18), “...after a dead dog, after a flea” (1 Sam. 24:14), “a dead dog as I am” (2 Sam. 9:8), “this dead dog” (2 Sam. 16:9). Например, в первом стихе дается не лестная характеристика сыновьям первосвященника Эли, которые названы “worthless men”. Выражение “worthless fellows” с данной лексемой “worthless” в качестве эпитета используется и для характеристики противников Саула – первого царя Древнего Израиля. С другой стороны, по отношению к военачальнику и затем царю Давиду подбираются эпитеты “a mighty valiant man”, “a man of war”, “prudent in matters”, “a comely person”, чтобы показать его доблесть, мужество, благоразумие и обаяние. Читатель текста подводится его автором к мысли о том, что, именно, такой человек и был достоин занять место погибшего в битве с филистимлянами Саула. Ему и надлежало стать правителем. В третьем и четвертом стихах Давид уничижено именует себя “a dead dog”, “a flea”, вызывая к Саулу, что искать и убивать такого малозначительного и ничтожного человека совершенно не имело смысла и даже унижало первого царя Древнего Израиля.

Кроме того, с целью усиления экспрессии, колорита используется сравнение: “they be mighty men, and they be chafed in their minds, as a bear robbed of her whelps in the field” (2 Sam. 17:8), “whose heart is as the heart of a lion” (2 Sam. 17:10). Так, у воинов Давида доблестное и храброе сердце, которое сравнивается с львиным, и они названы “mighty men”, души этих храбрых и мужественных людей обуяла тревога подобно той, что у медведицы, потерявшей своих медвежат и ищущей их.

Наряду с этим, в книгах Samuel и Kings использован и художественный прием гиперболы: “the sole of my feet have I dried up all the rivers of besieged places” (2 Ki. 19:24), а также такой троп, как олицетворение: “Ye mountains of Gilboa, let there be no dew, neither let

there be rain, upon you, nor fields of offerings” (2 Sam. 1:21), “*The thistle that was in Lebanon sent to the cedar that was in Lebanon, saying, Give thy daughter to my son to wife: and there passed by a wild beast that was in Lebanon, and trode down the thistle*” (2 Ki. 14:9). Понимание использования этих тропов способно дать при изучении текста новые смыслы в осмыслении исторических фактов и событий. Например, порицается правитель Ассирийской военной державы Синнахериб (405/404–681 гг. до н.э.), который в гордости и высокомерии говорил, что он быстро справится с Иудейским царством поскольку даже Египет он легко лишил водных источников. В другом стихе порицаются горы Гелвуи, так как там произошло сражение с филистимлянами и погиб Саул – первый царь Древнего Израиля со своими сыновьями. Образы кедра и чертополоха взяты для речи древнеизраильского царя Иоаса (798–782 гг. до н.э.), который так, с одной стороны, высокомерно, а с другой, – уничтожительно именует себя и Амасию – царя Иудеи (796–790 гг. до н.э.), которая являлась другим древнееврейским государством в Леванте в VIII в. до. н.э.

От тропов следует отличать так называемые фигуры речи - синтаксические стилистические средства, которые также несут в себе большое прагматическое значение, «иногда играют решающую роль в придаче высказыванию стилистического эффекта» [Банина, Мельничук, Осипова, 2017, с. 80].

Так, среди фигур речи следует выделить инверсию. Ее цель заключается в достижении выразительности, динамизма, экспрессивности в повествовании. Исследователь А. В. Форостенко считает, что инверсия является «важным стилистическим средством, при помощи которого создается возвышенный стиль повествования» [Форостенко, 2003, с. 12]. Обычное английское утвердительное предложение имеет четко фиксированный порядок слов, где у каждого члена предложения есть свое место. Тем не менее, «нарушение обычного порядка следования членов предложения, в результате которого какой-нибудь элемент оказывается выделенным и получает специальные коннотации эмоциональности или экспрессивности, называется инверсией» [Арнольд, 2014, с. 219]. Для примера, “*How glorious was the king of Israel to day*” (2 Sam. 6: 20). В данном отрывке показано возмущение высокомерной и заносчивой царевны Мелхолы – дочери Саула при виде радующегося царя Давида во время перенесения ковчега Завета – главной святыни Израиля. Мелхоло возмущалась, иронизировала поскольку Давид был в толпе простолудинов, по ее мнению, этим был нарушен придворный этикет.

Наряду с этим, в текстах Samuel и Kings часто использовано такое экспрессивное стилистическое средство как повтор, его разновидности – стилистические фигуры анафора и эпифора. Приведем примеры использования анафоры: “*Tell it not in Gath, publish it not in the streets of Askelon; lest the daughters of the Philistines rejoice, lest the daughters of the uncircumcised triumph*” (2 Sam. 1:20), “*whose heart is as the heart of a lion*” (2 Sam. 17:10), “*My father, my father, the chariot of Israel, and the horsemen thereof*” (2 Ki. 2:12). В первом приведенном здесь отрывке для создания экспрессии использованы два отрицания с синонимичными глаголами “*tell not*”, “*publish not*” в начале предложения и два синонимичных глагола в утвердительной форме в конце предложения “*rejoice*”, “*triumph*”. Этим самым автор подчеркивает полноту скорби, охватившей древних израильтян при вести о гибели Саула и его сыновей. Во втором и третьем отрывке выразительность и динамизм в повествовании достигается за счет повтора одинаковых существительных “*heart*” или словосочетаний, включающих притяжательное местоимение и существительное “*my father*”.

В библейском повествовании употреблена и эпифора: “*he had eaten no bread, nor drunk any water, three days and three nights*” (1 Sam. 30:12), “*From the blood of the slain, from the fat of the mighty, the bow of Jonathan turned not back, and the sword of Saul returned not empty*” (2 Sam. 1:22), “*Thy hands were not bound, nor thy feet put into fetters: as a man falleth before wicked men, so fellest thou*” (2 Sam. 3:34), “*I am as thou art, my people as thy people, my horses as thy horses*” (1 Ki. 22:4). В первом приведенном стихе для усиления использован

повтор числительного “three”, чтобы показать крайнюю степень усталости, истощения организма человека, заблудившегося в пустыне. Во втором отрывке в целях экспрессии использован повтор предлога “from”, а также повтор, основанный на игре отрицательной формы глагольных лексем “turned not back” “returned not empty”, поскольку важно показать героизм, мужество и успешность в военном деле Саула и его старшего сына Ионафана, погибших в битве. В третьем отрывке повторяются личные “falleth” и не личные (причастие) “fellest” формы английского глагола падать для ощущения трагизма ситуации, которая случилась с Авениром – военачальником Саула. В четвертом стихе динамизм, выразительность, понимание колорита в повествовании достигаются с помощью повторения синтаксических структур, основанной на сочетании формы личного местоимения с глаголом *be* “I am”, “thou art”, а также, включающей в себя притяжательное местоимение и существительное “my people”, “thy people” и “my horses”, “thy horses”. Повторяющиеся синтаксические структуры в утвердительном предложении соединяет союз “as”, который использован три раза. Кроме того, в последнем примере: “I am as thou art, my people as thy people, my horses as thy horses”, вместе с эпифорой использован стилистический прием параллелизма.

Вместе с тем, в нарративе Samuel использован стилистический прием именуемый как риторический вопрос. С точки зрения И. В. Арнольд, «функция риторического вопроса – привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон» [Арнольд, 2014, с. 225]. Например, “*After whom is the king of Israel come out? after whom dost thou pursue? after a dead dog, after a flea...*” (1 Sam. 24: 14), “*Shall the sword devour for ever?*” (2 Sam. 2: 26). Понимание использования данных фигур речи также дает возможность ощутить в тексте глубину экспрессии и драматизма. Например, в первом стихе показано, как Давид хочет обезоружить Саула, как бы говорит тому о бессмысленности начатого преследования. Для этого Давид использует крайне уничижительные характеристики себя самого. Второй пример, вводит своего читателя в понимание социальных отношений между племенами, которые часто были основаны на борьбе всех против всех. Создание государства должно было положить конец этому.

Следует подчеркнуть, что исследование исторического компонента в коннотативном элементе лексического значения (экспрессивность, динамизм, выразительность, психологизм) обеспечивает более четкое понимание библейского исторического материала. Кроме того, анализ особенностей библейской фразеологии, тропов, фигур речи способствует лучшему пониманию библейского текста во всей полноте, помогает проникнуть в сферу переживаний автора текста, психологии людей той эпохи, почувствовать драматизм, происходивших в то время событий.

Литература

- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И. В. Арнольд. 12-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 384 с.
- Банина Н. В., Мельничук М. В., Осипова В. М. Основы теории и практики стилистики английского языка: учебник / Н. В. Банина, М. В. Мельничук, В. М. Осипова. М.: Финансовый университет, 2017. 136 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в рус. пер. с прил. 4-е изд. Брюссель: Изд-во Жизнь с Богом, 1989. 24, 2535 с.
- Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. Изд. 5-е. М.: «Р.Валент», 2012. 406 с.
- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 458 с.
- Головкина О. А. История ветхозаветных фразеологизмов в русском и английском языках: автореферат дис...канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2015. 30 с.
- Дубровина К. Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М.: Флинта: Наука, 2012. 264 с.

- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. Изд. стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2016. 352 с.
- Конурбаев М. Э. Библия Короля Иакова в лингвопоэтическом освещении: спецкурс (учебно-метод. пособие) / М. Э. Конурбаев. М.: Диалог-МГУ, 1998. 69 с.
- Кунин А. А. Курс фразеологии современного английского языка: Уч. пос. для институтов и фак. иностр. яз. 3-е изд., стереотип. / А. В. Кунин. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.
- Осипова А. А. Русские и английские версии Священного Писания как переводческий и лингвокультурный феномен: автореферат дис...доктора филол. наук. –М.: МПГУ. 44 с.
- Форостенко А. В. Топология современных переводов Библии на английский язык: автореферат дис...канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 21 с.
- King James Authorized Version (1611/1769) with Codes. Ontario: the Online Bible Foundation and Woodside Fellowship, 1988–1997. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Norton D. A History of the English Bible as Literature / D. Norton. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 484 p.
- Wessel W. W. A Translator's Perspective on Alister McGrath's History of the King James Version // The Challenge of Bible Translation / By G. G. Scorgie, M. L. Strauss, S. M. Voth, gen. edit. Michigan: Zondervan, Grand Rapids, 2003. P. 199–211.

References

- Arnold I. V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij yazyk: uchebnik dlya vuzov / I. V. Arnold. 12-e izd. M.: FLINTA: Nauka, 2014. 384 s.
- Banina N. V., Mel' nichuk M. V., Osipova V. M. Osnovy teorii i praktiki stilistiki anglijskogo yazyka: uchebnik / N. V. Banina, M. V. Mel' nichuk, V. M. Osipova. M.: Finansovyy universitet, 2017. 136 s.
- Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta v rus. per. s pril. 4-e izd. Bryussel': Izd-vo Zhizn' s Bogom, 1989. 24, 2535 s.
- Galperin I. R. Oчерки po stilistike anglijskogo yazyka / I. R. Galperin. M.: Izd-vo literatury na inostrannyx yazykax, 1958. 458 s.
- Golovkina O. A. Istoriya vethozavetnyh frazeologizmov v russkom i anglijskom yazykah: avtoreferat dis...kand. filol. nauk. M.: MPGU, 2015. 30 s.
- Dubrovina K. N. Biblejskie frazeologizmy v russkoj i evropejskoj kulture. M.: Flinta: Nauka, 2012. – 264 s.
- King James Authorized Version (1611/1769) with Codes. Ontario: the Online Bible Foundation and Woodside Fellowship, 1988–1997. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Kobozeva I. M. Lingvisticheskaya semantika: Uchebnik. Izd. stereotip. M.: LЕНАНД, 2016. 352 s.
- Konurbaev M. E. Bibliya Korolya Iakova v lingvopoeticheskom osveshchenii: speckurs (uchebno-metod. posobie) / M. E. Konurbaev. M.: Dialog-MGU, 1998. 69 s.
- Kunin A. A. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka: Uch. pos. dlya institutov i fak. inostr. yaz. 3-e izd., stereotip. / A. V. Kunin. Dubna: Feniks+, 2005. 488 s.
- Norton D. A History of the English Bible as Literature / D. Norton. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 484 p.
- Osipova A. A. Russkie i anglijskie versii Svyashchennogo Pisaniya kak perevodcheskij i lingvokul'turnyj fenomen: avtoreferat dis...doktora filol. nauk. M.: MPGU. 44 s.
- Forostenko A. V. Topologiya sovremennyh perevodov Biblii na anglijskij yazyk: avtoreferat dis...kand. filol. nauk. M.: MGU im. M. V. Lomonosova. 21 s.
- Vlahov S. I., Florin S. P. Neperevodimoe v perevode. Izd. 5-e. M.: «R. Valent», 2012. 406 s.
- Wessel W. W. A Translator's Perspective on Alister McGrath's History of the King James Version // The Challenge of Bible Translation / By G. G. Scorgie, M. L. Strauss, S. M. Voth, gen. edit. Michigan: Zondervan, Grand Rapids, 2003. P. 199–211.

Григорьева Л. Н., Небогатикова Н. С.
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКО-И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

Предметом изучения в данной статье выступают интернет-мемы, представляющие собой относительно новое явление, не получившее еще однозначного толкования в лингвистике. Наряду с историей появления данного феномена и рассмотрением его экстралингвистических и языковых особенностей в статье демонстрируется возможность использования лингвокультурологического подхода к его изучению. При этом основное внимание уделяется контрастивному анализу интернет-мемов в рамках так называемой сопоставительной лингвокультурологии. Контрастивный анализ проводится на материале русско- и немецкоязычных интернет-мемов. В результате, с одной стороны, устанавливаются черты сходства, свойственные интернет-мемам как мультимодальным образованиям в обоих языках. С другой стороны, обнаруживаются различия, обусловленные культурологическими и внутриязыковыми причинами, что позволяет говорить о правомерности использования контрастивного лингвокультурологического подхода к изучению мемов.

Ключевые слова: лингвокультурология, сопоставительная лингвокультурология, интернет-коммуникация, интернет-мем, мультимодальность, интертекстуальность.

Liubov N. Grigorieva, Natalia S. Nebogatikova
St. Petersburg University

LINGUOCULTURAL FEATURES OF GERMAN AND RUSSIAN INTERNET MEMES

The subject of study in this article are Internet memes, which are a relatively new phenomenon that has not yet been clearly defined in linguistics. The article explores the history of this phenomenon, its extralinguistic and linguistic characteristics, as well as the possibility of a linguocultural approach to its study. The emphasis is placed on contrastive analysis within the field of the so-called comparative linguoculturology, using Russian- and German-language Internet memes as material. On the one hand this analysis aims to identify common features of Internet memes as multimodal entities in both languages. On the other hand, there are differences due to cultural and linguistic reasons, which makes it possible to speak about the legitimacy of using a contrastive linguocultural approach to studying Internet memes.

Keywords: linguoculturology, contrastive linguistics, Internet communication, Internet meme, multimodality, intertextuality.

Введение

Интернет-мемы как речевые образования характерны для многих стран, при этом значительное влияние на них оказывают различия, существующие между соответствующими социумами, включая особенности их языковых систем. В связи с этим целесообразным представляется рассмотрение лингвокультурологических особенностей интернет-мемов на материале разных языков, в данном случае на материале русского и немецкого. Для решения

данной задачи необходимо изучить следующие вопросы: 1. уточнить понятие интернет-мема; 2. выделить его основные особенности; 3. продемонстрировать возможность использования сопоставительного лингвокультурологического подхода; 4. выявить черты сходства и различий между русско- и немецкоязычными интернет-мемами.

Понятие интернет-мема

Понятие «мем» впервые использовал биолог Р. Докинз в своей книге «Эгоистичный ген». Мем по Докинзу — это репликатор, подобный гену, но в отличие от гена он передает не генетическую, а культурную информацию от человека к человеку. В качестве примеров мемов Р. Докинз называет «мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки поплекби или сооружения арок» [Докинз, 2013, с. 174].

В связи с развитием интернета данное понятие несколько изменило свое значение. Если первоначально мемом считалась любая культурная информация, распространяющаяся путем копирования, то теперь на первый план выходит ее «вирусное» распространение [erlehmnn, plomlompom, 2013, с. 11]. Еще одним важным свойством мемов стала способность к модификации контента. Именно сочетание вирусности и изменчивости, по мнению С. Освальда, и является определяющим для мемов: «контент можно назвать меметическим тогда, когда он многими модифицируется и распространяется» [Oswald, 2018, с. 4].

Эти два основных свойства отражены в определениях интернет-мемов. Так, в «Большой российской энциклопедии» интернет-мем определяется как «цифровой объект (изображение, текст, образ, идея), который распространяется в Интернете и изменяется пользователями, сохраняя отсылку к общему первоисточнику, но приобретая новые значения в разных контекстах» [Колозарики, 2023]. В «Словаре языка интернета.ru», составленном под редакцией М. А. Кронгауза, приводится следующее определение: «короткий фрагмент информации (слово или фраза, изображение и т. п.), мгновенно и неожиданно ставший модным и активно воспроизводящийся в интернете, в том числе в новых контекстах или ситуациях» [Словарь языка интернета.ru, 2016, с. 200].

Особенности интернет-мемов

При определении статуса интернет-мемов лингвисты придерживаются различных точек зрения. Так, многие из них отмечают наличие в интернет-мемах вербальной и невербальной составляющих. В современной лингвистике не существует пока единого термина для обозначения подобного рода феноменов, сочетающих в себе элементы разных семиотических систем. Самыми распространенными являются «креолизированный текст» (Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов), «поликодовый текст» (А. Г. Сонин), «полимодальный текст» (А. М. Волоскович), «иконотекст» (М. Нерлих), «гибридный текст» (В. Е. Чернявская) [Цит. по: Канашина, 2016б, с. 14].

В исследованиях на немецком языке также наблюдается отсутствие единства терминологии. Само явление совмещения элементов разных семиотических систем получило название «мультимодальность» («Multimodalität») [Klemm, Stöckl, 2011, с. 10]. По отношению же к единицам коммуникации, обладающим этим свойством, употребляются термины «Sehfläche» (У. Шмитц), «Textur» (К. Майвальд), «Kommunikat» (Х. Дикмансхенке), «Gesamttext» (К. Дёлькер) [Цит. по: Osterroth, 2015, с. 32]. А. Остерротт отдает предпочтение термину Х. Штёкла «Sprache-Bild-Text», обосновывая это тем, что подобные единицы типа интернет-мемов, хотя и являются не типичными, а скорее периферийными примерами текстов, обладают, согласно Б. Зандиг, их основным свойством — текстовой функцией [Osterroth, 2015, с. 32-33].

Наиболее приемлемым при трактовке статуса интернет-мемов представляется мнение С. В. Канашиной, которая считает более подходящим термин «дискурс», т. к. он «подчеркивает динамический, коммуникативный, интерактивный характер данного языкового произведения и учитывает экстралингвистические факторы» [Канашина, 2016б, с. 15].

Что касается основных характерных особенностей интернет-мемов, то в лингвистической литературе выделяются чаще всего следующие, среди которых можно выделить экстралингвистические и собственно языковые. Так, к экстралингвистическим относятся:

- Мультимодальность;
- Узнаваемость;
- Вариативность;
- Серийность;
- Ориентированность на актуальные и социально значимые явления;
- Креативность.

Последнее свойство — креативность — касается как экстралингвистических, так и собственно языковых особенностей интернет-мемов. Такие качества как «узнаваемость» и «вариативность» образуют своего рода взаимообусловленную оппозицию. Как отмечает С. Мёбиус, при изменении определенные характерные элементы мемов сохраняются и повторяются, обеспечивая их узнаваемость и серийность [Moebius, 2018, с. 4].

К языковым особенностям можно причислить:

- Определенную коннотацию;
- Зависимость от контекста;
- Тенденцию к коллоквиации;
- Оценочность;
- Нарушение языковой нормы;
- Интертекстуальность и precedentность.

[См. об особенностях мемов: Канашина, 2016а, с. 15–16; Moebius, 2018 с. 4; Щурина, Харохорина, 2020, с. 264; Ягодкина 2022 с. 217; Pauliks, 2023, с. 128].

Лингвокультурологический подход к изучению интернет-мемов

Очевидно, что интернет-мемы представляют собой интернациональный феномен, встречающийся во многих странах и реализующийся на разных языках. Однако при этом нельзя отрицать, что их возникновение и функционирование в каждой из стран, обладающих своей особой историей, культурой, обычаями, менталитетом, не говоря уже о языке, не могло не привести к их лингвокультурологическим особенностям. Поэтому, вполне естественно, что такое явление, как интернет-мемы, вполне могут стать объектом изучения такой дисциплины как лингвокультурология.

По словам В. В. Воробьева, «лингвокультурология — это комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную систему единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и человеческих ценностей)» [Воробьев, 1997, с. 37].

Существование интернет-мемов в различных странах закономерно ставит вопрос о необходимости изучения их специфических черт в сопоставительном аспекте. Таким образом, в рамках лингвокультурологии одним из новых направлений становится сопоставительная лингвокультурология [Воробьев, Полякова, 2012, с. 15] (наряду с уже

признанными в лингвистике сопоставительными или контрастивными грамматикой, лексикологией, фразеологией, лингвистикой текста и пр.).

Предметом сопоставительной или контрастивной лингвокультурологии, как и любого другого сопоставительного анализа, являются черты сходства и различий между сопоставимыми параллельными феноменами в разных культурах, проявляющихся в том числе и на языковом уровне. Именно с такой точки зрения в данной статье и предпринимается попытка контрастивного анализа интернет-мемов на материале русского и немецкого языков.

Общие и различные черты немецко- и русскоязычных интернет-мемов

В ходе проведенного сопоставительного анализа между немецко- и русскоязычными интернет-мемами были отмечены как сходные, так и отличительные черты.

К чертам, свойственным интернет-мемам в обоих языках, относятся следующие:

- Обратное соотношение между изменчивостью/стабильностью вербальной и невербальной частей интернет-мемов;
- Интертекстуальность и прецедентность;
- Аппелляция к фонду знаний адресата;
- Лингвокреативность;
- Наличие интернет-персонажей;
- Наличие англицизмов.

При этом среди выделенных общих характеристик при более внимательном рассмотрении можно отметить определенное несовпадение при их конкретной языковой реализации. Так, например, при использовании интертекстуальности и прецедентности, свойственных обоим языкам, можно обнаружить разницу, вполне объяснимую с точки зрения лингвокультурологии. При анализе примеров, для которых характерна лингвокреативность, важна роль особенностей языковой системы соответствующего языка, как, например, распространенность композитов в немецком языке и т.д.

Черты же, которые отличают их друг от друга, сводятся к следующим:

- Обращение к разным прецедентным феноменам;
- Задействование разных интертекстуальных источников;
- Разные способы заимствования;
- Более частое использование каламбуров и, в частности, каламбурного словосложения в немецкоязычных мемах;
- Антинормативность в русскоязычных мемах.

Проиллюстрируем расхождения, обнаруженные при исследовании практического материала, на ряде конкретных примеров.

Опыт сопоставительного анализа интернет-мемов (на материале немецкого и русского языков)

Проявление прецедентности и интертекстуальности в мемах заключается в том, что авторы апеллируют к прецедентным феноменам и текстам, при этом всегда в переосмысленном виде. Наличие таких феноменов и текстов в фонде знаний реципиента часто является необходимым условием для понимания мемов. Как результат глобализации, некоторые отсылки можно наблюдать как в немецко-, так и в русскоязычных мемах (например, фильмы «Гарри Поттер» и «Властелин Колец»).

Другие мемы обращаются к прецедентным феноменам, актуальным только для отдельного лингвокультурного сообщества. Так, рис. 1 отсылает нас к немецкому короткометражному фильму в жанре черной комедии «Staplerfahrer Klaus – Der erste

Arbeitstag» про водителя вилочного погрузчика (*Gabelstapler*). В меме внутренняя форма этого слова переосмысливается неожиданным образом, а шуточный «аргумент» в нижней строке можно понять только, будучи знакомым с данным фильмом.

Для русскоязычных мемов в большей степени характерны отсылки к литературным произведениям, что, вероятно, объясняется литературоцентричностью российской нации [Ворожцова, 2007, с. 70]. Так, во втором примере (рис. 2) известная фраза из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» получает неожиданное, но логичное переосмысление.

Рис. 1. «Gabelstapler oder so»

Рис. 2. «Тварь я дрожащая или...»

Следствием глобализации является также использование англицизмов. Повсеместное распространение английского языка в интернете отмечалось исследователями еще в начале нашего века [Schlobinski, 2001]. Англицизмы встречаются как в немецко-, так и в русскоязычных мемах. Однако заимствование в немецком и в русском языках происходит по-разному: если в немецкоязычном интернете в настоящее время популярны шуточные кальки с английского языка, то русскоязычные пользователи предпочитают способ транскрипции. Например, распространенная фраза *be like*, которая используется в мемах для описания различных ситуаций, на немецкий язык передается как *sein wie* (рис. 3), а на русский — как *би лайк* (рис. 4). Возможно, это связано с тем, что немецкий и английский языки, принадлежащие к одной группе, больше похожи друг на друга, что облегчает процесс калькирования.

Рис. 3. «Suche nach psychotherapeutischer Behandlung sein wie»

Рис. 4. «Работодатели би лайк»

Как в немецко-, так и в русскоязычных мемах используется языковая игра, в том числе каламбуры как средство создания юмористического эффекта. Однако каламбуры больше характерны для немецкоязычного интернет-пространства. Существуют целые серии мемов, построенные исключительно на игре слов.

Языковая игра и каламбуры в немецком языке часто так или иначе связаны со словосложением. Так, например, в мемах серии «Endlich» (рис. 5) демонстрируется некое несуществующее изобретение, представляющее собой противоположность чему-либо иному. Наименование такого изобретения основано на антонимии: антонимом заменяется одна или несколько частей композита, например, *Heilpraktiker* > *Heiltheoretiker*.

Широко распространена также каламбурное словосложение, при котором компонент композита заменяется фонетически близким корнем, так, чтобы при изменении написания слова его произношение менялось совсем незначительно: например, *das All* (вселенная) и *der Aal* (угорь) (рис. 6).

В других вариациях данного мема отсутствует словотворчество, но происходит переосмысление внутренней формы сложного слова. В приведенном примере (рис. 7) переосмысливается значение суффикса *-er*: если изначально это суффикс деятеля, то иллюстрация дает понять, что в данном случае он указывает на результат действия, т. е. *Kratzer* — это царапина. В подобных мемах очень важна графическая составляющая, так как именно она иллюстрирует новое значение слова, полученное в результате его новой интерпретации, в данном случае это значение «царапина на облаке». В русскоязычных мемах подобное явление представлено в меньшей степени, потому что словосложение в русском языке меньше распространено.

Рис. 5. «Endlich: Heiltheoretiker»

Рис. 6. «Weltaal»

Рис. 7. «Wolkenkratzer»

Для русскоязычных интернет-мемов характерно совершенно особое явление — так называемая антинормативность. Это связано с тем, что между орфографией и орфоэпией в русском языке больше различий, чем в немецком. Кроме того, в русском языке больше грамматических флексий. Намеренные ошибки представляют собой своеобразную форму протеста против правил и одновременно создают юмористический эффект. Рис. 8 отличается антинормативностью в «речи»: коток: есть орфографическая ошибка в слове *продаете* и грамматические ошибки в окончаниях слов *рыб* и *красивые*. В различных вариациях мема создаются аналогичные эрративы: *иксбоксов* (рис. 9), *индугенциев*, *еретичное* (рис. 10). Подобное нарушение норм орфографии и грамматики встречается и в других мемах с котами.

Рис. 8. «Вы продаёте

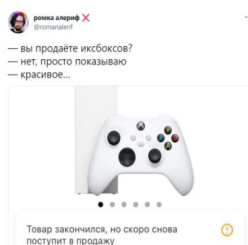

Рис. 9. «Вы продаёте

Рис. 10. «Вы продаёте

Выводы и перспективы

Итак, результаты проведенного исследования доказывают правомерность и целесообразность рассмотрения интернет-мемов как лингвокультурологических феноменов в сопоставительном аспекте. Предложенная методика анализа может быть использована в таких областях лингвистики, как контрастивная лингвистика и интернет-лингвистика, а также в процессе дальнейшего изучения других типов интернет-текстов и интернет-мемов на материале других языков. Перспективным представляется также изучение интернет-мемов с точки зрения возможности их перевода на другие языки.

Литература

- Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы: монография. М.: РУДН, 1997. 336 с.
- Воробьев В. В., Полякова Г. М. Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление // Вестник РУДН, Серия русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 2. С. 13-18.
- Ворожцова О. А. Прецедентные феномены в российском и американском предвыборном президентском дискурсе 2004 года // Политическая лингвистика. 2007. №23. С. 269–73.
- Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Corpus, 2013. 509 с.
- Канашина С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2016. 27 с.
- Канашина С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2016. 265 с.
- Колозарики П. В. Интернет-мем // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/internet-mem-69cc4a> (дата обращения: 28.11.2024)
- Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. М.: АСТ-Пресс Книга, 2016. 288 с.
- Щурина Ю. В., Харохорина М. Б. Интернет-мем как жанр и «нюсмейкер» в современном медиапространстве // Медиалингвистика. 2020. № 7 (2). С. 263–275.
- Ягодкина М. В. Мем как коммуникативная единица // Пушкинские чтения-2022: материалы XXVII международной научной конференции 6-7 июня 2022 г. СПб: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 214–218.
- erlehmman, plomlompom. Internet-Meme. Kurz und geek. Köln: O'Reilly Verlag, 2012. 238 S.
- Klemm M., Stöckl H. „Bildlinguistik“ – Standortbestimmung, Überblick, Forschungsdesiderate // Bildlinguistik. Theorien — Methoden — Fallbeispiele / H. Diekmannshenke et al. (Hg.). Berlin: Schmidt, 2011. S. 7–18.
- Moebius S. Humor und Stereotype in Memes: Ein theoretischer und methodischer Zugang zu einer komplizierten Verbindung // Originalität und Viralität von (Internet-)Memes. Sonderausgabe von kommunikation @ gesellschaft. Bd. 19. Nr. 2. / L. Grünwald-Schukalla, G. Fischer (Hg.). Hamburg: Hamburg University Press, 2018. URL: <https://journals.sub.uni-hamburg.de/hup2/kommges/article/view/597> (дата обращения: 28.11.2024).
- Oswald S. “Try not to cry” - Memes, Männlichkeit und Emotionen: zur Entstehung von Affektstrukturen in digitalen Bildpraktiken // Originalität und Viralität von (Internet-)Memes. Sonderausgabe von kommunikation @ gesellschaft. Bd. 19. Nr. 2. / L. Grünwald-Schukalla, G. Fischer (Hg.). Hamburg: Hamburg University Press, 2018. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-56038-3> (дата обращения: 28.11.2024).
- Osterroth A. Das Internet-Meme als Sprache-Bild-Text // IMAGE. Zeitschrift für interdisziplinäre Bildwissenschaft. 2015. Heft 22. Jg. 11. Nr. 2. S. 26–46. URL: <https://mediarep.org/entities/article/6516655e-0b5b-4e99-800d-af69caeb3981> (дата обращения: 28.11.2024).

- Pauliks K. Ein Metabild von Memes: Perspektiven der Meme Studies auf Bild, Text und Praxis // MEDIENwissenschaft: Rezensionen | Reviews. 2023. Jg. 40. Nr. 2. S. 119–137. URL: <https://mediarep.org/entities/article/48a9640b-0762-4186-8225-9efa352831a9> (дата обращения: 28.11.2024).
- Schlobinski P. Anglizismen im Internet // Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel / G. Stickel (Hg.). Berlin/New York: de Gruyter, 2001. S. 239–257.

Источники

- ВКонтакте URL: <https://m.vk.com> (дата обращения: 28.11.2024).
- Reddit URL: <https://www.reddit.com/> (дата обращения: 28.11.2024).

References

- Dokinz R. Egoistichny gen [The selfish gene]. Moscow: Corpus, 2013. 509 p.
- erlehmam, plomlompom. Internet-Meme. Kurz und geek [Internet memes. Short and geek]. Köln: O'Reilly Verlag, 2012. 238 P.
- Kanashina S. V. Internet-mem kak novy vid polimodalnogo diskursa v internet-kommunikatsiyi: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Internet meme as a new type of polymodal discourse in Internet communication: candidate thesis abstract]: 10.02.04. Moscow, 2016. 27 p.
- Kanashina S. V. Internet-mem kak novy vid polimodalnogo diskursa v internet-kommunikatsiyi: diss. ... kand. filol. nauk [Internet meme as a new type of polymodal discourse in Internet communication: candidate thesis]: 10.02.04. Moscow, 2016. 265 p.
- Klemm M., Stöckl H. „Bildlinguistik“ – Standortbestimmung, Überblick, Forschungsdesiderate [“Image linguistics” – positioning, overview, research desiderata] // Bildlinguistik. Theorien — Methoden — Fallbeispiele / H. Diekmannshenke et al. (Hg.). Berlin: Schmidt, 2011. Pp. 7–18.
- Kolozaridi P. V. Internet-mem [Internet meme] // Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya. [Electronic resource]: URL: <https://bigenc.ru/c/internet-mem-69cc4a> (accessed: 28.11.2024)
- Moebius S. Humor und Stereotype in Memes: Ein theoretischer und methodischer Zugang zu einer komplizierten Verbindung [Humor and stereotypes in memes: a theoretical and methodological approach to a complex connection] // Originalität und Viralität von (Internet-) Memes. Sonderausgabe von kommunikation @ gesellschaft. Vol. 19. No. 2. / L. Grünewald-Schukalla, G. Fischer (Hg.). Hamburg: Hamburg University Press, 2018. URL: <https://journals.sub.uni-hamburg.de/hup2/kommges/article/view/597> (accessed: 28.11.2024).
- Osterroth A. Das Internet-Meme als Sprache-Bild-Text [The Internet meme as a language-image-text] // IMAGE. Zeitschrift für interdisziplinäre Bildwissenschaft. 2015. Heft 22. Vol. 11. No. 2. Pp. 26–46. URL: <https://mediarep.org/entities/article/6516655e-0b5b-4e99-800d-af69caeb3981> (accessed: 28.11.2024).
- Oswald S. “Try not to cry” - Memes, Männlichkeit und Emotionen: zur Entstehung von Affektstrukturen in digitalen Bildpraktiken [“Try not to cry” - memes, masculinity and emotions: on the emergence of affect structures in digital image practices] // Originalität und Viralität von (Internet-) Memes. Sonderausgabe von kommunikation @ gesellschaft. Vol. 19. No. 2. / L. Grünewald-Schukalla, G. Fischer (Hg.). Hamburg: Hamburg University Press, 2018. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssaoar-56038-3> (accessed: 28.11.2024).
- Pauliks K. Ein Metabild von Memes: Perspektiven der Meme Studies auf Bild, Text und Praxis [A metaimage of memes: perspectives of meme studies on image, text and practice] // MEDIENwissenschaft: Rezensionen | Reviews. 2023. Vol. 40. No. 2. Pp. 119–137. URL: <https://mediarep.org/entities/article/48a9640b-0762-4186-8225-9efa352831a9> (accessed: 28.11.2024).
- Schlobinski P. Anglizismen im Internet [Anglicisms on the Internet] // Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel / G. Stickel (Hg.). Berlin/New York: de Gruyter, 2001. Pp. 239–257.

- Shyurina Yu. V., Harohorina M. B. Internet-mem kak zhanr i «nyusmeyker» v sovremennom mediaprostranstve [Internet meme as a genre and “newsmaker” in the modern media landscape] // Medialingvistika. 2020. No. 7 (2). Pp. 263–275.
- Slovar yazyka interneta.ru [The dictionary of Internet language] / pod red. M. A. Krongauza. Moscow: AST-Press Kniga, 2016. 288 p.
- Vorobyov V. V. Linguokulturologiya: teoriya i metody: monografiya [Linguokulturology: theory and methods]. Moscow: RUDN, 1997. 336 p.
- Vorobyov V. V. Polyakova G. M. Sopostavitelnaya linguokulturologiya kak novoye nauchnoye napravleniye [Comparative linguoculturology as a new scientific direction] // Vestnik RUDN, Seriya russkiy i inostranniye yazyki i metodika ih prepodavaniya. 2012. No. 2. Pp. 13–18.
- Vorozhtsova O. A. Pretsedentniye fenomeny v rossiyskom i amerikanskom predvybornom prezidentskom diskurse 2004 goda [Precedent phenomena in the Russian and American presidential election discourse of 2004] // Politicheskaya lingvistika. 2007. No. 23. Pp. 269–73.
- Yagodka M. V. Mem kak kommunikativnaya yedinita [Meme as a communicative unit] // Pushkinskiye chteniya-2022: materialy XXVII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsiyi 6-7 iyunya 2022 g. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina, 2022. Pp. 214–218.

АКУСТИЧЕСКИЙ КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ВОКАЛИЧЕСКИХ СИСТЕМ РУССКОГО И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКОВ

В настоящем исследовании определены характерные артикуляционные признаки произносительных ошибок интерферирующей русской речи носителей карачаево-балкарского языка на основе контрастивного анализа с использованием акустических данных. Наиболее существенные несходства вокалических систем русского и карачаево-балкарского языков, выделенные при сопоставлении фонологических, артикуляционных, категориальных признаков и дистрибутивных ограничений фонем исследуемых языков, дополнены объективными оценками отклонений гласных аллофонов акцентной речи от орфоэпических норм русского языка в акустическом пространстве *F1-F2*. Акустический анализ проведен на лингвистических материалах экспериментальных исследований, включающих аудиозаписи фонационного чтения предварительно подготовленного списка слов. Контрастивный анализ с использованием формантных измерений ненативной русской речи носителей карачаево-балкарского языка на фонетическом уровне показал систематическое отклонение акустических паттернов аллофонов гласных в пространстве *F1-F2*. При решении так называемой обратной задачи были выявлены артикуляторные ошибки, соответствующие спектральным искажениям. В частности, в акцентной речи балкарцев имеется тенденция занижать русские гласные по признаку подъема ([y], [o], [э], [ы] артикулируются «ниже»), что, вероятно, можно объяснить интерферирующим влиянием родного языка – в карачаево-балкарском вокализме указанные гласные классифицируются как более «низкие» по сравнению с русскими. Основной целью настоящего исследования является обнаружение признаков, обладающих достаточной идентификационной значимостью для последующего использования в автоматических системах распознавания ненативной речи, идентификации акцентов, лингвистической экспертизы или голосовой биометрии. Полученные экспериментальные данные могут быть полезны для дальнейшего развития теории контрастивного анализа, а также исследования лингвистической вариативности.

Ключевые слова: идентификация акцентов, распознавание ненативной речи, фонетическая интерференция, языковые контакты.

Irina A. Gurtueva Kabardino-Balkarian Scientific Center,
Institute for Computer Science and Problems of Regional Management**ACOUSTIC CONTRASTIVE ANALYSIS OF VOCAL SYSTEMS OF THE RUSSIAN AND KARACHAY-BALKAR LANGUAGES**

In this study, characteristic articulatory features of pronunciation errors in the interfered Russian speech of Karachay-Balkar speakers were determined based on contrastive analysis using acoustic data. The most significant differences in the vocal systems of the Russian and Karachay-Balkar languages, identified by comparing the phonological, articulatory, categorical features and distributional restrictions of the phonemes of the languages under study, are supplemented by objective assessments of deviations of vowel allophones of accented speech from the orthoepic

norms of the Russian language in the acoustic space F1-F2. The acoustic analysis was carried out on linguistic materials of experimental studies, including audio recordings of phonatory reading of a pre-prepared list of words. Contrast analysis using formant measurements of non-native Russian speech of Karachay-Balkar speakers at the phonetic level showed a systematic deviation of the acoustic patterns of vowel allophones in the F1-F2 space. When solving the so-called inverse problem, articulatory errors corresponding to spectral distortions were identified. In the accented speech of the Balkars there is a tendency to lower Russian vowels based on the height ([u], [o], [e], [y] are articulated “lower”), which can probably be explained by the interfering influence of the native language - in Karachay-Balkar vocalism, the indicated vowels are classified as “lower” compared to Russian ones. The main objective of this study is to find features that have sufficient identification significance for subsequent use in automatic systems for non-native speech recognition, accent identification, linguistic expertise, or voice biometrics. The experimental data obtained may be useful for further development of the theory of contrastive analysis, as well as research into linguistic variability.

Keywords: accent identification, non-native speech recognition, phonetic interference, language contacts

Вокалическая система русского языка

Поскольку подсистема гласных русского языка подробно описана в научной литературе (Кодзасов, 2001, с. 336), в настоящей работе приводится ее описание в сжатом виде. Вокализм русского языка довольно точно отображается треугольной системой гласных (рисунок 1). В рамках теории Санкт-Петербургской фонологической школы в русском языке функционирует шесть фонем [a], [o], [y], [э], [ы], [и] (Кодзасов, 2001, с. 336). По представлению Московской фонологической школы, система русских гласных насчитывает пять фонем [a], [o], [y], [э], [и] (Кодзасов, 2001, с. 336). Также в палатализованных консонантных контекстах употребляются [ȳ], [ö] и [ä].

Хотя к настоящему времени большинство специалистов признают функционирование пяти гласных фонем в системе русского вокализма, для настоящего исследования была выбрана шестифонемная система гласных. В первую очередь потому, что основной задачей данной работы является количественная оценка отклонений от произносительных норм русского языка, возникающих вследствие фонетической интерференции в речи L2 спикеров. Вне зависимости от того, наделена ли гласная [ы] рангом независимой фонологической состоятельности, нельзя игнорировать тот факт, что на уровне материальной репрезентации [и] и [ы] разнятся. Значения эталонных формантных частот в речи мужчин составляют для [и] F1=290 Гц и F2=1850 Гц, для [ы] F1=300 Гц и F2=1810 Гц; в речи женщин - для [и] F1=380 Гц и F2=1960 Гц, для [ы] F1=390 Гц и F2=2010 Гц. Также важно, что вокалические единицы, соответствующие гласной [и] сопоставляемых языков, относятся к одной фонологической категории, но по-разному актуализируются в речевом потоке, что нередко вызывает искажение нормы (Виноградов, 1971, с.27). Интересно было бы проверить инструментальными методами, вызовет ли это обстоятельство затруднения у носителей карачаево-балкарского языка. Далее, русский и карачаево-балкарский [ы] артикулируются по-разному. Как будет показано ниже, в карачаево-балкарском – как гласный верхнего подъема и заднего ряда, в отличие от русского [ы], категоризируемого как гласный среднего ряда верхнего подъема. Поскольку принадлежность к разным фонетическим категориям может быть одним из факторов, который обуславливает возникновение акцента, необходимо сопоставить акустические репрезентации данной фонемы в русской речи балкарцев с эталонными.

Вокалическая система карачаево-балкарского языка

Фонетический строй карачаево-балкарского языка впервые был описан в дописьменный период в работе «Карачаевские штудии» венгерского ориенталиста В. Прёле (Pröhle, 1915, с.220). Рассматривая карачаевский и балкарский идиомы по-отдельности, В. Прёле выявляет для балкарского языка 12 гласных, используя для их письменной фиксации отдельные графемы, но фонологическим «рангом» наделяет лишь 8 из них.

Первой работой, исследующей карачаевский и балкарский идиомы в единстве, стала работа У. Б. Алиева «Карачаево-балкарская грамматика» (Алиев, 1930, с.91). У. Б. Алиев идентифицирует 8 гласных фонем и категорически отрицает их противопоставление по признаку долготы.

В. И. Филоненко в монографии «Грамматика балкарского языка» констатирует наличие 8 гласных в литературном балкарском и указывает на дифференциацию по долготе и краткости, а также наличие дифтонгов (Филоненко, 1940, с.17). О. Прицак и Л. А. Покровская так же, как и Филоненко отмечают наличие долготы (Будаев, 1968, с.34, Покровская, 1966, с.98).

В 1962 году по результатам полевых исследований были опубликованы «Материалы и исследования по диалектологии, фольклору и лексике», в которых для всех диалектов карачаево-балкарского языка было зафиксировано функционирование 8 гласных фонем (Будаев, 1968, с.73).

Научный анализ фонологических единиц подсистемы гласных карачаево-балкарского языка впервые был проведен А. Ж. Будаевым (Будаев, 1968, с. 41). Проанализировав гласные в сильных позициях с использованием квазимонимов, он устанавливает наличие 8 фонем.

Подробные исследования фонетики карачаево-балкарского языка представлены в работах Ж. М. Гузеева (Гузеев, 1973, с. 60, Гузеев, 1977, с. 56). Определяя классификацию вокалических единиц, Ж. М. Гузеев предлагает исходить из понимания явления сингармонизма как суперсегментной накладки, воздействующей на слово в целом. Тогда противопоставленные по признаку рядности гласные а-е, у-ю, ы-и, о-ё можно считать вариантами [а], [у], [ы], [о]. То есть, в ранних работах Ж. М. Гузеева, вокализм карачаево-балкарского насчитывает 4 элемента. Впоследствии в коллективной монографии «Современный карачаево-балкарский язык», опубликованной в 2016 г., в разделе о фонетике за авторством Ж. М. Гузеева констатируется наличие 8 гласных фонем (Улаков, 2016, с. 25).

Таким образом, можно считать, что единое мнение по вопросу о количественном составе вокализма карачаево-балкарского языка большинством тюркологов сформировано. Поэтому в рамках настоящего исследования мы также будем исходить из представления о самостоятельности 8 вокалических единиц.

Как показано на рисунке 1, гласные современного карачаево-балкарского можно классифицировать по трем признакам – ряд, подъем, лабиализация (огубленные гласные выделены жирным шрифтом).

И – неогубленный гласный переднего ряда верхнего подъема. Гласный [и] не ограничен в употреблении, встречается в начале, середине и конце корневых морфем и аффиксов. Например, ишек ‘сомнение’.

Э – неогубленный гласный переднего ряда нижнего подъема. Встречается во всех позициях корневых морфем, а также в аффиксах. Например, эл ‘село’.

Ё – слабоогубленный гласный переднего ряда среднего подъема (по звучанию коррелирует с немецким [ö]). Ограничен в употреблении односложными словами и началом многосложных. Например, ёч ‘парн’.

Ю – лабиализованный гласный переднего ряда нижнего подъема (по звучанию коррелирует с немецким [y]). Употребляется в аффиксах, а также одно-, двусложных корнях, первом и втором слогах многосложных заимствованных слов. Например, тюз ‘равнина’.

Ы – неогубленный гласный заднего ряда нижнего подъема. [Ы] высоко употребителен и позиционно, и морфологически не ограничен. Например, ыз ‘след’.

У – лабиализованный гласный заднего ряда. Употребляется в любых позициях внутри корневых морфем и в качестве аффиксального гласного. Например, уллу ‘большой’

О – незначительно огубленный гласный заднего ряда верхнего подъема. Редко употребляется изолированно и в аффиксах, но часто в любых позициях корневых морфем. Например, жол ‘дорога’.

А – неогубленный заднего ряда нижнего подъема. Позиционно не ограничен. Например, заман ‘время’.

Сравнительный анализ вокализма русского и карачаево-балкарского языков на основе артикуляционных, фонетических и фонологических признаков

Вокалические системы сопоставляемых в рамках настоящей работы языков разнятся по количеству и качеству составляющих их единиц, градуальным оппозициям, способам редукции и дистрибуции фонем.

1. Системы гласных русского и карачаево-балкарского языков разнятся в количественном отношении. По представлениям Санкт-Петербургской фонологической школы, в русском вокализме функционирует шесть единиц, в карачаево-балкарском, по мнению большинства тюркологов, – восемь. В карачаево-балкарском имеются фонемы [ĕ] и [ю], отсутствующие в русском языке.

2. Не совпадают также и соотношения гласных в пределах вокалических систем каждого из исследуемых языков. Как показано на рисунке 1, в русской системе гласных в отношении максимального противопоставления находятся фонемы [и] и [о], а также [э] и [у], в карачаево-балкарском – [а] и [ĕ], а также [ю] и [ы]. Кроме того, переднерядные карачаево-балкарские гласные, как и гласные многих тюркских языков, противопоставлены по признаку «огубленность-неогубленность». Русские гласные переднего ряда не дифференцируются по данной оппозиции.

3. Производство русских гласных характеризуется скользящей артикуляцией. Карачаево-балкарские гласные произносятся с большим мышечным напряжением, с выраженным приступом и отступом. Кроме того, карачаево-балкарские гласным свойственна более задняя артикуляция.

4. Русский и карачаево-балкарский разнятся закономерностями сочетаемости гласных и согласных, которая определяет фонемную организацию слов. В русском языке допустимы стечения гласных внутри морфем, на их стыках, при сложении основ, а также в речевом потоке. Карачаево-балкарская слоговая структура не допускает стечения гласных внутри корневых морфем и словоформ. При стечении гласных, возникающих при сложении основ и на стыке двух слов, происходит либо выпадение одного из них, либо вставка неслоговых [й] или [у].

5. Аллофония ударных гласных русского языка, обусловленная консонантным контекстом и внутрилексемной позицией, сравнительно широка. Карачаево-балкарские гласные вершинных слогов в подавляющем большинстве случаев употребляются в двух контекстах – каждая из заднерядных фонем [а], [о], [у], [ы] возможна перед твердым согласным или между таковыми, каждая из переднерядных [э], [ĕ], [и], [ю] – перед мягким согласным или между ними.

6. Несоизмеримы анализируемые системы по способам обеспечения цельнооформленности слова. Фонетическое единство русского слова оформляется ударением, целостность карачаево-балкарского – сингармонизмом. Следствием данного факта являются различия, приводимые далее.

7. Ударные гласные русского языка характеризуются наиболее полным произнесением. Фонологической вершиной карачаево-балкарского слова является гласная первого слога. По продолжительности звучания русские ударные гласные значительно превосходят карачаево-балкарские.

8. Безударные гласные русского языка редуцируются качественно и количественно. Безударные гласные карачаево-балкарского уподобляются первому гласному по закону сингармонизма, не претерпевая качественной редукции.

Различия, выявленные при рассмотрении систем гласных русского и карачаево-балкарского языков в сопоставлении, определяют специфику балкарского акцента в русской речи. В русской речи носителей карачаево-балкарского в соответствии с законом сингармонизма нередко последующие гласные слова уподобляются первому. Вследствие отсутствия стечения гласных в слоговой структуре карачаево-балкарского в акцентной русской речи балкарцев наблюдается исключение одного из гласных (сообразил→сабразил), вставка согласного [й] (киоск→киёск), расчленение фонетического слова (вод/аа/твод→водо/отвод), замещение [и] неслоговым [й] (наизусть→найзусть). Наиболее ярким проявлением карачаево-балкарского акцента является нарушение ритмической структуры русского слова, так как механизмы организации словарной целостности в сопоставляемых языках принципиально различны.

Хотя применение контрастивного анализа при сопоставлении двух языков наиболее эффективно на уровне фонологии, при его проведении необходимы единообразие и системность в описания звуковых систем, что не всегда возможно. Не все фонетические системы описаны точно с определением аллофонов и дистрибутивных ограничений. Или по крайней мере не во всех описаниях достигнуто на сегодняшний день согласие. Кроме того, недостатки гипотезы контрастивного анализа подсистемы гласных на основе их фонологических, артикуляционных и категориальных фонетических признаков, предложенной Ладом [Lado, 1957, с.12], не позволяют с удовлетворительной точностью прогнозировать произносительные ошибки. Во-первых, как показали экспериментальные исследования, не все речевые ошибки объясняются интерференционным влиянием. Во-вторых, большее число произносительных ошибок не всегда обусловлено сложностями освоения контрастирующих элементов L1 и L2. Часто встречаются ошибки, связанные с переносом между L1 и L2 слабо отличающихся элементов вследствие неосознанной сверхгенерализации. Для объективной оценки сходств и различий и выявления систематических ошибок в акцентной речи, а также дополнения теоретических заключений эмпирическим материалом был проведен контрастивный анализ с использованием акустических данных.

Результаты акустического контрастивного анализа для удобства кратко подытожены в таблицах 1 и 2 средних значений двух первых формантных частот ударных русских гласных акцентной речи мужчин и женщин [Гуртуева, 2024, с.3101].

Табл. 1. Сопоставление средних значений формантных частот нормативных и акцентных ударных гласных для мужских голосов, Гц

<i>фонема</i>	<i>F1</i>		<i>F2</i>		<i>F2-F1</i>	
	<i>норма</i>	<i>КБ акцент</i>	<i>норма</i>	<i>КБ акцент</i>	<i>норма</i>	<i>КБ акцент</i>
<i>А</i>	500	584	1180	1258	680	674
<i>Э</i>	350	426	1690	1743	1340	1317
<i>О</i>	380	462	1090	1287	710	825
<i>У</i>	340	387	980	1506	640	1119
<i>Ы</i>	300	342	1810	1742	1510	1400
<i>И</i>	290	317	1850	2090	1560	1773

Табл. 2. Сопоставление средних значений формантных частот нормативных и акцентных ударных гласных для женских голосов, Гц

<i>фонема</i>	<i>F1</i>		<i>F2</i>		<i>F2-F1</i>	
	<i>норма</i>	<i>КБ акцент</i>	<i>норма</i>	<i>КБ акцент</i>	<i>норма</i>	<i>КБ акцент</i>
<i>А</i>	540	781	1140	1436	600	655
<i>Э</i>	400	545	1980	2033	1580	1488
<i>О</i>	430	520	1200	1060	770	540
<i>У</i>	410	433	1120	1291	710	858
<i>Ы</i>	390	415	2010	1968	1620	1553
<i>И</i>	380	375	1960	2461	1580	2086

Решая так называемую обратную задачу, можно выявить артикуляторные ошибки, соответствующие спектральным искажениям. В речи женщин акцентный [А] ниже по признаку подъема и смещен вперед по признаку рядности по сравнению с произносительной нормой русского языка. В речи мужчин русский [А] также несколько ниже, но незначительно. По признаку ряда данный гласный артикулируется мужчинами практически в точном соответствии с произносительными нормами русского языка. Акцентные гласные [э], [ы] информантами обоего пола произносятся как гласные более низкого подъема и более заднего ряда по сравнению с гласными русского языка. Спецификой акцентного [у] является сравнительно небольшое смещение по подъему вниз и вперед по ряду в речи мужчин и женщин. В речи женщин интерферируемый [и] точно совпадает с орфоэпической нормой по подъему, но значительно опереден. В речи L2 спикеров мужского пола русский [и] также реализуется как более передний гласный, но ниже по подъему. Акцентный [о] как мужчинами, так и женщинами произносится как гласный более низкого подъема. Однако по признаку ряда производство данного гласного разнится в речи мужчин и женщин. Женщины артикулируют данный гласный как более заднерядный, а мужчины как более переднерядный. Данные артикуляционные искажения более наглядно проиллюстрированы на рисунке 1.

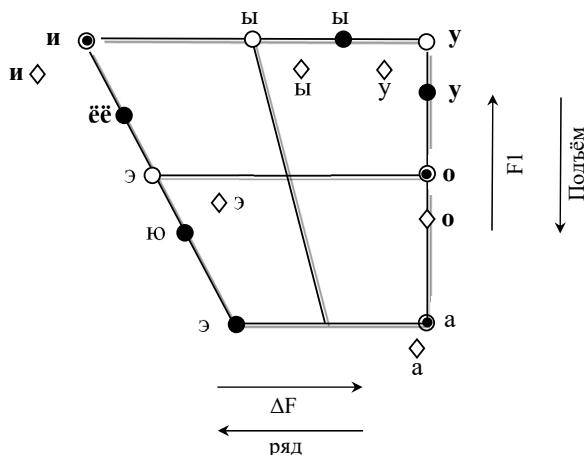

Рис. 1. Трапециод системы карачаево-балкарских (•), русских (○) и акцентных (◇) гласных фонем

Заключение

Анализ вокалических систем на основе сопоставления формантных характеристик позволяет объективно оценить объем и особенности интерферирующего взаимовлияния языковых систем, выявить систематические ошибки фактической речевой деятельности, повысить точность классификации гласных на основе расплывчатых фонетических признаков. Объективный анализ с использованием акустических признаков позволяет эмпирически обосновать и дополнить перцептивные теории усвоения языка, избавиться от экспертной субъективности в оценках акцентной речи, что принципиально важно при проведении лингвистической экспертизы.

В акцентной речи балкарцев имеется тенденция занижать русские гласные по признаку подъема ([y], [o], [э], [ы] артикулируются «ниже»), что, вероятно, можно объяснить интерферирующим влиянием родного языка – в карачаево-балкарском вокализме указанные гласные классифицируются как более «низкие» по сравнению с русскими.

Основной целью настоящего исследования является выявление признаков, обладающих достаточной идентификационной значимостью для последующего использования в автоматических системах обнаружения акцентов, лингвистической экспертизы или голосовой биометрии. Как показал статистический анализ первичных данных, на основе спектральных характеристик можно уверенно идентифицировать акцентную речь, но необходимо избавиться от микросоциолингвистических параметров в ней.

Литература

- Алиев У. Б. Карачаево-балкарская грамматика. Кисловодск: Крайнаиздат, 1930.
 Будаев А. Ж. Система фонем современного карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1968.
 Виноградов В. А. Консонантизм и вокализм русского языка (практическая фонология). Москва: Изд-во МГУ, 1971.
 Гусев Ж. М. О составе фонем современного карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. №4. 1973. С.59-63.

- Гузеев Ж. М. Орфография консонантных комплексов в карачаево-балкарском языке // Исследования по карачаево-балкарскому языку. Вып.1. 1977. С. 22–33.
- Гуртуева И. А. Экспериментальное исследование фонетического оформления русской речи носителями карачаево-балкарского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т.17. Вып.9. 2024. С. 3098–3105.
- Караулов Н. А. Краткий очерк грамматики горского языка «болкар» // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т.42. 1912. С.29–56.
- Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика: Учебник. Москва: Рос. Гос. Гуманит. Ун-т, 2001.
- Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. Москва: Наука, 1966.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Москва: Аспект Пресс, 2000.
- Улаков М. З. Современный карачаево-балкарский язык в двух частях. Нальчик: Печатный двор, 2016.
- Филонко В. И. Грамматика балкарского языка. Нальчик: Кабардино-Балкарское государственное издательство, 1940.
- Lado R. Linguistics across cultures: Applied linguistics for language teachers. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957.
- Pröhle, W. Karatschajische Studien // Keleti Szemle t. XV. №10. 1914–1915. s.215-304.

References

- Aliev U. B. Karachay-Balkar grammatika [Karachay-Balkar Grammar]. Kislovodsk: Krainatzizdat, 1930.
- Budaev A. Zh. Sistema fonem sovremennogo karachaevo-balkarskogo yazyka. [The Phoneme System of the Modern Karachay-Balkar Language]. Nalchik: Elbrus, 1968.
- Vinogradov V. A. Konsonantizm i vocalism russkogo yazyka (prakticheskaya fonologiya) [Consonantism and vocalism of the Russian language (practical phonology)]. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1971.
- Guzeev Zh. M. O sostave fonem sovremennogo karachaevo-balkarskogo yazyka [On the composition of phonemes of the modern Karachay-Balkar language] // Sovetskaya Turkologiya [Soviet Turkology]. №4. 1973. s.59-63.
- Guzeev Zh. M. Orfografiya konsonantnykh kompleksov v karachaevo-balkarskom yazyke [Orthography of consonant complexes in the Karachay-Balkar language] // Issledovaniya po karachaevo-balkarskomu yazyku [Research on the Karachay-Balkar language]. Vyp.1. 1977. s. 22–33.
- Gurtueva I. A. Eksperimental'noye issledovaniye foneticheskogo oformleniya russkoi rechi nositelyami karachaevo-balkarskogo yazyka [Experimental Study of Phonetic Design of Russian Speech by Speakers of the Karachay-Balkar Language] // Filologicheskiye Nauki. Voprosy teorii i praktiki [Phylology. Theory & Practice]. T.17. Vyp.9. 2024. s. 3098–3105.
- Karaulov N. A. Kratkii ocherk grammatiki gorskogo yazyka “bolkar” [A brief outline of the grammar of the mountain language “Bolkar”] // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. T.42. 1912. s.29–56.
- Kodzasov S. V., Krivnova O. F. Obschaya fonetika: Uchebnik [General phonetics: Textbook]. Moskva: Ros. Gos. Humanit. Un-t, 2001.
- Pokrovskaya L. A. Grammatika Gagauzskogo yazyka [Grammar of the Gagauz language]. Moskva: Nauka, 1966.
- Trubetskoy N. S. Osnovy fonologii [Fundamentals of Phonology]. Moskva: Aspekt Press, 2000.
- Ulafov M. Z. Sovremennyy karachaevo-balkarskii yazyk v dvukh chastyakh [Modern Karachay-Balkar language in two parts]. Nalchik: Pechatnyi Dvor, 2016.
- Filonenko V. I. Grammatika balkarskogo yazyka [Grammar of the Balkarian language]. Nalchik: Kabardino-Balkarskoye gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1940.
- Lado R. Linguistics across cultures: Applied linguistics for language teachers. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957.
- Pröhle, W. Karatschajische Studien // Keleti Szemle t. XV. №10. 1914–1915. s.215-304.

Доброва Т. Е., Копыловская М. Ю., Рубцова С. Ю., Григорьев И. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

ИСТОРИЯ И ТОПОНИМИКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ОБУЧЕНИИ МАГИСТРАНТОВ ESP АНГЛИЙСКОМУ

Статья посвящена переводам топонимов и имен исторических деятелей Санкт-Петербурга на английский язык. В статье обосновывается необходимость стандартизации этих переводов для обеспечения согласованности на различных платформах, что жизненно важно для эффективной коммуникации в индустрии туризма. В статье также рассматривается текущее состояние переводов, при этом отмечается, что, при передаче топонимов и имен исторических личностей на английский язык используются все способы: транскрипция, транслитерация и калькирование. Авторы отмечают, что современные топонимы и имена самых значимых исторических лиц имеют стандартизированные формы произношения и написания, историческим же названиям часто не хватает согласованности. Авторы делают вывод о необходимости создания списков со стандартизованными вариантами перевода исторических топонимов и имен исторических деятелей для повышения эффективности формирования профессиональной компетенции будущих специалистов в области туризма и экскурсионной деятельности.

Ключевые слова: топонимы, имена исторических деятелей, ESP, программы магистратуры, сфера туризма и экскурсионной деятельности

Dobrova T. E., Kopylovskaya M. Yu., Rubtsova S. Yu., Grigor'ev I. V.

St. Petersburg University

HISTORY AND TOPONYMY OF SAINT PETERSBURG IN TECHING ESP ENGLISH TO MASTER STUDENTS

The article is devoted to translations of toponyms and names of historical figures of St. Petersburg into English. The article substantiates the need to standardize these translations to ensure consistency across different platforms, which is vital for effective communication in the tourism industry. The article also examines the current state of translations, noting that when transferring toponyms and names of historical figures into English, all methods are used: transcription, transliteration and calculus. The authors note that modern toponyms and the names of the most significant historical figures have standardized forms of pronunciation and spelling, while historical names often lack consistency. The authors conclude that it is necessary to create lists of standardized translation options for historical toponyms and names of historical figures in order to increase the effectiveness of the formation of professional competence of future specialists in the field of tourism.

Keywords: toponyms, names of historical figures, ESP, master's programs, tourism industry

Introduction

Saint Petersburg is a unique cultural site significant for the world culture and protected by UNESCO. That is why English translation of toponyms and historical names relevant to St. Petersburg is crucial for enhancing the city accessibility to international tourists as well as for future specialist in the field of tourism. As St. Petersburg is a cultural and historical hub, accurate

translations of its landmarks, streets, and institutions facilitate better navigation and understanding for not only English-speaking visitors, but also for foreign visitors in general, with English being the language of international communication. There is also a need to standardize translations, making them user-friendly and consistent across various platforms, which is essential for effective communication in the tourism industry as well as for training of future specialists in the tourism industry [Gabidullina et al. 2022].

The city rich history is reflected in its names, which often carry significant cultural meanings. The name “Saint Petersburg,” for instance, connects to Peter the Great and embodies the city European heritage. Understanding of these names allows us to provide deeper insights into the city identity and history, enriching the travel experience [Aleksandrova 2022].

As St. Petersburg continues to promote itself as a premier travel destination, having standardized English translations will aid in marketing efforts, ensuring that potential visitors can easily find information about attractions and navigate the city. This focus on translation not only enhances tourism but also fosters cultural exchange, making it vital for future tourism professionals to embrace this aspect of their activities.

Nowadays there are standardized translations for contemporary toponyms, we can see them on street name signs and on the metro maps. However, the situation is different with the names of historical figures. That is why there is a need to pay special attention to the pronunciation and spelling of historic names and toponyms of Saint Petersburg and develop a list of standardized toponyms and historical names [Blake 2023].

English as the major means of intercultural communication

The role of English in cross-cultural communication goes beyond being a mere tool. It acts as a unifying force, reducing misunderstandings, fostering trust, and promoting inclusivity among individuals from diverse linguistic backgrounds. Intercultural communication refers to the communication between people from at least two different cultures [Chen & Starosta, 1998]. It is a symbolic, interpretive, transactional, contextual process, in which people from different cultures create shared meanings. Although the role of English in international contacts is gradually decreasing, it is still the language of international communication. People from different countries and cultures can communicate with each other in English, even if it is not their first language. It makes it an essential tool for global cooperation and diplomacy. English has become a global language that connects people from different countries and cultures. It is still the primary language used in international business, science, technology, and diplomacy. Learning English can open up opportunities for communication and collaboration with people from around the world.

Today we would like to share the problems faced by students and teachers of the master's degree program “Foreign languages and intercultural communication in the field of tourism and sightseeing activities”. The program is aimed at training specialists in intercultural communication in this field, primarily translation guides with a wide range of competencies, who speak two foreign languages, English and another of their choice (Spanish/Italian/German/ Chinese/Arabic/Turkish). In the process of learning all types of translation in the field of tourism and sightseeing activities it is impossible not to encounter the problem of localization of geographical names and proper names. Here we will touch upon the problem of translating proper names from the history and toponymy of St. Petersburg.

Communicating the message

Our city is a city of culture, history, parks, palaces and bridges. It managed to collect eight and a half thousand monuments, more than two hundred of which are museums. Since its foundation, St. Petersburg has been the center of imperial life and a place of attraction for talented

people, so it is not surprising that talking about the history of the city we can't help but mention the names of all those who created its history.

The historical center of St. Petersburg is included in the UNESCO World Heritage List [World Heritage List]. Knowledge of the history of St. Petersburg and its suburbs forms the basis of the professional competence of specialists in the field of tourism and sightseeing activities, which is reflected in the program plan including relevant courses such as the History of St. Petersburg and the Leningrad Region (in English) and Cultural heritage sites of St. Petersburg and its suburbs (in English). Therefore, here we are going to focus on the toponymy and history of St. Petersburg and the region, although the problem of unifying proper names exists for all regions of the Russian Federation.

It is not an easy matter to deliver the name of a historical personality or a geography term professionally [Dilarom & Kamila 2022]. The program "Foreign languages and intercultural communication in the field of tourism and sightseeing activities" offered by the Faculty of Modern Languages is to help students master the relevant skills.

Here the countless number of problems arises starting from naming the objects and up to writing them taking into account the fact that specialists in the field of tourism have to be able not only pronounce the names, but also to write them properly for the web-site or e-advertisement.

First of all, which version of the name should be used. For example, Lzhe- Dmitry. Today the Internet is filled with the name False Dmitry although there exists such prefix as pseudo - and some sources call the historic personalities Pseudo-Demetrius.

Another example is the famous Peipsy Lake or Peipus Lake, although Lake Chud is closer and more comprehensible for people from the North-West of Eurasia. However, that name does not mean anything to people from the south-western and south-eastern countries, and so the mission of the specialist is to provide them with the relevant written version.

Besides, there is a need to decide which version of English is more preferable for a certain communicative situation that determines the choice of e-dictionary as there are plenty of them today. For example, the word bas-relief being pronounced in Collins dictionary is closer the classical way /ba:reli:f/ while Cambridge online dictionary recommends to pronounce it with sound s in the place it is written in.

Proper names are a specific cultural phenomenon, a special class of words mainly performing the nominative function. However, the meaning of the toponym arouses the interest of tourists and requires special attention while translating [Liu & Rybakov 2023]. A. Fedorov offers his own system of dividing the methods of translating proper names, in particular toponyms. According to his classification, there are three ways to do it: 1) convey the meaning extremely accurately; 2) convey the pronunciation in the original language extremely accurately; 3) the combined method [Fedorov 1983].

The latter way seems to be the most adequate providing pragmatic adaptation in line with the SKOPOS theory [Routledge encyclopedia of translation studies 2021]. The main idea of the functional approach is as follows: the translation process is determined by the function that the translation text is supposed to perform in a new socio-cultural environment. Two rules are supposed to be observed in SCOPUS translation, namely the coherence rule and the fidelity one [Vermeer 2003]. The first rule implies the text of the translation being coherent and logical, understandable to the users, taking into account the level of their education and knowledge. The second rule concerns the intertextual (intertextual) connection between the translation and the source the text; according to this rule any translation should not be completely free.

In reality we face several ways to convey Russian toponyms in English, they are transcription, transliteration and translation or tracing. Unfortunately, today there is no a unified approach.

Transcription tries to preserve the sound and graphic aspects of the toponym. This technique involves conveying words from a foreign language to their native language using the means of the national alphabet. If there are no corresponding sounds in the receiving language when translating, then in most cases the foreign words are transmitted using signs of similar sound. Transcription is mainly used to convey place names on geographical maps, in documentation, in literary works, etc.

Transliteration carries only a spelling similar to the original. This method allows us to transfer the word letter by letter, making it similar to the original, but not always the sound of this word will be similar to the original version. Translation or tracing is aimed at transferring words into a foreign language by replacing vocabulary, its literal translation.

It should be noted that at the moment all contemporary St. Petersburg toponyms have already been translated into English, and we can see them on the city metro map and street plates. Although the situation with historical toponyms and names is different, i.e. there is a large list of well-established names and toponyms, however, there are no unified lists that teachers and students could use.

Names and Toponyms Spelling

By 2009, the names of streets, avenues, museums and institutions of the city appeared, with all types of translation. Here are some examples:

Transcription: Dvortsovaya Ploshchad', Nevsky Prospekt

Transliteration: Shvedsky Pereulok, Arsenalnaya Naberezhnaya

It should be noted that in both cases the second element is not always understandable to a foreigner, the only exception is the word Prospect, which is consonant with the English 'prospect', it is consistently recognized by native Indo-European languages speakers.

Russian names are transliterated by their English counterparts, such as Peter I and Catherine, while Russian surnames are transliterated, and there is not always a single transliteration option, as is the case with the surname Dostoevsky.

Tracing is used to translate the names of museums, because transcription or transliteration would give a very long name, meaningless for foreigners. However, with two translation options available for the toponyms Palace Square and Dvortsovaya Ploshchad, the latter one has recently prevailed.

There are two names for the Swan's Groove, Lebyazhia Canavka (transliteration) and Lebyazhy Canal (mixed translation, the first element is transliteration, and the adjective is in the masculine gender, the second is tracing paper). Russian 'Гаванец Петра Первого' or Havanets of Peter I has no wiki article in English to check the spelling.

Thus, despite great success in unifying spelling of contemporary toponyms and names, there are still quite a few problematic issues that, as a rule, are associated with historical figures and historical places.

The situation is no better with names. So, on the Hermitage website, the name of the architect Catherine II, Yuri Matveyevich Felten, is given as Yuri Velten, and on Wikipedia we read Yuri Matveyevich Felten. It is worth noting that both names are in fact the translation of the architect's Russian name, because at birth his German name was Georg Friedrich Veldten.

Pronunciation

The most of communicative mistakes in oral speech are the mistakes of pronunciation. I.A. Boduen-de-Courtene asserted that oral speech prevails over written language, particularly in modern foreign languages, underscores the importance of spoken communication in everyday

interactions. Oral language is inherently dynamic, allowing for immediate expression and adaptation based on context and audience feedback. Furthermore, the emphasis on oral speech reflects a broader understanding of communication as a social interaction rather than merely a linguistic exercise. In many cultures, spoken language carries nuances that written forms cannot capture, such as tone, inflection, and body language. So we should pay a special attention to the pronunciation of toponyms and historical names. The most of communicative mistakes in oral speech are the mistakes of pronunciation. English as the major means of intercultural communication is not the exception. Teaching correct pronunciation is a fundamental aspect of training future tourism specialists, as it enhances communication, builds credibility, fosters cultural sensitivity, and improves customer experiences.

Conclusions

Thus, the effective formation of professional competence of a specialist in the field of tourism and sightseeing activities requires special attention to the problem of translating Russian proper names and geographical names into English. The question remains, which is preferable when translating toponyms, transcription and/or transliteration, which will give a foreigner an idea of how it sounds or is written in Russian, or tracing (calculus), which allows a foreigner to understand the semantic component of the toponym. Traditionally, calculus is preferred when translating names of museums and institutions, transliteration or transcription is used when translating names of streets and squares. If there is a proper name in the place name, calculus is used when translating the second element and transliteration of the proper name. Although in 2009 the English version of such contemporary toponyms of St. Petersburg as names of streets, squares, metro stations, train stations had been fixed, there is still no unified spelling and some pronunciation for historical toponyms and the names of historical persons. There is an urgent need to develop a corpus of historical toponyms and proper names, which both students and teachers could refer to enhance the effectivity of future specialists in the field of tourism training.

References

- Aleksandrova E.V. Cpecifica perevoda russkoyazychnyh toponimov na anglijskij yazyk v sfere turizma (na primere toponimov murmanskoy oblasti)/ Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2020, № 5, s. 181–186. (in Russian)
- Blake C. Why Standardize Geographical Names/ ECLAC, Santiago Chile, October, 2023, URL: file:///E:/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B8%D1%8F%202024/why-standardize-geographical-names_unsd-oct2023.pdf
- Chen, G.-M. & Starosta, W. J. (1996): Intercultural Communication Competence: A Synthesis. In: Burleson, B. (ed.), Communication Yearbook 19 (p. 353-383). Thousand Oaks: Sage.
- Dilarom, A.S., Kamila, B. KH. English toponym translation methods in Russian language/ Central Asian Research Journal For Interdisciplinary Studies (CARJIS), Vol. 2, Issue 5, May, 2022, DOI: 10.24412/2181-2454-2022-5-37-40
- Fedorov A.V. Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy). Izd. 4. M.: Vysshaya shkola, 1983. 303 s. (in Russian)
- Gabidullina, E.V., Khalfin, A.S., Khisamutdinova, A.F. Formation of competencies of future tourism specialists in the context of digital transformation of the educational process/ Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy. № 4 (42), 2022
- Liu, L., Rybakov, M. Comparison of the characteristics for naming geographical objects in Chinese and Western cultures/ E3S Web of Conferences 389, 08019 (2023) URL: <file:///E:/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B8%D1%8F%202024/Naming%20China%20&%20West.pdf>

Routledge encyclopedia of translation studies / Ed. By Baker M. – L.; N.Y., 2001
Vermeer H.J. Scopus and comission in translation studies // The translation studies reader / Ed. by
Venuti L. –L.; N.Y., 2003. – P. 221–232.
World Heritage List. Historic Centre of Saint Petersburg and Related Groups of Monuments URL:
<https://whc.unesco.org/en/list/540>

Доброва Т. Е., Неудачина Л. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАНСПОЗИЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ

В статье рассматривается специфика применения риторических вопросов как результат транспозиции. Обозначены теоретические вопросы, связанные с характеристикой новостного интернет-дискурса, особенностью англоязычных заголовков. Заголовок обозначен как самый значимый компонент новостного сообщения, задачей которого является привлечение внимания читательской аудитории. В статье также представлены вопросы экспрессивного синтаксиса, в частности, классификация экспрессивных синтаксических конструкций, а также определение и функция риторического вопроса как стилистического средства выразительности. В результате исследования заголовков в форме риторических вопросов на примере протестных движений в Египте во время Арабской весны, установлено, что СМИ, освещая протестные события, использовали самые эффективные средства выразительности в своих заголовках, одним из которых стал риторический вопрос с целью оказать воздействие на аудиторию, которое подразумевало поддержку и одобрение протестов в странах Ближнего востока и Северной Африки.

Ключевые слова: новостной интернет-дискурс, заголовок, транспозиция, риторический вопрос

Dobrova T. E., Neudachina L. V.

St. Petersburg University

ANALYSIS OF TRANSLATION TRANSFORMATIONS IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

The article deals with a specific character of rhetorical questions as a result of transposition. Theoretical issues related to the features of Internet news discourse, the specific character of English-language headlines are outlined. The headline is designated as the most significant component of the news report which task is to attract attention of readership. The article also presents the issues of expressive syntax, in particular, the classification of expressive syntactic constructions, as well as the definition and function of the rhetorical question as an expressive means. As a result of the study of headlines in the form of rhetorical questions in the context of protest movements in Egypt during the Arab Spring, it was found that the media, covering the protest events, used the most effective expressive means in their headlines, one of which was rhetorical questions with the purpose of influencing the audience, implied support and approval of the protests in the Middle East and North Africa.

Key words: Internet news discourse, headline, transposition, rhetorical question.

Introduction

As is commonly known, the media are an integral part of the life of any society and they play an important role in all spheres of its life, be it political, social, cultural or spiritual. Along with various media sources covering news information, the Internet has become one of the main mass medium. Information messages are continuously received from the Internet, which are immediately

analyzed, commented on and distributed in real time, thereby forming public opinion and an idea of what is happening in the world.

The first thing a reader sees in Internet news reports is headlines. It is the headline, that is the impulse that prompts you to read the article. Headlines help the reader to grasp the article theme, get its main idea, and choose the most important and most interesting articles to read. The priority task of the headline of English media is to attract readers' attention, their interest, and only secondly the headline is entrusted with an explanatory function, namely informing the reader of the brief content of this article.

A distinctive feature of English headlines is the brevity and compression of information, as such headlines are perceived by English audience better than complex sentences with numerous syntactic constructions. In addition, as many researchers note, English-speaking journalists strive to give as much expression as possible to the titles of their messages and use a diverse range of language techniques in order not only to attract readers and briefly reflect the essence of the transmitted news, but also to convey the author's emotional attitude to the subject of the message, thereby having an impact on readers.

The goal of this study is to show the pragma-stylistic specific features of transposition in the headlines of Internet messages from the BBC, CNN and Al-Jazeera television channels using the example of coverage of the Arab Spring protest movements in Egypt.

The relevance of this study is due to the need to understand the importance of the role of the media in shaping public opinion, which is achieved through the use of various stylistic means of expressiveness of the language.

The research material is the headlines of news reports devoted to the protests in Egypt during the Arab Spring on the websites of the BBC, CNN, Al-Jazeera TV channels during the period from 2011 to 2012 in the amount of 490 articles.

The following methods were used in the research process: discursive analysis, descriptive and stylistic ones.

The works of specialists in the field of news discourse: T.G. Dobrosklonskaya, L.V. Molochkova, A.A. Kalmykov, specialists in the field of stylistics and expressive syntax: I. V. Arnold, S. S. Marseitova, M. D. Kuznets, Y. M. Skrebnev, I. V. Andreeva etc. constitute the theoretical basis of the research.

Results

Internet news discourse has its own features of news presentation, which differ from the presentation of news reports in other sources, namely: efficiency (rapid updating of information), concentration (the presence of many different news on one Internet page) and a different view of the event (you can find information at any time you can find information on any topic) [Kalmykov, 2005, pp. 101-115]. Thus, the researchers have made a note of increased expressiveness of news reports headlines on the Internet, the tendency for authors to express their own position more actively. The online press is aimed at an enhanced impact on the reader, therefore, we can talk about an enhanced pragmatic effect, the pragmatic potential of the headline. Working off speech standardization, English-speaking journalists turn to the search for new, more effective, expressive language means. The headline can use various means of expression at all levels of the linguistic organization. Thus, English-language news headlines are characterized with elements of colloquial style, namely phrasal verbs, metaphors, phraseological units, neologisms, proverbs, and sayings [Molochkova, 2001]. Expressive constructions are widely used at the syntax level, which are able to enhance the expressiveness of the title, speech imagery, and convey the emotional coloring of the author's opinion. One of such expressive means is transposition, i.e. "the figurative use of syntactic structures" [Andreeva, 2010, p. 37]. I. V. Arnold considers transposition as "a functional shift and

the use of syntactic structures in denotative meanings unusual to them with additional connotations" [Arnold, 1981, p. 165]. Examining the transposition of the interrogative sentence, the so-called indirect questions, S. S. Merseitova notes the inconsistency of the form with the communicative intention of the speaker. In other words, the use of transposed interrogative sentences, rather than their direct meanings, is due, in particular, to "the desire or need to make speech imagery and expressive" [Merseitova, 1989, p. 125]. Many researchers have attempted to systematize the expressive syntactic means of English colloquial speech basing on clearly defined criteria [Kuznets, Skrebnev, 1960; Trofimova, 1972; Kura-leva, Abdulmanova, 2015]. The difficulty of systematizing expressive forms lies, firstly, in the fact that researchers do not distinguish between the level of a sentence and the level of the whole text in the classification process (for example, repetition, syntactic parallelism), and secondly, that some constructions can function in a neutral and emotionally expressive context (for example, ellipsis).

One of the first classifications that includes expressive means of various text levels was performed by M. D. Kuznets and Y. M. Skrebnev. The authors divide syntactic expressive means into the following groups: 1) expressive means based on the absence of logically required speech components (sentence members, service words): ellipsis, omission (understatement), nominative sentences, asyndeton, apokoinu, zeugma; 2) expressive means associated with the excessive use of speech components: various types of repetition (simple, framing, picking up, syntactic tautology); polysyndeton; emphatic underlining; the use of inserted sentences; 3) expressive means of an unusual placement of speech components: inversion; 4) expressive means created by the interaction of related sentences (parallelism, chiasm, anaphora, epiphora); 5) stylistic functions of the forms of syntactic connection between words and sentences: isolation, the use of a compositional connection instead of a subordinate one; 6) transposition: a rhetorical question; negative constructions used in the function of an emphatic statement; expression of negation in sentences that do not contain negative words; improper direct speech [Kuznets, Skrebnev, 1960, p. 66-94]. According to the classification, transposition belongs to the sixth group of expressive means, represented, among other things, by a rhetorical question. Rhetorical questions are interrogative statements that act in their secondary functions, which is due to the existence of a functional transposition. In case of rhetorical constructions the speaker gives his statement a rhetorical form in order to make it more expressive. As I.V. Arnold notes, the rhetorical question is, in terms of its functional content, an "emphatic statement." Its function is "to attract attention, enhance the impression, increase the emotional tone, create elation" [Arnold, 2006, p. 225].

As the analysis of practical material has revealed, the most widely used expressive means was transposition, namely news headlines formulated in the form of a rhetorical question, which journalists used to draw attention to the protest events in Egypt. By enhancing the expressiveness of the headline, they sought to involve readers in the ongoing events of the Arab Spring and encourage them to take action.

The Arab Spring, which began at the end of 2010, swept through many countries in the Middle East and North Africa, becoming one of the main political events of the 21st century. The protest events have led to significant political changes throughout the region, such as the overthrow of long-term regimes in Tunisia, Egypt, Libya and Yemen. As many experts note, while covering the events of the Arab Spring, the BBC, CNN and Al-Jazeera were the most influential channels that played a role in the Arab Spring. It was through them that political speeches were covered on television, on social networks, and on websites and international public opinion was formed regarding the revolutionary events in the Arab States, in particular, in Egypt. The BBC, CNN and Al-Jazeera TV channels actively supported protest movements in their online messages, sought to attract the attention of the world community, which significantly increased the geographical coverage and involvement of viewers in what was happening. The headline was extremely important when covering the Arab Spring protests in Egypt, as it immediately attracted attention and showed the degree of importance of the events. In the context of the rapid development of protests, journalists sought to formulate headlines in such a way, including through rhetorical

questions, so that they not only convey the course of current events, but also set the tone for the perception of news. With the help of a thematic lexicon characterizing the events covered, they deliberately focused readers' attention on the events in Egypt. For example, in the following headings, the semantic center of the question is the words "change" "revolution", which encourage the reader to think about changes in the lives of Egyptian citizens, and it is possible in other countries of the world after the revolution and the overthrow of the old regime.

"Can Egypt's *Revolution* Ignite a Wave of *Change* Across the Middle East?" (Can...,2011);

"What kind of country is emerging from the Egyptian *Revolution*?" (What...,2011);

"Has Egypt's *Revolution* Rewritten the Rules of Political Engagement?" (Has...,2011); "Is Egypt's *Revolution* a Beacon of Hope for the Arab World?" (Is..., 2011);

"Are Egyptians Resilient Enough to Sustain Their *Revolution*?" (Are...,2011);

"Is Egypt's *Revolution* a Lesson in Courage for the World?" (Is...,2011);

"Will Egypt's *Revolution* Reshape the Middle East?" (Will..., 2011);

"How Will Egypt's *Revolution* Impact Global Politics?" (How...2011);

"Can Egypt's *Revolution* Inspire *Change* Elsewhere?" (Can...2011);

"Will Egypt's *Revolution* Fulfill the Aspirations of the People?" (Will...2011);

"Can Egypt's *Revolution* Bridge divides in the Nation?" (Can...2011);

"Can Egypt's Youth Ignite a *Revolution* for *Change*?" (Can...2011).

In the following examples, the key words characterizing the new era in the country, which may come after the overthrow of the previous regime, are the words "new", "era", "age".

"Is This the Dawn of a *New Era* for Egypt?" (Is...2011);

"Will Egypt's Youth Lead the Nation into a *New Democratic Age*?" (Will...2011);

"Is this the Beginning of a *New Era* for Egypt?" (Is...2011);

"Do Protests Signal the End of Stability or the Birth of a *New Era*?" (Do...2011).

In the examples given below, the keywords are "history", "future", which make the reader think about the history that is being written at the time of the ongoing protest events as well as about the future of the country.

"Are Egyptians Writing *History* or Rewriting it?" (Are...2011);

"Is Egypt's *Revolution* a Turning Point in Modern *History*?" (Is...2011);

"Will Egyptians Rewrite *History* with Their Quest for Freedom?" (Will...2011);

"Is the World Witnessing *History* in the Making in Egypt?" (Is...2011);

"Will the Voices of Tahrir Square Shape Egypt's *Future*?" (Will...2011);

"What Will the *Future* Hold for Egypt's Youth?" (What...2011);

"Is Egypt's *Future* Defined by *Revolution* or Restraint?" (Is...2011).

In the following examples, the keyword "democracy" and its derivative "dem-ocratic" characterize the new regime as a hope for a bright future.

"Will the World Stand by as Egypt Struggles for *Democracy*?" (Will...2011);

"Is Tahrir Square the Epicenter of a Global *Democratic* Movement?" (Is...2011);

"Are We Witnessing the Birth of a Truly *Democratic* Egypt?" (Are...2011),

"Is *Democracy* Within Reach for Egypt?" (Is...2011);

"Will Egypt's Protests Lead to Genuine *Democratic* Reform?" (Will...2011).

The analyzed newspaper headlines, in our opinion, are characterized by an enhanced pragmatic impact on the audience, since the authors prefer the brightness and catchiness of the headline, rather than its informativeness. The headlines do not reveal the content of the newspaper material, but awaken the reader's imagination, causing a desire to read the article to find out whether the meaning of the headline is correctly interpreted. This rhetorical approach encourages the readership to reflect on the transformative potential of the revolution and its consequences for the entire region. The journalists formulating their news headlines in the form of rhetorical questions using key vocabulary wanted to get approval, consent, and support from the reader, thereby tacitly influencing them.

To summarize, we can say that in order to achieve the desired effect in impact on the audience, journalists actively resort to the use of various stylistic, lexical, grammatical and syntactic means of expression. The rhetorical question as a result of transposition is the most striking example of audience manipulation in the context of the events of the Arab Spring in Egypt. Its high effectiveness in terms of current events and of intense and emotional expectation of the audience constitutes in the "unobtrusively imposing" the necessary idea, namely protests support and participation in them. Given the result of the protest events, namely the overthrow of political regimes in Tunisia, Egypt, Libya and Yemen, journalists chose the most effective means of expression in their headlines. One of them was a rhetorical question that tacitly influenced the reader, forcing them to think about the potential impact of the revolution in Egypt on the situations in other countries of the Middle East, about the consequences of the revolution, about future events, and about changes in life, perhaps even in their own countries.

Sources

- Are Egyptians Resilient Enough to Sustain Their Revolution? 28.01.2011
URL: https://www.bbc.co.uk/blogs/worldhaveyoursay/2011/01/are_egyptians_resilient_enough_to_sustain.html (дата обращения: 16.02.2023)
- Are Egyptians Writing History or Rewriting it? 01.02.2011 URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-14112045> (дата обращения: 14.02.2024)
- Are We Witnessing the Birth of a Truly Democratic Egypt? 11.02.2011
URL: https://www.bbc.co.uk/blogs/worldhaveyoursay/2011/02/are_we_witnessing_the_birth_of.html (дата обращения: 18.02.2023)
- Can Egypt's Revolution Bridge divides in the Nation? 29.01.2011
URL: <https://edition.cnn.com/2011/01/29/middleeast/can-egypts-revolution-bridge-divides-in-the-Nation-intl-latam/index.html> (дата обращения: 11.03.2023)
- Can Egypt's Revolution Ignite a Wave of Change Across the Middle East? 27.01.2011. URL: https://www.bbc.co.uk/blogs/worldhaveyoursay/2011/01/can_egypts_revolution_ignite_a.html (дата обращения: 15.02.2023)
- Can Egypt's Revolution Inspire Change Elsewhere? 28.01.2011
URL: <https://edition.cnn.com/2011/01/28/middleeast/can-egypts-revolution-inspire-change-elsewhere-intl-latam/index.html> (дата обращения: 10.05.2023)
- Can Egypt's Youth Ignite a Revolution for Change? 25.01.2011
URL: <https://www.aljazeera.com/program/inside-story/2011/1/25/can-egypts-youth-ignite-a-revolution-for-change> (дата обращения: 21.03.2023)
- Do Protests Signal the End of Stability or the Birth of a New Era? 28.01.2011
URL: <https://www.aljazeera.com/program/inside-story/2011/1/28/do-protests-signal-the-end-of-stability-or-the-birth> (дата обращения: 15.03.2023)
- Has Egypt's Revolution Rewritten the Rules of Political Engagement? 05.02.2011
URL: https://www.bbc.co.uk/blogs/worldhaveyoursay/2011/02/has_egypts_revolution_rewritten_the.html (дата обращения: 16.02.2023)
- How Will Egypt's Revolution Impact Global Politics? 02.02.2011
URL: <https://edition.cnn.com/2011/02/02/middleeast/how-will-egypts-revolution-impact-global-politics-intl-latam/index.html> (дата обращения: 10.05.2023)

Is Democracy Within Reach for Egypt? 31.01.2011
 URL: <https://edition.cnn.com/2011/01/31/middleeast/is-democracy-within-reach-for-egypt-intl-latam/index.html> (дата обращения: 10.05.2023)

Is Egypt's Future Defined by Revolution or Restraint? 03.02.2011
 URL: <https://www.aljazeera.com/program/inside-story/2011/2/3/is-egypts-future-defined-by-revolution-or-restraint> (дата обращения: 20.07.2023)

Is Egypt's Revolution a Beacon of Hope for the Arab World? 25.01.2011
 URL: https://www.bbc.co.uk/blogs/worldhaveyoursay/2011/01/is_egypts_revolution_a_beacon.html (дата обращения: 16.02.2023)

Is Egypt's Revolution a Lesson in Courage for the World? 29.01.2011
 URL: https://www.bbc.co.uk/blogs/worldhaveyoursay/2011/01/is_egypts_revolution_a_lesson.html (дата обращения: 18.02.2023)

Is Egypt's Revolution a Turning Point in Modern History? 26.01.2011
 URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-14115436> (дата обращения: 23.02.2023)

Is Tahrir Square the Epicenter of a Global Democratic Movement? 29.01.2011
 URL: https://www.bbc.co.uk/blogs/worldhaveyoursay/2011/01/is_tahrir_square_the_epicenter_of.html (дата обращения: 03.02.2023)

Is this the Beginning of a New Era for Egypt? 25.01.2011
 URL: <https://edition.cnn.com/2011/01/25/middleeast/is-this-the-beginning-of-a-new-era-for-egypt-intl-latam/index.html> (дата обращения: 20.07.2023)

Is This the Dawn of a New Era for Egypt? 15.02.2011
 URL: https://www.bbc.co.uk/blogs/worldhaveyoursay/2011/02/is_this_the_dawn_of_a.html (дата обращения: 18.05.2023)

Is the World Witnessing History in the Making in Egypt? 27.01.2011
 URL: <https://edition.cnn.com/2011/01/27/middleeast/is-the-world-witnessing-history-in-the-making-in-egypt-intl-latam/index.html> (дата обращения: 10.05.2023)

What kind of country is emerging from the Egyptian Revolution? 10.03.2011
 URL: https://www.bbc.co.uk/blogs/worldhaveyoursay/2011/03/what_kind_of_country_is_emergi.html (дата обращения: 21.11.2023)

What Will the Future Hold for Egypt's Youth? 12.02.2011
 URL: <https://edition.cnn.com/2011/02/12/middleeast/what-will-the-future-hold-for-egypt-s-youth-intl-latam/index.html> (дата обращения: 12.06.2023)

Will Egypt's Protests Lead to Genuine Democratic Reform? 27.01.2011
 URL: <https://www.aljazeera.com/program/inside-story/2011/1/27/will-egypts-protests-lead-to-genuine-democratic-reform> (дата обращения: 15.03.2023)

Will Egypt's Revolution Fulfill the Aspirations of the People? 05.02.2011
 URL: <https://edition.cnn.com/2011/02/05/middleeast/can-egypts-revolution-inspire-change-elsewhere-intl-latam/index.html> (дата обращения: 10.05.2023)

Will Egypt's Revolution Reshape the Middle East? 26.01.2011
 URL: <https://edition.cnn.com/2011/01/26/middleeast/will-egypts-revolution-reshape-the-middle-east-intl/index.html> (дата обращения: 18.02.2023)

Will Egypt's Youth Lead the Nation into a New Democratic Age? 13.02.2011
 URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-14115623> (дата обращения: 14.06.2023)

Will Egyptians Rewrite History with Their Quest for Freedom? 27.01.2011
 URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-14112032> (дата обращения: 21.11.2024)

Will the Voices of Tahrir Square Shape Egypt's Future? 29.01.2011 URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-14112045> (дата обращения: 14.02.2024)

Will the World Stand by as Egypt Struggles for Democracy? 27.01.2011
URL:<https://www.bbc.com/news/world-middle-east-14118967> (дата обращения:
11.03.2023)

References

- Andreeva I. V. Grammaticheskaya kategoriya otricaniya v sovremennom anglijskom yazyke. – M., 2010. - P. 37.
- Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka. – L., 1981. - P. 165 – 168.
- Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij yazyk: uchebnik dlya vuzov. Izd-e 8-e. M.: Flinta; Nauka, 2006.
- Dobrosklonskaya T. G. Sbornik nauchnyh rabot. Novostnoj diskurs kak ob"ekt medialingvisticheskogo analiza // Aktual'nye problemy sovremennoj medialingvistik i mediakritiki v Rossii i za rubezhom. Belgorod, 2016
- Kalmykov A. A. Internet-zhurnalistika / A. A. Kalmykov, L. A. Kohanova. – M.: YuNITI-DANA, 2005. – P. 101–115.
- Kuznec M. D., Skrebnev Yu. M. Stilistika anglijskogo yazyka: uch. posobie / pod. red. N. N. Amosovoj. L., 1960
- Kuraleva T. V., Abdul'manova A. H. Sredstva ekspressivnogo sintaksisa v sovremennom anglijskom dialoge // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki. 2015. № 9.
- Marseitova S. S. Kosvennyye voprositel'nye vyskazyvaniya i ih interpretacii v tekste // Formal'naya i semanticheskaya organizaciya teksta: sb. nauch. tr. M.: MO-DIGIYa im. M. Toreza, 1989. Vyp. 333. P. 125
- Molochkova L. V. Osobennosti yazyka amerikanskoj zhurnalistiki na primere tematiceskogo polya yazyka sredstv massovoj informacii // Prostranstvo i vremya v yazyke. Samara, 2001. P. 91.
- Mihalcheva A. V. Funkcional'no-sintaksicheskie osobennosti sozdaniya ekspressivnosti publicisticheskogo teksta sovremennyh angloyazychnykh izdanij (na materiale zhurnalov National Geographic i The Economist): diss. ... k. filol. n. M., 2022
- Pantina O. A. Ekspressivnaya perspektiva angloyazychnogo novostnogo diskursa: na materiale gazetnykh tekstov o prirodnykh katastrofah: avtoref. diss. ... k. filol. n. SPb., 2018.
- Trofimova E. A. Strukturnye osobennosti anglijskoj razgovornoj rechi: uch. posobie dlya prepodavatelej, aspirantov i studentov st. kursov fak-v in. yaz. Rostov n/D, 1972.

Дудкина А. И.

Санкт-Петербургский государственный университет

Максимович К. К.

Кула, Сербия

«ТАЙНЫ НЕДОСКАЗАННОСТИ» ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ В РУССКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

XXI век – время непрерывных контактов между людьми, культурами и странами. Чтобы общение было эффективным и взаимовыгодным диалог должен быть построен на принципах уважения, тактичности и толерантности. Эти ценности находят отражение в политической корректности, которая играет важную роль во многих сферах общественной жизни; среди них, прежде всего, политика и социальная сфера. Именно в СМИ, которые нацелены на техники манипулирования, ярче представлена эвфемизация. На базе пятидесяти статей в российской и англоязычной прессе были проанализированы эвфемизмы и эвфемистические выражения, относящиеся к социальной и политической сферам жизни. В англоязычных СМИ самую обширную группу сформировали социальные эвфемизмы, когда в русскоязычных – политические. Проанализировав эвфемизмы и их контекстуальное употребление (социальная жизнь и политика), можно удостовериться в их манипулятивной функции, а также вынужденном желании СМИ смягчить воздействие информации на общество. Именно эти группы эвфемизмов напрямую связаны с первоначальными идеями политкорректности.

Ключевые слова: эвфемизм, политическая корректность, лингвистическая манипуляция, СМИ, политический дискурс

Anastasia I. Dudkina

St. Petersburg University

Kata Katarina Maksimović

Kula, Serbia

‘SECRETS OF UNDERSTATEMENT’ OR SOCIAL AND POLITICAL EUPHEMISMS IN RUSSIAN AND ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

The 21st century is a time of continuous contacts between people, cultures and countries. In order the communication to be effective and mutually beneficial a dialog should be built on the principles of respect, tactfulness and tolerance. These values are reflected in political correctness, which plays a crucial role in many spheres of public life, where politics and social sphere are integrated. It is in the mass media, that is aimed at manipulation techniques, where euphemization is more vividly represented. Based on fifty articles of the Russian and English press euphemisms and euphemistic expressions related to social and political spheres of life were evaluated. In English-language media, the largest group was shaped by social euphemisms, while in Russian media the most numerous group was represented by political euphemisms. The analysis of euphemisms and how they are used in particular contexts (social life and politics), their manipulative function becomes obvious, as well as the desire of mass media representatives to minimize the informative

impact on society. It is these groups of euphemisms that are directly related and tied to the original ideas of political correctness.

Keywords: euphemism, political correctness, linguistic manipulation, mass media, political discourse

XXI век – время непрерывных контактов между людьми, культурами и странами. Чтобы общение было эффективным и взаимовыгодным диалог должен быть построен на принципах уважения, тактичности и толерантности. Эти ценности находят отражение в политической корректности, которая играет важную роль во многих сферах общественной жизни, среди которых, прежде всего, политика и социальная сфера.

До сих пор возникновение термина «политическая корректность» остается загадкой. Очевидно только, что данный феномен зародился в США (движение за гражданские права, проблемы расовой дискриминации и др), но точное время его появления неизвестно. В связи с этим существуют многочисленные дискуссии среди лингвистов на тему того, что же такое *эвфемизм* и каковы его функции (С. Г. Тер-Минасова, В. В. Панин, З. С. Трофимова, В. Рэймонд, А. В. Остроух, Н. Г. Комлев, Э. Партридж, Д. Хьюз, Г. Бирд, К. Серф и др.).

Сама эвфемия представляет собой сложное коммуникативное многогранное явление в языке, играющее важную роль в развитии общества. Эвфемизмы отражают «нравственную и духовную культуру, ценностные установки, особенности мышления и мировоззрения как отдельной личности, так и этнокультурной общности» [Мухамедьянова, 2005, с. 3]. Для того, чтобы понять суть процесса эвфемизации необходимо изучить ключевые его аспекты: определение и функции эвфемизма, цели, темы и сферы эвфемизации речи, а также классификацию и способы образования эвфемизмов.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой говорится, что термин «эвфемизм» происходит от греческого «εὐφημισμός» («εὖ» – «хорошо» и «φωμι» – «говорю») и определяется следующим образом: это эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичного слова или выражения, которое представляется говорящему неприличным, грубым или нетактичным... Также, эвфемизмами могут заменяться табуированные названия: архаичные и новые. Эвфемизм – это еще и окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими для искажения или маскировки подлинной сути обозначаемого [ЛЭС, 2002. сс. 627-707]. Свои определения эвфемизмам также давали Д. Э. Розенталь, И. Р. Гальперин, Л. П. Крысин, Ж.Ж Варбот, А. А. Реформатский, А. Ларин, Р. О. Будагов, Н. Б. Мечковская и др.

Если вспомнить о двух подходах к пониманию эвфемизмов (узком и широком), то сегодня, разумеется, мы будем говорить о широком подходе, где эвфемизм употребляют не только для замены табуированной лексики, неуместных слов и выражений, но и для создания определенной зоны безопасности от объекта, вызывающего страх, неприязнь, гнев. Ввиду сознательного нежелания называть вещи своими именами, дабы минимизировать неприятное впечатление или избежать возможные последствия для говорящего, а также для более сильного воздействия на реципиента СМИ и прибегают к активному использованию эвфемизмов.

Приверженцами широкого подхода считаются Д. Н. Шмелев, А. М. Кацев, Е. И. Шейгал, Е. Н. Торопцева, Л. П. Крысин, Е. П. Сеничкина, В. П. Москвин, А. М. Кацев, Хью Роусон, Р. Холдер, Ч. Кейли и др.

Что касается функций эвфемизмов, то, конечно, мы будем говорить о смягчении с целью проявления вежливости к собеседнику, нельзя, однако, забывать и о желании сознательно замаскировать действительность, или сообщить информацию таким образом, чтобы она была понятна только конкретному лицу или кругу лиц.

В современных исследованиях все чаще подчеркивается негативное воздействие эвфемизмов на язык. М. Л. Ковшова, например, говорит, что «эвфемизмы в новых речевых стратегиях выполняют не только традиционную функцию смягчения слов и выражений, но и рождают новый функционал неопределенных слов, затрудняя коммуникацию» [Ковшова, 2015]. Смягчающее значение и переименование слова все чаще меняет природу называемого явления, размывая до неопределенности его содержание и даже меняя смысл. Это особенно характерно для устной речи публичных людей... [Базжина, Басалаева, Северская, 2015].

Вопрос классификации эвфемизмов также неоднозначен. Их обычно делят на лексико-семантические (по предметно-понятийным сферам функционирования эвфемизмов), лингвопсихологические (мотивационные) и собственно лингвистические (по способу наименования, формальной структуре, стилистической коннотации, словообразовательному способу, реализации эвфемистического потенциала) [БРЭ, 2002, сс. 627-707]. Есть более частные классификации, но так или иначе большинство их основано на тематических признаках, поскольку эвфемизмы, как правило, появляются и функционируют в определенных темах и сферах жизни.

В данной статье мы рассмотрим эвфемизмы, относящиеся к социальному и политическому контекстам. Эвфемия - широко используемый прием в экономическом, политическом и социальном дискурсах. Актуальные события на мировой арене и текущая ситуация в мире способствуют процессу эвфемизации. Приведенные дискурсы оказывают значительное влияние на общественное мнение и формирование представлений о социально-экономических и политических процессах, имеют общие цели и задачи (такие как убеждение аудитории, информирование общественности, формирование определенных взглядов или оказание поддержки определенных политических и экономических решений), а также влияют на развитие экономики и политики в целом.

В современном мире главным инструментом освещения актуальных глобальных экономических и политических процессов, а также любых изменений в экономике и политике государства, являются средства массовой информации. Именно поэтому для анализа эвфемистической лексики нами были выбраны статьи из новостных интернет-изданий (Forbes, BBC News, The New York Times, CNN, The Guardian (английский язык) и Forbes, РИА Новости, ТАСС, РБК, Комсомольская правда (русский язык) на экономическую и общественно-политическую тематики.

Сначала обратимся к англоязычным СМИ. Самой обширной группой эвфемизмов оказались «социальные», описывающие человека, его физическое состояние, умственные способности и экономическое положение.

- *retiree (Five Lifestyle Secrets Of The Happiest Retirees – [Forbes.com]);*
- *mid-career workers (workers in their 40s and 50s) (It's a particularly bad time for mid-career workers to be grappling with age bias... [BBC]);*
- *disability benefit (I am on disability benefit, so is my daughter, that only just covers rent and petrol [Forbes.com]);*
- *neurodiverse talent (You've made a significant commitment towards inclusion for neurodiverse talent [BBC]);*
- *size-inclusive (An Impressive Range Of Size-Inclusive Pieces [Forbes.com]).* Эвфемизм *size-inclusive* используется вместо более прямого термина *plus size*, который в настоящее время эвфемизмом не является и др.
- *to struggle financially (...but one in four households are still struggling financially, retail researchers have found [The Guardian]);*

- *affordable (...They cannot find an affordable home in a safe neighborhood... [The New York Times]);*
- *to experience homelessness (There are thousands of voters like Mr. Dupree across Georgia and the country, those experiencing homelessness who are able to vote with the proper identification [The New York Times]);*
- *to be without a permanent address (...Gov. Brian Kemp's signature, would require all election-related mail for those "homeless and without a permanent address"... [The New York Times]).*

Как было отмечено ранее, в современном обществе политический дискурс также играет значительную роль в формировании общественного мнения и воздействии на массовое сознание, а эвфемизмы - одна из явных характеристик данного типа дискурса. Это особенно актуально в 2024 году в разгар российско-украинского и израильско-палестинского конфликтов.

- *security package (Denmark has pledged to deliver its 16th security package to Ukraine [Forbes.com]).* Нейтральный эвфемизм *security package* употреблен вместо прямого упоминания о поставке вооружения;
- *military aid, air support (Conservative MPs have called for the UK to increase military aid to Ukraine, including the former cabinet minister David Davis, who said the UK should consider providing air support to the Ukrainian armed forces [The Guardian]).*

С помощью формулировок типа *security package, military aid, air support* читателям навязывается определенная точка зрения на происходящие военные события, которая разделяет стороны конфликта на условно «хорошие» и «плохие». Таким образом, эвфемизмы в данном контексте служат для манипулирования общественным мнением и придания более благоприятного оттенка действиям, которые могут быть спорными.

Приведем еще ряд примеров:

- *to open fire (The shooting reportedly took place around 8 p.m. local time and was conducted by at least five gunmen in camouflage who opened fire on concertgoers in attendance for a show by Russian rock band Picnic [Forbes.com]).* Привычное выражение *open fire* на самом деле является эвфемизмом, поскольку заменяет прямое упоминание о том, что нападавшие начали стрелять (*started shooting*);
- *loss of lives (Ukrainian officials have blamed delays in military aid from the US and other Western allies for the loss of lives and territory [BBC]);*
- *collateral damage (Palestinians fleeing Gaza with valid Australian visas only for them to be cancelled mid-flight or at airports have been described as "collateral damage" for the federal government's failures [The Guardian]).*

Эвфемизмы в политической сфере могут употребляться для управления информацией, создания определенного образа или впечатления с целью манипулирования общественным мнением, а также для смягчения негативных аспектов политических решений или действий.

В ходе исследования эвфемизмов в русскоязычных СМИ, самой обширной группой оказались как раз эвфемизмы в политической сфере (21 из 50). Это связано с тем, что Россия играет большую роль на политической арене и является супердержавой и весомой военной силой, решающей важные политические вопросы на региональном и глобальном уровнях. Неудивительно, что группа эвфемизмов, описывающих политические явления, стала самой обширной в русскоязычных источниках:

- *конфликт (Россияне свыклись с мыслью, что конфликт скоро не кончится [Forbes.ru]);*
- *СВО («Это лишнее свидетельство высокой степени внутренней мобилизации нашего общества, ... вокруг тех задач, которые стоят в рамках СВО»... [Forbes.ru]);*

- *спецоперация (Однако во всех этих группах противники «спецоперации» составляют меньшинство [Forbes.ru]).*

Данные эвфемизмы используются не только для смягчения, но и для определенной степени манипулирования. В русскоязычных СМИ замечается тенденция избегания прямой номинации понятия «война», так как существует устоявшаяся позиция российского правительства по этому вопросу. Стоит отметить, что данные примеры можно ранжировать по принципу степени эвфемизации, так, например, аббревиатура *СВО* является наиболее нейтральным по сравнению с выражением *военная спецоперация*, содержащим компонент «военная».

Среди примеров эвфемизации присутствуют и выражения, описывающие отношение населения к политическим конфликтам, в которых участвует Россия:

- *воинственно настроенные граждане (Так, число наиболее воинственно настроенных граждан составляет чуть больше 20%... [Forbes.ru]).* Эвфемизм *воинственно настроенные граждане* использован в качестве описания поддержки российского населения действий правительства и их негативного отношения к противоположной стороне конфликта;
- *усталость от конфликта (Несмотря на сохраняющиеся высокие показатели поддержки, проступают первые признаки усталости от конфликта [Forbes.ru]).* Данное выражение призвано смягчить нарастающие недовольства внутри общества.

Следующая часть эвфемизмов политической сферы связана с описанием военных действий и вмешательством в политику других стран:

- *наносить удары (ВСУ ежедневно наносят удары по Белгородской области... [РИА Новости]).* В данном примере вместо более прямого и жесткого термина *бомбардируют* или *атакуют* используется более мягкое выражение *наносить удары*, чтобы описать военные действия;
- *нанести поражение (За минувшие сутки ... было нанесено поражение шести бригадам ВСУ... [РБК]).* Аналогично эвфемизму *наносить удары*, в этом примере использован эвфемизм вместо более грубого слова *уничтожить*, *победить*, *разгромить*. Он уже считается устоявшимся выражением в военной терминологии и коммуникации.

Такая же функция и у эвфемизма *перейти под контроль*, который приходит на замену словам *захватить*, *подчинить*.

Обратим внимание и на следующие важные примеры:

- *товарищи за океаном (Это выгодно всем, кроме товарищей за океаном [РИА Новости]);*
- *спутник (Президент РФ Владимир Путин заявил, что Украина сегодня, безусловно, является спутником США [РИА Новости]).*

Два приведенных примера описывают отношения российских политических деятелей к другим государствам. Эвфемизм *товарищи за океаном* используется для обозначения США, причем в ироничной форме. В свою очередь слово *спутник* является примером завуалированного оскорбления и указания на зависимость одного государства от другого, в конкретном примере Украины от США и стран Европейского союза. В русскоязычном политическом дискурсе часто встречаются фразы словосочетания *вашингтонский обком* и *вассалы*, что еще больше подчеркивает подчинение одного государства другому и пренебрежительное отношение российских политиков к определенным странам.

В новостных текстах на русском языке группа социальных эвфемизмов оказалась гораздо скромнее в сравнении с англоязычным контекстом.

- *люди старшего возраста* (Среди них также больше мужчин и людей старшего возраста [Forbes.ru]);
- *серебряный возраст* (Серебряный возраст, золотой стаж: самые опытные водители рассказали, какие мечты привели их на работу в такси [Комсомольская правда]).

Оба эвфемизма подчеркивают ценность и уважение к людям, которые достигли определенного возраста. Интересным является тот факт, что раньше выражение *пожилые люди* также употреблялось в качестве эвфемизма, но в силу того, что язык постоянно развивается, появляются и новые варианты уже существующих эвфемизмов, расширяя данный лексический пласт.

Вполне очевидно, что часть социальных эвфемизмов описывает ограниченные способности людей. На смену слову *инвалид* приходят следующие выражения:

- *люди с ограниченными возможностями здоровья* (Институт ... начнет набор групп людей с ограниченными возможностями здоровья... [ТАСС]);
- *маломобильные жители* (... с нового учебного года там начнут заниматься маломобильные жители и люди с ограниченными возможностями здоровья... [ТАСС]).

О неблагоприятном экономическом положении людей также не говорится напрямую.

- *менее обеспеченные слои населения* (Эти меры оказываются значимыми прежде всего для менее обеспеченных слоев населения... [Forbes.ru]);
- *лица, попавшие в сложную жизненную ситуацию* (Речь идет о ... поддержке граждан с невысокими доходами и лиц, которые попали в сложную жизненную ситуацию, а также программах финансовой грамотности [ТАСС]). Этот эвфемизм может быть использован для обозначения различных жизненных ситуаций, включая финансовые трудности, семейные проблемы, здоровье и др.

Итак, исходя из проанализированного материала, видна разница в сферах эвфемизации в англоязычных и русскоязычных источниках. Так, в англоязычных СМИ преобладают социальные эвфемизмы (22 из 50 единиц), что явно свидетельствует о тенденции политически корректного отношения к людям. Тем временем, в русскоязычных источниках было обнаружено почти в 3 раза меньше социальных эвфемизмов (8 из 50 единиц), не отличающихся новизной или разнообразием. Отсюда следует первый важный вывод: в англоязычных СМИ в экономическом и политическом дискурсах эвфемизации подлежат, прежде всего, люди и их состояния.

К категории эвфемизмов, которая шире остальных представлена в русскоязычных СМИ, относятся политические эвфемизмы (21 из 50). Данное явление, по нашему мнению, является показателем влияния исторического прошлого России на сознание людей. Большинство эвфемизмов на политическую тему связаны с военной тематикой (большое количество пережитых военных конфликтов и их последствий в ходе истории Российской Федерации отразились на жизни людей). Одновременно с этим в английских статьях эвфемизмов политической тематики значительно меньше (8 из 50). Таким образом, можно сделать второй важный вывод: эвфемизмы в политической сфере могут употребляться для управления информацией, создания определенного образа или впечатления с целью манипулирования общественным мнением, а также для смягчения негативных аспектов политических решений или действий. Однако, важно помнить, что использование эвфемизмов в политическом дискурсе также может вызывать критику и вопросы о прозрачности и честности коммуникации со стороны политических деятелей и СМИ. Проанализированные группы эвфемизмов интересны и тем, что напрямую связаны с первоначальными идеями политкорректности.

Литература

- Базжина Т. В., Басалаева П. В., Северская О. И. Эвфемизмы в публичном дискурсе и в восприятии наивных носителей языка // Коммуникативные исследования. 2015. №2 (4) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemizmy-v-publichnom-diskurse-i-v-vospriyatii-naivnyh-nositeley-yazyka>
- Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с. : табл. Указ.: с. 627–707.. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html>
- Ковшова М. Л. Минное поле русского языка // Русский мир 20.08.2015. URL: <http://russkiymir.ru/publications/194438/>
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с. : табл. Указ.: с. 627–707. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html>
- Мухамедьянова Г. Н. Эвфемия в общественно-политической лексике: дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2005. 194 с.

Источники

- BBC URL: <https://www.bbc.com/> (дата обращения: 10.04.2024)
- Forbes URL: <https://www.forbes.com/> (дата обращения: 11.05.2024)
- Forbes URL: <https://www.forbes.ru/> (дата обращения: 11.05.2024)
- The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 10.04.2024)
- The New York Times URL: <https://www.nytimes.com/international/> (дата обращения 10.04.2024)
- РИА Новости URL: <https://ria.ru/> (дата обращения 10.08.2024)
- РБК URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения 10.08.2024)
- Комсомольская правда URL: <https://www.spb.kp.ru/> (дата обращения 10.08.2024)
- TACC URL: <https://tass.ru/> (дата обращения 10.04.2024)

References

- Bazzhina T. V., Baslaeva P. V., Severskaya O. I. Evfemizmy v publichnom diskurse i v vospriyatii naivnyh nositeley yazyka // Kommunikativnye issledovaniya. 2015. №2 (4) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemizmy-v-publichnom-diskurse-i-v-vospriyatii-naivnyh-nositeley-yazyka>
- Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya, 2002. 709 p.: pp. 627–707. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html>
- Kovshova M. L. Minnoye pole russkogo yazyka // Russkiy mir 2015 URL: <http://russkiymir.ru/publications/194438/>
- Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red. V. N. Yartseva. 2 izd., dop. Moskva: Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya, 2002. 709 p.: pp. 627–707. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html>
- Mukhamed'ianova G. N. Evfemiya v obschestvenno-politicheskoy leksike: diss. ... k.filol.n. Ufa, 2005. 194 p.

Емельянова О. В., Рубанова А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

**ЯЗЫКОВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА BIRDWATCHING
(BIRDING) (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ ЭНН КЛИВЗ)**

Цель настоящей статьи показать, каким образом в тексте художественного произведения отражается один из аспектов человеческой деятельности, а именно популярное в Британии Исследование языковых средств, репрезентирующих процесс BIRDWATCHING (BIRDING), т.е. наблюдения за птицами, позволяет определить два круга видов актуализации. Во-первых, определение общей когнитивной схемы изучаемого процесса через выявление некоторых национальных особенностей мировосприятия английского народа и свойственного ему поведенческого паттерна в исследуемой ситуации. Во-вторых, определение вектора интерпретации модусных отношений, которые формируются на уровне индивидуального взаимодействия человека с окружающим миром. Материалом исследования послужили текстовые фрагменты, отражающие ситуацию наблюдения за птицами, из произведений известной современной британской писательницы Энн Кливз (1954-), которая в своих произведениях отразила своё увлечение орнитологией и наблюдениями за природой Шетландских островов. Метод анализа перцептивной схемы ситуации *birdwatching* связана с реализацией интерпретативной функции, включающей как определение значений языковых единиц в рамках концептуальной схемы восприятия, так и языковую актуализацию этих значений в виде актуализированных модусных концептов, отражающих реакции человека на окружающий мир. Исследование показало, что языковая актуализация зрительного, слухового и обонятельного восприятия, осуществляемая разноуровневыми лингвистическими средствами, способствует передаче особой атмосферы Шетландских островов с их суровой природой и многообразием птиц, которое сделало эти места популярным центром бёрдотчинга.

Ключевые слова: бёрдотчинг, перцепция, интерпретация, зрительная и слуховая картина мира, Энн Кливз, лингвистическая актуализация

Olga Emelianova, Anna Rubanova

St. Petersburg University

**LANGUAGE ACTUALISATION OF VISUAL AND AUDITORY WORLD
PICTURES (BASED OF ANN CLEEVE'S NOVELS)**

The goal of this article is to show how the text of a work of fiction reflects one of the aspects of human activity, namely, popular in Britain The study of linguistic means representing the process of BIRDWATCHING (BIRDING), allows defining two spheres of actualization types. First, the identification of the general cognitive scheme of the process under study through the identification of some national peculiarities of the English people's worldview and their peculiar behavioral pattern in the situation under study. Secondly, defining the interpretation vector of modus relations, which are generated at the level of individual interaction of a person with the surrounding world. The material of the research was text fragments reflecting birdwatching situations from the works of the famous contemporary British writer Ann Cleeves (1954-), who revealed her passion for ornithology and observations of the nature of the Shetland Islands in her works. Text samples corresponding to the semantic scheme of the perceptual situation were selected as research units. The technique of analysis of the studied perceptual scheme is connected with the realization of the

interpretative function, including both the determination of the meanings of linguistic units within the conceptual scheme of perception and the linguistic actualization of these meanings as actualized *modus concepts* reflecting human reactions to the surrounding world.

The study has shown that the linguistic actualization of visual, auditory and olfactory perception, carried out by different-level linguistic means, contributes to conveying the special atmosphere of the Shetland Islands with their harsh nature and diversity of birds, which made these places a popular center of birdwatching

Keywords: birdwatching, perception, interpretation, visual and auditory worldviews, Ann Cleeves, linguistic actualization

В качестве знаковой системы язык обеспечивает жизнеспособность культуры и выступает гарантом существования и сохранения её национальной специфики. Исследование языковых средств, репрезентирующих процесс BIRDWATCHING (BIRDING) – одного из наиболее популярных увлечений англичан. Название процесса «Бердвотчинг» происходит от англ. *birdwatching* – любительская орнитология, изучение птиц невооружённым глазом (или с помощью бинокля и некоторых других устройств) в естественной среде обитания или наблюдение за птицами. Исследование этого процесса позволяет определить некоторые особенности мировосприятия английского народа и свойственный ему поведенческий паттерн в этой ситуации. В этой связи первостепенное значение приобретает понятие языковой картины мира, которое относится к числу фундаментальных понятий для современной когнитивной лингвистики. Оно раскрывает специфику человека и человеческого бытия, определяет взаимоотношения человека с миром. Е. С. Кубрякова под языковой картиной мира понимает «ту часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и преломлена через языковые формы» [Кубрякова, 2003, с.5]. В результате перцептивной и мыслительной деятельности народ категоризирует и закрепляет приобретённые знания о мире в своём языке. Это происходит постоянно, так как никогда не прекращается само познание окружающего мира. Таким образом, языковая деятельность является реакцией на воспринятую и ментально обработанную информацию о мире [Кубрякова, 2009; Болдырев, 2018].

Становление антропоцентрической парадигмы привело к тому, что сейчас существует столько картин окружающей действительности, сколько имеется «призм» мировидения. При этом человек не только смотрит на мир сквозь призму своего собственного опыта, но ещё и учитывает опыт предшествующих поколений. Однако знания всегда порождаются на уровне индивидуального взаимодействия человека с окружающим миром. Любой из его феноменов сначала воспринимается органами чувств (его либо видят, либо слышат, либо ощущают), затем он логически осмысливается, происходит его категоризация. В соответствии с этим выделяются зрительная, слуховая и обонятельно-вкусовая картины мира.

В процессе перцепции именно зрение является главным проводником информации об окружающей действительности, фиксируя как движущиеся предметы, так и те, что находятся в состоянии покоя. Не менее важную функцию выполняет слуховое восприятие, которое в совокупности со зрительным также предоставляет значительную часть сведений о мире. Объектом слухового восприятия является звук. Обонятельные и вкусовые ощущения складываются в единый сенсорный образ, возникающий в процессе синхронного воздействия элементов среды на обонятельные и вкусовые рецепторы. Представляя, какие слуховые, зрительные и обонятельно-вкусовые образы воспринимает человек в окружающем мире, можно воссоздать отдельный фрагмент его картины мира. Все это в значительной степени отражается в языковой репрезентации процесса наблюдения за птицами (*birdwatching/birding*).

Цель данной статьи показать, каким образом в тексте художественного произведения с помощью лингвистических средств актуализируется ситуация восприятия одного из аспектов человеческой деятельности, а именно популярное в Британии «Бёрдвотчинг». Наблюдение за птицами (англ. «birdwatching»: bird – птица, watch – смотреть) — любительская орнитология, изучение птиц невооружённым глазом (или с помощью бинокля и некоторых других устройств) в естественной среде обитания. Стоит отметить, что кроме визуального восприятия в «бёрдвотчинге» слуховое и обонятельное. Как правило, «бёрдвотчинг» рассматривается как хобби, поскольку больше преследует развлекательную, ознакомительную цель, нежели научную. Интересно, что в Шотландии терапевты начали прописывать пациентам с хроническими заболеваниями прогулки, медитацию и наблюдение за птицами (бёрдвотчинг). Уточняется, что «рецепт на прогулку» получают пациенты с психическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями, диабетом и хроническим стрессом. Им будут выдавать брошюры с рекомендуемыми маршрутами, а также названиями птиц, животных и растений, которых можно встретить в их местности. Деятельность орнитологов-любителей строго регламентирована; существует целый Свод правил (Code of behaviour)[<https://simple.wikipedia.org/wiki/Birdwatching>].

Такой вид досуга появился ещё в викторианской Англии и считался увлечением богатых людей. Сам термин birdwatching вошёл в употребление в тридцатые годы двадцатого века. Он активно используется и сейчас [Dooley, 2007; Allison 2018]. Существуют даже целые онлайн-словари, в которых зафиксированы все слова и выражения, относящиеся к бёрдвотчингу: A Birder's Dictionary (электронный ресурс: <https://www.flockingaround.com/post/birding-lingo>). Возрастающая популярность этого занятия напрямую связана с технологическим переворотом и увеличивающимся производством средств дистанционного наблюдения. С помощью биноклей и подзорных труб, а позднее фото- и видеокамер стало возможным наблюдать за птицами издалека. Современные технологии позволяют фиксировать свои встречи с пернатыми. Существует особый календарь, определяющий деятельность как профессиональных орнитологов, так и любителей [Афанасьев, Гончарова, Ибрагимов, Солнцева, 2021].

Материалом исследования актуализации ситуации бёрдвотчинга в английской лингвокультуре послужили фрагменты текстов, представленные в произведениях британской писательницы Энн Кливз (1954-), известной своим увлечением орнитологией и природой Шетландских островов. В качестве единицы анализа в исследовании используется семантическая ситуация бёрдвотчинга, отвечающая следующей когнитивно-семантической схеме: экспериенцер (одушевлённое лицо, воспринимающее зрительную, звуковую или информацию) – предикат – перцептив (объект восприятия). Выделив соответствующие фрагменты текста, отвечающие данной схеме, удалось установить набор типов актуализации ситуации бёрдвотчинга.

Первый вид актуализации касается дескриптивных предикатов, которые отражают описание места действия; при этом регулярно упоминаются самые разные птицы и следы их жизнедеятельности: (1) *She opened her eyes to see a grey cliff ahead of them. It was close enough for her to make out the white streaks of bird muck and last season's nests* (Cleaves 1, 1).

С наступлением сентября на Шетландские острова – самый удаленный архипелаг Великобритании – съезжаются многие бёрдвотчеры, так как именно в этом месяце наблюдается пик миграции пернатых. Кроме того, существует вероятность того, что новые виды птиц, в том числе и редко встречающиеся, появятся на острове вместе с восточными ветрами. Актуализация ситуации связывается со сменой вида деятельности людей. Чтобы отслеживать миграцию, учёные постоянно подсчитывают количество птиц, наблюдают за ними: (2) *In fact, Angela was the scientist. She was the one who climbed down the cliffs to ring fulmars and guillemots, she took the Zodiac out to count seabird numbers* (Cleaves 1, 11). Тексты романов Э. Кливз насыщены названиями пернатых, описываются и методы работы орнитологов: (3) *She started by studying black grouse then transferred her interest to upland*

wading birds like curlew and snipe. When she met Peter she was devising **a system for counting them accurately** (Cleeves 1, 24).

Визуальная картина мира строится главным образом вокруг предиката зрительного восприятия. Как правило, слева от него располагается субъект (наблюдатель), а справа – объект наблюдения (птица или что-либо связанное с ней в окружающей ситуации): (4) *Walking down the road towards the crofts Dougie **saw nothing but a couple of meadow pipits being blown over the double dyke trap and a hooded crow close to the cliff, but he felt his mood lighten*** (Cleeves 1, 81). (одушевленный участник ситуации, воспринимающий зрительную, слуховую и т.п. В исследованном материале актуализованный предикат представлен как правило глаголом to see, а также глаголами to watch, to glance, to look и др. В ряде примеров наблюдается сразу несколько маркеров зрительного восприятия, что позволяет автору выразительно представить фрагмент зрительной картины мира: (5) *Perez **looked out over the blustery water. The air was so clear that he could see** Shetland mainland, the outline quite sharp on the horizon, the first time **it had been visible** since they'd arrived on the island. He found **the sight reassuring, a connection at last with the outside world***» (Cleeves 1, 150).

Для актуализации восприятия звуковой картины мира используются такие глаголы как hear, listen, perceive и др. В случае описания ситуации восприятия неречевой информации объектная позиция может быть заполнена общими обозначениями звука, например, sound (звук), noise (шум); обозначением источника звука: (6) *Rosie stopped. Without the noise of their footsteps they **could hear the tide dragging back the shingle*** (Cleeves 2, 154). Природные звуки постоянно окружают обитателей островов и оказывают на них сильное эмоциональное воздействие: (7) *It had stopped raining, but Fran thought the gale was even stronger. **The noise of it penetrated the thick walls of the house, a constant whining that stretched her nerves, made her even more tense than she would have been anyway*** (Cleeves 1, 17).

Совокупность ощущений – зрительных и звуковых – способствует разностороннему восприятию окружающей среды: (8) *They **heard the waves breaking on the rocks, could see the spray like a giant's spit blown above the cliff*** (Cleeves 1, 12). Многие отрывки, репрезентирующие зрительную и звуковую картины мира, демонстрируют значимость погодных условий, в частности направления ветра, для специалистов и любителей, осуществляющих бёрдвотчинг: (9) *The wind caught the heavy outside door and it began to bang. The storm must have changed direction. **Still westerly, which the birdwatchers hated, but with some north in it*** (Cleeves 1, 39). Общая картина нередко дополняется ольфакторными ощущениями, передающими специфику времени года, что также имеет непосредственное отношение к наблюдаемым бёрдвотчерами миграциям птиц: (10) *It was October and the light was going. **A smell of wood-smoke and ice. Most of the trees were already bare and the whooper swans had come back to the lough*** (Cleeves 3, 144).

Сам процесс наблюдения за поведением пернатых в романах Кливз представлен ярко и выразительно; это достигается за счет широкого использования глаголов динамики действия: (11) *He turned for a last look at the swan. **It stretched its wings, ran over the water to take off and sailed into the air. He expected it to circle and return to the water. It had done that a number of times since it had settled on Golden Water. But it flew high into the air and disappeared to the north. The birders fell silent and watched it until it was out of sight. They knew it wouldn't return now*** (Cleeves 1, 256). Даже весьма статичные по сути эпизоды полны тонких деталей, позволяющих лучше прочувствовать атмосферу взаимодействия с птицами: (12) *Alex Barton was filling the bird feeders below the terrace, but was so concentrated on the task that he didn't notice her. She watched for a moment and saw how tame the small birds had become. They sat on the table within inches of him, apparently unconcerned by his presence, and a robin perched on the wooden strut that held the narrow cage of feed.* (Cleeves 3, 77-78).

Что касается деятельности непосредственно бёрдвотчеров, то на страницах романов Энн Кливз этот small world, как говорят об этом сообществе разные персонажи, показан с

самых разных сторон. Населяющие его люди живут по особым правилам, многие процессы жестко регламентированы. В этом случае разнообразие деятельности людей связывается с актуализацией предикатов, которые сопровождаются модусными концептами, возникающими и как результат восприятия мира, и как конкретная реакция на окружающий мир. [Болдырев, 2018, с.265-266]. Всегда существуют разные отношения к делу- кто-то занимается любимым делом «из спортивного интереса», не преследуя никаких меркантильных целей, а кто-то стремится извлечь материальную выгоду и воспользоваться полученными средствами для продолжения своей деятельности: (13) *He attached his digital camera to his telescope and took photographs of the swan. The image stabilizers factored out the windshake. These would be good, clear photographs and there'd be a market for them in birding magazines. He'd make enough in fees for another trip to the island* (Cleeves 1, 286). Здесь важно не опоздать и опередить других бёрдвотчеров, успеть официально зафиксировать свое открытие: (14) *Would the bird be devalued if it was seen by more people? He thought he was pleased. The worst scenario would be for it to fly on to Shetland mainland, where the birders would see it without having to make the pilgrimage to the Isle* (Cleeves 1, 124). Обнаружение редких или ранее вообще не встречавшихся в конкретной местности птиц расценивается как огромный успех: (14) *Sarah seemed mystified by the desperation of the chase but John was as excited as they were. "To be in on a bird like this," he said. "It's every lister's dream"* (Cleeves 1, 85). Ср. также: (15) *Sometimes you see a bird and you just know! Like, that it's the best bird you'll ever find in your life, the thing you'll be remembered for* (Cleeves 1, 101). Даже если речь не идет о материальной стороне, многие бёрдвотчеры жаждут признания, хотят прославиться; не случайно существительное *ambitions* и его производные так часто встречаются на страницах романов Кливз: (16) *Hugh was ambitious, sharp, a brilliant birder for someone so young* (Cleeves 1, 53); иногда эти амбиции приводят к трагическим последствиям: *Now, he thought her ambition to run Fair Isle Field Centre had killed her* (Cleeves 1, 79). Отличительной чертой модусов является инферентность, т.е. наличие некоторого выводного знания для формирования необходимого смысла. [Болдырев, 2018, с.266]

Конкуренция в среде бёрдвотчеров настолько велика, что некоторые люди готовы пойти на преступление, чтобы реализовать свои амбиции; так, один из наиболее фанатичных персонажей признается себе: (17) *I'd kill to find a bird like this!* (Cleeves 1, 84). К счастью, до убийства дело доходит редко, но обман, мошенничество, кража чужих открытий – вполне обычное дело: (18) *It was lies. She didn't find it. The fame, the money, the reputation as a great scientist, it was all built on a lie. She stole another man's research*' (Cleeves 1, 332).

Актуализация состояния одержимости достаточно часто встречается в ситуации бёрдвотчинга. *Obsession, obsessed* – вот слова, которыми местные жители характеризуют постоянно прибывающих на их остров бёрдвотчеров: (19) *"This time of year it's taken over by birdwatchers. Sometimes the Isle seems full of people with binoculars and telescopes chasing rare birds."* Perez paused. *"They're kind of obsessed"* (Cleeves 1, 20). Ср. также: (20) *They're all obsessive, these birdwatchers, and the scientists even more so* (Cleeves 1, 344). Такое, казалось бы, безобидное увлечение как наблюдение за птицами сопровождается яркими эмоциями и навязчивыми состояниями.

Зависть, ревность, жестокие обиды и жажда мести толкают профессиональных бёрдвотчеров на самые неприглядные поступки и даже преступную деятельность. Так, например, один из персонажей романа долгие годы похищал из гнезд яйца редких птиц и продавал их коллекционерам, прекрасно зная об их нелегальном происхождении: (21) *Her father had been an inveterate and compulsive stealer of birds' eggs. Not in the way that a schoolchild might be. For him it was an obsession and a business. It had funded his retirement. She had come to realize, as a child, that she was there as a cover. At dangerous sites, protected by wardens and electric fences, he had even sent her in to steal the eggs* (Cleeves 4, 179). Актуализация отрицательного смысла с помощью существительного *obsession* также может быть отнесена к модусной категории. *Obsession – a term used to describe an intense and often*

irrational fixation on a particular person, object, or activity. It is characterized by a persistent and overwhelming preoccupation with the subject of one's obsession, often to the detriment of other aspects of life (<https://www.fastslang.com/obsession>). Страсть и одержимость – те состояния, которые составляют единый отрицательный смысл подчинённости проживаемой ситуации и сужению интересов людей, вовлечённых в этот вид деятельности: (22) *Their joint passion had been for their illicit collections, for the secret obsession which took them out onto the hills before dawn to deprive birds of their young, leaving the nests empty and cold. They had shared the secret excitement* (Cleeves 4, 180).

Модус инферентной актуализации, т.е. актуализации через выводное выводного знание, связан с индивидуальной интерпретацией. Часто человек создаёт своё видение и понимание ситуации. Например, при оценке лежащей на столе мёртвой птицы, из которой будет сделано чучело, отмечается два противоположных модуса интерпретации: (23) *On the table, spread with plastic sheeting, his hand up the backside of some dead bird, preparing to stuff it, his eyes narrowed in concentration. That smell of dead flesh and chemicals. 'Taxidermy. Art and science combined,' he'd say. And theft. And murder. Because he'd taken rare birds from the wild, killed them to the order of collectors as barking mad as he was* (Cleeves 4, 181). Для отца таксидермия – это искусство и наука, а для дочери – грабёж и убийство; так по-разному они оценивают это занятие на потребу одержимых коллекционеров.

Таким образом, исследование показало, что представление ситуации наблюдения за птицами (бёрдвотчинг) популярного среди англичан позволяет выявить различные лингвистические средства актуализации когнитивной модели восприятия. Основные два типа актуализации, а именно 1) языковая актуализация зрительного, слухового и обонятельного восприятия, осуществляемая разноуровневыми лингвистическими средствами с преобладанием предикатных номинаций и 2) актуализация модусных компонентов, представляющих собой оценочные интерпретации, сопровождающие перцептивную схему. Оба типа актуализации способствуют передаче особой атмосферы Шетландских островов с их суровой природой и многообразием птиц, которое сделало эти места популярным центром бёрдвотчинга.

Литература

- Афанасьев О. Е., Гончарова О. В., Ибрагимов Э. Э., Солнцева О. Г. Бёрдвотчинг и авитуризм как направление природоориентированного туризма: проблемы терминологии, формы и практики организации // Современные проблемы сервиса и туризма. 2021. Т.15. №2. С. 93–108. DOI: 10.24412/1995-0411-2021-1-93-108.
- Кубрякова Е. С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2003. № 4 (38). С. 2-12
- Кубрякова Е. С. О соотношении языка и действительности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. №1. С.5-12
- Allinson T. State of the world's birds: taking the pulse of the planet. Birdlife. Cambridge, 2018.
- Dooley S. Anoraks to Zitting Cisticola: a whole lot of stuff about birdwatching. Allen & Unwin, Crows Nest, 2007.

Интернет-источник

<https://simple.wikipedia.org/wiki/Birdwatching> (дата обращения 14.09.2024)

Источники примеров

- Cleeves 1 – Ann Cleeves. Blue Lightning. Pan Books, 2010
- Cleeves 2 – Ann Cleeves. The Sleeping and the Dead. Pan Books, 2013
- Cleeves 3 – Ann Cleeves. The Glass Room. Pan Books, 2017
- Cleeves 4 – Ann Cleeves. The Crow Trap. 2020

References

- Afanas'yev O. E., Goncharova O. V., Ibragimova E. E., Solntseva O. G. Birdwatching i aviturism kak napravleniyeprorodoorientirovannogo turisma: problem terminologii, formy i praktiki organizatsii// Sovremennyye problem servisa i turizma .2021. T.15. №2. C. 93–108. DOI: 10.24412/1995-0411-2021-1-93-108.
- Boldyrev N. N. Yazyk iSistema znaniy. Kognitivnaya terija yazyka]. Moscow, 2018. 480 pp
- Kubryakova E. S. Yazy'kovaya kartina mira kak osoby'j sposob reprezentacii obraza mira v soznanii cheloveka // Vestnik ChGPU im. I. Ya. Yakovleva. 2003. № 4 (38). S. 2-12
- Kubryakova E. S. O sootnosheniye yazyka i deistvitel'nosti // Voprosy kognitivnoy lingvistiki 2009. № 1 (38). S. 1-12.
- Allinson T. State of the world's birds: taking the pulse of the planet. Birdlife. Cambridge, 2018.
- Dooley S. Anoraks to Zitting Cisticola: a whole lot of stuff about birdwatching. Allen & Unwin, Crows Nest, 2007.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В РОССИЙСКОЙ МОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Целью настоящей статьи является рассмотрение факторов, определивших включение французского языка в морские словари, изданные в России в XVIII-XIX вв. Сравнительный метод применяется как к использованию разных языков внутри словаря, так и к словарям в целом. Во-первых, рассматриваются прикижные словари, составленные переводчиками и сопровождающие переводные публикации. Во-вторых, анализируются двуязычные издания, в том числе переведенные с французского языка. В-третьих, выявлено, что французский язык используется в многоязычных словарях (особенно трехязычных, где задействованы английский, французский и русский языки). Как показывают результаты исследования, среди факторов, определяющих использование французского языка, – его важная роль языка в международной коммуникации, использование составителями франкоязычных и многоязычных источников, языковое «коллекционирование» (т.е. создание многоязычных реестров слов), преемственность между составляемыми в России словарями.

Ключевые слова: морская лексикография, морской словарь, прикижный словарь, многоязычный словарь, французский язык.

Aleksandra Epimakhova
Northern (Arctic) Federal University

FRENCH LANGUAGE IN RUSSIAN NAVAL LEXICOGRAPHY

Despite the fact that English and Dutch formed the basis of Russian sea terminology, French is widely represented in naval dictionaries. This paper aims at the analysis of naval dictionaries published in Russia in the XVIII-XIX centuries which involve the French language. Comparison between language material within the dictionaries and comparison of different dictionaries is used as the main research method. Firstly, these are dictionaries attached to the translations of French specialised literature. They were compiled by translators for the use of non-specialists. Secondly, these are bilingual publications, including those translated from French. Thirdly, French is used in multilingual dictionaries (especially trilingual ones, where English, French and Russian are involved). The results show that among the factors determining the use of the French language are its role in international communication, the use of French and multilingual sources in translated or newly compiled dictionaries, interest for multilingual linguistic resources, continuity between dictionaries published in Russia.

Keywords: naval lexicography, naval dictionary, sea dictionary, book dictionary, multilingual dictionary, French language

Несмотря на то, что в основу российской морской терминологии легли английский и голландский языки, французский широко представлен в словарях XVIII-XIX вв., особенно многоязычных. Цель настоящей статьи – рассмотреть факторы, определившие включение французского языка в морские словари, изданные в России в указанный период.

Появление особых лексических единиц, необходимых для обозначения определенных видов деятельности, инструментов и т.п., связано с появлением самих профессий. В языках народов, занимавшихся мореплаванием, сформировалась специальная терминология, об истории которой современный исследователь может узнать благодаря рукописным и печатным источникам. Разумеется, устное существование специального языка на ранних этапах остается за рамками доступного для исследований материала. Так, рассматривая русские заимствованные кораблестроительные термины, И. К. Сморгонский начинает отсчет с X в. [Сморгонский, 1936, с. 3]. На территории Франции существование морского языка, отличающегося специальной лексикой, фиксируется благодаря старофранцузским рукописям XII в.; однако известен составленный в Англии в X в. глоссарий к тексту – небольшой список латинских морских терминов с переводом на французский язык [Ridel, 2015, p. 1, 5].

В дальнейшем специальные единицы, используемые в различных сферах, связанных с мореплаванием, зафиксированы в глоссариях и словарях, составленных представителями морских профессий.

Перевод с французского языка и прикнижные словари

Появление в России XVIII в. ряда прикнижных словарей связано с переводом книг с французского языка.

В 1764 г. опубликован перевод книги «Искусство военных флотов, или сочинение о морских эволюциях...» П. Госта, выполненный И. Л. Голенищевым-Кутузовым, который сопровождается «толкованием некоторых слов» (около 30 слов и выражений). В 1774 г. вышел из печати перевод Н. Г. Курганова «Наука морская, сиречь опыт о теории и практике управления кораблем и флотом военным...»; в книге напечатан также «Словарь морской, то есть изъяснение некоторых иностранных слов, а больше голландских, в сей книге упоминаемых и употребляемых в российском флоте» (объявление порядка 900 слов). В 1788 г. напечатан перевод книги Н. Н. Озанна «Военный мореплаватель, или Собрание разных на войне употребляемых судов с показанием, каким образом военные флоты должны поступать быть устрояемы для сражения, также для атаки неприятельских или защищения своих портов», выполненный адмиралом Г. Г. Кушелевым, который сопровождают небольшой словарь «Изъяснение некоторых главных названий, употребляемых в мореплавании: то есть, что значит военный флот, эскадра и проч.», изначально включенный в оригинал, и составленное переводчиком «Собрание морских слов» (приблизительно 700 слов и выражений на русском языке с их толкованиями) [Кауфман, 1961, с. 188, 191, 193].

В это время перевод и создание словарей с нуля вряд ли могли быть выполнены кем-то, кроме профессионалов, обладавших знаниями в предметной области. Например, перевод книги «Искусство военных флотов, или сочинение о морских эволюциях...» был изначально выполнен другим, «не морским» переводчиком; однако И. Л. Голенищев-Кутузов, которому поручили исправление текста, пришел к выводу, что проще выполнить перевод с нуля [Гост, 1764, с.3]. Н. Г. Курганов подчеркивает непонятность морской терминологии для неспециалистов: «положил я в конец книги Словарь морской, в котором старался подать почти о всех морских названий ясное понятие в рассуждении их употребления и действия, дабы учинить их сколько можно и не морским людям понятными» [Бурде де Вильгюе, 1774] (цитаты приводятся в статье в современном написании – А. Е.).

Франкоязычные публикации стали, таким образом, источником для создания толковых прикнижных словарей на русском языке.

Двуязычные французско-русские словари

Далее рассмотрим словари, опубликованные как отдельные издания. Двуязычных французско-русских словарей, изданных в XVIII-XIX вв. немного.

Прежде всего, отметим Переводы из Энциклопедии (1767 г.). Это перевод примерно 140 единиц из XVI тома французской «Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné...», которые сопровождаются пояснениями на русском языке или русскоязычными эквивалентами [Тома шестагонадесять надлежащее до мореплавания, 1767]. Это морские термины по темам «части и оснастка судна», «парусное вооружение», «погода», а также глаголы, относящиеся к управлению судном, команды и пр.

В 1859 г. Ученым комитетом Российского морского флота составлен Русско-французский словарь терминов морского парового флота (Vocabulaire russe-français des termes de la marine a vapeur) [Кауфман, 1961, с. 209]. Он содержит примерно 2000 терминов в сфере судостроения, судоремонта и эксплуатации судов.

В 1894-97 гг. опубликован Французско-русский и русско-французский морской словарь Н. И. Козлова, а также прибавление к нему. В словарь входит терминология морского дела, минного дела, морской артиллерии, механики, кораблестроения, морской электротехники и др. наук. Как отмечается в предисловии, главная трудность состояла в том, чтобы подобрать соответствия к выявленной французской терминологии [Козлов, 1895].

Французский язык и многоязычные словари

Французский – это не только язык изданий по морской тематике, которые систематически переводились на русский язык, но и язык словарей, которые использовались как источники.

Наряду с английским и русским он является одним из языков трехязычного морского словаря А. С. Шишкова [Шишков, 1795], первого российского терминологического словаря. Этот словарь также изначально связан с переводом, поскольку в основу положены два зарубежных словаря: англо-французский словарь морских терминов Д. Лескалье и французский толковый словарь Ш. Ромма, которые были существенно переработаны А. С. Шишковым; при составлении словаря он также опирался на опыт собственного перевода книги «Морское искусство» Ш. Ромма, изданного в 1787 г. [Таунсенд, 2018, с. 173, 177].

В дальнейшем французский язык включается в другие трехязычные словари. Это Словарь морских слов и речений с английского на французский и русский языки А. Н. Бутакова (1837), Словарь морских слов и речений парусного и парового флота В. К. Шульца (1853), Морской технический словарь А. М. Энгеля (фактически опубликованная первая англо-французско-русская часть, 1863), Краткий морской словарь для любителей морского дела и Объяснительный морской словарь В. В. Вахтина (1874, 1894), Карманный русско-англо-французский морской словарь А. А. Де-Ливрона (1893).

А. Н. Бутаков в предисловии не объясняет выбор французского языка, но отмечает, что при работе опирался на собственный опыт («многие выражения я узнал и пополнил с дела» [Бутаков, 1837]; он использовал англоязычные и многоязычные издания. Французские соответствия приводятся в скобках после заглавного слова на английском языке и перед соответствием / пояснением на русском языке. Словарь морских слов и речений с английского на французский и русский языки был первой частью, в дальнейшем А. Н. Бутаков предполагал «если благосклонное принятие нынешнего моего труда покажет, что я угодил моим товарищам и друзьям, и что я трудился не напрасно» [Бутаков, 1837] создать вторую часть словаря с французского на русский и английский языки, а затем третью часть с русского на английский и французский языки, что не было реализовано.

В. К. Шульц, понимая, что более ранние словари устарели в связи с техническим прогрессом (появление и распространение пароходов) создает новый трехязычный словарь из трех частей. Первая – французская с переводом на английский и русский языки. В предисловии он приводит список источников. За основу взят морской лексикон Бонёфу и Пари, а также использованы 17 других изданий, три из которых – франкоязычные, и многие содержат соответствия на французском языке [Шульц, 1853, с. V-VI]. В словаре материал расположен в два столбца: первый содержит соответствия на французском и английском языках, второй – их перевод / пояснение на русском языке.

Старший переводчик Морского ученого комитета А. М. Энгель начинает свой восьмизязычный словарь с тех же трех языков (в итоге издана только эта первая часть). В качестве источников он, прежде всего, использует упомянутые выше трехязычные словари, иные словари, Свод Рено и др. [Энгель, 1863, с. II]. В словаре соответствия на французском языке находятся в среднем из трех столбцов (первый столбец содержит соответствия на английском. Третий – на русском языке).

В. В. Вахтин, создавая словарь-толкователь на русском языке [Вахтин, 1894], дополняет многие словарные статьи соответствиями на французском и английском языках

Словарь А. А. Де-Ливрона создан на основе французской книги «Termes nautiques» капитана Порнена путем добавления первого столбца с соответствиями на русском языке [Де-Ливрон, 1893].

В русской морской лексикографии XVIII-XIX вв. прослеживается тенденция к выбору 3 основных языков: английского, французского и русского. В основном в качестве исходного языка в словаре использовался один из иностранных языков, что позволяло использовать их при чтении и переводе зарубежной литературы.

Также имела место преемственность, когда составитель следующего трехязычного словаря опирался на изданные ранее источники, где задействованы английский, французский и русский языки.

Кроме того, французский язык входит в многоязычные словари: «Карманный русско-английско-французско-немецко-итальянско-датско и норвежско-шведско-латышский морской словарь с прибавлением голландского и испанского языков ... в главе о товароведении и со многими приложениями» [Карманный ... словарь, 1881] и семизязычный Краткий морской словарь, составленный бароном Гейкинг (русский, немецкий, латышский, шведский, английский, французский и эстонский) [Гейкинг, 190-?]. В обоих словарях, как и в указанном словаре А. А. Де-Ливрона, материал распределен по темам и напечатан в столбцах, первый из которых – на русском языке.

Интересно, что создание многоязычных словарей в России отмечалось в XVIII в. вместе с интересом к переводной лексикографии и «коллекционированию» языков, составлению многоязычных регистров слов. В это время количество опубликованных многоязычных словарей примерно равно количеству двуязычных [Якимович, 1985, с. 53, Биржакова, 2010, с. 14-19]. Однако для морских словарей многоязычие свойственно именно в XIX в. Возможно, это связано с накоплением материала, наличием большого количества источников на разных языках. То же явление отмечается и для французских словарей XIX в., в том числе в связи с тем, что словарь начинает восприниматься как коммерческий продукт [Ridel, 2015, p. 11].

Всплеск интереса к многоязычным изданиям сменится в XX в. к сокращению количества задействованных языков, а также более узкой специализации тематики [Епимахова 2023, с. 64].

Несмотря на то, что в русской морской лексикографии значительное место занимает английский язык [Епимахова, 2022] и со временем его позиции только укреплялись,

французский язык в XVIII-XIX вв. сохраняет важные позиции благодаря роли французского языка в международной коммуникации и издаваемым на этом языке морским книгам и словарям, а также наблюдавшейся в России преемственности между изданиями.

Литература

- Биржакова Е. Э. Русская лексикография XVIII века. СПб: Нестор-История, 2010. 212 с.
- Бурде де Вильгюе Ж. Наука морская, сиречь опыт о теории и практике управлении кораблем и флотом военным, что с французской книги перевел и с присовокуплением к тому многих потребных изъяснений и действ издал Николай Курганов. СПб: при имп. Акад. Наук, 1774. 432 с.
- Бутаков А. Словарь морских слов и речений, с английского на французский и русский языки. СПб: тип. И. Глазунова и К°, 1837. 526 с.
- Вахтин В. В. Объяснительный морской словарь. СПб: Н. Г. Мартынов, 1894, 390 с.
- Гейкинг А. А. Краткий морской словарь на русском, немецком, латышском, шведском, английском, французском и эстонском языках, составленный российским консулом в Ньюкастле-на-Тайне бароном [А. А.] Гейкинг по поручению Отдела торгового мореплавания М-ва торг. и пром. Лейпциг : тип. Ю. Клинкгардт, [190-?]. 47 с.
- Гост П. Искусство военных флотов или Сочинение о морских эволюциях, содержащее полезные правила для флагманов, капитанов и офицеров с приобщением примеров взятых из знатнейших происшествий на море за пятьдесят лет. СПб: Типография Морского Шляхетного Кадетского Корпуса, 1796. 278 с.
- Де-Ливрон А. А. Карманный русско-англо-французский морской словарь. По книжке Е. Рогпат («Termes Nautiques»). СПб: тип. Мор. м-ва, 1893. 80 с.
- Епимахова А. С. К истории морской лексикографии: основные темы и направления (английский и русский языки) // Развитие Северо-Арктического региона: вопросы сохранения культурного наследия народов Арктики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Л. Ю. Щипицина. Архангельск: САФУ имени М. В. Ломоносова, 2022. С. 249-255.
- Епимахова А. С. Эволюция морской переводной лексикографии: от многоязычных словарей к двуязычным // II Научные чтения памяти профессора В. П. Беркова: сборник материалов, 15–16 октября 2022 г. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. 240 с.
- Карманный русско-английско-французско-немецко-итальянско-датско и норвежско-шведско-латышский морской словарь с прибавлением голландского и испанского языков на стр. 54-111 в главе о товароведении и со многими приложениями. М.: Тип. бывш. А. В. Кудрявцевой, 1881. 301 с.
- Кауфман И. М. Терминологические словари: Библиография. М.: Сов. Россия, 1961. 419 с.
- Козлов Н. И. Французско-русский и русско-французский словарь. СПб: Ф. В. Щепанский, 1895. 262, 262 с.
- Сморгонский И. Кораблестроительные и некоторые морские термины нерусского происхождения. Л.: Издательство АН СССР, 1936. 158 с.
- Таунсенд К. И. «Трехязычный морской словарь» А. С. Шишкова в контексте истории перевода // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 8 (799). С. 164-180.
- Тома шестагонадесят надлежащее до мореплавания // Переводы из Энциклопедии. Ч.3. Переводы из Энциклопедии. Ч. 3. М.: тип. имп. Моск. ун-та, 1767. С. 111-126.
- Шишков А. С. Трехязычный морской словарь на английском, французском и российском языках : в 3 ч. / собр. и объяснил Александр Шишков. - СПб: тип. Морск. шляхет. кадетск. корпуса, 1795. VIII, 84, 169, 41 с.
- Шульц В. К. Словарь морских слов и речений парусного и пароходного флота. Часть французская. СПб, Тип. имп. Акад. наук, 1853. 316 с.
- Энгель А. М. Морской технический словарь. Часть I англо-французско-русская. СПб: типография Морского адмиралтейства, 1863. 584 с.
- Якимович Ю. К. Деятели русской культуры и словарное дело. М.: Наука, 1985. 160 с.

Ridel E. DicoMarine - Introduction : Les dictionnaires de marine : des outils linguistiques au service des marins ?. 2015. URL: hal-01206813 <https://hal.science/hal-01206813v1/file/DicoMarine-Introduction.pdf>

References

- Birzhakova E. E. Russkaya leksikografiya XVIII veka. SPb.: Nestor-Istoriya, 2010. 212 s.
- Burde de Vil'gyue ZH. Nauka morskaya, sirech' opyt o teorii i praktike upravlenii korablem i flotom voennym, chto s francuzskoj knigi perevel i s prisovokupleniem k tomu mnogih potrebnih iz'yasnenij i dejstv izdal Nikolaj Kurganov. SPb.: pri imp. Akad. Nauk, 1774. 432 s.
- Butakov A. Slovar' morskikh slov i rechenij, s anglijskogo na francuzskij i russkij yazyki. SPb.: tip. I. Glazunova i K^o, 1837. 526 s.
- Vahtin V. V. Ob'yasnitel'nyj morskoy slovar'. SPb.: N. G. Martynov, 1894. 390 s.
- Gejking A. A. Kratkiy morskoy slovar' na russkom, nemeckom, latyshskom, shvedskom, anglijskom, francuzskom i estonskom yazykah, sostavlennoy rossijskim konsulom v N'yukastle-na-Tajne baronom [A. A.] Gejking po porucheniyu Otdela trgovogo moreplavaniya M-va torg. i prom. Lejpcig : tip. YU. Klinkgardt, [190-?]. 47 s.
- Gost P. Iskustvo voennykh flotov ili Sochinenie o morskikh evolyuciyah, coderzhashchee poleznyya pravila dlya flagmanov, kapitanov i oficerov s priobshcheniem primerov vzyatykh iz znatnejshih proizshestvij na more za pyatdesyat let. SPb.: Tipografiya Morskogo SHlyahetnogo Kadetskogo Korpusa, 1796. 278 s.
- De-Livron A. A. Karmannyj russko-anglo-francuzskij morskoy slovar'. Po knizhke E. Rogpat («Termes Nautiques»). SPb.: tip. Mor. m-va, 1893. 80 s.
- Epimahova A. S. K istorii morskoy leksikografii: osnovnye temy i napravleniya (anglijskij i russkij yazyki) // Razvitie Severo-Arkticheskogo regiona: voprosy sohraneniya kul'turnogo naslediya narodov Arktiki. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / otv. red. L. YU. SHChipicina. Arhangel'sk: SAFU imeni M. V. Lomonosova, 2022. S. 249-255.
- Epimahova A. S. Evolyuciya morskoy perevodnoj leksikografii: ot mnogoyazychnykh slovarej k dvuyazychnym // II Nauchnye chteniya pamyati professora V. P. Berkova: sbornik materialov, 15–16 oktyabrya 2022 g. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2023. 240 s.
- Karmannyj russko-anglijsko-francuzsko-nemecko-ital'yansko-datsko i norvezhsko-shvedsko-latyshskij morskoy slovar' s pribavleniem gollandskogo i ispanskogo yazykov na str. 54-111 v glave o tovarovedenii i so mnogimi prilozheniyami. M.: Tip. byvsh. A. V. Kudryavcevoj, 1881. 301 s.
- Kaufman I. M. Terminologicheskie slovari: Bibliografiya. M.: Sov. Rossiya, 1961. 419 s.
- Kozlov N. I. Francuzsko-russkij i russko-francuzskij slovar'. SPb.: F. V. SHCHepanskij, 1895. 262, 262 s.
- Smorgonskij I. Korablestroitel'nye i nekotorye morskije terminy nerusskogo proiskhozhdeniya. L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1936. 158 c.
- Taunzend K. I. «Treyazychnyj morskoy slovar'» A. S. SHishkova v kontekste istorii perevoda // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2018. Vyp. 8 (799). S. 164-180.
- Toma shestagonadesyat' nadlezhashchee do moreplavaniya // Perevody iz Enciklopedii. CH.3. Perevody iz Enciklopedii. CH. 3. M.: tip. imp. Mosk, un-ta, 1767. S. 111-126.
- Shishkov A. S. Treyazychnyj morskoy slovar' na anglijskom, francuzskom i rossijskom yazykah : v 3 ch. / sobr. i ob'yasnil Aleksandr SHishkov. - SPb.: tip. Morsk. shlyahet. kadetsk. korpusa, 1795. VIII, 84, 169, 41 s.
- Shul'c V. K. Slovar' morskikh slov i rechenij parusnogo i parohodnogo flota. CHast' francuzskaya. SPb., Tip. imp. Akad. nauk, 1853. 316 s.
- Engel' A. M. Morskoy tekhnicheskij slovar'. CHast' I anglo-francuzsko-russkaya. SPb.: tipografiya Morskogo admiralteystva, 1863. 584 s.
- Yakimovich YU. K. Deyateli russkoj kul'tury i slovarnoe delo. M.: Nauka, 1985. 160 s.

Ефимова А. Д.Государственный гуманитарно-технологический университет
Волгоградский государственный университет**БРЕНД КАК ФЕНОМЕН РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА¹**

В данной статье рассматривается заимствование «бренд», репрезентирующее один из важнейших концептов современного рекламного дискурса. На основе анализа собранного корпуса текстов описана специфика его осмысления в русской лингвокультуре; изучено влияние ценностей современного общества, передаваемых через рекламу бренда, на ее особенности. Выявлено, что значимыми характеристиками бренда являются качество, наличие имиджа и ценностей бренда. Установлено, что лексема «бренд» употребляется в рекламных сниппетах и при рекламе товаров, чтобы подчеркнуть данные характеристики. Сделан вывод о том, что вариативность и конкурентность как основные принципы рыночной экономики детерминируют ценности, реализуемые в рекламе бренда, использующей ряд рекламных стратегий, показывающих преимущества бренда перед аналогами. Развлекательность как базовая ценность общества потребления отражается в появлении новых форматов рекламы бренда: фильмов, спектаклей, видеоигр и т.д., а рекламные ролики часто приобретают характеристики художественных кинофильмов.

Ключевые слова: глобализация, заимствование, рекламный дискурс, бренд, имидж, ценность

Anna D. Efimova State University of Humanities and Technology
Volgograd State University**BRAND AS A PHENOMENON OF ADVERTISING DISCOURSE**

This article examines the borrowing “brand”, which represents one of the most important concepts of modern advertising discourse. Based on the analysis of the collected corpus of texts, the specifics of its understanding in Russian linguistic culture is described; the influence of the values of modern society transmitted through brand advertising on its features is studied. It is revealed that the significant characteristics of the brand are quality, the presence of the brand image and values. It has been established that the word “brand” is used in advertising snippets and in advertising products to emphasize these characteristics. It is concluded that variability and competitiveness as the basic principles of a market economy determine the values realized in brand advertising, using a number of advertising strategies that show the advantages of the brand over analogues. Entertainment as a basic value of consumer society is reflected in the emergence of new brand advertising formats: films, plays, video games, etc., and commercials often acquire the characteristics of feature films.

Keywords: globalization, borrowing, advertising discourse, brand, image, value

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00509, <https://rscf.ru/project/23-28-00509>

Введение

Целью данной статьи является изучение особенностей концептуализации заимствования рекламного дискурса «бренд» в русской лингвокультуре.

В процессе исследования решены следующие задачи: рассмотрены основные характеристики рекламного дискурса в условиях глобализации и цифровизации; выделены особенности репрезентации лексемы «бренд» и ее концептуальные признаки в русском рекламном дискурсе; определены ценности общества, которые транслируются через рекламу бренда; выявлено, как данные ценности отражаются в концепции и стратегиях рекламы.

Изучению рекламного дискурса посвящены многочисленные исследования, направленные на рассмотрение его различных аспектов. Одним из перспективных направлений изучения данного типа дискурса является лингвокультурологический подход, в рамках которого описывается отражение в рекламном дискурсе ценностей той или иной культуры, а также изучается воздействие рекламного дискурса на мировоззрение социума [Гаран, 2009], [Киреев, 2008], [Марьина, 2017], [Судина, 2021], [Томская, 2000].

Механизмом, определяющим особенности рекламного дискурса, приобретаемые на том или ином историческом этапе в разных лингвокультурах, является воздействующая функция, которая обуславливает выбор наиболее мощных средств влияния на массовое сознание, позволяющих привлечь покупательскую аудиторию: *«Назначение рекламного дискурса - убедить адресата приобрести товар или воспользоваться определенными услугами»* [Карасик, 2015, с. 111]. Воздействующая функция вместе с базовыми инвариантными ценностями рекламного дискурса «цена», «качество», «экономия» определяет его особенности и нормы.

В постиндустриальном обществе среди важнейших факторов, влияющих на особенности рекламного дискурса, выступают глобализация и цифровизация, определяющие ценностные доминанты общества. Увеличение финансового благополучия, которое стимулирует рост производства и поиск рынка сбыта, влекут за собой постоянную конкуренцию производителей товаров и услуг, которые ищут новые способы воздействия на массовое сознание, формируя сознание потребителя: *«Возрастание роли воздействующей функции, обусловленное интенсивным развитием производства и постоянно растущим количеством рекламных текстов, заставляет рекламодателей и составителей рекламных текстов искать новые ранее не востребуемые способы воздействия»* [Кочетова, 2013, с. 290].

Исследователи выделили основные характеристики англоязычного рекламного дискурса, которые в процессе глобализации восприняты в русскоязычном. Так, Л. А. Кочетова указывает, что одними из наиболее ярких характеристик современного рекламного дискурса стали развлекательность («ориентация на нормы игрового поведения как доминирующего образца современной массовой культуры»), мультимедийность («интеграция текста, статичного и динамичного изображения, звука») и интерактивность («вовлеченность адресатов рекламного дискурса в его реальное осуществление») [Кочетова, 2013, с. 10]. В. И. Карасик отмечает, что увеличение доли развлекательного контента в массово-информационном дискурсе обусловлено борьбой за потребителя в условиях рыночной экономики, а сам рекламный дискурс *«представляет собой поле игрового состязания его авторов <...>. Игровая составляющая является существенной характеристикой массового сознания в эпоху общества потребления, и она задает определенные ценностные ориентиры, поддерживаемые нормами современной западной цивилизации»* [Карасик, 2015, с. 111-112].

Действительно, именно с помощью игры легко и удобно манипулировать общественным сознанием с целью сделать из него идеального потребителя, не способного критически осмысливать информацию: *«И основная направленность манипуляции массовым*

сознанием, которая усиливается с каждым годом и для нового поколения будет особенно актуальной, состоит в том, чтобы люди начали воспринимать жизнь в целом как развлечение, как игру. И в этой игре главным становится потребление – товаров, услуг, развлечений» [Сапа, 2014, с. 29]. Таким образом, рекламный дискурс как один из важнейших видов массово-информационного дискурса направлен на формирование мировоззрения потребителя путем применения развлекательного контента и игровых стратегий в целях получения выгоды, а массмедиа подробно осмысливают, каким образом при наименьших затратах и наибольшей эффективности без ущерба репутации компании этого достигнуть.

Результаты и обсуждение

Бренд является английским заимствованием, выражающим важнейший концепт современного рекламного дискурса, и представляет мощное средство воздействия на современную покупательскую аудиторию, формируя ее вкусы и предпочтения, поскольку, как показывает проведенное исследование, «бренд» в сознании носителей русского языка тесно связан с такими характеристиками, как высокое качество продукта, хорошая репутация, стабильность на рынке и т.д. Так, лексема «бренд» употребляется в рекламных снippetах, например, *«Настоящие Аляски! Российский бренд! Российский бренд знаменитых Алясок. Неубиваемые куртки и стильные Бомберы!»* [Apolloget], тем самым влияя на желание приобрести продукт данной марки. Аутентичность бренда и его качество подчеркивается и усиливается следующими эпитетами: «настоящий», «неубиваемый», «стильный».

Можно увидеть в рекламе продукции словосочетание «бренд № 1», которое подчеркивает идею состоятельности и необходимости занимать верхние позиции, определяющие успех продаж. Данные ценности влияют на поведение бренда во время рекламной кампании. Особенно актуальна идея лидерства для рекламы в интернете, поскольку пользователи смотрят только первые несколько результатов выдачи в поисковой строке. Например, указывается, что для того, чтобы опередить конкурентов, нужно выкупить рекламные места на их сайтах, выгодно показывая достоинства своего продукта.

Каждый бренд транслирует определенные ценности, которые отражаются в его рекламе. Выделяют «имиджевую рекламу», направленную на долгосрочную перспективу, а именно, повышение лояльности к товару, престижа бренда. Создание имиджа бренда является одной из главных целей рекламы бренда. Используются различные слоганы, а также визуальные изображения, которые помогают покупательской аудитории ассоциировать бренд с определенными образами и приписывать продукции те или иные качества: *«Apple — престиж и качество. Gillette — чистота и свежесть. Баунти — райское наслаждение... Да-да, один удачный рекламный слоган из 90-х намертво закрепил ассоциацию с брендом, которая держится в головах вот уже 30 лет. Это имидж? Да, безусловно. Это наши ассоциации, взрощенные грамотными маркетологами»* [Что такое имиджевая реклама]. Данный контекст показывает, что посредством рекламных кампаний в сознании потребителей возникает тщательно созданный имидж, вызывающий приятные ассоциации. Имиджевая реклама воспринимается как необходимый для успешного продвижения продуктов ход, который направлен на привлечение максимального количества покупателей. В соответствии с этой целью имиджевая реклама помимо своих неотъемлемых функций, связанных с продвижением товара, имеет другие функции: самопозиционирование и самопрезентацию – заявить о себе и о продукте, создавая максимально привлекательный образ.

Ценности бренда концептуализируются в рекламном дискурсе как формирующие общественное сознание, определяющие запросы, влияющие на стиль жизни и т.д.: *«Рекламные кампании позволяют сформировать и закрепить в сознании потребителей модели поведения, ценности, привычки, стандарты мышления»* [Что такое реклама]; *«То,*

что связка бренда/продукта/услуги с определенными ценностями — важный пункт, сегодня нельзя отрицать» [Что такое брендовая реклама]. В качестве примера рассмотрим видеоролики рекламы различных брендов, набравшие миллионы просмотров пользователей. Такой становится, например, реклама духов. Данная реклама представляет собой мини-фильм про красивых людей и красивые отношения, с привлекательным сюжетом и ожиданием развязки. Видеоролик стимулирует чувства и эмоции аудитории. Поскольку в рекламе духов основная тема — это романтические отношения, подчеркиваются такие черты в женщине, как уверенность, женственность, привлекательность. Брендовый товар становится средством достижения красивой жизни, духи призваны воздействовать на органы чувств, тем самым помогая воссоздать определенный образ. Реклама грузовиков, описываемая в медийных текстах, создает образ мужественного мужчины, который прошел через различные испытания и сделал себя сам.

В рекламном дискурсе представлено разнообразие слоганов и изображений, выражающих ценности бренда, привлекательные для различных групп населения. Например, в медийных текстах показывается, как создается имидж известных брендов: Raffaello позиционирует ценности романтических отношений, любви и нежности, вследствие чего приобретает ассоциацию с лучшим подарком для любимых; реклама Persi и их слоган «выбор поколения» направлены на популярность у молодежной аудитории; Coca-Cola представляет в рекламе семейные ценности и домашний уют и т.д. Также выявлены ценности дружеских отношений и общения, присутствуют отсылки к гендерно стереотипизированной рекламе, например, мужских товаров (бритва, авто), и женских (духи, сумки, косметика и т.д.), выдвигающей определенные стандарты жизни и подчеркивающей образ личности: «Тут уже другие посылы — мужественность, притягательность для женщин» [Что такое имиджевая реклама]; «Роскошь, богатство, шик, «могу себе позволить» [Что такое имиджевая реклама]; «Зритель видит ее другой, обычной улыбчивой девушкой, с интересом рассматривающей себя в зеркале: без идеального макияжа, одежды и фигуры» [19 самых громких рекламных...]. Немаловажным при создании образа зарубежного бренда становится стремление показать экологичность товара, что освещается иронически в медийных текстах как провокационные и сложнореализуемые проекты: «Как отмечает Альберт Валиуллин, руководитель отдела маркетинговых коммуникаций «Бургер Кинг Россия», экологические инициативы сложно реализовать, ведь часто обвиняются в «гринвошинге» — маркетинговом обмане покупателя относительно экологических свойств товара. Поэтому многие даже не пытаются запускать такие проекты помощи» [19 самых громких рекламных...].

В русскоязычной рекламе делается акцент как на утилитарных гедонистических ценностях, так и на острых социальных проблемах. Подчеркиваются важные для русского человека ценности, которые позиционируются брендами: стабильность (например, реклама Сбербанка); проблема взаимоотношений отцов и детей и другие злободневные семейные вопросы, которые решаются брендом, объединяющим всех, «Вкусно и точка». Проблемы современного общества представлены в социальной рекламе, где бренды предлагают их решение. Так, осмысливается наличие стереотипов о женских и неженских профессиях на основе рекламного проекта «Яндекс.Такси», рассказывающего о женщинах-таксистах и, тем самым, показывающего варианты трудоустройства, выгодные для обеих сторон. Указывается, что бренд готов решить проблемы людей, вызывая теплую эмоциональную реакцию, отклик и поддержку различных социальных слоев: «Несмотря на отсутствие вау-эффекта, видео производит прекрасное впечатление и вызывает поддержку пользователей — общий охват ролика составил больше 7 млн просмотров в интернете» [19 самых громких рекламных...].

Тенденция к яркости, мультимедийности, привлекательности для потребителя приводит к все большей развлекательности рекламного контента, представленного в виде мини-фильмов, социальных проектов и радиоспектаклей, компьютерных игр для детей и

подростков. Так, «Пятерочка» в соответствующей компьютерной игре описывается как «Остров сокровищ», приглашающий молодежь в увлекательное путешествие. Тем самым, романтизируется приобретение товаров, а сам бренд позиционируется как место, где можно приобрести все.

Реклама бренда утрачивает основные характеристики рекламного дискурса и приобретает характеристики других видов дискурса – медийного и художественного, что делает ее максимально близкой для потребителя и запоминающейся. Кроме того, в связи с обилием рекламы, мешающей пользователю сосредоточиться и воспринимающей отрицательно, происходит целенаправленная маскировка рекламного контента под другие виды дискурса: *«Продукт не называют на протяжении всего видео, а сам ролик больше похож на сюжетный мини-фильм. Реклама духов появляется только в конце»* [Главное о тизерной рекламе].

Заключение

Таким образом, в процессе исследования выяснено, что лексема «бренд» используется в рекламном дискурсе и в рекламных снippetах с целью подчеркнуть такие характеристики товара, как качество и репутация. Реклама бренда концептуализируется как связанная с созданием имиджа и выражением определенной концепции товара. При конструировании имиджа бренда наблюдается создание с помощью слоганов и визуального ряда образа бренда в рекламе. Реклама бренда отражает ценности общества, такие как развлекательность и конкурентность, приобретает новые способы воздействия на потребительскую аудиторию.

Литература

- Гаран Е. П. Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса: на материале русского и английского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2009. 20 с.
- Карасик В. И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015. 382 с.
- Киреев С. И. Дискурс и концептосфера социальной рекламы: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. Волгоград, 2008. 19 с.
- Кочетова Л. А. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.04. Волгоград, 2013. 438 с.
- Марыина А. В. Функционирование концепта ДОМ в рекламном дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.10. Москва, 2017. 22 с.
- Сапа А. В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 2. С. 24-30.
- Судина В. П. Специфика процесса концептуализации в рекламном дискурсе: на материале радиорекламы: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. Армавир, 2021. 181 с.
- Томская М. В. Оценочность в социальном рекламном дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Москва, 2000. 24 с.

Источники

- 19 самых громких рекламных и PR-кампаний 2023 года. 09.01.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZbMqAGoqZwOABb6F> (дата обращения: 03.08.2024)
- Apolloget. URL: apolloget.ru (дата обращения: 03.08.2024)
- Главное о тизерной рекламе. Что это такое, кому она подходит, где купить и как настроить. 28 июл. 2022. URL: https://skillbox.ru/media/marketing/glavnoe-o-tizernoy-reklame-chto-eto-takoe-komu-ona-podkhodit-gde-kupit-i-kak-nastroit/?utm_source=media&utm_medium=link&utm_campaign=all_all_media_links_link_s_articles_all_all_skillbox (дата обращения: 03.08.2024)

- Что такое брендовая реклама и почему она вам нужна? 19.03.2021. URL: <https://www.bydy.me/ru/blog/2021/03/brand-advertising/> (дата обращения: 03.08.2024)
- Что такое имиджевая реклама, примеры и кому она подойдет года. 21.04.2023. URL: <https://kokoc.com/blog/imidzhevaya-reklama/> (дата обращения: 03.08.2024)
- Что такое реклама: простыми словами об огромной индустрии года. 09.11.2022. URL: <https://skillbox.ru/media/marketing/chto-takoe-reklama-prostymi-slovami-ob-ogromnoy-industrii/> (дата обращения: 03.08.2024)

References

- Garan E. P. Lingvokul'turologicheskie aspekty interpretacii reklamnogo diskursa: na materiale russkogo i anglijskogo jazykov: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk [Linguistic and cultural aspects of the interpretation of advertising discourse: based on the material of the Russian and English languages. Cand. philol. sci. abs. diss]. Rostov-na-Donu, 2009. 20 p.
- Karasik V. I. Jazykovoe projavlenie lichnosti [Linguistic manifestation of personality]. Moscow, Gnosis, 2015. 382 p.
- Kireev S. I. Diskurs i konceptosfera social'noj reklamy: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk [The discourse and conceptual sphere of social advertising. Cand. philol. sci. abs. diss]. Volgograd, 2008. 19 p.
- Kochetova L. A. Anglijskij reklamnyj diskurs v dinamicheskom aspekte: dissertacija ... doktora filologicheskikh nauk [English advertising discourse in a dynamic aspect. Doct. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2013. 438 p.
- Mar'ina A. V. Funkcionirovanie koncepta DOM v reklamnom diskurse: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk [The functioning of the HOUSE concept in the advertising discourse. Cand. philol. sci. diss]. Moscow, 2017. 22 p.
- Sapa A. V. Pokolenija Z – pokolenie jepohi FGOS [Generation Z is the generation of the FGOS era]. Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii. 2014, no 2, pp. 24-30.
- Sudina V. P. Specifika processa konceptualizacii v reklamnom diskurse: na materiale radioreklamy: dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk [The specifics of the conceptualization process in advertising discourse: based on the material of radio advertising. Cand. philol. sci. diss]. Armavir, 2021. 181 p.
- Tomskaja M. V. Ocenочnost' v social'nom reklamnom diskurse: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk [Evaluation in social advertising discourse. Cand. philol. sci. abs. diss]. Moscow, 2000. 24 p.

Sources

- 19 samyh gromkikh reklamnyh i PR-kampanij 2023. 09.01.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZbMqAGoqZwOABb6F> (accessed: 03.08.2024)
- Apolloget. URL: apolloget.ru (accessed: 03.08.2024)
- Glavnoe o tizernoj reklame. Chto jeto takoe, komu ona podhodit, gde kupit' i kak nastroit' goda. 28.07.2022. URL: https://skillbox.ru/media/marketing/glavnoe-o-tizernoy-reklame-chto-eto-takoe-komu-ona-podkhodit-gde-kupit-i-kak-nastroit/?utm_source=media&utm_medium=link&utm_campaign=all_all_media_links_link_s_articles_all_all_skillbox (accessed: 03.08.2024)
- Что такое брендовaja реклама i pochemu ona vam nuzhna? 19.03.2021. URL: <https://www.bydy.me/ru/blog/2021/03/brand-advertising/> (accessed: 03.08.2024)
- Что такое imidzhevaja реклама, primery i komu ona podojdet goda. 21.04.2023. URL: <https://kokoc.com/blog/imidzhevaya-reklama/> (accessed: 03.08.2024)
- Что такое реклама: prostymi slovami ob ogromnoj industrii goda. 09.11.2022. URL: <https://skillbox.ru/media/marketing/chto-takoe-reklama-prostymi-slovami-ob-ogromnoy-industrii/> (accessed: 03.08.2024)

Жемчужникова А. К., Мельницер А. Г.
Санкт-Петербургский государственный университет

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКИХ КРАЙНЕ-ПРАВЫХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ

Статья исследует язык неологизмов, используемых в дискурсе крайне-правых интернет-сообществ, особенно в контексте расовых конфликтов в США. Анализируется влияние движения Black Lives Matter на формирование альтернативно-правых идей и их уникального лексикона. Обсуждаются особенности коммуникации, скрытый расизм и использование юмора для легитимизации ксенофобских взглядов. Также рассматривается трансформация идеологии и языка движения в ответ на социальные изменения и реакцию общественности. Статья подчеркивает, как неологизмы отражают изменяющиеся культурные и политические реалии в американском обществе. Основное внимание уделяется языковым формам, которые возникают в ответ на движение BLM и либеральные идеологии. Можно констатировать, что язык крайне-правых сообществ насыщен негативными коннотациями и сарказмом, что позволяет участникам маскировать свои ксенофобские взгляды под «юмористическую» риторику. Во-вторых, наблюдается тенденция к изменению значений неологизмов с течением времени, что отражает трансформацию идеологии движения и его адаптацию к новым культурным условиям. Также подчеркивается роль интернет-культуры в распространении и популяризации этих лексем. Наконец, статья акцентирует внимание на том, как неологизмы помогают членам сообщества выразить свои взгляды и укрепить чувство принадлежности, несмотря на растущее общественное осуждение их идей. Исследование иллюстрирует сложные механизмы языковой динамики и культурной идентификации, показывая, как язык становится инструментом политической борьбы и социальной сплоченности в условиях современной поляризации.

Ключевые слова: неологизмы, альтернативные правые, веб-дискурс, белый национализм, расизм

A. K. Zhemchuzhnikova, A. G. Mel'nicer
St. Petersburg University

REPRESENTATION OF NEOLOGISMS IN THE WEB DISCOURSE OF AMERICAN FAR-RIGHT COMMUNITIES

The article explores the language of neologisms used in the discourse of far-right online communities, especially in the context of racial and gender conflicts in the United States. The influence of the Black Lives Matter movement on the formation of alternative-right ideas and unique lexical units used for their linguistic actualization is analyzed. The features of communication, hidden racism and the use of humor as a tool to legitimize xenophobic views are discussed. The transformation of the ideology and language of the movement in response to social changes and public reaction is also considered. The article highlights how neologisms reflect the changing cultural and political realities in American society. The focus is on the lexical units that arise in response to the Black Lives Matter movement and liberal ideologies. It can be stated that the language of the far-right communities is saturated with negative connotations and sarcasm, which allows participants to mask their xenophobic views under “humorous” rhetoric. Secondly, there is a tendency to change the meanings of neologisms over time, which reflects the transformation of the ideology of the movement and its adaptation to new cultural conditions. The

role of Internet culture in the dissemination and popularization of these tokens is also emphasized. Finally, the article focuses on how neologisms help community members express their views and strengthen their sense of belonging, despite the growing public condemnation of their ideas. This study illustrates the complex mechanisms of linguistic dynamics and cultural identification, showing how language becomes an instrument of political struggle and social cohesion in the context of modern polarization.

Keywords: neologisms, alt-right, web discourse, white nationalism, racism

Развитие цифровых технологий коренным образом изменило способы коммуникации людей, что отразилось и на языке, который они используют для обмена информацией. Сейчас, когда у большей части жителей планеты есть доступ к интернету, цифровые ресурсы стали использоваться различными сообществами в целях донесения своей позиции, пропаганды определенных идей, рекрутирования сторонников. В этой связи неудивительно, что обострение расовых конфликтов в США нашло отражение в интернет-пространстве. Активисты, выступающие как с радикально-левых, так и с крайне-правых позиций, используют микроблоги как свои трибуны, а форумы – как место собраний своих сторонников.

Данная работа представляет собой исследование неологизмов, собранных на материале интернет-форумов, посвященных вопросам американской политической жизни, в частности, анти-либеральным и ксенофобским сообществам. Прагма-коммуникативная направленность этих популярных интернет-ресурсов разнообразна, однако в первую очередь будет рассмотрен язык пользователей, которые высказываются против движения Black Lives Matter и Демократической партии США в целом.

Лексемы, которые будут рассмотрены далее, являются неосленгизмами – неологизмами, возникшими в рамках сленга. Как известно, сленгом является тип языка, состоящий из слов и фраз, которые считаются очень неформальными, чаще встречаются в устной речи, чем в письменной, и обычно ограничены определенным контекстом или группой людей [Кротовская 2013: 58-67]. Интернет способствует пополнению сленга: благодаря социальным сетям сленгизмы распространяются по всему миру в течение недель и месяцев, тогда как раньше на это уходило несколько лет. Именно на почве такого языкового пространства часто наблюдается возникновение неологизмов. Арнольд И. В. дает следующее определение неологизма: «неологизм – это заново созданное слово или фраза, либо новое значение уже существующего слова, либо слово, заимствованное из другого языка» [Арнольд 1973: 217]. Формированию неологизмов способствуют события, происходящие во внеязыковой действительности, что наглядно прослеживается на примере альтернативных правых, выражающих недовольство “доминированием чернокожих” в общественно-политической жизни Америки.

Данная работа представляет собой анализ неологизмов, возникших в среде крайне-правых американцев, с целью характеристики их языковой картины мира и политических воззрений. Очевидно, новые слова создаются либо для описания изменений в позитивной реальности, либо в качестве демонстрации уникального мировоззрения индивида или группы, отличающегося от устоявшихся канонов, следовательно, изучение неологизмов, созданных крайне-правыми, позволит пролить свет на идеологическую семиотику их политической борьбы. Учитывая комплексный характер предлагаемого исследования, были выбраны следующие методы лингвистических исследований: использование целой серии методов лингвистического и переводческого исследований, метод сплошной выборки – для отбора материала исследования; лексико-семантический анализ – для изучения семантических изменений и коннотаций неологизмов в контексте идеологии крайне-правых сообществ.; словообразовательный анализ, этимологический анализ – для уточнения контекста происхождения неологизмов; контекстуальный анализ – для определения

стилистического контекста функционирования неологизма, фоновой информации; переводческий анализ – для определения метода и способа перевода. В ходе исследования было рассмотрено 10 форумов, где в рамках 120 обсуждений/тредов были выявлены наиболее частотные неологизмы, отражающие идеологию альтернативных правых.

Прежде, чем перейти к рассмотрению непосредственно лексем, связанных с крайне-правыми форумами, необходимо обозначить контекст их появления и распространения. Alt-right (“альтернативные правые”) — крайне-правое белое националистическое движение, возникшее в Соединенных Штатах в конце 2000-х годов и набравшее популярность к середине 2010-х [Хлопов 2019]. Термин “alt-right” не имеет четкого определения и используется по-разному учеными, журналистами, комментаторами СМИ и самими альтернативными правыми. В своей работе мы будем использовать понятия “альтернативный правый” и “крайне-правый” как синонимы.

Появление альтернативных правых стало закономерным ответом консервативного американского общества на движение Black Lives Matter (BLM). С 2013 года оно занимается борьбой с расизмом и насилием в отношении чернокожих, особенно обличенным в форму жестокого обращения полицейских. Активисты BLM проводили крупные акции протеста в городах по всей территории Соединенных Штатов, а также за рубежом. Движение в защиту чернокожих ознаменовало перелом в американской политической жизни: именно с его возникновением вошло в обиход понятие “повестка”, означающее пропаганду либеральных ценностей в СМИ и массовой культуре. Против существования “повестки” сегодня и выступают многие представители крайне-правых.

В результате изучения материалов тематических интернет-ресурсов был сделан вывод о различиях в языке дискурса сторонников BLM и альтернативных правых. Сторонники Black Lives Matter часто апеллируют к общечеловеческим ценностям: ценности жизни, справедливости, равенству [Жемчужникова 2022]. В отличие от них, альтернативные правые более активно используют сленговые выражения и разнообразные неологизмы, стремясь одновременно выделиться как независимая политическая группа и высмеять идеи левых активистов.

Альтернативные правые – это движение, получившее развитие в первую очередь на просторах интернета. Сторонники крайне-правых взглядов находят пристанище в таких анонимных интернет-сообществах, как 4chan, где есть особый подраздел с названием “pol” (от *politically incorrect* – “неполиткорректный”), Reddit (в частности, его разделы r/TheRedPill, r/WhitePeopleTwitter), Gab, 8chan, ныне переименованный в 8kun, и других.

В перечисленных форумах можно выделить ряд общих черт. Все они возникли в конце 2000-х годов и пережили пик популярности в ходе выборов в США 2016 года [Thompson, Hawley 2021]. Сообщества, представленные на форумах, разрознены и не имеют единого лидера. Рассматриваемые нами интернет-ресурсы являются имиджбордами, то есть форумами, позволяющими прикреплять к сообщениям графические изображения. Это объясняет очередную особенность языка форумов альтернативных правых: тесную связь с современной интернет-культурой. Многие неологизмы сопровождаются изображениями и требуют широких познаний в интернет-дискурсе и американской поп-культуре [Greene 2019: 31-69].

Альтернативно-правое движение характеризуется явной симпатией к идеалам Америки 1950-х годов, когда общество воспринималось как более однородное и стабильное. Члены движения стремятся восстановить эти ценности, воспринимая современное общество как подверженное моральному разложению и культурной деградации. Их расистские и ксенофобские взгляды часто маскируются под «юмористическую» риторику, что позволяет им легитимизировать свои идеи и избегать негативной реакции со стороны широкой общественности [May, Matthew 2019: 25-36].

Как и члены других движений, занимающие крайние позиции в рамках политического спектра, альтернативные правые ощущают себя отчужденными от американской общественной жизни. Этим объясняется широкая популярность теорий заговора среди участников этого движения. Конспирологические теории призваны подчеркнуть исключительность членов сообществ и обосновать их приверженность радикальным идеям. Широко известен, например, скандал вокруг *Pizzagate*, направленный против политических конкурентов Дональда Трампа [Robb 2017]. В ходе президентской гонки 2016 года в сеть просочились электронные письма сторонников лидера Демократической партии Хилари Клинтон. Сторонники теории заговора *Pizzagate* ложно утверждали, что эти материалы содержали закодированные сообщения, связывающие нескольких высокопоставленных чиновников Демократической партии и рестораны США с предполагаемой сетью торговли людьми и педофилии. Альтернативные правые, например, участники форума *Reddit /r/The_Donald*, сыграли ключевую роль в распространении этой теории.

Итак, представители рассматриваемого движения, несомненно, поддерживают Дональда Трампа, считая его символом своей борьбы против «политической корректности». Однако в то же время они стремятся дистанцироваться от политики Республиканцев. Это создает определенную амбивалентность: с одной стороны, они видят в Трампе защитника своих интересов, с другой – отказываются идентифицировать себя с традиционными политическими структурами, которые, по их мнению, не отражают истинных ценностей и потребностей белого населения.

Альтернативные правые стали совершенно новым явлением в общественной жизни Америки, что выразилось в популяризации созданных ими неологизмов. Крайне-правые активно пользуются уникальным криптолектом – секретным, зашифрованным языком, пополняющимся с высокой регулярностью. Несмотря на единую среду появления, отобранные нами неологизмы не являются однородными. Отметим некоторые различия в их структуре словообразования.

В английском языке существует три основных способа образования неологизмов: заимствование из других языков (лексические неологизмы), словообразование (лексико-грамматические неологизмы) и семантические инновации (семантические неологизмы) [Баранникова 1973: 141]. Неологизмы, образованные путем словообразования, – самая обширная группа лексем, включающая в себя слова, появившиеся в результате аффиксации, словосложения, конверсии или сокращения. Наконец, семантическими неологизмами считаются уже существующие слова, которые приобретают новые значения.

Начнем рассмотрение неологизмов крайне-правых сообществ с лексико-грамматических неологизмов. Ярким примером лексем, образованных путем аббревиации, является *SJW – social justice warrior* (борец за социальную справедливость) – пейоратив, применяемый к сторонникам движения *BLM*, либеральным активисткам и феминисткам:

- (1) The current *SJW* movement would seek to immediately vilify people like me for the slightest transgressions – the wrong word, a poorly phrased question, etc. (Reddit 2013)

В данном примере на derogatory характер неологизма указывает глагол *vilify* со значением to say or write unpleasant things about someone or something, in order to cause other people to have a bad opinion of them, а также словосочетание *the slightest transgressions* (Cambridge Dictionary 28.12.2024), подчеркивающее чрезмерную обидчивость «борцов за справедливость». Таким образом приведенный пример демонстрирует, что к «борцам за справедливость» относятся с неодобрением, обращая внимание на их бессмысленный общественный активизм. Об этом же говорит и дефиниция лексемы *SJW*, которую мы находим в популярном интернет-словаре сленга *Urban Dictionary*: It is primarily used to reference an individual or individuals that exhibit extreme or overly emotional behavior in an attempt to sway social, cultural, and/or political policy (Urban Dictionary 23.04.2022)

Вторая группа лексем, заслуживающая нашего внимания – неологизмы, образованные путем словосложения, например, *tradwife* и *cuckservative*. *Tradwife* — это обозначение для женщины, чаще всего именно жены, которая придерживается “традиционных” гендерных ролей. Под традиционными понимаются ценности и порядки послевоенной Америки: жена стремится быть домохозяйкой, хранительницей домашнего очага, следящей за домом и детьми, в то время как муж является “добытчиком” и защитником семьи. Нужно отметить, что этот термин не является derogativным, и многие женщины на изучаемых форумах сами описывают себя как *tradwives*:

- (2) I finally got married a year ago and am ready to give up career but made to feel guilty for wanting to be a tradwife. (Reddit 2023)

Коннотация слова *tradwife* в приведенном примере позитивная. Упоминание о готовности отказаться от карьеры ради традиционных обязанностей подразумевает, что такие роли воспринимаются как благородные и важные. Это подчеркивает идею о высоком статусе домохозяйки, которая заботится о семье, что, в свою очередь, служит оппозиционным контрастом к современным представлениям о гендерной роли, которые рассматриваются в рамках феминистского дискурса. Использование термина *tradwife* становится актом сопротивления современным тенденциям, отражая уверенность участников в правильности своих позиций и их желание создать сообщество, основанное на общих убеждениях и идеалах.

Стоит отметить, что, несмотря на то что лексема *tradwife* и относится преимущественно к гендерным ролям, исследователи отмечают, что в ней заложен и расистский компонент. Например, Дэвин Проктор в своем исследовании блогов, посвященных возврату к «традиционным» ценностям, заявляет, что посредством использования этого термина “идеалы женственности и мужественности, присущие белым американцам, закрепляются как трансисторические и трансгеографические факты”, которые должны быть безоговорочно приняты представителями других рас [Proctor 2023, перевод Мельнищев А. Г.].

Кроме того, нужно отметить, что *trad* часто встречается в качестве отдельной лексемы со значением “традиционный, правильный”. Можно сказать, что этот неологизм образован путем усечения:

- (3) In a based trad country, there’s no need for kindergartens because wives are expected to stay at home with their kids. (4chan, 26.10.24)

В данном примере слово *trad* имеет положительную коннотацию, что проявляется в сочетании с *based* — термином, обозначающим смелую, но правильную мысль или идею, которая с большой вероятностью будет оспорена политическими оппонентами: *a strong, potentially controversial statement based in fact, made with disregard to naysayers* (Urban Dictionary, 13.01.2022). *Trad* выступает как символ идеала традиционного общества, в котором роли в семье четко определены. Это отражает идеологию *alt-right*, отвергающую современные социальные изменения и подчеркивающую важность возврата к устоям.

Перейдем к неологизмам, образованных путем аффиксации. Одним из примеров таких лексем служат прилагательное *pilled / redpilled* – принявший (красную) таблетку. Этот неологизм возник на основе фразы *take a red pill* (принять красную таблетку), заимствованной из фильма «Матрица», где главному герою предлагалось либо принять синюю таблетку и продолжить жить прежней жизнью, либо съесть красную и осознать весь ужас окружающей его действительности [Marwick, Furl 2021]. В контексте расовых противоречий это выражение означает принятие факта дискриминации белых темнокожими. Образованные суффиксальным способом *redpiller* и *redpilling* обозначают прозревшего и прозрение соответственно:

- (4) You obviously haven't done any, because if you did, you'd know that Democrats and the mainstream media has been lying to you. You're not redpilled. You're still taking the blue pill. (4chan 25.10.2024)

Соответственно, тех, кто не придерживается крайне-правых взглядов, называют *bluepillers* – принявшие синюю таблетку:

- (5) Soros has always been based. I've only seen bluepilled fox news watching MAGAtards talk negatively about him. (4chan 25.10.2024)

Метафора принятия таблетки – одна из ключевых в дискурсе крайне-правых. В ней в лаконичной форме заключено типичное для радикальных движений деление на черное и белое, служащее фундаментом групповой идентичности сообществ. В предложении (4) положительная коннотация у *redpilled* проявляется в контексте борьбы за истину. Слова *lying* и *know* акцентируют на осознании правды, создавая образ просвещенного человека, который отвергает ложь СМИ. *Redpilled* выполняет функцию определения сознательных участников, которые отвергают доминирующие либеральные нарративы и принимают альтернативное мировоззрение.

В примере (5) *bluepilled* используется с негативной окраской, указывая на наивность и заблуждение тех, кто придерживается традиционного консерватизма – в частности, телеканал Fox News. Здесь нельзя не обратить внимание на еще один политический неологизм – *MAGAtards*. Это слияние аббревиатуры *MAGA* (от 'Make America Great Again' – главного лозунга Трампа во время выборов 2016 года) – и дерогатива *retard* обозначает недалекого сторонника политики Трампа.

Интересно отметить, что неологизмы, отсылающие к «принятию таблетки», на сегодняшний день могут иметь несколько другое значение. После того, как альтернативные правые приобрели печальную известность на фоне расистских высказываний, распространения фейков и случаев организованной травли в интернете [Hodge, Hallgrimsdottir 2019], слова *redpilled* и *redpill* стали восприниматься как оскорбление, и сейчас все чаще используются именно в таком значении:

- (6) Redpill is the biggest red flag (shows low self esteem, low intelligence, low independence, no fear of God!). (Reddit, 2024)

В данном примере тот, кто придерживается идеологии «красной таблетки», называется опасным: сленговое выражение *red flag* – красный флаг – описывает черты характера или манеру поведения человека, которые могут привести к проблемам в романтических отношениях: *A "red flag" is a term used to describe when somebody has a feeling that they are potentially dealing with a manipulative and/or possibly psychotic or sociopathic individual* (Urban Dictionary, 06.07.2019). Конкретные примеры таких черт (низкая самооценка, неразвитый интеллект) подтверждают мнение автора высказывания.

Язык форумов также изобилует семантическими инновациями. Один из примеров – прилагательное *soy* – «соевый», описывающее «состояние, в котором человек эмоционально уязвим и/или чрезмерно чувствителен» [Urban Dictionary 2014]. Оно часто используется в словосочетании *soy boy* – мужчина с женственными чертами, сопляк:

- (7) You wear a double layer of t-shirts to add fake heft to your skinny-fat soy boy body. (X, June 4, 2017)

В этом предложении использован неологизм, не относящийся к дискурсу крайне-правых – *skinny-fat* – «худой толстяк», человек с малым количеством мышц и высоким процентом телесного жира (Urban Dictionary, 08.11.2005). Эта лексема делает категорию *soy boy* еще более унижительной, делая акцент на недостаточно мужественном телосложении собеседника.

Неологизм *soy boy* возник на основе мифа о том, что соевое молоко, распространенное в Азии, делает мужчин женоподобными. Таким образом он, хотя и применяется к мужчинам любой расы, косвенно направлен против жителей азиатских стран, считающихся менее физически крепкими и мужественными, чем европейцы и американцы [Gambert, Linné 2018]. Стоит отметить, что, несмотря на ксенофобскую риторику о “геноциде белых”, которую можно встретить на форумах, альтернативные правые сторонятся открытого выражения нетерпимости. Для этих интернет-сообществ характерен “умеренный” расизм, скрытый за ироничным юмором, что и подтверждает существование этого термина.

Теперь рассмотрим некоторые неологизмы с точки зрения семантики. Большинство неологизмов, возникших в среде крайне-правых, имеют негативную коннотацию. Например, сообщества активно используют ряд оскорблений в сторону либерально настроенных американцев, например, *snowflake* – “снежинка”: человек, в основном представитель молодежи, который “обладает завышенным чувством уникальности и чрезмерно эмоционален” (Urban Dictionary, 04.04.2017).

(8) What is the worst case of Special Snowflake Syndrome you have ever seen? (Reddit, 2014)

(9) Special Snowflake Syndrome cannot be cured. Once a snowflake, always a snowflake. (Urban Dictionary, 06.08.2012)

Данные примеры демонстрируют, что употребление словосочетания *special snowflake* вместе со словом *syndrome* придает высказыванию более пренебрежительный оттенок. С одной стороны, в примере (7) лексема *syndrome* указывает на то, что либеральные активисты ведут себя иррационально, подобно людям с психическими расстройствами, поэтому их требования не стоит воспринимать всерьез. С другой стороны, в примере (8) говорящий подразумевает, что их оппоненты неисправимы: *snowflake syndrome*, по его словам, «не поддается лечению».

Нельзя не отметить, что политические неологизмы часто несут негативное значение, и это неудивительно: представители движения пытаются найти изъяны в риторике своих оппонентов и представить их в самом невыгодном свете. Однако среди изучаемых неологизмов есть те, что обладают положительной коннотацией, например, *based* и *tradwife*. *Based* – “базирующийся” – обозначает положительную оценку и согласие с мнением собеседника:

(10) They're waking up! Upvotes and awards for based comment? Rare here (Reddit, 2020)

Слово «based» в приведенном предложении выполняет функцию положительной характеристики и одобрения. Оно используется для обозначения позиции, которая воспринимается как смелая, искренняя или неподвластная общественному мнению: *A word used when you agree with something; or when you want to recognize someone for being themselves, i.e. courageous and unique or not caring what others think* (Urban Dictionary, 26.11.2020). В данном контексте словосочетание *based comment* демонстрирует поддержку позиции некоего пользователя форума.

В то же время, стоит подчеркнуть, что, как уже было сказано ранее, движение альтернативных правых пережило пик популярности в 2020-2021 годах, и сейчас, как заявляют исследователи, находится в упадке, что объясняет смягчение или изменение значений многих неологизмов. Так, прилагательное *based* в бесконечном потоке абсурдных мемов приобрело ироничный оттенок. К примеру, Urban Dictionary дает такой пример «мета-ироничного» высказывания:

(11) 4chan Anon 1: I'm going to commit hate crimes

4chan Anon 2: Based. (Urban Dictionary, 26.11.2020)

Эти изменения говорят о том, что движение альтернативных правых трансформируется, постепенно изменяя свою идеологию и методы рекрутирования

сторонников, а значит, изменяется и язык, который его участники используют. Рассмотренные неологизмы не только демонстрируют языковые инновации, но и отражают изменяющиеся социальные и культурные контексты, с которыми связано движение alt-right. Проанализированные выше примеры дают понять, что альтернативные правые используют широкий арсенал конспирологических теорий и нарративов, что привело к формированию ряда уникальных неологизмов. Они служат примером того, как язык адаптируется к новым идеологическим реалиям и дают понимание того, каким было движение альтернативных правых во времена своего расцвета.

Заключение

В заключение, неологизмы играют ключевую роль в формировании идеологии alt-right, выступая не только как средство коммуникации, но и как маркеры идентичности. Они помогают участникам движения выражать свои взгляды и выделять свою группу среди других. Рассмотренные форумы оказали значительное влияние на развитие этого сленга, способствуя распространению и популяризации уникальных терминов, которые отражают специфические взгляды и установки сообщества. Эти платформы стали важной средой для обмена идеями и формирования групповой идентичности, способствуя становлению alt-right как движения. В итоге, сленг форумов становится не просто средством общения, а важным инструментом формирования и укрепления сообществ, связанных общей идеологией.

Источники

- I think Social Justice Warriors are simply immature people who don't understand that life is not always fair // Reddit, 2013. URL: https://www.reddit.com/r/changemyview/comments/1k51sl/i_think_social_justice_warriors_are_simply/
- Vilify // Cambridge Dictionary, 28.12.2024. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/vilify>
- SJW // Urban Dictionary, 23.04.2022. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=SJW>
- Made to feel guilty for wanting to be a trad wife // Reddit, 2023. URL: https://www.reddit.com/r/RedPillWomen/comments/155yr6o/made_to_feel_guilty_for_wanting_to_be_a_trad_wife/
- 4chan, 26.10.2024 // URL: <https://boards.4chan.org/search#/trad/all/2>
- 4chan, 25.10.2024 // URL: <https://boards.4chan.org/search#/redpilled/all/8>
- 4chan, 25.10.2024 // URL: <https://boards.4chan.org/search#/bluepilled/all/3>
- Red flag // Urban Dictionary, 06.07.2019. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=red%20flag&page=2>
- Mike Cernovich // X, 04.06.2017. URL: <https://t.co/Z7uRw5icEo>
- Skinny fat // Urban Dictionary, 08.11.2005. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Skinny%20fat>
- Snowflake // Urban Dictionary. 04.04.2017. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Snowflake>
- What is the worst case of Special Snowflake Syndrome you have ever seen? // Reddit, 2014. URL: https://www.reddit.com/r/AskReddit/comments/2hloa7/what_is_the_worst_case_of_special_snowflake/
- They're waking up! Upvotes and awards for based comment? Rare here // Reddit, 2020. URL: https://www.reddit.com/r/trump/comments/i7iwdp/theyre_waking_up_upvotes_and_awards_for_based/
- Redpill content on twitter. // Reddit, 2024. URL: https://www.reddit.com/r/ChristianDating/comments/1csmx3j/redpill_content_on_twitter/

Soy. // Urban Dictionary, 18.07.2014. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Soy>
Based // Urban Dictionary, 26.11.2020. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=based>

Литература

- Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Высшая школа, 1973. 302, с. 217.
- Баранникова Л. И. Введение в языкознание. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1973. 384 с.
- Жемчужникова А. К. Язык ценностной составляющей концепта BLACK LIVES MATTER // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-tsennostnoy-sostavlyayushey-kontsepta-black-lives-matter> (дата обращения: 25.10.2024).
- Кротовская М. А. Сленг как часть разговорного английского // Материалы межвузовской научно-практической конференции Факультета иностранных языков Академии ФСБ «Современные теории и методы обучения иностранным языкам в ВУЗе». М., 2013. С. 58-67.
- Хлопов О. А. Ультра-правые движения в США: прошлое и настоящее // Colloquium-journal. 2019. №5 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ultra-pravye-dvizheniya-v-ssha-proshloe-i-nastoyashee> (дата обращения: 26.10.2024).
- Gambert, I., & Linné, T. (2018). From Rice Eaters to Soy Boys: Race, Gender, and Tropes of 'Plant Food Masculinity'. *Animal Studies Journal*, 7(2), 129-179.
- Marwick, A. E., & Furl, K. (2021). Taking the redpill: Talking about extremism. *AoIR Selected Papers of Internet Research*, 2021. <https://doi.org/10.5210/spir.v2021i0.12207>
- May, Rob and Feldman, Matthew. "Understanding the Alt-Right. Ideologues, 'Lulz' and Hiding in Plain Sight". *Post-Digital Cultures of the Far Right: Online Actions and Offline Consequences in Europe and the US*, edited by Maik Fielitz and Nick Thurston, Bielefeld: transcript Verlag, 2019, pp. 25-36. <https://doi.org/10.1515/9783839446706-002>
- Networks of Hate: The Alt-right, "Troll Culture", and the Cultural Geography of Social Movement Spaces Online. Edwin Hodge & Helga Hallgrimsdottir. Pages 563-580 | Published online: 26 Feb 2019 <https://doi.org/10.1080/08865655.2019.1571935>
- Proctor, Devin. (2023). The #Tradwife Persona and the Rise of Radicalized Domesticity. *Persona Studies*. 8. 7-26. [10.21153/psj2022vol8no2art1645](https://doi.org/10.21153/psj2022vol8no2art1645).
- Robb, Amanda. "Anatomy of a Fake-News Scandal." *Rolling Stone*, no. 1301, 30 Nov. 2017, pp. 28-33. Academic Search Complete.
- Thompson, J., & Hawley, G. (2021). Does the Alt-Right still matter? An examination of Alt-Right influence between 2016 and 2018. *Nations and Nationalism*, 27(4), 1165–1180. <https://doi.org/10.1111/nana.12736>
- Viveca S. Greene; "Deplorable" Satire: Alt-Right Memes, White Genocide Tweets, and Redpilling Normies. *Studies in American Humor* 1 April 2019; 5 (1): 31–69. doi: <https://doi.org/10.5325/studamerhumor.5.1.0031>

References

- Arnold I. V. Lexicology of the modern English language. Moscow: Higher School, 1973. 302, p. 217.
- Barannikova L. I. Introduction to linguistics. Saratov: Publishing House of Saratov State University, 1973. 384 p.
- Zhemchuzhnikova A. K. Language expertise of the concept of BLACK LIVES MATTER // Bulletin of the Perm University. Russian and foreign medicine. 2022. No.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-tsennostnoy-sostavlyayushey-kontsepta-black-lives-matter> (date of application: 10/25/2024).

- Krotovskaya M. A. Slang as part of spoken English / M. A. Krotovskaya // Materials of the interuniversity scientific and practical conference of the Faculty of Foreign Languages of the FSB Academy "Modern theories and methods of teaching foreign languages at the university." M., 2013. pp. 58-67.
- Khlopov O. A. Ult-ra-the right movement in RUSSIA: simple and understandable // Colloquium-journal. 2019. No.5 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ultra-pravyye-dvizheniya-v-ssha-proshloe-i-nastoyashee> (date of application: 10/26/2024).
- Gamber I., Linne T. (2018). From rice lovers to soy-eating boys: race, gender, and signs of "plant-based masculinity". *Journal of Animal Research*, 7 (2), 129-179.
- Marwick, A. E., & Ferl, K. (2021). TAKING THE RED PILL: WE ARE TALKING ABOUT EXTREMISM. Selected AoIR articles on Internet Research, 2021. <https://doi.org/10.5210/spir.v2021i0.12207>
- May, Rob and Feldman, Matthew. "Understanding the far-right. Ideologues, "Lulz" and hide-and-seek in plain sight." *The Post-Digital Culture of the Far Right: Online and Offline Actions-Consequences in Europe and the USA*, edited by Mike Filitz and Nick Thurston, Bielefeld: Shorthand Report Publishing House, 2019, pp. 25-36. <https://doi.org/10.1515/9783839446706-002>
- Hate networks: the far-right, the "Troll Culture" and the cultural geography of social movements on the Internet. Edwin Hodge and Helga Hallgrimsdottir. Pages 563-580 | Published on February 26, 2019 <https://doi.org/10.1080/08865655.2019.1571935>
- Proctor, Devin. (2023). The image of a #woman and the growing radicalization of family life. The results of the study. 8. 7-26. 10. 21153/psj2022vol8no2art1645.
- Robb, Amanda. "The anatomy of a fake News scandal." *Rolling Stone*, No. 1301, November 30, 2017, pp. 28-33. The academic search is completed.
- Thompson J., Hawley G. (2021). Does the alternative right matter? Analysis of the influence of the alternative right in the period from 2016 to 2018. *Nation and Nationalism*, 27 (4), 1165-1180. <https://doi.org/10.1111/nana.12736>
- Viveka S. Green; "Deplorable" satire: Far-right memes, tweets about the genocide of whites and the sawing of the Normans. *American University Research*, April 1, 2019; 5 (1):31-69. doi: <https://doi.org/10.5325/studamerhumor.5.1.0031>

Загородняя Е. Л.

Санкт-Петербургский государственный университет

ВЛИЯНИЕ МЕДИАДИСКУРСА НА РЕПУТАЦИЮ ПУБЛИЧНОГО ЧЕЛОВЕКА

Медиадискурс является мощным инструментом, который активно влияет на формирование общественного мнения и имиджа публичных лиц. С помощью языка и визуальных средств медиа создают и трансформируют образы, оказывая воздействие на массовое восприятие. Цель данной работы состоит в изучении механизмов и лингвистических средств, используемых медиа для формирования репутации, и выявить их влияние на общественное мнение. В статье исследуется влияние медиа на восприятие и репутацию публичных личностей. Автор рассматривает механизмы создания образов через язык и структуру медиадискурса, анализирует примеры информационных стратегий и тактик формирования общественного мнения и делает акцент на возможные последствия для общественного мнения и доверия к публичным лицам.

Ключевые слова: медиадискурс, репутация, социальные сети, публичный человек, СМИ, спин-докторинг, фрейминг, PR.

Elizaveta Zagorodnyaya
St. Petersburg University

THE IMPACT OF MEDIA DISCOURSE ON THE REPUTATION OF A PUBLIC FIGURE

Media discourse is a powerful tool that actively influences the formation of public opinion and the image of public figures. With the help of language and visual media, they create and transform images, influencing mass perception. The purpose of this work is to study the mechanisms and linguistic means used by the media to build reputation, and to identify their impact on public opinion. The article examines the influence of media on the perception and reputation of public figures. The author considers mechanisms of creating images through the language and structure of media discourse, examples of information strategies and tactics of forming public opinion are analyzed, and makes an emphasis on the possible consequences for public opinion and trust in public figures.

Keywords: media discourse, reputation, social networks, public figures, media, spin-doctoring, framing, PR.

Введение

В современном обществе, где производство и распространение смысла приобретает доминирующее значение, информация становится основной движущей силой. Ее создание и управление трансформируются в культурный, идеологический и маркетинговый проект. В этих условиях медиадискурс выступает ключевым средством выражения социальной мысли и формирует концептуальное восприятие мира человеком [Кожемякин 2016, с. 48].

Медиа дискурс играет ключевую роль в современном обществе, формируя мировоззрение и взгляды людей на самые разные аспекты жизни, включая политику, общественные проблемы и культурные тренды. Одним из наиболее значимых эффектов

медиа является его влияние на репутацию публичных личностей. Современные медиа обладают мощными инструментами, позволяющими как улучшить, так и разрушить имидж личности. Образ человека, создаваемый медиа, является не только отражением его реальных поступков и характеристик, но и продуктом лингвистических и стилистических приемов, используемых в медиа дискурсе.

В данной статье исследуются механизмы, с помощью которых медиа формируют образы публичных лиц, и изучаются конкретные лингвистические приемы, влияющие на восприятие аудитории. Мы стремимся показать, как язык и структура медиа дискурса могут влиять на репутацию человека, а также проанализировать примеры различных подходов и тактик.

Чтобы понять, каким образом медиа влияют на репутацию, необходимо сначала определить, что такое медиа дискурс. По определению Т. Г. Добросклонской, «медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия». Основной целью медиа дискурса является передача информации, но в процессе создания текстов используется множество лингвистических приемов, способных значительно изменить восприятие событий и людей [Добросклонская 2006].

Цель данного исследования – изучение механизмов и лингвистических средств, используемых медиа для формирования репутации публичного человека, и выявление их влияния на общественное мнение.

Задачи – определить роль медиадискурса в формировании репутации публичного человека, изучить инструменты влияния медиа на репутацию публичного человека, проанализировать лексические и стилистические средства влияния на репутацию публичного человека в медиaprостранстве, определить роль PR-специалистов в управлении репутацией публичного человека, исследовать эффект соц. сетей на восприятие репутации публичного человека общественностью.

Исследование

Одним из основных инструментов, который использует медиа дискурс для формирования общественного восприятия, является фрейминг. Это процесс выбора и выделения определенных аспектов информации, который позволяет направлять внимание аудитории на конкретные детали. В новостных текстах это может быть выражено подбором заголовков, использованием эмоционально окрашенных слов и выбором определенных цитат. В условиях цифровой среды легко распространяются дезинформация и фейковые новости (как инструмент), что затрудняет аудитории возможность отделить истину от лжи. Основной целью манипуляций является формирование как позитивных, так негативных образов публичных людей в представлении публики. Помимо этого, пропагандируется страх, агрессия, симпатия и т.д. [Землянова 2006, Шарапова].

Фрейминг позволяет медиа выбирать, на какие аспекты следует обратить внимание, что особенно важно в новостных текстах о публичных лицах, так как именно акценты, сделанные медиа, могут кардинально изменить восприятие аудитории [Землянова 2006].

Еще один важный механизм, через который медиа влияют на общественное восприятие — это теория повестки дня (agenda-setting). Согласно этой теории, медиа обладают способностью определять, какие события и проблемы будут восприниматься как важные. Например, регулярное освещение определенных тем, связанных с поведением или взглядами публичного лица, формирует у аудитории представление о его личности [Дунас, Салихова, Толоконникова, Бабына 2022].

Среди лингвистических стратегий в медиа для создания образов для начала стоит выделить лексические средства. СМИ часто используют эмоционально окрашенные слова для создания определенного имиджа. Например, такие слова, как “scandalous”, “controversial” и “outrageous” могут вызывать у читателя негативные ассоциации. В статьях о судебных разбирательствах, например, часто используются выражения типа “an ugly courtroom battle” и “disturbing allegations”, что подчеркивает драматичность и вызывает эмоциональный отклик.

Лексические приемы, включая использование метафор, гипербол и эпитетов, позволяют медиа эффективно манипулировать настроением аудитории. Например, “Her actions have cast a shadow over her once-glowing reputation”. Здесь метафора “cast a shadow” передает негативный эффект от действий публичного лица, делая его более отрицательным и мрачным в глазах читателей, особенно в сравнении с “once-glowing reputation”, что создает определенный контраст в образе [Водак 2015].

Выбор между активным и пассивным залогом также является важным инструментом медиа. Пассивные конструкции часто используются для смягчения негативного воздействия и смещения акцента с человека на действие. Например, фраза “mistakes were made” в сравнении с “the government made mistakes” звучит менее осудительно. В статьях о корпоративных скандалах встречаются такие конструкции, как “the funds were mismanaged”, которые убирают фокус с виновника, концентрируясь на факте действия. Это позволяет медиа сместить акцент с конкретных личностей, оставляя простор для интерпретации читателем.

Медиа активно используют различные стилистические приемы для усиления эмоционального эффекта. Например, в новостях часто используются контрастные выражения и многосложные предложения, которые усиливают значимость событий. Стилистическое разнообразие позволяет медиа создавать более глубокие и многогранные образы публичных лиц, что увеличивает влияние на аудиторию [Добросклонская 2006].

Медиа является инструментом влияния на имидж и репутацию. Современные медиа дискурсы невозможно рассматривать отдельно от социальных сетей, где значительная часть информации распространяется и обсуждается. Социальные сети предоставляют платформу для быстрого распространения новостей и позволяют аудитории активно участвовать в процессе обсуждения. Лайки, репосты и комментарии способствуют созданию так называемых «эхо-камер», где пользователи сталкиваются с мнениями, которые подтверждают их собственные взгляды. Это может усиливать как положительное, так и отрицательное восприятие публичного лица, приводя к массовому изменению общественного мнения. [Castells 2004, p. 3].

Свобода выражения мнения привела к популяризации такого феномена как “cancel culture”. Культура отмены (cancel culture) подразумевает общественное осуждение и бойкотирование человека, обычно в ответ на его слова или поступки, которые аудитория воспринимает как оскорбительные или неприемлемые. Для публичных лиц медиа-дискурс в рамках культуры отмены может стать мощным инструментом воздействия: негативные новости распространяются моментально, приводя к падению популярности и разрыву деловых связей. Такой эффект особенно силен в эпоху соц. сетей, где любая информация может стать вирусной и вызвать широкое обсуждение [Дашинимавев 2021].

Когда публичное лицо сталкивается с кризисной ситуацией, медиа дискурс становится одним из основных инструментов для управления репутацией. В таких случаях пиар-специалисты и медиа-менеджеры разрабатывают стратегию, направленную на минимизацию ущерба для репутации. Они могут использовать такие методы, как официальные заявления, пресс-конференции и публикация положительных материалов для изменения общественного мнения [Мерзлякова 2021].

Пиар-специалисты играют ключевую роль в управлении репутацией публичных лиц. Они разрабатывают стратегии и управляют информационным потоком, чтобы минимизировать негативное воздействие медиа дискурса. Например, в случае негативного освещения в СМИ они могут инициировать кампании, направленные на улучшение имиджа, или привлекать внимание к положительным аспектам деятельности публичного лица [Мерзлякова 2021].

В частности, этим занимаются спин-доктора. Спин-докторинг представляет собой манипулятивную практику, когда специалисты намеренно изменяют восприятие информации, чтобы сформировать выгодный образ для своего клиента или нанимателя. В медиа-дискурсе спин-докторы помогают смягчить негативные последствия для репутации, используя техники фрейминга и эмоциональные аргументы. В результате публичные лица могут избежать или минимизировать воздействие «культуры отмены» и других репутационных кризисов, создавая более позитивное или, как минимум, нейтральное восприятие у аудитории [Быкова 2022].

Решающим фактором «отмены» знаменитости являются соц. сети, поскольку они играют ключевую роль в распространении информации и формировании общественного мнения. Пользователи соц. сетей делятся мнениями и активно обсуждают обвинения, выражая как поддержку, так и осуждение. Эта реакция часто усиливает негативные последствия, поскольку информация распространяется быстрее и шире, чем традиционные медиа. Пользователи различных соц. сетей активно делились мемами, высказываниями и видео, которые подогревали общественный интерес. Влияние соц. сетей можно считать ключевым фактором в «отмене» этих знаменитостей, поскольку общественное осуждение, выраженное в комментариях и постах, многократно усиливало негативное восприятие.

В качестве примеров рассмотрим кейсы актера Арми Хаммера и певицы Лиззо.

Арми Хаммер, американский актер, известный по фильмам «Назови меня своим именем» и «Социальная сеть», в 2021 году оказался в центре громкого скандала, связанного с обвинениями в неподобающем поведении и насилии. В социальных сетях и СМИ появились сообщения от нескольких женщин, утверждающих, что Хаммер применял к ним жестокие методы манипуляции. Хотя сам актер отрицал обвинения, медиа дискурс оказался мощным инструментом, направленным против него.

СМИ активно использовали сенсационные заголовки и эмоционально окрашенные фразы, такие как “cannibalistic fantasies”, “rape” и “physical abuse”, что усилило негативный образ Хаммера. В результате его репутация сильно пострадала, и актер потерял несколько контрактов и проектов. Даже спустя время, негативный медиа-фрейминг оставил долгосрочный след на его репутации, несмотря на то, что ни один из судебных процессов против него не закончился обвинительным приговором. Использование терминов, связанных с физическим и психологическим насилием, вызывало у аудитории негативные эмоциональные реакции, формируя в их сознании образ опасного и недостойного доверия человека [Armie Hammer Controversy Timeline, 2024].

В социальных сетях пользователи активно поддерживали такой нарратив, добавляя свои интерпретации и усиливая эффект за счет мемов и иронических комментариев. Например, сочетание лексики типа “monster”, “sick”, “threat to society” вместе с мемами и шутками сформировало устойчивый негативный образ, который стал сложно изменить даже при отсутствии конкретных доказательств. Эти лексические элементы играют роль в закреплении негативного восприятия, и любое упоминание имени Хаммера теперь сопровождается негативными ассоциациями, даже среди тех, кто не знаком с деталями ситуации.

Лиззо, популярная американская певица и активистка, также столкнулась с обвинениями, которые быстро распространились в СМИ. В 2023 году несколько её бывших

танцовщиц подали иск, утверждая, что она создавала токсичную рабочую атмосферу и допускала неподобающее поведение. Эта история мгновенно попала в заголовки новостей и вызвала бурю обсуждений в социальных сетях.

Медиа дискурс вокруг Лиззо демонстрирует, как легко позитивный образ может быть перевернут. Первоначально образ Лиззо был связан с инклюзивностью и бодипозитивом, и до скандала использовалась лексика, описывающая ее как “strong”, “supportive”, “inspiring”. Однако после обвинений в токсичности и харассменте в статьях и новостях стали появляться выражения типа “hypocrit”, “toxic”, “manipulator”. Эти слова сильно контрастировали с прежними положительными характеристиками и создавали у аудитории ощущение обмана. СМИ усиливали этот эффект, акцентируя внимание на обвинениях и часто сопровождая заголовки эмоционально заряженными словами, такими как “sexual harassment” и “weight-shaming”. Этот пример подчеркивает, как медиа дискурс может подрывать общественный имидж, превращая ранее положительные ассоциации в негативные [Lizzo Lawsuit: Sexual Harassment and Weight-shaming Allegations from Former Dancers, 2023].

В социальных сетях пользователи также изменили лексику, добавляя иронические и обидные комментарии. Например, “hypocrit” стало ассоциироваться с Лиззо, а хештеги и комментарии с использованием “fake” и “lying” усиленно распространялись в сети. Таким образом, лексика, используемая в соц. сетях и медиа, способствовала созданию образа лицемерного лидера, который проповедует одно, но ведет себя иначе, что, в свою очередь, подрывало доверие поклонников и общественности.

Данные примеры показывают, как медиа дискурс может трансформировать общественное восприятие публичных людей, используя эмоционально заряженные фразы и сенсационные заголовки. Использование негативной лексики и эмоционально заряженных терминов привело к тому, что оба кейса приобрели стойкий негативный оттенок. Такие лингвистические средства как эпитеты, гиперболизация и противопоставления влияют на мнение общественности, формируя устойчивый негативный образ. Подобные лингвистические стратегии показывают, как язык может использоваться не только для описания ситуации, но и для манипулирования восприятием, изменяя отношение к знаменитостям и формируя общественный дискурс вокруг их имён.

Однако, последствия могут быть разными. Например, Джонни Деппу удалось справиться с негативом, поскольку все судебные процессы транслировались СМИ, что относительно хорошо повлияло на его репутацию. После громкого скандала с бывшей женой Эмбер Херд, сейчас актер вернулся в Голливуд и снимается в новых кинокартинах [Depp Makes Unexpected Comment on Pirates Role, 2024].

Заключение

Таким образом, лингвистические и стилистические приемы, используемые в медиа, могут как поддерживать, так и разрушать репутацию публичных лиц. Через использование фрейминга, повестки дня, стилистических и лексических средств, медиа создают образы, которые затем воспринимаются аудиторией как реальные. Этот эффект может быть как положительным, так и отрицательным, в зависимости от контекста и целей медиа.

В условиях глобализации и мгновенного доступа к информации важность точного и объективного медиа дискурса возрастает. Неверное освещение событий или манипуляция фактами могут существенно повлиять на общественное восприятие личности, вызвать волну негатива или поддержки. Понимание механизмов, через которые медиа влияют на репутацию публичных лиц, позволяет лучше анализировать медиа-сообщения и критически подходить к процессу формирования общественного мнения.

Перспективой данного исследования является изучение вертикальной динамики импакт-фактора медиадискурса, связанной с изменением языкового регистра, а также анализ

того, как набор языковых средств трансформируется в зависимости от перехода (так называемого «лифта») медийного контента из социальных сетей в традиционные СМИ и обратно.

Литература

- Быкова Е. В. Медиалингвистические исследования PR-речи: отечественный опыт // Медиалингвистика. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/medialingvisticheskie-issledovaniya-pr-rechi-otechestvennyy-opyt> (дата обращения: 06.11.2024).
- Водак Р. Дискурс и власть. Представление и угнетение в языке. СПб: Наука, 2015.
- Дашининаев Г. Ю. Cancel Culture как новая социальная реальность. БГУ имени Доржи Банзарова, 2021.
- Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2006. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-kak-obekt-lingvistiki-i-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 29.09.2024).
- Дунас Д. В., Салихова Е. А., Толоконникова А. В., Бабына Д. А. Установление повестки дня и эффект фрейминга: о необходимости концептуального единства в медиаисследованиях «цифровой молодежи» // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2022. № 4. С. 47–78. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2022.4778 (дата обращения: 06.11.2024).
- Землянова Л. М. Медиадискурсы и новостные фрейминги (исследования современных зарубежных коммуникативистов) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2006. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskursy-i-novostnye-freymingi-issledovaniya-sovremennyh-zarubezhnyh-kommunikativtssgov> (дата обращения: 03.11.2024).
- Кастельс М. Сетевое общество: Кросс-культурная перспектива. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Кожемякин Е. А., Полонский А. В. Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы: коллективная монография. Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 48.
- Мерзлякова В. Н. Celebrity Culture в системе современных культурных индустрий: особенности производства публичности в структуре новых медиа // Мониторинг. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/celebrity-culture-v-sisteme-sovremennyh-kulturnyh-industriy-osobennosti-proizvodstva-publichnosti-v-strukture-novyh-media> (дата обращения: 03.11.2024).
- Шарапова Н. А. Манипулирование в СМИ: некоторые региональные примеры. Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
- Armie Hammer Controversy Timeline. URL: <https://people.com/movies/armie-hammer-controversy-timeline/> (дата обращения: 06.11.2024).
- Castells M. The Network Society: A Cross-cultural Perspective. Edward Elgar Publishing, 2004, p. 3.
- Depp Makes Unexpected Comment on Pirates Role. URL: <https://www.themirror.com/entertainment/movies/johnny-depp-makes-unexpected-comment-780130> (дата обращения: 06.11.2024).
- Lizzo Lawsuit: Sexual Harassment and Weight-shaming Allegations from Former Dancers. URL: <https://www.theguardian.com/music/2023/aug/01/lizzo-lawsuit-sexual-harassment-weight-shaming-former-dancers> (дата обращения: 06.11.2024).

References

- Armie Hammer Controversy Timeline. URL: <https://people.com/movies/armie-hammer-controversy-timeline/> (дата обращения: 06.11.2024).

- Bykova E. V. Medialinguistic studies of PR speech: domestic experience // *Medialinguistics*. 2022. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/medialingvisticheskie-issledovaniya-pr-rechiotechestvennyy-opyt> (date of request: 11/06/2024).
- Castells M. *The Network Society: A Cross-cultural Perspective*. Edward Elgar Publishing, 2004, p. 3.
- Castells M. *Network Society: Cross-cultural perspective*. Moscow: Progress-Tradition, 2004.
- Dashinimaev G. Y. *Cancel Culture as a new social reality*. BSU named after Dorzhi Banzarova, 2021.
- Depp Makes Unexpected Comment on Pirates Role. URL: <https://www.themirror.com/entertainment/movies/johnny-depp-makes-unexpected-comment-780130> (дата обращения: 06.11.2024).
- Dobrosklońska T. G. Media discourse as an object of linguistics and intercultural communication communications // *Bulletin of the Moscow University. Episode 10. Journalism*. 2006. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-kak-obekt-lingvistiki-i-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (date of access: 09/29/2024).
- Dunas D.V., Salikhova E.A., Tolokonnikova A.V., Babyna D.A. Setting the agenda and the framing effect: on the need for conceptual unity in media studies of the "digital youth" // *Bulletin of Moscow. un-ta. Episode 10. Journalism*. 2022. No. 4. pp. 47-78. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2022.4778 (accessed: 06.11.2024).
- Kozhemyakin E. A., Polonsky A.V. *Modern discourse analysis: agenda, problems, prospects: a collective monograph*. Belgorod: Publishing house "Belgorod", 2016. p. 48.
- Lizzo Lawsuit: Sexual Harassment and Weight-shaming Allegations from Former Dancers. URL: <https://www.theguardian.com/music/2023/aug/01/lizzo-lawsuit-sexual-harassment-weight-shaming-former-dancers> (дата обращения: 06.11.2024).
- Merzlyakova V. N. Celebrity Culture in the system of modern cultural industries: features of the production of publicity in the structure of new media // *Monitoring*. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/celebrity-culture-v-sisteme-sovremennyh-kulturnyh-industriy-osobennosti-proizvodstva-publichnosti-v-strukture-novyh-media> (date of access: 11/03/2024).
- Sharapova N. A. *Manipulation in the media: some regional examples*. G.R. Derzhavin Tambov State University
- Vodak R. *Discourse and power. Representation and oppression in language*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2015.
- Zemlyanova L. M. Media discourses and news framing (research by modern foreign communicationists) // *Bulletin of the Moscow University. Episode 10. Journalism*. 2006. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskursy-i-novostnye-freymingi-issledovaniya-sovremennyh-zarubezhnyh-kommunikativtssgov> (date of access: 03.11.2024).

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ФУНДАМЕНТАЛЬНОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ ОБЗОРЕ ВАЛЮТНОГО РЫНКА

Исследование нацелено на изучение способов репрезентации положительной эстетической оценки в англоязычном фундаментальном аналитическом обзоре валютного рынка. Актуальность темы объясняется влиянием аналитических обзоров валютного рынка на деятельность современного общества в сферах экономики, политики, а также в повседневной практике. Новизна работы объясняется изучением репрезентации категории оценки в дискурсивной сфере валютных рынков как значимой области современной экономики. Объектом рассмотрения в данной статье является аксиологичность как жанровая характеристика аналитического обзора валютного рынка, а предметом – средства языковой репрезентации положительной эстетической оценки в указанном жанре. В статье дается понятие жанра аналитического обзора и характеристика типов анализа валютного рынка, описывается понятие категории оценки и ее классификация. Кроме того, показан алгоритм анализа языковых единиц, репрезентирующих оценку, по одиннадцати параметрам. Анализ показал наличие в данном жанре положительных эстетических оценок, репрезентированных прилагательными и существительными, выполняющих функции эпитетов и метафор.

Ключевые слова: англоязычный дискурс, аналитический обзор валютного рынка, фундаментальный аналитический обзор, категория оценки, эстетическая оценка, положительная эстетическая оценка

Olga S. Zakharova

St. Petersburg University

MEANS OF POSITIVE ESTHETIC EVALUATION REPRESENTATION IN THE ANGLOPHONE FUNDAMENTAL ANALYTICAL REVIEW OF THE FOREIGN EXCHANGE MARKET

The research is aimed at exploring ways to represent a positive aesthetic evaluation in an anglophone fundamental analytical review of the foreign exchange market. The relevance of the topic is explained by the influence of analytical reviews of the foreign exchange market on the activities of modern society in the fields of economics, politics, as well as in everyday practice. The novelty of the work is explained by the study of the representation of the evaluation category in the discursive sphere of foreign exchange markets as a significant area of modern economics. The object of consideration in this article is axiology as a genre characteristic of an analytical review of the foreign exchange market, and the subject is the means of linguistic representation of a positive aesthetic evaluation in this genre. The article gives the concept of the genre of analytical review and the characteristics of the types of analysis of the foreign exchange market, describes the concept of the evaluation category and its classification. In addition, an analysis algorithm according to eleven parameters is shown for studying the linguistic units representing evaluation. The analysis showed the presence of positive aesthetic evaluation in this genre, represented by adjectives and nouns, performing the functions of epithets and metaphors.

Keywords: anglophone discourse, analytical review of the foreign exchange market, fundamental analytical review, evaluation category, esthetic evaluation, positive esthetic evaluation

Объектом рассмотрения в данной статье является аксиологичность как жанровая характеристика аналитического обзора (АО) валютного рынка. Предмет рассмотрения в данной статье составляют средства языковой репрезентации положительной эстетической оценки в выбранном жанре. Их исследование является частью работы по изучению реализации категории оценки в жанре аналитического обзора валютного рынка, экономическое, политическое и социальное влияние которого на жизнь современного общества лежит в основе актуальности выбранной темы. Новизна работы объясняется изучением репрезентации категории оценки в дискурсивной сфере валютных рынков как значимой области современной экономики. Материалом для анализа послужили обзоры, публикуемые британскими и американскими аналитическими агентствами (“Reuters”, “IFCMarkets”, “FXStreet”) и деловыми СМИ (“The Economist”, “The Daily Mail”, “Bloomberg”, “Forbes”).

Поясним, что представляет собой жанр аналитического обзора. В. В. Ворошилов определяет его как жанр, информирующий аудиторию о происходящих событиях, с применением аналитического комментария. По тематическому направлению выделяет политические, экономические и иные обзоры [Ворошилов, 2000]. Таким образом, представляется возможным говорить об аналитическом обзоре валютного рынка как о разновидности данного жанра. Анализ может проводиться как с опорой на технические параметры движения валют, так и с точки зрения фундаментальных процессов в экономике. Соответственно, разграничивают технический и фундаментальный виды анализа валютного рынка. [Швагер, 2003; Thomsett, 2006].

Что касается категории оценки, то существует ряд определений, варьирующихся в зависимости от концепции и позиций автора. Так, когнитивный подход предполагает понимание ее как деятельности по освоению ценности объекта, связанной с процессом познания человеком окружающей действительности [Петухова, Хомякова, 2020; Шутмова, 2022]. Поскольку оценка объективируется в языке, то такое представление логически соответствует традиционному описанию оценки как «совокупности разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [Баженова, 2003, с. 139].

На общеоценочной шкале принято различать позитивную, нейтральную и негативную области [Петухова, Хомякова, 2020; Шутмова, 2022; Баженова, 2003; Арутюнова, 1988]. Что же касается более детализированной классификации, то обобщение опыта предшественников позволило Н. Д. Арутюновой систематизировать частнооценочные значения в зависимости от типа основания оценки, распределив их по трем группам: сенсорные, сублимированные и рационалистические. Группа сенсорных оценок включает сенсорно-вкусовые или гедонистические, а также психологические оценки, которые, в свою очередь, делятся на эмоциональные и интеллектуальные. Среди сублимированных оценок выделяют оценки эстетические и этические. Рационалистические оценки подразделяются на утилитарные, нормативные и телеологические [Арутюнова, 1988, с. 75–77].

Объективация категорий «прекрасное/безобразное», «комическое/трагическое» и «возвышенное/сниженное» лежит в основе выделения в отдельный вид эстетической оценки, пронизывающей из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок [Шутмова, 2022; Арутюнова, 1988]. В аспекте изучения эстетической оценки жанр аналитического обзора валютного рынка особенно интересен и сложен, ввиду преобладания в нем абстрактных категорий (курс валюты, индексы), которые не сопряжены напрямую с чувством эстетического наслаждения или неприязни. Тем не менее, результаты исследования показывают наличие в нем таких оценок.

Оценка предопределяется различными социальными факторами, среди которых нормы и мировоззрение, а также роль адресата. Оценочные суждения воздействуют на реципиента, благодаря включению коммуникативного намерения автора, которое может представлять собой рекомендации, предостережения, похвалу или осуждение [Арутюнова, 1988]. Оценка играет заметную роль в оказании речевого воздействия на реципиента и может быть реализована разнообразными стратегиями, среди которых можно назвать ссылку на неизвестный источник или отсылку к авторитету, аргументацию, которая бывает рациональной, эмоциональной, сочинительной и подчинительной [Баранов, 2007, с. 174–298]

Отбор оценочных контекстов осуществлялся с учетом критериев их цельности и связности, а также наличия в них оценочного высказывания, и производился при помощи направленной стратификационной выборки, с применением таких методов достижения репрезентативности, как классификация и параметризация [Баранов, 2007, с. 488–489]. В целом проанализировано 995 текстов с 403711 словоупотреблений, что удовлетворяет требованию репрезентативности лингвистических баз данных, включая корпусы. Из них было отобрано 1376 оценочных контекстов, включающих 12958 языковых единиц, репрезентирующих разные виды общей и частной оценки. С учетом тематики данной статьи отметим, что положительная оценка представлена в 840 контекстах в количестве 6789 языковых единиц. Всего среди фундаментальных аналитических обзоров выделено 9545 лексических единиц, выражающих оценку, из них 4268 (44,7%) передают оценку положительную. В фундаментальных обзорах выявлено 628 оценочных контекстов, включающих 4268 лексических единиц, имеющих позитивную семантику. Из них 8 единиц (0,19%) могут быть отнесены к эстетическим частнооценочным значениям: 5 прилагательных (*better, elegant, eye-popping, more attractive, more attractive*) и 3 существительных (*cockroach, shape, mechanism*).

При анализе материала давалась характеристика субъекта и объекта оценки, учитывалась принадлежность оценочной единицы к определенной части речи, а также компоненты ее семантики, специфика контекстуального значения, стилистическая маркированность и экспрессивность, определялись виды репрезентируемой оценки, а также коммуникативно-речевые стратегии, реализации которых она способствует. Алгоритм анализа представляет собой работы с одиннадцатью параметрами (П): П1 «субъект», П2 «объект», П3 «часть речи», П4 «дефиниция», П5 «контекстуальное значение», П6 «стилистическая маркированность и экспрессивность», П7 «интенсификация и деинтенсификация», П8 «вид общей оценки», П9 «вид частной оценки», П10 «вид оценки по наличию эмоциональной/рациональной составляющей», П11 «стратегия речевого воздействия».

Подтвердим сказанное на примере фрагмента фундаментального аналитического обзора, опубликованного от имени редакции журнала “The Economist”, в котором оптимистический взгляд на биткоин дается от лица коллективного субъекта оценки, который не выражен эксплицитно:

Bitcoin has been in existence for 14 years. The elegant mechanism by which it validates itself and supply grows has never been hacked, meaning that the token is not going anywhere [Economist 2023].

Положительная эстетическая оценка в данном контексте репрезентируется посредством прилагательного в роли эпитета *elegant* с позитивными семами в значении, характеризующего нечто как грациозное и привлекательное внешне или поведением: *graceful and attractive in appearance or behaviour* [CD], и подвергающегося метафорическому переосмыслению, поскольку имеет место перенос качеств, свойственных одной концептуальной области, в совершенно иную: из области живой природы и материального мира в мир абстрактных идей. Присутствие элемента рациональности в оценке

подтверждается существительным *mechanism*, обозначающим часть машины или набор деталей, которые работают вместе: *a part of a machine, or a set of parts that work together* [CD], также выполняющим функцию метафоры и указывающим на слаженность и эффективность функционирования виртуальной валюты.

Последующая экспликация подчеркивает высокую степень рациональности положительной эстетической оценки в выбранном фрагменте. Глагол *validates* с позитивными семами в значении указывает на официальную приемлемость и одобрение: *to make something officially acceptable or approved, especially after examining it* [CD]. Нейтральное существительное *supply* маркирует количество, доступное для применения: *an amount of something that is available for use* [CD], и характеризуется глаголом *grows*, реализующим сему благоприятствования и отсылающим к процессу роста и увеличения в размерах, количестве, а также повышения уровня развития: *to increase in size or amount, or to become more advanced or developed* [CD]. Глагол *to hack* в форме настоящего совершенного времени проявляет негативные семы и имеет смысл разрезания на куски грубо и неистово, часто не целясь точно: *to cut into pieces in a rough and violent way, often without aiming exactly* [CD]. Сопровождающее его наречие *never* переводит его в зону положительной оценки. Сочетание *is not going anywhere* [CD], отмечает, что новая валюта продолжит свое существование, а предваряющий высказывание комментарий о том, что биткоин существует уже длительное время, также усиливает эффект рационализации, делая акцент на причинно-следственных связях и обоснованности дальнейших утверждений. Стратегия речевого воздействия, реализуемая в выбранном фрагменте, может быть отнесена к рациональной аргументации [Баранов, 2007].

Анализ подтвердил наличие в жанре англоязычного фундаментального аналитического обзора валютного рынка положительных эстетических оценок, объектом которых может становиться, например, технологически новаторский тип денежных средств, характеризующийся высоким уровнем надежности и универсальностью. Такие оценки могут актуализироваться прилагательными и существительными, выступающими в роли эпитетов и метафор.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1998. 338 с.
- Баженова Е. А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. Москва: Флинта: Наука, 2003. С. 139–146.
- Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. Москва: Флинта, Наука, 2007. 592 с.
- Ворошилов В. В. Журналистика. Базовый курс. Санкт-Петербург: Издательство Михайлова В. А., 2000. 174 с.
- Петухова Т. И., Хомякова Е. Г. Новое знание и биполярность оценочной интерпретации изобразительного искусства соцреализма в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 53–63.
- Швагер Д. Технический анализ: полный курс. Москва: Альпина Паблишер, 2001. 768 с.
- Шутёмова Н. В. Виды экспертной оценки творчества И. Наховой в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Том 14, вып. 3. С. 56–68.
- CD. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 11.08.2024)
- Economist. Bitcoin's price is surging. What happens next? 18.12.2023. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/03/06/bitcoins-price-is-surging-what-happens-next> (дата обращения: 11.04.2024)
- Thomsett M. C. Getting Started with fundamental analysis. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., 2006. 224 p.

Словари

CD. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 11.08.2024).

Источники

Economist. Bitcoin's price is surging. What happens next? 18.12.2023. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/03/06/bitcoins-price-is-surging-what-happens-next> (дата обращения: 11.04.2024)

References

- Arutyunova N. D. Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact. Moscow: Nauka, 1998. 338 p.
- Bazhenova E. A. Evaluation category // Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language / edited by M. N. Kozhina. Moscow: Flint: Nauka, 2003. pp. 139–146.
- Baranov A. N. Linguistic expertise of the text: theory and practice. Moscow: Flint, Nauka, 2007. 592 p.
- CD. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (access date: 11.08.2024)
- Economist. Bitcoin's price is surging. What happens next? 18.12.2023. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/03/06/bitcoins-price-is-surging-what-happens-next> (access date: 11.04.2024)
- Voroshilov V. V. Journalism. Basic course. Saint Petersburg, Mikhailov V. A. Publishing House, 2000. 174 p.
- Petukhova T. I., Khomyakova E. G. New knowledge and the bipolarity of the evaluative interpretation of the fine art of Socialist realism in the English-language art criticism discourse // Questions of cognitive linguistics. 2020. No. 4. pp. 53–63.
- Schwager D. Technical analysis: a complete course. Moscow: Alpina Publisher, 2001. 768 p.
- Shutemova N. V. Types of expert assessment of I. Nakhova's work in the English-language art criticism discourse // Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology. 2022. Volume 14, vol. 3. Pp. 56–68.
- Thomsett M. K. Getting started with fundamental analysis. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., 2006. 224 p.

Защитина Г. В., Коломенцев А. А.

Московский государственный лингвистический университет

МЭРИ ПОППИНС – КОНЦЕПЦИЯ ОБРАЗА

Целью статьи является анализ классического произведения английской детской литературы «Мэри Поппинс», цель которого – исследование концепции образа главного героя, в частности, его коннотации, что осуществляется в рамках сопоставительного анализа событийной стороны жизни П. Трэверс, прототипами и персонажами ее произведения. Анализ образа главного героя, выявление его триединой природы осуществляется одновременно с выявлением в произведении особенностей жанра авторской литературной философской сказки, указывается на многослойности смысла, а также уделяется внимание особенностям конструирования пространства произведения. Новым является также внимание к сложной коннотации образа, последний предстает в виде двух противоположностей – эксплицитно выраженной положительной, ориентированной на детскую аудиторию и отрицательной, дискретно представленной в тексте произведения и требующей усилий для декодирования.

Ключевые слова: образ, английская детская литература, концепция образа, сказка

Galina V. Zashchitina, Alexander A. Kolomentsev

Moscow State Linguistic University

MARY POPPINS - IMAGE CONCEPT

The aim of the paper is to get an insight into PL Travers' classic children's novel "Mary Poppins" and to carry out the protagonist study, namely, the connotative nature of the image, by means of comparative analysis of real-life and fictional characters as well as using biographical approach. The analysis of the protagonist's image, its three-fold nature goes alongside revealing the specifics of the author's philosophical tale, the complexity of the image and the ways in which the tale is constructed are also highlighted. The actuality of the study is in the analysis of the complexity of the connotative nature of the protagonist's image with the latter being presented two-fold – explicitly positive, as aimed at its target audience, and implicitly negative – which requires some effort to decode that.

Keywords: image, English classic children's literature, mental image, image connotation, tale

2024 год – год целой череды юбилеев: 90 лет со дня выхода первой книжки (1934); 60 лет со дня выхода киношедевра Walt Disney «Mary Poppins» (1964), получившего пять Оскаров, включая приз за лучшую главную женскую роль; 40 лет с момента выхода на экраны (1984) советской экранизации «фантастической истории, некогда рассказанной П.Трэверс и заново изложенной в наши дни». В настоящий момент книга издана на 29 языках. В 2018 г. выпущен сиквел «Мэри Поппинс возвращается».

Цель исследования – выявить значение классического произведения английской детской литературы «Мэри Поппинс» для мира XXI века, исследовать концепции образа главной героини и отражения в тексте произведения автобиографии автора.

Задачи:

- 1) Рассмотреть жанр авторской литературной философской сказки
- 2) Выявить связь между событиями жизни Памелы Трэверс, автора 8 книг о няне-волшебнице и концептуальностью созданных ею персонажей и проповедуемых идей.
- 3) Выявить коннотации образа: идеальная няня или весьма странная и подозрительная особа?
- 4) Проанализировать, как создавалось пространство и язык произведения.

Мэри Поппинс говорила так: «Хорошее начало и дел как не бывало!». Перечислим восемь книг о волшебной няне, написание которых заняло 55 лет: «Мэри Поппинс» (1934), «Мэри Поппинс возвращается» (1935), «Мэри Поппинс открывает дверь» (1944), «Мэри Поппинс в парке» (1952), «Мэри Поппинс от А до Я» (1963), «Мэри Поппинс на кухне» (1975), «Мэри Поппинс на Вишнёвой улице» (1982), «Мэри Поппинс и дом по соседству» (1989). Забавный случай в мировой иллюстрации – отец Эрнест Говард Шепард остался в истории мировой литературы со своими иллюстрациями к «Винни-Пуху», а его дочь Мэри стала классическим иллюстратором другой культовой серии сказок, оформив все восемь книг о Мэри Поппинс.

Полным «классическим» каноном «Мэри Поппинс» читатели обязаны Питеру Люэлину Дэвису, который в 1952 году, когда П. Трэверс, не думавшая возвращаться к писательскому труду, преподавала в Лондоне гурджиевские танцы, на свой страх и риск издал сборник «Мэри Поппинс в Парке». В предисловии к сборнику П. Л. Трэверс предупреждает: «Следует понимать, что любые события, описанные в этой книге, случились во время одного из трех визитов Мэри Поппинс в семью Бэнксов. Это – слово предостережения всем тем, кто предвкушает четвертый визит. И, кроме того, следует помнить, что три – счастлиное число».

Эта рамочная конструкция изложения историй возвращает нас и к Кентерберийским рассказам, и к Декамерону, и к «рамочным» сказкам Гауфа. В пяти поздних книгах сюжетный процесс останавливается, так как события в них – лишь дополнения к событиям первых трёх. При этом и сами первые три книги могут быть совмещены как некий единый текст.

В противовес народной у литературной сказки есть конкретный автор-создатель, сама сказка живёт в виде письменного текста, не допускающего произвольных изменений. Герой индивидуализирован, сюжет вариативен и не ограничивается набором каких-либо мотивов, поэтика целиком определяется фантазией и творческой манерой автора. У такой сказки есть точная дата рождения, в тексте можно выявить приметы описываемого времени. Первым автором литературных сказок был Ш. Перро, затем Жанна Мари Лепренс де Бомон, и в первой половине XIX в. авторская сказка оформилась как жанр (В. Гауф, Г. Х. Андерсон, Э. Т. А. Гофман, В. и Я. Гримм, И. Музеус). Конец XIX – начало XX века стали золотым веком, когда к терминам «авторская» и «литературная» добавили определение «философская сказка». Это Л. Кэрролл, С. де Сентюр, О. Уайльд, С. Лагерлёф, А. Милн, А. Сент-Экзюпери, К. Пино, А. Линдгрен. В наше время – Д. Толкин, Дж. Роулинг, Л. Бессон делают «детскую» литературу площадкой для жарких дискуссий [Дунаевская 2013; Жабо, Авдонина 2020; Жабо, Авдонина 2022].

Уолт Дисней потратил 20 лет на то, чтобы уговорить Памэлу Трэверс продать права на экранизацию – она хотела, чтобы её героиня существовала только в рамках канонического письменного текста. Контракт на 100 000 долларов, 5% от проката, но самое главное – она настояла на том, что лично будет редактировать и исправлять сценарий, диалоги, одобрять актёров, декорации и музыку. Сохранились километры аудио плёнок – сотни часов записи её голоса, где она дотошно разбирает каждый аспект съёмочного процесса и не соглашается идти ни на какие уступки. Об был снят отдельный художественный фильм «Как спасти мистера Бэнкса».

Работы, посвящённые творчеству П. Трэверс, малочислены. Шведский литературовед С. Бергстен («Мэри Поппинс и миф») [Бергстен 1978] рассматривает мировоззрение автора, сказочную повесть как жанр, влияние фольклора и мифологизм повести П. Трэверс; В. Лоусон («Она написала Мэри Поппинс») посвятила свой труд биографии Памелы Трэверс и ее духовным поискам [Lawson 2013]; А. Г. Бент [Бент (Акуз) 1997] видит в повестях Трэверс выражение английской игровой культуры; А. М. Чернов [Czernow 2019] рассматривает образ Мэри Поппинс в сопоставительном ключе.

Эндрю Лэнг создал английский канон обработки сказок для детских антологий и создал сказки, известные и в наше время, в том числе повесть-сказку «Золото Фейрнли» (1888), основанную на кельтских мифах. Эдит Несбит применяла новых поэтических приёмы, например, метафору как средства движения сюжета, и ставила воспитательную цель, мораль стойков и людей долга [Nicholson 1998].

Памела Трэверс (настоящее имя – Хелен Линда Гофф) была большой почитательницей творчества Несбит и прямой наследницей ряда её стилистических приёмов. По конструкции «Мэри Поппинс» аналогична «Фениксу и ковру» Несбит, но у Трэверс вторжение в жизнь детей сверхъестественного существа не влияет на их развитие. Стремясь создать идеализированный английский образ жизни, она, не желая того, разрушает протестантскую этику английской сказки, в которой дети добиваются своего не столько за счёт магии, сколько за счёт душевной доброты и сообразительности. У Трэверс Мэри Поппинс требует от детей подчинения, они пассивно следуют за нею.

В первых книгах заметны литературные образцы предшественников, но в затем усиливается фольклорное начало, и Памела Трэверс окончательно выводит нас в свое мифологическое время-пространство. Это соотносится с этапами её жизненного пути.

Биографические данные

Литературный псевдоним Pamela Lyndon Travers был создан Хелен Линдой Гофф (1899-1996) в честь отца, Трэверса Роберта Гоффа, (банковского управляющего, позже пониженного до банковского служащего), которого она боготворила. Отец имел ирландское происхождение, хотя в Ирландии никогда не бывал, он родился в южном районе Лондона, потом переехал в Австралию, завёл семью и умер в 53 года в 1907 году, когда Памеле было семь лет. Образ отца, которого в «Мэри Поппинс» воплотил персонаж мистера Бэнкса, является ключевым во всех книгах о Мэри Поппинс.

Трэверс всю свою жизнь стеснялась Австралии, считала себя ирландкой и с раннего детства мечтала уехать, (и так и сделала в 1924 году в возрасте 24 лет). В Австралии она была еще раз в 1960-х годах, проведя там несколько дней.

Отец привил ей любовь к культуре Ирландии, погружая дочь в пахнущие тёмным туманным вереском сумеречные кельтские мифы, что и положило начало её увлечению мифологией. Отец же привил ей и любовь к поэзии, познакомив с творчеством ирландских писателей, таких как Уильям Батлер Йетс и неоромантик Роберт Льюис Стивенсон и, конечно же, «интеллектуальный колосс» ирландской литературы Джордж Рассел, поэт, художник, издатель «Кельтского Возрождения». Он станет её идейным вдохновителем и «крестным отцом» Мэри Поппинс.

Памела Трэверс сама раскрыла источник создания летающей няни на страницах периодического журнала об эзотерике, тайнах и мифах «Парабола», редактором которого была. Памела Трэверс хранила этот секрет почти 70 лет: в одну грозовую ночь, через год после смерти отца, её мать пришла к дочерям и обреченно заявила, что уходит из дома, чтобы утопиться в речке. И она действительно ушла босиком в одной ночной сорочке в темноту ночного шторма, оставив трех сестёр. По словам писательницы «звук захлопнувшейся вслед матери двери был похож на звон колокола, тишина в комнате была

громче, чем шумевший за окном проливной дождь. Маленькие сёстры смотрели на меня широко раскрытыми испуганными глазами. Я очень хорошо понимала, что им сейчас нужно то же, что и мне – чувство защищённости, надежности, покоя [...] Мне даже ничего не пришлось выдумывать – он вдруг внезапно появился перед нами – маленький белый жеребёнок с узкой холкой». Спустя годы этот образ проявился вновь. Памела обнаружила в себе дар придумывать истории.

После переезда в Англию и вхождение в литературную богему, Памела становится любимой ученицей и протеже Дж. Рассела, который увлекает её миром восточной эзотерики и философии. Уезжая читать лекции в Америку, он рекомендует ей также попутешествовать. Памела посещает Европу, Америку, Японию, Москву и Ленинград.

Затем – глубокое погружение в мир эзотерики и оккультизма, близкая дружба и даже ученичество у Георгия Гурджиева, Карла Юнга и Джидду Кришнамурти. И не менее глубокое, академическое исследование мифологии разных народов и мифа как явления в работах «О спящей красавице» (1975) и «Что известно пчеле» (1989).

С 1976 и до самой смерти в 1996 Памела Трэверс становится одним из основателей и редактором ежеквартального журнала на темы мифологии и мировых религиозных и культурных традиций «Парабола: в поисках смысла». Каждый выпуск журнала был посвящен определённой теме, с которой были связаны все статьи номера. Темы выпусков за первые пять лет включали сотворение мира, взаимоотношения, смерть, магию и мифологию героев. Трэверс во время своего проживания в США в 1940-1945 годах два лета провела вместе с индейцами навахо, хопи и пуэбло, изучая в резервациях индейскую мифологию и фольклор, которую потом и перенесла на страницы «Мэри Поппинс».

Большинство персонажей книги – из жизни в Австралии. Мэри Поппинс это отчасти служанка семьи Гофф. У них часто были няни ирландки, очень старательные и пунктуальные, у одной из них действительно был зонтик с ручкой в виде головы попугая. Не смотря на сложившееся устойчивое мнение, что Мэри Поппинс – это идеальная няня и настоящая леди, у многих взрослых сегодня она вызывает противоречивые чувства, прошёл век, нравы изменились. В книге няня говорит «сердитым тоном», частенько «презрительно фыркает» и ходит со «свирипым видом». Среди читателей сложилось мнение, что так проявляется строгость и аристократичность английской няни. Сама Памела Трэверс рассказывала, что манера фыркать, говорить резко и с сарказмом – это черты её тётки, Кристины Сарасет или тётки Сэсс, к которой она с матерью и сёстрами переехала после смерти отца. Тётя Сэсс владела сахарной плантацией в Новом Южном Уэльсе и отдала всех трёх племянниц в дорогостоящий частный пансион. Сказочница вспоминала, что тетушка была похожа на бульдога, который имел «суровый вид, но нежное сердце». И коровая сумка принадлежала ей: приезжая погостить к сестре, она доставала из нее гостинцы для племянниц и лекарства для их отца.

Мэри Поппинс высаживается на Вишневой улице посреди шторма и бури, достает из бездонной коровой сумки старую походную раскладушку, укладывается на нее, укрывается с головой и наполняет детскую комнату запахами карболки и скипидара. Ее любимые сорта мыла «Санлайт» и «Винолиа» прочно ассоциируются с бременем белого человека и чистоплотностью британского солдата Томми, а свою единственную пару туфель она начищает до блеска армейским гуталином.

«Вы верн-нулись, н-наконец-то, - запинался от волнения Майкл, обхватив ее тщательно обутую ногу – теплую, крепкую, самую что ни на есть настоящую, пахнущую черной ваксой». П. Л. Трэверс выстраивает мизансцену так, что читатель сразу попадает в атмосферу английской публичной школы. Каждый выход в Парк становится для Джейн и Майкла марш-броском с полной выкладкой: «В Парк походным шагом марш! Держать строй! Выкладываться по полной и не отставать!» – свирипо глядя через плечо, командует Мэри. «Жесткую прямую спину» она унаследовала у своего прототипа, неоднократно

упомянутого П. Трэверс – голландской куклы из книжки Флоренс Кейт Аптон «Приключения двух Голландских Кукол и Голливога». Муштра Мэри Поппинс быстро стала для детей Бэнксов повседневностью: «Мэри Поппинс была в такой ярости, что казалось, стала вдвое выше ростом». Мэри Поппинс выступает классическим носителем британского колониального сознания: «Зулус и то бы вел себя приличнее!» «Вы выглядите как мавры». «Ты не будешь вести себя как краснокожий, Майкл!» «Ты ведешь себя как готтентот!» Впрочем, презрительными расистскими кличками пользуются все жители Вишневой улицы, «уличные арабы» в речи Люсинды Эмили Ларк такое же обычное обращение, как «индус», «черный язычник» и «готтентот» у кухарки Клары Брилл.

По замыслу самой писательницы, Мэри Поппинс должна была дать взрослым шанс поверить в чудеса, как верила в них Трэверс. Ведь читатели книги полюбили Мэри именно за волшебство, которое она привносила в их жизнь. Мэри Поппинс учила и детей, и взрослых двум вещам: умению видеть сказочное в обычных вещах и не бояться любых перемен.

С первого взгляда, сюжет можно интерпретировать как фантазии ребят: чудеса они придумали или увидели во сне. Однако в мире «Мэри Поппинс» всё происходит на самом деле — после очередного приключения дети всегда находят физическую улику, например, шарф на рисунке фарфорового блюда, в котором они побывали или ленту после дня рождения Мэри в Зоопарке. Если в сказке шла речь о кошке, которая спорила с королём, то потом эта кошка обязательно появится в реальности — в данном случае, у Майкла оживёт фарфоровая статуэтка и ужасно напугает мистера Бэнкса.

Темная сторона Мэри Поппинс совершенно не очевидна детям и чрезвычайно интересна для взрослых. Так, например, взрослому читателю очень любопытно узнать, что автор «Мэри Поппинс» была действительным сотрудником британской военной разведки (в 1977 Памела Трэверс стала кавалером ордена Британской империи, получив награды из рук королевы Елизаветы II, и биографы писательницы настаивают, что не только за литературные заслуги, но в том числе и за разведывательную работу во время 2-ой мировой войны).

В оригинальном тексте Мэри Поппинс свой день рождения отмечает в полночь, в зоопарке, где её принимает Королевская Кобра в центре ритуального круга из животных, при этом подчёркивается близкая родственная связь между Коброй и Мэри Поппинс, она приходится «двоюродной племянницей по материнской линии». Родство считается и в ее движениях («Мэри Поппинс со скоростью змеи проскользнула в дверной проем и тащила детей вверх по лестнице»). Миссис Клара Корри (кузина Самуила Мо, приходящегося двоюродным братом Мэри Поппинс), «казавшаяся детям более старой, чем что-либо в этом мире», по ее собственным словам, она «присутствовала при сотворении мира и была в те времена уже далеко не девочкой».

Есть ещё одна примечательная черта, которая не раз обыгрывается в книге, это Мэри Поппинс и её отражение в зеркалах: «Мэри Поппинс поправила свою шляпу возле табачной лавки на углу. Там была одна из тех странных витрин, в которой вместо одного твоего отражения появляется три. Мэри Поппинс даже охнула от удовольствия, увидев сразу трёх Мэри Поппинс». «Она задержалась перед аптекой на углу так, чтобы видеть свое отражение в трех огромных бутылках, выставленных в витрине. Она могла видеть Зеленую, Синюю и Красную Мэри Поппинс одновременно. Мэри Поппинс смотрела на себя в этих трех бутылках и улыбалась довольно и удовлетворенно».

Писательница подчёркивает триединую природу персонажа. Мэри Поппинс как строгая воспитательница, как Верховная Ведьма (именно к такой трактовке приходит Памела Трэверс в поздних книгах, выстраивая магическую вселенную со своей иерархией), и как магический наставник /духовный учитель.

Заключение

«Мэри Поппинс» это серьёзное, глубокое философское высказывание, высказывание универсальное, что приводит к многослойности смысла и доступности самой широкой аудитории, включая и детей, и взрослых.

Это классический пример авторской литературной философской сказки.

Мы склонны думать порой, что Мэри Поппинс никуда не улетала тогда в детстве и вот-вот вернётся, как всегда самым экстраординарным способом, разбавив рутину будней радостью волшебства. В этот юбилейный год мы отдаем дань яркому литературному персонажу и одной из самых необычных ведьм в истории детской литературы и отвечаем на вопросы: кто же она, откуда появляется и куда всё время исчезает, ведь сама Мэри Поппинс Никогда Никому Ничего не объясняла.

Литература

- Бент (Акуз) А. Г. Сказочные повести П. Трэверс о Мэри Поппинс в контексте английской игровой культуры : дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. 229 с.
- Дунаевская Е. С. Волшебная сказка «Золотого века» английской детской литературы: генезис и жанрово-стилистические вариации : дисс ... канд. филол. наук : Санкт-Петербург, 2013. 234 с.
- Жабо Н. И., Авдонина М. Ю. Улыбка в современной французской литературе для детей // Национальные коды в европейской литературе XIX-XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации : коллективная монография. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2020. С. 357-365.
- Жабо Н. И., Авдонина М. Ю. Графиня де Сегюр и форум по COVID-19: доминирование коннотаций культуры // Романистика в эпоху полилингвизма: Материалы Международной научно-практической конференции. М.: МГЛУ, 2022. С. 50-60.
- Czernow A. M. Mary Poppins, Mr. Inkblot and Pippi Longstocking as Three Embodiments of the Fool Figure. *Filoteknos*. Vol. 9. Wrocław. 2019. P. 275-290.
- Bergsten S. Mary Poppins and myth. Published by Almqvist & Wiksell international, Stockholm, 1978. 171 p.
- Lawson W. Mary Poppins, She Wrote: The Life of P. L. Travers. Eds. Simon & Schuster, 2013. 416 p.
- Nicholson M. C. S. Lewis and the Scholarship of Imagination in E. Nesbit and Rider Haggard. In: *Renaissance* Volume 51, Issue 1, 1998 C. S. Lewis Centenary Edition. P. 41-62.

References

- Bent (Akuz) A. G. *Skazochnye povesti P. Trevers v kontekste angliiskoy igrovoy kultury* [P. Travers's fairy tales about Mary Poppins in the context of English play culture] : a dissertation. Candidate of Philological Sciences. Ekaterinburg, 1997. 229 pages (In Russian)
- Dunayevskaya E. S. *Volshebnaya skazka "Zolotogo veka" angliiskoy detskoy literatury; genesis y zhanrovj-stilisticheskiye variatsii* [Magic fairy tale of the 'Golden Age' of English children's literature: genesis and genre-stylistic variations] a dissertation. Candidate of Philological Sciences : St. Petersburg, 2013. 234 pages. (In Russian)
- Zhabo N. I., Avdonina M. Y. *Ulybka v sovremennoy franzuskoj literature dlya detey // Natsionalnye kody v evropejskoj literature XIX-XXI vv. Literaturnyi kanon v kontekste mezhkulturnoj kommunikatsii* [Smile in modern French literature for children // National codes in European literature of the XIX-XXI centuries. Literary canon in the context of intercultural communication]: a collective monograph. Nizhny Novgorod : NNGU Publishing House, 2020. pages 357-365.

- Zhabo N. I., Avdonina M. Y. *Grafiŋya de Segyur y forum po COVID-19: dominirovaniye konnotatsii kulturemy* // *Romanistika v epochu polilingvizma* [Countess de Segur and the forum on COVID-19: dominance of culturama connotations // Romanistics in the epoch of polylingualism]; Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. M.: MGLU, 2022. Pages 50-60.
- Czernow A. M. Mary Poppins, Mr. Inkblot and Pippi Longstocking as Three Embodiments of the Fool Figure. *Filoteknos*. Vol. 9. Wroclaw. 2019. P. 275-290.
- Bergsten S. Mary Poppins and myth. Published by Almqvist & Wiksell international, Stockholm, 1978. 171 p.
- Lawson W. Mary Poppins, She Wrote: The Life of P. L. Travers. Eds. Simon & Schuster, 2013. 416 p.
- Nicholson M. C. S. Lewis and the Scholarship of Imagination in E. Nesbit and Rider Haggard. In: *Renascence* Volume 51, Issue 1, 1998 C. S. Lewis Centenary Edition. P. 41-62.

Зданович Д. М.

Санкт-Петербургский государственный университет

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1970-Х ГОДОВ НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ФУРУИ ЁСИКИТИ

В статье исследуется влияние социальных изменений на японскую литературу 1970-х годов на примере творчества писателей «поколения интровертов». С использованием историко-культурного, биографического и литературоведческого методов анализируется, как стремительное экономическое и политическое развитие японского общества второй половины 1960-х годов породило среди интеллигенции ощущение утраты исторической перспективы и кризис идентичности. Представитель поколения интровертов – писатель Фуруи Ёсикити (1937–2020), в произведениях которого через отношение главных героев к обществу отражается ощущение японцами себя в мире того времени. В его повести «Ёко» и рассказе «Долина сожалений» рассматриваются мотивы размывания границ личности, потери себя и адаптации в обществе. Работа подводит к выводу, что литература поколения интровертов является не только художественным ответом на кризис, но и инструментом его осмысления, актуальным для разных эпох и культур. Исследование может быть полезным для анализа литературных и культурных ответов на кризисы идентичности в условиях современного глобального мира, в котором процессы утраты культурных ориентиров и размывания личности остаются актуальными.

Ключевые слова: японская литература, поколение интровертов, кризис идентичности, Фуруи Ёсикити, интроверсия

D. M. Zdanovich

St. Petersburg University

IDENTITY CRISIS IN JAPANESE LITERATURE OF THE 1970S THROUGH THE EXAMPLE OF YOSHIKICHI FURUI

The article examines the impact of social transformations in Japan of the 1960s on the literature of the 1970s, focusing on the “introverted generation” of writers. Using historical-cultural, biographical, and literary methods, this study examines how the rapid economic and shifting political climate of the era contributed to a sense of disconnection and identity crisis within Japanese society among intellectuals. A key representative of the introverted generation is Furui Yoshikichi (1937–2020), whose works reflect the Japanese people’s sense of themselves in the world of that time through the main characters’ attitudes towards society. Furui’s novel “Yoko” and short story “The Plain of Sorrows” explore the motifs of the blurring of personal boundaries, the struggle to maintain a sense of self, and the process of adapting to a rapidly changing social environment. The paper concludes that the literature of the introverted generation is not only an artistic response to the crisis, but also a tool for its comprehension, relevant for different eras and cultures. The study can be useful for analyzing literary and cultural responses to identity crises in today’s global world where the same processes of loss of cultural references remain relevant.

Keywords: Japanese literature, introverted generation. identity crisis, Yoshikichi Furui, introversion

Кризис идентичности у человека – это конфликт между внешним миром и текущим определением себя в этом мире. [Giddens, 1991, с. 181] Кризис происходит, когда мир вокруг меняется чересчур стремительно, и человек не успевает приспособиться к изменениям. Наглядными примерами служат промышленная революция в Европе во второй половине XIX века, глобализационные процессы в конце XX века, цифровизация, то есть, развитие мирового интернета и социальных сетей – в конце XX – начале XXI века. Таким образом, очевидно, что явление кризиса идентичности часто встречается в обществе, проявляясь, в частности, и в общественной культуре, в литературе, чем и обусловлена актуальность настоящей статьи.

Целью статьи является выявление мотивов кризиса идентичности в японской литературе 1970-х годов на примере творчества Фуруи Ёсикити. Задачами являются изучение исторического фона литературного явления «поколения интровертов», выявление основных особенностей литературы «поколения интровертов», выявление особенностей творчества Фуруи Ёсикити, анализ некоторых произведений Фуруи на предмет наличия мотива кризиса идентичности. При проведении исследования использовались такие методы как историко-культурный (при анализе исторического фона), биографический (при анализе влияния личности Фуруи на его творчество) и литературоведческий (при выявлении мотива кризиса идентичности).

Во второй половине 1960-х годов Япония стала одной из самых развитых капиталистических стран. [Гришелёва, 1981, с. 101] Однако в противовес стремительному экономическому процветанию и повышению благосостояния населения политическая ситуация устраивала не всех: консервативные круги усилили свои позиции, что отразилось на трансформации идеологических ориентиров. Преобразования в системе просвещения включали в себя возрождение в стране милитаризма и националистической идеологии, цензура ужесточилась. [Чегодарь, 1985, с. 140] Борьба против подписания «Договора о взаимном сотрудничестве...» с США в 1960 году окончилась поражением. Очевидной стала несправедливость идеи прогрессивного общества со свободой слова, равенством и справедливостью, интеллигенция была разочарована. Появилось ощущение утраты исторической перспективы.

Результатом стало намеренное выражение индифферентности к политической ситуации, что выражалось и в литературе. Группа писателей, в своих произведениях намеренно избегающих политизированности и идеологизации, получила название «поколение интровертов». В противоположность писателям более ранних годов, писатели-интроверты были сосредоточены на саморефлексии и описании персонального опыта, не вовлекая политические факторы в формирование персонажей, что послевоенные критики оценили это как новаторский шаг. «Интровертами» писателей назвал литературный критик Хидэо Одагири. [Исикава, 2022, с. 31] Такое название изначально несло негативную коннотацию, Одагири критиковал писателей за уход от политических вопросов. Однако со временем оно потеряло такой оттенок и стало обозначать (причём далеко не всегда справедливо) всех писателей, творивших в первой половине 1970-х годов.

Таким образом, интроверсия, повествование с помощью намёков, анализ собственных мыслей и воспоминаний были свойственны писателям поколения. Н. И. Чегодарь называет такой роман центробежным – в центре его находится описание «повседневных будней, индивидуального жизненного опыта», акцент сделан на переживаниях героев, подробном описании хода мыслей, выражения эмоций [Чегодарь, 1989, с. 150].

Стоит всё же заметить, что описания персонального опыта и рефлексия в японской литературе не инновационны и встречаются как в литературе ещё эпохи Хэйан, так и в японских жанрах, родившихся на рубеже XIX-XX веков [Мещеряков, 1991, с.142] [Fowler, 1988].

Обратимся к одному из основоположников направления, писателю Фуруи Ёсикити. Он вместе с Мэйсэй Гото сформулировал некоторые принципы, которым должен был бы руководствоваться писатель, причисляющий себя к поколению интровертов [Такэхара, 2023, с. 46]. Фуруи родился в 1937 году в Токио и жил там большую часть времени, за исключением годов в эвакуации. Фуруи закончил Токийский университет по направлению немецкой филологии, писал диплом по Францу Кафке, магистерскую диссертацию – по Герману Броху. После выпуска, одновременно преподавая, Фуруи продолжал изучать Г. Броха, а также Роберта Музиля, перевёл у первого повесть «Искуситель», у второго – рассказ «Искушения робкой Вероники». Изучал также Фридриха Ницше, Новалиса и др. Первый рассказ Фуруи опубликовал в 1968 г., а полностью посвятить себя писательству решил в 1970 году (в 30 лет).

Перечисленные авторы, в особенности Р. Музиль, повлияли на идеи и стиль Фуруи. Некоторые японские исследователи пишут, что Фуруи практически не перерабатывал влияние Музиля и просто копировал его стиль и образную систему, потому что она ему импонировала [Акаси, 2019, с. 123]. Подобно тому, как писатели в своих романах критикуют новое европейское общество начала XX века, в произведениях Фуруи кроется подспудная критика японского общества и роли индивидуальности. Предмет описания поколения интровертов, лейтмотивом протекающий через все произведения Фуруи – это фокусирование на мыслях главного героя, механизмы восприятия, познания и памяти, благодаря которым герой создаёт свою субъективную реальность.

Повесть «Ёко» (杏子 ёко), опубликованная в 1970 году, получила через год премию Акутагавы. В центре повествования выведены отношения между душевнобольной девушкой Ёко и молодым человеком, имя которого до конца романа так и остаётся незадавленным, писатель использует просто местоимение «он» (彼 *каре*). Отсутствие у главного героя имени ещё больше фокусирует читателя на внутреннем мире персонажа. История начинается со встречи главного героя и Ёко, сидящей на дне плато между гор. Главного героя привлекает «хрупкость границ» девушки, он испытывает к ней странное чувство, которое нельзя назвать ни ответственностью, ни любовью, и решает продолжить с ней общаться. Под хрупкостью границ подразумевается собственно болезнь Ёко, которой автор намеренно не даёт конкретных симптомов, чтобы сделать ощущения девушки более абстрактными, а не обусловленными простой физиологией.

Основная особенность болезни – это «потеря самой себя». Дело в том, что самой Ёко часто кажется, будто бы она сливается с внешним миром и не может определить физические границы её самой. Из-за этого ей тяжело ориентироваться в незнакомых местах, в особенности, вне города. Так, в начале повести на дне горного плато герой встречает Ёко, неподвижно сидящую на корточках и обхватившую себя руками в приступе паники. По мнению критика Сатоко Гото, такая поза – «не что иное, как попытка Ёко удержать своё исчезающее “я”». Крепко обнимая своё тело, девушка пытается сохранить себя через физическое ощущение [Гото, 2002, с. 78-79].

Подобная «потеря себя в мире» видна и в другой ситуации в повести. Ёко с трудом ориентируется в малознакомых местах. Даже когда главный герой показывает ей кафе, где хочет с ней встретиться в следующий раз, в день встречи ей требуется час, чтобы найти его, причём герой из окна кафе видит, как Ёко в недоумении останавливается прямо перед дверью, но даже знакомое название на витрине не вселяет в неё уверенности, и она продолжает поиски.

Нам становится ясно, что Ёко тяжело воспринимать саму себя, тяжело сформировать своё собственное мнение о реальности, не понимая её устройства.

В отношении Ёко с внешним миром, причём не только с людьми вокруг, но и буквально физическим миром, Фуруи, вероятно, вкладывает позицию самого обычного

человека в новом, ещё не понятном ему обществе. Собственная «размытость», причём в буквальном смысле, у Ёко символизирует размытость позиции человека в стремительно развивающемся японском обществе.

История заканчивается хорошо, Ёко признаёт свою болезнь и соглашается начать лечение во многом благодаря главному герою. Этим жестом она как бы признаёт своё отличие от мира и начинает процесс адаптации в нём путём изменения себя. Вернее, самое главное изменение – желание подстроиться под мир – уже произошло, а Фуруи описывает постепенный процесс прихода к нему.

Небольшой рассказ Фуруи «Долина скорби» (哀原 *aixara*) повествует о мужчине, который, узнав о неизлечимой болезни у себя, сбегает от своей семьи и на протяжении недели прячется у любовницы.

В первой части рассказа описывается состояние главного героя до его побега: в его груди поселилось чувство тоски, которое порою усиливалось так, что его с трудом возможно было терпеть. При описании ощущений главного героя перед читателями открываются и особенности его межличностных отношений:

«Сначала такие внутренние припадки случались раз в несколько дней, затем ежедневно, а под конец — по несколько раз в день в, причём любой момент, будь он на рабочем совещании или на семейном ужине с женой и детьми. На секунду ему хотелось скрючиться на корточках прямо там, где он находился, настолько невыносимо ощущалась тоска. Однако в такие моменты он осознавал, как, наоборот, начинает вести себя преувеличенно вежливо, реагируя на окружающих с подчеркнутой обходительностью. Он всегда поддерживал видимость благополучия — это был его способ заботы о близких. И он намеревался продолжать так делать и впредь».

Пренебрегая обществом жены, герой обращается к одной из своих любовниц, человеку, с которым он общался всего два месяца, да и то давным-давно. Напряженность его отношений даже с самыми близкими людьми снова напоминает о тяжести нахождения человека в современном обществе. Герой даже не желает понимать устройство мира, мысли других людей.

И даже с любовницей герой далеко не сразу становится откровенен, разговаривает мало, да и то обиняками, отвлекаясь на несвязанные размышления:

«А случается ли так, что тебя часто с кем-то путают? Они не зовут тебя, но подходят и пристально вглядываются в лицо, то и дело наклоняя голову и ожидая, когда же ты их узнаешь. Или зачастую знакомый говорит, что видел тебя тогда-то, в таком-то месте, но якобы ты спешил, поэтому он не подошёл. А ты никак не можешь убедить его, что на самом деле тебя там никак не могло быть. Что это? Наверное, границы меня самого размываются, а черты лица становятся похожими на всех одновременно». (перевод автора)

Мы можем наблюдать тот же самый мотив, что и в «Ёко» – размытие границ, потеря самого себя. Хотя читатель уже осознаёт метафоричность этого ощущения, герой здесь ощущает то же, что и Ёко. Несмотря на то, что инструмент, заставляющий героя испытать кризис личности, – это смерть, его неизлечимая болезнь (она заставляет героя пересмотреть своё отношение к жизни), именно из-за странных отношений с обществом герой рассказа так похож на Ёко и тоже олицетворяет неустroенность человека, его поиск места в новом обществе.

Можно сказать, что чувство внутреннего дискомфорта, испытываемое героями произведений – это отражение состояния японцев того времени, оказавшихся неготовыми к осмыслению и принятию стремительных изменений в обществе. Как героиня повести Ёко не

может найти своё место в жизни, как главный герой «Равнины сожалений» обязан его пересмотреть из-за болезни, так и многим японцам пришлось по-новому взглянуть на свою страну и собственное их место в её идеологии и культуре. В случае с Фуруи удачно выбрана параллель с общественным кризисом, происходящим в странах, подконтрольных нацистской Германии во второй четверти XX века. Для описания сходной, по его мнению, ситуации в японском обществе, Фуруи использовал образную систему немецких писателей. Проанализированные произведения Фуруи — это не только описание внутренних конфликтов, но и способ привлечь внимание к тому, как общественные изменения влияют на человеческую психику.

Тематика творчества Фуруи является наглядным примером тем, поднимаемых в творчестве писателями «поколения интровертов». Его произведения остаются актуальным способом анализа и понимания кризиса идентичности, характерного не только для Японии второй половины XX века, но и для разных эпох и культур.

Источники

Furui, Yoshikichi. *Child of Darkness: Yoko and Other Stories* / by Furui Yoshikichi translated with an introduction and critical commentaries by Donna George Storey. USA: Center for Japanese Studies, The University of Michigan, 1997. 204 p.

古井由吉 哀原 = Фуруи Ёсикити. Аихара = Долина сожалений / Токио: Бунгэйсю:дзю, 1977. 251 с.

Литература

Гришелева Л. Д. Культура послевоенной Японии. /Л. Д. Гришелёва. Москва: Наука, 1981. 214 с. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.klex.ru/1en5>

Чегодарь Н. И. К проблеме типологии японского послевоенного романа // Япония: идеология, культура, литература / Отв ред. В. Н. Горегляд, В. С. Гривнин. М.: Наука. 1989. 197 с. [Эл. ресурс]. URL: <https://ichiban.narod.ru/books/YAIKL/ik121.html>

Чегодарь Н. И. Человек и общество в послевоенной литературе Японии. / Н. И. Чегодарь. Москва: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1986. 190 с.

Fowler Edward. *The Rhetoric of Confession: Shishosetsu in Early Twentieth-Century Japanese Fiction* / Fowler Edward. Second Edition. Berkeley, USA: University of California Press, 1988. 364 p. URL: <https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft0k400349&chunk.id=d0e280&toc.depth=1&toc.id=&brand=ucpress> (дата обращения: 30.12.2024)

Giddens Anthony. *Modernity and Self-Identity: Self in Society in the Late Modern Age* / Giddens Anthony. Cambridge, England : Polity Press, 1991. 266 p.

赤司英一郎 古井由吉のローベルト・ムーゼル受容 = Акаси эитиро. фуруи ёсикити-но ро:бэруто му:дзиро дзюё: = Акаси Эитиро. Восприятие Роберта Музиля у Фуруи Ёсикити / То:кё: гакугэй дайгаку киё: 2019. Т. 74 с. 124–114. URL: https://u-gakugei.repo.nii.ac.jp/record/35650/files/18804314_70_07.pdf (дата обращения: 30.12.2024)

後藤聡子 装われたメッセージ—古井由吉『杳子』をめぐって = Гото Сатоко. Ёсооварэта мэссэ:дзи – Готи Сатоко. Фуруи Ёсикити «Ё:ко» о мэгутт = Скрытое послание: о произведении Фуруи Ёсикити «Ёко» / Токио онна дайгаку нихон бунгаку 2002. Т. 98. с. 75-91. URL: <https://twcu.repo.nii.ac.jp/records/19432> (дата обращения: 30.12.2024)

石川巧 生と死の境い目を弛ませる「祭祀」—古井由吉『行隠れ』論= Исиака Такуми.

Сэй то си-но сакаимэ о тарумасэру «сайси» – Фуруи Ёсикити «Юкигакурэ» рон = Исиака Такуми. Ритуал, стирающий границу между жизнью и смертью: о произведении Фуруи Ёсикити «Исчезновение» / Сёва бунгаку кэнкю: 2022. Т. 86. с. 31–45. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/showabungaku/86/0/86_31/_pdf/-char/en (дата обращения: 30.12.2024)

竹永知弘 身体と衣装—季刊同人誌『文体』（一九七七～一九八〇）から考える「文体」=

Такэнага Томохиро. Синтай то исё: кикан до:дзинси «Бунтай» (1977-1980) кара кангаэру «бунтай» = Такэнага Томохиро. Содержание и форма: понятие «стиль», как его рассматривали в одноимённом ежеквартальном журнале / Сёва бунгаку кэнкю: 2023. Т. 86. с. 46-61. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/showabungaku/86/0/86_46/_pdf/-char/ja (дата обращения: 30.12.2024)

Sources

Furui Yoshikichi. (1997). *Child of Darkness: Yoko and Other Stories*. Translated with an introduction and critical commentaries by Donna George Storey. Ann Arbor: Center for Japanese Studies, University of Michigan.

Furui Yoshikichi. (1977). *The Plain of Sorrows*. Tokyo: Bungei Shunju. (In Japanese)

References

Grishleva L. D. (1981). *Culture of Post-War Japan*. Moscow: Nauka. Available at: <https://www.klex.ru/1en5/> (In Russ)

Chegodar' N. I. (1986). *Man and Society in Post-War Japanese Literature*. Moscow: Nauka, Glavnaia redaksiia vostochnoy literatury. (In Russ)

Chegodar' N. I. (1989). On the Typology Problem of the Japanese Post-War Novel. *Iaponia: ideologiya, kul'tura, literatura*, ed. by V. N. Goregliad, V. S. Grivnin. Moscow: Nauka. Available at: <https://ichiban.narod.ru/books/YAIKL/ikl21.html> (In Russ) (accessed: 30.12.2024)

Fowler Edward. (1988). *The Rhetoric of Confession: Shishosetsu in Early Twentieth-Century Japanese Fiction*. Second Edition. Berkeley, CA: University of California Press. Available at: <https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft0k400349&chunk.id=d0e280&toc.depth=1&toc.id=&brand=ucpress>. (accessed: 30.12.2024)

Giddens Anthony. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self in Society in the Late Modern Age*. Cambridge, UK: Polity Press.

Akashi Eitiro. (2019) Furui Yoshikichi no Roberuto Mujiru jyuyo. Tokyo Gakugei Daigaku Kiyo. Available at: https://u-gakugei.repo.nii.ac.jp/record/35650/files/18804314_70_07.pdf

Goto Satoko. (2002) Osowareta messe:ji — Furui Yoshikichi 'Yoko' o megutte. Tokyo Onna Daigaku Nihon Bungaku. Available at: <https://twcu.repo.nii.ac.jp/records/19432>. (In Japanese)

Ishikawa Takumi. (2002). Sei to shi no sakaimé o tarumaseru 'Saishi' — Furui Yoshikichi 'Yukigakure' ron. Tokyo, Japan: Showa Bungaku Kenkyu. Available at: https://www.jstage.jst.go.jp/article/showabungaku/86/0/86_31/_pdf/-char/en. (In Japanese) (accessed: 30.12.2024)

Takenaga Tomohiro. (2023) Shintai to isho: kikan do:jinshi 'Buntai' (1977-1980) kara kangaeru 'buntai'. Tokyo, Japan: Showa Bungaku Kenkyu. Available at: https://www.jstage.jst.go.jp/article/showabungaku/86/0/86_46/_pdf/-char/ja. (In Japanese) (accessed: 30.12.2024)

ГОДОНИМИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ ПЕРВОГО РАЙОНА ВЕНЫ

Автор настоящей статьи обращается к рассмотрению годонимов Внутреннего города или Первого района (Innere Stadt) Вены, одного из старейших и культурно значимых городов Европы, поскольку они представляют собой богатый источник для изучения исторической памяти. Интерес к данной проблеме продиктован стремлением проанализировать систему годонимов столицы Австрии. Цель исследования состоит в выявлении и трактовке основных принципов номинации улиц исторического центра города. Предпринята попытка обосновать ведущие принципы номинации годонимов, разделив их на 14 групп, что позволило определить некоторые особенности формирования языка городского пространства (большинство годонимов отображают принцип напоминания о прошлом; обладают узнаваемостью, разнообразием форм и репрезентируют отношение к Вене), а также обнаружить проблемные стороны исследования (топонимическая терминология нуждается в более четкой структуризации).

Ключевые слова: городское пространство, номинация, топонимика, урбаноним, годоним, семантико-мотивационный анализ, Вена.

Zelinska Y. Yu.

St. Petersburg University

HODONYMIC OBJECTS OF THE FIRST DISTRICT OF VIENNA

The author of this article turns to the consideration of the homonyms of the Inner City or the First District (Innere Stadt) of Vienna, one of the oldest and culturally significant cities in Europe, as they represent a rich source for the study of historical memory. The interest in this problem is dictated by the desire to analyse the system of homonyms of the Austrian capital. The aim of the study is to identify and interpret the main principles of nominating streets of the historical city centre. An attempt has been made to substantiate the leading principles of nomination of hodonyms by dividing them into 14 groups using the method of continuous sampling, which allowed us to identify some features of the formation of the language of urban space (most hodonyms reflect the principle of reminiscence of the past; they are recognisable, have a variety of forms and represent the attitude to Vienna), as well as to discover problematic aspects of the study (toponymic terminology needs a clearer structuring).

Keywords: urban space, nomination, toponymy, urbanonym, hodonym, semantic and motivational analysis, Vienna.

Введение

Сегодня значительно растет интерес к изучению языка городского пространства, поскольку декодирование топонимических единиц дает широкое представление о географическом положении города, его историческом развитии, а также способствует постижению национальной идентичности. Этим обусловлена актуальность исследования номинаций объектов города как инструмента сохранения культурной и исторической памяти в контексте глобализации. В условиях современной трансформации городской среды и

интернационализации жизни названия улиц становятся важным элементом, поддерживающим локальную идентичность и культурное разнообразие.

Важную роль в исследовании городского пространства играют топонимы – названия улиц, которые формируют культурный и исторический образ города, отражают его прошлое и настоящее, его менталитет.

Целью статьи является анализ топонимической системы первого района (Innere Stadt) Вены с точки зрения её семантической, исторической и культурной значимости, основные принципы номинации и систематизация ее элементов.

Структура статьи определяется логикой рассуждений автора: в первом разделе статьи определяются топонимы как объект исследования, далее рассматриваются топонимические объекты Внутреннего города или Первого района (Innere Stadt) столицы Австрии Вены. Статья завершается заключением, в котором подводятся общие итоги сказанного.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили официальные списки названий улиц, выбранных методом сплошной выборки, а также картографические ресурсы (всего 232 единицы).

Результаты и обсуждения

Топонимы как объект исследования

Городские топонимы или урбанонимы представляют собой систему семантических знаков, которые репрезентируют «внутреннюю сущность» города, обладают описательной и ассоциативной функциями, таким образом формируются его собственный культурно-языковой ландшафт.

Н. В. Подольская называет урбанонимом вид топонима; собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, название отдельного здания [Подольская; 1978, с. 154]. По мнению А. В. Суперанской, урбанонимы образуют сложную систему, связанную с многочисленными пересмыслениями одних и тех же имен в связи с включением их в разные системы, поэтому их не следует объединять с названиями других мелких объектов в единый раздел микротопонимов [Суперанская, 1973, с. 187]. В этой связи следует отметить, что систематизация топографической терминологии – одна из главных задач современной ономастики, поскольку термин «урбаноним» нередко выступает синонимом термина «годоним» [Егорова, 2018, с. 225].

Впервые термин «годоним» зафиксирован в первом издании словаря ономастической теории Н. В. Подольской, где годоним определяется как вид урбанонима – название линейного объекта в городе, в т. ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной [Подольская, 1978, с. 150]. А. В. Суперанская выделяет еще дромонимию как особый раздел ономастики, содержащий в себе названия путей сообщения и маршрутов [Суперанская, 1973, с. 187].

Немецкий лингвист Д. Нюблинг (D. Nübling) не разделяет три понятия (Straßennamen – Dromonyme – Hodonyme) и дает следующее определение: «Названия улиц, дромонимы или годонимы являются названиями внутригородских транспортных маршрутов и служат для ориентации внутри населенных пунктов» (*Straßennamen oder Dromonyme bzw. Hodonyme sind die Namen für innerörtliche Verkehrswege und dienen der Orientierung innerhalb von Siedlungen*) [Nübling, 2012, с. 243]. Таким образом, наблюдается тенденция соотношения отечественными лингвистами с термином «годоним» «географии» только внутригородского пространства в

отличие от европейских ономастов, которые, как видно из определения выше, указывают на сходство терминов «дромоним» и «годоним».

Немецкими лингвистами отмечается также два типа номинации улиц: главные улицы (*primäre Straßen*) и второстепенные улицы (*sekundäre Straßen*). Названия «главных улиц», более старых по возрасту, обладают преимущественно описательной и ориентировочной функциями [Fuchshuber-Weiß, 1996; Kettner, 1998].

Понятие («второстепенные улицы») появляется в 18 веке, их именования связаны, как правило, с политической и идеологической системами; названия носят характер напоминания (*Erinnerungscharakter*), мотивацию номинации можно обозначить как коммеморативную и дескриптивную.

С 19 века номинативная тенденция приобрела тематический характер, так возникли так называемые мотивационные группы (*Motivgruppen*) антропогонимов. Это улицы, названные в честь писателей, художников, композиторов. Такой тип номинации преследовал, по мнению Д. Нюблинг, прежде всего мнемотехническую цель, он облегчал процесс запоминания и служил лучшему ориентированию в городе [Nübling, 2012, с. 244].

Названия переулков и улиц в Вене фиксируются с 18 века, а на планах города – с 1547 года. Вопросом номинации улиц Вены активно занимаются историки и лингвисты и сегодня. Так, по поручению Городской администрации города в 2011 была создана комиссия, которая исследовала историческое значение личностей, в честь которых названы улицы города. По результатам исследования было принято решение пересмотреть критерии номинации: «В будущем названия улиц должны отличаться узнаваемостью, самобытностью, краткостью и связью с Веной» (*Straßennamen sollen sich künftig durch Erkennbarkeit, Unterscheidbarkeit, Kürze und Wien-Bezug auszeichnen*) [Autengruber, Nemec, Wenninger, 2013]. Следует отметить также связь между социальными изменениями общества и годонимами. Обновленная система антропогонимов Вены должна, по мнению администрации города, содержать в себе тенденции гендерного равенства и диверсификации мигрантов.

Годонимические объекты Первого района (Внутреннего города) Вены

Анализируя годонимы Внутреннего города, можно сделать вывод, что основным топонимообразующим элементом служит лексема *die Gasse*, который встречается 129 раз. В Германии этот элемент является компонентом номинации переулка, а в Вене служит для обозначения улицы. Есть и другие годонимообразующие элементы: *die Straße* (49), *der Hof* (21), *die Bastei* (6), *die Burg* (6), *die Promenade* (4), *der Steig* (3), *die Stätte* (2), *der Steg* (1), *der Kai* (1). Встречаются также номинации, построенные по схеме предлог + артикль + существительное (3), прилагательное + существительное (5).

Своеобразным «кольцом» Внутреннего города является *Ringstraße*, поскольку она располагается на месте старых городских стен Вены. Ее части образуют следующие годонимы: *Schottenring* (агиогодоним *Schottenstift*), *Universitätsring* (ойкодоним *Wiener Universität*), *Dr.-Karl-Renner-Ring* (антропоним *Dr. Karl Renner*), *Burgring* (ойкодоним *Burgtheater*), *Opernring* (ойкодоним *Wiener Staatoper*), *Kärtner Ring* (урбаноним *Kärntner*), *Schubertring* (антропоним *Franz Schubert*), *Parkring* (урбаноним *Wiener Stadtpark*), *Stubenring* (урбаноним *Stubentor*).

Семантико-мотивационный анализ 232 годонимов Внутреннего района Вены, позволяет разделить названия улиц на следующие группы:

№	Группа	Кол-во единиц	Примеры
1.	Антропогонимы	92	<i>Eschenbachgasse, Habsburgergasse</i>
2.	Годонимы, в основе которых лежит род деятельности человека	24	<i>Drahtgasse, Bäckerstraße</i>
3.	Агиогонимы	16	<i>Marienstiege, Annagasse</i>
4.	Годонимы, имеющие отношение к городским объектам	37	<i>Bankgasse, Operngasse</i>
5.	Годонимы, чья номинативная мотивация неизвестна	11	<i>Alte Walfischgasse, Blutgasse, Bräunerstraße</i>
6.	Годонимы-события	6	<i>Opernring, Philharmonikerstraße, Brandstätte</i>
7.	Годонимы-диалектизмы	1	<i>Am Gestade</i>
8.	Годонимы, содержащие названия фортификационных сооружений	13	<i>Mölker Bastei, Schottenbastei, Burgring</i>
9.	Годонимы, определяющие локацию относительно замка <i>Hofburg</i>	4	<i>Bellariastraße, Burgring, Herrengasse</i>
10.	Годонимы, обусловленные общей локативной семантикой	9	<i>Fischerstiege, Rechte Wienzeile, Grünangergasse</i>
11.	Годонимы, напоминающие о проживании поселения <i>Vindobona</i> на территории сегодняшней Вены	3	<i>Tiefer Graben, Am Hof, Graben</i>
12.	Локативные годонимы по элементам «Stift» / «Hof»	6	<i>Liliengasse, Grashofgasse, Passauer Platz</i>
13.	Годонимы, связанные с названиями орденов	2	<i>Jesuitengasse, Predigergasse,</i>
14.	Локативные годонимы по элементу «Hauschild»	8	<i>Landskrongasse, Kühfußgasse, Irisgasse</i>

Очевидно, что каждая категория раскрывает «биографию» города: его образование, историческое, духовное и культурное развитие.

Согласно топонимическому словарю Е. М. Поспелова на месте нынешней столицы Австрии в 1 в. до н.э. располагался римский военный лагерь *Vindobona* [Поспелов, 1998, с. 93]. Три годонима подтверждают этот исторический факт. Один из них, *Graben* (ров), восходит к этому периоду. Стена вдоль нынешнего проезда и нынешнего переулка *Naglergasse* образовывала юго-западную часть замка, перед которой находился ров.

О средневековой Вене рассказывают годонимы, содержащие названия фортификационных сооружений. Так, *Schottenbastei* названа в честь одного из бастионов городского укрепления; *Rotenturmstraße* представляет Красную башню (*Roter Turm*) – часть средневековых городских укреплений Вены.

Нельзя не упомянуть Хофбург (*Hofburg*) – средневековый замок, а затем резиденцию императоров династии Габсбург. Ряд годонимов определяет локацию относительно этого замка, например: *Stallburggasse, Herrengasse*.

Большое количество агиогонимов во Внутреннем городе говорит о значительной роли религии в его становлении и развитии. Ряд агиогонимов связан с монастырями (*Laurenzerberg, Himmelfortgasse, Dorotheegasse*) и кирхами (*Johannesgasse, Ruprechtstiege,*

Augustinerstraße), которые в разное время были возведены в городе. Интересным представляется также и наличие годонимов, связанных с названиями орденов католической церкви: *Jesuitengasse* – в честь ордена Иезуитов; *Predigergasse* – в честь Доминиканского ордена.

В годонимах находит свое отражение жизнь города, выраженная в его традициях, занятиях людей, ярких событиях, таким образом выделяются категории локативных годонимов по элементу *Hausschild* (*Parisergasse* названа по домовому знаку *Zum Parys*, *Schwertgasse* названа по домовому знаку *Zu den sieben Schwertern*) и по элементу *Stift/Hof*, например *Köllnerhofgasse* происходит от *Kölner Hof* – большой бюргерский дом; *Göttweihergasse* происходит от *Göttweiger Hof* – арендный дом, которым владела церковная организация *Göttweig*.

Локативные годонимы общей тематики содержат в своей номинации разнообразную семантику: *Jerusalemstiege* названа в честь города Иерусалим; *Rechte Wienzeile* буквально указывает свое расположение – правый берег реки Вена; *Kärntner Straße* – историческое название улицы, которая в средние века была маршрутом через Штирию и Каринтию в Триест и Венецию.

Следует отметить достаточное количество годонимов, номинация которых обусловлена близлежащими городскими объектами, например, *Börsegasse* (здание биржи), *Ballgasse* (учреждение *Etablissement Boyersches Ballhaus*), *Reichsratsstraße* (здание парламента), *Operngasse* (Венская опера).

Вена всегда была полна ярких событий, что «читается» в следующих годонимах: *Philharmonikerstraße* (номинация в честь столетия Венской филармонии), *Esslinggasse* (номинация-память о битве при Асперне в 1809 году, которая ранее называлась битвой при Эсслинге), *Brandstätte* (напоминание о городских пожарах).

Однако жизнь города определяют люди, их род занятий, что подтверждает значительное число годонимов, в основе которых лежит деятельность человека. Торговля и изготовление товаров (*Fütterergasse*, *Drahtgasse*, *Wollzeile*, *Tuchlauben*, *Seilergasse*), а также месторасположение торговой точки (*Salzgasse*, *Schulgasse*, *Seilerstätte*) отразились в названиях улиц Внутреннего города.

Наибольшее число годонимов Вены составляют антропогонимы, по которым можно проследить богатое политическое (*Schallautzerstraße*, *Leopold-Figl-Gasse*, *Liebenberggasse*), культурное (*Makartgasse*, *Schellinggasse*, *Theodor-Herzl-Stiege*), музыкальное (*Schubertring*, *Maysedergasse*, *Mahlerstraße*), имперское (*Jasomirgottstraße*, *Habsburgergasse*, *Herrengasse*, *Heinrichgasse*, *Marc-Aurel-Straße*), военное (*Schwarzenbergstraße*, *Tegetthoffstraße*, *Heßgasse*, *Coburgbastei*, *Rauhensteingasse*) прошлое Внутреннего города. Это неполный перечень выдающихся деятелей искусств, науки, почетных граждан Вены, в честь которых названы улицы Внутреннего города.

Завершая анализ годонимов первого района, нельзя оставить без внимания еще две группы: годонимы-диалектизмы и годонимы, чья номинативная мотивация неизвестна.

Годоним-диалектизм *Am Gestande* косвенно назван по первоначальному названию *Gstetten*. В венском диалекте термин *Gstetten* ассоциируется с заброшенным, незастроенным районом или районом с названными залежами.

Категорию годонимов, чья номинативная мотивация неизвестна представляют 11 единиц, как например *Alte Walfischgasse*, *Blutgasse*, *Bräunerstraße*, *Jungferngasse*.

Заключение

Анализ языка городского пространства Первого района столицы Австрии Вены позволил сделать следующие выводы:

1. Большинство топонимов отражают принцип напоминания о прошлом (*Erinnerungscharakter*). Это связано с любой сферой жизни: история, культура, наука, политика. В статье выделяется отдельная категория топонимов-событий, которые только усиливают этот характер напоминания, а множество антропопонимов увековечивают неоценимый вклад многих людей в становление и развитие города.
2. Проанализированные топонимы соответствуют общепринятым принципам номинации Австрии – топонимы обладают узнаваемостью, разнообразием форм и репрезентируют отношение к Вене. Однако большое количество антропопонимов, с другой стороны, подтверждает опасения австрийских ономастов относительно значимости той или иной персоны, в честь которой называется улица.
3. Терминология языка городского пространства нуждается в более четкой структуризации: существует несколько подходов к определению термина «топоним» среди отечественных ономастов, с одной стороны, а с другой стороны, в работах немецких исследователей термины названия улиц, топонимы, дромонимы являются тождественными.

Литература

- Егорова Л. В. К вопросу изучения топонимов в современной парадигме лингвистических исследований // Вестник Чувашского университета. – № 2, 2018. – С. 224-233.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская; Институт языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
- Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь: Свыше 5000 единиц. / Отв. ред. Р. А. Агеева. – М.: «Русские словари», 1998. – 372 с.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
- Autengruber P., Nemec B., Wenninger F. Straßennamen Wiens seit 1860 als „Politische Erinnerungsorte“. 2013. URL: <https://www.wien.gv.at/kultur/strassennamen/strassennamenpruefung.html>
- Csendes P., Mayer W. Die Wiener Straßennamen // Wiener Geschichtsblätter 42 – № 2, 1987 – S. 9.
- Fuchshuber-Weiß E. Straßennamen: deutsch // Ernst Eichler – Gerold Hilty – Heinrich Löffler – Hugo Steger – Ladislav Zgusta (Hg.): Namenforschung. 2. Teilband. Berlin – New York, 1996. – S. 1468-1475.
- Kettner B.-U. Politische Straßennamen in der Stadt Marburg // Sprache in der Vergangenheit und Gegenwart, 1988. – S. 141-154.
- Lexikon der Straßennamen. URL: https://www.geschichtewiki.wien.gv.at/index.php?title=Spezial:Abfrage_ausf%C3%BChren/Stra%C3%9Fennamen.
- Nübling D. Eine Einführung in die Onomastik. – Tübingen: Narr Verlag, 2012. – 367 S.

References

- Egorova, L. V. (2018) K voprosu izucheniya godonimov v sovremennoj paradigme lingvisticheskikh issledovanij [The question of studying toponyms in the modern paradigm of linguistic studies] // Vestnik CHuvashskogo universiteta. – № 2. pp. 224-233. (in Russian)
- Podol'skaya, N. V. (1978) Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii [Dictionary of Russian onomastic terminology] / Отв. ред. А. В. Суперанская; Institut yazykoznanija AN SSSR. — М.: Nauka, — 200 p. (in Russian)
- Pospelov, E. M. (1998) Geograficheskie nazvaniya mira: Toponimicheskij slovar': Svysh 5000 edinic [Geographical names of the world: Toponymic Dictionary: Over 5000 units] / Отв. ред. R. A. Ageeva. – М.: «Russkie slovori», – 372 p. (in Russian)

- Superanskaya, A. V. (1973) Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General theory of a proper name] – M. : Nauka, – 366 p. (in Russian)
- Autengruber, P., Nemec, B., Wenninger, F. (2013) Straßennamen Wiens seit 1860 als „Politische Erinnerungsorte“. Available at: <https://www.wien.gv.at/kultur/strassennamen/strassennamenpruefung.html>
- Csendes, P., Mayer, W. (1987) Die Wiener Straßennamen // Wiener Geschichtsblätter 42 – № 2, – P. 9.
- Fuchshuber-Weiß, E. (1996) Straßennamen: deutsch // Ernst Eichler – Gerold Hilty – Heinrich Löffler – Hugo Steger – Ladislav Zgusta (Hg.): Namenforschung. 2. Teilband. Berlin – New York, – PP. 1468-1475.
- Kettner, B.-U. (1988) Politische Straßennamen in der Stadt Marburg // Sprache in der Vergangenheit und Gegenwart, – PP. 141-154.
- Lexikon der Straßennamen. Available at: https://www.geschichtewiki.wien.gv.at/index.php?title=Spezial:Abfrage_ausf%C3%BChren/Stra%C3%9Fennamen .
- Nübling, D. (2012) Eine Einführung in die Onomastik. – Tübingen: Narr Verlag, – 367 p.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЗНАТЕЛЬНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ВНУТРИЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Настоящая статья посвящена анализу феномена внутриязыковой интерференции в лингводидактическом контексте, а также вопросу нейтрализации данного явления посредством внедрения педагогом элементов сознательно-практического и сознательно-сопоставительного методов. Актуальность исследования связана с наличием в методической литературе сравнительно небольшого количества работ по данной тематике. В работе рассматриваются понятия внутриязыковой интерференции и трансференции, приводятся основные классификации и концепции. Также рассматриваются характеристики сознательно-практического и сознательно-сопоставительного методов, обсуждается их возможный потенциал, связанный с проблемой преодоления интерференции. Ключевые черты данных методов сопоставляются с некоторыми уже имеющимися в методической литературе приемами нейтрализации интерференции. Автор приходит к выводу, что применение сознательных методов может значительно сократить количество внутриязыковых ошибок, поскольку они предполагают поэтапное формирование речевых навыков, опору на сознательность, развитие языковой догадки обучающихся. В завершение статьи предлагаются практические рекомендации для преподавателей.

Ключевые слова: внутриязыковая интерференция, внутриязыковая трансференция, перенос навыков, сознательно-практический метод, сознательно-сопоставительный метод.

Zolotaya E. L.

St. Petersburg University

APPLYING CONSCIOUSNESS-RAISING METHODS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING TO PREVENT THE NEGATIVE IMPACT OF INTRALINGUAL INTERFERENCE

This article is devoted to the analysis of the intralingual interference phenomenon in the linguodidactic context, as well as the issue of neutralizing this phenomenon by introducing elements of consciousness-practical approach and conscious-comparative method. The relevance of the study is due to the presence of a relatively small number of scientific works on this topic in the methodological literature. The paper examines the notions of intralingual interference and transference, provides the main classifications and concepts associated with these phenomena. It also considers the characteristics of the consciousness-practical approach and consciousness-raising method, discusses their possible potential for overcoming interference. The key features of these methods are compared with some interference neutralization techniques already discussed in the methodological literature. The author comes to the conclusion that the application of conscious methods can significantly reduce the number of intralingual errors, since they involve speech skills step-by-step formation, reliance on consciousness, and the development of students' guess mechanism. In conclusion, the article offers practical recommendations for teachers.

Keywords: intralingual interference, intralingual transference, language transfer, consciousness-raising approach, conscious-comparative method.

В настоящее время исследователи посвящают все больше работ феноменам, находящимся на стыке лингвистики, психологии и методики преподавания иностранных языков. Одним из таких феноменов считается явление внутриязыковой интерференции, представляющее собой зачастую неконтролируемое взаимодействие в сознании и речи говорящего языковых единиц, форм и моделей, принадлежащих изучаемому на данный момент иностранному языку. Внутриязыковые или интралингвистические процессы, подразумевающие перенос навыков, во многом отражают процесс освоения обучающимися иностранного языка: нередко ранее приобретенные навыки оказывают негативное воздействие на формирование новых навыков, что впоследствии приводит к нарушению речевых норм и разнообразным ошибкам [Баграмова, Соломина, 2015, с. 45]. С другой стороны, причиной взаимодействия языковых форм можно считать и асимметрию языковой системы изучаемого языка, то есть отсутствие единообразия в ее построении на всех языковых уровнях. Как правило, в лингвистике языковую асимметрию рассматривают с разных позиций, анализируя конкретный тип языковых нарушений [Эрдынеева, 2013, с. 79].

Внутриязыковая интерференция имеет разнообразные проявления на всех языковых уровнях. Так, явление внутриязыковой фонетической интерференции заслуживает внимания, поскольку оно характерно не только для процесса освоения обучающимися иностранного языка, но и для самих носителей ввиду наличия в отдельных языках большого количества диалектов. На фонетическом уровне интерференцию могут вызывать сходные по некоторым артикуляционным признакам звуки и совпадающие интонационные конструкции [Шайдуллина, Губайдуллина, Сахипова, 2019, с. 144].

Для описания проявлений внутриязыковой интерференции, имеющей место на иных языковых уровнях (морфологическом, лексическом, синтаксическом и др.), часто обращаются к различным классификациям. Одна из классификаций, связанных с ошибками, причинами которых может стать явление интерференции, принадлежит известному исследователю Дж.Ричардсу. Отметим, что данная концепция может быть применима для описания отдельных случаев как межъязыковой, так и внутриязыковой интерференции. Так, по мнению Дж.Ричардса, для процесса возникновения ошибок характерны следующие тенденции:

- 1) тенденция к сверхгенерализации или обобщению правил, то есть в некоторых случаях обучающиеся выходят за рамки употребления изучаемых правил, поскольку проводят ошибочные аналогии между нетождественными контактирующими явлениями (*overgeneralization*);
- 2) тенденция к игнорированию существующих в любом иностранном языке ограничений (*ignorance of rule restrictions*);
- 3) тенденция к формированию ошибочных гипотез относительно изучаемых языковых явлений ввиду неверного восприятия характеристик изучаемых языковых единиц (*false concepts hypothesized*);
- 4) ошибки, вызванные попытками обучающихся преодолеть коммуникативные затруднения и, как следствие, спонтанное использование ими некорректных выражений (*communication-based errors*);
- 5) внутриязыковые ошибки, вызванные тем, что педагог представил контактирующие явления, полноценно не разъяснив обучающимся их различия и спровоцировав тем самым смешение данных явлений в сознании обучающихся (*induced errors*);

б) неполное применение правил, вызванное тем, что обучающийся намеренно заменяет сложные конструкции более простыми, при этом учитывая в речи только часть присущих языку ограничений (*incomplete application of rules*) [Richards, 2015]. Данные тенденции отражают как проявления межъязыковой, так и внутриязыковой интерференции.

Проанализировав данную классификацию ошибок, можно сделать вывод, что внутриязыковая интерференция может иметь самые разнообразные проявления, а потому преподавателю иностранного языка следует выбирать наиболее эффективные приемы для ее нейтрализации.

Отметим, однако, что процесс освоения обучающимися иностранного языка может также сопровождаться феноменом внутриязыковой трансференции. На данный момент в лингвистической и методической литературе не существует единой точки зрения относительно данного явления. В рамках настоящего исследования внутриязыковая трансференция или внутриязыковой трансфер понимается как феномен, в рамках которого обучающийся эффективно пользуется накопленным ранее опытом изучения иностранного языка, находясь при этом в процессе его дальнейшего освоения. На наш взгляд, такой вид трансференции может проявляться в более быстром запоминании обучающимися новых единиц, в проведении корректных аналогий относительно изучаемых ранее и новых языковых явлений, а также посредством частого и эффективного использования механизма языковой догадки. В целом, внутриязыковая трансференция значительно облегчает процесс освоения иностранного языка, а потому нуждается в стимулировании.

На наш взгляд, предупредить или преодолеть негативное влияние внутриязыковой интерференции и, соответственно, стимулировать возникновение трансференции возможно за счёт внедрения педагогом на занятиях по иностранному языку элементов сознательных методов, в частности, сознательно-практического и сознательно-сопоставительного. Рассмотрим данные методы более подробно.

Обучение в рамках *сознательно-практического метода* предполагает полноценное осознание обучающимися значения новых языковых единиц, а также обильную речевую практику без использования родного языка обучающихся. Данная практика должна позволить предотвратить большое количество потенциальных внутриязыковых ошибок. Ввиду своей доказанной эффективности, опоры на принцип сознательности и объёма речевых упражнений сознательно-практический метод долгое время является одним из ведущих методов обучения иностранному языку в системе высшего образования [Алиев, 2020, с. 219]. Отметим некоторые ключевые черты сознательно-практического метода, которые позволят, на наш взгляд, существенно снизить негативное влияние внутриязыковой интерференции:

1) в рамках данного метода учитываются особенности родного языка обучающихся, что может стимулировать положительный внутриязыковой перенос (знания о языковой системе родного языка способствуют более быстрому освоению обучающимися особенностей лексической системы, морфологии и синтаксиса изучаемого языка) и развивать их языковое мышление;

2) грамматический материал тщательно группируется соответственно темам и ситуациям общения, а также вводится на занятиях постепенно, что, в свою очередь, минимизирует вероятность отрицательного внутриязыкового переноса, так как обучающиеся успевают в полной мере усвоить как форму новых языковых единиц, так и их значение;

3) реализация принципа концентризма обеспечивает сознательное усвоение обучающимися языковых единиц, а также их дальнейшее многократное повторение и воспроизведение, вследствие чего происходит более быстрая автоматизация языковых навыков, и существенно снижается вероятность допустить ошибку в рамках изученного материала;

4) минимизация средств общения относительно уровня обучающихся и их языковых потребностей также способствует поэтапному развитию языковых и речевых навыков и, как следствие, снижению отрицательного внутриязыкового переноса [Щукин, 2006, с. 195].

Ввиду того, что для данного метода характерен путь сознательного усвоения единиц языка и правил их применения с последующей автоматизацией, обучающиеся имеют возможность сформировать прочные языковые навыки. Иными значимыми преимуществами сознательно-практического метода являются последовательное и сознательное усвоение обучающимися языковых фактов и способов их применения, а также дифференциация учебного материала относительно принципа функциональности и принципа концентризма.

Другим сознательным методом, позволяющим предотвратить негативное влияние внутриязыковой интерференции, является *сознательно-сопоставительный метод*. Данный метод предполагает, с одной стороны, осознание обучающимися значения новых языковых единиц и способов их использования в различных речевых ситуациях, с другой стороны, опору на родной язык для более глубокого понимания особенностей изучаемого иностранного языка [Щукин, 2006, с. 195]. Отметим, что опора на родной язык может положительно повлиять на понимание обучающимися структуры изучаемого языка, если речь идет о фундаментальных грамматических категориях (например, категориях времени, числа, лица, вида).

Как известно, сознательно-сопоставительный метод основывается не только на идея отечественного лингвиста Л. В. Щербы, но и на теории деятельности, представляющей собой особую систему теоретических и методологических принципов изучения различных психических феноменов [Щерба, 1947]. Важной практической реализацией сознательно-сопоставительного метода можно считать внедрение преподавателем иностранного языка контрастивных упражнений, в рамках которых могут сопоставляться контактирующие явления как одного, так и нескольких языков. Считается, что контрастивные упражнения обладают значимым лингводидактическим потенциалом, поскольку они формируют гибкость языковых навыков, развивают креативность мышления обучающихся, способствуют расширению объема их языковой памяти и стимулируют внутриязыковой трансфер [Малых, 2017, с. 295]. На наш взгляд, для нейтрализации явления внутриязыковой интерференции педагог может использовать контрастивные упражнения, направленные как на межязыковое сопоставление (напр., сопоставить форму и значение следующих лексем на русском и английском языке соответственно: «магазин» и *magazine*, «фабрика» и *fabric*, «аккуратный» и *accurate*), так и на внутриязыковое сопоставление (напр., задания, предполагающие различение порядка слов в прямых и косвенных вопросах или использование инфинитива и герундия после глаголов *remember*, *forget*, *stop*, *regret*). При этом задания, связанные с внутриязыковым сопоставлением, обладают значимым лингводидактическим потенциалом, поскольку стимулируют гибкость и лабильность формируемых на изучаемом языке речевых навыков, развивают языковую интуицию, представляющую собой результат сложной работы речи и сознания [Чибухашвили, 2009, с. 64].

На основании анализа существующей методической и лингвистической литературы, посвященной вопросам предупреждения и преодоления языковой интерференции, нам удалось выявить, какие приемы являются наиболее эффективными.

К приемам, позволяющим преодолеть внутриязыковую интерференцию, относят упражнения в переводе, а также языковые упражнения в дифференциации, в рамках которых обучающиеся должны сопоставить единицы-интерференты, сравнив как их внешнюю форму, так и значение [Назаренко, 2019, с. 143]. Также для предупреждения влияния внутриязыковой интерференции предлагается одновременная реализация эмпирического метода (посредством анализа совершаемых обучающимися ошибок) и теоретического

метода, подразумевающего изучение лингвистических предпосылок возникновения интерференции для предварительного снятия трудностей [Усенко, 2017, с. 235]. С данными трудностями можно работать, выполняя разнообразные языковые, условно-речевые и речевые упражнения. Кроме того, стоит принимать во внимание и рекомендации по предупреждению интерференции, предлагаемые представителями психологической науки:

1) следует поддерживать идентичность между используемыми педагогом методами обучения, то есть для предупреждения внутриязыковой интерференции используемые педагогом подходы, методы и стратегии должны быть логичны и взаимосвязаны между собой;

2) переход к работе над языковыми навыками следует осуществлять только после окончательного закрепления и автоматизации ранее формируемых навыков;

3) в процессе обучения следует стремиться к намеренному созданию ситуаций-стимулов, то есть условий, побуждающих обучающихся к активному участию в дискуссии на иностранном языке, к использованию новых выражений и конструкций в контексте, что также впоследствии позволит снизить влияние внутриязыковой интерференции [Koroleva, Semenova, 2017, с. 80].

Следует сделать вывод, что описанные нами ранее сознательные методы коррелируют с данными приемами нейтрализации внутриязыковой интерференции: и сознательно-практический, и сознательно-сопоставительный методы предполагают использование переводных упражнений, упражнений в дифференциации (контрастивных), при этом в рамках данных методов процесс формирования языковых навыков как компонентов речевых умений имеет последовательный и поэтапный характер.

Таким образом, сознательно-практический и сознательно-сопоставительный методы могут стать ключевыми инструментами в решении проблемы внутриязыковой интерференции. Благодаря их внедрению, преподаватели смогут не только минимизировать количество ошибок своих обучающихся, но и помочь им сформировать устойчивые языковые навыки, стимулируя при этом положительный внутриязыковой перенос.

Литература

- Алиев С. Н. Сознательно-практический метод — ведущий метод в условиях вузовского обучения иностранному языку // Вестник педагогического университета. 2020. №1. С. 218-222.
- Баграмова Н. В., Соломина А. В. Роль интерлингвистических и интралингвистических процессов при изучении иностранного языка // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2015. №174. С.44-53.
- Малых Л. М. Контрастивные упражнения в системе мультилингвального обучения // Полилингвальность и транскультурные практики. 2017. №2. С.294-298.
- Назаренко Т. Ю. Преодоление межъязыковой лексической интерференции при мультилингвальном обучении студентов неязыкового вуза // Современный ученый. 2019. №6. С. 139-146.
- Усенко И. Ю. Внутриязыковая грамматическая интерференция и пути ее преодоления // Русский язык в полиэтническом образовательном пространстве военного вуза: Материалы межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14 декабря 2017 года. Санкт-Петербург, 2017. С. 231-236.
- Чибухашвили В. А. Функциональные особенности языковой интуиции и условия ее использования в речевом развитии школьников // Вестник ТГУ. 2009. №4. С. 63-68.
- Шайдуллина А. Р., Губайдуллина Г. Т., Сахипова З. М., Низамеева А. М., Зиганшина Н. Л. Внутриязыковая и межъязыковая фонетическая интерференция: особенности языковой региональной произносительной системы (устная речь) // Казанская наука. 2019. №. 9. С. 144-146.

- Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.: Высшая школа, 1974. 112 с.
- Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Филоматис, 2006. 480 с.
- Эрдынеева Д. В. К вопросу об асимметрии в языке // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2013. №11. С.78-81.
- Koroleva N. M., Semenova Yu. I. To the problem of competence and capacity in training foreign language teachers. Multicultural World: challenges of understanding. Мультикультурный мир: проблемы понимания: материалы Международной очно-заочной научно-методической конференции. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2017. С. 79–84.
- Richards J. C. Error Analysis: Perspectives on Second Language Acquisition. Routledge, 2015. 240 p.

References

- Aliev S. N. Conscious-practical method – the leading method in the conditions of university teaching a foreign language // Bulletin of the Pedagogical University. 2020. №1. P. 218-222.
- Bagramova N. V., Solomina A. V. The role of interlingual and intralingual processes in learning a foreign language // Bulletin of the Herzen State Pedagogical University. 2015. №174. – P. 44-53.
- Malykh L. M. Contrastive exercises in the system of multilingual education // Polylinguality and transcultural practices. 2017. №2. P.294-298.
- Nazarenko T. Yu. Overcoming interlingual lexical interference in multilingual teaching of students of a non-linguistic university // Modern scientist. 2019. №6. P.139-146.
- Usenko I. Yu. Intralingual grammatical interference and ways to overcome it // Russian language in the multi-ethnic educational space of a military university: Proceedings of the inter-university scientific and practical conference, St. Petersburg, December 14, 2017. St. Petersburg, 2017. P. 231-236.
- Erdynееva D. V. On the issue of asymmetry in language // Bulletin of BSU. Language, literature, culture. 2013. №11. P.78-81.
- Chibukhashvili V. A. Functional features of linguistic intuition and conditions of its use in the speech development of schoolchildren // Bulletin of TSU. 2009. №4. P.63-68.
- Shaidullina A. R., Gubaidullina G. T., Sakhipova Z. M., Nizameeva A. M., Ziganshina N. L. Intralingual and interlingual phonetic interference: features of the linguistic regional pronunciation system (oral speech) // Kazan science. 2019. №9. P. 144-146.
- Shcherba L. V. Teaching foreign languages in secondary school. General questions of methodology. M.: Higher school, 1974. 112 p.
- Shchukin A. N. Teaching foreign languages: Theory and practice: A textbook for teachers and students. 2nd ed., corrected. and add. M.: Filomatis, 2006. 480 p.
- Koroleva N. M., Semenova Yu. I. To the problem of competence and capacity in training foreign language teachers. Multicultural World: challenges of understanding: Proceedings of the International full-time and part-time scientific and methodological conference. Syktyvkar: Publishing house of Syktyvkar State University, 2017. P. 79–84.
- Richards J. C. Error Analysis: Perspectives on Second Language Acquisition. Routledge, 2015. 240 p.

Иванова А. М.

Московский городской педагогический университет

СТРАТЕГИИ ПРЕПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ПЕРЕВОДУ С ПРИМЕНЕНИЕМ СИСТЕМ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА

В условиях автоматизации переводческих процессов возникает вопрос о необходимости обучения студентов языковых вузов предпереводческому анализу текста. Этот процесс является важным этапом на пути к более глубокому пониманию исходного текста и повышению качества перевода. В реальных условиях работы переводчик выполняет постредактирование результатов машинного перевода в системе CAT и имеет ограниченный доступ к оригиналу, поэтому процедура предпереводческого анализа текста может быть пересмотрена. В настоящей статье предлагается переориентировать предпереводческий анализ текста на исследование только лингвистических особенностей оригинального текста, а именно на выявление маркеров переводимости — лексических и синтаксических особенностей оригинала, приводящих к ошибкам в машинном переводе. Также предлагается описание процедуры предпереводческого анализа специального текста с учётом новых реалий работы переводчика-постредактора.

Ключевые слова: письменный перевод, предпереводческий анализ текста, автоматизация перевода, машинный перевод, специальный текст.

А. М. Ivanova

Санкт-Петербургский государственный университет

STRATEGIES FOR PRE-TRANSLATION TEXT ANALYSIS OF SPECIALIZED TEXTS TO BE TRANSLATED USING CAT-SYSTEMS

In the context of automated translation processes, it is essential for students at language universities to receive training in pre-translation text analysis. This process is a crucial step toward a deeper understanding of the source text and improving the quality of translation. In practical work settings, translators typically post-edit machine translation outputs using a computer-assisted translation (CAT) system with limited or no access to the original text. Consequently, the pre-translation text analysis process should be adapted to meet these new requirements. In this paper, we propose refocusing pre-translation text analysis solely on the linguistic characteristics of the original text, specifically on identifying “translatability markers.” These are understood as lexical and syntactical units in the source text that frequently cause errors in machine translation (MT) results. Another outcome of this study is a detailed description of the pre-translation text analysis process applicable to specialized texts in the new realities of post-editing MT.

Keywords: written translation, pre-translation text analysis, translation automation, machine translation, specialized text.

Введение

В условиях, когда процесс письменного перевода всё больше автоматизируется и роль переводчика сводится к постредактированию результатов машинного перевода в системах автоматизированного перевода (computer-assisted translation, CAT), возникает вопрос о

необходимости пересмотра некоторых теоретических и практических рекомендаций, которые получают студенты языковых вузов. В частности, стоит задуматься о том, необходимо ли обучать студентов предварять письменный перевод предпереводческим анализом оригинального текста и, если да, то что должна представлять собой данная процедура.

В теории перевода понятие «предпереводческий анализ» имеет различные трактовки. Существуют разногласия относительно места предпереводческого анализа в структуре процесса перевода – рассматривается ли он как этап восприятия текста или как дополнительный, предваряющий восприятие шаг [Брандес, Провоторов, 2001; Алексеева, 2008], также предлагаются различные методики и цели проведения предпереводческого анализа [Алексеева, 2008; Нелюбин, 2012; Nord, 1991 и др.]. В современной литературе подчеркивается идея, что предпереводческий анализ в настоящее претерпевает время динамическое развитие в связи с дигитализацией профессии лингвиста и переводчика [Петрова, 2022; Сулейманова, 2019], в том числе обсуждается целесообразность его преподавания и практического использования (применительно к текстам определенных жанров) [Дульский, 2020; Карымшакова, 2023; Шульдешова, 2021].

Несмотря на дискуссионность темы, большинство исследователей согласны с тем, что предпереводческий анализ текста является важным инструментом повышения качества результирующего перевода, т.к. данный процесс позволяет переводчику глубже понять исходный текст, выявить его особенности и определить оптимальные стратегии для передачи содержания на целевой язык. Однако содержание и цели предпереводческого анализа текста в современных условиях, когда письменный перевод осуществляется с применением CAT-систем, претерпевают изменения по сравнению с «классическими» методами, описанными в переводческих пособиях.

В учебной практике наиболее часто предлагается методика И. С. Алексеевой, включающая пять этапов: сбор внешних сведений о тексте (о реципиенте, авторе, источник, времени создания) → виды информации в тексте (когнитивная, эмоциональная, оперативная, эстетическая) → плотность информации (наличие средств компрессии) → коммуникативное задание → речевой жанр (отнесенность к определенному дискурсу / функциональному стилю). В качестве дополнительных этапов предлагается установление композиции и тональности текста, дополнительных лексических и грамматических характеристик (трудности или доминанты перевода) [Алексеева, 2008]. Также может использоваться схема предпереводческого анализа К. Норд, включающая в себя анализ экстралингвистических факторов (внешняя информация о тексте, реципиенте, авторе и его коммуникативных интенциях) и лингвистических факторов (тема, содержание, структура, лексические и грамматические особенности, прагматический потенциал текста) [Nord, 1991]. Данные две схемы, независимо друг от друга или во взаимодополняющем сочетании, предлагается использовать в большинстве современных пособий по предпереводческому анализу текста, включая анализ специальных текстов [см., например, Цатурова, Каширина, 2008; Маклакова, 2022 и др.].

В современных условиях работы переводчика, когда работа над переводом текста осуществляется исключительно в специальных программах автоматизированного перевода, выполнение предпереводческого анализа текста по данным методикам представляется избыточным, если не невозможным. CAT-инструменты, сочетающие технологии памяти переводов (Translation Memory – TM), электронных глоссариев и машинного перевода (Machine Translation – MT), предлагают новые возможности для обработки текста на этапе подготовки к переводу. Они предоставляют доступ к ранее переведенным аналогичным текстам, способствуют поддержанию терминологической согласованности, меняют алгоритм действий переводчика на поиск и исправление ошибок в результатах машинного перевода отдельных фрагментов текста. При этом переводчик зачастую не имеет возможности ознакомиться с оригинальным текстом вне CAT-системы, в которой текст дробится на

последовательные сегменты (колонку с отдельными предложениями). Внедрение технологий постредактирования ставит перед переводчиками новые вызовы, связанные с пониманием специфики использования машинного перевода и выстраиванием новых последовательностей действий переводчика, в том числе на этапе, предваряющем непосредственное редактирование результатов МП.

Как показывает наш практический опыт, действия переводчика на этапе предпереводческого анализа специального текста должны быть направлены на исследование только лингвистических особенностей оригинала, в частности параметров его переводимости.

Целью настоящей статьи является описание процедуры предпереводческого анализа специального текста, изменяющейся под влиянием компьютерных технологий и САТ-инструментов на процесс письменного перевода в целом.

Материалы и методы

Исследование специфики предпереводческого анализа текста специальных текстов проводилось в ходе обучения студентов 3 курса направления подготовки «Лингвистика. Перевод и переводоведение» принципам постредактирования машинного перевода инструкций к медицинским изделиям. Материалом исследования послужили 20 англоязычных инструкций и их официальные переводы на русский язык (в качестве эталонного «человеческого» перевода), а также переводы, выполненные при помощи нескольких МП-программ (DeepL, Google Translate, Yandex Translate Free). На основе анализа результатов машинного перевода и их сравнения с официальными инструкциями на русском языке были определены основные критерии, на которые стоит опираться переводчику при предпереводческом анализе специальных текстов и постредактировании результатов МП.

Результаты и обсуждение

Согласно А. Д. Швейцеру, ключевым этапом предпереводческого анализа текста является определение переводчиком стратегии перевода, то есть выбор программы (последовательности) действий, необходимых для достижения цели перевода [Швейцер, 1988]. Такие аспекты как ознакомление с экстралингвистической информацией о тексте (автором и его коммуникативной интенцией, реципиентом, временем создания и т. д.) в случае с работой переводчика в САТ-системе представляются избыточными, а предпереводческий анализ должен сводиться к анализу *лингвистических параметров оригинального текста*, влияющих на корректность результатов машинного перевода и действия переводчика в ходе их постредактирования.

В специальных текстах, к которым относимы тексты научно-технического жанра, преобладает когнитивная (фактуальная) информация, предоставляющая объективные сведения о мире. Такие тексты характеризует ясность и детальность изложения, однозначность формулировок, не допускающая возможности иного толкования, лаконичность изложения за счет использования средств языковой компрессии, стандартность изложения (использование клише и устойчивых речевых формул), нейтральный тон, исключающий эмоционально окрашенную, экспрессивную и разговорную лексику. Высокая информационная плотность специального текста (для английского языка) достигается посредством использования сложных синтаксических конструкций: страдательный залог, полупредикативные конструкции, атрибутивные цепочки, отглагольные существительные и прилагательные в сравнительной степени (скрывающая предикативность), императивы в виде инфинитивных и модальных конструкций, полипредикативные сложноподчиненные предложения. Данные лингвистические особенности специальных текстов являются

основной причиной *ошибок в результатах машинного перевода*, которые подлежат исправлению переводчиком.

К самым частотным ошибкам МП-программ при переводе специальных текстов следует отнести:

- Нарушение нормы языка перевода с сохранением смысловой эквивалентности (синтаксические калки, нарушающие литературную норму русского языка), см.: *There are three basic steps to using the defibrillator to treat someone who may be in sudden cardiac arrest.* – **Есть три основных этапа использования дефибриллятора для лечения человека, у которого может произойти внезапная остановка сердца (DeepL).* – *Алгоритм применения дефибриллятора для оказания помощи человеку в случае БСС состоит из трех основных этапов (официальный перевод).*

- Нарушение стилистических параметров жанра (использование стилистически маркированной лексики в нейтральном контексте), ср.: *Drag the tail of the arrow on the touch screen to adjust the length.* – Перетащите **кончик стрелки* на сенсорном экране, чтобы изменить длину (Yandex Translate). – Перетащите *конец стрелки* на сенсорном экране, чтобы изменить длину (официальный перевод).

- Технические ошибки (отсутствие локализации, пунктуация и т. д.), ср.: *Temperature increase in head area 33°F.* – Повышение температуры в области головы на **33°F* (DeepL). – Повышение температуры в области головы *0,5 °C* (официальный перевод).

К ошибкам критического характера относимы случаи неточной передачи смысла оригинала (смысловые ошибки). Хотя работа со специальной терминологией в САТ-системах упрощается за счет использования отраслевых глоссариев, могут иметь место ошибки в передаче аббревиатур и контекстуальных значений многозначных и широкозначных единиц, ср.: *Patient weight is limited to the specification of the patient table.* – *Вес пациента ограничен *спецификацией таблицы пациентов (Yandex Translate).* – *Вес пациентов ограничен техническими характеристиками стола для пациентов (официальный перевод).*

Как показывают ошибки в результатах МП, лингвистические параметры текста во многом определяют его «переводимость», понимаемую как принципиальную возможность перевода текста на другой язык [Мишуров, 2020]. Как следствие, предпереводческий анализ специального текста может и должен быть направлен на оценку сложности перевода конкретного текста в автоматизированной системе с применением МП. Данную сложность можно спрогнозировать на основе *маркеров переводимости* – графических, лексических и синтаксических элементов текста, которые отрицательно влияют на качество машинного перевода [Добрынина, 2021].

Маркеры переводимости можно разделить на общие (вызывающие ошибки в результатах всех систем МП) и специфические (вызывающие трудности у конкретной МП-программы или при работе с текстами определенной тематики) [Шереметьева, 2019]. Количество маркеров переводимости в каждом конкретном случае будет обусловлено: 1) спецификой внутренней структуры исходного (ИЯ) и переводного (ПЯ) языка и 2) широкозначностью / многозначностью лингвистических единиц [Бабина, 2014]. Наличие большего количества маркеров переводимости в тексте приводит к низкому качеству результатов машинного перевода и, как следствие, большему количеству действий со стороны переводчика в ходе постредктирования.

К общим маркерам переводимости специального текста можно отнести следующие:

- наличие в оригинальном тексте синтаксических структур, которые могут значительно отличаться в ИЯ и ПЯ;

- наличие синтаксических структур, предпочтительных для использования в тексте информационного характера на ИЯ, но нечастотных в аналогичных текстах на ПЯ;
- наличие в тексте ИЯ анафорических связей;
- различия в порядке слов в предложении, в том числе обусловленные формальным членением и актуальным членением предложения в ИЯ и ПЯ;
- языковая неоднозначность (лексического или грамматического характера);
- наличие в тексте ИЯ специальных терминов и терминологических сокращений;
- существование культурных различий, не позволяющих носителю ПЯ понять смысл перевода без понимания культурного контекста, имплицитно представленного в ИЯ.

Количество и состав маркеров переводимости может меняться в зависимости от тематики специального текста. Так, например, в ходе предпереводческого анализа текста англоязычных инструкций к медицинским приборам можно выделить такие специфические показатели переводимости, как:

1) Насыщенность терминологией общенаучного и медицинского характера, включая аббревиатуры и сокращения. Ср.: *Many victims of SCA do not have warning signs or symptoms.* – *У многих жертв *SCA нет предупреждающих признаков или симптомов (DeepL).* – *У многих жертв BCC предупреждающие признаки или симптомы отсутствуют (официальный перевод).*

2) Императивные формы с формальным подлежащим *you* + предикат с модальным глаголом (*should, need, must* и др.), русские аналоги которых (с предикатами *надо, нужно, следует* и др. + инфинитив + личное местоимение в дат. падеже) не соответствуют дискурсивному жанру медицинской инструкции. Ср.: *Before you use your user information, you need to be familiar with ultrasound techniques.* – *Прежде чем использовать информацию о пользователе, *вы должны ознакомиться с методами ультразвукового исследования (DeepL).* – *Перед использованием содержащейся в руководстве информации необходимо ознакомиться с ультразвуковыми технологиями (официальный перевод).*

3) Преобладание формальных (неодушевленных) подлежащих, которые называют предмет или абстрактный феномен и по факту являются дополнениями или обстоятельствами (времени, места, образа действия). Ср.:

If a cap is not available, take precautions to prevent cable connectors from coming into contact with liquids. – **Если колпачок отсутствует, примите меры для предотвращения контакта кабельных разъемов с жидкостями (DeepL).* – *При отсутствии крышки проследите, чтобы разъемы не вступали в контакт с жидкостями (официальный перевод).*

По результатам предпереводческого анализа текста, направленного на анализ лингвистических характеристик и установления маркеров переводимости оригинала, переводчик может выстроить общий алгоритм постредактирования, который будет последовательно применять к каждому сегменту текста на ПЯ, полученному в результате машинного перевода, с целью улучшения его качества. Применительно к специальным текстам научно-технического характера последовательность действий переводчика в ходе постредактирования может быть следующей:

Рис. 1. Алгоритм действий переводчика при постредактировании специального текста

Таким образом, обучение предпереводческому анализу специальных текстов, подлежащих переводу в САТ-системах, можно переориентировать на установление маркеров переводимости конкретного текста с опорой на общие лингвистические особенности конкретного дискурсивного жанра. В общем виде стратегия предпереводческого анализа специального текста с учетом новых реалий работы письменного переводчика представлена на Рис. 2.

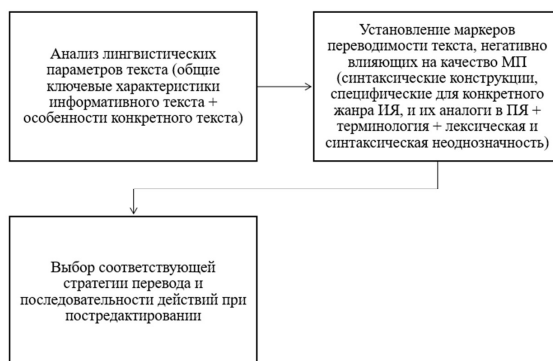

Рис. 2. Стратегия предпереводческого анализа текстов применительно к специальным текстам, переводимым в САТ-системах

Выводы

В настоящее время существует объективная необходимость преодоления разрыва между обучением непосредственно переводу (формированием лингвистической и переводческой компетенций) и формированием технологических компетенций в процессе профессиональной подготовки будущих переводчиков в вузе. Поскольку от профессиональных переводчиков требуется навык постредактирования САТ-системах, требуется пересмотреть подходы к предпереводческому анализу текста. Предпереводческий анализ специального текста должен, в первую очередь, быть направлен на анализ маркеров переводимости текста (с целью спрогнозировать ошибки в полученном при помощи МП-программы «чернового» переводного текста), а также на выстраивание последовательности

действий, позволяющей максимально эффективно (с минимальными временными затратами) постредактировать результаты МП.

Литература

- Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. Санкт-Петербург : Союз, 2008. 278 с.
- Бабина О. И. Машинная переводимость русскоязычных научно-технических текстов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11, № 3. С. 5–14.
- Брандес М. П., Провоторов В. И. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): Учеб пособие. 3-е изд., стереотип. Москва: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 224 с.
- Добрынина О. Л. Академическое письмо для публикационных целей и машинный перевод: возможен ли симбиоз? // Высшее образование в России. 2021. № 12. С. 87–101.
- Дульский М. Н. Использование предпереводческого анализа в практике перевода технического текста / М. Н. Дульский, Н. Ф. Большакова // Научные труды КубГТУ. 2020. № 3. С. 184–194.
- Карымшакова Т. Г. Теоретические аспекты предпереводческого анализа текста // Евразийский научный журнал. 2023. № 5. С. 47–49.
- Маклакова Н. В. Предпереводческий анализ научного текста: учебное пособие по переводу для слушателей программы профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» / Н. В. Маклакова, О. В. Праченко, Е. С. Хованская. Казань: Изд-во Казан. ун-т, 2022. – 174 с.
- Мишкuroв Э. Н. Проблема «Переводимости – неперево́димости» на современном этапе развития теории и практики перевода: пути решения / Э. Н. Мишкuroв, М. Г. Новикова // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3(82). С. 359–363.
- Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода: (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учебное пособие. 2-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2012. 212 с.
- Петрова И. М. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях: Учебное пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика» / И. М. Петрова, А. М. Иванова, В. В. Никитина. Москва: ООО «Языки Народов Мира», 2022. 259 с.
- Сулейманова О. А. Технологический аспект подготовки современного переводчика / О. А. Сулейманова, Э. В. Нерсесова, Е. М. Вишневская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 7. С. 313–317.
- Цатурова И. А., Каширина Н. А. Переводческий анализ текста. Английский язык: учебное пособие с методическими рекомендациями. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Перспектива: Союз, 2008. 294 с.
- Шереметьева С. О. Экспериментальный анализ индикаторов переводимости экономических текстов / С. О. Шереметьева, О. И. Калининкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 16(2). С. 44–50.
- Шульдешова Н. В. Методы и приемы обучения качественному переводу в вузе // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 4(93). С. 318–322.
- Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. Москва: Наука, 1988. 214 с.
- Nord Ch. Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Translated by Ch. Nord and P. Sparrow. Amsterdam /Atlanta GA: Rodopi, 1991. 250 p.

References

- Alexeeva I. S. Professional interpreter training: a textbook on interpreting and translation for interpreters and teachers. St. Petersburg: Soyuz, 2008. 278 p.
- Babina O. I. Machine translatability of Russian-language scientific and technical texts // Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics. 2014. Vol. 11, № 3. P. 5–14.
- Brandes M. P., Provotorov V. I. Pre-translation text analysis (for institutes and departments of foreign languages): Textbook. 3rd edition. Moscow: NVI-TEZAURUS, 2001. 224 p.
- Dobrynina O. L. Academic writing for publication purposes and machine translation: is symbiosis possible? // Higher Education in Russia. 2021. № 12. P. 87–101.
- Dulsky M. N., Bolshakova N. F. Use of pre-translation analysis in the practice of translation of technical text // Scientific Papers of the Kuban State Technological University. 2020. № 3. P. 184–194.
- Karymshakova T. G. Theoretical aspects of pre-translation text analysis // Eurasian Scientific Journal. 2023. № 5. C. 47–49.
- Maklakova N. V. Pre-translation analysis of an academic text: a textbook on translation for students of the professional retraining programme 'Translator in the sphere of professional communication' / N. V. Maklakova, O. V. Prachenko, E. S. Khovanskaya. Kazan: Kazan University Publishing, 2022. 174 p.
- Mishkurov E. N., Novikova M. G. The problem of 'translatability – non-translatability' at the present stage of development of the translation theory and practice: in search of solutions // The World of Science, Culture, Education. 2020. № 3(82). P. 359–363.
- Nelyubin L. L. Introduction to translation techniques: (cognitive theoretical and pragmatic aspects): Textbook. 2nd edition. Moscow: Flinta: Nauka, 2012. 212 p.
- Petrova I. M. Modern digital technologies in linguistic research: A textbook for students pursuing a linguistic degree / I. M. Petrova, A. M. Ivanova, V. V. Nikitina. Moscow: Yazyki Narodov Mira, 2022. 259 p.
- Suleymanova O. A. Technological aspects of modern-day translators' training / O. A. Suleymanova, E. V. Nersesova, E. M. Vishnevskaya // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2019. Vol. 12, № 7. P. 313–317.
- Tsaturova I. A., Kashirina N. A. Pre-translation text analysis. English language: textbook with methodological recommendations. 2nd edition, revised. St. Petersburg: Perspektiva: Soyuz, 2008. 294p.
- Sheremetieva S. O., Kalinnikova O. I. Experimental analysis of indicators of translatability of economic texts // Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics. 2019. № 16(2). P. 44–50.
- Shuldeshova N. V. Methods and techniques of teaching quality translation at a higher education institution // Scientific Papers of the Orenburg State University. Series: Humanities and social sciences. 2021. № 4(93). P. 318–322.
- Schweitzer A. D. Theory of translation: status, problems, aspects. Moscow: Nauka, 1988. 214 p.
- Nord Ch. Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Translated by Ch. Nord and P. Sparrow. Amsterdam /Atlanta GA: Rodopi, 1991. 250 p.

Карговская Е. А., Старовойтова М. Д.

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

**АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО К НОВОМУ ТИПУ МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ**

В данной статье анализируется процесс адаптации современных образовательных программ в сфере иностранных языков к господствующему клиповому мышлению молодежи. Подчеркивается необходимость внедрения новых методик обучения без отказа от традиционных форматов обучения и с сохранением стандартов качества преподавания, присущих российской испанистике. Авторы отмечают, что клиповость мышления современной молодежи является непреложной реальностью, которую необходимо не только учитывать при разработке новых методик преподавания испанского языка как иностранного, но и максимально эффективно задействовать ее особенности для достижения наилучшего результата. Исследование проводится на основе опыта работы с авторским курсом «Изучаем испанский язык по фильмам», который был введен в программу «Переводчик» Кафедры иностранных языков Факультета гуманитарных и социальных наук РУДН им. Патриса Лумумбы с 2010 года. По итогам исследования предлагается ряд мер для адаптации учебного процесса к современным реалиям.

Ключевые слова: клиповое мышление; образование; иностранные языки; методика обучения; адаптация образования

E. A. Kargovskaia, M. D. Starovoytova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

**ADAPTING THE METHODOLOGY OF TEACHING SPANISH AS A FOREIGN
LANGUAGE TO A NEW TYPE OF STUDENT THINKING**

This article analyzes how modern educational programs in foreign language teaching adapt to the “clip thinking” prevalent among today’s youth. The emphasis is on the necessity of introducing new teaching methods without abandoning traditional formats while maintaining the quality standards of Russian Hispanism. The authors note that the clip thinking of modern youth is an inescapable reality that should not only be considered when developing new teaching methods but also leveraged to achieve the best results. The study is based on the experience of teaching the copyright course “Learning Spanish with films”, which has been part of the “Translator” program of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Humanities and Social Sciences of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba since 2010. Based on the results of the study, a number of measures are proposed to adapt the teaching process to modern realities.

Keywords: clip thinking; education; foreign languages; teaching methodology; education adaptation

Сегодня тема ускорения социального времени широко обсуждается в разных кругах и вызывает множество противоречий. Нарастание темпов передачи и увеличение объема потребляемой информации провоцирует переход на так называемое «клиповое мышление»

[Тоффлер, 2010, с. 120]. Это в первую очередь присуще молодому поколению, которое наиболее легко адаптируется к изменениям в социуме.

В отличие от физического понимания времени, измеряемого часами, социальное время — понятие неоднородное. Прежде всего, для человечества в целом, отдельной нации, социальной группы или индивидуума — это поток происходящих событий или возникающих ситуаций, плотность которого и скорость может меняться [Жеребин, 2014, с. 72].

Целью данной работы является рассмотреть возможности передачи информации в рамках образовательных программ в формате, удобном для ее усвоения обучающимся со склонностью к клиповому формату восприятия информации.

Такая дисциплина, как иностранный язык, является достаточно многофакторной и позволяет оценить применение клипового и традиционного формата в разных аспектах. В контексте данной работы исследование проводится на материале авторского курса Басмановой А. А. и Карговской Е.А «Изучаем испанский язык по фильмам», который был введен в программу «Переводчик» КИЯ ФГСН РУДН им. Патриса Лумумбы с 2010 года. Более чем четырнадцатилетний опыт использования данной методики позволил авторам наблюдать за изменениями в восприятии обучающимися дидактических материалов курса в разные периоды, на которые повлияло немалое количество контрастирующих внешних факторов, таких как активная интеграция РУДН с испанскими вузами начала 2010 годов, пандемия ковид-19 и дистанционное обучение, события, связанные с СВО и изменение вектора российской политики, а также набирающее необычайные обороты внедрение ИИ во все сферы жизни, включая образование.

Прежде всего необходимо уточнить значения терминов, используемых в рамках исследования. Под клиповым мышлением понимается концепция американского футуролога Элвина Тоффлера [Тоффлер, 2010, с. 120]. Он внедряет понятие «клиповая культура» в качестве характерной черты информационного общества. По его определению, клиповая культура состоит из разорванных, противоречащих друг другу образных информационных рядов [Яркова, 2019, с. 78]. Тоффлер использовал его для описания изменений в средствах массовой информации, коммуникации и, как следствие, в культуре.

Первым термин «клиповое мышление» использовал российский философ Федор Гиренок. Клиповое мышление он определяет как «мышление, реагирующее только на удар» [Гиренок, 2012, с. 416]. Клиповое мышление по своему определению содержит в себе образ мира, а не понимание реального мира. При переходе на этот тип мышления возникает потребность собирать мысли, а не понимать их [Гиренок, 2014, с. 6].

Сегодня клиповое мышление все больше закрепляется в общественном сознании из-за обилия информации, которую индивиду сложно охватить в полном объеме. Клиповое мышление - один из продуктов цифровой революции. И. П. Березовская пишет: «У представителей нового, цифрового поколения другие способы информационного поведения по сравнению с предшествующими поколениями, а в связи с этим и новый тип мышления - клиповое» [Березовская, 2015, с. 135].

Для того, чтобы наиболее эффективно учитывать особенности клипового мышления в методике преподавания иностранных языков, изначально необходимо выделить его преимущества и недостатки.

Главное преимущество заключается в том, что клиповое мышление позволяет визуализировать информацию, что помогает учащимся запоминать ее лучше и быстрее. Дело в том, что восприятие информации фрагментарно совершенно не искажает её итоговой сути. Поэтому практически все виды деятельности на занятии иностранного языка могут быть адаптированы с учетом специфики клипового восприятия, при этом изучаемый материал будет успешно закрепляться в сознании теми самыми «ударами», повышая эффективность

обучения и способствуя развитию творческого мышления. В то время как традиционный, линейный формат может утомлять и рассеивать внимание студентов.

Использование клипов при изучении иностранного языка требует творческого подхода и ассоциативного структурирования информации для выделения взаимосвязей между фрагментами изучаемой темы, что способствует развитию креативности и ассоциативной памяти. Зачастую это утверждение оспаривается сторонниками консервативных методик, например, В. В. Нечунаев обозначает клиповое мышление как «цифровое слабоумие», «информационную псевдодебилность» [Нечунаев, 2018, с. 8].

Загоруйко И. Н. к деструктивным критериям относит следующие: незначительно развитый навык обработки и анализа информации; слабый механизм концентрации на одной задаче при ограниченном времени; потребность в ярких образах и увлекателем преподавателе, что проявляется в его личных качествах, которые могут наблюдаться не у всех; ненамеренное избегание целостности и потребности фиксации причинности происходящего в подлинной действительности [Загоруйко И. Н., 2022, с. 77].

Несмотря на иллюзию того, что необходимость в дроблении информации способствует лишь деградации аудиовизуального восприятия – это суждение не вполне корректно, так как адаптация аудио и видео материалов к клиповому формату не умаляет их эффективности, а только трансформирует материал в более легкий для восприятия. К тому же, такой формат вписывается в мейнстримную привычку молодых поколений, воспринимать идеи, как бы рассматривая их с разных сторон. «При клиповом мышлении окружающий мир превращается в мозаику разрозненных, мало связанных между собой фактов, частей, осколков информации. Человек привыкает к тому, что они постоянно, как в калейдоскопе, сменяют друг друга и постоянно требует новых» [Семеновских, 2013, с. 1]. Именно поэтому «плоская» линейная информация может оказаться трудна для восприятия. Например, совершенно очевидно, что на начальных этапах изучения языка могут возникать сложности с целостным восприятием длинных текстов. Что еще несколько десятилетий назад было повсеместной практикой, сегодня считается неудачной методикой подачи и освоения материала. Учитывая современную тенденцию к переходу на клиповость, можно предположить, что отдельно отобранные фрагменты информации на различные темы, объединенные методической целесообразностью, могут выступать в качестве более эффективного инструмента для развития таких языковых навыков, как чтение, перевод и аудирование, с выходом на говорение.

Анализируя изменения в восприятии студентами курса «Изучаем испанский язык по фильмам», следует отметить следующие особенности: с момента введения курса в программу обучения стала очевидна его эффективность: теоретический и практический материал, подкрепленный аудиовизуальной стимуляцией, студенты воспринимают гораздо охотнее и с большей легкостью. Совместный просмотр фрагментов фильма в аудитории способствует более активному и эмоциональному участию в обсуждении, задания типа «верно/неверно» и ответы на вопросы по содержанию просмотренного выполняются оживленно и с большим энтузиазмом. Контекстуальное изучение лексического и грамматического материала, в сочетании с любопытством, эмоциональной вовлеченностью, интересом и желанием понять героев, дает невероятные результаты.

Начало 2010-х годов характеризуется интеграцией российских университетов в международное научное пространство: активно работают программы обмена студентами. РУДН активно сотрудничает с различными образовательными учреждениями Испании. В 2011 году в РУДН в рамках года России – Испании проводится целый ряд мероприятий при поддержке посольства Испании, состоится Театральный фестиваль на испанском языке. Все эти события являются мощнейшим стимулом для студентов к изучению испанского языка. Эти годы характеризуются волной энтузиазма и небывалой активности студентов на занятиях. Выполнение грамматических и лексических упражнений по традиционной

методике, а также письменный перевод не вызывают никаких сложностей. Нельзя не отметить, что эти поколения студентов характеризуются наиболее высоким уровнем грамотности в письменной речи. К сожалению, далее с каждым годом уровень грамотности на письме неуклонно падал, поскольку с развитием техники, навыки письма теряют свою значимость.

Пандемия ковид-19 и дистанционное обучение внесли свои особенности в процесс обучения: здесь стоит заметить, что курс «Испанский язык по фильмам» очень удачно вписался в дистанционный формат обучения, поскольку технические возможности образовательных платформ позволяли пользоваться видеоматериалами. А что касается коммуникативных и творческих заданий, то здесь, без сомнения, был заметный провал, поскольку разница между личным общением с живыми, эмоциональными дискуссиями и общением онлайн колоссальная. Творческие задания, такие как инсценировка эпизодов и диалогов из фильма тоже заметно пострадала. Студенты в домашних условиях не утруждались отрываться от текста учебника, и погружения в языковую ситуацию, задуманного авторами курса, как такового не состоялось. В итоге результативность курса по сравнению с очной формой обучения была несколько ниже. И именно в эти годы стало заметно проявление клиповости восприятия информации и частого выключения обучающихся из активной работы, что требовало от преподавателя огромных усилий и напряжения для удержания внимания студентов и поддержания нужного темпа и тонуса на занятии.

Следующим этапом стал 2022 год с его резким поворотом ориентации политического курса России, что сказалось на поведении Западных вузов-партнеров по отношению к российским. Все договора были разорваны в одностороннем порядке, огромное количество студентов, обучающихся за границей, оказались в довольно сложной ситуации. К счастью, это не сказалось на востребованности испанского языка, поскольку такой огромный регион, как Латинская Америка не только не прекратил, но и интенсифицировал сотрудничество с Российской Федерацией во всех сферах, включая образование. Мы не можем обойти стороной в данной работе эти обстоятельства, поскольку они напрямую влияют на мотивацию обучающихся к овладению иностранным языком.

Еще одним фактором, влияющим на образовательный процесс, стало активное использование Искусственного Интеллекта и Чата GPT. Этот фактор в корне меняет подход к преподаванию и контролю за выполнением заданий. Письменные задания и упражнения на перевод, заданные на дом, теряют всякий смысл, поскольку совершенно очевидно, что студентам практически невозможно удержаться от искушения использовать вышеперечисленные «блага цивилизации». Эта новая реальность требует от преподавателя новых подходов к подготовке и занятий и форм контроля. И, как правило, такие новшества вполне отвечают запросам обучающейся аудитории с преобладающим клиповым мышлением. Итак, о каких приемах и методах идет речь:

- Больше спонтанности и импровизации (тщательно продуманной и смоделированной преподавателем при подготовке занятия).
- Акцент на принципе интересности.
- Постановка конкретных целей и мотивация.
- Смена видов деятельности каждые 15-20 минут.
- Движение и взаимодействие.
- Ограниченное использование технических средств.
- Эмоциональное вовлечение обучающихся.
- Подключение элементов интегрированных занятий и контекстного обучения.

А теперь остановимся подробнее на каждом пункте: говоря о спонтанности и импровизации, мы имеем в виду, что занятия не должны быть похожи одно на другое, монотонность усыпляет студентов, которые и так, по их мнению, совершили необычайный подвиг, покинув удобный диван и отвлекшись от смартфона. Если преподаватель в самом начале занятия предлагает что-то новое и необычное, это всегда успешно работает: студенты оживляются, «просыпаются» и активно включаются в игру. Импровизация также важна с точки зрения разных групп студентов: часто заготовленный план не вызывает ожидаемого отклика. В этом случае имеет смысл трансформировать ход занятия на месте в соответствии с запросом. Курс «Изучаем испанский язык по фильмам» в этом смысле очень удобен, поскольку предлагает и классические лексико-грамматические упражнения, и задания на аудирование, выразительное чтение и перевод, ответы на вопросы, творческие и игровые задания, драматизацию, дубляж и пр. Преподаватель обладает свободой варьировать различные виды деятельности, исходя из поставленных задач и учитывая специфику обучающихся. На первый план здесь выходит так называемый «принцип интересности», поскольку обучающиеся с клиповым типом мышления привыкли в огромном информационном потоке выделять то, что интересно, отмечая остальное как ненужное.

Очень полезно и эффективно на занятии объяснять студентам, какие конкретные цели преследует тот или иной вид деятельности и отмечать моменты их достижения. В рамках курса «Изучаем испанский язык по фильмам», например, одной из поставленных целей является максимальное понимание испанской речи при аудировании. Для достижения данной цели студентам дается задание поэтапно отработать фрагмент фильма (10-20 минут):

- 1) Просмотреть фрагмент внимательно, но без напряжения.
- 2) Просмотреть фрагмент с субтитрами на испанском языке.
- 3) Перевести субтитры по учебнику, обращая внимание на незнакомые слова и выражения.
- 4) Просмотреть фрагмент без опоры на текст.

Очевидно, что, не понимая цели этих действий, студент не будет их выполнять. Однако, когда цель ясна, действия выполняются, как этапы игры, а стопроцентное понимание речи на 4-ом этапе становится заслуженным призом. Такой результат кажется студентам маленьким чудом и является мощным стимулом к работе. Эта методика является эффективной даже для тех студентов, успехи которых в испанском языке были до этого не столь высоки, поскольку в данном случае конкретная работа ограниченного объема привела к конкретному результату.

Целесообразность смены видов деятельности каждые 15-20 минут обусловлена тем, что в эпоху цифровых технологий и постоянного потока информации способность сохранять концентрацию и удерживать внимание на конкретной задаче в течение длительного времени заметно снизилась.

Помочь вернуть концентрацию и удержать внимание и тонус на занятии помогают движение и взаимодействие. Имеет смысл время от времени давать возможность студентам менять местоположение, перемещаться, взаимодействовать друг с другом. Курс «Изучаем испанский язык по фильмам» предлагает упражнения на драматизацию эпизодов, дискуссии и игровые упражнения, позволяющие привнести движения и перемещения в аудиторию, что является благоприятным фактором для поддержания интеллектуальной и эмоциональной вовлеченности обучающихся.

Изучение фонетики, лексики и грамматики с опорой на эпизод из кинокартины значительно эффективнее, чем работа с текстом или аудированием без визуального сопровождения. Запоминание лексических, грамматических и синтаксических конструкций заметно облегчается с опорой на конкретный эпизод из фильма. Контекстное восприятие той

или иной лексики снимает сложности в ее дальнейшем употреблении, помогает избежать двусмысленности или неверной интерпретации.

Почему мы настаиваем на **ограниченном** использовании технических средств? Дело в том, что современный человек испытывает избыток контакта с техникой и недостаток личностного общения, именно поэтому на занятии чрезвычайно важна живая межличностная коммуникация, нельзя этим пренебрегать.

Американский психолог Л. Розен отмечает, что сильная сторона «Поколения I» (Internet Generation), воспитанного в эпоху бума компьютерных и коммуникационных технологий, — их возросшая способность к многозадачности. Но платой за многозадачность становятся рассеянность, гиперактивность, дефицит внимания и предпочтение визуальных символов логике и углублению в текст [Розен, 2007, с. 104].

В заключение стоит сказать, что внедрение адаптированных к клиповому мышлению элементов и методик в современные образовательные программы открывает широкие перспективы и возможности для повышения уровня эффективности обучения. При этом важно помнить, что делать это необходимо взвешенно и с опорой на традиционные методы обучения. Переход на клиповое мышление уже является реальностью, которую бессмысленно отвергать и с которой бесполезно бороться, к ней следует приспосабливаться и использовать ее преимущества во всех сферах, включая преподавание иностранных языков. Идти в ногу со временем, активно применяя новые технологии, гармонично сочетая традиционные и современные методики обучения — залог успешного развития образовательных технологий и методик.

Литература

- Басманова А. А., Карговская Е. А., Español a través del cine. (учебно-методическое пособие), М., Тезаурус, 2010.
- Березовская И. П. Проблема методологического обоснования концепта «клиповое мышление» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2015. № 2 (220). С. 133-138.
- Гиренок Ф. И. Антропологические конфигурации философии // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М., 2012.
- Гиренок Ф. И. Клиповое сознание // Завтра. 2014. 18.12.2014. Ст. 12
- Жеребин В. М., Вершинская О. Н., Махрова О. Н. Современное восприятие времени и ускорение темпа жизни // Народонаселение. 2014. № 2(64). С. 72-82.
- Загоруйко И. Н. Клиповое мышление как драйвер современного образования // Социальноэкономическое управление: теория и практика. 2022. Т. 18, № 2. С. 74–81. DOI: 10.22213/2618-9763-2022-2-74-81
- Нечунаев В. В. Преодоление клипового мышления у современных студентов. URL: http://vernsky.ru/pubs/6949/Preodolenie_klipovogo_myshleniya_u_sovremennyh_studentsov (дата обращения: 20.03.2024).
- Розен Ларри Д. Я, MySpace и я воспитываем сетевое поколение. - Palgrave Macmillan, 2007. С. 11-13.
- Семеновских Т. В. «Клиповое мышление» - феномен современности. URL: <http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208/> (дата обращения: 20.03.2024)
- Toffler Alvin The third wave. New York: Bantam books, 1981. 448 с.

References

- Basmanova A. A., Kargovskaya E. A., Español a través del cine. (Educational and methodical manual), М., Thesaurus, 2010.
- Berezovskaya I. P. Problem of methodological substantiation of the concept “clip thinking” // Scientific and Technical Vedomosti SPbSPU. 2015. № 2 (220). С. 133-138.

- Girenok F. I. Anthropological configurations of philosophy // Philosophy of Science. Vyp. 8: Synergetics of man-dimensional reality. M., 2012.
- Girenok F. I. Clip consciousness // Zavtra. 2014. 18.12.2014. Art. 12
- Nechunaev V. V., Overcoming clip thinking in modern students. URL: http://vernsky.ru/pubs/6949/Preodolenie_klipovogo_myshleniya_u_sovremennyh_students (date of address: 20.03.2024).
- Rosen Larry D. Me, MySpace and I Raise the Networked Generation. Palgrave Macmillan, 2007. C. 11-13.
- Semenovskikh T. V. "Clip thinking" - a phenomenon of modernity. URL: <http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208/> (date of address: 20.03.2024)
- Toffler Alvin The third wave. - New York: Bantam books, 1981. 448 c.
- Yarkova E. N. (2019). Theory of clip thinking or sketch of the picture of the regression of human mind. Discourse-P, 16 (2 (35)), 77-85.
- Zagoruiko I. N. [Clip thinking as a driver of modern education]. Social'no-ekonomičeskoe upravlenie: teoriâ i praktika, 2022, vol. 18, no. 2, pp. 74-81 (in Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2022-2-74-81
- Zherebin V. M., Vershinskaya O. N., Makhrova O. N. (2014). Modern perception of time and acceleration of the pace of life. Population, (2 (64)), 72-82.

Каруковец Н. С.

Кемеровский государственный университет

СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОЙНА» В ЦИФРОВОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И США

Исследование кибердипломатии как нового явления публичной дипломатии является перспективным для изучения особенностей функционирования культурных концептов. Анализ концептосферы данной области позволяет определить национальные особенности восприятия дипломатических процессов и построить новую картину мира, формирующуюся в рамках военных конфликтов. С этой точки зрения актуальным концептом для исследования является концепт «война». Его анализ проводится на материале заявлений в социальных сетях Марии Захаровой («Telegram») и Энтони Блинкена («Twitter»¹). Цель исследования заключается в определении стратегий репрезентации данного концепта в российском и американском цифровом дипломатическом дискурсе посредством обращения к концептуальному и дискурсивному анализам. Эти методы позволяют сделать вывод о том, что в дипломатическом дискурсе РФ концепт «война» репрезентируется через комплекс ассоциаций с Великой отечественной войной, а в дипломатическом дискурсе США – через противопоставление агрессии свободе, а также описание страданий подвергшихся агрессии государств.

Ключевые слова: концептосфера, концепт «война», стратегии репрезентации, цифровой дискурс, кибердипломатия.

Natalia S. Karukovets
Kemerovo State University**REPRESENTATION STRATEGIES OF THE WAR CONCEPT IN RUSSIAN AND AMERICAN DIGITAL DIPLOMATIC DISCOURSE**

Cyber diplomacy is a new form of public diplomacy, whose concept sphere has not been studied yet. This research is aimed to determine the concept sphere of cyber diplomacy and study the war concept, its national peculiarities, and representation strategies that are forming now within the framework of military conflicts. This research is conducted on Maria Zakharova's posts in "Telegram" and Antony Blinken's tweets in "Twitter"². The conceptual and discourse analyses of their statements have demonstrated that in the RF diplomatic discourse the war concept is represented through a set of associations with the Great Patriotic War, while in the U. S. diplomatic discourse – through the opposition of aggression to freedom and the description of sufferings.

Keywords: concept sphere, war concept, representation strategies, digital discourse, cyber diplomacy.

Введение

В эпоху беспрецедентных возможностей информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в Интернете дипломатические отношения выходят на новый уровень

¹ Социальная сеть «Twitter» признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

² The Twitter social network is an extremist organization banned in Russia.

развития, становясь объектом всеобщего внимания. Если несколько десятилетий назад результаты международных переговоров и заявления дипломатов были известны небольшому кругу заинтересованных лиц, то сегодня каждый пользователь сети может следить за ходом становления дипломатических отношений. Однако цифровизация дипломатии имеет не только преимущества, но и недостатки. Как следствие, Интернет и цифровые технологии становятся полем борьбы за новое геополитическое мироустройство. Такое использование возможностей ИКТ в целях упрочения международного авторитета за счет подрыва конкурентоспособности других стран посредством информационных войн или пропаганды входит в сферу деятельности кибердипломатии, или цифровой дипломатии. Под «кибердипломатией», или цифровой дипломатией, Н. А. Цветкова понимает использование разных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в Интернете для вовлечения широких слоев населения в решение дипломатических вопросов, связанных с внешней политикой государства [Цветкова, 2011]. Направленность дипломатических ведомств на работу с большой целевой аудиторией позволяет изучить концептосферу цифрового дипломатического дискурса и выделить культурные концепты, присущие данному народу и характерные для данного периода времени. В настоящее время, в период обострения геополитических конфликтов на международной арене, актуальным концептом для исследования является концепт «война».

Материал и методы исследования

Материалом исследования выступают заявления Марии Захаровой и Энтони Блинкена, сделанные в таких социальных сетях, как «Telegram» и «Twitter¹» соответственно. Выбор социальных сетей в качестве материала репрезентативен: в рамках военных конфликтов сегодняшнего дня социальные сети выступают средством информационной борьбы и пропаганды, которым активно пользуются дипломаты для решения дипломатических вопросов на межгосударственном уровне. Анализ такого использования социальных сетей дипломатами позволяет достичь цели исследования; а именно, определить стратегии репрезентации концепта «война» в российском и американском цифровом дипломатическом дискурсе с установление национальных особенностей восприятия дипломатических процессов. Необходимо заметить, что данное исследование проводится на основе концептуального и дискурсивного анализов. Особое внимание уделяется дискурсивному анализу, так как стратегии репрезентации данного концепта формируются по большей части под влиянием дискурса. R. Wodak считает, что такой подход позволяет выделить дискурсивные стратегии репрезентации символических культурных концептов [Wodak, 2011].

Стратегии репрезентации концепта «война» в российском и американском цифровом дипломатическом дискурсе

Прежде чем перейти к выделению основных стратегий репрезентации концепта «война» в цифровом дипломатическом дискурсе РФ и США, необходимо проанализировать дефиниции концепта «война», закрепленные в толковых словарях русского и английского языков, а также в энциклопедиях. Толковый словарь С. И. Ожегова объясняет данный концепт следующим образом:

- 1) вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства;
- 2) борьба, враждебные отношения с кем-нибудь или чем-нибудь [Толковый словарь С. И. Ожегова].

---

¹ Социальная сеть «Twitter» признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

В энциклопедии Министерства обороны Российской Федерации концепт «война» определяется как «крайняя форма разрешения противоречий, характеризующаяся резкой сменой отношений между государствами, нациями, др. субъектами политики и переходом к применению средств вооруженного и др. видов насилия для достижения социально-политических, экономических, идеологических, территориальных, национальных, этнических, религиозных и др. целей. Главным содержанием войны является вооруженная борьба. В зависимости от состава участников войны подразделяются на двухсторонние и коалиционные; по масштабу – на крупномасштабные, региональные и локальные; по напряженности вооруженной борьбы – низкой, средней и высокой интенсивности; по типу разрешаемых противоречий – межгосударственные и внутригосударственные; по целям воюющих сторон – захватнические, оборонительные, освободительные и т.д.; по применяемым средствам вооруженной борьбы – с применением оружия массового поражения (ОМП), с применением обычных средств поражения. Возможна классификация войн и по иным основаниям» [Энциклопедия Министерства обороны Российской Федерации].

В толковых словарях английского языка представлены следующие объяснения концепта «war»:

- 1) fighting or conflict between countries or states [Collins Dictionary];
- 2) intense economic competition between countries or organizations [Collins Dictionary];
- 3) struggle or competition between opposing forces or for a particular end [Merriam-Webster Dictionary];
- 4) the art or science of warfare [Merriam-Webster Dictionary];
- 5) soldiers armed and equipped for war [Merriam-Webster Dictionary];
- 6) weapons and equipment for war [Merriam-Webster Dictionary].

Необходимо отметить, что в дефинициях русского языка акцентируются семы «вооруженная борьба» и «вражда», а также «насилие», а в дефинициях английского языка – семы «конкурентная борьба» и «противостояние». Вместе они составляют ядро концепта «война». Сегодня сема «вооруженная война» отошла на второй план, на ее место пришла сема «конкурентная война». Кроме того, в определениях русского и английского языков уделяется особое внимание видам, средствам, субъектам и целям войны. Эти семы входят в его периферию. Семы, составляющие ядро и периферию, являются понятийными признаками концепта. Понятийный компонент представляет собой фактическую информацию о концепте и служит основой его образования [Карасик, 1996].

Однако для нас особую значимость представляет ценностно-оценочный компонент данного концепта. Под ценностно-оценочным компонентом понимают оценку концепта через призму восприятия дипломатов [Першина, 2010]. Важно подчеркнуть, что в рамках цифрового дискурса на ценностно-оценочную составляющую концепта «война» оказывают влияние особенности этого вида дискурса. Во-первых, в рамках цифрового дискурса каналами распространения информации являются социальные сети, в нашем исследовании это «Telegram» и «Twitter»¹, которые позволяют дипломатам открыто выражать свои мысли, используя разные вербальные средства. Во-вторых, доступ к заявлениям, сделанным в Интернете, имеет большое количество людей, следовательно, дипломаты используют различные коммуникативные стратегии (стратегия диффамации, манипуляции, стратегия учета ценностных ориентиров адресата и др.) для влияния на аудиторию в целях улучшения имиджа страны и подрыва конкурентоспособности других стран [Зиновьева, 2024].

---

¹ Социальная сеть «Twitter» признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

Учитывая все вышесказанное, выделим стратегии репрезентации концепта «война» в заявлениях Марии Захаровой, официального представителя МИД РФ. Данный концепт репрезентируется через:

1. Ассоциации с Великой Отечественной войной («С началом специальной военной операции по **денацификации** и демилитаризации Украины и защите мирного населения Донбасса страны «коллективного Запада» открыто оказывают поддержку **фашистской идеологии**, представленной в лице **нацистского киевского режима**, который, впрочем, целенаправленно и последовательно был ими взращен.»; «Ведут себя эти «людоловы» под стать **фашистским полицаям** из числа украинских коллаборантов времён Великой Отечественной войны.»; «13 сентября **укронацисты** целенаправленно применили беспилотный летательный аппарат против легкового автомобиля в Запорожской области.») [Захарова, 2024];
2. Связь с терроризмом («Для нас неприемлемы атаки на гражданское население, мирные села и города, целенаправленное повреждение инфраструктуры, **акты террора**.»; «Связь военно-политического руководства Украины с международными **террористическими организациями**»; применение Украиной **террористических и иных запрещенных средств и методов ведения войны**») [Захарова, 2024];
3. Феномен киевского режима и его «формулы мира» («Не сумев добиться успехов на поприще **тупиковой «формулы мира**», а на самом деле **формулы войны**, Зеленский взялся за продвижение, как он называет «плана победы», как мы переводим с сумасшедшего языка на адекватный «плана беды»») [Захарова, 2024].

Что касается стратегий репрезентации концепта «war» в цифровом дипломатическом дискурсе США, то стоит отметить отсутствие корреляций со стратегиями, использующимися в русском языке. В заявлениях генерального секретаря США Энтони Блинкена, сделанных в «Twitter¹», данный концепт репрезентируется через:

1. Противопоставление агрессии свободе (“*We discussed battlefield updates, recent reform efforts, and the U. S.’ enduring support for Ukraine as it continues its **fight for freedom against Russia’s war of aggression**.*”) [Antony Blinken, 2024];
2. Описание военных преступлений (“*I have determined members of the Sudanese Armed Forces have committed war **crimes** and Rapid Support Forces have committed war crimes, **crimes against humanity and ethnic cleansing** in Sudan.*”; “*The U. S. strongly condemns Russia’s **horrific strikes** across Ukraine today.*”; “*Thousands of Ukrainian civilians and soldiers **have tragically lost limbs** in Putin’s war.*”) [Antony Blinken, 2024];
3. Поддержку подвергшихся агрессии государств (“*We stand with the people of Sudan in their demands for peace and civilian, democratic rule.*”; “*We stand united in our **condemnation of Russia’s war in Ukraine**, in support of Israel’s right to defend itself in accordance with international law, and in maintaining a rules-based international order.*”; “*We stand steadfast with our partners and allies in support of Ukraine’s sovereignty and territorial integrity.*”) [Antony Blinken, 2024].

Исходя из анализа стратегий репрезентации концепта «война» в цифровом дипломатическом дискурсе России и США, можно сделать вывод, что в обеих культурах на первый план в концепте выходят периферийные понятийные признаки, подчеркивается отрицательный аксиологический статус данного концепта и используется негативно-окрашенная лексика и антитеза, что является естественным: этимологически война всегда воспринималась негативно, поскольку несла страшные последствия.

Однако есть и различия. Так, в российском цифровом дипломатическом дискурсе ценностно-оценочный компонент выражен ярче. Помимо негативно окрашенной лексики,

¹ Социальная сеть «Twitter» признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

встречаются окказиональные дисфемизмы. Кроме того, обнаруживается связь с историей и подтверждается тезис о ее цикличности, поэтому проводится аналогия между немецким и киевским режимами. Подобным образом Россия стремится «отрезвить» мировое сообщество и напомнить о разрушительных последствиях Второй Мировой войны. В американском цифровом дипломатическом дискурсе ценностно-оценочный компонент выражается в эвфемистическом тоне повествования в результате использования слов и выражений с нейтральными коннотативными значениями. Таким образом подчеркивается посредническая роль США в конфликтах как хранителя демократических ценностей.

Выводы

По итогам проведенного исследования представляется важным отметить тот факт, что несмотря на то, что в рамках геополитических конфликтов концепт «война» считается универсальным понятием в цифровом дипломатическом дискурсе, он является культурно маркированным: стратегии его репрезентации отражают национальный менталитет носителей языка.

Литература

- Зиновьева Е. С. Кибердипломатия в условиях обострения великодержавной конкуренции. Вестник МГИМО-Университета. 2024. №17(4). С. 27-47. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olf5>
- Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Перемена, 1996. С. 3-16.
- Цветкова Н. А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США. США и Канада // Экономика, политика, культура. 2011. № 3. С. 109-122.
- Wodak R. The Discourse-Historical Approach // Critical Discourse Analysis: Concepts, History, Theory. London: SAGE, 2011. PP. 63-93.

Словари

- Толковый словарь С. И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 31.10.2024).
- Энциклопедия Министерства обороны Российской Федерации. URL: <https://xn--d1abichglj9dyd8a.xn--90anlfbebar6i.xn--plai/encyclopedia/history.htm> (дата обращения: 31.10.2024).
- Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 01.11.2024).
- Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 01.11.2024).

Источники

- Захарова М. В. Telegram. URL: <https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova> (дата обращения: 30.10.2024).
- Blinken A. Twitter¹. URL: <https://x.com/secblinken?s=21> (дата обращения: 30.10.2024).

References

- Cvetkova, N. A. Programmy Web 2.0 v publichnoj diplomatii SSHA. SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [Web 2.0 Programs in US Public Diplomacy. USA and Canada: Economy, Politics, Culture]. 2011. No. 3. PP. 109-122. (In Russ.).

---

¹ Социальная сеть «Twitter» признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

- Karasik, V. I. Kul'turnye dominanty v yazyke // Yazykovaya lichnost': kul'turnye koncepty [Cultural dominants in the language // Linguistic personality: cultural concepts]. Volgograd: Peremena, 1996. PP. 3-16. (In Russ.).
- Zinovieva, E. S. Kiberdiplomatiya v usloviyah obostreniya velikoderzhavnoj konkurencii [Cyber Diplomacy under Increased Competition Between the Great Powers]. MGIMO Review of International Relations. 2024. No.17(4). PP. 27-47. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-ol5>
- Wodak R. The Discourse-Historical Approach // Critical Discourse Analysis: Concepts, History, Theory. London: SAGE, 2011. PP. 63-93.

Кашенкова И. С.Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации**ДЕОНИМЫ: ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ**

Деонимы уже давно и прочно заняли свое место в общественно-политическом дискурсе, поскольку выступают в качестве своеобразных символов, связанных с определенными социально-политическими явлениями и процессами. В данном исследовании рассматривается когнитивная сущность деонимических глаголов, образованных от имён собственных современных немецких политиков, анализируется их коннотативный компонент и предлагаются инновационные способы поиска эквивалентов при их переводе. Поскольку в немецком и в русском языках существует своя культура словообразования и свой национально-культурный контекст, некоторые коннотации деонимов могут не сохраняться при переводе. Цель этого исследования – улучшить понимание когнитивной природы деонимов и развить навыки осознанного поиска эквивалентов для их точного перевода с немецкого на русский язык. Методом семантико-синтаксического анализа было установлено, что процесс деонимизации в немецком языке является продуктивным средством словообразования и осуществляется различными способами. В результате исследования констатируется, что перевод деонимических глаголов может вызывать значительные трудности, связанные с наличием в их семантике скрытых смыслов. Делается вывод о необходимости учета и сохранения культурного и политического контекста деонимов как при выборе эквивалентов, так и при их переводе с немецкого языка на русский.

Ключевые слова: политический дискурс, деонимы, словообразование, деонимические глаголы, когнитивность, эквивалентность, перевод

Irina Kashenkova Moscow State Institute of International Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation**DEONYMS: THE PROBLEM OF EQUIVALENCE IN TRANSLATION FROM
GERMAN INTO RUSSIAN**

Deonims have long ago and firmly occupied their place in the socio-political discourse, as they act as peculiar symbols associated with certain socio-political phenomena and processes. This study examines the cognitive essence of deonimic verbs formed from the proper names of contemporary German politicians, analyses their connotative component and proposes innovative ways of finding equivalents in their translation. Since German and Russian have their own word-formation culture and their own national-cultural context, some connotations of deonyms may not be preserved in translation. The aim of this study is to improve the understanding of the cognitive nature of deonyms and to develop the skills of consciously searching for equivalents to accurately translate them from German into Russian. Using the method of semantic-syntactic analysis it has been established that the process of deonymisation in German is a productive means of word formation and is carried out in various ways. As a result of the study it is stated that the translation of deonymic verbs can cause significant difficulties due to the presence of hidden meanings in their semantics. It is concluded that it is necessary to take into account and preserve the cultural and

political context of deonyms both when choosing equivalents and when translating them from German into Russian.

Keywords: political discourse, deonyms, word formation, deonimic verbs, cognitiveness, equivalence, translation

Введение

Постоянное развитие коммуникации, возникновение новых форм общения и подачи информации отражаются в языке. В первую очередь такого рода изменениям подвержена наиболее динамичная сторона языка – лексика. Именно в лексическом составе системы языка в первую очередь находят отражение любые изменения, связанные с различными фактами и явлениями общественно-политической жизни, а также с использованием языка для представления в человеческом сознании данных фактов и явлений.

Будучи неотъемлемой частью языковой картины мира, лексика постоянно обогащается, в том числе путём образования новых слов из уже имеющихся в языке элементов. Особенностью немецкого языка является наличие большого количества словообразовательных моделей, поскольку его «структура позволяет легко конструировать новые слова из уже существующего языкового материала (слов, морфем)» [Кашенкова, 2022, с. 371]. Понимание таких новообразований «находится в зависимости от фоновых знаний носителей языка», так как данные словообразования являются выражением их определённых мыслей и идей [Розен, 1991, с. 19].

Неносителям языка понять, как люди мыслят и как общаются друг с другом через язык, позволяет когнитивный подход к словообразованию. Он даёт возможность рассмотреть процесс образования новых слов на основе понимания значения и связей между словами. На примере отсубстантивных глаголов, образованных от имён собственных современных немецких политиков, в данной статье будут рассмотрены особенности когнитивного словообразования и когнитивная сущность данного продуктивного средства словообразования.

Актуальность темы исследования обусловлена важностью проблемы перевода деонимов в сфере межкультурной коммуникации, для понимания культурных особенностей двух языков. Деонимы представляют собой имена собственные, обозначающие географические объекты, названия компаний, организаций, учреждений и других объектов, связанных с конкретной культурой. При их переводе возникают сложности, связанные с сохранением смысловой нагрузки и культурной специфики исходного текста. Понимание когнитивной природы деонимов и развитие переводческой осознанности при поиске эквивалентов для более точного перевода деонимов с немецкого на русский язык составляет цель данного исследования.

Исходя из цели исследования, мы ставили перед собой несколько задач, которые включали в себя выявление процесса деонимизации как культурно-языковой особенности немецкого языка, определение сложностей, возникающих при переводе деонимов с немецкого языка на русский, а также разработку рекомендаций по улучшению качества перевода деонимов.

Критический обзор предшествующих исследований показывает, что авторы акцентируют внимание на необходимости сохранения культурной специфики при переводе деонимов [Чигашева, 2016]. Однако относительно того, каким образом следует решать эту задачу, ведутся дискуссии. В зависимости от контекста и цели перевода предлагается использовать транслитерацию, калькирование, адаптацию. Важно отметить, что значимость данного исследования состоит в его способности формировать критическое мышление при интерпретации деонимов и осознанном поиске эквивалентов для их точного перевода с немецкого на русский язык.

Материалы и методы

В нашем исследовании мы использовали материалы немецкоязычной прессы за 2014–2024 годы, опубликованные на интернет-платформах www.br.de, www.zdf.de, www.spiegel.de, www.faz.net, www.focus.de, www.rnd.de, www.taz.de и других. Эти источники были отобраны благодаря своему статусу общенациональных, крупнейших и самых популярных новостных ресурсов Германии. Материалом для анализа послужили различные текстовые фрагменты, включающие в себя исследуемые деонимические конструкции.

В качестве основного метода исследования использовался семантико-синтаксический анализ, который позволяет изучить когнитивные и языковые проявления речевых элементов. Мы проанализировали достаточное количество статей общественно-политической тематики на немецком языке. В начале работы методом сплошной выборки отбирались статьи, содержащие деонимы. После поиска деонимов в исходных текстовых фрагментах изучались основные методы образования деонимов, а с помощью семантико-когнитивного подхода проводился анализ их прагматического значения. Отобранные деонимы были тщательно исследованы, что позволило установить их общие черты, а также выявить некоторые сложности, которые могут возникать при переводе на русский язык. В завершение исследования был выдвинут тезис о важности понимания когнитивных особенностей деонимов и развитии умений находить точные эквиваленты при переводе с немецкого языка на русский. Также, на отдельных примерах, были предложены конкретные подходы к решению этой задачи.

Мы не ставили перед собой задачу рассмотреть все возможные модели образования деонимов, ограничившись, прежде всего, отсубстантивными глаголами. Выбор данной модели был сделан на основании её наибольшей популярности в исследуемых текстовых фрагментах.

Результаты и обсуждение

Имена собственные (онимы) составляют особый лексический пласт, основной функцией которого является выделение именуемых ими объектов. С лингвокультурологической точки зрения «семантика онимов является культурно обусловленной» [Опарина, 2021, с. 20], поэтому зачастую онимы переосмысливаются, приобретают новое значение или подвергаются процессу деонимизации, то есть переходят в разряд нарицательных. Процесс деонимизации приводит к появлению лексем-деонимов в языке.

Деонимы, будучи вторичными лексическими единицами, могут быть образованы от названий местности, географических объектов или личных имён, могут быть использованы для обозначения явлений, понятий или объектов, ассоциативно связанных с определёнными местами, свойствами или характеристиками, отражающими особенности национальной культуры и традиций. Таким образом, и иноязычные онимы, и образованные от них лексемы-деонимы представляют собой важный источник лингвистической и культурологической информации. С учётом того обстоятельства, что онимы выражают единичные понятия, а деонимы транслируют обобщённое значение, их изучение и эквивалентная передача на русский язык являются важным аспектом не только овладения лексикой и понимания языковых процессов, но и изучения скрытых смыслов, отсылающих к определённым событиям, объектам, деятельности или манере общения. К сожалению, становясь зачастую частью общенациональной коммуникации, деонимы достаточно редко фиксируются словарями, поскольку «их появление скорее окказионально, а их актуальность бывает ограничена» [Чигашева, 2016, с. 52].

Очевидно, что деонимы особенно присущи общественно-политическому дискурсу, поскольку отражают актуальные явления и события политической и экономической жизни

страны, помогая точнее увязывать конкретные имена с определёнными качествами или идеями, повышая их выразительность и точность. В процессе деонимизации имена собственные подвергаются «межчастеречной трансформации, ведущей в ряде случаев к смене частеречного статуса» [Кравченко, 2004, с. 112]. В нашем случае нас интересуют глаголы, образованные непосредственно от имён собственных личных, причём от имён современных немецких политиков.

Повышенный интерес общества к именам и деятельности политиков объясняется их ключевой ролью в формировании политической среды и влиянием на общественные процессы. Люди следят за политическими деятелями, так как их действия и решения оказывают непосредственное воздействие на жизнь каждого человека. Зачастую имена политических деятелей становятся символами исторических событий и политических движений, а их деятельность вызывает эмоциональное обсуждение, анализ и критику. Современное информационное общество с широким доступом к информации и возможностью влиять на процессы власти через общественное мнение, сформированное в том числе посредством различных СМИ, также способствует повышению интереса к политикам, а также формированию определённых ассоциативных связей между именем политика, его деятельностью и происходящим в стране. Отсубстантивные глаголы (ОГ), образованные от имён политических деятелей, являются своеобразной реакцией общества на их «нечистоплотные» поступки, на связанные с их именами скандалы или нелепые идеи. В целом, ОГ собирают в себе образные, метафорические и семантические смыслы, что позволяет политическим комментаторам, журналистам и общественным активистам создавать живые и ясные описания политической реальности и понятные образы политиков, а также имеет большое значение при формировании публичного мнения. Поскольку деятельность политиков в основном вызывает негативные реакции у населения, большинство лексем-деонимов, образованных по принципу ОГ, имеют ярко выраженную отрицательную коннотацию.

При передаче деонимов с немецкого языка на русский необходимо учитывать не только семантическое значение, но и культурные нюансы, связанные с историей, традициями и особенностями обоих языков. Поскольку основная семантическая нагрузка лежит на контексте, вне которого ОГ называет процесс, связанный со значением «совершать определённые действия, присущие определённому лицу», деонимические глаголы получают окказиональное значение. Именно поэтому, при передаче деонимов на русский язык необходимо проявлять гибкость и креативность, чтобы донести всю глубину значения оригинального слова на немецком языке.

С морфологической точки зрения в немецком языке различают несколько структурных типов ОГ. К ним относятся аффиксные ОГ, образованные с помощью префиксов (*versödern*, *verfaesern*) или суффиксов (*scholzen*, *scholzeln*, *scholzing*), а также с помощью префикса и суффикса одновременно (*verscholzen*, *verbaerbocken*, *wegscholzen*). Причём суффиксы *-n/en* имеют так называемое общекатегориальное значение и практически просто переводят имя собственное в отсубстантивный глагол, в то время как суффикс *-(e)l* имеет чётко выраженное оценочное значение и передаёт ироничную или неодобрительную оценку. Приставка *ver-* усиливает негативное значение неправильности выполнения какого-либо действия, потери или преграды, возникающей на пути к выполнению действия. Приставка *weg-* имеет значение прекращения действия, при этом действие не обязательно доводится до конца.

С точки зрения формирования семантики среди лексем-деонимов можно выделить ОГ, связанные как с поведением политических лидеров, так и вызванные к жизни определёнными событиями, ассоциирующимися с конкретными политическими фигурами. Прошедшие в 2021 году парламентские выборы в Германии привели к появлению новых лексем-деонимов, связанных со скандалами вокруг новоизбранного правительства.

Так, в немецкий язык вошел глагол *scholzen*, образованный от имени нового канцлера Германии Олафа Шольца. Данный деоним имеет несколько значений. Глагол появился во время предвыборной кампании 2021 года, когда Шольц был замешан сразу в нескольких крупных финансовых коррупционных скандалах. В первом значении новый глагол намекает на умение нынешнего канцлера «отмалчиваться или не говорить ничего разумного» или «выдавать противоречивые отговорки одну за другой, чтобы уклониться от ответа» [5]. Основанием для образования данного ОГ послужили утверждения Шольца, что он не помнит, встречался ли он когда-либо с тогдашним главой банка Warburg, через который мошенники отмывали деньги. В связи с данными утверждениями прокуратура отказалась начинать расследование в отношении Шольца, а глагол остроумно и метко охарактеризовал манеру общения канцлера и положил начало многочисленным словообразовательным моделям, связанным с его именем: «*Von der Nonchalance des SPD-Kanzlerkandidaten können wir uns alle mal eine ordentliche Scheibe abschneiden. So geht **Scholzen!***» (www.ndr.de, 02.09.2021). Передать этот деоним можно следующим образом: «Мы все можем взять пример с кандидата в канцлеры от СДПГ, когда речь идёт о беззаботности. Вот как работает **потеря памяти!**».

Другое значение глагола является синонимом нерешительности, промедления, обозначает «что-то обещать с намерением не сдерживать обещание» [5]. Оно пересекается с глаголом *scholzing*, который набирает популярность в англоязычных медиа. Данное значение ОГ используется в связи с оттягиванием канцлером принятия решения по переброске танков Leopard на Украину: «***Scholzen** auf Amerikanisch: Biden steht bei Waffenlieferung im Ukraine-Krieg auf der Bremse*» (www.kreiszeitung.de, 19.09.23). Передать значение данного деонима можно следующим образом: «**Нерешительность** по-американски: Байден тормозит поставки оружия Украине».

Глагол «*scholzen*» также связан со своеобразным, чрезмерно осторожным стилем правления канцлера: «*Für Scholz hat sein **scholzen** jedenfalls inzwischen durchaus ärgerliche Folgen. Für Deutschland ebenfalls*» (www.focus.de, 04.02.2022). Возможно, этот стиль можно было бы описать как «искусство управлять, не управляя»: «В любом случае, для Шольца его **сдержанность** сейчас имеет довольно неприятные последствия. Для Германии тоже».

Наличие в немецком языке широкой системы префиксов способствует продуктивности возникновения подобных лексем-деонимов, в СМИ можно встретить различные префиксальные варианты иллюстрации неоднозначного отношения к деятельности и манере коммуникации действующего канцлера: *verscholzen*, *wegscholzen*, *aufscholzen*, *ausscholzen*, *durchscholzen*, *herumscholzen*...: «*Er wisse nicht, was «**wegscholzen**» sei, sagt der Kanzler. Aber er plädiert «für Gelassenheit*» (www.zeit.de, 06.06.2023). Опровергая критику в свой адрес, связанную с недовольством своей работой канцлера, Шольц заявил, что «не знает, что означает **«устраняться от принятия решений»**. Однако призывает к спокойствию».

Занять второе место по популярности образования новых лексем-деонимов от своего имени претендует нынешний министр иностранных дел Германии Анналена Бербок. Дама знаменита курьезными высказываниями и откровенными речевыми и фактическими ляпами, за которые она никогда не извиняется, поэтому абсолютное большинство ОГ, связанных с её именем, являются синонимами потери или нарушения речи.

Глагол *baerbocken* используется для того, чтобы сказать, что «кто-то говорит, не думая и коверкая слова» или совершенно некомпетентен, или «кто-то копирует или неправильно цитирует» или «испортил какое-то дело из-за небрежности, неправомерного поведения, отсутствия концентрации или ложных утверждений» [5]. Например, в статье «*Baerbock beerdigt Deutschlands «Nationale Sicherheit*» («Бербок похоронит национальную безопасность Германии») читаем: «*Baerbock darf nur in gewissen Grenzen **baerbocken**, grundsätzlich hat sie sich an die Vorgaben zu halten*» (www.tichyseinblick.de, 30.12.2022).

Передать данный упрёк касательно небрежного отношения министра иностранных дел Германии к своим словам можно следующим образом: «**Речевые неудачи** Бэрбок допустимы только в определённых пределах, в принципе, ей следует соблюдать предписания».

Глагол «*verbaerbocken*» усиливает значение саботажа какого-то дела через неправильное поведение, небрежность, некомпетентность, ложные заявления. В статье «*Annalena Baerbock reist nach China*» («Анналена Бербок отправляется в Китай») читаем: «*Achtung, Achtung! Bitte anschnallen und festhalten. Sie wird es schon verbaerbocken*». (www.weltwoche.ch, 13.04.23). Передать иронию и ментальную нагрузку деонима можно следующим образом: «Внимание, внимание! Пожалуйста, пристегните ремни безопасности и держитесь крепче. Она это **сделает/всё испортит**».

Другие члены нового кабинета министров Германии также удостоились своих деонимов. От имени нынешнего федерального министра финансов Германии Кристиана Линднера образован глагол *lindnern*, который также имеет негативную коннотацию и ассоциируется с проявлением трусости и попыткой избежать ответственности. Ещё в 2017 году партия Кристиана Линднера покинула переговоры по формированию ямайской коалиции после четырехнедельного периода переговоров, поэтому глагол используется в значении «отлынивать, не совершать каких-либо действий во избежание ошибки», а также «говорить что-то одно, а делать совершенно другое» [<https://www.severint.net>]. Уже на этапе предвыборной кампании 2021 года партия Линднера намерено дистанцировалась от манеры поведения своего лидера: «*Bloß nicht mehr lindnern*» (www.taz.de, 26.09.2021). Партия рассчитывала войти в парламент «просто больше **не отлынивая от ответственности**».

Министр финансов Германии Робера Хабек также обзавёлся своими деонимами. Глаголы *habecken*, *verhabecken* после пережитого страной прошлогоднего энергетического кризиса прочно ассоциируются с некомпетентностью, прикрытой высокомерием, визуальным и интеллектуальным самообольщением и одновременным отрицанием реальности. Сегодня на фоне роста популярности в Германии правоэкстремистской партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) читаем: «*Von den derzeit vor sich hindiletierenden Parteien weiß man mittlerweile ganz genau, welchen Mist sie verbaerbocken und verhabecken. Warum der AfD nicht die Chance geben, es besser zu machen?*» (www.ansage.org, 06.07.2023). Дилетанство Хабека в финансовом и экономическом аспектах, непосредственно входящих в сферу его компетенций, позволяет так передать смысл данного деонима: «Теперь мы точно знаем, какую ерунду несут и насколько **некомпетентны** партии, которые сейчас проявляют себя дилетантами в политике. Почему бы не дать АдГ шанс улучшить ситуацию?»

Выводы

В целом, отсубстантивные глаголы, образованные от имён политических деятелей, являются важной частью современного немецкого политического дискурса, предоставляя коммуникативный инструмент для обсуждения и анализа политических событий. Они наглядно демонстрируют влияние и роль политических деятелей в формировании общественного мнения и позволяют лучше понять манеру их политической коммуникации. Передача на русский язык иноязычных деонимов способствует расширению словарного запаса, пониманию связей между словами и формированию аналитического мышления. Однако, при переводе деонимов на русский язык могут возникать некоторые сложности, связанные с сохранением / потерей содержания исходного текста.

Очевидно, что транскрипция, транслитерация или калькирование не позволяют в полной мере донести скрытые смыслы деонимов при их переводе с немецкого языка на русский. Следует не только приспособлять исходный фрагмент к условиям другой лингвокультуры, используя всевозможные приёмы адаптации и смыслового развития текста,

но и смело преобразовывать высказывания, содержащие деонимы, для достижения комплексной эквивалентности оригинального и переводимого текстов. Такие переводческие приёмы, как описательный перевод или компенсация помогают преодолеть расхождение лингвосоциокультурного опыта реципиентов и способствуют перевыражению смысла для прагматической адаптации исходного текста.

Тем более, что деонимы, в частности, рассмотренные в нашем исследовании отсубстантивные глаголы, основанные на именах политиков, в достаточном количестве присутствуют в текстах политического дискурса. Отражая восприятие общества о конкретных политических деятелях и их действиях, деонимические глаголы часто используются в образных и метафорических контекстах. Они «высвечивают» определённые черты поведения политиков или их подхода к решению проблем, становясь своеобразным показателем их стиля управления и позволяя общественности точно передавать свои оценки. Так как эти оценки в основном негативные, большинство деонимов имеют ярко выраженную отрицательную семантическую окраску. Кроме того, появление лексем-деонимов свидетельствует об усилении персонализации политики. Это особенно заметно в эпоху социальных сетей и быстрого распространения информации, когда внимание реципиентов в первую очередь сосредоточено на отдельных политических фигурах, а не на идеологических платформах партий. Деонимы помогают закрепить эти образы в коллективной памяти, делая их частью культурного кода нации.

Таким образом, изучение данного лингвистического феномена позволяет глубже понять динамику современных политических процессов и особенности восприятия обществом своих политических лидеров. В этом контексте эквивалентный перевод деонимов с немецкого языка на русский способствует лучшему взаимопониманию между различными лингвокультурами.

Литература

- Кашенкова И. С. Коронавирусный сленг: искусственные слова концепта «пандемия Covid-19» / И. С. Кашенкова // Учитель. Ученик. Учебник: Сборник научных трудов X Юбилейной международной научно-практической конференции (в контексте глобальных вызовов современности), Москва, 19–20 ноября 2021 года. Москва: КДУ, Университетская книга, 2022. С. 370-373.
- Кравченко Е. В. К изучению ономастической лексики: вопросы теории. Анализ категории собственных имен // Культурно-языковые контакты: Сб. науч. трудов. - Вып. 6. Владивосток, 2004. -С. 109 –116.
- Опарина О. Е. ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-sobstvennye-1> (дата обращения: 25.06.2024)
- Розен Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке. М.: Просвещение, 1991. – 192 с.
- <https://www.severint.net/2019/07/28/liste-verben-die-sich-von-den-namen-deutscher-politiker-herleiten/> (дата обращения: 21.06.2024)
- Чигашева М. А. Деонимы как особенность политического дискурса СМИ Германии и России // Вестник МГЛУ. 2016. № 2. С. 50-59.

References

- Chigasheva M. A. Deonimy` kak osobennost` politicheskogo diskursa SMI Germanii i Rossii (Deonims as a peculiarity of political discourse of German and Russian mass media) // Vestnik MGLU. 2016. № 2. S. 50-59.
- DAS BLOGMAGAZIN <https://www.severint.net/2019/07/28/liste-verben-die-sich-von-den-namen-deutscher-politiker-herleiten/> (accessed: 21.06.2024)

- Kashenkova I. S. Koronavirusny'j sleng: iskusstvenny'e slova koncepta «pandemiya Covid-19» (Coronavirus slang: artificial words for the concept 'Covid-19 pandemic') // Uchitel'. Uchenik. Uchebnik: Sbornik nauchny'x trudov X Yubilejnoy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (v kontekste global'ny'x vy'zovov sovremennosti), Moskva, 19–20 noyabrya 2021 goda. Moskva: KDU, Universitetskaya kniga, 2022. – S. 370-373. – EDN MBAOZQ.
- Kravchenko E. V. K izucheniyu onomasticheskoy leksiki: voprosy' teorii. Analiz kategorii sobstvenny'x imen (Towards the study of onomastic lexicon: questions of theory. Analysing the category of proper names) // Kul'turno-yazy'kovy'e kontakty': Sb. nauch. trudov. Vy'p. 6. Vladivostok, 2004. S. 109 - 116.
- Oparina O. E. IMENA SOBSTVENNYY'E (PROPER NAMES) // Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6, Yazy'koznanie: Referativny'j zhurnal. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-sobstvennyye-1> (accessed: 25.06.2024)
- Rozen E. V. Novy'e slova i ustojchivy'e slovosochetaniya v nemeczkom yazy'ke. (New words and stable word combinations in the German language). M.: Prosveshhenie, 1991. 192 s.

**ПОНИМАНИЕ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК
КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС**

В статье рассматривается понимание учебных текстов для чтения на иностранном языке как когнитивный процесс. Целью статьи является установление факторов, влияющих на глубину понимания учебного текста на разных уровнях владения иностранным языком. Для этого обобщены теоретические положения психолингвистики, объясняющие особенности понимания текста в познавательной деятельности; положения когнитивной лингвистики об уровне характера репрезентируемого знания; когнитивные исследования категории сложности учебного текста; роль процесса понимания в иерархии познавательных учебных целей. Подчеркивается ключевая роль процесса понимания текста в обучении чтению англоязычных текстов по сравнению с другими познавательными процессами. Использование методов анализа теоретических источников и качественного сравнительного анализа практического материала позволило сделать следующие выводы. Процесс понимания учебного текста имеет уровеньный характер, который выражается в неоднородности его глубины. Уровеньный характер понимания текста зависит от когнитивного контекста, уровня репрезентируемого знания, уровня владения иностранным языком и учебных задач на каждом из уровней А–С по Европейской шкале компетенций, предполагающих разные когнитивные операции. Они определяют тип учебного текста, его сложность и языковые характеристики: стилевые, содержательные, структурные, лексические и грамматические. Приведен краткий сравнительный анализ данных характеристик текста на уровнях А2 и В1. Новизна исследования заключается в акцентировании уровеньного характера процесса понимания учебного текста, а также рассмотрении взаимосвязи особенностей учебных текстов для чтения разных уровней и требуемых для их понимания когнитивных операций.

Ключевые слова: учебный текст, понимание текста, сложность текста, глубина понимания, уровеньная репрезентация знания, учебная задача, когнитивные операции.

A. V. Kashcheyeva

Derzhavin Tambov State University

UNDERSTANDING ENGLISH ACADEMIC TEXTS AS A COGNITIVE PROCESS

The article deals with reading comprehension of educational texts in a foreign language as a cognitive process. The aim of the article is to determine the factors that influence the depth of text comprehension at different levels of foreign language proficiency. The article summarizes theoretical provisions of psycholinguistics explaining the peculiarities of text comprehension in cognition; the theory of cognitive linguistics on the levels of knowledge representation; cognitive studies of the category of text complexity in educational texts; the role of comprehension in the hierarchy of cognitive learning goals. It emphasizes the key role of the comprehension in teaching reading English texts in comparison with other cognitive processes. The article uses the methods of theoretical analysis of related sources as well as qualitative comparative analysis of practical material. The author draws the following conclusions. The process of reading comprehension of educational texts has a level character, which is expressed in the heterogeneity of its depth. The

level character of text comprehension depends on the cognitive context, the level of knowledge represented, the level of foreign language proficiency and learning tasks at each of the levels A-C of the European scale of competences, assuming different cognitive operations. They determine the type of educational text, its complexity and linguistic characteristics such as style, content, structural, lexical and grammatical. A brief comparative analysis of these text characteristics at A2 and B1 levels illustrates the conclusions. The novelty of the study lies in emphasizing the level character of comprehension of educational texts, as well as in considering the relationship between the characteristics of educational reading texts of different levels and the cognitive operations required for their comprehension.

Keywords: educational text, text comprehension, text complexity, comprehension depth, level knowledge representation, learning task, cognitive operations.

Статья преследует цель изучения понимания учебного англоязычного текста, представляющего собой многоступенчатый когнитивный процесс, обуславливающий формирование умений чтения на иностранном языке и выявления характеристик учебного текста на разных уровнях его понимания. Задачи исследования состоят в изучении понимания текста как когнитивного процесса в контексте обучения; обобщении характеристик глубины понимания текста для формирования умений чтения на уровнях А-С Европейского портфеля языковых компетенций в зависимости от учебных задач; выявлении характеристик учебного текста, которые соответствуют разным уровням глубины его понимания. Практическим материалом служит УМК *Total English* для уровней А2 и В1.

Термин «понимание» высказывания и текста был объяснен в отечественной психолингвистике. С точки зрения психолингвистики понимание есть сложное, многоступенчатое взаимодействие процессов восприятия, мышления и памяти для выстраивания образа текста у читателя [Залевская, 2000, с. 250-252]. Образ текста читателя/реципиента имеет, с одной стороны, достаточно абстрактный характер, а с другой стороны, он всегда конкретизируется фрагментом отражаемой картины мира с той или иной степенью соответствия. Поэтому образ текста получил название «проекция текста» (А. А. Залевская) или «концепт текста» (А. А. Леонтьев). В обоих случаях речь идет о смысловом образе целостного текста, а понимание текста трактуется как понимание его смысла [Залевская, 2000; Леонтьев, 1999].

Понимание текста может рассматриваться в междисциплинарном аспекте, во взаимодействии психолингвистики и когнитивной лингвистики, поскольку создание образа фрагмента действительности опирается на коллективные и индивидуальные знания читателя, его когнитивные способности. С точки зрения когнитивной лингвистики важен тезис о структурном характере знаний, которые могут быть представлены в виде фреймов, сценариев и иных абстрактных моделей [Залевская, 2000, с. 248]. Структуры знания направляют понимание текста и способствуют его правильной интерпретации. Вместе с тем, тип текста тоже определяет степень точности его понимания – то, что А. А. Леонтьев называет «степенью свободы» способов понимания. Например, научные и учебные тексты характеризуются самой низкой «степенью свободы» понимания, что объясняет их однозначную интерпретацию читателем [Леонтьев, 1999, с. 143-144]. Современные исследования учебного текста подчеркивают, что правильное, адекватное понимание учебного текста есть необходимое условие существования этого типа текста [Зиганшина, 2020].

Анализируя тезис об однозначности понимания учебного текста, мы полагаем, что она связана с минимальным объемом индивидуального знания читателя, в том числе языкового знания, по отношению к коллективному знанию. Данные термины мы используем вслед за Н. Н. Болдыревым [Болдырев, 2021]. Так, в художественном типе текста доля индивидуального знания значительно выше по сравнению с учебным текстом, поэтому концептуальная модель

текста и процесс интерпретации имеют сложный характер и предполагают неоднозначные результаты интерпретации [Огнева, 2022].

Также стоит отметить, что тексты одного типа могут обнаруживать разное концептуальное содержание и способы языковой репрезентации, и поэтому неоднородны. Очевидно, что концептуальные и языковые различия текстов одного типа влияют на однозначность их понимания. Полагаем, что такая разница проявляется в категории сложности текста. Параметры данной категории разрабатываются преимущественно в отношении учебных текстов и сопоставимы с категорией читабельности. Для однозначной интерпретации учебного текста разной степени сложности читатель должен обладать достаточным уровнем сформированности когнитивной, предметной и языковой компетенций [Солнышкина, Кисельников, 2015], или иметь достаточный уровень коллективного языкового знания.

В соответствии с указанными компетенциями различают два вида сложности, лингвистическую и когнитивную (информационную), которые представлены соответственно количественными языковыми и качественными внутритекстовыми параметрами [Вахрушева, 2021; Зиганшина, 2020]. Таким образом, сложность текста является еще одним фактором, помимо типа текста, который влияет на его понимание и обуславливает уровневый характер понимания. Когнитивный аспект понимания текста, на наш взгляд, затрагивает не только вид информации, но знания как результат ее понимания и усвоения и операции с ним. То есть, понимание текста определяется соответствием уровня знания читателя уровню знания, репрезентируемого текстом. Следовательно, процесс понимания текста имеет уровневый характер и предполагает разные виды знания и разные когнитивные операции в зависимости от типа и уровня сложности текста.

Рассмотрим понимание как уровневый когнитивный процесс формирования умений смыслового чтения на иностранном языке согласно дескрипторам Европейского портфеля языковых компетенций. В документе обозначены пять категорий смыслового чтения, однако они имеют в своем основании разные принципы. Например, категория «переписка» включает разные типы текста, а категория «ознакомительное чтение» – разные когнитивные операции с ним [CEFR, 2018]. С другой стороны, уровневый принцип соблюдается во всех категориях. Он проявляется:

- в разделении уровней умений чтения от допорогового до профессионального (pre-A1 – C2);
- в возрастании жанровой и концептуально-тематической сложности текстов от коротких и простых текстов повседневной тематики до длинных текстов любой тематики, сложных по своей структуре и языковому наполнению;
- в возрастании сложности когнитивных операций понимания текста: от распознавания и понимания ключевой информации до детального понимания текста и извлечения имплицитной информации [CEFR, 2018, p. 60].

Когнитивные процессы в образовательной области часто рассматривают в связи с таксономией учебных целей Блума, каждая из которых, по своей сути, представляет самостоятельную когнитивную операцию. В усовершенствованной таксономии учебных целей распознавание и понимание текста являются базовыми когнитивными процессами низшего уровня, но их доля в учебном процессе достаточно высока, поскольку они составляют основание целевой пирамиды [Anderson, 1999]. Однако в Европейском портфеле компетенций применительно к пониманию текста процесс «распознавания» упоминается лишь на допороговом уровне, в то время как все остальные уровни умений работы с текстом обозначены термином «понимание». Из рекомендаций вытекают неоднородность когнитивной операции понимания и её уровневый характер. Мы полагаем, что данный факт можно объяснить разными видами знаний, на которые обучающиеся опираются при

понимании учебного текста и соответственно разными уровнями их обработки. Полагаем, что уровневый характер репрезентируемого текстом знания обуславливает разную глубину понимания учебного текста. Приведем примеры.

Уровень знаний, необходимых для понимания текстов, меняется в соответствии с уровнями владения языком А-С, во-первых, за счет расширения сферы общения. Используя термины «предметная область» и «когнитивный контекст» [Болдырев, 2021] в отношении области знания, репрезентируемого учебным текстом, можно констатировать очевидное расширение и усложнение когнитивного контекста. Так, на уровне А когнитивный контекст составляют известные темы из области повседневной или профессиональной предметной области. На уровне В когнитивный контекст расширяется за счет академической области. Уровень когнитивного контекста на уровне С не имеет четких границ, поскольку учебный текст может опираться на любую область, включая вымышленный контекст литературных произведений.

Усложнение когнитивного контекста происходит путем изменения глубины, или детализации репрезентируемых текстом знаний. Если на уровне А глубина понимания текста определяется ключевыми словами, фразами или короткими текстами известного формата, то на уровне В возрастает степень самостоятельной ориентации в когнитивном контексте большей содержательной сложности с условием его полного понимания. Так, на уровне В когнитивный контекст расширен за счет новостной, медицинской и профессиональной предметных областей. На уровне С когнитивный контекст текста осложнен не только концептуально, но и тем, что содержит имплицитное знание, для полного и самостоятельного понимания которого необходим процесс инференции [CEFR, 2018, p. 61, 63].

Понимание учебного текста может быть представлено и относительно уровней репрезентации знания: базового, суперординатного и субординатного [Болдырев, 2021]. На уровне А учебные тексты репрезентируют преимущественно фактологическое, конкретное знание базового уровня (время, цена, дата, описание внешности человека и др.). Тексты уровня В помимо базового знания репрезентируют профессиональное знание, конкретного и абстрактного характера, а именно детали и термины и теоретический справочный материал, что предполагает определенную долю знаний суперординатного и субординатного уровней. Тексты уровня С преимущественно репрезентируют знания из профессиональной и академической предметной областей, которое можно отнести как к суперординатному, так и к субординатному уровням. Кроме того, тексты уровня С отличает репрезентация оценочного знания (отношения, эмоций, позиций), а также специфического языкового знания, поскольку обучающиеся должны вычленять типичные элементы и детали стиля текста [CEFR, 2018, p. 61, 63]. Таким образом, понимание учебного текста предполагает постепенную активацию знаний разных уровней, от простого базового, до суперординатного и субординатного. Доля репрезентируемого базового знания в текстах для чтения сокращается по мере возрастания самостоятельности и профессионализма во владения иностранным языком.

Когнитивные операции, необходимые для понимания учебных текстов, также неоднородны и определяются учебными задачами для конкретного уровня и типами чтения. На уровне А для понимания текста необходимо извлечение основного и целостного смысла и специфической информации простых текстов. Ознакомительное чтение на границе уровней А и В требует вероятностного прогнозирования, поскольку содержание текстов «легко предсказуемо» [CEFR, 2018, p. 62]. На уровне В возрастает самостоятельность и сложность операций полного понимания текста, требуется понимание и анализ аргументов, и извлечение запрашиваемой информации. Тексты уровня С подразумевают полное и детальное понимание, а также операцию инференции [CEFR, 2018, p. 63].

Отмеченные особенности когнитивных операций и уровней репрезентируемого знания определяют характеристики текстов, используемых для обучения чтению на уровнях А-С. Кратко суммируя их, отметим, что тексты уровня А отличаются небольшим объемом, использование частотной лексики и простых грамматических конструкций. Они относятся к жанрам прескриптивного и описательного характера: инструкциям, личному сообщению, объявлению, меню, туристической брошюре, новостным сообщениям и др. Сложность текстов уровня В повышается за счет объема, спектра лексики, в том числе профессиональной и медицинской, жанров статей в газетах, журналах и Интернете, медицинских инструкций и описания готовых продуктов питания. Структурная, лексическая и стилистическая сложность учебных текстов на уровне С значительно увеличивается. Они характеризуются сложной структурой, абстрактной и фразеологической лексикой, представлены в разнообразных жанрах, включая литературные.

Приведем примеры двух текстов для чтения уровней А2 и В1 УМК "Total English", которые демонстрируют усложнения процесса понимания. Текст уровня А представляет собой жанр адаптированной газетной статьи, а текст уровня В – интервью из журнала. Темой текста А является еда и биография известного шеф-повара Джейми Оливера. Текст В рассказывает о культурных разногласиях в неизвестной многонациональной семье по поводу внешности и лишнего веса. Объем текста уровня А превышает объем текста уровня В более чем на 50 слов, однако в нем очевидно больше служебных частей речи. 14 из 23 предложений текста уровня А простые, а в тексте уровня В 7 из 15 предложений простые, однако остальные отличаются сложной синтаксической структурой, и прямой речью. Например, *I told him, «I've had enough of the weight comments, tell him to stop insulting me»* [Roberts, 2011, p. 10]. В тексте уровня А прямая речь отсутствует, а сложные предложения сочинительного или подчинительного определительного характера: *But the project worked and Lloyd got a good job as a chef at a top London restaurant* [Crace, Acklam, 2011, p. 30].

Лексически отличия текстов уровней А и В проявляются в большей частотности коллокаций в тексте низшего уровня, например *food habits, top class*. В тексте уровня В использование сложной лексики *endearment* единично. Оба текста характеризуются достаточно частотной лексикой, однако в более простом тексте наблюдается ее большая повторяемость тематических слов, таких как *chef, food, cook, project, improve*.

Представляется, что когнитивные операции для текста уровня А проще, поскольку он разделен на смысловые части графически, в отличие от текста более высокого уровня, а задания чаще используют смысловые опоры. Для понимания текста уровня А требуется найти ключевые идеи и специфическую информацию в виде слов и словосочетаний. Примером служит задание с опорой на заполнение пропусков: *After Lloyd Hayes left Fifteen, he became a professional (top-class chef)* [Crace, Acklam, 2011, p. 30]. Когнитивные операции текста уровня В требуют извлечения требуемой информации. Приведем пример одного из вопросов после текстового задания без опор: *What happened when she got angry?* [Roberts, 2011, p. 10]. Очевидно, что ответ на этот вопрос требует самостоятельного поиска расширенной информации в тексте.

Краткий анализ теоретических источников и практического материала разного уровня позволяет сделать следующие выводы. При обучении чтению на иностранном языке понимание является ключевым когнитивным процессом обработки текста. Когнитивный процесс понимания учебного текста для чтения имеет многоступенчатую, уровневую структуру с постепенным усложнением когнитивных операций, влияющих на глубину понимания текста. Когнитивные операции и глубина понимания определяются уровнем репрезентируемого в тексте знания и уровнем владения иностранным языком, соответствующими учебными задачами чтения как вида речевой деятельности и языковыми особенностями текста, включая стилистические, структурные, лексические и грамматические.

Литература

- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом «Державинский». 2021. 236 с.
- Вахрушева А. Я., Солнышкина М. И., Куприянов Р. В., Гафиятова Э. В., Климагина И. О. 2021. Лингвистическая сложность учебных текстов. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. 40 (1): С. 88–99. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-1-89-99.
- Залевская А. А. Введение в психолингвистику : Учеб. для студентов вузов, обучающихся по филол. специальностям. М. : Рос. гос. гуманитар. ин-т. 2000. 382с.
- Зиганшина Ч. Р. «Качественные» параметры сложности текста (на материале художественных и научно-популярных текстов PIRLS) // МНКО. 2020. №5 (84). С. 388-391.
- Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М. : Смысл; Издательский центр «Академия». 1999. 288 с.
- Огнева Е. А. Концепция моделирования текстового художественного пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 37-49. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-2-37-49.
- Солнышкина М. И., Кисельников А. С. Сложность текста: этапы изучения в отечественном прикладном языкознании // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. №6 (38). С. 86-99.
- Anderson, L. W. Rethinking Bloom's Taxonomy: Implications for Testing and Assessment. 1999. URL: https://archive.org/details/ERIC_ED435630 (дата обращения 13.11.2024).
- Common European Framework of References for Languages: Learning, Teaching, Assessment. URL: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989> (дата обращения 29.10.2024).
- Crace, A., R. Acklam. New Total English. Pre-intermediate. Student's Book. Pearson Education Limited. 2011. 149 p.
- Roberts, R., A. Clare, J. J. Wilson. New Total English. Intermediate. Student's Book. Pearson Education Limited. 2011. 165 p.

References

- Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku. Tambov: Izdatel'skiy dom «Derzhavinskiy». 2021. 236 s.
- Vakhrusheva A. Ya., Solnyshkina M. I., Kupriyanov R. V., Gafiyatova E. V., Klimagina I. O. 2021. Lingvisticheskaya slozhnost' uchebnykh tekстов. Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. 2021. 40 (1): S. 88–99. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-1-89-99.
- Zalevskaya A. A. Vvedenie v psikholingvistiku : Ucheb. dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po filol. spetsial'nostyam. M. : Ros. gos. gumanitar. in-t. 2000. 382s.
- Ziganshina Ch. R. «Kachestvennyye» parametry slozhnosti teksta (na materiale khudozhestvennykh i nauchno-populyarnykh tekстов PIRLS) // MNKO. 2020. №5 (84). S. 388-391.
- Leont'ev A. A. Osnovy psikholingvistiki: Uchebnik dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. M. : Smysl; Izdatel'skiy tsentr «Akademiya». 1999. 288 s.
- Ogneva E. A. Kontseptsiya modelirovaniya tekstovogo khudozhestvennogo prostranstva // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2022. № 2. S. 37-49. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-2-37-49.
- Solnyshkina M. I., Kisel'nikov A. S. Slozhnost' teksta: etapy izucheniya v otechestvennom prikladnom yazykoznanii // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya. 2015. №6 (38). S. 86-99.
- Anderson, L. W. Rethinking Bloom's Taxonomy: Implications for Testing and Assessment. 1999. URL: https://archive.org/details/ERIC_ED435630 (Accessed: 13.11.2024).
- Common European Framework of References for Languages: Learning, Teaching, Assessment. URL: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989> (Accessed: 29.10.2024).

- Crace, A., R. Acklam. New Total English. Pre-intermediate. Student's Book. Pearson Education Limited. 2011. 149 p.
- Roberts, R., A. Clare, J. J. Wilson. New Total English. Intermediate. Student's Book. Pearson Education Limited. 2011. 165 p.

Кириллова К. И.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

**МЕТАФОРЫ ИЗ СФЕРЫ «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» КАК СПОСОБ
ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГЕМ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ СТРАНЫ-
ОППОНЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ АМЕРИКАНСКИХ И
РОССИЙСКИХ МАССМЕДИА)**

В статье в лингвокогнитивном аспекте анализируются метафоры со сферой-источником «Неживая природа», зафиксированные в американских и российских СМИ при характеристике внешней и внутренней политики России и США соответственно. Актуальность темы обусловлена необходимостью уточнить место и специфику природной метафорики в репрезентации политической (идеологической) картины мира в современном общественно-политическом медиадискурсе в условиях резкого обострения социально-политических и экономических отношений в мировом сообществе. Цель работы – выявить роль подобных переносов в формировании политических концептов (идеологем) страны-оппонента «США» и «RUSSIA» в российской и американской политической картине мира. Теоретической базой исследования стало широкое понимание метафоры (включая образные, генетические, частичные, языковые и речевые) как способа смыслопроизводства и формирования картины мира, в том числе политической. При установлении моделей метафоризации используется комплексная методика системного семантического, функционально-стилистического, дискурсивного и когнитивного анализа языковых явлений.

В статье представлен системный анализ русскоязычных и англоязычных метафорических переносов, в основе которых лежат лексемы, относящиеся к следующим семантическим полям: «Космос, материя», «Рельеф», «Атмосфера, воздух и его движение», «Вода, ее движение и состояния». Установлено, что общим для российских и американских СМИ является использование метафор из указанных полей при характеристике кризисных в экономическом и социально-политическом аспектах ситуаций, но в российском медиадискурсе подобные переносы репрезентации образа «США» обладают относительно низкой степенью востребованности, тогда как в американском – они более частотны, продуктивны и разнообразны. Общим для обеих метафорических политических картин мира является активное взаимодействие нескольких моделей при формировании метафор, в частности, натуралистической и пространственной. Не менее концептуально значимым представляется тот факт, что абсолютное большинство зафиксированных метафор употребляются с целью создания отрицательного и экспрессивно насыщенного образа страны-оппонента.

Ключевые слова: политическая метафорология, метафорические модели, идеологема, медиадискурс.

METAPHORICAL TRANSFERS WITH “INANIMATE NATURE” SOURCE DOMAIN AS A TOOL OF FORMING IDEOLOGICAL CONCEPTS USED TO CHARACTERIZE AN OPPONENT COUNTRY (BASED ON AMERICAN AND RUSSIAN MEDIA ARTICLES)

Metaphors with the source domain “Inanimate nature” recorded in the American and Russian media when characterizing the rival country are analyzed in the linguo-cognitive aspect. The relevance of the topic is determined by the need to clarify the place and specificity of inanimate nature metaphor in the representation of the modern political worldview in media discourse in the conditions of sharp aggravation of socio-political and economic relations in the world community. The purpose of the work is to identify the role of such transfers in the formation of ideological concepts “USA” and “RUSSIA” and the display of the modern political world view of the opposing countries. The article presents a systematic analysis of English and Russian metaphorical transfers, which are based on lexemes related to the following semantic fields: “Space, matter”, “Terrain”, “Atmosphere, air and its movement”, “Water, its movement and states”. It has been established that use of metaphors from the specified fields when characterizing crisis situations in economic and socio-political aspects is a common feature of Russian and American media, but in Russian media discourse such transfers have a relatively low degree of demand, while in the American one they are more frequent, productive and diverse. The active interaction of several models in the formation of metaphors, in particular, naturalistic and spatial, is common to both metaphorical political world view. No less conceptually significant is the fact that the absolute majority of recorded metaphors are used to create a negative and expressively saturated image of the opponent country.

Keywords: political metaphors, metaphorical models, ideological concepts, media discourse.

Характерной особенностью массмедийной политической коммуникации является регулярное использование метафор в широком их понимании [Арутюнова 1990; Гак 1988; Балашова 2014], поскольку они являются действенным способом не только смыслопроизводства и экспрессии, но и «установления нужных ассоциативных связей» [Окунева 2010, с. 136]: метафора «способна не только подмечать, но и создавать аналогию или даже навязывать ее, что создает возможности для манипуляции сознанием» [Будаев, Солопова, Зарипов, Бойко 2021, с. 5].

Объектом данного исследования стали метафоры, источником которых являются члены семантической сферы «Неживая природа», зафиксированные в российских и американских СМИ при характеристике страны-оппонента – США и России соответственно – в период резкого обострения отношений между ними. Цель работы – выявить роль подобных переносов в формировании идеологием страны-оппонента «RUSSIA» и «США» в современных американской и российской политических картинах мира. Теоретической основой исследования стало широкое понимание метафоры (включая образные, генетические, частичные, языковые и речевые) как способа смыслопроизводства и формирования картины мира, в том числе политической. При установлении моделей метафоризации используется комплексная методика системного семантического, функционально-стилистического, дискурсивного и когнитивного анализа языковых явлений. В частности, устанавливается источник и мишень переноса, основной модуль сравнения; на этой основе определяется регулярность формирования метафор, сформированных по единой когнитивной матрицы [Балашова 2014; Лакофф 2004].

Исследователи не раз подчеркивали высокую активность членов указанной сферы в формировании языковых метафор, поскольку мир природы непосредственно наблюдаем и вызывает большое число ассоциаций (ср.: [Арутюнова 1998, с. 358–370; Балашова 2014, с. 49; Лакофф 2004, с. 503; Ульман 1970, с. 274–278]). Однако, как показал анализ 90 американских и 90 российских статей с соответствующей тематикой, опубликованных в 2022 – 2024 гг. в общественно-политических СМИ, число переносов на базе именовании природных явлений и объектов в них невелико, особенно в российской прессе (ср.: в американских СМИ – 18 единиц; в российских – 8). Относительно небольшим оказывается также число контекстов с метафорами этого типа, причем и в данном случае наиболее ярко это проявляется в российских массмедиа (ср.: в американских массмедиа – 41 вхождение; в российских – 20). Это составляет 2,5% от общего числа составленного нами метафорического англоязычного корпуса и 0,7% – от соответствующего русскоязычного корпуса.

Другой специфической особенностью анализируемых метафор является то, что, в отличие от языковой метафорической системы, здесь нередко наблюдается действие «центробежных» сил [Балашова 2014, с. 60; Dolores Porto 2022], то есть в процессе формирования переносных значений базовыми становятся не столько ядерные собственно «природные» компоненты, сколько периферийные когнитивно-прагматические компоненты иного типа (пространственные, деструктивные, бытийные и т.п.). Тем самым многие из исследованных метафор становятся частью других концептуальных моделей переноса (например, пространственной модели целенаправленной деятельности, бытийной модели качественного изменения и деструкции и др.). В англоязычных и русскоязычных метафорических корпусах этот процесс имеет общие и специфические черты.

В частности, источниками метафоризации в американских СМИ являются лексемы из следующих семантических полей (далее СП): «Космос, материя» – 2 единицы (*black hole*, *atomized*); «Рельеф» – 6 единиц (*desert*, *erode*, *erosion*, *erupt*, *mounting*, *tectonic shifts*); «Атмосфера, воздух и его движение» – 1 единица (*storm*); «Вода, ее движение и состояния» – 9 единиц (*avalanche*, *ebb*, *flood*, *flow*, *iceberg*, *stream*, *tide*, *water*, *wave*). В российских СМИ состав лексем менее разнообразный: «Космос, материя» – 2 единицы (*черная дыра*, *атомизироваться*); «Рельеф» – 1 единица (*болото*); СП «Атмосфера, воздух и его движение» – 2 единицы (*атмосфера*, *ураган*); СП «Вода, ее движения и состояния» – 3 единицы (*вода*, *волна*, *каскад*).

Примечательно, что в англоязычном и русскоязычном материале полностью совпадают только единицы из СП «**Космос, материя**» (*black hole*, *atomized* – *черная дыра*, *атомизироваться*), которые используются sporadически в американских и российских СМИ (по 4 контекста в каждом корпусе). В обоих случаях «природные» переносы вовлекаются в орбиту деструктивной модели метафоризации, характеризующей негативное развитие социально-политической ситуации, связанной со страной-оппонентом. Показательно, что описываемые ситуации в отношении единиц *atomized* – *атомизироваться* имеют ряд принципиальных различий, тогда как в отношении единиц *black hole* – *черная дыра* они совпадают. Так, в американских СМИ «атомизированным», разобренным представляется само российское общество в силу внутренних причин, тогда как в российских СМИ подчеркивается, что именно США оказывает негативное «деструктивное» воздействие на мировую политическую ситуацию, целенаправленно дестабилизирует обстановку в различных регионах, в том числе в РФ (ср.: *Russia's atomized citizenry and dysfunctional economy are often blamed on a unique national psyche*. Jac. J. Tell, B. de Robiano. 13.12.2023¹; *Это уже сложившаяся мировая тенденция, когда социум целенаправленно разрушается*

¹ В дальнейшем для обозначения источника материала мы используем следующие сокращения: «Аргументы и факты» — АиФ; «Известия» — Изв.; «Коммерсант» — Ъ; Axios — Ах.; Bloomberg — BB; The New York Times — TNYT; Newsweek — NW; Washington Post — WP.

и **атомизируется** до уровня индивидов. АиФ. А. Ильницкий. 28.07.2022). Параллельные метафоры *black hole* – черная дыра в американских и российских массмедиа употребляются только при характеристике ситуаций, связанных с конфликтом на Украине, который оказывается деструктивно-затратным как для РФ, так и для США (ср.: *Moscow has been forced to pull units from all over the country to fill the manpower **black hole** developing in Ukraine*. NW. D. Brennan. 29.12.2023; *Некоторые из конгрессменов-республиканцев и вовсе считают, что Украина — это **черная дыра**, которая высасывает деньги американских налогоплательщиков*. АиФ. Г. Иванов. 13.02.2023).

В других источниках англоязычной и русскоязычной метафоризации таких совпадений нет. Наибольшее число различий наблюдается в использовании переносов на основе единиц из СП «Вода, ее движение и состояния». В англоязычном корпусе это СП самое многочисленное по составу (9 единиц) и числу их вхождений (24 контекста), а в российских СМИ фиксируется только 3 единицы в 8 контекстах). Сам процесс метафоризации в обоих корпусах связан со следующими когнитивными признаками. Во-первых, базовой может стать «стихийная природная модель», в которой стихийные процессы, обычно чреватые негативными последствиями для окружающей среды, в том числе для человека, ассоциируются с неконтролируемыми негативными социально-экономическими и политическими процессами. Примечательно, что этот принцип сохраняет свое действие при характеристике перемещения в пространстве больших масс людей, техники и т.п. Во-вторых, метафоризация может осуществляться на базе «прагматически ценностной» модели, где «вода» воспринимается как жизненно важное для человека и окружающей среды вещество. Но при использовании этих моделей в американских и российских массмедиа есть существенные различия.

В американских СМИ такого рода переносы наиболее последовательно употребляются при характеристике трех типов ситуаций, связанных с Россией – эмиграция, санкции со стороны «коллективного Запада» и негативные экономические процессы в стране. Так, эмиграция представляется американской прессе описываемая как наводнение, поток мощных волн, которые могут «затопить» соседние страны; деятельность же руководства РФ направлена на сдерживание этих «потоков» (ср.: *Already, Russian talent is rushing for the exits, in what might represent the seventh great **wave** of Russian emigration over the past century*. WP. C. Rampell. 24.03.2022; *Russian self-exiles are mostly **flooding** into nearby countries such as Turkey, Armenia and Georgia, but we could smooth their pathway to the United States*. WP. C. Rampell. 24.03.2022; *The Russian government hasn't yet blocked emigration, but it is trying to slow the **flow** by interrogating those who leave or offering enticements to tech workers who stay*. WP. C. Rampell. 24.03.2022). Этот же тип ассоциаций становится основой для характеристики различного рода санкций против РФ, которые, по мнению авторов публикаций и цитируемых ими политиков, подобно неуправляемому потоку, низвергающейся с горы снежной массе, оказывают разрушительное, губительное для экономической и внутривнутриполитической ситуаций в РФ воздействие (ср.: *Senior White House officials designing the strategy to confront Russia have begun quietly debating a new concern: that the **avalanche** of sanctions directed at Moscow, which have gained speed faster than they imagined, is cornering President Vladimir V. Putin and may prompt him to lash out, perhaps expanding the conflict beyond Ukraine*. NYT. David E. Sanger, Eric Schmitt and Julian E. Barnes. 03.03.22; *The **flood** of sanctions comes from the U. S. and its Western allies, who have demonstrated significant unity in the face of Russia's invasion into Ukraine*. Ax. Julia Shapero. 08.03.2022).

Напротив, позитивная или нейтральная оценка присуща характеристике финансовых «потоков» от продажи энергоресурсов в РФ. В данном случае на первый план выходит восприятие «воды» как ценной жидкости, запасы которой весьма значимы для жизнедеятельности государства (ср.: *The drivers of this recovery were favorable energy prices, which provide Russia with a **stream** of oil and gas revenue, COVID-scale fiscal impulse that the government delivered through a boost in military spending, and loose credit conditions which saw*

the expansion of retail and corporate loan portfolios by around 20% year-on-year. BB. Bloomberg News. 15.11.2023; It also could impact the VC/PE markets, where Russian money has flowed into funds and deals. Ax. Dan Primack. 28.02.2022).

В российских СМИ основной мишенью использования переносов на базе членов СП «Вода, ее движение и состояния» становится негативная оценка экономических проблем, с которыми сталкиваются США в результате неэффективного управления, отсутствия единства в американском правительстве и обществе, а также в отношениях США с союзниками. «Водная стихия» подчеркивает в этом случае неуправляемость и неизбежность негативных социальных и экономических последствий в США (ср.: *Каскад проблем, возникший перед США, вызвал моральный кризис в Белом доме, а американский лидер Джо Байден и его помощники разочарованы собственной неспособностью переломить ситуацию. Изв. От ред. 10.06.2022; Массовые протесты и критика со стороны либеров даже союзных Соединенным Штатам государств – лишь первая волна реакции на данный шаг, который будет иметь далеко идущие последствия, в том числе в контексте предстоящих этой осенью промежуточных выборов в конгресс. Изв. К. Сенин. 27.06.2022).*

Как отмечалось, метафоризация членов СП «Рельеф» представлена в основном в американских СМИ (6 единиц в 11 контекстах), тогда как в российских массмедиа зафиксирована 1 единица в 1 контексте. В русскоязычном корпусе метафоризация происходит в рамках собственно «природной качественной» модели, ядро которой составляет прагматическая (антропоцентрическая в своей основе) оценка качества природного объекта: *болото* – это участок ландшафта, топкое место с повышенной кислотностью и низкой плодородностью почвы, выходом на поверхность стоячих или проточных грунтовых вод, что делает это место опасным для обитания человека и его жизнедеятельности. Именно этот прагматический компонент становится ядерным при негативной оценке роли США в современном мире (*Относительно США как государства сомнений никаких: нынешнее вашигтонское болото однозначно войдет в историю планеты как самое зловонное в мире. Изв. А. Ведрусов. 22.04.2024).*

В американских СМИ ядерными при метафоризации также становятся прагматические (антропоцентрические в своей основе) компоненты, которые пересекаются негативной «деструктивной» и/или «стихийно неуправляемой» моделями развития. Стремясь подчеркнуть негативные тенденции в социально-экономическом и политическом развитии РФ, американские журналисты описывают современную Россию как участки ландшафта, подвергшиеся разрушениям, эрозии, катастрофическим по последствиям стихийным изменениям. Такого же рода ассоциации используются для того, чтобы убедить читателя в неустойчивости органов управления и т.п. (ср.: *By the end of the first eight years of his rule, he was the architect of a corruption-plagued, but broadly beneficial economic upsurge; because Russians credited him for that, they cared little about the erosion of electoral democracy as he consolidated power. BB. L. Bershidsky. 15.09.2022; This will both erode potential growth and stretch fiscal policy, as the government tries to reverse labor-force decline with pro-natalist policies.” BB. 18.10.2022; Putin’s propaganda push has intensified as protests erupt at home. Ax. Sara Fischer. 05.03.2022).*

Наконец, метафоры на базе СП «Атмосфера, воздух и его движение» мало востребованы в американских СМИ – 1 единица в 2 контекстах, тогда как в российских СМИ 2 единицы фиксируются в большем числе контекстов (7 вхождений). Общим для англоязычных и русскоязычных изданий является акцент на прагматическом компоненте. В американских массмедиа убыль населения в России, демографический спад ассоциируется с катастрофическими по своим последствиям мощными потоками воздуха (*Independent demographer Alexei Raksha is calling it “a perfect storm”. BB. 18.10.2022).* В российских СМИ подобные ассоциации связаны с оценкой нестабильной и взрывоопасной экономической и внутривнутриполитической обстановкой в США (ср.: *Финансист предрек США экономический ураган» после выборов в конгресс. Изв. От ред. 02.06.2022; Реальный экономический*

«ураган» в США вероятен после возможного провала демократов на выборах в конгресс США этой осенью. Изв. От ред. 02.06.2022; Пожалуй, никогда еще за всю историю США промежуточные выборы в конгресс не отличались такой накаленной атмосферой и воинственной риторикой. Изв. Э. Лозанский. 08.11.2022).

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что метафорические переносы на базе сферы-источника «Неживая природа» обладают невысокой степенью востребованности американских и российских массмедиа, но играют известную роль в формировании негативных образов страны-оппонента – России и США. Это проявляется, в частности, в актуализации в процессе метафоризации негативных прагматических антропоцентрических компонентов: отрицательные социально-экономические и политические процессы в стране-оппоненте характеризуются преимущественно как стихийные процессы, природные объекты, представляющие угрозу для жизнедеятельности человека.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. С. 5–32.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
- Балашова Л. В. Русская метафора. Прошлое. Настоящее. Будущее. М.: Языки славянских культур, 2014. 496 с.
- Будаев Э. В., Солопова О. А., Зарипов Р. И., Бойко А. В. Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ. СПб: Наукоемкие технологии, 2021. 217 с.
- Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11–26.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
- Окунева И. О. Виды и роль метафоры в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады (на материале газетных статей, посвященных проблеме взаимоотношений между государством, обществом и прессой) // Политическая лингвистика. 2010. № 4. С. 135–145.
- Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1970. Вып. 5. С. 250–299.
- Dolores Porto M. (2022) Water Metaphors and Evaluation of Syrian Migration: The Flow of Refugees in the Spanish Press, *Metaphor and Symbol*, 37:3, 252-267, DOI: 10.1080/10926488.2021.1973871

Источники

- «Аргументы и факты» – <https://aif.ru/>
- «Известия» – <https://iz.ru/>
- «Коммерсант» – <https://www.kommersant.ru/>
- Axios – <https://www.axios.com/>
- Bloomberg – <https://www.bloomberg.com/>
- Newsweek – <https://www.newsweek.com/>
- The New York Times – <https://www.nytimes.com/>
- Washington Post – <https://www.washingtonpost.com/>

References

- Arutyunova N. D. Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]// Teoriya metafor [The Theory of Metaphor]. Moscow, Progress, 1990. P. 5–32. (in Russian)
- Arutyunova N. D. Jazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow, 1998. 896 p. (in Russian)

- Balashova L. V. Russkaya metafora. Proshloe. Nastoyashchee. Budushchee [Russian metaphor. Past. The present. Future]. Moscow, LRC Publishing House, 2014. 496 p. (in Russian)
- Budaev E. V., Solopova O. A., Zaripov R. I., Bojko A. V. Metaforicheskiy obraz budushchego Rossii v zarubezhnyh SMI [Metaphorical image of the future of Russia in foreign media]. Saint Petersburg, Naukoemkie tekhnologii, 2021. 217 p. (in Russian)
- Gak V. G. Metafora: universal'noe i specificheskoe [Metaphor: universal and specific]. In: Metafora v yazyke i tekste [Metaphor in language and text]. Moscow, Nauka, 1988. P. 11–26. (in Russian)
- Lakoff Dzh. Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi. Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii [Women, Fire and Dangerous Things]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 792 p. (in Russian)
- Okuneva I. O. Types and the Role of Metaphor in the Press of Russia, Great Britain, the USA and Canada (Based on the Newspaper Articles on the Issues of the State, Society and the Press Relations). Political Linguistics, 2010. № 4. P. 135-145. (in Russian)
- Ulmann S. Semanticheskie universalii [Semantic Universals], Novoe v lingvistike. Vyp. III [New developments in Linguistics. Release III], Moscow, Progress, 1970, S. 250-299 (in Russian)
- Dolores Porto M. (2022) Water Metaphors and Evaluation of Syrian Migration: The Flow of Refugees in the Spanish Press, Metaphor and Symbol, 37:3, P. 252–267.

А. С. БАЙЕТТ И Д. Г. ЛОУРЕНС: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена неисследованному в отечественном литературоведении вопросу влияния прозаического наследия британского модерниста Д. Г. Лоуренса (1885–1930) на первые три части тетралогии о семействе Поттер А. С. Байетт (р. в 1936). Применение методов сравнительно-сопоставительного и интертекстуального анализа позволяет сделать вывод о многочисленных межтекстовых параллелях между романами Лоуренса «Радуга» (1915), «Влюбленные женщины» (1920), «Любовник леди Чаттерли» (1928) и «Девой в саду» (1978), «Натюрморт» (1985) и «Вавилонской башней» (1996) Байетт, которые реализуются на уровне действующих лиц, сюжетных ходов, проблематики и образности. Отсылки к его романам неоднократно встречаются у Байетт в виде прямых и немаркированных цитат, аллюзий, парафразов и использования подробностей биографии знаменитого предшественника. Идеи Лоуренса сопутствуют взрослению Фредерики, судьба которой объединяет тетралогия Байетт, от слепого приятия в «Деве» к профессиональному критическому анализу его романов и их влияния на собственную жизнь в «Вавилонской башне». Байетт вступает в творческую полемику с Лоуренсом, иронически обыгрывает лоуренсовские детали, переосмысливает его идеи, делая акцент на необходимости синтеза интеллектуальной и чувственной жизни для своих героинь. Творчество обоих писателей объединяет глубокое проникновение в сферу иррационального, телесного, тонкий психологизм и внимание к визуализации цвета. К особенностям прозы Лоуренса и Байетт можно также отнести подробное описание сельской жизни Англии, использование персонифицированных флорообразов. Вслед за Лоуренсом Байетт бросает вызов консервативным морально-нравственным устоям 1970-х, однако финал «Вавилонской башни» свидетельствует об умеренном оптимизме писательницы относительно перспектив развития английского общества и положения женщины в нем.

Ключевые слова: А. С. Байетт, Д. Г. Лоуренс, британский роман, гендерная идентичность, межтекстовая параллель, флорообраз, визуализация цвета

Alisa Ia. Klimovskaia
St. Petersburg University

A. S. BYATT AND D. H. LAWRENCE: A COMPARATIVE ANALYSIS

The article focuses on the original theme in Russian literary studies – the influence of Lawrence's prose on the first three parts of Byatt's tetralogy about the Potters. The methods of comparative and intertextual analyses allow to reveal numerous intertextual links in the form of repeated allusions to Lawrence's most famous novels – quotations and biographical details. Intertextual links between Lawrence's «The Rainbow» (1915), «Women in Love» (1920), «Lady Chatterley's Lover» (1928) and Byatt's «The Virgin in the Garden» (1978), «Still Life» (1985), «Babel Tower» (1996) are actualized from the point of view of the characters, the plot, the problems tackled and the imagery. Lawrence's ideas accompany the evolution of Frederica, whose fate encompasses Byatt's tetralogy, from complete acceptance in «The Virgin» to professional critical analysis of his novels and their impact on her life in «Babel Tower». Byatt opposes Lawrence, ironically treats his details, reinterprets his ideas, focusing on the necessity of the

combination of intellectual and sensual lives for her heroines. The works of two novelists are united by a deep penetration into the irrational and sensual, subtle psychological insight, attention to colour visualization. The peculiarity of their creativity lies in detailed description of rural England, the usage of personified plant images. Like Lawrence Byatt challenges conservative British morale of the 1970s, however, the end of «Babel Tower» demonstrates her moderate optimism about the perspectives of the British society and a woman's position in it.

Keywords: A. S. Byatt, D. H. Lawrence, the British novel, gender identity, an intertextual link, a flower image, colour visualization

При внимательном прочтении первых трех частей тетралогии о семействе Поттер современной британской писательницы Антонии С.Байетт (р. в 1936) обращает на себя внимание неоднократное и планомерное обращение к прозе британского модерниста Дэвида Г.Лоуренса (1885–1930). По нашим сведениям, эта проблема не становилась предметом отдельного исследования отечественных критиков Бочкаревой Н. С. и Графовой О. И., которые занимались детальным анализом романов Байетт 1970-80-х.

Воздействие Лоуренса на английскую прозу стало особенно ощутимым с 1960 г., когда была издана полная версия «Любовника леди Чаттерли» (“Lady Chatterley’s Lover”). Опубликованный в 1928 г., но запрещенный, роман Лоуренса завершил эпоху викторианского морализаторства и поставил задачу создать новую культуру свободного человека. Лоуренс выступил «против власти Логоса, сознательного подхода к жизни, при котором область эмоционального, телесного нивелирована» [Рейнгольд, 2017, с. 308]. Любое подавление природы казалось ему неприемлемым, а возрождение богатейшего мира чувств – насущной необходимостью. Писатель призывал современников открыть в себе эмоциональность и сексуальность, а также стремиться к свободе в отношениях мужчины и женщины. Своих героинь Лоуренс наделил невероятной чувственной свободой. Так, Констанция Чаттерли с помощью возлюбленного, живущего в соответствии с законами естества, постепенно приходит к осознанию того, что «жизнь тела более ценна и реальна, чем жизнь интеллекта» [Лоуренс, 2000, с. 293].

В прозе Байетт находит отражение творческая полемика с классиком Лоуренсом о роли женщины. Писательница не приемлет представления писателя о преобладающем в женщине телесном начале. Она поднимает проблему женской самоидентификации, а «дилемма сочетания интеллектуальной (творческой) и семейной жизни женщины ... становятся основными в прозе А. С.Байетт» [Толстых, 2012, с. 53].

В первой части квартета «Дева в саду» (“The Virgin in the Garden”, 1978) IV глава, повествующая о юных сестрах, влюбленных в коллегу отца, иронично названа в честь романа Лоуренса «Влюбленные женщины» (“Women in Love”, 1920). По указке родителя-преподавателя литературы, который становится цензором круга чтения детей, Стефани и Фредерика уже в школьные годы читают романы Лоуренса «Радуга» (“The Rainbow”, 1915) и «Влюбленные женщины», которые, как и романы Байетт, являются с точки зрения жанровой специфики семейной хроникой и посвящены процессу самоидентификации родных сестер из провинции. Эти романы, и в первую очередь, «Любовник», привлекают их отца, педагога-новатора, честностью в рассуждениях о классовых различиях, природе брака и критикой консервативной общественной морали. По иронии Байетт, идеи Лоуренса, который выступал за возрождение богатейшего мира чувств и против любого подавления природы, абсолютно чужды авторитарному Биллу. Давая дочерям Лоуренса, отец разрушает их жизнь (мотив негативного влияния круга чтения на формирование женской идентичности при отсутствии личного опыта характерен для британской женской послевоенной литературы (например, Б.Пим и А.Брукнер)).

Роль художественной литературы в этой литературной семье в качестве способа формирования гендерных стереотипов девушек велика. Так, благодаря «Влюбленным женщинам» сестры проникаются «мифом», что «тело – это истина» [Байетт, 2024, с. 161]. Их увлекают представления Лоуренса о «мистическом соединении» [Лоуренс, Влюбленные женщины, 2007, с. 168] мужчины и женщины, дарующем гармонию. Рассудочная Фредерика «старалась внушить себе такое желание», «испытать безраздельное слияние во Всеедином, которое объемлет и душу и тело, и личность и мир, и мужское и женское» [Байетт, 2024, с. 384], хотя, повзрослев и став преподавателем литературы, она понимает, что идеи Лоуренса наполнены «отголосками прошлого, признаками желания вернуть прошлое» [Байетт, 2024, с. 384]. Однако, в отличие от старшей сестры Стефани, которая по окончании Кембриджа в «Натюрморте» (“Still Life”, 1985) «потянулась к счастью плотскому», «подобно леди Чаттерли, отправилась в лес на свою погибель..., желая потерять себя и обрести себя телесно» [Байетт, 2024, с. 161], жадная до знаний Фредерика не готова жить исключительно чувственной жизнью, подобно «влюбленным» Урсуле и Гудрун. Совершив побег от горячо любимого драматурга Александра Веддерберна, юная Фредерика инстинктивно «восстала против любви всеобъемлющей, завладевающей всем существом» [Байетт, 2022. с. 225], которую воспевают Лоуренс. Подобно Стефани, она уезжает учиться в Кембридж.

Диалектика двух начал разума и тела составляет философский стержень творчества писательницы и воплощена как в женских, так и мужских персонажах Байетт. Так, Дэниел Ортон, избранник Стефани, высокий, тучный с густыми черными волосами и бородой человек олицетворяет собой грубую физическую силу, своеобразного темного бога подземелья, в духе Лоуренса. Далекий от религии сын машиниста в 15 лет после вдохновенной речи англиканского священника вступает в лоно церкви, чтобы выполнять практическую работу, бороться с болезнями и бедностью. Свои идеалы гуманизма он реализует в реальной жизни (в отличие от свекра Билла, который о них вещает). При этом, Дэниел воспринимает мир в крайностях, сменяем страстями, легко впадает в ярость, испытывает наваждение от Стефани. Он символизирует жизнь плоти, а его жена Стефани – духа. Их поездка на побережье становится символом слияния интеллектуального и чувственного начал в духе Лоуренса, а в счастливом семейном союзе муж и жена становятся «частью друг друга» [Байетт, 2024, с. 386].

Любовь Стефани и Дэниела, подобно отношениям лоуренсовских Гудрун и Джеральда, «развивается на фоне неотвратимости смерти» [Берджесс, 2017, с. 187]. После замужества и рождения первенца в Стефани «борются материя и разум: она пытается выкроить время для интеллектуального труда, однако не справляется с типичной женской дилеммой тела/разума и погибает, став фактически жертвой «тихой жизни» быта – ее убийцей становится неземленный холодильник» [Лившиц, 2006, с. 85]. (Отметим, что принятый в критике перевод названия романа «Still Life» как «Натюрморт», т.е. мертвая природа, не отрицает адекватного варианта «спокойная жизнь» (в переводе Лившица В. Е.) или «живая вещь» (в переводе Д.Псурцева и Д.Устиновой), причем все эти концепты характеризуют одномерное существование Стефани в замужестве и становятся отражением конфликта жизни и смерти).

После гибели старшей сестры Фредерика ищет утешения в скоропалительном браке, на который она решается «не без влияния» [Байетт, 2024, с. 384] «Влюбленных женщин» Лоуренса, главы 13 и 27 которых подробно цитируются повзрослевшей героиней. В браке со столь отличным от привычного круга интеллектуалов и потому притягательным Найджелом Ривером, о котором идет речь в «Вавилонской башне» («Babel Tower», 1996), Фредерика отказывается от интеллектуальной жизни ради утоления страсти, подобно леди Чаттерли. Именно Лоуренс, считавший тайны чувственности святыми, убедил ее в необходимости прислушиваться к телу.

Однако узы брака становятся для Фредерики «кандалами» [Байетт, 2024, с.380]. Страстные объятия Найджела обезоруживают ее, лишают ее решимости изменить

опостылевшую жизнь, в которой телесная близость сопровождается отчужденностью душ партнеров (этот мотив звучит в «Радуге» [См.: Лоуренс, 1993, с. 43]). Со временем подобно леди Чаттерли, Фредерика «начинает испытывать смутное чувство неудовлетворенности, сменяющееся ощущением несвободы и сознанием полной зависимости от воли мужа» [Исламова, 2007, с. 443]. Внутреннее пространство дома мужа-собственника, который представляет собой роскошный загородный особняк, обнесенный ровом и высокой стеной из красного кирпича, в буквальном и переносном смысле грозит Фредерике «удушением» [Mullin, 2006, с. 144]. Лоуренсовское «полное единение» [Лоуренс, Влюбленные женщины, 2007, с. 301] в отличие от Руперта Биркина, для Фредерики оборачивается «потерей личности». Брак для героини означает утрату идентичности, отказ от академических амбиций, невозможность самореализации и заканчивается бегством от побоев мужа-тирана и последующим бракоразводным процессом с определением опеки над сыном. Подобно Констанции, она преступает свой долг, нарушает обязательства и должна, по мысли мужа, быть наказана за стремление к свободе быть самой собой.

В своих трех романах Байетт, вслед за Лоуренсом, «размышляет об иррациональном желании, которое вступает в конфликт с рациональной культурой» [Tarbox, 2005, с. 177]. Наблюдаются сюжетные переклички между «Любовником» Лоуренса и «Девой» Байетт: подобно тому, как некогда муж Клиффорд читал Констанции Расина с «чувствами, упорядоченными, заключенными в красивую форму» [Лоуренс, Любовник, 2007, с. 199], Александр воспроизводит те же строки Фредерике, превращая чувства в слова. Импульсы 37-летнего Александра не носят сексуального характера, телесному контакту он предпочитает вербальный (в отличие от героев Лоуренса, которые не тратят времени на разговоры, он в постели цитирует Меллорса). В образе этого драматурга Байетт иронизирует над страстью художника слова к воображаемой, а не реальной любви.

Другим примером зеркального переосмысления пратекста Лоуренса можно считать сцены в «Деве», где непорочные Фредерика и Антея преследуют своих возлюбленных, когда ночь и природа высвобождают их скрытые желания. Байетт пародирует миф страсти Лоуренса и его представления о приземленной любви.

Байетт, вдохновленная как и многие реабилитацией «Любовника» на свободное выражение желаний (Лоуренс первым в английской литературе использовал названия интимных частей тела), поднимает табуированные темы, откровенно называя запретные вещи своими именами. Специфика ее чувственного языка объясняется попыткой передать аспекты женской телесности. Описание ощущений Стефани после брачной ночи и ее родов (на которые она берет в качестве поддержки том Вордсворда) – проникновение автора в глубины женской психологии, которая оказывается под влиянием ее биологии. Глубокий психологизм Байетт в передаче внутреннего мира женщины, малейших изменений настроения и чувства, сравним с углублением модерниста Лоуренса в подсознание и бессознательные движения эмоций и мыслей. «Описывая перемены эмоциональных состояний Констанции и движение ее мыслей, Лоуренс одновременно осуществляет их психологический анализ и обнаруживает одно из начал потока сознания в жизни плоти» [Исламова, 2007, с.443]. Оба автора для передачи телесных переживаний своих героинь используют символику воды.

Призыв к возврату к природе делает сочинения Лоуренса «блистательно подробными в описании сельской жизни Англии» [Берджесс, 2017, с. 56]. Его «Радугу» биограф Э. Берджесс называет «гимном деревенской жизни» [Берджесс, 2017, с. 140]. Так, Лоуренс досконально знал дикие цветы, и каждый для него был «драгоценен» [Михальская, 2008, с. 11]. По свидетельству О.Хаксли, знакомого с Лоуренсом с 1915 г, он «будто на собственном опыте знал, что означает быть деревом или маргариткой...» [Цит. по: Моруа, 2022, с. 420]. Обучаясь в Кембридже, Фредерика пишет статью о цветах Лоуренса, а позже признает, что Лоуренс создает их «зрительные образы» [Байетт, 2024, с. 267], при чем «каждая деталь наделена смыслом» [Байетт, 2024, с. 265].

Хотя оба писателя были выходцами из провинции – с аскетичного мрачного севера Англии, к особенностям прозы Лоуренса и Байетт можно также отнести использование флорообразов, подробное перечисление и вербальное изображение английских цветов и деревьев [См.: Лоуренс, Любовник, 2007, с. 121-122; Wyatt, 2003, р. 116, 167, 496]. При описании цветов Лоуренс использует прием персонификации: нарциссы у него, например, «дрожат и ежатся от холода, как живые, и некуда им спрятать свои яркие нежные лица» [Лоуренс, Любовник, 2007, с. 122]. Описание старого вяза в двадцать первой главе «Натюрморте», охватывающее три страницы, создает ассоциации с живым существом с «древесной шкурой с зажившими ранами» [Байетт, 2022, с. 410] и листьями, которые могут «поворачиваться лицом к свету» [Байетт, 2022, с. 412]. Во время любовных сцен на лоне природы лесник Меллорс и Конни покрывают тела друг друга цветами. Байетт иронически обыгрывает эту деталь в «Деве», тщательно украшая тело сошедшего с ума Лукаса Симмонса в сцене оскотления «белым дягилем, лиловым аистником, красными соцветиями аронника, желтым лядвенцем, крупными ромашками, колосками костера и заячьего ячменя, шелковистыми, кудрявыми, чуть липкими веточками гусятника» [Байетт, 2021, с. 567].

Проблема передачи цвета вербальными средствами крайне важна для Байетт (особенно в «Натюрморте»), чьи словесные описания характеризуются наглядностью и богатой цветовой палитрой. Ей присущи детализированные цветообозначения, например, в одном из многочисленных описаний одежды персонажей: «На нем пестрый, как радуга, свитер, яркое разноцветье вязаных треугольников – лиловых, фиолетовых, желтых, багровых, голубых, синих, зеленых бутылочного и травянистого оттенков...» [Байетт, 2024, с. 405]. То же справедливо и для Лоуренса, который сам был художником. Мир романов Байетт и Лоуренса «вобрал в себя не только литературную, но и живописную традицию» [Михальская, 2008, с. 15]. Оба преклонялись перед гением Винсента Ван Гога, его «Подсолнухами». В «Натюрморте» Александр пишет пьесе «Желтый стул», сюжетом которой послужила история взаимоотношений Поля Гогена и Ван Гога и испытывает трудности с подбором слов для передачи несравненного цвета последнего.

В своей высоко-интеллектуальной, наполненной разнообразными аллюзиями, прозе Байетт обращается к философии любви и свободы, отношению между визуальным и вербальным, вопросам социального развития общества и науки. Стефани, глядя на одежду англичан во время всенощной службы, находит ее «неизящной, неказистой», которая «славит лишь добротность и прочность ткани, это броня какая-то» [Байетт, 2022, с. 82]. Она вспоминает призыв егеря Оливера Меллорса мужчинам носить яркие обтягивающие брюки в 13 главе «Любовника», где Лоуренс обличает современную бездушную и неестественную цивилизацию, лишаящую людей жизненной силы и радости. Противопоставление старой и новой Англии используют оба романиста: у Лоуренса промышленная Англия вытесняет сельскую, а Байетт сравнивает золотой век Елизаветы I и правление Елизаветы II.

Прямые отсылки к биографии Лоуренса можно усмотреть в том факте, что в «Вавилонской башне» роман-антиутопия Джуда Мейсона «Башня пустословия: Повесть для детей нашего времени», рекомендованный Фредерикой в публикации, в 1966 г. становится основанием судебного процесса по обвинению в развращении читателей. Подобно Лоуренсу с его «Любовником» он признан судом непотребным автором. Согласно вердикту суда, описания Джуда возбуждают у читателя низменные инстинкты и ранят чувства читателей, хотя книга говорит правду о том, что лицемерно замалчивается обществом. Критикуя жестокость и извращенность общества, Джуд призывает покончить с этими пороками. Бросая вызов консервативным морально-нравственным устоям британского общества, Фредерика и Джуд первоначально проигрывают свои процессы, но в финале дело об опеке над сыном решается в пользу героини, а с Джуда снимаются все обвинения, что свидетельствует об умеренном оптимизме Байетт относительно перспектив развития английского общества и положения женщины в нем.

Подводя итоги, отметим, что применение методов сравнительно-сопоставительного и интертекстуального анализа позволяет сделать вывод о многочисленной реализации межтекстовых параллелей между романами Лоуренса «Радуга», «Влюбленные женщины», «Любовник леди Чаттерли» и тремя романами тетралогии Байетт на уровне действующих лиц, сюжетных ходов, образности и проблематики. Отсылки к романам Лоуренса неоднократно встречаются у Байетт в виде прямых и немаркированных цитат, аллюзий, парафразов и использования подробностей биографии знаменитого предшественника. Идеи классика Лоуренса сопутствуют взрослению главной героини, судьба которой объединяет тетралогию Байетт, от слепого притяия в «Деве» к профессиональному критическому анализу его романов и их влияния на собственную жизнь в «Вавилонской башне». Байетт вступает с Лоуренсом в творческую полемику, а ряд его идей становятся объектом ее постмодернистской пародии. Творчество обоих писателей объединяет широта интересов, «постоянное движение от натурализма к символу, от реальности к мифу» [Михальская, 2008, с. 11], глубокое проникновение в сферу иррационального, исследование потенциалов визуализации цвета.

Источники

- Байетт А. С. Вавилонская башня / Пер. О.Исаевой, В.Ланчикова, В.Фролова. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. 736с.
- Байетт А. С. Живая вещь /Пер. Д.Псурцева, Д.Устиновой. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. 608 с.
- Байетт А. С. Дева в саду / Пер. О.Исаевой. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. 608 с.
- Лоуренс Д. Г. Влюбленные женщины. Пер. В.Бернацкой.// Лоуренс Д. Г. Собрание сочинений в 7 т. Т.5. М.: Вагнус, 2007. 560 с.
- Лоуренс Д. Любовник леди Чаттерли / Пер. И.Багровой и М.Литвиновой. СПб: Изд-во «Азбука-классика», 2007. 448 с.
- Лоуренс Д. Любовник леди Чаттерлей. Харьков: “Фолио”; М.: “АСТ”, 2000. 381 с.
- Лоуренс Д. Г. Семья Брэнгуэзов (Радуга). Пер. В.Мининой. СПб: Сов.писатель, 1993. 448с.
- Byatt A. S. The Virgin in the Garden. London: Vintage Books, 2003. 566 p.

Литература

- Берджесс Э. Пламя жизни: Судьба и творчество Д. Г.Лоуренса. М.: Центр книги Рудомино, 2017. 464 с.
- Исламова А. К. Д. Г.Лоуренс и его книга итогов // Лоуренс Д. Любовник леди Чаттерли / Пер. И. Багровой и М. Литвиновой. СПб: Изд-во «Азбука-классика», 2007. С.433-445.
- Лившиц В. Е. Спокойная жизнь или мертвая природа: к проблеме перевода названия романа А. С. Байятт «Still Life» // Татьяна день: Сборник статей и материалов III республиканской научно-практической конференции «Литературоведение и эстетика в XXI веке. Казань: РИЦ «Школа», 2006. Вып.3. С.82–86.
- Михальская Н. Дэвид Герберт Лоуренс: Роман и чувства // Лоуренс Д. Г. Сыновья и любовники. СПб: Изд. Дом «Азбука-классика», 2008. С.5-22.
- Моруа А. Литературные портреты: Волшебники и маги. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. с.480.
- Рейнгольд Н. И. Английская литература модернизма: История. Проблематика. Поэтика: Учеб. М.: РГГУ, 2017. 780 с.
- Рейнгольд Н. И. Писательница за работой: А. С.Байетт // Рейнгольд Н. И. Мосты через Ла-Манш: Британская литература 1900–2000-х. М.: РГГУ, 2012. С.159–168.
- Толстых О. А. Неовикторианский роман в английской литературе конца XX века (на материале романов А. С.Байетт и Д.Лоджа): монография. Челябинск: Изд центр ЮУрГА, 2012. 142 с.
- Mullin K. Modernisms and feminisms // The Cambridge Companion to Feminist Literary Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. pp. 136–152.

Tarbox C. Desire for Syzygy in the Novels of A. S. Byatt // *The Contemporary British Novel*. By J. Acherson, S. Ross. Edinburg U-ty Press, 2005. pp. 177–188.

References

- Baiett A. S. *Vavilonskaya bashnya* [Babel Tower] / Transl. by O. Isaeva, V. Lanchikov, V. Frolov. Moscow, Inostranka, Azbuka-Atticus, 2024, 736 p. (In Russ.)
- Baiett A. S. *Zhivaya veshch'* [Still Life] / Transl. by D. Psurvev, D. Ustinova. Moscow, Inostranka, Azbuka-Atticus, 2022, 608 p. (In Russ.)
- Baiett A. S. *Deva v sadu* [A Virgin in the Garden] / Transl. by O. Isaeva. Moscow, Inostranka, Azbuka-Atticus, 2021, 608 p. (In Russ.)
- Lourens D. G. *Vlyublennyye zhenshchiny* [Women in Love] / Transl. by V. Bernackoj // Lourens D. G. *Sobranie sochinenij v 7 t.* [A Collection of Works in 7 volumes]. Vol.5, Moscow, Vagrius Publ.house, 2007. 560 p. (In Russ.)
- Lourens D. G. *Lyubovnik ledi Chatterli* [Lady Chatterley's Lover] / Transl. by I. Bagrova and M. Litvinova. Saint Petersburg, "Azbuka-klassika" Publ.house, 2007, 448 p. (In Russ.)
- Lourens D. G. *Lyubovnik ledi Chatterli* [Lady Chatterley's Lover]. Kharkov, Pholio Publ.house, Moscow, AST Publ.house, 2000. 381 p. (In Russ.)
- Lourens D. G. *Sem'ya Brenguenov (Raduga)* [The Brenguen's (A Rainbow)] / Transl. by V. Minina. Saint Petersburg, Soviet Writer Publ.house, 1993. 448 p. (In Russ.)
- Byatt A. S. *The Virgin in the Garden*. London, Vintage Books, 2003, 566 p.
- Berdzhess E. *Plamya zhizni: Sud'ba i tvorchestvo D. G. Lourensa* [The Flame of Life: The Fate and Creativity of D. H. Lawrence]. Moscow: Center of Book Rudomino Publ.house, 2017, 464 p. (In Russ.)
- Islamova A. K. D. G. Lourens i ego kniga itogov [D. H. Lawrence and his Book of Outcomes] // Lourens D. *Lyubovnik ledi Chatterli* [Lady Chatterley's Lover] / Transl. by I. Bagrova and M. Litvinova. Saint Petersburg, "Azbuka-klassika" Publ.house, 2007, 433–445 pp. (In Russ.)
- Livshic V. Ye. *Spokojnaya zhizn' ili mertvaya priroda: k probleme perevoda nazvaniya romana A. S. Bajyatt "Still Life"* [Still Life or Dead Nature: on the Issue of the Translation of A. S. Byatt's Novel "Still Life"] // *Tat'yanin Den': Sbornik statej i materialov III respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Literaturovedenje i estetika v XXI veke* [Tatyanin Day: A Collection of articles and materials of the IIIrd Republican scientific and practical conference "Literature Studies and Aesthetics in the XXIst century]. Kazan, RIC "School", 2006, Vyp.3, 82–86 pp. (In Russ.)
- Mihal'skaya N. Devid Gerbert Lourens: Roman i chuvstva [D. H. Lawrence: Romance and Feelings] // Lourens D. G. *Synov'ya i ljubovniki* [Lawrence D. H. Sons and Lovers]. St. Petersburg, "Azbuka-klassika" Publ.house, 2008, 5–22 pp. (In Russ.)
- Morua A. *Literaturnye portrety: Volshebny i magi* [Literature Portraits: Magicians and Wizards]. Moscow, CoLibri, Azbuka-Atticus, 2022, 480 p. (In Russ.)
- Reingol'd N. I. *Anglijskaya literatura modernizma: Istoriya. Problematika. Poetika: Uchebnik* [The English Literature of Modernism: History. The Range of Problems. Poetics: a Coursebook]. Moscow, RGG University Press, 2017, 780 p. (In Russ.)
- Reingol'd N. I. *Pisatel'nica za rabotoi: A. S. Baiett* [A woman-writer at work: A. S. Byatt // Reingol'd N. I. *Mosti cherez La-Mansh: Britanskaya literatura 1900–2000-h* [Bridges across The Channel: The British Literature of the 1900–2000s]. Moscow, RGG University Press, 2012, 159–168 pp. (In Russ.)
- Tolstyh O. A. *Neoviktorskiy roman v anglijskoj literature konca XX veka (na materiale romanov A. S. Baiett i D. Lodzha: monografiya* [Neovictorian Novel in the English Literature of the end of the XX century (a Case-study of A. S. Byatt and D. Lodge): a Monograph. Chelyabinsk, YUUrGA Publ.house, 2012. 142 p. (In Russ.)
- Mullin K. Modernisms and feminisms // *The Cambridge Companion to Feminist Literary Theory*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, 136–152 pp.

Tarbox C. Desire for Syzygy in the Novels of A. S. Byatt // *The Contemporary British Novel*. By J. Acherson, S. Ross. Edinburgh U-ty Press, 2005, 177–188 pp.

Корокина П. Ж.

Санкт-Петербургский государственный университет

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ В ТРАВЕЛОГЕ У. ГИЛПИНА О ПУТЕШЕСТВИИ ПО НОРФОЛКУ

Данная статья посвящена исследованию языковой реализации положительной эстетической оценки в травелоге Уильяма Гилпина, посвященному путешествию по графству Норфолк. Цель исследования – выявить каким образом в тексте реализуется категория оценки, а именно: виды оценки и средства её репрезентации автором. Для достижения поставленной цели было необходимо выявить оценочные единицы и проанализировать контексты, в которых они используются. Методология исследования предполагает использование комплекса общенаучных методов (включая анализ, интерпретацию, систематизацию, сопоставление, описание), и частнонаучных методов, основными из которых являются дефиниционный, контекстуальный, стилистический, прагмалингвистический виды анализа. На основе проведенного анализа сделан вывод об эксплицитности оценки в травелогах У. Гилпина и её реализации сквозь призму категории “picturesque beauty”. Установлено, что в идиостиле автора преобладают эпитеты, используемые для выражения эстетической оценки.

Ключевые слова: травелог; категория оценки; эстетическая оценка; У. Гилпин, пикчуреск

Polina Korokina
St. Petersburg University

REALIZATION OF POSITIVE AESTHETIC EVALUATION IN W. GILPIN'S TRAVELOGUE THROUGH THE NORFOLK COUNTY

The topic of our research is related to linguistic implementation of a positive aesthetic evaluation in William Gilpin's travelogue dedicated to a journey through Norfolk County. The purpose of the study is to identify how the category of evaluation is implemented in the text: its types, as well as the means of its representation by the author. To achieve this goal, it is necessary to identify evaluative units and analyse the contexts in which they are used. The research methodology involves the use of a set of general scientific methods (including analysis, interpretation, systematization, comparison, description), and specific scientific methods, the main ones of which are definitional, contextual, stylistic, pragmalinguistic types of analysis. Based on the analysis we made a conclusion that the evaluation in W. Gilpin's travelogues is explicit. It is proved that the author's idiosyncrasy is dominated by epithets used to express aesthetic evaluation.

Keywords: travelogue; evaluation category; aesthetic evaluation; W. Gilpin; picturesque

Наше исследование связано с категорией оценки, которая является фундаментальной в науке о ценностях – аксиологии. Категории «хорошо» и «плохо» рассматривались многими философами со времен Аристотеля и Платона. Предметом нашего исследования является специфика реализации лингвофилософской категории оценки в травелоге Уильяма Гилпина «Observations on several parts of the counties of Cambridge, Norfolk, Suffolk, and Essex. Also on

several parts of North Wales, relative chiefly to picturesque beauty, in two tours, the former made in the year 1769». В данной статье мы рассмотрим средства реализации положительной эстетической оценки, использованные автором для описания путешествия по графству Норфолк.

Новизна нашего исследования обусловлена его объектом (аксиологичность жанра травелог) и предметом (средства реализации категории оценки в травелогах Уильяма Гилпина, в которых категория оценки способствует формированию искусствоведческих понятий, художественных течений и культурных феноменов).

Необходимо отметить, что статус оценки как лингвистической категории рассматривался многими отечественными и зарубежными исследователями такими как Н. Д. Арутюнова, В. А. Василенко, Е. М. Вольф, А. А. Ивин, Т. В. Маркелова, Т. И. Петухова, М. В. Пименова, Л. Н. Столович, В. Н. Телия, Е. Г. Хомякова, В. И. Шаховский, Н. В. Шутёмова, Дж. Мартин и П. Уайт, Дж. Томпсон и др.

При рассмотрении категории оценки в данном травелоге мы используем несколько классификаций, разработанных Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф и В. И. Шаховским.

Мы придерживаемся точки зрения В. И. Шаховского, который называет оценочные понятия «общепринятой категорией». Автор отмечает, что «модальная логика включает модальность в содержательную структуру понятия, а оценка - компонент модальности» [Шаховский, 2008, с. 58]. Анализируя оценочные единицы, мы опираемся на классификацию статусов эмотивности данного автора, который выделяет три типа слов, выражающих эмоциональное отношение говорящего к называемому предмету: 1) аффективы, 2) коннотативы, и 3) потенциативы [Шаховский, 2008].

Е. М. Вольф писала, что «под субъектом оценочной структуры подразумевается лицо, часть социума или социум в целом, с точки зрения которого производится оценка» [Вольф, 2005, с. 68] и выделяла два вида субъектов – «индивидуальный субъект» и «общее мнение». Субъектом оценки может быть как одно определенное лицо, так и совокупность лиц, социум с общими стереотипами. В нашем случае субъектом оценки является автор Уильям Гилпин (1724–1804), философ, эссеист, художник, оказавший влияние на формирование живописного стиля «пикчуреск». Если в качестве субъекта оценки выступает автор текста, то он обычно отчетливо выражает свою позицию с помощью высказываний с глаголами «казаться» и др., отделяя себя от оценки одного из актантов или «общего мнения». У. Гилпин не только выражает свое мнение, но и ссылается на философов и авторитетов в области искусствоведения, например, «Horace's rule is admirable in all matters of taste» [Gilpin, 1769, p. 23]. В данном случае автор отмечает, что восхищается правилом Горация во всех вопросах вкуса.

Нами было проанализировано более 300 контекстов и выявлено 1234 оценочных единиц, из которых прилагательные составляют—56%, существительные—29%, наречия—8%, глаголы— 7%. Согласно классификации В. И. Шаховского, упомянутой выше, более 80% выявленных нами единиц являются аффективами: «Эмотивное значение в аффективах является основным, обязательным значением слова и может быть приравнено к денотативному». [Шаховский, 2008, с. 75] Помимо прилагательных, выступающих в роли эпитетов, автор использует и другие стилистические приемы.

В исследуемом нами травелоге присутствует большое количество метафор. Необходимо отметить, что в аксиолингвистике метафора рассматривается как средство выражения оценочного суждения. Согласно Н. В. Аксеновой, «метафора как один из способов выражения оценочного суждения обладает большей иллюкативной силой по сравнению с прямой оценкой». [Аксенова, 2007, с. 6]

Анализируя метафоры, мы опирались на классификацию Н. Д. Арутюновой, которая выделяет следующие виды языковой метафоры: 1) номинативная метафора, 2) образная метафора, 3) когнитивная метафора, 4) генерализующая метафора [Арутюнова, 1999].

Были выявлены следующие примеры метафор:

1) “King’s-college chapel, is the only object, which *presents itself with any dignity*, as we approach” [Gilpin, 1769, p. 29]. Автор отмечает, что часовня представляет собой единственный объект, который издалика показывает себя «с честью». В данном случае метафорическое выражение является олицетворением.

2) “As we approached Ely, the country *assumed a better face*” [ibid. p. 41]. Подъезжая к городу Или, У. Гилпин пишет о том, что ландшафт приобретает «лучшее лицо». Здесь автор использует метафору “to assume a better face”.

3) “The ground rose out of the fens, from whence this little district assumes the name of the Isle of Ely: a degree of cultivation appeared; and here and there a few trees *gave some live to the scene*” [ibid. p. 41]. В данном контексте автор также использует метафору, говоря о том, что несколько деревьев «вдохнули жизнь» в увиденную им местность.

4) “Lord Tilney’s at Wansted, built by Colin Campbell, perhaps of all the great houses in доме лорда Тилни, автор использует олицетворение: «он отвечает» параметрам величественности и удобства.

5) “As you walk up the nave, the light begins more and more *to steal in upon you*; till you arrive near the transept, where it sheds all its lustre from a magnificent lantern-dome placed above it” [ibid. p. 44]. Входя в главный собор города Или, автор снова использует метафору: свет «подкрадывается» к зрителю, когда он входит в поперечный неф.

Согласно мнению Н. Д. Арутюновой, к образной метафоре обращаются в поисках образа, способа оценки или индивидуализации предмета, и его смысла [Арутюнова, 1999]. Так как метафоры в данном травелоге являются частью оценочного суждения, то можно сделать вывод о том, что они относятся к типу образных метафор

Помимо метафор автор использует иронию, говоря, что чувствует себя заточённым и жалеет, что архитектор не уделил больше времени «расширению стен» “You feel immured. It is a pity he had not spent it in widening the walls” [Gilpin, 1769, p. 32]. Путешествуя по Или, Гилпин иронически замечает, что структура собора имеет неверные пропорции: “We were informed at Ely, by our conductor that King’s College chapel in Cambridge was modelled from this structure. If it was, the architect has strangely mistaken the proportions” [ibid. p. 45].

У. Гилпин использует также сравнения. При описании местности вблизи города Или, автор описывает её как «абсолютную пустыню»:

1) “It was a little surprizing to find such *a piece of absolute desert* almost in the heart of England. To us it was a novel idea. We had not even heard of it” [Gilpin, 1769, p. 54]. В данном случае автор выражает свое удивление с помощью метонимии.

2) “The composition is *as pleasing as the design*. All the objects of the piece are so contrived, as to form a good whole” [ibid. p. 64]. Говоря о Велизарии Сальватора, Гилпин отмечает, что композиция также приятна, как и дизайн картины.

3) “After all, perhaps there may be *as much expresson* in the wonder mixed with pity, and the respectful distance of Salvator’s soldiers, *as in the melancholy dejection of Vandyck’s*” [ibid. p. 65]. Описывая другую картину Сальватора, автор сравнивает её с картиной Ван Дейка.

4) “Rivers, and vales we often see: but *such a river as the Thames*, winding through such countries as Kent, and Essex, is a sight we seldom meet with” [ibid. p. 127]. Описывая реку в окрестностях деревушки Тердон, автор сравнивает её с Темзой, говоря, что Темза несравнима ни с одной другой во всем королевстве.

Для объективации своего мнения, автор использует оценочные глаголы, например, “In point of mere magnificence, it *equals* anything, I believe, in the kingdom” [Gilpin, 1769, p. 41]. Говоря о соборе в городе Или, У. Гилпин отмечает, что он может сравниться с любым другим архитектурным произведением во всем королевстве.

Помимо собственно стилистических средств, автор использует и синтаксические приемы - полисиндетон:

1) “We regretted however, that we saw this noble fabric in much confusion: the chapter were altering the choir; and the ground being lowered, coffins, and monuments, and heaps of earth, and engines, and broken pews, and rails, and scaffolding were all so mingled together, that it was impossible to judge, either of it’s present or of it’s intended effect”. В данном примере полисиндетон используется, чтобы подчеркнуть состояние «хаоса», в котором находился храм, а также описать, что происходило внутри.

2) “The colouring is equal to any effort of the pencil: and the display of light on the head, and linen around the neck is happily introduced”. В данном примере союз “and” используется, чтобы подчеркнуть, что в картине автору нравится абсолютно все: и свет, и материя вокруг шеи главного персонажа.

Другое синтаксическое средство - инверсия: “Not a tree was to be seen. The line of the horizon was scarcely broken with a single bush.” В данном примере У Гилпин использует инверсию для того, чтобы показать, насколько «пустынным» оказался ландшафт, который его окружает.

Аксиологический фокус автора охватывает объекты природы, включая ландшафты и леса (Country beyond Ely, Mr. Masham’s woods), болотистую местность (Ely fens) и произведения, созданные известными живописцами, скульпторами, архитекторами. (Houghton-Walpole’s picture collection, statue of Newton, various painting of capital masters).

Вслед за Н. Д. Арутюновой, мы придерживаемся мнения, что оценку следует подразделять на два типа. Первый тип включает положительную и отрицательную характеристику объекта. Второй учитывает следующие категории: 1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические оценки, 6) нормативные, 7) телеологические виды оценки [Арутюнова, 1988, с. 75–76].

Рассмотрим несколько примеров положительной эстетической оценки и средства её репрезентации, использованные У. Гилпином в вышеназванном травелогe.

1) “About Snaresbrook we found it wild, woody and picturesque” [Gilpin, 1769, p. 21]. При описании окрестностей города Снерсбрук автор использует дескриптивные прилагательные “wild” и “woody”. Согласно словарю Oxford dictionary, “wild” означает «дикий» (Of an animal: living in a state of nature; not tame, not domesticated: opposed to tame) [OD: эл. пецып], а “woody” – «лесистый» (Covered or overgrown with wood; having a growth of trees or shrubs; full of or abounding in woods or forests; wooded) [OD: эл. пецып].

Оценочное прилагательное “picturesque” означает «живописный» (Having the elements or qualities of a picture; suitable for a picture; spec. (of a view, landscape, etc.) pleasing or striking in appearance) [OD: эл. пецып]. Под влиянием оценочного прилагательного, оба дескриптивных прилагательных становятся в контексте положительными.

2) “From Blicklin the road still continues through lanes, broad, noble, and picturesquely marked with a variety of winding wheel-tracks; and planted with lofty oak” [Gilpin, 1769, p. 112]. При описании дороги, ведущей от поместья Бликлинг, автор использует дескриптивные прилагательные “broad” и “noble”, означающие, согласно Оксфордскому словарю, «широкий» (Having great extent from side to side; of large or more than average width or breadth) и «благородный» (Distinguished by virtue of splendour, magnificence, or stateliness of appearance; of imposing or impressive proportions or dimensions) [OD: эл. пецып]. В этом же

контексте, автор использует оценочное наречие “picturesquely”, означающее “In a picturesque manner” (живописно). Оба дескриптивных прилагательных “broad” и “noble” приобретают положительную коннотацию «живописности».

3) “On entering Essex, the road is more than pleasant. It leads through woody lanes; which grow still more beautiful, as we approach Colchester” [Gilpin, 1769, p. 120]. При въезде в город Эссекс, автор описывает дорогу как «более, чем приятную» (“more than pleasant”), используя оценочное прилагательное “pleasant” (That gives pleasure, delight, or satisfaction) [OD: эл. ресурс]. Дорога, в дальнейшем, ведет через “woody” (лесистые) тропинки (lanes), и, «становится еще более красивой» при подъезде к городу Колчестр. В данном контексте, дескриптивное прилагательное “woody”, под влиянием двух оценочных прилагательных “pleasant” и “beautiful”, приобретает положительную оценочную коннотацию.

4) “Stretches of flat, swampy ground; and long ditches running in strait lines; and intersected, at right angles, in various parts, by other ditches, make the whole of the scenery on each side. In the room of such beautiful objects as often adorn landscape, the only ornaments of this dreary surface are windmills, those types of exposure; and these we observed, in some places, accessible only by boats” [Gilpin, 1769, p. 36]. Описывая ландшафт вблизи города Или, автор использует прилагательные, выражающие и отрицательную, и положительную оценку: (“flat, swampy, long, straight, dreary”)

Данные дескриптивные прилагательные показывают, что автору не нравится ландшафт из длинных, прямых линий и с изобилием болот. Гилпин называет подобную местность “dreary”, что, согласно Оксфордскому словарю, означает “Dismal, gloomy; repulsively dull or uninteresting” [OD: эл. ресурс]. Однако, автор говорит, что такие предметы ландшафта, как мельница “windmill”, могут сделать местность красивой, и называет их “beautiful”. Все четыре примера, приведенные выше, содержат оценочные суждения, относящиеся к группе сублимированных, а в частности, эстетических оценок.

Анализ данных примеров показывает, что в рассмотренном травелоге эстетическая оценка выражается эксплицитно. Она реализуется сквозь призму понятия «picturesque beauty». Впервые оно было задокументировано в работе У. Гилпина “A dialogue upon the gardens...” и считается первым определением этой категории в британской эстетике. В данном тексте свойство «пикчуреск» определяется как “quality that strikes the eye and (unlike the Beautiful) does not require the presence of ethical issues in order to be appreciated” [Orestano, 2003, p.1]. Такой индивидуальный подход обуславливает виды оценки, выбор средств её репрезентации автором, их высокую частотность. Положительная характеристика аксиологического фокуса объективируется не только собственно оценочными языковыми единицами, среди которых доминируют эпитеты, но и дескриптивными прилагательными, приобретающими положительную коннотацию под влиянием стилистической иррадиации. Для выражения своего мнения автор использует различные стилистические средства – от метафоры, сравнения и иронии, до полисиндетона и инверсии. В целом реализация категории оценки в травелогах У. Гилпина способствовала становлению художественного течения «пикчуреск».

Литература

- Аксенова Н. В. Оценочные смыслы в метафоре: на материале англоязычной литературы XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04: / Надежда Владимировна Аксенова. - Санкт-Петербург, 2007. 174 с. URL:<https://www.dissercat.com/content/otsenochnye-smysly-v-metafore-na-materiale-angloyazychnoi-literatury-xx-veka> (дата обращения: 04.10.2024)
- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
- Арутюнова Н. Д. Метафора в языке чувств / Н. Д. Арутюнова // Язык и мир человека. М., 1999. 824 с.

- Василенко В. А. Ценность и оценка [Текст]: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата философ. наук / АН УССР. Секция обществ. наук. Киев: [б. и.], 1964. 21 с.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2005. 259 с.
- Ивин А. А. Основания логики оценки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 230 с.
- Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: Моск. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. 297 с.
- Петухова Т. И. Аспекты оценочной интерпретации в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX, 283–286 с.
- Пименова М. В. Эстетическая оценка в древнерусском тексте: диссертация доктора филологических наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 2000. 418 с.
- Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстет. аксиологии / Л. Н. Столович. - Москва: Республика, 1994. 464 с.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
- Хомякова Е. Г. Лингвистический анализ оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 4, 3–7 с.
- Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Монография, М.: Гнозис, 2008. 416 с.
- Шутёмова Н. В. Виды экспертной оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе о творчестве И. Наховой. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология//, № 14 (3). 2022. 56–68 с.
- Gilpin W. Observations on several parts of the counties of Cambridge, Norfolk, Suffolk, and Essex. Also, on several parts of North Wales, relative chiefly to picturesque beauty, in two tours, the former made in the year 1769. The latter in the year 1773. London: Published by his trustees for the benefit of his school at Bolder. London: printed for T. Cadell and W. Davies, Strand., 1809. 473 с.
- J. R. Martin and P. R. R. White The Language of Evaluation. Basingstoke: PALGRAVE MACMILLAN, 2005. 99 с.
- Orestano Francesca the Revd William Gilpin and the Picturesque; Or, Who's Afraid of Doctor Syntax? / Orestano, Francesca //Garden History. 2003. № 31. С. 163–179.
- OD – Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 29.09.2024).
- Geoff Thompson Evaluation in Context. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. 431 с.

References

- Aksenova N. V. Ocenochnye smysly v metafore: na materiale angloyazychnoj literatury XX veka: dis. kand. filol. nauk: 10.02.04: / Nadezhda Vladimirovna Aksenova. - Sankt-Peterburg, 2007. 174 s. URL:<https://www.dissercat.com/content/otsenochnye-smysly-v-metafore-na-materiale-angloyazychnoi-literatury-xx-veka> (data obrashcheniya: 04.10.2024)
- Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytiye. Fakt [Types of Linguistic Meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 338 p.
- Arutyunova N. D. Metafora v yazyke chuvstv / N. D. Arutyunova // Yazyk i mir cheloveka. M., 1999. 824 s.
- Vasilenko V. A. Cennost' i ocenka: Avtoreferat dis. na soiskanie uchen. stepeni kandidata filosof. nauk / AN USSR. Sekciya obshchestv. nauk. Kiev: [b. i.], 1964. 21 s.
- Vol'f E. M. Funkcional'naya semantika ocenki. M.: URSS, 2005. 259 с.
- Ivin A. A. Osnovaniya logiki otsenki [Logic Gronds of Evaluation]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1970. 230 p.
- Markelova T. V. Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya ocenki v russkom yazyke. M.: Mosk. gos. un-t pechati im. Ivana Fedorova, 2013. 297 s.
- Petuhova T. I. Aspekty ocenochnoj interpretacii v angloyazychnom iskusstvovedcheskom diskurse // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2017. Vyp. XXX, 283–286 s.

- Pimenova M. V. Esteticheskaya ocenka v drevnerusskom tekste: dissertaciya ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.01. Sankt-Peterburg, 2000. 418 s.
- Stolovich L. N. Krasota. Dobro. Istina: Ocherk istorii estet. aksiologii / L. N. Stolovich. Moskva: Respublika, 1994. 464 s.
- Teliya V. N. Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit [Connotation in Semantics of Nominative Units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 141 p.
- Homyakova E. G. Lingvisticheskij analiz ocenki v angloyazychnom iskusstvovedcheskom diskurse // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. 2020. № 4, 3 –7 s.
- Shahovskij V. I. Lingvisticheskaya teoriya emocij. Monografiya, M.: Gnozis, 2008. 416 s.
- Shutyomova N. V. Vidy ekspertnoj ocenki v angloyazychnom iskusstvovedcheskom diskurse o tvorchestve I. Nahovoj. //Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. № 14 (3). 2022. 56–68 s.
- Gilpin W. Observations on several parts of the counties of Cambridge, Norfolk, Suffolk, and Essex. Also, on several parts of North Wales, relative chiefly to picturesque beauty, in two tours, the former made in the year 1769. The latter in the year 1773. [Текст] / Gilpin W. London: Published by his trustees for the benefit of his school at Bolder. London: printed for T. Cadell and W. Davies, Strand., 1809. 473 c.
- J. R. Martin and P. R. R. White The Language of Evaluation. - Basingstoke: PALGRAVE MACMILLAN, 2005. 99 c.
- Orestano Francesca the Revd William Gilpin and the Picturesque; Or, Who's Afraid of Doctor Syntax? [Текст] / Orestano, Francesca //Garden History. 2003. № 31. С. 163 - 179.
- OD – Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 01.10.2024).
- Geoff Thompson Evaluation in Context. - Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. 431 c.

Криушина В. М.

Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ПОНИМАНИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ ПО ПРАВИЛЬНОМУ ПИТАНИЮ

В статье представлены описание и анализ результатов экспериментального исследования, проведенного в целях определения причин вариативности понимания семантического содержания текстов научно-популярных интернет-изданий в сфере правильного питания. В эксперименте приняли участие 45 человек. С помощью методики набора ключевых слов определены компоненты текста, значимые для реципиентов, а также смысловые доминанты, отобранные ими для формирования вторичных текстов. Анализ экспериментальных данных позволил установить факторы, влияющие на вариативность понимания данного типа текстов и сложностей при их восприятии, а также проследить действие двух стратегий: стратегии извлечения при работе с первичными текстами и стратегии приписывания при работе с вторичными текстами.

Ключевые слова: процессы понимания текста, набор ключевых слов, вторичный текст, стратегия извлечения, стратегия приписывания

Viktoriia M. Kriushina

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University

THE STUDY OF MECHANISMS FOR UNDERSTANDING POPULAR SCIENCE TEXTS ON PROPER NUTRITION

The article presents a description and analysis of the results of an experimental study conducted to determine the reasons for the variability in understanding the semantic content of texts from popular science online publications in the field of proper nutrition. The experiment involved 45 participants. Using a keyword selection technique, the components of the text, which were significant for recipients, were identified, as well as the semantic dominants selected by them for forming secondary texts. The analysis of the experimental data made it possible to establish the factors influencing the variability in understanding this type of texts and the difficulties in their perception, as well as to trace the action of two strategies: the extraction strategy when working with primary texts and the attribution strategy when working with secondary texts.

Keywords: text comprehension processes, keyword selection, secondary text, extraction strategy, attribution strategy

Вводные замечания

Рост числа научно-популярных ресурсов в Интернете отражает значительный прогресс в области интернет-журналистики, которая, по мнению специалистов, оказывает значительное воздействие на современные общественные процессы [Лукина, 2010, с. 51]. Наиболее общепризнанным определением научной популяризации или популяризации науки в настоящее время считается «процесс распространения научных знаний в современной и доступной форме для широкого круга людей (имеющих определенный уровень подготовленности для получения информации)».

В данной статье мы рассматриваем тексты научно-популярных сайтов о здоровье, в частности, о правильном питании. В настоящее время популярность сайтов, различных изданий и публикаций на тему здорового образа жизни сильно возросла, что обусловлено повышением их роли в медиаиндустрии и целевой аудиторией «нового типа» – активных, успешных людей, сфокусированных на поддержании здоровья, отличной физической формы и красивой внешности.

Теоретической основой нашей статьи служат концепция текста Н. И. Жинкина [Жинкин, 1958], теоретические и экспериментальные труды А. И. Новикова [Новиков, 1983] и экспериментальные исследования Н. П. Пешковой [Пешкова, 2002, с. 89-92] и Н. В. Матвеевой [Пешкова, Матвеева, 2003, с. 121-128].

Задачи, материал и методика экспериментального исследования

В трудах отечественных и зарубежных исследователей применяются различные методы экспериментального изучения процессов понимания текста. Для проведения нашего исследования методика набора ключевых слов (НКС), разработанная А. С. Штерн [Мурзин, Штерн, 1991, с. 73-101] и Л. В. Сахарным [Сахарный, 1991, с. 221-237] показала нам наиболее оптимальной. Л. В. Сахарный описывает НКС как так называемый «вторичный текст-примитив», иными словами «компрессированный вариант развернутого текста, итог «вторичного», «свернутого» кодирования или точнее – перекодирования» [Сахарный, 1991, с. 225]. Следовательно, НКС можно рассматривать в качестве одного из методов сжатия семантики текста, т.е. «форму фиксации» смысла текста. Таким образом, НКС, представляющий собой один из способов семантического свертывания текста, можно рассматривать как «форму закрепления» смысла текста. Например, Н. В. Рафикова считает ключевые слова, полученные в результате эксперимента, проекциями текста участников [Рафикова, 1999, с. 77].

Мы выбрали данную методику по ряду причин. В первую очередь, она была широко апробирована в отечественных исследованиях. Кроме того, результаты, полученные с помощью метода НКС, возможно проанализировать, учитывая как специфику текстов, так и различия в их восприятии разными читателями.

Участниками нашего эксперимента стали 45 человек, преимущественно студенты в возрасте от 17 до 26 лет. Материалом для исследования и последующего анализа послужили три фрагмента текстов научно-популярного характера, посвященных правильному питанию, которые были предложены участникам для чтения и понимания, а также вторичные тексты, созданные участниками нашего эксперимента в результате осмысления исходных текстов. Всего было проанализировано 138 текстов. Рассмотрим характеристики отобранных для эксперимента текстов:

Текст № 1 – «Вода и пластик» (на материале научно-популярного сайта Naked Science¹), 122 слова. Текст посвящён недавнему исследованию учёных, которые обнаружили в бутилированной воде, считающейся большинством людей более безопасной и полезной для питья, чем водопроводная, большое количество частиц нанопластика.

Текст № 2 – «Фруктоза и продуктовая корзина» (на материале научно-популярного сайта Naked Science²), 103 слова. Текст описывает результаты экспериментального исследования, по итогам которого учёные определили, что газированные напитки и фастфуд провоцируют чувство голода и покупку большего числа продуктов соответственно по причине так как содержат фруктозу.

---

¹ Материалы интернет-издания Naked Science. - URL: <https://naked-science.ru/article/medicine/chastits-mikroplastika>

² Материалы интернет-издания Naked Science. - URL: <https://naked-science.ru/article/media/eksperty-vyyasnili-otkakogo-s>

Текст № 3 – «Мыши и память» (на материале научно-популярного сайта Hi-News.ru¹), 288 слов. Текст описывает экспериментальное исследование на крысах, которое показало, что употребление некоторых продуктов, даже время от времени, приводит к необратимым нарушениям памяти.

Перед участниками была поставлена задача определить ключевые слова данных текстов, а также сформулировать смысл прочитанного одним предложением. Ограничений по времени или по количеству слов установлены не были.

Эксперимент проводился в целях решения следующих задач: 1) Выяснить, насколько целевая аудитория научно-популярных текстов по правильному питанию понимает содержание данных текстов, а также проследить умение читателей выявлять ключевые слова или смысловые доминанты данных текстов; 2) Определить факторы, обуславливающие вариативность понимания данного типа текстов; 3) Выявить сложности при восприятии научно-популярных текстов по правильному питанию целевой аудиторией.

Обработка результатов экспериментального исследования

Фрагмент 1 «Вода и пластик»

Начнём с характеристики ключевых слов. Полученные НКС в виде числовых параметров представлены в табл. 1. В первой колонке размещены НКС, отобранные респондентами из исходного текста. Вторая колонка содержит информацию об их количестве. В третьей колонке фиксируется, сколько НКС, выбранных из исходного текста, участники также используют при формировании собственных вторичных текстов. Четвёртая колонка содержит информацию о процентном соотношении НКС вторичных текстов к НКС первичного. НКС размещены в порядке убывания по степени частотности.

Табл. 1. Числовые параметры НКС, выбранные респондентами («Вода и пластик»)

Ключевые слова	Кол-во в исходном тексте (Т1)	Кол-во во вторичных текстах (Т2)	Соотношение в % НКС Т2 к Т1
Нанопластик	30	25	83%
Пластиковые частицы	24	16	67%
Микропластик	22	13	59%
Бутилированная вода	20	23	115%
Вода	18	28	156%
Водопроводная вода	13	13	100%
Организм человека	11	15	136%
Литр	11	2	18%
Исследование	9	5	56%
Бутылки	9	3	33%
240 тыс.	8	1	13%
Микроскопия вынужденного комбинационного рассеяния	8	0	0%
Проникать	7	12	171%
5,5 тыс частиц	6	1	17%
Пластик	4	7	175%

¹ Материалы интернет-издания Hi-news. - URL: <https://hi-news.ru/eto-interesno/produkty-kotorye-unichtozhayut-vashu-pamyat.html>

Оптическая визуализация	4	0	0%
Количество частиц на литр	4	0	0%
Сердце	2	0	0%
Микрометр	2	0	0%
Открытые части тела	2	0	0%
Нашли	1	5	500%
Больше нормы	1	6	600%
Колумбийский университет	1	0	0%
Популярные бренды	1	0	0%

Анализируя данные, представленные в таб. 1, мы приходим к следующим выводам. Начнём с характеристики НКС, отобранных респондентами из Т1. В подавляющем большинстве случаев процент КС, отобранных респондентами, относится к т.н. «эндо-лексике», т.е., передаёт содержание первичного текста. Следовательно, в 82% случаев при обработке доминант текста применяется стратегия «извлечения»; остальные респонденты были склонны к большей или меньшей детализации, например, зафиксированы единичные случаи выделения участниками таких КС, как *Колумбийский университет*, *популярные бренды*. Полученные данные в целом подтверждают выводы, сделанные Л. В. Сахарным и демонстрируют достаточно традиционную картину определения смысловых вех текста, а именно: 83 % выбранных НКС являются изолированными словами, иногда словосочетаниями, чаще всего – существительные. Глаголы и числительные представлены только в 13 % случаев. Наиболее частотными являются слова *нанопластик*, *пластиковые частицы*, *микропластик*, *бутилированная вода*, *вода*.

Теперь обратимся к анализу данных, отражающих использование респондентами выбранных из Т1 НКС во вторичных текстах. Сразу обращает на себя внимание тот факт, что в 67% случаев участники реже выбирают использовать КС, отобранные ими из Т1, а 42% КС используются единично или не используются совсем. Кроме того, изменилась частотность употребления КС: *вода*, *нанопластик*, *бутилированная вода*, *пластиковые частицы*, *организм человека*. Значительно меньше участники используют термины (*микропластик*, *микроскопия вынужденного комбинационного рассеяния*), а также числовые данные (*240 тыс.*, *5,5 тыс. частиц*) и единицу измерения (*литр*). Причиной такого расхождения могут быть как непонимание специализированной терминологии, так и стремление упростить информацию в Т2 в соответствии с поставленной задачей – выразить только основную мысль Т1. Проанализировав вторичные тексты, мы выявили следующую замещённую или экзo-лексику (см. табл. 2).

Табл. 2. Экзо-лексика вторичных текстов («Вода и пластик»)

Обобщённое понятие	Замещённая лексика
Проникать	Пропитана, попасть, заполнена
Пластик	Разные примеси
Водопроводная вода	Вода из-под крана, вода из магазина
Организм человека	Тело человека
Больше нормы	Много, везде, повсюду, большое количество, выше
Бутилированная вода	Пластиковая бутылка, бутылка с водой

При свободном порождении Т2 респонденты описывали свою интерпретацию смысла содержания текста-оригинала, используя «экзо-лексику» и стратегию «приписывания».

Например, использовано большое количество оценочной лексики, не представленной в Т1, а именно слов *польза, вред, удивительно, не очень хорошо, стоит отдавать предпочтение, опасен, отрицательное влияние*. В большинстве Т2 имеет место обобщение, например, «*Везде микропластик!*» или «*В бутилированной воде содержится много микропластика.*» участники употребляют термин *микропластик*, хотя в Т1 автор разъяснил различие между терминами *нанопластик* и *микропластик*, а также делал акцент на том, что в бутилированной воде содержится больше нанопластика, чем микропластика. Также участники использовали коннотативные синонимы (*вода из-под крана* вместо *водопроводная вода*, *везде и повсюду* вместо *больше нормы*, *пропитана* вместо *проникать*), демонстрируя индивидуальные особенности восприятия Т1.

Фрагмент 2 «Фруктоза и продуктовая корзина»

Теперь аналогичным образом рассмотрим данные, полученные по результатам обработки второго текста (табл. 3).

Табл. 3. Числовые параметры НКС, выбранные респондентами («Фруктоза и продуктовая корзина»)

Ключевые слова	Кол-во в исходном тексте (Т1)	Кол-во во вторичных текстах (Т2)	Соотношение в % НКС Т2 к Т1
Фруктоза	48	52	108%
Глюкоза	33	20	61%
Сытость	17	15	88%
Ожирение	17	13	76%
Аппетит	17	11	65%
Инсулин	15	5	33%
Чувство	11	15	136%
Натуральные продукты	9	14	156%
Фрукты	4	11	275%
Не снижать	4	8	200%
Развитие	4	7	175%
Мёд	2	8	400%
Продуктовая корзина	2	1	50%
Газировка	2	3	150%
Голод	1	4	400%

Рассмотрев полученные данные и сравнив их с данными по первому тексту, мы видим похожую ситуацию, а именно 88% участников выбрали в Т1 НКС, относящиеся к эндолексике. Глаголы составляют всего 7% случаев. Слова *фруктоза, глюкоза, сытость, ожирение* и *аппетит* – самые частотные. Однако другое распределение НКС мы видим при анализе вторичных текстов. В 60% случаев участники стали чаще употреблять некоторые КС, даже если они не были изначально выбраны ими из Т1. Особенный интерес представляют изменения по количеству употребления тех КС, которые в первой колонке являлись самыми частотными. Термины *фруктоза* и *глюкоза* продолжают «лидировать», однако если *фруктоза* употребляется в Т2 даже чаще, то термин *глюкоза* использован только в 61% случаев, а термин *инсулин*, достаточно частотный в первой колонке, при написании Т2 упоминается всего в 33% текстов. Также участники стали реже использовать слова *сытость, ожирение* и *аппетит*. С другой стороны, такие слова, как *натуральные продукты, фрукты, мёд*, которые редко выбирали из Т1 как КС, стали использовать значительно чаще. Перед тем, как мы постараемся предположить, какими причинами может быть обусловлено такое

расхождение в данных, рассмотрим замещённую лексику, использованную респондентами по этому тексту (см. табл. 4).

Табл. 4. Экзо-лексика вторичных текстов («Фруктоза и продуктовая корзина»)

Обобщённое понятие	Замещённая лексика
Чувство сытости	Хватит еды, насытиться, чувство насыщения
Ожирение	Более частое переедание
Голод	Хочется есть
Газировка	Кола, газированные напитки

Аналогично данным первого текста, при создании вторичных текстов респонденты нередко использовали оценочную лексику, в том числе разговорную (*лучшие, стоит отдавать предпочтение, зло, «найс»*), а также сравнительные конструкции (*по сравнению, в отличие*). Здесь также имеет место упрощение и обобщение (*«Больше мёда, меньше колы.»* или *«Лучше есть сладкие натуральные продукты.»*) Обобщая результаты анализа, мы приходим к выводу, что рост частоты употребления слов по типу *мёд* и *фрукты* связан со стремлением респондентов выявить практическую значимость научных фактов, которые они узнали и выработать план конкретных действий с учётом новой информации (ответив себе на вопрос, какие продукты стоит употреблять). С другой стороны, разброс в использовании терминов *фруктоза* и *глюкоза* хотя и повторяет в некоторой степени ситуацию с терминами *нанопластик* и *микропластик* в первом фрагменте, но не целиком. Непонимание респондентами разницы между типами пластиковых частиц не влияет на понимание общего смысла текста, тогда как разница между терминами *фруктоза* и *глюкоза* существенна. Так, в одном из Т2 участник пишет: *«Фруктоза, содержащаяся в натуральных продуктах, не способствует ожирению и не снижает аппетит, как это происходит с глюкозой»*, когда в Т1 говорилось о том, что *«глюкоза сигнализирует организму о чувстве сытости»*. Отсюда следует, что около 30% респондентов не до конца поняли смысл данного текста.

Фрагмент 3 «Мыши и память»

Теперь обратимся к данным, полученным в результате обработки третьего текста (табл. 5).

Табл. 5. Числовые параметры НКС, выбранные респондентами («Мыши и память»)

Ключевые слова	Кол-во в исходном тексте (Т1)	Кол-во во вторичных текстах (Т2)	Соотношение в % НКС Т2 к Т1
Память	33	30	91%
Крысы	19	14	74%
Нездоровая пища	14	7	50%
Ацетилхолин	14	2	14%
Сахара	13	6	46%
Жиры	13	6	46%
Мозг	10	12	120%
Исследование	8	2	25%
Белок	8	1	13%
Гиппокамп	6	0	0%
Нейромедиатор	5	0	0%
Фастфуд	5	10	200%
Пища с высоким содержанием жира и сахара	5	11	220%

Необратимо	3	7	233%
Ухудшение	3	18	600%
Возраст	2	4	200%
Холестерин	1	0	0%

Аналогично данным предыдущих текстов, большой процент испытуемых (около 88%) использовали стратегию извлечения при отборе КС из первичного текста с большей или меньшей детализацией (количество респондентов, выбравших в качестве КС слово память значительно выше тех, кто выбрал слово холестерин). Почти все выбранные КС – существительные, наречие составляет 17% случаев, глаголы для данного текста отобраны не были. Наиболее часто встречаются слова *память*, *крысы*, *нездоровая пища*, *ацетилхолин*, *сахара* и *жиры*. Далее рассмотрим данные, представленные по результатам анализа КС, используемых участниками при создании вторичных текстов. Мы снова можем наблюдать тенденцию снижения частоты употребления КС, отобранных из Т1. При этом если слово *память* используется в Т2 в 91% случаев, то *нездоровая пища* – только в 50% случаев, а термин *ацетилхолин* (один из самых часто выбираемых из Т1) – всего в 14%. Похожее распределение мы видим и в употреблении менее частотных по данным НКС Т1 терминов (*белок* – 13%, *гиппокамп*, *нейромедиатор*, *холестерин* – 0%). С другой стороны, респонденты стали намного активнее использовать слова *фастфуд* (в 2 раза чаще), *ухудшение* (в 6 раз чаще), а также словосочетание *пища с высоким содержанием жира и сахара* (в 2 раза чаще). Аналогично предыдущему тексту, можно предположить, что выбор слов типа *фастфуд* связан с выработкой участниками практического плана действий и корректировки своего питания на основании полученной информации, тогда как разброс в процентном соотношении между терминами скорее всего связан с тем, что такие термины, как *жиры* и *сахара* лучше знакомы массовому читателю, чем *ацетилхолин* или *гиппокамп*.

Рассмотрим также экзо-лексику, которой респонденты заменяли слова Т1 (табл. 6).

Табл. 6. Экзо-лексика вторичных текстов («Мыши и память»)

Обобщённое понятие	Замещённая лексика
Правильное питание	Овощи, здоровая пища, нормальная еда
Крысы	Животные, грызуны, мыши
Фастфуд	Джанкфуд, бургер, вредная еда (пища), нездоровая пища
Ацетилхолин	Медикамент, лекарства
Память	Воспоминание, запоминание, умственные способности, когнитивные функции

Анализируя данные по использованию респондентами экзо-лексики, мы можем наблюдать как упрощение и обобщение исходной информации (*бургер* вместо *фастфуд*, *медикамент* или *лекарства* вместо *ацетилхолин*, *животные* вместо *крысы*). В частности, замена слова *крысы* на слово *животные* свидетельствует о том, что участники считают непринципиальным, на каком именно животном проходил эксперимент. С помощью замены словосочетания *правильное питание* на *нормальная еда* или *здоровая пища* участник выражает своё отношение к данному понятию. Интерес также вызывает пример использования научной лексики (*когнитивные функции*) в качестве синонима слова *память*, что свидетельствует об уровне образованности некоторых респондентов, поскольку в большинстве случаев участники при создании Т2 отдают предпочтение словам общего языка или даже разговорной лексике (*грызуны*, *джанкфуд*, *бургер*, *воспоминание*).

Заключение

Результаты проведенного эксперимента позволяют сделать следующие выводы.

1. Данные по ключевым словам, отобранным респондентами из исходных текстов, свидетельствуют об умении целевой аудитории достаточно успешно выделять семантически значимые компоненты и с их помощью формулировать собственные тексты (вторичные).
2. В подавляющем большинстве случаев процент ключевых слов, отобранных респондентами, относится эндо-лексике, т.е. передаёт содержание первичного текста. Таким образом, при обработке доминант текста в основном применяется стратегия извлечения; остальные респонденты были склонны к большей или меньшей детализации.
3. При свободном порождении вторичного текста участники эксперимента описывали свою интерпретацию смысла содержания текста-оригинала, используя экзо-лексику и стратегию приписывания, в частности подбор синонимов, обобщения, упрощения, коннотации.
4. При порождении вторичных текстов респонденты используют только половину отобранных ими ключевых слов исходных текстов, что необязательно обусловлено их сложностью. Как правило, участники обращают внимание на практическую применимость полученной научной информации и стремятся отразить в собственных текстах только самую важную информацию, опуская детали.
5. Терминология в научно-популярных текстах по правильному питанию в большинстве случаев не влияет на понимание общего смысла текстов, но может вызвать сложности с пониманием конкретных деталей и отдельных фактов.

Литература

- Жинкин Н. И. Механизмы речи. М.: «Наука», 1958. 370 с.
- Интернет-СМИ. Теория и практика / Под ред. М. М. Лукиной. М.: Аспект-пресс, 2010. С. 51.
- Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 172 с.
- Новиков А. И. Семантика текста и её формализация. М.: «Наука», 1983. 213 с.
- Пешкова Н. П. Экспериментальное исследование пресуппозиции как характеристики типологической системы текста // Лингвометодические проблемы обучения иностранным языкам в вузе. – УФА: Башкирский государственный университет, 2002. С. 89-92.
- Пешкова Н. П., Матвеева Н. В. Исследование механизмов смыслообразования в процессах восприятия и понимания письменного учебного текста // Лингводидактические и культурологические аспекты обучения иностранным языкам в вузе. Уфа: Башкирский государственный университет, 2003. С. 121-128.
- Рафикова Н. В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 144 с.
- Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи / отв. ред. Е. С. Кубрякова. М.: Наука, 1991. С. 221-237.

References

- Zhinkin N. I. Mekhanizmi rechi [Speech Mechanisms]. – Moscow, Nauka Publ., 1958. 370 p.
- Internet-SMI. Teoriya i praktika [Internet Media. Theory and Practice]. Ed. MM. Lukina. Moscow, Aspect-press Publ., 2010, p. 51.
- Murzin L. N., Shtern A. S. Tekst i yego vospriyatiye [Text and its Comprehension], Publishing house of Ural univ., Sverdlovsk, 1991.

- Novikov A. I. Semantika teksta I ee formalizatsiya [Text Semantics and Its Formalization]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 213 p.
- Peshkova N. P. Experimentalnoye issledovaniye presuppozitsii kak kharakteristiki tipologicheskoy sistemy teksta [Experimental Study of Presupposition as a Characteristic of the Typological System of a Text]. Lingvometodicheskie problemy obucheniya inostrannym yazykam v vuze [Linguo-Methodological Problems of Teaching Foreign Languages at a University]. Ufa, UGATU Publ., 2002, pp. 89-92.
- Peshkova N. P., Matveeva N. V. Issledovanie mekhanizmov smysloobrazovaniya v protsessakh vospriyatiya i ponimaniya pismennogo uchebnogo teksta [Research of Sense Forming Mechanisms in the Processes of Perception and Understanding of the Written Exercise Text]. Lingvodidakticheskie i kulturologicheskie aspekty obucheniya inostrannym yazykam [Linguo-Didactic and Culturological Aspects of Teaching Foreign Languages]. Ufa, UGATU Publ., 2003, pp. 121-128.
- Rafikova N. V. Psikholingvisticheskoye issledovaniye protsessov ponimaniya teksta [The Psycholinguistic Study of Text Comprehension], Publishing house of Tver state univ., Tver, 1999.
- Sakharnyy L. V. Teksty-primitivy i zakonomernosti ikh porozhdeniya [Texts-Primitives and the Principles of Their generation], Chelovecheskiy faktor v yazyke: yazyk I porozhdeniye rechi [The Human Factor in Language: Language and Speech Generation], ed. by E. S. Kubriakova, Nauka, Moscow, 1991, pp. 221-237.

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США В ОТНОШЕНИИ ОСНОВНОЙ ПРИЧИНЫ НАЧАЛА ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА МЕЖДУ УКРАИНОЙ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ (СВО)

В настоящей статье рассматривается коммуникативная стратегия дискредитации в современном англоязычном дискурсе печатных СМИ Великобритании и США в отношении основной причины начала вооруженного конфликта между Украиной и Российской Федерацией (СВО) по мнению военно-политического руководства РФ. В данном случае, в фокусе СМИ Великобритании и США усилия Украины, направленные на вступление в блок НАТО, что является абсолютно неприемлемым для России, и попытки убедить аудитории этих стран в «неадекватности» действий Президента РФ в частности и Российской Федерации в целом как стороны конфликта в первый месяц активной фазы боевых действий, а также стремление ослабить ее аргументы о причине начала СВО.

В качестве материала исследования были использованы соответствующие тематические материалы электронных версий печатных изданий The Economist, The Guardian, The New York Times. Данные издания имеют многомиллионные аудитории читателей как онлайн, так и в печатных версиях, что позволяет отнести их к традиционным СМИ (mainstream media). Также была использована научная статья исследователя Флориана Золлмана (Florian Zollmann), содержащая большой объем данных, собранных с помощью базы данных СМИ Factiva. В подборку статей Золлман также включил данные о германских печатных СМИ. Данная статья стала источником вторичных количественных данных для целей данного исследования. Таким образом, исследование сосредоточено на освещении продолжающегося регионального конфликта в СМИ и является актуальным.

Ключевые слова: вступление Украины в НАТО, политическая лингвистика, политические тексты английский язык, основная причина СВО, медиадискурс

Igor Kuznetsov
Ural Federal University

THE STRATEGY OF DISCREDITING THE MAJOR CAUSE OF THE UKRAINE- RUSSIA ARMED CONFLICT IN THE MODERN DISCOURSE OF PRINTED MAINSTREAM MEDIA OF GREAT BRITAIN AND THE USA

The paper reviews the communication strategy of discrediting the major cause of the Ukraine-Russia armed conflict (Special military operation) as it is viewed by the political and military leadership of the Russian Federation. In this case, the media of Great Britain and the USA focus on Ukraine's NATO accession effort, which is the reddest of red lines for Russia, and attempt to convince the audiences of the respective countries of the 'inadequacy' of both the Russian Federation in general and its President in particular as a party to this conflict within the first month of the atrocities and thus undermine Russia's argumentation in support of the action.

The study draws on the respective materials of online versions of such printed media as The Economist, The Guardian and The New York Times. These media have multimillion readerships both online and in print which allows to qualify as mainstream media. A paper by Florian Zollmann containing extensive data accumulated via Factiva database has been used as a source of second-hand quantitative data pertaining to the paper. Zollmann’s paper contains data on German printed media as well. The study focuses on the media coverage of an ongoing regional conflict which makes it relevant.

Keywords: Ukraine’s NATO accession, political linguistics, political texts, English, major cause of the special military operation, political media discourse

Introduction

First and foremost, it must be highlighted that any war or an armed conflict are atrocious in their nature. Any violent loss of human life is a tragedy. Undoubtedly, a lot more cross-disciplinary research will be devoted to the sensitive topic of the ongoing armed conflict between Ukraine and Russia and the causes of it past and present and the way it has been covered by all kinds of media. Although the majority of Western governments has been attempting to block both direct Internet and cable TV access to Russian English-speaking news outlets such as Russia Today (RT), they have largely failed to do so. Since the conflict is still in progress, it is the attempt of this paper to explore the strategy of discrediting Russia’s complete unacceptance of Ukraine’s NATO accession effort and associated risks to the security of the Russian state as the primary cause of the conflict. The focus is on printed mainstream media of Great Britain and the USA within the first month of the atrocities as the two countries are major sponsors of Ukraine’s effort and traditional geopolitical competitors if not outright adversaries of our country. Such approach has also been informed by E. V. Shustrova’s investigation of American political cartoons after Crimea joining Russia (Shustrova, 2015) and E. A. Churashova’s research of accusatory discourse in Western cartoons after the start of the special military operation (Churashova, 2024) in terms of significance of two events and ensuing media coverage. The terms ‘war’, ‘armed conflict’, ‘aggression’ and ‘invasion’ are used interchangeably by Western mass media and disregard the official Russian term ‘special military operation’.

The discrediting of Russia’s non-acceptance of Ukraine’s NATO accession in Anglo-American printed mainstream media

According to Zollman, the news data and studies reviewed by him by virtue of quantitative and qualitative analyses show that Western news media has largely blanked out any notion of Western culpability for the war in Ukraine. Assessing two broad research objectives and their outcomes in his article, namely the number of news items stating that Russia’s invasion was unjust and the number of news items indicating that Russia’s invasion could have been conducted in response to NATO expansion, Zollman has come to the conclusion that the Western news media has downplayed the Russian security concerns about NATO eastward expansion and the prospect of integrating Ukraine into the military alliance. The news media has overwhelmingly framed the imperial ambitions of Russia/Putin as the cause of the war (Zollmann, 2024).

Table 1. US, UK and German newspaper framing of Russia’s invasion of Ukraine during two weeks (24/02/2022–09/03/2022).

Topics/frames	Number of articles (%)			
	Total	US	UK	Germany
Russia (topic 1)	3410 (100)	867 (100)	1843 (100)	700 (100)
		351 (NYT)	791 (G/O)	384 (SZ)
		335 (WP)	801 (T)	245 (W)

Topics/frames	Number of articles (%)			
	Total	US	UK	Germany
		181 (NYP)	251 (S)	71 (B)
– Russian aggression (frame 1)	952 (28)	264 (30)	349 (19)	339 (48)
		99 (NYT)	198 (G/O)	186 (SZ)
		126 (WP)	117 (T)	111 (W)
		39 (NYP)	34 (S)	42 (B)
NATO (topic 2)	908 (100)	257 (100)	399 (100)	252 (100)
		97 (NYT)	208 (G/O)	133 (SZ)
		119 (WP)	127 (T)	93 (W)
		41 (NYP)	64 (S)	26 (B)
– NATO expansion (frame 2)	266 (29)	85 (33)	138 (35)	43 (17)
		46 (NYT)	86 (G/O)	23 (SZ)
		35 (WP)	42 (T)	16 (W)
		4 (NYP)	10 (S)	4 (B)

This data is based on keyword searches in the Factiva database in the US, UK and German print-newspapers *New York Times* (NYT), *Washington Post* (WP), *New York Post* (NYP), *The Guardian/Observer* (G/O), *The Times/Sunday Times* (T), *The Sun* (S), *Süddeutsche Zeitung* (SZ), *Die Welt/Welt am Sonntag* (W), *Bild/Bild am Sonntag* (B) (search date: 14 August 2023; duplicates similar). Search terms: Russia [Russia/Russland]; Russian aggression [Russia and aggression or unjustified or unlawful or unprovoked/Russland and Aggression or illegal or Angriffskrieg or Überfall]; NATO [NATO/NATO]; NATO expansion [NATO and expansion or membership or enlargement/NATO and Osterweiterung or Expansion or Mitgliedschaft].

This dominant narrative had been exemplified in a New York Times editorial, which clearly downplayed the Russian concerns about NATO expansion. ‘The scope of Mr. Putin’s professed ambition is alarming and bewildering for much of the world. All this makes clear that Mr. Putin’s attack is not primarily about NATO or security. It’s all about his xenophobic, imperial and misguided notion that Ukraine was inherently an appendage of Russia, its independence a historical fluke and its rulers’ usurpers.’ (New York Times, 2022).

Likewise, being a British and international publication, and distinctively more right-leaning in its outlook, several of The Economist’s February and March editorials concurred with the narrative discrediting the seriousness of Russia’s apprehensions about NATO. ‘He is obsessed with the defensive alliance [NATO] to its west. And he is trampling the principles that underpin peace in the 21st century. That is why the world must inflict a heavy price for his aggression’ (The Economist, 2022). Russia’s president was attacked on the personal level. ‘And the West can try to contain Mr. Putin’s paranoia. NATO should state that it will not shoot at Russian forces, so long as they do not attack first’ (The Economist, 2022).

The Guardian, another British news outlet, generally regarded as considerably more on the left side of the political spectrum and widely known for its antiwar views on the Israel-Palestine conflict, among other things, is nevertheless in complete agreement with the general discrediting news media narrative in its editorial. They highlighted ‘a terrible blow to the broader system’ and ‘illegal, immoral and outrageous invasion’ (The Guardian, 2022).

Dissension in the media

A certain number of dissenting voices has been consistent in their analyses of the Russia-Ukraine relations and the armed conflict. John J. Mearsheimer, a prominent realist political scholar

and seminal author, has been steadily arguing that the NATO expansion into Eastern Europe encompassing former Warsaw pact members as well as former Soviet Baltic republics is the prime cause of the tragedy stemming from the US predominant role in the military alliance. 'The taproot of the crisis is the American-led effort to make Ukraine a Western bulwark on Russia's borders. That strategy has three prongs: integrating Ukraine into the EU, turning Ukraine into a pro-Western liberal democracy, and most importantly, incorporating Ukraine into NATO' (Mearsheimer, 2022).

The opinion section of The Guardian website and the printed version give room, nevertheless, to some differing perceptions of the topic. Still, it is not shared by the editorial board. A prolific and revered documentary filmmaker John Pilger in his 2014 piece for The Guardian stated that the US had accelerated Nato's military encirclement of Russia along with US-orchestrated attacks on ethnic Russians in Ukraine (The Guardian, 2014).

Conclusion

British and American printed mainstream media in case of the armed Russia-Ukraine conflict, to a large extent, attempted to discredit, or at least downplay, the non-acceptance of Ukraine's NATO accession by Russia within the first month of the atrocities, citing the unprovoked aggression/expansionism by the Russian Federation and paranoia and inadequacy of its president.

It is deemed feasible to further explore a different timeframe of the conflict and established whether the position of British and American printed mainstream media has become more balanced and nuanced without being branded Putin's apologists as some of the dissenting voices have been on numerous occasions.

References

- Churashova E. A. Special Military Operation: Accusatory Discourse in Western Cartoons. // Political linguistics. 2024. No 5 (107), Pp. 228-236 (in Russ).
- Mearsheimer J. J. The causes and consequences of the Ukraine crisis. The National Interest. 2022. 23 June (accessed online at <https://nationalinterest.org/feature/causes-and-consequences-ukraine-crisis-203182>).
- Pilger J. In Ukraine, the US is dragging us towards war with Russia. The Guardian. 2014. 14 May (accessed online at <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/may/13/ukraine-us-war-russia-john-pilger>).
- Shustrova E. V. Crimea Joining Russia: American Political Cartoon Reflection. // Political linguistics. 2015. No 1 (51), Pp. 66-73 (in Russ).
- Zollmann, F. A war foretold: How Western mainstream news media omitted NATO eastward expansion as a contributing factor to Russia's 2022 invasion of the Ukraine. Media, War & Conflict. 2024. No 17(3), Pp. 373-392. <https://doi.org/10.1177/17506352231216908>.

Sources

- The editorial board. Where will he stop? The Economist. 2022. February 26-March 6. URL: <https://www.economist.com/leaders/2022/02/26/history-will-judge-vladimir-putin-harshly-for-his-war> (accessed 12.11.2024)
- The editorial board. The Stalinisation of Russia. The Economist. 2022. March 12. URL: <https://www.economist.com/leaders/2022/03/12/the-stalinisation-of-russia> (accessed 12.11.2024)
- The editorial board. Russian propagandists turn on pro-Western "traitors". The Economist. 2022. March 19. URL: <https://www.economist.com/europe/2022/03/19/russian-propagandists-turn-on-pro-western-traitors> (accessed 12.11.2024)
- The editorial board: No justification for a brazen invasion. New York Times. 2022. 24 February URL: <https://www.nytimes.com/2022/02/23/opinion/ukraine-biden-putin-invasion.html> (accessed 12.11.2024)

The Guardian view on Putin's war in Ukraine: a bleak new beginning. The Guardian. 2022. 24 February URL:<https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/24/the-guardian-view-on-putins-war-in-ukraine-a-bleak-new-beginning> (accessed 12.11.2024)

КОНЦЕПЦИЯ 君子 *JŪNZI* ‘БЛАГОРОДНЫЙ МУЖ’ В КОНФУЦИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ПРИНЦИПЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Статья посвящена исследованию основных принципов концепта 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ в конфуцианской философии, который включает в себя основные характеристики безупречного человека. Данный концепт встречается в трудах Конфуция, в современном Китае редко используется, что, тем не менее, не говорит о вытеснении из китайской картины мира самой идеи идеального чиновника или руководителя. Вопросы этики в политике становятся всё более важными, и этот концепт предлагает руководителям страны пример служения обществу. Целью работы является анализ концепта 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ в историческом и современном контексте. Были рассмотрены исторические истоки понятия 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’; выявлены и проанализированы ключевые принципы и их взаимосвязь; исследована роль концепта в традиции и современности. Был проведен анализ текста Лунь Юй (论语); сравнительный анализ основных принципов 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’; контент-анализ современных публикаций и исследований, касающихся актуальности данного идеала в современном обществе. Таким образом, концепт 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ остается универсальной моделью для совершенствования чиновников, а его принципы играют значительную роль в формировании справедливого общества и решении внутренних и внешних угроз страны.

Ключевые слова: 君子, благородный муж, Конфуций, китайская философия, концепт

Anastasiia V. Kulikova
St. Petersburg University

THE CONCEPT OF 君子 *JŪNZI* IN CONFUCIAN PHILOSOPHY: KEY PRINCIPLES AND THEIR SIGNIFICANCE

The article is devoted to the study of the basic principles of the concept 君子 *jūnzi* ‘noble man’ in Confucian philosophy, which includes the main characteristics of an impeccable person. This concept is found in the works of Confucius, but is rarely used in modern China, which, however, does not mean that the very idea of an ideal official or leader has been displaced from the Chinese picture of the world. Ethical issues in politics are becoming increasingly important, and this concept offers the country’s leaders an example of serving society. The aim of the work is to analyze the concept 君子 *jūnzi* ‘noble man’ in the historical and modern context. The historical origins of the concept 君子 *jūnzi* ‘noble man’ were considered; the key principles and their interrelationships were identified and analyzed; the role of the concept in tradition and modernity was studied. An analysis of the text of Lun Yu (论语) was conducted; comparative analysis of the main principles of 君子 *jūnzi* ‘noble man’; content analysis of modern publications and studies concerning the relevance of this ideal in modern society. Thus, the concept of 君子 *jūnzi* ‘noble man’ remains a universal model for improving officials, and its principles play a significant role in the formation of a just society and solving internal and external threats to the country.

Keywords: 君子, noble man, Confucius, Chinese philosophy, concept

Одно из ключевых понятий конфуцианской философии является 君子 *jūnzǐ*, которое в переводе с китайского языка на русский язык означает ‘благородный муж’. 君子 *jūnzǐ* ‘благородный муж’ — это образец поведения, к которому должен стремиться каждый, кто хочет жить праведной жизнью. В Древнем Китае благодаря Конфуцию 君子 *jūnzǐ* ‘благородным мужем’ можно было назвать человека, который может не принадлежать к высшему сословию, а через определённые поступки достичь данного статуса.

Конфуцианство — это этико-философское учение, которое было разработано Конфуцием в VI–V веках до нашей эры. У Конфуция идеальный человек — это «не отшельник, а общественный деятель, который активно включен в социальную жизнь общества» [Пилатс, 2016, с.162]. С китайского языка на русский 君子 *jūnzǐ* переводится как «человек с высшими моральными качествами, достойный человек, благородный человек и благородный муж, джентльмен» [1]. Данный концепт существовал и до Конфуция, но именно он сформулировал его основные принципы. До Конфуция 君子 *jūnzǐ* ‘благородным мужем’ называли лишь того, кто обладал государственной властью. Данный концепт активно используется в классике доиньской эпохи, к примеру в наиболее раннем китайском произведении Книга Перемен (易经): «君子终日乾乾，夕惕若，厉无咎。何谓也?», что означает: «Благородный муж целый день трудится и бдителен ночью, и в этом нет никакой вины» [5]. В памятнике исторической прозы Древнего Китая Цзо-чжуань (左传) есть упоминание о 君子 *jūnzǐ* ‘благородном муже’: «君子劳心，小人劳力», что в переводе: «Благородный муж усердно работает, злодей усердно работает» [6]; «君子谓子重于是役也» — «Благородный муж говорит, что служение это самое главное» [6]. Все вышеперечисленное приводит к выводу о том, что 君子 *jūnzǐ* ‘благородный муж’ относился к правящему классу и к высшему сословию.

Однако во времена Конфуция важной составляющей концепта 君子 *jūnzǐ* ‘благородный муж’ стали моральные качества. Особое внимание этому уделено в книге Лунь Юй (论语), которая была составлена учениками Конфуция. В данной книге концепт упоминается 192 раза. В Лунь Юй отмечается, что есть три определённых принципа, которым должен следовать 君子 *jūnzǐ* ‘благородный муж’: «子曰：君子道者三，我无能焉：仁者不怍，知者不惑，勇者不惧» [9]. В переводе: «Конфуций сказал: «У благородного мужа три моральных принципа, но я не могу их осуществить. Обладая человеколюбием, он не печалится; будучи мудрым, он не сомневается; будучи смелым, он не боится» [Переломов, 2001, с.115]. Благодаря доброте, мудрости и храбрости, каждый человек может стать 君子 *jūnzǐ* ‘благородным мужем’. Ученики Конфуция акцентировали внимание на том, что существуют основные добродетели, и каждый человек должен развивать в себе их для того, что стать 君子 *jūnzǐ* ‘благородным мужем’ и достичь гармонии не только с собой, но и со всем миром.

Важной составляющей концепта является 仁 *rén* ‘човеколюбие’. Часто данный принцип сравнивают со схожим по звучанию понятием 人 *rén* ‘человек’ [1]. Стоит отметить, что упоминается и другое значение 忍 *rěn* ‘терпеть’, то есть ‘нетерпимость ко злу и страданиям других людей’ [Карапетьянц, 1982, с.15]. Для концепта 君子 *jūnzǐ* ‘благородный муж’ данный принцип важен тем, что идеальный человек должен быть эмпатичным, чувствовать эмоции других людей и действовать в интересах этих людей и общества. В Лунь Юй отмечается: «君子务本，本立而道生。孝弟也者，其为仁之本与!» [9]. Означает «Почтительность к родителям и уважительность к старшим братьям — основа человеколюбия» [Переломов, 2001, с.2]. Таким образом, принцип 仁 *rén* ‘човеколюбие’ должен в первую очередь осуществляться между близкими, а затем — между остальными людьми. Стоит отметить, что данного качества нельзя достичь без образования.

Мудрость, знания и ум появляются за счет практики. В Лунь Юй принципы 智 *zhì* ‘мудрость’ и 仁 *rén* ‘человеколюбие’ часто упоминаются вместе и выступают как качества, которыми должен обладать человек на высокой должности. «孔子说：“品质恶劣的人，忍受不了贫穷，享受不了快乐。仁者安仁，智者利仁» [9]. В переводе: «Конфуций говорил: «Человек, не обладающий человеколюбием, не может долго жить в условиях бедности, но он не может долго жить и в условиях радости. Человеколюбивому человеку человеколюбие приносит успокоение. Мудрому человеку человеколюбие приносит пользу» [Переломов, 2001, с.23].

Стоит остановиться на таком принципе как 义 *yì* ‘справедливость’, благодаря которому идеальный человек действует в соответствии с общепринятыми нормами, и жертвует своими интересами ради общественного блага, не имея корыстных целей [1]. В Лунь Юй 义 *yì* ‘справедливость’ является аналогом 仁 *rén* ‘человеколюбие’ [Карапетьянц, 1982, с.26]. «这是名，不是达。所谓显达，就是品质正直，崇尚道义，善于察言观色，甘心处于人下。这样就会国外显达，国内显达» [9]. В переводе на русский язык: «Это человек известный, а не выдающийся. Выдающийся же обладает природной прямоотой, любит справедливость, вникает в слова людей и следит за выражением их лиц, заботится о том, чтобы быть ниже других. Такой будет обязательно выдающимся в государстве и будет обязательно выдающимся в семье» [Переломов, 2001, с. 94].

Четвертым принципом является 礼 *lǐ* ‘этикет’ или ‘вежливость’, который включает в себя соблюдение традиций и правил поведения в обществе [1]. «君子博学于文，约之以礼，亦可以弗畔矣夫！» [9]. В переводе: «Благородный муж, многому учась из книг, может ограничивать себя правилами этикета, то он в состоянии не изменять принципам» [Переломов, 2001, с. 45]. Роль 礼 *lǐ* ‘этикета’ очень важна, в Лунь Юй: «恭敬而无礼则徒劳，谨慎而无礼则胆怯，勇猛而无礼则闯祸，直率而无礼则尖刻», что означает: «почтительность без ритуала приводит к суетливости; осторожность без ритуала приводит к боязливости; смелость без ритуала приводит к смутам; прямоота без ритуала приводит к грубости» [Переломов, 2001, с.57]. Когда 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ руководствуется 礼 *lǐ* ‘этикетом’ и действует в соответствии с правилами, только тогда его личность будет полной, а действия уместными.

Можно сделать вывод, что эти принципы тесно связаны друг с другом и не имеют четких границ. Их взаимосвязь создает личность, которая может совершать добрые дела для общества и всего мира и которая своим примером вдохновляет других людей становиться лучше.

Концепт 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ является основой древнекитайского общества, его образ отражается в нравственной личности, в таланте управления и в духовном смысле, что является ключом к существованию и развитию общества [Li Changtai, 2009, p.2]. Концепт является не только философской идеей, но и социально-нравственным ориентиром в политической системе Китайской Народной Республики. Учение Конфуция легло в основу нравственного воспитания и жизни китайцев, и стало составляющей китайской культуры. Принципы данного концепта играют важную роль в образовании, особенно там, где конфуцианские традиции распространены. Воспитание детей и молодежи на основе принципов 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ способствуют развитию моральных качеств, таких как уважение, справедливость, ответственность, что будет важно для формирования не только будущих граждан, но и успешных государственных деятелей.

Данный концепт актуален и сегодня, так как несмотря на изменения в социальной и политической системе страны, 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ должен быть примером для людей, быть справедливым по отношению к остальным, его власть основывается не на

страхе, а на уважении. Благодаря данному концепту люди могут выстраивать доверительные отношения, что способствует прогрессу.

В настоящее время значение концепта 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ заключается в его универсальности в различных сферах жизни, к примеру от личного развития до управления страной и решения глобальных проблем. Принципы 仁 *rén* ‘человеколюбие’, 义 *yì* ‘справедливость’, 礼 *lǐ* ‘этикет’, 智 *zhì* ‘мудрость’, составляющие основу данного концепта, способствуют формированию личностей, которые будут ставить общественные интересы выше собственных. На пример, в современном мире часто можно услышать о злоупотреблении полномочий или о коррупции среди чиновников. Концепт 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ предлагает модель идеального руководства, которое основано на справедливости и уважении к другим людям. Настоящий 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’, находясь на высоком государственном посту будет действовать согласно справедливости, чтобы избежать конфликтов как внутри страны, так на международной арене. Сегодня государственные деятели ставят на первое место получение политической выгоды, в то время как ориентиры 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ направлены на решение проблем более этичным способом. Политический лидер следуя принципам данного концепта должен обладать 智 *zhì* ‘мудростью’ — знаниями, позволяющими решить проблемы как на территории своего государства, так и за его пределами. К таким проблемам можно отнести изменение климата, международные конфликты и экономические кризисы. Концепт 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ актуален и на международной арене, благодаря данным принципам главы государств могут выстроить долгосрочные отношения, в основу которых лягут уважение и доверие. Они могут быть основой для проведения мирных переговоров и сотрудничества между странами. В современной политике концепт 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ и его принципы могут стать подходящей моделью морального и справедливого лидерства, способствовать укреплению доверия и уважения на международной арене и внутри страны.

Однако существуют суждения о том, что концепт 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ и другие идеи конфуцианства невозможно адаптировать к современному обществу. На пример, Лян Цичао, китайский философ и государственный деятель, в 1902 году опубликовал работу «Обновленные люди» (新民). В ней отмечалось, что современным людям необходимы 爱国心 *àiguóxīn* ‘патриотизм’; 独立性 *dúlìxìng* ‘независимость’; 公共心 *gōnggòngxīn* ‘чувство ответственности за общественные интересы’ и 自治力 *zìzhì lì* ‘автономия’ [10]. Лян Цичао отмечал, что 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ является не только нравственным ориентиром в китайской культуре, но и идеальной личностью в гражданском образовании в западных странах [8]. Лян Цичао считал, что 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ трудно дать конкретное определение, поэтому он использовал строки из Книги Перемен (易经): «自强不息» — «Постоянно самосовершенствоваться» и «厚德载物» — «Благородный муж добродетелен ко всем» [10]. Мы считаем, что в современном мире данный концепт должен быть больше адаптирован к вызовам и реалиям нового времени, однако основные принципы концепта не теряют свою актуальность.

Таким образом, 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ — это образец поведения человека, к которому должны стремиться не только государственные деятели, но и каждый человек. Такая модель поведения основана на таких принципах как 仁 *rén* ‘человеколюбие’, 义 *yì* ‘справедливость’, 礼 *lǐ* ‘этикет’, 智 *zhì* ‘мудрость’ [1]. Область применения данного концепта достаточно широка, от личной жизни и до управления страной и решения международных проблем.

Концепт 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ пережила трансформацию, если до Конфуция он считался государственным служащим, то после концепт трансформировался и стал

общепринятым нравственным ориентиром. Нельзя не согласиться с тем, что он является важной составляющей китайской культуры, а также политики и формирования справедливого общества. В целях формирования такого общества концепт предлагает модель лидерства, которая будет укреплять доверие и уважение среди населения. Руководитель страны следуя принципам 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ может способствовать справедливости и стабильности не только внутри страны, но и на международной арене.

Все вышеупомянутое приводит к тому, что концепт 君子 *jūnzi* ‘благородный муж’ на сегодняшний день не теряет свою актуальность и остается универсальной моделью самосовершенствования и формирования лидеров, а концепт может адаптироваться под современное общество и условия.

Литература

- БКРС – Большой китайско-русский словарь. URL: <https://dabkrs.com> (дата обращения: 20.10.2024).
- Карапетьянц А. М. Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий / Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики / ред. Делюсин Л. П. // 1982. 265 с. (На русском языке)
- Переломов Л. С. Лунь Юй (Беседы и Суждения) // Восточная литература. 2001. 180 с. (На русском языке)
- Пилатс Я. Л. Цзюньцзы в прошлом и настоящем, или Актуальность конфуцианской этики // Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2016 г. 160-170 с. (На русском языке)
- 易经 // 个人图书馆. = Книга Перемен // Личная библиотека. 2022. URL: http://www.360doc.com/content/22/0312/20/8180336_1021242196.shtml (дата обращения: 20.10.2024). (На китайском языке)
- 春秋左传 // 北京国学时代文化传播股份有限公司. = Цзо чжуань // Электронная библиотека книг с упоминанием «Чунь Цю Цзо Чжуань». URL: <http://www.guoxue.com/book/cqzz/0009.htm> (дата обращения: 20.10.2024). (На китайском языке)
- 李长泰, 儒家言必称君子的话语根源及其现代训示 / 李长泰 // 湖南农业大学学报. = Ли Чантай, Истоки конфуцианской поговорки о том, что джентльмена следует называть джентльменом, и ее современные наставления / Ли Чантай // Журнал Хунаньского сельскохозяйственного университета. 2009. Vol . 10 No . 4. P.1-3. URL: <https://skxb.hunau.edu.cn/hnnnydxxbsk/article/html/200904018?st=search> (дата обращения: 20.10.2024). (На китайском языке)
- 梁启超论君子 // 通识经典 = 梁 启超 о джентльмене // Классика общего образования. – 2018. – URL: <https://gec.whu.edu.cn/info/1012/1497.htm> (дата обращения: 20.10.2024 год). (На китайском языке)
- 论语全文及白话译文 (完整版) // Social base. = Полный текст «Лунь Юй» и его народный перевод (полная версия) // Социальная база.. – URL: <https://api.socialbase.cn/extapi/content/DTOOWZKDRBKUYUQFZB4P23DMYYPECAG6R5QUZ7WHTRWUJAMY77NA====/4NCTLR55EKMCSBZD74ZaqB33MDINHAL7WKTUBXKPLJKM2WCGHYOA====/> (дата обращения: 20.10.2024). (На китайском языке)
- 黄昌易, 君子 / 黄昌易 // 个人图书馆. = Хуан Чанги, Благородный муж / Хуан Чанги // Личная библиотека. 2024. URL: http://www.360doc.com/content/24/0417/10/44564349_1120627522.shtml (дата обращения: 20.10.2024). (На китайском языке)

References

BCRS – Big Chinese-Russian Dictionary. – Available at: <https://dabkrs.com> (accessed: 20.10.2024).

- Karapetyants, A. M. (1982). *The original meaning of the main Confucian categories*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Perelomov, L. S. (2001). *Lun Yu (Conversations and Judgments)*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ. (In Russian)
- Pilats, Y. L. (2016). Junzi in the past and present, or the Relevance of Confucian ethics. *China: history and modernity*. Ekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. (In Russian)
- The Book of Changes. *Personal Library*. [易经 . 个人图书馆 .] Available at: http://www.360doc.com/content/22/0312/20/8180336_1021242196.shtml (accessed: 20.10.2024). (In Chinese)
- Zuo Zhuang (Spring and Autumn Annals). *Beijing Guoxue Times Culture Communication Co.* [春秋左传 . 北京国学时代文化传播股份有限公司 .] Available at: <http://www.guoxue.com/book/cqzz/0009.htm> (accessed: 20.10.2024). (In Chinese)
- Li Changtai. (2009.) The origin of Confucianism's saying "gentleman" and its modern teachings. *Journal of Hunan Agricultural University (Social Science Edition)*, 10 (4): 1-3. [李长泰, 儒家言必称君子的话语根源及其现代训示 / 李长泰 // 湖南农业大学学报 .] Available at: <https://skxb.hunau.edu.cn/hnnydxxbsk/article/html/200904018?st=search> (accessed: 20.10.2024). (In Chinese)
- Liang Qichao (2018). On Gentlemen. *General Classics*. [梁启超 ,论君子/ 梁启超// 通识经典.] Available at: <https://gec.whu.edu.cn/info/1012/1497.htm> (accessed: 20.10.2024). (In Chinese)
- The Analects and its full text and vernacular translation (complete version) [论语全文及白话译文 (完整版) .] Available at: <https://api.socialbase.cn/extapi/content/DTOOWZKDRBKUYUQFZB4P23DMYYPECAG6R5QUZ7WHTRWUJAMY77NA====/4NCTLR55EKMCSBZD74ZAQB33MDINHAL7WKTUBXKPLJKM2WCGHYOA====/> (accessed: 20.10.2024). (In Chinese)
- Huang Changyi (2024). Gentleman. *Personal Library*. [黄昌易 ,君子 / 黄昌易 // 个人图书馆 .] Available at: http://www.360doc.com/content/24/0417/10/44564349_1120627522.shtml (accessed: 20.10.2024). (In Chinese)

Логинава А. А.

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИГРАФОВ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НЕКРОЛОГАХ

В статье представлены результаты исследования эпитафий современных немецкоязычных некрологов. Эпитафия – макроструктура траурного объявления, представляющая наибольший интерес для изучения в связи с ее наименее клишированным характером на фоне этикетной природы всего жанра некролога. В статье приводится классификация эпитафий по семантическому содержанию с примерами, выделяются следующие типы эпитафий: шаблоны, религиозные изречения, цитаты из художественных произведений, афоризмы, слова скорбящих и покойного при жизни. Особое внимание уделяется единству семантической и функциональной направленности эпитафий, которые в коммуникативной ситуации выражения скорби и соболезнования реализуют когнитивную, эмотивную, оценочную, аппелятивную, субъектно-информативную, конативную и орнаментальную.

Ключевые слова: эпитафия некролога, речевой жанр некролога, речевой акт соболезнования, публицистический дискурс.

Aleksandra A. Loginova

Linguistics University of Nizhny Novgorod

SEMANTIC AND FUNCTIONAL FEATURES OF EPIGRAPHS IN GERMAN- LANGUAGE OBITUARIES

The paper explores the epigraphs of modern German-language obituaries. The epigraph is the macrostructure of memorial announcements, which is of the greatest interest to study due to its least clichéd character against the etiquette nature of the obituary genre. The paper provides a classification of epigraphs (with examples) by semantic content and identifies the following types: templates, religious sayings and quotations, quotes from works of art, aphorisms, words of mourners and words of the deceased. Special attention is paid to the unity of the semantic and functional orientation of epigraphs, which perform various functions in the communicative situation of expressing sorrow and condolences: cognitive, lyrical, evaluative appellative, subject-informative, conative, and ornamental ones.

Keywords: epigraph in obituary, obituary speech genre, speech act of condolence, journalistic discourse.

The obituary is an etiquette speech genre serving social ritualized relationships. Its genre features are determined by the combination of various cultural, historical and social factors. The composition of German-language obituaries includes various elements, which are subordinate to its main function, but at the same time have their own additional properties [Stein 2008, S. 228]. Previous studies of the structural features of German-language obituaries divide them into *mandatory* (the name of the deceased, the fact of death and the names of the mourners) and *optional* (cause of death, characteristics of the deceased, information about the farewell ritual, quotations)

elements [von der Lage-Müller 1995; Drescher 2002; Reiß 1978; Eckkrammer 1996]. Special attention is paid to the obituary epigraph as the least clichéd element, which Russian researchers call *dedication* [Щербина 2020] and German ones – *Einleitung* (introduction), *Motto* (motto) or *Vorspruch* (Preface).

This paper focuses on the epigraph, it being one of the main elements of obituaries reflecting the individualistic tendencies of the journalistic discourse.

The **purpose of the study** is to analyze the epigraphs of modern German-language obituaries from a semantic, pragmatic and functional point of view.

The **research material** is 308 obituaries published between April 24 and May 8, 2024 by various German-language newspapers: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *Luzerner Zeitung*, *Main Post*, *Neue Züricher Zeitung*, *Süddeutsche Zeitung*, *Thurgauer Zeitung*, *Vorarlberger Nachrichten*,

In the framework of the German-language obituary genre study, an epigraph is understood as a fragment of a mourning announcement preceding the information about the fact of the deceased's death, graphically separated from the main text.

In the corpus of the study, more than 87% of memorial announcements contain such an element, especially obituaries compiled by relatives or friends of the deceased, which corresponds to the general trend of individualization of grief.

In terms of content, such “opening” maxims can be quotes from various sources, as well as words of sorrow, poems of the mourners' own composition, the words of the deceased themselves. Let's look at examples of different semantic types of epigraphs.

Templates. In the journalistic practice of German-speaking countries, the compilation of an obituary is regulated by the rules and standards of the publishing newspaper. In accordance with its norms, many editorial offices provide ready-made materials with various templates (cliches, quotes, symbols and images) for the layout of memorial announcements. Moreover, today there are dozens of Internet portals with similar content that allow you to create an obituary yourself. On the one hand, using templates limits the initiative, makes the statement less personal, but on the other hand, it frees the author, absorbed in the grief of loss, from unnecessary sentimentality, makes it possible to express grief in other, ready-made and often no less expressive means. Another advantage of using patterns is that they reduce the time spent by the memorial announcement author. The percentage of such cases is 38.4%. A possible reason for such frequent usage is conciseness of the patterns compared to quotations or aphorisms with intricate depth. Simple sayings based on the antithesis of love and death (1), simultaneously expressing the pain of loss and endless devotion to the deceased, is often the pattern of choice. A large proportion of the patterns are poems (2), in which authors make changes to match the occasion or reflect the personality of the deceased.

(1) <i>Das Leben endet. Die Liebe ist endlos</i> [Joseph. K. Holzner].	(2) <i>Du hast gesorgt, du hast geschafft, Bis dir die Krankheit nahm die Kraft. Schlicht und einfach war dein Leben, Treu und fleißig deine Hand, Immer helfend für die Deinen, Ruhe sanft und habe Dank</i> [Gerda Kasper].

Religious sayings and quotations. In the corpus of obituaries, which serve as practical research material, 20.6% of the epigraphs contain references to religion. In the vast majority of cases, we are talking about Christian motives, and quoting Christian sacred texts (19.9%). In the following quotation (3) from *The Book of Revelation*, one of the key concepts of the Christian faith is found – resurrection, which feeds the mourners' hopes for the deceased to find a new eternal life.

Especially interesting are the cases of referring to religious texts of other beliefs, for example, to *The Book of the Dead* (4). The use of such references indicates the desire of the authors to believe in the inviolability of the human spirit (analogous to the Christian soul), but it can hardly be assumed that they or the deceased believed in the ancient Egyptian concept of death, rather they represented the sphere of interests of the deceased, whose memory the author decided to honor in this way.

(3) <i>Ich bin die Auferstehung und das Leben. Wer an mich glaubt, der wird leben, auch wenn er stirbt; und ein jeder, der lebt und an mich glaubt, über den hat der Tod keine Macht mehr.</i> Johannes 11, 24 [Herbert Metzger]	(4) <i>Mein Körper wird genährt von Dingen der Erde, mein Geist von den Dingen des Herzens.</i> Ägyptisches Totenbuch [Elisabeth Stähelin].

In a situation of mourning, **quoting works of art** serves to express and create a mournful or nostalgic mood. In this study, such quotations serve as epigraphs for 18.1% of obituaries. The most widespread are the lyrical works of German (J. W. von Goethe, H. Hesse, H. Heine, J. von Eichendorf, etc.), Austrian (R.-M. Rilke, Fr. Hillebrand), Swiss (G. Keller) poets. The preference for lyrical works is determined by their rhythmicity, imaginative coherence and emotionality of the poetic language, which also help to convey additional meanings. For example, epigraph (5) presents a poem by the Bavarian poet Emerenz Maier, who spent most of her life in exile in the United States, but passionately praised her native land, the Bavarian Forest, in her work. At first, the choice of the author may seem unusual due to the joyful mood of the poem, but the author seems to emphasize the close connection of the deceased with her home-land, which is also expressed at the linguistic level – the poem is written in one of the Bavarian dialects (*Waidlerisch*).

(5) *'s Vögerl
Drob'n im Gipferl
Auf'm Asterl
Sitzt a Vögerl
Als wia g'mal'n;
Putzt sei' Flügerl,
Wetzt sei' Schnabarl,
Singt a Liaderl,
Hat mir g'fall'n!
Emerenz Meier
[Elke Schmid]*

Among lyrical works, a prominent place is occupied by songs in which the poetic text is inextricably linked with the melody, which also contributes, albeit in other ways, to the creation and transmission of a certain mood. Authors rarely (1.5%) refer to songs, but such cases occur: in example (6) the song *Der Weg* by the famous rock musician *Herbert Grönemeier* is quoted, and in example (7) we find a fragment of the religious song *Von guten Mächten treu und still umgeben* by Dietrich Bonhöffer, the German Lutheran theologian.

(6) <i>Du hast den Raum mit Sonne geflutet. Mit deiner sanftmütigen Güte, deiner unbändigen Kraft jeden Verdruss ins Gegenteil verkehrt. Du hast der Fügung deine Stirn geboten. Es war ein Stück von Himmel, dass es dich gibt.</i> Herbert Grönemeyer, <i>Der Weg</i> (2002, Album <i>Mensch</i>) [Ilse Bitschi].	(7) <i>Von guten Mächten wunderbar geborgen, Erwarten wir getrost, was kommen mag. Gott ist bei uns am Abend und am Morgen Und ganz gewiss an jedem neuen Tag.</i> Dietrich Bonhoeffer [Werner Kook].

Another way to create epigraphs is to introduce **elements of aphoristic thinking**. In this paragraph, we are talking about speech aphorisms [Чехоева 2008] with and without the indication of the author, which are not quotations of literature, forming the genre of aphorism. The frequency of such cases is 11.8%. The most popular philosophical maxim (8) belongs to the Alsatian theologian and humanist Albert Schweitzer and makes up 1/8 of all used aphorisms. At the same time the functional potential of aphorisms corresponds to that of the language [Иванов 2022], as evidenced in example (9), where the aphorism in the epigraph replaces the main (informing) part of the obituary, i.e. performs a communicative function.

(8) <i>Das einzig Wichtigste im Leben sind die Spuren von Liebe, die wir hinterlassen, wenn wir weggehen.</i> Albert Schweitzer [Alexander Bautzmann].	(9) <i>Wir wollen nicht trauern, dass wir ihn verloren haben, sondern dankbar sein dafür; dass wir ihn gehabt haben.</i> Hieronymus [Robert Ganzer].

The words of the mourners. The relatives of the deceased refuse to quote or use patterns and reserve the right to “speak out” for themselves relatively rarely (8.8%). Usually, in obituaries with such epigraphs, many elements are missing (the informing part, cause of death, gratitude and tribute to the deceased). This is due to the multifunctional nature of the epigraphs, in which many mourners describe facts from the lives of the deceased, their positive qualities, and talk about their own experiences with the loss. The leitmotif of such epigraphs is expression of gratitude for the time spent together, as well as a tribute to the work and legacy of the deceased (10). The epigraph (11) refers to the cause of death (suicide or euthanasia), which came as a surprise to the family of the deceased. This is indicated by the repeated pronoun *sein* and nouns with the meaning of intention (*Entscheidung, Gefühl, Wunsch*). In addition, the author uses a refrain to “justify” the departure of the deceased, referring to a physical or mental illness, and asks the other recipients to forgive them. In composition the words of the mourners sometimes also represent original solutions. For example, using the form of dialogue (12), the author creates a sense of the presence of the deceased and give other mourners hope for the peace that they found after death.

(10) <i>Du bist am Ende deiner Reise unendlich müde angekommen. Dein unglaublicher Lebenswille hat dir geholfen, viele Rückschläge zu überstehen. Getreu dem Spruch „Wer aufgibt, hat verloren“, hast du gekämpft bis zum letzten Tag. Für alle die dich kannten, bleibst du UNVERGESSEN</i> [Klaus Eichner]!	(11) <i>Es war seine Zeit zu sein. Es war sein Entscheid zu gehen – weil seine Seele müde war. Es war sein Gefühl, dass Gott ihn auffängt und Heilung bringen kann. Es ist sein Wunsch, dass ihr um seine Liebe zu euch wisst und verzeiht, weil seine Seele müde war</i> [Traugott Bischof].	(12) <i>Wo bist du? Ich suche dich. Hier oben in den Sternen. Ich genieße den Frieden</i> [Erhard Kiffner].

The last semantic type of epigraphs is **the words of the deceased** – verbal statements uttered before death or at any other point in their life. Often this type of epigraph is given in quotation marks and accompanied by the name of the deceased. This helps to better reveal their character, convey the course of their thoughts or even their life motto, like in the epigraph (13). This phrase points at the cosmopolitan worldview of the deceased and hints at a life event that forced her to leave her motherland, what is confirmed in the main part of the obituary. The following example (14) is an extremely interesting case, since it was borrowed from an auto-obituary, where the author was the deceased himself. Referring to the hero of ancient Greek myths Odysseus, symbolizing wanderings, the deceased author expresses hope for the continuation of his own path, making it clear to the mourners about his humility and readiness for death.

(13) „ <i>Wo ich wohne, bin ich zu Hause!</i> “ [Hana Rangel].	(14) „ <i>Komm zu Dir, Odysseus!</i> <i>Oh, das wird eine lange Reise!</i> “ [Helmut Stange].

The epigraph preceding the main informative part, the biography of the deceased and information about funeral, performs various functions in the context of expressions of sorrow and condolences:

1. **The cognitive function** is to convey the content or additional information. Often, they reveal the cause and circumstances of death or indicate the identity of the deceased himself: we can learn about their lifestyle, place of birth or residence, life experience, sphere of interests, profession, language community etc.

2. **The lyrical or expressive function** is focused on the feelings of the author in relation to the described fact of death. Epigraphs, as the least standardized element of this genre, are characterized by a unique and intimate tone, which can express the pain of loss in its various manifestations: sadness and longing for the deceased, hope for the safe continuation of one's own life and the existence of the deceased after death, humility in the face of loss, etc. The range of emotions in epigraphs is conveyed by various stylistic means, among which euphemisms for the nomination of death play the main role. In this way, as well as seeking to avoid mentioning death, the author of the obituary can give the text an elevated, emotionally charged colouring.

3. **The evaluative function** of the epigraph reflects the author's attitude towards the deceased. In the spirit of the principle *De mortuis nil nisi bene*, the virtues, main character traits, merits and achievements of the deceased are emphasized. The highest form of assessing the personality of the deceased can be considered words of gratitude and a promise to honor their memory, which are also often included in the epigraph.

4. **The appellative function** of the text reflects the sender's intention to exert a certain influence on their recipient. Relatives and friends of the deceased may respond to the obituary by taking part in the funeral, sending a letter or postcard of condolence or flowers, and the employer of the deceased often places an institutional memorial announcement in the newspaper as a response to a private one in order to express support for grieving relatives.

The perlocative effect provided by the obituary, in addition to bringing awareness of the very fact of death, is to convey or create a mood appropriate to the circumstances. Such an effect can certainly be provided by the epigraph saturated with poetic images (when quoting) and characterized by a special degree of sincerity (when refusing to quote) in terms of its least clichéd nature.

A special case in terms of the type of impact on the recipient is presented by auto-obituary, whose epigraphs have endless potential. Often, the deceased prefer the expression of resignation to their fate, which contributes to the provision of support to grieving loved ones, i.e. performing **the psychological function**.

5. **The subject-informative function** of the epigraph is realized in the transmission of pragmatic information about the author. Depending on the choice of quotation sources, images used, and linguistics means, we can judge whether they belong to a certain age group, language community etc.

6. **The conative function** is determined by the place of the epigraph within the obituary structure and consists in ensuring appropriate reception of the author's intention by anticipating further content. This is due to the *content factual information* (see Кузьмина 1997), which sets the main theme, which is subsequently revealed by the informing part of the obituary.

On the other hand, linguists point out that it is the epigraph (and the informing part), which indicates the nature of the message [Grüner, Helmrich 1994, S. 81]. In the case of German-language obituaries, this fact cannot be ignored, since in journalistic practice there are many subgenres of memorial announcements corresponding to one or another intention of the mourners: *Todesanzeige*, *Traueranzeige*, *Gedenkanzeige*, *Nachruf*, *Danksagung*. Thus, the epigraph acts as a means of concretizing the author's intention.

7. The last function, which, however, is realized already by selecting an epigraph, is **ornamental**. It reflects the desire of the author to supply the announcement with aesthetic information and fill the standard structure with elements that convey their individual approach. Death comes only once, and an obituary may be the only mention of the deceased in print – this explains the tendency of the author to “embellish” their own speech act.

Upon the loss of a loved one, people often turn to various sources to find wisdom and meaning and comprehend their death. Faith, the personal experience of other people, literature and philosophy help to alleviate the pain as a way of continuity of the experience of previous generations, and to come to terms with the inevitability of death, giving it a sacred meaning, for example, as a stage of transition to a higher level of being or into a new world. Another important aspect of referring to various quotations used in epigraphs is emotional “discharge” – the opportunity to express one's own feelings figuratively, step back from the strict structure of the memorial announcement, add a note of individuality to the formalized obituary.

Sources

- Alexander Bautzmann. Traueranzeige // Süddeutsche Zeitung 8.05.2024. URL: <https://trauer.sueddeutsche.de/traueranzeige/alexander-bautzmann> (дата обращения: 24.10.2024).
- Elisabeth Schid. Traueranzeige // Neue Züricher Zeitung 8.05.2024. URL: <https://trauer.nzz.ch/traueranzeige/elisabeth-schmid> (дата обращения: 24.10.2024).
- Elke Schmid. Traueranzeige // Süddeutsche Zeitung 4.05.2024. URL: <https://trauer.sueddeutsche.de/traueranzeige/elke-schmid> (дата обращения: 24.10.2024).
- Erhard Kiffner. Traueranzeige // Süddeutsche Zeitung 11.05.2024. URL: <https://trauer.sueddeutsche.de/traueranzeige/erhard-kiffner> (дата обращения: 24.10.2024).
- Gerda Kasper. Todesanzeige // Vorarlberger Nachrichten 29.04.2024 URL: <https://todesanzeigen.vn.at/todesanzeige/gerda-kasper-29-04-2024> (дата обращения: 24.10.2024).
- Hana Rangel. Traueranzeige // Main Post 8.05.2024. URL: <https://trauer.mainpost.de/trauer/tra001/wo-ich-wohne-bin-ich-zu-hause-art-11481093> (дата обращения: 24.10.2024).
- Helmut Stange. Traueranzeige // Frankfurter Allgemeine Zeitung 5.05.2024. URL: <https://lebenswege.faz.net/traueranzeige/helmut-stange> (дата обращения: 24.10.2024).
- Herbert Mezger. Todesanzeige // Süddeutsche Zeitung 3.05.2024. URL: <https://trauer.sueddeutsche.de/traueranzeige/herbert-mezger> (дата обращения: 24.10.2024).
- Ilse Bitschi. Todesanzeige // Vorarlberger Nachrichten 29.04.2024. URL: <https://todesanzeigen.vn.at/todesanzeige/ilse-bitschi-29-04-2024> (дата обращения: 24.10.2024).

- Joseph K. Holzner. Todesanzeige // Süddeutsche Zeitung 11.05.2024. URL: <https://trauer.sueddeutsche.de/traueranzeige/joseph-k-holzner> (дата обращения: 24.10.2024).
- Klaus Eichner. Todesanzeige // Main Post 8.05.2024 URL: <https://trauer.mainpost.de/trauer/tra001/du-bist-am-ende-deiner-langen-reise-unendlich-muede-angekommen-art-11485652> (дата обращения: 24.10.2024).
- Robert Ganzer. Traueranzeige // Main Post 8.05.2024. <https://trauer.mainpost.de/trauer/tra001/wir-wollen-nicht-trauern-art-11485650> (дата обращения: 24.10.2024).
- Taugott Bischof. Todesanzeige // Vorarlberger Nachrichten 3.05.2024. <https://todesanzeigen.vn.at/todesanzeige/taugott-bischof-30-04-2024> (дата обращения: 24.10.2024).
- Werner Kook. Traueranzeige // Frankfurter Allgemeine Zeitung 5.05.2024. URL: <https://lebenswege.faz.net/traueranzeige/werner-kook> (дата обращения: 24.10.2024).

References

- Ivanov E. E. Funktsii aforisticheskikh edinit v russkom yazyke // Rusistika. 2022. No 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funksii-aforisticheskikh-edinit-v-russkom-yazyke>.
- Kuz'mina N. A. Epigraf v kommunikativnom prostranstve hudozhestvennogo teksta. // Vestnik Omskogo universiteta, 1997, Vyp. 2. URL: <https://omsu.ru/vestnik/articles/y1997-i2/a060/article.html>.
- Onipko K. A. Nekrolog: struktura, poetika, funtsii, bytovanie // Tezisy XLIV Mezhdunarodnoj filologicheskoy nauchnoj konferentsii, 2015. URL: <https://www.conference-spbu.ru/conference/30/reports/2451>.
- Chekhoeva T. S. Differentsiatsiya aforizmov i drugih tekstov maloy formy // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2008. No 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-aforizmov-i-drugih-tekstov-maloy-formy>.
- SHCHerbina S. YU. Nekrolog kak kreolizovannyj tekst (na materiale nemetskogo yazyka) / S. YU. SHCHerbina // Filologicheskij aspekt. – 2020. – No 1(57). – S. 36-46. – EDN QAGGSU.
- Drescher M. Theoretische und methodische Aspekte eines kontrastiven Textsortenvergleichs am Beispiel französischer und spanischer Todesanzeigen. // Drescher M. Textsorten im romanischen Sprachvergleich. Tübingen, 2002. – S. 41-62.
- Eckkrammer E. M. Die Todesanzeige als Spiegel kultureller Konventionen. Eine kontrastive Analyse deutscher, englischer, französischer, spanischer, italienischer und portugiesischer Todesanzeigen. Bonn: Romanistischer, 1996. – 183 S.
- Grüner K.-W., Helmrich R. Die Todesanzeige: Viel gelesen, jedoch wenig bekannt: Deskription eines wenig erschlossenen Forschungsmaterials. Historical Social Research, 19(1), 1994. S. 60-108. URL: <https://doi.org/10.12759/hsr.19.1994.1.60-108> (дата обращения: 24.10.2024).
- Müller von der Lage K. Text und Tod: Eine handlungstheoretisch orientierte Textsortenbeschreibung am Beispiel der Todesanzeige in der deutschsprachigen Schweiz. Tübingen: Niemeyer, 1995. 452 S.
- Reiß K. Textsortenkonventionen. Vergleichende Untersuchung zur Todesanzeige // Le Langage et L'Homme, 1978. S. 46-53.
- Stein St. Verbergen und Verschlüsseln in Todesanzeige und Nachruf. Über den Umgang mit Tod und Trauer in öffentlicher Kommunikation. / S. Pappert et al. (Hrsg.): Verschlüsseln, Verbergen, Verdecken in öffentlicher und institutioneller Kommunikation. Berlin: Schmidt, 2008. S. 223-254.

Мартынова Т. К.

Университет Гранады

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию дидактических функций лингвистического ландшафта (ЛЛ) в преподавании иностранных языков, в частности испанского. ЛЛ, представляющий собой совокупность текстов и знаков в общественном пространстве, рассматривается как источник аутентичного материала для обучения. Исследование базируется на корпусе из более 100 фотографий, сделанных в Гранаде, Испания, которые использовались для разработки учебных заданий. Основными методами стали анализ визуальных данных и их систематизация по направлениям: грамматика, лексика и задания для продвинутых уровней. Выделено пять ключевых дидактических функций ЛЛ: иллюстративная, поддерживающая, лексикографическая, социокультурная и адаптационная. В статье предложены новые подходы к интеграции ЛЛ в образовательный процесс, включая анализ неформальной речи, игр слов и культурных отсылок с целью развития языковых навыков, критического мышления, языковой интуиции, а также повышению мотивации студентов через погружение в реальный языковой и культурный контекст. Статья вносит вклад в область языкового образования, предлагая универсальные методики, применимые для изучения различных языков и культурных сред.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, дидактика, социолингвистика, иностранные языки, аутентичные материалы, языковая компетенция

Tatyana Martynova

University of Granada

PEDAGOGICAL FUNCTIONS OF LINGUISTIC LANDSCAPES: THE CASE OF SPANISH LANGUAGE LEARNING

The article explores the didactic functions of the linguistic landscape (LL) in teaching foreign languages, specifically Spanish. LL, representing a collection of texts and signs in public spaces, is considered a source of authentic material for education. The study is based on a corpus of over 100 photographs taken in Granada, Spain, which were used to design educational tasks. The primary methods include the analysis of visual data and its systematization into three categories: grammar, vocabulary, and assignments for advanced levels. Five key didactic functions of LL are identified: illustrative, supportive, lexicographical, sociocultural, and adaptive. The article proposes new approaches to integrating LL into the educational process, including the analysis of informal speech, wordplay, and cultural references, aimed at developing language skills, critical thinking, linguistic intuition, and enhancing student motivation through immersion in real linguistic and cultural contexts. The study contributes to the field of language education by offering universal methods applicable to the study of various languages and cultural environments.

Keywords: linguistic landscape, didactics, sociolinguistics, foreign languages, authentic materials, linguistic competence.

Введение

Лингвистический ландшафт (ЛЛ) или языковой ландшафт, определяемый как «видимость и значимость языков на публичных и коммерческих вывесках в определённой территории или регионе» [Landry & Bourhis, 1997, с. 23], представляет собой значимый источник аутентичного материала, который можно эффективно интегрировать в процесс обучения иностранным языкам (Cenoz & Gorter, 2008; Ferrarotti, 2017; Gorter, Cenoz, van der Worp, 2021; Malinowski, Maxim, Dubreil, 2021).

В условиях глобализации и межкультурного взаимодействия изучение языка становится не только инструментом общения, но и ключом к пониманию культурных реалий (Данилина, Башмакова, Полонская, Трещева, Казиева, 2024). Использование ЛЛ позволяет студентам погрузиться в реальный языковой контекст (Кирилина, 2013; Пешкова, 2016), предоставляя примеры из повседневной жизни, что повышает мотивацию и интерес к изучению.

В отличие от традиционных учебников, ЛЛ охватывает широкий спектр форм языка – от грамматически корректных конструкций до разговорных фраз, игр слов и культурных отсылок, что делает его незаменимым ресурсом для преподавателей.

Исследование, представленное в данной статье, основано на примерах преподавания испанского языка русскоязычным студентам. Однако предложенные методы и подходы могут быть адаптированы для обучения другим иностранным языкам. Темы и сложности, возникающие при изучении испанского, легко переносятся на контекст изучения других языков, что позволяет использовать представленный опыт в различных образовательных системах. Это подчеркивает универсальность подхода и его потенциал для широкой педагогической практики.

Цели и методы исследования

Цель данного исследования – выделить основные дидактические функции лингвистического ландшафта, продемонстрировав широкий спектр возможностей его использования на уроках иностранных языков для повышения вовлеченности студентов, развития навыков восприятия языка и языковой интуиции, а также повышения мотивации и осведомленности в культурном и историческом контексте страны, чей язык они изучают.

Материалом для анализа послужил корпус фотографий, сделанных в городе Гранада, Испания, в период с июня по октябрь 2024 года. В общей сложности корпус включает более 100 изображений, некоторые из которых будут включены в статью для иллюстрации примеров использования лингвистического ландшафта в дидактических целях.

В ходе анализа было решено выделить три основных направления применения лингвистического ландшафта на уроках испанского языка: грамматика, лексика, а также специфика испанского языка для высоких уровней и профильных направлений. Последний раздел предназначен для студентов, которым требуется глубокое изучение языка во всех его аспектах, включая наименее распространенные конструкции и формы. Это позволило сформулировать пять основных дидактических функций ЛЛ, являющимися универсальными для его применения в контексте обучения иностранному языку.

Применение лингвистического ландшафта в дидактике

Грамматика

Лингвистический ландшафт (ЛЛ) может выполнять иллюстративную функцию в преподавании любой грамматической темы, такой как возвратные глаголы, глаголы с управлением, местоимения и прочие аспекты. Каждое грамматическое правило может быть наглядно продемонстрировано с помощью примеров из испаноязычной среды, что позволяет интегрировать ЛЛ в процесс обучения. В этом разделе представлены примеры альтернативных способов использования ЛЛ в преподавании наиболее сложных грамматических тем, опираясь на сравнительно-лингвистический подход к русско-испанскому языковому взаимодействию и практику преподавания испанского языка как иностранного для русскоязычных студентов (Милославский & Виноградов, 1987; Попова, 2013; Guzmán Tirado, 2018)

Фото 1. Надпись “*Por traslado les seguiremos atendiendo en: ...*” («В связи с переездом мы продолжим обслуживать вас по адресу: ...») с конструкцией *Seguir + gerundio* (продолжать что-то делать)

Фото 2. Надпись “*Nunca dejes de soñar*” («Никогда не переставай мечтать») с предположно управляемым глаголом *dejar de*

Например, в разделе повелительного наклонения, русскоязычные студенты могут испытывать трудности, так как в испанском языке повелительное наклонение включает восемь форм в зависимости от утвердительности или отрицательности, а также от обращения – «ты», «Вы», «вы» (мн.ч., неформальное) или «Вы» (мн.ч., формальное). Наибольшую сложность представляет выбор подходящей глагольной формы. Однако ЛЛ может выступить полезным инструментом, иллюстрируя различия в уровнях вежливости в русском и испанском языках. Например, при использовании повелительных форм в ЛЛ можно детально проанализировать с учениками нюансы вежливости в испанской культуре, где форма «Вы» встречается реже, чем в русском.

Другой аспект применения ЛЛ – это помощь в запоминании сложных грамматических правил и исключений за счет создания для студентов, находящихся вне испаноязычной среды, окружения, приближенного к естественной среде носителей. К примеру, студенты, проживающие в испаноязычных странах, скорее всего, не будут испытывать трудностей с исключительными формами, как в случае с «*abrigar*» – «*abierto*», поскольку форма «*abierto*» часто встречается в повседневной жизни. Напротив, студенты, не погружённые в языковую среду, склонны делать ошибки в подобных формах. Регулярное включение легко наблюдаемых примеров ЛЛ со словом «*abierto*» способствует запоминанию этой формы. Аналогичным образом можно использовать ЛЛ для изучения форм глаголов или других грамматических элементов, которые часто встречаются в испаноязычной среде.

Фото 3. Надпись “Plazo de matriculación abierto”, информирующая об открытии записи на новый учебный год с использованием формы причастия глагола *abrir-abierto*, являющейся исключением

Лингвистический ландшафт может выполнять как мотивирующую и поддерживающую функцию. Например, тема *subjuntivo* является одной из самых сложных для изучающих испанский язык и может значительно снижать мотивацию студентов. Применение лингвистического ландшафта позволяет разнообразить урок и уменьшить уровень стресса, а также продемонстрировать широкое использование *subjuntivo* в реальной жизни, подчеркивая необходимость его освоения.

Фото 4. Надпись “*El medioambiente te agradece que **hayas reducido** las emisiones de CO₂ a la atmósfera*” («Окружающая среда благодарит тебя за то, что ты сократил выбросы CO₂ в атмосферу») на контейнере для сбора стекла содержит *subjuntivo* “*hayas reducido*”

Фото 5. Надпись “*Ven cuando te **apetezca**. Estamos muy cerca y nos gusta verte todos los días*” («Приходи, когда тебе захочется. Мы совсем рядом и нам нравится видеть тебя каждый день») содержит *subjuntivo* “*apetezca*”

Лексика

Очевидная функция лингвистического ландшафта в лексическом аспекте — это способствование запоминанию слов, обогащение лексического запаса и актуализация лексики для повседневного использования. Помимо отдельных слов, лингвистический ландшафт позволяет иллюстрировать устойчивые конструкции (*expresiones fijas*) в контексте их применения, а также в различных временных формах. Кроме того, он может раскрывать использование пословиц, поговорок и фразеологизмов (*locuciones o expresiones idiomáticas*).

Например, анализ рекламного лозунга, основанного на испанской пословице, может стимулировать студентов, во-первых, к поиску эквивалентов этой пословицы на русском языке, а во-вторых, к дискуссии по поводу её целесообразности и уместности в контексте рекламы конкретного продукта.

Фото 6. Надпись “*Quien ríe último ríe mejor*” («Кто смеется последним, тот смеется лучше») в рекламе стоматологических услуг является пословицей и в русском имеет аналог «Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним»

Кроме того, лингвистический ландшафт может быть полезен для составления тематических лексических списков. Например, фотография меню ресторана может быть использована для темы «Еда», а перечень услуг салона красоты — для темы «Услуги красоты». Темы, менее распространенные в учебниках испанского языка, но актуальные для повседневной жизни в Испании, могут включать такие разделы, как «Пошив одежды» или «Разновидности чая». Включение таких лексических совокупностей не только способствует запоминанию слов, но и позволяет студентам оценить уровень понятности иностранных слов, проводя своего рода самодиагностику. Помимо этого, такой подход знакомит учащихся с культурными реалиями и вовлекает их в языковую среду, демонстрируя, например, актуальные цены и специфику местной жизни.

Лингвистический ландшафт может служить полноценным упражнением, особенно в разделе чтения.

Фото 7. Список услуг салона красоты

Фото 8. Меню дня в одном из ресторанов Гранады с визуальными отсылками к основным туристическим достопримечательностям

Фото 9. Список услуг в сервисе по пошиву одежды

Фото 10-11. Тексты, размещённые в туристических местах города

В городской среде можно найти готовые тексты, представляющие важный источник для изучения культурного и исторического наследия. Например, тексты с описанием исторических мест или цитатами из известных испанских произведений, используемые в качестве декоративных элементов в ресторанах. Каждый такой текст связан с определённым аспектом истории или культуры города, литературы и искусства. Преподаватель может дополнить эти тексты тестовыми или другими заданиями либо предложить студентам создать аналогичный текст о знакомых местах их родного города.

Высокий уровень и профильные направления

Лингвистический ландшафт (ЛЛ) предоставляет богатый материал для изучения региональных особенностей испанского языка, что является одной из важнейших тем на продвинутых уровнях изучения. Например, можно обратить внимание студентов на фонетические особенности южных диалектов Испании. В частности, в случае с Гранадой, можно продемонстрировать городские лингвистические особенности, такие как сокращения: graná (рус. Гранада) вместо Granada, granaino (рус. житель Гранады) вместо granadino.

Фото 12. Надпись на баре “Mi Graná” местное производное от “Mi Granada” («Моя Гранада»)

На продвинутых уровнях важной задачей в преподавании языка является интеграция элементов неформальной речи. Так, корпус ЛЛ, собранный в урбанистической среде (в основном состоящий из надписей на стенах и других городских объектах), может служить источником примеров устойчивых разговорных выражений. Например, фраза «tiki-taka» изначально использовалась в футболе для описания стиля игры, основанного на быстрых и коротких передачах мяча. Однако в данном контексте это выражение приобретает переносное значение: много разговоров (tiki), но мало действий (taka).

Фото 13. Надпись “Mucho tiki poco taka” - неформальное «Много разговоров, мало действий»

Фото 14. Надпись “Mola la koka kola”. “Mola” — разговорное выражение “gusta” (нравится), “Koka Kola” — это стилизованная форма написания бренда “Coca-Cola”

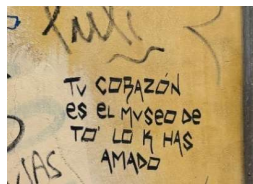

Фото 15. Надпись “Tu corazón es el museo de todo lo que has amado” - «Твое сердце — это музей всего, что ты любил», где “to” — сокращение от “todo” («всё») и “k” от “que” («что»)

Фото 16. Надпись “*Me he pillao x ti*” – «Я втюрился в тебя», где “pillao” - разговорное сокращение от “pillado”, что в данном контексте означает «влюбился» или «увлёкся» и “X” от “por”.

Фото 17. Надпись “*pa' siempre*” – «навсегда», где “pa” – от “para” (для)

Кроме того, можно демонстрировать примеры неформальных сокращений в письменной речи, таких как: «Ке» или «q» вместо «que»; «Х» вместо «por» и т.д.

Безусловно, для того, чтобы быть способным включать этот тип ЛЛ в уроки, преподаватель должен и сам знать о неформальных сокращениях, разговорных фразах, устойчивых выражениях и т.д. Это требует более широкого уровня знаний, тем не менее является зоной роста и развития для преподавателей иностранных языков.

Лингвистический ландшафт (ЛЛ) также может служить источником примеров игры слов, что значительно обогащает учебный процесс. Преподаватель может не только способствовать запоминанию лексики, но и вводить новые оттенки значений уже знакомых слов или использовать их для введения новых тем. Например, надпись «*Tu papel es importante*» («Твоя бумага/роль важна»), где papel означает как «бумага», так и «роль» (например, в обществе или конкретной ситуации), может стать отправной точкой для обсуждения темы экологии.

Фото 18. Надпись “*Tu papel es importante*” - «Твоя бумага/роль важна»

Фото 19. Надпись “*Poder elegir es tu poder*” - «Возможность выбирать — это твоя сила»

Фото 20. Надпись “*Ni casas sin gente, ni gente sin casas*” - «Ни домов без людей, ни людей без домов»

Ещё один пример — фраза, часто встречающаяся в городской среде: «*Ni casas sin gente, ni gente sin casas*» («Ни домов без людей, ни людей без домов»), связанная с темой окupas (людей, незаконно заселяющих заброшенные или пустующие дома). Она может служить основой для построения полноценного урока по данной тематике, а также для проведения разговорных упражнений, включая дебаты.

Кроме того, ЛЛ представляет собой ценный ресурс культурных отсылок, указывая на известных персонажей испанской истории, знаковые места, праздники и аспекты повседневной жизни. Это помогает сделать уроки более разнообразными и практикоориентированными, что особенно полезно для студентов, изучающих язык с целью переезда или путешествий. Таким образом, это способствует более быстрой и лёгкой адаптации в испаноязычной среде.

Функции лингвистического ландшафта на уроках иностранных языков

Таким образом, можно выделить следующие дидактические функции лингвистического ландшафта (ЛЛ):

1. Иллюстративная функция:

ЛЛ предоставляет возможность наглядно демонстрировать различные грамматические и лексические аспекты, что способствует более глубокому пониманию учебного материала. Использование реальных примеров из окружающей среды позволяет сделать процесс изучения языка более контекстуализированным и практикоориентированным.

2. Поддерживающая (мотивационная) функция:

ЛЛ снижает уровень стресса при освоении сложных языковых тем, мотивируя студентов за счет демонстрации практического применения изучаемого материала в повседневной жизни. Интеграция реальных примеров способствует повышению интереса и вовлеченности студентов, особенно за счет включения материалов, которые отражают их окружение.

3. Лексикографическая функция:

ЛЛ способствует расширению и углублению лексического запаса, облегчая запоминание новых слов и выражений. Он также демонстрирует устойчивые конструкции (*expresiones fijas*), пословицы, поговорки и фразеологизмы. Использование ЛЛ позволяет разрабатывать тематические лексические списки и знакомить студентов с менее распространёнными темами, которые редко встречаются в традиционных учебных материалах.

4. Социокультурная функция:

ЛЛ играет ключевую роль в ознакомлении студентов с социокультурными аспектами изучаемого языка, включая известных личностей, исторические события, значимые места и праздники. Это способствует интеграции культурных элементов в образовательный процесс и помогает студентам лучше понимать культурный контекст носителей языка.

5. Адаптационная функция:

ЛЛ создает условия, приближенные к естественной языковой среде, что особенно полезно для студентов, не проживающих в испаноязычных странах. Примеры из городской среды помогают студентам привыкнуть к аутентичным условиям и осваивать язык в его реальном контексте, что способствует их более быстрой и успешной адаптации.

Заключение

Лингвистический ландшафт представляет широкий спектр примеров для использования на уроках иностранных языков. Он может не только проиллюстрировать грамматические правила или служить источником словарного запаса для учеников, но и побудить их обсудить культурные и исторические аспекты. Это помогает учащимся понять, что язык живой и его использование может отклоняться от строгих правил, а также демонстрирует, что язык меняется и может выглядеть по-разному.

Лингвистический ландшафт может быть полноценным упражнением или активностью на уроке, а также частью другой деятельности: работа с текстом, написание эссе, устные рассуждения или дебаты.

Преподаватели иностранных языков должны быть внимательны к аспектам лингвистического ландшафта. Как в случае если они живут в стране, язык которой они преподают, так и во время путешествий или даже при просмотре фотографий в интернете. Кроме того, педагог должен обладать достаточными знаниями, чтобы распознавать скрытые смыслы и отсылки в надписях. Включение реальных примеров из окружающей среды помогает ученикам лучше понимать языковые и культурные контексты. Это способствует развитию критического мышления и языковой интуиции, что особенно важно при изучении иностранных языков.

Литература

- Данилина Е. А., Башмакова И. С., Полонская К. Л., Трещева М. Г., Казиева И. И. Лингвистические ландшафты как инструмент обучения языку // Современное педагогическое образование. 2024. № 4. С. 325–329.
- Кирилина А. В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. Вып. 5. С. 159–167.
- Милославский И. Г., Виноградов В. С. Сопоставительная морфология русского и испанского языков. Москва: Русский язык, 1987. 159 с.
- Попова А. А. Учебник испанского языка. Интенсивный курс. СПб.: Виктория плюс, 2013. 672 с.
- Пешкова Н. П. Анализ лингвистического ландшафта города как интегративный метод исследования вербального сознания и состояния языка городского социума // Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 53–58.
- Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. Москва: Наука, 1981. 111 с.
- Cenoz J., Gorter D. The linguistic landscape as an additional source of input in second language acquisition (Лингвистический ландшафт как дополнительный источник для усвоения второго языка) // IRAL - International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. 2008. Т. 46. № 3. С. 267–287. DOI: 10.1515/IRAL.2008.012.
- Ferrarotti L. The Linguistic Landscape and Its Potential for English Language Teaching (Лингвистический ландшафт и его потенциал для обучения английскому языку) // Journal for EuroLinguistiX. 2017. Т. 14. С. 63–68.
- Gorter D., Cenoz J., van der Worp K. The linguistic landscape as a resource for language learning and raising language awareness (Лингвистические ландшафты как ресурс для обучения языку и повышения языковой осведомленности) // Journal of Spanish Language Teaching. 2021. Т. 8. № 2. С. 161–181.
- Guzmán Tirado, R. Sobre las particularidades de la enseñanza del español a estudiantes rusohablantes // Revista de Humanidades. 2018. № 35. С. 217–241.
- Landry R., Bourhis R. Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study (Лингвистический ландшафт и этнолингвистическая жизнеспособность: эмпирическое исследование) // Journal of Language and Social Psychology. 1997. Т. 16. № 1. С. 23–49. DOI: 10.1177/0261927X970161002.

References

- Cenoz J., Gorter D. The linguistic landscape as an additional source of input in second language acquisition (Лингвистический ландшафт как дополнительный источник для усвоения второго языка) // *IRAL - International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 2008. Т. 46. № 3. С. 267–287. DOI: 10.1515/IRAL.2008.012.
- Ferrarotti L. The Linguistic Landscape and Its Potential for English Language Teaching (Лингвистический ландшафт и его потенциал для обучения английскому языку) // *Journal for EuroLinguistiX*. 2017. Т. 14. С. 63–68.
- Gorter D., Cenoz J., van der Worp K. The linguistic landscape as a resource for language learning and raising language awareness (Лингвистические ландшафты как ресурс для обучения языку и повышения языковой осведомленности) // *Journal of Spanish Language Teaching*. 2021. Т. 8. № 2. С. 161–181.
- Guzmán Tirado, R. Sobre las particularidades de la enseñanza del español a estudiantes rusohablantes // *Revista de Humanidades*. 2018. № 35. С. 217–241.
- Danilina E. A., Bashmakova I. S., Polonskaya K. L., Treshcheva M. G., Kazieva I. I. Lingvisticheskie landshafty kak instrument obucheniya yazyku [Linguistic landscapes as a tool for language teaching]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2024. N. 4, pp. 325–329.
- Kirilina A. V. Opisanie lingvisticheskogo landshafta kak novy metod issledovaniya yazyka v epokhu globalizatsii [Describing linguistic landscapes as a new method of language research in the era of globalization]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 2013. N. 5, pp. 159–167.
- Landry, R., Bourhis, R. Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study (Лингвистический ландшафт и этнолингвистическая жизнеспособность: эмпирическое исследование) // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. Т. 16. № 1. С. 23–49. DOI: 10.1177/0261927X970161002.
- Miloslavsky I. G., Vinogradov V. S. *Sopostavitelnaya morfologiya russkogo i ispanskogo yazykov* [Comparative morphology of Russian and Spanish]. Moscow: Russkiy yazyk, 1987.
- Popova A. A. *Uchebnik ispanskogo yazyka. Intensivny kurs* [Spanish language textbook. Intensive course]. St. Petersburg: Viktoriya Plyus, 2013.
- Peshkova N. P. Analiz lingvisticheskogo landshafta goroda kak integrativny metod issledovaniya verbalnogo soznaniya i sostoyaniya yazyka gorodskogo sotsiuma [Analysis of a city's linguistic landscape as an integrative method for researching verbal consciousness and the state of urban society's language]. *Aktualnye problemy russkoy i sopostavitelnoy filologii: teoriya i praktika*. Ufa: RITs BashGU, 2016, pp. 53–58.
- Yartseva V. N. *Kontrastivnaya grammatika* [Contrastive grammar]. Moscow: Nauka, 1981.

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ СКРЫТОЙ ЭМФАЗЫ В АНГЛИЙСКОМ ТЕКСТЕ

Вторичная интерпретация может происходить на разных уровнях языка. Перспективным направлением исследований является выявление скрытых вторичных смыслов на уровне словосочетания. Цель данного исследования состоит в изучении факторов, позволяющих выявить скрытую эмфазу, на примере структур, содержащих английский коррелятивный союз *as...as*. Структура с союзом *as...as* семантически амбивалентна, что проявляется в ее способности выражать в зависимости от контекста либо реальное сравнение (тождество), либо эмфатическое сравнение (ложное тождество). Исследование показывает, что эмфатическое сравнение может выражаться различными структурами с союзом *as...as*, количество и перечень которых доказывает, что мы имеем дело с продуктивной моделью. Показано, что для выявления эмфатического смысла помимо знаний семантического потенциала указанной структуры необходимы различные другие структуры знаний, включающие знания вербального контекста, взглядов автора, знания языка и мира, а также знания, полученные на основе логических выводов на базе уже имеющихся знаний. Использование различных структур знаний позволяет также градуировать степень эмфазы, от более высокой до превосходной. Исследование доказывает, что выявление скрытой эмфазы представляет собой процесс, имеющий когнитивные основания.

Ключевые слова: эмфаза, скрытый смысл, интерпретация, сравнение, семантический потенциал, структуры знаний, тождество

Alexey G. Minchenkov
St. Petersburg University

COGNITIVE FOUNDATIONS OF IDENTIFYING HIDDEN EMPHASIS IN THE ENGLISH TEXT

Secondary interpretation can take place at different levels of the language. A promising direction of research is identifying hidden secondary meaning at the level of a phrase. The aim of the study is to explore factors that allow one to identify hidden emphasis using as an example phrases containing the English correlative conjunction *as...as*. The structure *as...as* is semantically ambivalent, which manifests itself in its ability to express, depending on the context, either real comparison (identity) or emphatic comparison (false identity). The study shows that emphatic comparison can be expressed by a variety of *as...as* structures, the number and range of which proves that the structure is a productive feature. It is demonstrated that identifying the structure as expressing real or false identity requires, in addition to the knowledge of the semantic potential of the structure in question, one or several other kinds of knowledge, including the knowledge of the context, the views of the author, knowledge of the language and the world, and knowledge based on inferences made from the knowledge already available. The use of the structures of knowledge also makes it possible to identify different degrees of emphasis, from mildly superior to superlative. The study proves that identifying hidden emphasis is a process that has cognitive foundations.

Keywords: emphasis, hidden meaning, interpretation, comparison, semantic potential, structures of knowledge, identity

The interpretative function is one of the main functions performed by the language, along with the cognitive and communicative functions. Language users interact with the world, accumulate knowledge and interpret it based on their collective and individual perceptions, judgements and values. Interpretation, on the one hand, is based on the existing collective knowledge and, on the other hand, on the individual conceptual systems [Boldyrev, 2012]. As is known, linguists identify primary and secondary interpretation [IW, 2017, p.26-27]. The latter is directed at collective knowledge that already exists and leads to new knowledge of objects and events of the world, which is often evaluative. Language units thus acquire secondary meanings and begin to be used in new contexts and co-texts.

An interesting feature of secondary meanings is that they can be hidden. According to A. Maslennikova, hidden meaning is any meaning that is not expressed verbally in the text, but is recognized by the addressee as implied and interpreted by the latter based on the knowledge available to them [Maslennikova, 1999, p.4]. In the case of a native user of a language, the available knowledge probably includes the knowledge of all the contexts and co-texts in which the native user has previously encountered the language unit he or she interprets as having hidden secondary meaning. In the case of a non-native user, even one who is at an advanced level, the interpretation of hidden meaning probably becomes more problematic in that a non-native user is unlikely to have been exposed to the same number of contexts and co-texts as the native user. Thus, a question sometimes arises as to whether the non-native user can really identify hidden meanings, and, if they can, what factors enable them to do so. The question is relevant to both general and applied linguistics, most notably to translation studies, where issues related to text interpretation play a prominent role.

Secondary interpretation can take place at different levels of the language. A promising direction of research is identifying hidden secondary meaning at the level of a phrase. A telling example of a phrase having the potential of expressing hidden meaning in context is the English *a thing or two*, which, when co-occurring with such verbs as *teach* or *learn*, doesn't literally mean exactly one or two things, but is used for emphasis, to mean 'a lot' (thus, the sentence *He can teach you a thing or two* means 'He can teach you a lot'). The potential of the phrase above is amply described in a monolingual dictionary [Collins, 2023, p.1546]. However, there are phrases for the interpretation of which by a non-native user of English the description of the semantic potential in a dictionary may not be sufficient. The aim of this study is to explore factors that allow one to identify hidden emphasis using as an example phrases with the English correlative conjunction *as...as*.

The correlative conjunction *as...as* and its semantic potential have been discussed both in monolingual dictionaries and works in the fields of translation studies, English grammar and comparative typology. Monolingual dictionaries note that the structure *as...as* is used "when you are comparing things" [Collins, 2023, 75], "to indicate identity of extent, amount, etc." [Collins, 1995, 86], but also "to emphasize amounts of something" (*You can look forward to a significant cash return by saving from as little as 10£ a month*) [Collins, 2023, 75]. The capacity of the structure in question for expressing emphasis is also evidenced in set phrases, for example, *as often as not*, given by the same dictionary as a synonym for *more often than not* [Ibid.: 1029]. T. Levickaya & A. Fiterman in a work on grammatical issues in translation discuss structures containing the conjunction *as...as*, an adjective and the pronouns *any*, *anybody*, *anything*. One example given by the authors shows this kind of structure as expressing emphasis and translated into Russian by a superlative [Levickaya, Fiterman, 1973, 69]. In a number of works dealing with the use of English pronouns and the expressive syntax of the English language, the authors discuss the comparative structure *as + adjective + as + any* and focus on the importance of distinguishing between real comparisons and pseudo comparisons, that is emphatic comparisons expressing a superior quality, noting that the latter meaning is normally made clear by the context

[Yemelyanova, Petrova 1997; Petrova, Kuraleva 2013]. The overall conclusion that one can draw based on the review of monolingual dictionaries and works by linguists is that the structure *as...as* is semantically ambivalent, which manifests itself in its ability to express, depending on the context, either real comparison (identity) or emphatic comparison (false identity or superior quality). However, in linguistic works this ambivalence is not presented as a real problem that needs to be solved, one is made to believe that every time it is easily resolved by the context. Moreover, it appears as if the emphatic meaning could only be expressed by a certain number of set phrases, including the first *as*, an adjective, the second *as* and the pronoun *any* or one of the any-compounds (such as *anybody* or *anything*).

Our study of the way the structure *as...as* functions in real texts allows us to make three important observations. First, emphatic comparison can be expressed by a variety of *as...as* structures, the number and range of which is significantly larger than appears from the literature. Besides the above-mentioned structures *as* + adjective + *as* + *any/anybody/anything*, the study, which involved a total of approximately 1,000 pages of text, revealed those that contained:

- between the first and the second *as*: adjective + noun (e.g. *as good a description*), *much* + noun (e.g. *much liberty*), *much* alone, participle II + intensifier (e.g. *as deeply mired*);
- after the second *as*: the adverb *ever* and, most interestingly, clauses including an any-compound, the adverb *anywhere* or *ever* (e.g. *as she was anywhere*).

Thus, the variety of different emphatic *as...as* structures leads to the conclusion that we are dealing with a productive feature rather than a limited number of set phrases.

Second, it would be wrong to claim that distinguishing between real and pseudo comparison or identifying the meaning of the structure in question as emphatic is always straightforward. The study shows that the mere knowledge of the semantic potential of the structure, just as the presence in the sentence of the formal indicators mentioned above (words such as *any*), can prove insufficient, in which case one needs to draw on various other kinds of knowledge, in other words, perform a cognitive search.

Third, the study has revealed that the emphatic meaning the *as...as* structure can potentially express can be of different kinds. In other words, one can identify different degrees of emphasis, from mildly superior to superlative.

The examples that follow serve to illustrate the points made and reveal the kinds of knowledge that need to be activated in order to work out the meaning of sentences containing *as...as* structures.

(1) By the time the American War of Independence was over in 1783, George's sons were as alienated and distant from their parents as the Thirteen Colonies had been from the mother country in the midst of the conflict [Hadlow, 2015, p.276].

In interpreting example (1) it is necessary to draw on the knowledge of the growing rift between the king and queen and their sons described in the previous text, which in the year mentioned culminated in almost complete alienation. The latter is compared with the state of alienation reached between Britain and its colonies at the height of the American War of Independence. The interpreter is required to use their knowledge of the acute nature of the conflict and to be able to draw parallels between interpersonal relationship and relationship between countries that are in a state of war with each other. The conclusion drawn is that the comparison in (1) is expressive, but real, that is, according to the author, at the points in history mentioned the degree of alienation between the parents and their sons, on the one hand, and Britain and its colonies, on the other hand, was great and effectively equal.

(2) "I believe that in my married life, I enjoyed as much reasonable happiness as falls to the lot of most mortals. Perfect happiness is not to be sought for on this earth." [Hadlow, 2015, p.469].

In (2), we find the heroine's reflections about married life. In interpreting the sentence, we draw on the knowledge of the previous text, the views and life of the sentence's author as described in the text. We also note the use of the words *reasonable*, *most mortals*, and the sentence immediately following the one containing the *as...as* structure, which further elucidates the author's views. All this knowledge interacts with our knowledge of the world, in particular, everything connected with married life, relationship between husband and wife, problems that tend to arise. The conclusion is that the heroine apparently believes that she was at least no less happy than most mortals since perfect happiness cannot reasonably be expected in married life.

(3) He loved Caroline as much as he loved anyone, except Ste; but he didn't allow his affection to get in the way of his merciless reporter's eye [Hadlow, 2015, p.74].

In (3), the first part of the sentence, which includes the *as...as* structure, can easily be interpreted to mean that since the character (denoted by *he*) loved all people with the exception of Ste, he loved Caroline, especially as the second part of the sentence tells us that he didn't allow his feelings to interfere with his duties as a reporter. However, the activation of the knowledge of the character described, his relationships with other people, with Caroline and Ste, and our own knowledge of the world and human relationships brings us to the conclusion that the character really loved Caroline and loved his friend Ste even more, but being an intriguer in the midst of a ruthless court hardly loved many other people. Thus, the final conclusion is that he loved Caroline more than anybody else with the exception of Ste, whom he loved the most. The comparative structure activates emphatic superlative meaning.

(4) By the time he was thirty...Humboldt, by now the master of many languages and as well informed about science as any European of his age, was in a strong position to set off [Wilson, 2017, p.76].

The interpretation of example (4) depends to a large degree on our knowledge of the kind of person Humboldt was and what the author of the book has to tell us about Humboldt. All that, coupled with our perception of the times in which Humboldt lived, in particular, of whether there were many people in Europe who at the age of thirty were knowledgeable about science, brings us to the conclusion that the identity is false and Humboldt was really much better informed about science than most of the other Europeans of his age.

(5) ...they had emerged from the ordeal with as much liberty as they had perhaps ever enjoyed in their lives [Hadlow, 2015, p.555].

Example (5) is a comment the author makes as regards the position of the royal princesses, the daughters of George III and Queen Charlotte. The use of the lexeme *perhaps* shows that the author has some doubts as to the accuracy of her estimation. However, the knowledge that previously, that is before and during the ordeal (the king's madness), the girls had been under the watchful eye of their parents, were fully controlled by them and didn't have any freedom at all, brings us to the conclusion that, according to the author, the heroines now enjoyed more freedom than ever before in their lives. The comparative structure is emphatic and expresses superiority.

Summing up, the study shows that identifying the hidden emphasis which can be expressed by the *as...as* structure requires one to activate, in addition to the knowledge of the semantic potential of the structure in question, one or several other kinds of knowledge, including the knowledge of

- the co-text
- all the relevant events, characters, historical and cultural facts described in the text
- the views and perceptions of the author
- the language and the world

Added to this is knowledge based on inferences made from the knowledge already available. All that proves that identifying hidden emphasis is a process that has cognitive foundations. The cognitive process enables one not only to identify the meaning as emphatic but also determine the degree of emphasis, from mild to superior to superlative.

References

- Boldyrev N. N. The System of Categories in the Language. *Kategorialnaya sistema yazyka // Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2012. Vyp. X. p.17-120. (In Russian)
- IW – Interpretation of the World in the Language. *Interpretaciya mira v yazyke*. Tambov: Izdatelskij dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2017. (In Russian)
- Levickaya T. R., Fiterman A. M. *Posobie po perevodu s anglijskogo yazyka na russkij*. M.: Vysshaya shkola, 1973.
- Maslennikova A. A. *Lingvisticheskaya interpretaciya skrytyh smyslov*. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 1999.
- Petrova E. S., Kuraleva T. V. *Ekspressivnyj sintaksis anglijskogo yazyka: povyshennyj uroven' slozhnosti*. CHast' I. SPb.: SPbGU. RIO, Filologicheskij f-t, 2013.
- Yemelyanova O. V., Petrova E. S. *The Pronoun in Modern English*. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 1997.

Sources

- Collins 1995 – Collins English Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 1995.
- Collins 2023 – Cobuild Advanced Learner's Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2023.
- Hadlow J. *The Strangest Family*. London: William Collins, 2015.
- Wilson A. N. *Charles Darwin. Victorian mythmaker*. London: Harper Collins Publishers, 2017.

Мосягина М. С.Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева**ИНТЕНСИФИКАЦИЯ И ДЕИНТЕНСИФИКАЦИЯ ОЦЕНОЧНЫХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

Статья анализирует интенсификацию и деинтенсификацию оценочных высказываний в англоязычном медиадискурсе как важные инструменты управления смысловой и эмоциональной нагрузкой текста. Оценочные высказывания рассматриваются как ключевой инструмент влияния на общественное мнение, позволяющий авторам управлять эмоциональной и смысловой нагрузкой текстов. Интенсификация усиливает экспрессивность и привлекает внимание с помощью интенсификаторов, гипербол, метафор и эпитетов. Деинтенсификация, напротив, снижает категоричность и эмоциональность посредством модификаторов, вводных конструкций и эвфемизмов. Оба процесса помогают авторам адаптировать сообщение в зависимости от целей и жанра текста, обеспечивая баланс между информативностью и воздействием. Особое внимание уделено их роли в формировании доверия к аналитическим публикациям. Исследование подчеркивает важность интенсификации и деинтенсификации для понимания механизмов управления восприятием и влияния на аудиторию.

Ключевые слова: интенсификация, деинтенсификация, медиадискурс, оценка, оценочное высказывание

Maria S. Mosyagina

National Research Mordovia State University named after N. P. Ogarev

**INTENSIFICATION AND DEINTENSIFICATION OF EVALUATIVE
STATEMENTS IN THE ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE**

The article examines the processes of intensification and deintensification of evaluative statements in English-language media discourse as crucial tools for managing the semantic and emotional load of texts. Evaluative statements are regarded as key instruments for influencing public opinion, enabling authors to control both the emotional impact and the informational content of their messages. Intensification enhances expressiveness and captures audience attention through the use of intensifiers, hyperboles, metaphors, and epithets. Conversely, deintensification reduces categorical tone and emotional intensity by employing modifiers, hedging constructions, and euphemisms. Both processes allow authors to tailor their messages according to the purpose and genre of the text, striking a balance between informativeness and persuasive impact. Particular attention is given to their role in fostering trust in analytical publications. The study underscores the significance of intensification and deintensification in understanding the mechanisms of perception management and audience influence within media discourse.

Keywords: intensification, deintensification, media discourse, evaluative statements

Современный медиадискурс, являясь ключевым инструментом формирования общественного мнения, активно использует оценочные высказывания для воздействия на аудиторию. Такие высказывания выполняют не только информативную, но и экспрессивную

и манипулятивную функции, что делает их значимым объектом лингвистического исследования. Среди разнообразных средств оценочной выразительности особый интерес представляют процессы интенсификации и деинтенсификации, отражающие движение по оценочной шкале и позволяющие усиливать или ослаблять эмоционально-смысловую нагрузку сообщения. Высокая прагматическая значимость данных процессов объясняется их способностью изменять интерпретацию текста в зависимости от коммуникативной цели автора и контекста.

Актуальность исследования определяется как возрастающим интересом к прагматике медиадискурса, так и необходимостью детального изучения языковых механизмов, с помощью которых авторы медийных текстов достигают своих целей. Как отмечает Т. Г. Добросклонская, медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия [Добросклонская, 2006, с. 21]. В этом коммуникативном пространстве информативные и оценочные элементы переплетаются, что превращает медиадискурс в мощный инструмент трансляции идеологических установок и управления общественным мнением. В данном контексте интенсификация и деинтенсификация играют ключевую роль, определяя восприятие медиатекстов и их влияние на аудиторию.

Ученые сходятся во мнении, что интенсифицирующие средства могут принадлежать разным языковым уровням. И. И. Туранский различает средства интенсификации на синтаксическом, морфологическом, лексическом и фонетическом уровнях [Туранский, 1990, с. 115]. В рамках настоящего исследования основное внимание уделяется интенсификации и деинтенсификации на лексическом уровне как ключевому инструменту управления смысловой и эмоциональной нагрузкой медиатекстов. Целью статьи является анализ стратегий интенсификации и деинтенсификации в англоязычном медиадискурсе на материале текстов британских изданий *The Guardian* и *The Independent*, включая аналитические статьи и новостные публикации за 2024 год.

Интенсификация и деинтенсификация представляют собой два противоположных, но взаимосвязанных процесса, играющих важную роль в формировании оценочных высказываний. Их основная функция заключается в управлении эмоциональной и прагматической нагрузкой текста, что превращает их в важные инструменты для формирования общественного мнения, интерпретации событий и достижения коммуникативных целей.

Интенсификация связана с усилением экспрессивности высказывания и играет важную роль в привлечении внимания аудитории, управлении ее эмоциональным состоянием и формировании акцентированной оценки, которая помогает автору выделить ключевые аспекты сообщения [Туранский, 1987, с. 52]. Как подчеркивает Е. М. Вольф, использование оценочных средств с интенсификацией часто продиктовано желанием автора «сделать высказывание более убедительным для собеседника и усилить его перлокутивный эффект» [Вольф, 2009, с. 110]. Такой подход позволяет не только повысить эмоциональное воздействие текста, но и направить восприятие аудитории в нужное русло, что особенно важно в контексте медиадискурса.

Движение по оценочной шкале в сторону убывания количества признака означает деинтенсификацию, которой противопоставлена интенсификация. Деинтенсификация является средством снижения категоричности оценки [Ли, 2018, с. 344]. Деинтенсификация направлена на ослабление оценочной нагрузки, что достигается за счет использования умеренных модификаторов, вводных конструкций и контекстуальных приемов смягчения.

Исследование интенсификации и деинтенсификации в медиадискурсе важно для понимания стратегий управления восприятием и воздействия на аудиторию, поскольку они не только отражают культурные и жанровые особенности медиатекстов, но и

демонстрируют, как лингвистические механизмы помогают создавать эмоциональные образы, формировать идентичность и направлять общественное мнение.

Интенсификация играет ключевую роль в создании экспрессивной и эмоциональной насыщенности медиатекста. Ее применение обусловлено необходимостью привлечь внимание аудитории, вызвать ее эмоциональный отклик и направить интерпретацию информации в нужное русло. Среди лексико-семантических средств интенсификации выделяются интенсификаторы, гиперболы, метафоры, эпитеты и эмоционально окрашенные слова, каждое из которых выполняет важную роль в усилении воздействия текста.

Интенсификаторы *absolutely, completely, totally* используются для усиления смысловой нагрузки высказывания. Например, выражение “This is absolutely crucial for the success of the project” [The Guardian] подчеркивает исключительную значимость темы, формируя ощущение ее важности. В аналитических статьях интенсификаторы помогают акцентировать внимание на ключевых аспектах, как в фразе “This solution is completely transformative for the industry” [The Independent], подчеркивая радикальный характер изменений.

Гиперболы усиливают восприятие за счет преувеличения масштабов или значимости событий. В заголовке “A disaster of epic proportions!” [The Guardian] выражение *epic proportions* привлекает внимание к событию, подчеркивая его катастрофический характер. Гиперболы активно применяются в описаниях кризисов и социальных явлений, как в примере “Unemployment has reached astronomical levels” [The Independent], где слово *astronomical* усиливает восприятие масштаба проблемы.

Метафоры добавляют выразительность и формируют эмоциональный образ, который легко воспринимается аудиторией. В описании протестов фраза “A tidal wave of protests swept the nation” [The Independent] создает динамичный и мощный образ, подчеркивающий масштаб явления. Метафора “The economy is on the brink of collapse” [The Independent] усиливает драматизм ситуации и акцентируют внимание на ее критичности.

Эпитеты играют важную роль в создании эмоционального контекста, формируя отношение аудитории к обсуждаемому явлению. В выражении “a groundbreaking discovery” [The Guardian] эпитет *groundbreaking* подчеркивает уникальность и значимость открытия, формируя у читателя положительное восприятие. Подобным образом в заголовке “A devastating failure” [The Guardian] лексема *devastating* акцентирует внимание на разрушительном характере события.

Эмоционально окрашенные слова усиливают выразительность текста за счет их способности вызывать яркие ассоциации у читателей. Например, использование прилагательного *heartbreaking* в фразе “a heartbreaking tragedy” [The Guardian] усиливает эмоциональный отклик аудитории, делая акцент на сопереживании. В описании достижений лексемы *remarkable* и *extraordinary* добавляют позитивную эмоциональную окраску, как в примере “a remarkable achievement in science” [The Independent].

Лексико-семантические средства интенсификации в текстах качественной прессы не только привлекают внимание к ключевым темам, но и усиливают их восприятие, формируют эмоциональное отношение и направляют интерпретацию читателей в нужное русло. Выбор средств зависит от цели автора, жанра текста и аудитории, что делает интенсификацию универсальным инструментом в медиадискурсе.

В отличие от интенсификации, деинтенсификация направлена на ослабление эмоционального и оценочного характера высказывания. Она широко используется в аналитических жанрах медиадискурса, где требуется сохранение объективности и нейтральности. Лексические средства деинтенсификации играют важную роль в медиатекстах, помогая смягчить категоричность высказываний, поддерживать нейтральный тон и избегать полемической напряженности. Такие средства особенно востребованы в аналитических жанрах и текстах, ориентированных на формирование доверия аудитории. К

ним относятся модификаторы, вводные конструкции, эвфемизмы, лексические маркеры неопределенности, а также контекстуальные приемы.

Модификаторы, такие как *somewhat, relatively, partially, moderately*, используются для смягчения степени оценки. Например, фраза “The proposal is relatively effective” [The Independent] снижает категоричность и допускает существование других точек зрения. В медиатекстах модификаторы применяются для аккуратной оценки сложных вопросов, например: “The results are somewhat inconclusive, requiring further analysis” [The Guardian], где слово *somewhat* демонстрирует осторожность в выводах. В публикации на экономическую тематику выражение “The policy has partially met its objectives” [The Guardian] подчеркивает ограниченный успех, избегая резкой критики.

Вводные конструкции, такие как *it seems, arguably, to some extent, in a way*, выражают неопределенность и субъективность, что позволяет автору снизить категоричность высказываний. Например, предложение “Arguably, these measures are insufficient to address the issue” [The Guardian] создает впечатление сбалансированности и минимизирует риск обвинений в предвзятости. В политической статье можно встретить фразу “It seems the government has underestimated the challenges” [The Independent], где вводное выражение *it seems* указывает на субъективность суждения и избегает прямого обвинения. Подобные конструкции часто используются для поддержания доверия аудитории и сохранения объективного тона.

Эвфемизмы также относятся к средствам деинтенсификации, так как помогают избежать негативной эмоциональной окраски. Например, в описании экономических трудностей вместо слова *recession* может быть использован эвфемизм *economic downturn*, который смягчает восприятие проблемы. В другой политической статье посредством использования фразы “challenges to governance” [The Guardian] вместо “political crisis” снижается драматизм, подчеркивая решаемость проблемы.

Лексические маркеры неопределенности, такие как *probably, possibly, might, could*, играют важную роль в смягчении категоричности. Например, выражение “This approach could be beneficial in the long run” [The Guardian] указывает на возможность успеха, но не гарантирует его.

Контекстуальные приемы, включающие использование альтернативных точек зрения и дополнительных уточнений, также способствуют деинтенсификации. Например, фраза “While some experts believe this strategy is effective, others highlight its limitations” [The Guardian] создает впечатление объективного анализа и снижает полемичность.

Использование деинтенсификации позволяет авторам медиатекстов сохранять нейтральность и взвешенность, что особенно важно в аналитических жанрах, ориентированных на формирование доверия и создание сбалансированного восприятия информации. Данные средства помогают минимизировать риск конфликтов, сохранить диалог с аудиторией и подчеркнуть объективность текста.

Особое внимание заслуживает специфика применения интенсификации и деинтенсификации в британской качественной прессе. Издания, такие как The Guardian и The Independent, часто используют деинтенсификацию в аналитических жанрах, чтобы подчеркнуть взвешенность и объективность публикаций. Интенсификация в британской прессе применяется избирательно, чаще для акцентирования внимания на социально значимых событиях или критических моментах.

Примеры показывают, что деинтенсификация часто используется для минимизации напряженности. Такое использование позволяет изданию сохранять доверие аудитории, демонстрируя объективность в оценке событий.

Таким образом, в британской качественной прессе выбор между интенсификацией и деинтенсификацией определяется жанром публикации и ее коммуникативной целью. Деинтенсификация преобладает в аналитических статьях, где важно подчеркнуть нейтральность и взвешенность, тогда как интенсификация используется для выделения ключевых аспектов или усиления значимости обсуждаемых тем. Это сочетание помогает британской прессе сохранять репутацию надежного источника информации, способного привлекать внимание читателей и формировать их восприятие в условиях конкурентной информационной среды.

Таким образом, интенсификация и деинтенсификация являются стратегическими инструментами медиадискурса, позволяющими авторам текстов управлять эмоциональной и прагматической нагрузкой сообщения. Их выбор определяется как жанровыми особенностями текста, так и национальными традициями медиапрактик. Исследование данных процессов важно для понимания механизмов воздействия на аудиторию и формирования общественного мнения.

Литература

- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Лкброком, 2009. 280 с.
- Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. № 2. 2006. С. 20-33.
- Ли Л. Снижение категоричности оценки и прагматическая функция оценки в тексте кинорецензии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7-2 (85) – 2018. С. 343-347.
- Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. – 173 с.
- Туранский И. И. Средства интенсификации высказывания в английском языке: учеб. пособие к спецкурсу для студентов педагогических институтов и факультетов иностранных языков / Куйбышев. гос. пед. ин-т. – Куйбышев, 1987. – 78 с.
- The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 05.10.2024).
- The Independent URL: <https://www.independent.co.uk/> (дата обращения: 20.10.2024).

References

- Volf E. M. Funktsional'naya semantika otsenki [Functional semantics of evaluation]. M.: Lkbrom, 2009. 280 p.
- Dobrosklonskaya T. G. Mediadiskurs kak objekt lingvistiki i mezhkulturnoy kommunikatsii [Media discourse as an object of linguistics and intercultural communication] // Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism, no. 2. 2006. PP. 20-33.
- Li L. Snizhenie kategorichnosti otsenki i pragmaticheskaya funktsiya otsenki v tekste kinoretsenzii [Reducing the assessment categoricity and pragmatic function of assessment in the film review] // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, no. 7-2 (85). 2018. PP. 343-347.
- Turanskiy I. I. Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke [Semantic category of intensity in the English language]. M.: Vysshaya shkola, 1990. 173 p.
- Turanskiy I. I. Sredstva intensivifikatsii vyskazyvaniya v angliyskom yazyke: uchebnoe posobie k spetskursu dlya studentov pedagogicheskikh institutov i fakultetov inostrannykh yazykov [Means of intensification of expression in the English language: a textbook for special courses for students of pedagogical institutes and faculties of foreign languages]. Kuybyshev: Kuybyshev. gos. ped. int, 1987. 78 p.

Наумова К. М.

Санкт-Петербургский государственный университет

РОССИЯ И КИТАЙ: АКТУАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНЫХ ПАРАМЕТРОВ Г. ХОФСТЕДЕ В ПРАКТИКЕ МКК

В статье методом компаративного и описательного анализа, с привлечением некоторых лингвистических и графических данных, представлены особенности коммуникативного поведения русской и китайской культур в рамках теории межкультурной коммуникации. Выбор двух стран не случаен, так как представители России и Китая особенно сейчас проявляют взаимный интерес и взаимное уважение в разных сферах общественно-политической жизни. Результаты показали, что теория культурных измерений Г. Хофстеде наглядно демонстрирует в каких параметрах русские и китайцы ближе друг к другу (индивидуализм – коллективизм, дистанцированность власти, стратегическое мышление, потворство желаниям – сдержанность), а в каких их ценности несколько отличаются (избегание неопределенности, маскулинность – фемининность), и поскольку целью любой МКК должно быть сохранение сложившегося взаимодействия и его укрепление, представляется важным с практической, и теоретической точек зрения обладать не только лингвистическими, но и коммуникативными компетенциями, чему способствует знакомство с предложенной Г. Хофстеде теорией.

Ключевые слова: Россия, Китай, Хофстеде, межкультурная коммуникация, параметры

Ksenia Naumova

St. Petersburg University

RUSSIA AND CHINA: THE RELEVANCE OF G. HOFSTEDE'S CULTURAL PARAMETERS IN ICC PRACTICE

With the help of the methods of comparative and descriptive analysis and with some linguistic and graphic data, the article presents the patterns of communicative behavior of Russian and Chinese cultures within the framework of the theory of intercultural communication. The choice of two countries is not accidental, since representatives of Russia and China, especially now, are showing mutual interest and respect in various spheres of social and political life. G. Hofstede's theory of cultural dimensions clearly demonstrates in which parameters Russians and Chinese are closer to each other (individualism - collectivism, power distance, strategic thinking, indulgence - restraint), and in which their values are somewhat different (uncertainty avoidance, masculinity - femininity). Since the goal of any ICC should be to preserve the existing interaction and strengthen it, it seems important from both practical and theoretical reasons to have not only linguistic, but also communicative skills. That is where the theory proposed by G. Hofstede may be of great help.

Keywords: Russia, China, Hofstede, intercultural communication, parameters

Согласно теории межкультурной коммуникации, у каждого народа формируется своя культурная картина мира, т.е. совокупность знаний, представлений о ценностях, нормах, менталитете своего этноса на фоне культуры других народов. Общаясь внутри собственной культуры, у него может создаться иллюзия своего видения мира как единственно

возможного, поэтому только столкнувшись с иным мировоззрением, можно взглянуть на свою идентичность со стороны и «увидеть» разницу. Именно различия культур становятся источником непонимания в МКК, где выбор языковых средств может вовсе не означать смену национального коммуникативного поведения собеседника. Снизить вероятность коммуникативных ошибок помогает состояние эмпатии, желание увидеть мир глазами другого и понять, а не осудить, его поступки, продиктованные в том числе ценностными установками его культуры.

Взаимоотношения между двумя этнокультурными сообществами, таким образом, могут складываться по-разному. В случае России и Китая наблюдаются отношения взаимодействия, когда обе культуры проявляют взаимную симпатию и стремятся закрепить достигнутые соглашения в разных сферах общественно-политической жизни, а в реалиях деловых отношений особенно важно, чтобы происходил именно диалог, а не столкновение двух культур. Владение культурологической информацией, таким образом, способствует нахождению точек соприкосновения при решении деловых вопросов, в чем и заключается **теоретическая и практическая значимость** статьи. Кроме того, нам, преподавателям иностранного языка, на практике крайне важно объяснять студентам разницу менталитетов, препятствуя тем самым рождению новых стереотипов и мифов об изучаемой стране.

Существует множество разных классификаций культур, но остановимся на, пожалуй, самой известной из них, а именно на типологии корпоративных культур Герта Хофстеде (Geert Hofstede), которая была разработана им во второй половине прошлого века, а затем дополнена уже в веке нынешнем. Как отмечал сам автор концепции, «внутри каждой национальной культуры можно найти широкое разнообразие отдельных личностей, и поэтому показатели измерения национальных культур не должны использоваться для стереотипного представления индивидов» [Хофстеде, 2014, с. 20].

Он выделил **6 основных параметров**, связывая 1 и 3 из них с национальным благосостоянием [Там же, с. 18]:

- 1) дистанцированность власти: данный параметр связан с различной трактовкой фундаментального человеческого неравенства;
- 2) избегание неопределённости: связан с уровнем общественного напряжения в ожидании будущего, проблемы с уровнем неизвестного;
- 3) индивидуализм / коллективизм: данный параметр связан с интеграцией индивидов в первичные группы;
- 4) маскулинность / фемининность: связаны с распределением эмоциональных ролей между мужчинами и женщинами;
- 5) долгосрочная / краткосрочная ориентированность: связаны с выбором фокуса внимания для действий человека: будущее, настоящее или прошлое;
- 6) потворство желаниям / сдержанность: связаны с удовлетворением базовых человеческих потребностей, относящихся к наслаждению жизнью, либо с самоконтролем.

Материалом исследования, таким образом, служат результаты официальных данных по принадлежности России и Китая к тому или иному полюсу приведенных выше параметров, представленных для удобства в виде графика (Табл. 1). Целью исследования является выявление и интерпретация не только параметров, где нашим странам свойственны близкие показатели, но и тех мест, где мы кардинально различаемся. Подобная информация особенно актуальна в свете заявленного президентом «поворота на Восток» и может помочь выстроить крепкие отношения как с китайскими бизнес-партнёрами, так и просто лучше понять нашего китайского визави. Задачи, таким образом, сводятся к сбору и интерпретации полученных Г. Хофстеде данных по каждому пункту методами контрастивного и описательного анализа свойственных культурам паттернов коммуникативного поведения. Перейдем к детализации параметров.

Таблица 1. Россия в сравнении с Китаем и США
(Источник: <https://megaplan.ru/blog/experience/hofstede/>)

Дистанцированность власти

В России (93) и Китае (80) дистанция от власти велика, а значит выстраивается четкая иерархия, и действия сотрудников в большей степени зависят от решений высшего руководства. Здесь власть и чиновничество воспринимается как важный компонент общественной жизни. Заняв должность выше, люди сразу меняют стереотип поведения, т.к. не принято быть на равных с подчиненными. В большинстве ситуаций делового общения линии поведения сотрудников являются регламентированными. Отклонения от принятых ситуативных норм невербального поведения, промахи или глупые ошибки могут повлечь за собой наказания, например личные и социальные санкции по отношению к данному лицу. В китайской культуре есть поговорка 打狗也要看主人 *dǎgǒu yě yào kàn zhǔrén* ‘прежде чем побить собаку, подумай, кто ее хозяин’: всегда необходимо учитывать личные отношения, иначе наживешь себе врагов. Согласно учению Конфуция, высший и подчиненный – не могут быть равными между собой, т.е. вступая в отношения с разными людьми, человек должен признавать реально существующие различия. В процессе ведения бизнеса, китайцы сперва выяснят иерархию и статус каждого участника переговоров. Например, китаец может спросить собеседника о его возрасте и будет ожидать прямого ответа для того, чтобы сориентироваться, в какой степени ему следует выказывать уважительное отношение. Известно, что в китайской культуре возраст человека свидетельствует о его жизненном опыте, мудрости.

Г. Хофстеде предположил, что отношения в рамках ‘начальник-подчиненный’ «простираются далеко за пределы рабочей среды и оказывают влияние на семейные отношения и воспитание детей» [Калинин, 2024, с. 55]. Так, старшие члены семьи имеют авторитет и могут рассчитывать на безоговорочное послушание со стороны младших. Однако в последние десятилетия руководство Китая активно призывает стимулировать креативность мышления и новаторский подход, что может привести в дальнейшем к некоторому сокращению дистанцированности власти, если сотрудники будут проявлять больше инициативы и чаще участвовать в принятии корпоративных решений.

Избегание неопределённости

В этом параметре Россия и Китая имеют разные показатели. В странах с высоким избеганием неопределенности обычно хорошо проработано законодательство, сотрудники стремятся зафиксировать нормы, стандарты и правила, чтобы избежать непредвиденных обстоятельств. Несмотря на то, что русские демонстрируют готовность к любым поворотам судьбы, нашей стране присущ высокий индекс избегания неопределенности (95). Согласно выводам Г. Хофстеде, это связано с эмоциональностью и, как следствие, с большей тревожностью и подверженностью стрессу. Подобные культуры уважают традиции и привычные правила поведения, а также склонны апеллировать к мнению большинства.

Страны с низким индексом избегания неопределенности, в нашем случае это Китай (30), спокойно относятся к рискам, приветствуют проявление личной инициативы. Раньше в Поднебесной порядок в обществе поддерживался прежде всего не силой закона, а был основан на человеческих взаимоотношениях, когда император служил личным примером для подражания. Несмотря на то, что традиция законотворчества появилась еще в Древнем Китае, законам далеко не всегда следовали не только представители правящих классов, но и простой народ. Все зависело от того, какими он обладал личными связями, при помощи которых можно было 'большие проблемы превратить в маленькие, а маленькие – в пустяк', как гласило китайское изречение. Именно поэтому китайцы придавали такое значение социальным связям, стремились «обрасти» сетью полезных знакомств. Подобный подход уместен и сейчас, только верховенство закона уже более значимо.

Исходя из разницы в этих параметрах можно предположить, что русский бизнесмен будет считать, что китаец «не принимает достаточно мер по обеспечению успешного и безопасного завершения проекта» [Калинин, 2024, с. 57]. И наоборот, китаец может решить, что русский «тратит слишком много времени на детали и замедляет процесс» [Там же].

Индивидуализм / коллективизм

Здесь Россия (индекс индивидуализма – 39) и Китай (20) демонстрируют схожие позиции, больше склоняясь к коллективистским ценностям, когда люди стремятся к достижению общей цели и в большей мере зависят от мнения окружающих. «Китайцы любят проводить границы и делить мир на «своих» и «чужих». Они – групповые эгоисты: для своих готовы сделать все возможное, а что оказалось за границами их круга, не достойно их внимания. Китайцы воспринимают выражение «возлюби ближнего своего» дословно: свою семью они любят больше всего на свете... Обратная сторона сердечности по отношению к родственникам – безразличие к чужим людям» [Штритматер, 2006, с. 23]. Для китайской культуры характерна опора на родственников при приеме на работу, принятии решений, родственные отношения стоят выше профессиональных.

Так как сегодня институт семьи претерпевает изменения, будущим специалистам-международникам, как отмечает Е. В. Воевода, необходимо не только на лексическом, но и на социокультурном уровне понимать, что представляет собой семья в стране изучаемого языка [Воевода, 2019, с. 79]. В отличие от европейцев, которые воспитывают в детях самостоятельность, китайцы считают, что тесные взаимоотношения и взаимная зависимость должны сохраняться между родителями и детьми до конца жизни.

Маскулинность / фемининность

В Китае уровень маскулинности выше (66), чем в России (36), поэтому китайцы могут сначала воспринимать русских как менее амбициозных и недостаточно напористых. Они могут подчеркивать свои личные достижения и акцентировать важность успеха. В маскулинных культурах характерно соперничество и преклонение перед материальными ценностями. Здесь уместно сделать оговорку о том, что «коммуникативная культура Китая опирается на конфуцианские и даосские этические принципы, согласно которым мудрый человек должен жить по ритуалам и правилам, жить достойно. Он должен идти путем золотой середины, быть уравновешенным, сдерживать проявление эмоций, знать свое место, не нарушать установленный порядок, не выставлять свои достоинства напоказ. Эти этические принципы и по сей день играют значительную роль в жизни китайцев» [Шляхов, 2012, с. 184]. Возможно значение параметра стоит интерпретировать в ключе методичного ведения бизнеса, где требуется поэтапное целеполагание, но при этом сохраняется вежливый тон и свойственная азиатским культурам скромная самопрезентация. Социальные роли полов, как правило, достаточно регламентированы, мужчина – добытчик, женщина занимается воспитанием детей и созданием уюта и быта.

Русские, являясь представителями фемининной культуры по классификации Г. Хофстеде, могут воспринимать китайцев как «слишком навязчивых и напористых, и будут ставить акцент на эмоциональном общении и развитии отношений» [Калинин, 2024, с. 60]. Социальные роли при этом у нас менее разграничены: одни профессии могут быть как “мужскими”, так и “женскими”, в воспитании детей часто могут участвовать оба родителя. Ценятся скромность, забота, взаимоотношения, качество жизни и культурные ценности.

Безусловно, современные реалии вносят свои коррективы и, как нам кажется, показатели этого культурного параметра требуют еще специального пересмотра или встраивания в текущий лингвокультурный контекст, когда сдвиги в социальных ролях характерны для многих стран мира. Так в КНР с конца XX в. женщины заговорили о равноправии, стали стремиться к рождению меньшего количества детей, которых при необходимости можно отдать на воспитание постоянной няне, 保姆 *bǎomǔ*. Появились и такие неологизмы, несвойственные еще недавно китайской культуре, как 奶爸 *nǎibà* ‘кормящий отец’, то есть мужчина, ведущий домашнее хозяйство и воспитывающий ребенка, пока супруга зарабатывает деньги, и 女汉子 *nǚhànzi* ‘бой-баба’, самостоятельная, целеустремленная женщина, которой присущи традиционно мужские качества характера [Куприянова, Гун Мин, 2016, с. 11].

Долгосрочная / краткосрочная ориентированность

Этот показатель определяет, насколько та или иная культура устремлена в будущее и способны ли люди ставить перед собой долгосрочные цели. В странах с долгосрочной ориентацией, куда входят Россия (81) и Китай (87), принято поступать расчетливо, прилагая системные усилия и инвестируя в будущее. Люди в культурах подобного типа склонны выстраивать долгосрочные планы и принимать решения, которые могут принести плоды далеко не сразу. Так, например, лидер Китая традиционно озвучивает цели и задачи каждой последующей пятилетки на съездах КПК, открыто задавая общее направление дальнейшего развития страны и всего китайского общества. Добавим, что для китайской цивилизации характерно представление о цикличности времени, она мыслит стратегиями и за многие века своего непрерывного существования научилась терпеливо выжидать для себя благоприятных условий, поэтому спешка и суетливость может быть сопоставлена с хаотичностью и беспорядком, а это еще со времен Древнего Китая осуждается китайской нацией.

Потворство желаниям / сдержанность

Это измерение показывает, могут ли люди той или иной культуры позволить себе получать удовольствие от жизни или же они должны сдерживать свои желания. В “сдержанных” странах, к которым относятся Россия (20) и Китай (24), поведение определяют социальные нормы. Здесь акцент может быть на самоконтроле, скромности, соблюдении традиций и “лица” (面子 *miànzi*). Под последним подразумевается «оценка обществом того, насколько человек соответствует социальным нормам, имидж, репутация, престиж, достигнутый человеком материальный успех. При помощи системы установок и отношений, связанных с концепцией “лица”, индивид интегрирован в группу, подчиняется ее нормам и “порядкам”» [Современный Китай, 2011, с. 197]. Когда говорят, что у человека 面子不够大 *miànzi bùgòu dà* ‘недостаточно лица’, то имеется в виду, что он не обладает достаточным влиянием, чтобы люди дорожили связями с ним. «“Лицо” – это ваш социальный статус в китайском обществе, он нарабатывается годами, потерять же его можно за одно мгновение» [Маслов, 2013, с.103]. Справедливо утверждение, что «если китаец поставлен перед выбором между сохранением “лица”, с одной стороны, и правдой, справедливостью, долгом – с другой, то он всегда выберет “лицо”» [Мэйсон, Мюррей, 2009, с. 28]. “Потеря лица” подразумевает ощущение стыда перед собой и другими и может вести к

серьезным последствиям, вплоть до самоубийства. Чтобы избежать потери лица, китайцам рекомендуется быть скромными, сдержанными, вежливыми, строгими и уравновешенными. Считается, что стыд и боязнь “потерять лицо” стимулируют китайцев к самосовершенствованию.

Выводы

Обращение к теории культурных измерений Г. Хофстеде наглядно продемонстрировало в каких параметрах русские и китайцы ближе друг к другу (индивидуализм – коллективизм, дистанция власти, стратегическое мышление, допущение), а в каких наши ценности несколько отличаются (избегание неопределенности, маскулинность – феминность). На наш взгляд, неожиданным оказалось встраивание России и Китая в феминную и маскулинную культуру соответственно, а также показатели параметра сдержанности для русской культуры. Безусловно, теория Г. Хофстеде актуальна и сейчас, однако ее междисциплинарность может быть усовершенствована **дальнейшими исследованиями** лингвистических репрезентаций параметров как в русском, так и в китайском языках.

Литература

- Воевода Е. В. Основы межкультурной коммуникации и деловые культуры. – М.: МГИМО-Университет, 2019. 145 с.
- Калинин О. И., Игнатенко А. В., Сизова А. А. Межкультурная коммуникация: на материале китайского языка: учебник. М.: Изд. Дом ВКН, 2024. 384 с.
- Куприянова Ю. А., Гун Мин. Социально-экономические факторы, способствующие появлению новых слов в современном китайском языке // Вестник СПбГУ. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2016. Вып. 1. С. 5-18.
- Маслов А. А. Китай без вранья. – М.: РИПОЛ классик, 2015. – 288 с.
- Мэйсон К., Мюррей Д. Китай: Обычай и этикет / Кэролайн Мэйсон, Джеффри Мюррей; пер. с англ. М. Леоновича. М.: АСТ: Астрель, 2009. 96 с.
- Прошенкова Н. В. Россия-Китай: К вопросу о национальных особенностях деловых людей // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы 2-ой международной научно-практической конференции (Благовещенск-Хэйхэ, 17-18 мая 2012)/отв. ред Д. В. Буяров. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. – С.276-279.
- Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология. М., URSS, 2011. 294 с.
- Хофстеде Г. Параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. Язык, коммуникация и социальная среда / Language, Communication and Social Environment. Выпуск / Issue12. Воронеж / Voronezh, 2014. Pp. 9-49. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8>. DOI: 10.9707/2307-0919.1014
- Шляхов А. Л. Китай и китайцы. Привычки. Загадки. Нюансы. М.: Астрель; Владимир: ВКТ, 2012. 350 с.
- Штритматер К. «Инструкция по применению: Китай» / пер. с нем. Я. Урусовой. М.: Аякс-Пресс, 2006. 256 с.

References

- Hofstede G. Parameters of quantitative characteristics of cultures // Language, Communication and Social Environment. Issue12. Voronezh, 2014. Pp. 9-49. © G. Hofstede, 2014. © V. B. Kashkin (translation), 2014. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8>. DOI: 10.9707/2307-0919.1014
- Kalinin O. I., et al. Intercultural communication: based on the Chinese language: textbook / O. I. Kalinin A. V. Ignatenko, A. A. Sizova. – М.: Publishing house. House of VKN, 2024. 384 p.

- Kupriyanova Yu. A., Gun, Min. Socio-economic factors contributing to the emergence of new words in the modern Chinese language // Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 13. Oriental studies. African Studies. 2016. Issue. 1. pp. 5-18.
- Maslov, A. A. China without lies. M.: RIPOL classic, 2015. 288 p.
- Mason, K., Murray, D. China: Customs and Etiquette / Caroline Mason, Geoffrey Murray; lane from English M. Leonovich. M.: AST: Astrel, 2009. 96 p.
- Modern China: Socio-economic development, national policy, ethnopsychology. M., URSS, 2011. 294 p.
- Proshchenkova N. V. Russia-China: On the issue of national characteristics of business people // Russia and China: history and prospects for cooperation: materials of the 2nd international scientific and practical conference (Blagoveshchensk-Heihe, May 17-18, 2012) / ed. D. V. Buyarov. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House, 2012. pp. 276 - 279.
- Shlyakhov A. L. China and the Chinese. Habits. Riddles. Nuances. M.: Astrel; Vladimir: VKT, 2012. 350 p.
- Voevoda E. V. Fundamentals of intercultural communication and business cultures. M.: MGIMO-University, 2019. 145 p.
- Stritmater, K. "Instructions for use: China" / trans. with him. Ya. Urusova. – M.: Ajax-Press, 2006. – 256 p.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЭМОТИВОВ СТРАХА

Статья посвящена анализу функционирования лексических средств, описывающих эмоциональное состояние персонажей в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Цель исследования заключается в изучении лексики, передающей страх и сопутствующие ему чувства. Для этого проводится анализ лексем, относящихся к семантическому полю страха, таких как «страх», «ужас», «тревога», а также предикатов, таких как «бояться», «опасаться», «испугаться». В работе выделяются несколько категорий лексем: 1) обозначающие саму эмоцию (страх, ужас, тревога); 2) описывающие физиологические реакции (дрожь, сердцебиение); 3) отражающие поведенческие изменения (бояться, скрываться, убежать). Методика исследования включает контекстуальный анализ фрагментов текста, где эти лексемы используются для создания психологически напряженных и эмоционально насыщенных сцен. В статье делается вывод о том, что использование лексем, связанных с выражением страха, позволяет автору описать внутренний мир своих персонажей и создать напряженную атмосферу произведения. Исследование также выявляет, как лексические средства усиливают реализм и эмоциональную интенсивность, способствуют восприятию психологических портретов героев. В сравнении с предыдущими работами по анализу художественного языка, исследование выделяется детализированным подходом к лексическим единицам и их функциональной значимости в контексте идиолекта Достоевского.

Ключевые слова: эмоции, лексико-семантическое поле, Ф. М. Достоевский, лексема, роман «Преступление и наказание».

Tatiana S. Orlova

St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design

SEMANTIC FIELD OF FEAR EMOTIVES

The article is devoted to analyzing the functioning of lexical means describing the emotional state of characters in F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". The aim of the research is to study the lexicon that conveys fear and accompanying feelings. For this purpose, the lexemes belonging to the semantic field of fear, such as "fear", "horror", "anxiety", as well as predicates such as "to be afraid", "to fear", "to be frightened" are analyzed. Several categories of lexemes are distinguished in the work: 1) denoting the emotion itself (fear, horror, anxiety); 2) describing physiological reactions (trembling, heartbeat); 3) reflecting behavioral changes (to be afraid, to hide, to run away). The research methodology includes contextual analysis of text fragments where these lexemes are used to create psychologically tense and emotionally intense scenes. The article concludes that the use of lexemes associated with the expression of fear allows the author to describe the inner world of his characters and create a tense atmosphere of the work. The study also reveals how lexical means enhance realism and emotional intensity, contribute to the perception of psychological portraits of the characters. Compared to previous works on the analysis of artistic language, the study stands out for its detailed approach to lexical units and their functional significance in the context of Dostoevsky's idiolect.

Keywords: emotives, lexical-semantic field, F. M. Dostoevsky, lexeme, novel "Crime and Punishment".

Эмоции играют ключевую роль в художественной выразительности и создании образов и сюжетных линий, которые заставляют читателей сопереживать персонажам. Эмоциональная лексика не только отражает, но и формирует психологическую составляющую текста. Анализ лексики, содержащей описание эмоционально-волевого состояния человека, позволяет изучить, как авторы выбирают и используют слова для передачи сложных чувственных состояний. Это также способствует пониманию того, как элементы языка влияют на восприятие и интерпретацию текстов. **Цель** исследования: изучение функционирования лексических средств, описывающих эмоциональное состояние в русскоязычной художественной литературе. **Материалом** исследования послужил текст романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского.

Ф. М. Достоевский мастерски использует психологический реализм. Он глубоко исследует внутренний мир своих персонажей, особенно главного героя, Родиона Раскольникова. Читатели наблюдают за его мыслительными процессами, моральными дилеммами и эмоциональными потрясениями, что позволяет глубже понять мотивацию его поступков. Психологическая напряженность поддерживается посредством внутренних монологов и диалогов с другими персонажами [Афанасьева, 2021, с. 288]

Для анализа рассматриваемого семантического поля следует отобрать лексемы, которые выражают различные аспекты и проявления состояния страха. Эти лексемы можно сгруппировать в несколько категорий, каждая из которых репрезентирует один из аспектов общего представления о страхе.

Первая категория включает лексемы, описывающие само чувство страха. В эту категорию входят слова «страх», «ужас», «тревога». Эти слова часто встречаются в описаниях эмоциональных состояний персонажей.

Вторая категория состоит из лексем, описывающих физиологические и эмоциональные реакции на страх. Это такие лексические элементы, как «дрожь», «сердцебиение».

Третья категория содержит лексемы, характеризующие поведение и действия под влиянием страха. В эту категорию входят предикаты «бояться», «опасаться», «скрываться», «прятаться», «убегать». Изображение страха непосредственно самой лексической единицей «страх» представлено, например, в следующих контекстах:

*«**Страх** охватывал его всё больше и больше, особенно после этого второго, совсем неожиданного убийства».*

*«Давешний **страх** опять охватил его всего, с ног до головы».*

*«**Страх**, как лед, обложил его душу, замучил его, окоченил его...» [Достоевский].*

Использование лексемы «страх» в этих примерах демонстрирует ее способность передавать интенсивность эмоций персонажа. Сочетание лексемы «страх» с глаголами «охватывать», «обложить», а также с образными сравнениями («как лед») создает метафоры, которые усиливают эстетический эффект произведения. Повторение лексемы в разных контекстах акцентирует ее значимость и способствует созданию напряженной атмосферы, подчеркивает внутренние переживания и мучения героя.

Чувство страха может также выражаться с использованием слова «ужас». Например:

*«Он проснулся весь в поту, с мокрыми от поту волосами, задыхаясь, и приподнялся в **ужасе**».*

*«Первоначальное изумление его мало-помалу сменилось **ужасом**, как будто мороз прошел по спине его».*

*«Вдруг он весь вздрогнул от **ужаса**: «Боже мой, – шептал он в отчаянии, – что со мною? Разве это спрятано? Разве так прячут?» [Достоевский].*

Приведенные примеры показывают, что слово «ужас» также передает сильные эмоции и реакцию на страх. Лексема «ужас» используется в контексте физического и эмоционального потрясения, что подчеркивается описанием таких реакций, как потливость, дрожь. Использование слова «ужас» наряду с лексемой «страх» обогащает семантическое поле, создает более полную и многоаспектную картину эмоционального состояния персонажа.

Среди лексем, связанных с ядром семантического поля «страх» также находится слово «тревога». Рассмотрим примеры.

*«Но вся эта непрерывная **тревога** и весь этот ужас душевный не могли пройти без последствий».*

*«Порой овладевала им болезненно-мучительная **тревога**».*

*«И до того уже задавила его безвыходная тоска и **тревога** всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения» [Достоевский, 2008].*

Лексема «тревога» в этих контекстах репрезентирует постоянное состояние беспокойства и душевного волнения, которые преследуют персонажей. Фразы «беспрерывная тревога» и «болезненно-мучительная тревога» подчеркивают хроническую природу этого состояния, показывая, как тревога постепенно разрушает внутренний мир героев.

Таким образом, анализ лексем «страх», «ужас» и «тревога» в романе «Преступление и наказание» показывает, как автор использует различные аспекты и проявления страха для создания реалистичных психологических портретов своих героев.

Следующая категория содержит в себе лексемы, которые описывают не моральное, а физиологическое состояние персонажей, реакцию тела на страх.

*«С замиранием сердца и нервной **дрожью** подошел он к преогромнейшему дому, выходящему одною стеной на канаву, а другою в улицу».*

*«Нервная **дрожь** его перешла в какую-то лихорадочную; он чувствовал даже озноб; на такой жаре ему становилось холодно».*

*«Нервная **дрожь** продолжалась еще во всем его теле»*

*«Ба! это голос дворника... Что ему надо?» Он вскочил и сел на диване. **Сердце стучало** так, что даже больно стало» [Достоевский].*

Лексема «дрожь» в атрибутивных сочетаниях с прилагательными «нервная» и «лихорадочная» усиливает впечатление физического дискомфорта и напряжения, которые испытывают герои. Описания телесных реакций (дрожь, озноб и ощущение холода) создают образ того, как страх проникает в физическую оболочку персонажа, что делает его состояние более реалистичным для читателя.

В то же время описание учащенного сердцебиения («Сердце стучало так, что даже больно стало») показывает внезапность и интенсивность переживаемого страха, является индикатором крайнего нервного напряжения и тревоги персонажа. Такое детализированное описание физиологических реакций показывает, как страх может полностью овладеть человеком.

Важно также и то, как в романе описываются действия, совершаемые под влиянием страха. Так, например, одним из основных предикатов состояния страха является глагол «бояться».

*«Любопытно, чего люди больше **боятся**? Нового шага, нового собственного слова или всего больше **боятся**».*

«Боялся он погони, боялся, что через полчаса, через четверть часа уже выйдет, пожалуй, инструкция следить за ним; стало быть, во что бы ни стало, надо было до времени схоронить концы».

*«А ведь точно они **боятся** меня», – думал сам про себя Раскольников, исподлобья глядя на мать и сестру»* [Достоевский].

Данные примеры показывают, как действия и мышление персонажей обусловлены их страхами. В первом примере страх перед новым шагом или словом репрезентирует страх перемен и ответственности. Во втором примере глагол «бояться» конкретизирован страхом перед погоней и следствием, что указывает на постоянное напряжение и чувство преследования, характерное для Раскольникова после совершения преступления. Третий пример содержит страх окружающих перед самим Раскольниковым, что подчеркивает его отчужденность и влияние его действий на близких.

Также, как и глагол «бояться», страх могут описывать и другие предикаты, относящиеся к семантическому полю «страх». Например, «опасаться» и «испугаться».

*«**Опасаясь**, что старуха испугается того, что они одни, и не надеясь, что вид его ее разuverит, он взялся за дверь и потянул ее к себе, чтобы старуха как-нибудь не вздумала опять запереться».*

*«Петр Петрович презирал и ненавидел его даже сверх меры, почти с того самого дня, как у него поселился, но в то же время как будто несколько **опасался** его».*

*«Он помнил, однако, как вдруг, выйдя на канаву, **испугался**, что мало народу и что тут приметнее, и хотел было повернуть назад в переулок».*

*«Но урок, урок ему сегодняшний в «Хрустальном дворце», это верш совершенства! Ведь ты его **испугал** сначала, до судорог довел!»* [Достоевский].

В первом примере глагол «опасаться» подчеркивает осторожность персонажа, который старается предотвратить возможный страх другого. Это указывает на осознание возможных последствий своих действий и попытку избежать негативной реакции. Второй пример показывает внутренний конфликт Петра Петровича, который одновременно презирает и опасается другого персонажа, что демонстрирует сложные эмоциональные отношения и глубокое чувство тревоги.

В свою очередь, глагол «испугаться» скорее изображает внезапное возникновение страха в определенной ситуации, когда герой осознает потенциальную опасность и принимает решение изменить свое поведение. В последнем же примере изображена ситуация, когда сильный испуг может довести человека до физического состояния судорог.

Таким образом, использование предикатов «опасаться» и «испугаться» в романе «Преступление и наказание» помогает автору передать различные оттенки и аспекты страха. Эти лексемы обогащают семантическое поле страха, создают более сложные образы персонажей и их эмоционального состояния. Анализ этих предикатов показывает, как страх проявляется в разных формах и как он влияет на поведение, мысли и взаимоотношения героев, увеличивают психологическую глубину произведения.

Таким образом, анализ семантического поля «страх» в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского показывает, что автор использует разнообразные лексемы («страх», «ужас», «тревога», «дрожь», «сердцебиение») и предикаты («бояться», «опасаться», «испугаться») для создания более полной картины эмоционального состояния персонажей. Так, слова «страх», «ужас» и «тревога» передают психологическое напряжение; «дрожь» и «сердцебиение» описывают физиологические реакции на страх; «бояться», «опасаться» и «испугаться» характеризуют поведенческие изменения под влиянием страха. Лексемы, описывающие физиологические реакции и действия под влиянием страха, усиливают реалистичность психологических портретов, что способствует созданию

напряженной атмосферы и усиливает впечатления от произведения. Такие лексические единицы как «страх», «ужас», «тревога», «дрожь», «сердцебиение» и глаголы с элементами семантики страха «бояться», «опасаться», «испугаться», используются для создания детализированного изображения эмоционального состояния персонажей. Эти слова передают психологическое напряжение, физиологические реакции и поведенческие изменения под влиянием страха, что делает состояние персонажей более реалистичным и ощутимым для читателя. Исследование семантического поля страха позволяет понять, как Ф. М. Достоевский использует язык для создания напряженной и эмоционально насыщенной атмосферы.

Литература

- Афанасьева А. В. Нравственно-психологические аспекты проблемы преступления и наказания в мировой литературе // Молодежь и научно-технический прогресс. 2021. с. 288-290.
- Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман // интернет-библиотека Алексея Комарова: [сайт]. URL: <https://ilibrary.ru/text/69/index.html> (дата обращения: 01.09.2024).
- Драчевская А. В. Метафоры в языке художественной литературы // становление и развитие новой парадигмы инновационной науки в условиях современного общества. 2018. с. 109.
- Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках: монография / С. А. Моисеева. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 248 с.

References

- Afanasyeva A. V. Nравstvenno-psihologicheskie aspekty problemy prestupleniya i nakazaniya v mirovoj literature // Molodezh' i nauchno-tekhnikeskij progress. 2021. s. 288-290.
- Dostoevskij F. M. Prestuplenie i nakazanie: roman // Internet biblioteka Alekseya Komarova: URL: <https://ilibrary.ru/text/69/index.html> (data obrashcheniya: 01.09.2024).
- Drachevskaya A. V. Metaforы v yazyke hudozhestvennoj literatury // stanovlenie i razvitie novoj paradigmy innovacionnoj nauki v usloviyah sovremennogo obshchestva. 2018. s. 109.
- Moiseeva S. A. Semanticheskoe pole glagolov vospriyatiya v zapadno-romanskih yazykah: monografiya / S. A. Moiseeva. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2005. 248 s.

КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДИКА АНАЛИЗА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В ДИСКУРСЕ ПУБЛИЧНЫХ ОБРАЩЕНИЙ БАРАКА ОБАМЫ

Публичные обращения президентов продолжают интересовать лингвистов и филологов. Многие ученые изучают речи глав государств, обращая внимание на концептуальные метафоры, которые являются неотъемлемой частью выступлений президентов. В данной статье рассматривается комплексная методика анализа концептуальных метафор. В качестве примера анализу подвергается спортивная метафора. Данная методика учитывает фреймо-слотовую организацию метафор, их компонентный состав, синонимические ряды, комбинаторику, корпусные особенности и мелодическое оформление. В некоторых случаях для более детального исследования применяется метод этимологического анализа основных лексем, участвующих в процессе метафоризации. Такая методика позволяет комплексно исследовать концептуальные метафоры в дискурсе бывшего президента США, так как описываются и анализируются различные аспекты метафоры, которые участвуют в актуализации прагматического потенциала.

Ключевые слова: концептуальная метафора, дискурс, анализ, прагматический потенциал, интонация

Maxim Petrov

Ural Federal University

COMPLEX METHODOLOGY OF ANALYZING CONCEPTUAL METAPHORS IN BARACK OBAMA'S DISCOURSE OF PUBLIC ADDRESSES

Presidents' public speeches are still of interest to linguists and philologists. Many scholars study the speeches of heads of state paying attention to the conceptual metaphors presidents use during their address. We discuss a multifaceted methodology of analyzing conceptual metaphors. This methodology takes into account the frame-slot organization of metaphors, their semantic structure, synonymic rows, collocations and melodic contours. In some cases we suggest analyzing the etymology of the main words that are involved in the process of metaphorization. The aforementioned methodology makes it feasible to conduct a detailed study of the conceptual metaphors the former president uses in his discourse. Such a detailed study becomes possible due to the fact that we are able to analyze different aspects of metaphor which lead to the pragmatic potential being realized.

Keywords: conceptual metaphor, discourse, analysis, pragmatic potential, intonation

Данная статья посвящена особенностям функционирования концептуальных метафор в политическом дискурсе. Работы российских и зарубежных исследователей в области теории концептуальной метафоры и теории метафорического моделирования [Баранов, 2014; Будаев, 2020; Попова, Стернин, 2007; Чудинов, 2013; Degani, 2015; Gilmore, 2015; Lakoff, Johnson, 1980; Leanne, 2009 и др.] свидетельствуют о том, что метафора обладает комплексным и многогранным характером. Принимая во внимание вышеизложенный тезис,

мы считаем, что для более детального изучения прагматической функции метафоры в речах президентов необходимо учитывать и исследовать различные языковые особенности, которыми обладают метафоризаторы и их окружение.

Таким образом, цель нашего исследования заключается в комплексном изучении прагматической функции концептуальных метафор в дискурсе публичных обращений Б. Обамы.

Для достижения поставленной цели была разработана и апробирована авторская методика анализа концептуальных метафор, которая состоит из следующих основных этапов:

- 1) типологизация концептуальных метафор с учетом лексикографических данных;
- 2) исследование семантической структуры ключевых лексем, участвующих в процессе метафоризации;
- 3) изучение контекстуальных комбинаторных особенностей ключевых лексем метафоры в сопоставлении с лингвистическим корпусом;
- 4) компьютерная генерация мелодического контура и спектрального рисунка метафоры и ее ближайшего окружения с последующим интонационным анализом.

Проиллюстрируем данную методику на примере спортивной метафоры в дискурсе Б. Обамы. В ходе анализа языкового материала нам удалось сгруппировать метафоры по фреймо-слотовому принципу. В качестве примера приведем фрейм 1 «Виды игры и спорта» и входящий в его структуру слот 1.1. «Игра в обобщенном значении».

Метафоры данного слота представлены лексемами *win*, *play* и *game*. Рассмотрим лексему *win* и составим ее сводную дефиницию: *to achieve victory or finish first in a competition; to gain a victory; be victorious; triumph; to finish in first place in a race, contest, etc.; to succeed by striving or effort*. Рассмотрим синонимический ряд: *achieve, beat, edge out, gain, overcome, prevail, triumph, upset, conquer*. Выделим ключевые семы: действие (*achieve, finish, gain, succeed*), объект действия (*victory, first place, triumph*), образ действия (*by striving or effort*), область действия (*competition, race, contest*). Таким образом, мы получаем, что лексема *win* обозначает факт достижения победы в разных видах соревнования посредством упорного труда и приложения усилий.

Используя полученные данные, проанализируем следующий контекст:

*1. And let's realize the Trans-Pacific Partnership this year, so our two nations can compete and **win in the fast-growing markets of the Asia Pacific** [Obama Address to the People of Mexico, 2013].*

В данном контексте Б. Обама обращается к народу Мексики и предлагает совместно с США заняться реализацией Тихоокеанского партнерства, которое позволит обеим странам преуспеть на быстроразвивающихся рынках Азиатско-Тихоокеанского региона. Президент использует данную метафору, чтобы сделать акцент на том, что такое партнерство даст возможность не только конкурировать на данных рынках, но также будет способствовать достижению главенствующей роли США и Мексики в этом секторе.

Акустический анализ данной метафоры показывает, что в синтагме «*so our two nations can compete and win*» глагол «*win*» в примере 1 произносится с восходяще-нисходящим ядерным тоном, которому предшествует нисходящая ступенчатая шкала с ударными словами *two* и *nations*. (рис. 1). Данный ядерный тон в настоящем контексте выполняет импрессионную функцию и интенсификационную функцию (в значении *even*) [Wells, 2006: 218]. Таким образом, президент использует настоящий тон в структуре ступенчатой шкалы, чтобы выделить семантику метафоры и впечатлить свою публику, сделав акцент на том, что благодаря партнерству двух стран будет не только возможно конкурировать на этом рынке,

но и занять на нем лидирующую позицию. На спектрограмме (рис. 2) мы наблюдаем тембральные характеристики синтагмы *our nations can compete and win*. Метафора с лексемой *win* вместе со словом *nations* получают наибольшее акустическое выделение в данной синтагме и окрашены теплыми цветами спектра (преимущественно желтый), что говорит о желании Б. Обамы эмоционально выделить образ совместного достижения главной цели – победы.

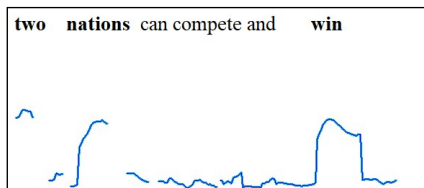

Рис. 1. Интонаграмма «two nations can compete and win»

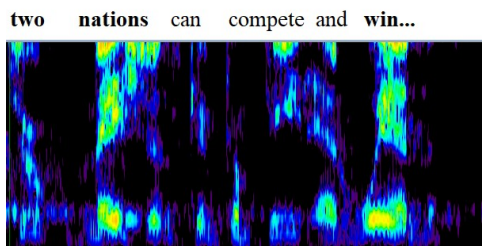

Рис. 2. Спектрограмма «two nations can compete and win»

Метафора победы используется в следующем примере, когда президент говорит о необходимости бесплатного образования в общественных (местных) колледжах:

2. *Every American, whether they're young or just young at heart, should be able to earn the skills and education necessary to compete and win in the 21st century economy* [Obama Free Community College Plan Speech, 2015].

Б. Обама заявляет, что у каждого гражданина США должна быть возможность получить образование и навыки, необходимые в экономике 21 века. Используя данную метафору, президент подчеркивает важность образования, без которого будет трудно гражданину Америки успешно функционировать в рамках современной экономики. В этом примере мы наблюдаем, что образ соревнования переносится на экономику, тем самым упрощая сложное абстрактное значение данного явления и наделяя его элементом спортивного соревнования, в котором нужно стремиться к триумфу.

Рассмотрим интонационную составляющую данной метафоры. Акустический анализ (рис.3) показывает, что ключевая лексема метафоры *win* произносится с восходяще-нисходящим ядерным тоном, который, как было установлено ранее, выполняет функции импрессии и интенсификации. Необходимо заметить, что в отличие от примера 1, ядерному тону предшествует пауза (0.45 ск), которая выполняет фокусирующую функцию [Бурая, 2009: 186; Hewings, 2007: 116], т.е. заставляет аудиторию обратить внимание на глагол *win*. Данной фокусировке способствуют и тембральные особенности произнесения лексемы *win* (рис. 4), которая, как видно из спектрограммы, по большей части окрашена яркими красными и желтыми цветами, что свидетельствует о более громком и эмоциональном выделении данной метафоры по сравнению с другими компонентами синтагмы. Таким образом, Б. Обама использует данные интонационные элементы, чтобы акустически сделать метафору

победы центром коммуникации и заставить публику впечатлиться возможным достижением победы на рынке труда 21 века.

compete and win in the 21st century economy

Рис. 3. Интонограмма «compete and win in the 21st century economy»

compete and win in the 21st century economy

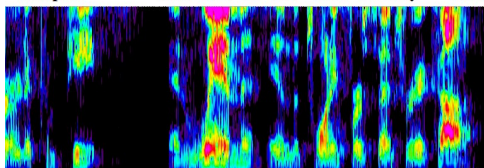

Рис. 4. Спектрограмма «compete and win in the 21st century economy»

На фразовом уровне метафора, построенная по модели $V*win*+Prep*in*+N$, имеет следующие реализации в корпусе: *win in end, playoffs, future, NFL, court, past*. Данные примеры свидетельствуют о близкой связи глагола *win* со спортивной сферой (*playoffs, NFL*), а также с темпоральным модусом (*end, future*). На уровне американской лингвокультуры, как мы видим, метафора несет положительные значения, так как указывают на спортивную победу, которая, так или иначе, достигается в будущем. Такие частотные ассоциации помогают президенту создать реальный положительный образ грядущей победы.

Метафора победы также может включать в свой состав фразовый глагол *win back*. Приведем сводную дефиницию данного глагола: *If you win back something that you have lost, you get it again, especially as a result of a great effort; to get something that you had before but lost temporarily; to regain, through effort or contest, something or someone that one has lost or no longer has; to get back something that you have lost*. Рассмотрим синонимический ряд: *redeem, buy (back), regain, pay off, reclaim, restore*. Вычленим ключевые семы: действие (*get back, regain, get again*), объект (*something, someone*), причина (*you have lost, lost temporarily*), образ действия (*through effort or contest, a great effort*). Таким образом, данный фразовый глагол описывает процесс возвращения (временно) утерянного объекта посредством соревнования или приложения значительных усилий со стороны субъекта.

Используя полученные лексикографические данные, проанализируем следующий контекст:

3. *And I think it's legitimate for them [American people] to expect me to have to **win back some credibility on this health care law in particular**, and on a whole range of these issues in general [Obama Press Conference on Modifications to the Affordable Act, 2013].*

В ходе пресс-конференции, которая была посвящена закону о доступном здравоохранении США, Б. Обама заявил, что граждане Америки вполне обоснованно могут рассчитывать на то, что президенту придется вновь заслужить доверие народа в том, что касается закона о здравоохранении и во многих других отношениях. Используя метафору победы вместе с абстрактным понятием *credibility*, президент создает материальный образ доверия, которое вполне можно вернуть, а также Б. Обама имплицитно, что он собирается приложить усилия для достижения своей цели. Таким образом, у слушателей создается впечатление добросовестного политика. Прагматика метафорической фразы усиливается за

счет модального глагола *have to*, который привносит оттенок долженствования, то есть Б. Обама демонстрирует своей публике, что завоевать доверие народа – это его долг.

Изучим интонационные особенности данной метафоры. Нижепредставленная интонограмма демонстрирует (рис. 5), что элемент метафоры *back* выделяется более четко и произносится с восходящее-нисходящим ядерным тоном в рамках нисходящей ступенчатой шкалы. Данный ядерный мелодический контур помогает, как было описано ранее, впечатлить публику, а также в настоящем контексте может выполнять функцию неодобрения [Wells, 2006: 219; Карневская, 2009: 230]. Тем самым, мы получаем дополнительное значение метафоры: президент интонационно выражает недовольство тем, что доверие народа было потеряно. Спектральный анализ (рис. 6) также показывает, что элемент метафоры победы *back* выделен президентом более эмоционально по сравнению с другими составляющими синтагму, так как имеет больше красных и желтых составляющих на спектральном рисунке.

to expect me to have to win back

Рис. 5. Интонограмма «to expect me to have to win back»

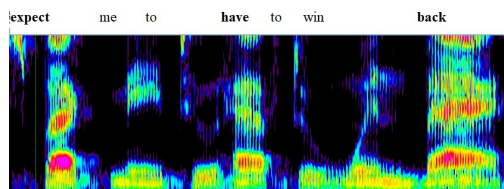

Рис. 6. Спектрограмма «to expect me to have to win back»

На фразовом уровне метафора, построенная по модели $V*win\ back*+N$, имеет следующие наиболее частотные реализации в корпусе: *win back The House, control, trust, Senate, confidence, voters, customers*. Данное наблюдение позволяет утверждать, что такая метафора часто используется в политических текстах. По этой причине президент внедряет ее в свои выступления, чтобы публика быстро и беспрепятственно декодировала нужное ему значение: необходимость вернуть потерянное доверие за счет усердного труда со стороны президента.

Таким образом, данная методика позволяет изучить и описать прагматический потенциал концептуальных метафор, учитывая их разные языковые конститuenty в публичных обращениях. В будущем планируется дополнить настоящую модель анализом невербальной составляющей выступлений президента (мимика и жесты), что позволит расширить анализ и получить многогранную характеристику дискурса президента.

Литература

- Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. — М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
- Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология [Электронный ресурс]: монография. — 2-е изд., испр. и доп. — Электрон.текстовые дан. (4,4 Мб). — СПб.: Научные технологии, 2020. 464 с
- Бурая Е. А.. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс: учебник: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям направления «Лингвистика и межкультурная коммуникация». М., 2009. 271 с.
- Карневская Е. Б. Практическая фонетика английского языка для продвинутого этапа обучения: учебное пособие. М., 2009. 410 с.
- Попова З.Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика: монография. М., 2007. 314 с.
- Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.
- Degani, M. Framing the Rhetoric of a Leader: an Analysis of Obama's Election Campaign Speeches. Palgrave Macmillan. London. 2015. 315 p.
- Gilmore, J. American exceptionalism in the American mind: Presidential discourse, national identity and U. S. public opinion // Communication Studies. 2015. № 66 (3). 301-320 pp.
- Hewings M. English Pronunciation in Use. Advanced. Cambridge, 2007. 192 p.
- Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By. Chicago. University of Chicago Press, 1980. 256 p.
- Leanne, S. Say it Like Obama: The Power of Speaking with Purpose and Vision. McGraw-Hill. 2009. Pp. 267.
- Wells J. C. English Intonation. An Introduction. Cambridge, 2006. 276 p.
- American Rhetoric. Online Speech Bank. <https://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
- Collins Online Dictionary. <https://www.collinsdictionary.com/>
- Merriam-Webster. <https://www.merriam-webster.com/>
- The American Heritage Dictionary of the English Language. <https://ahdictionary.com/>
- The Britannica Dictionary. <https://www.britannica.com/dictionary>
- The Corpus of Contemporary American English (COCA). <https://www.english-corpora.org/coca/>

References

- Baranov A. N. Descriptornaya teoriya metafory'. — M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2014. 632 s.
- Budaev E'. V. Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya [E'lektronny'j resurs]: monografiya. — 2-e izd., ispr. i dop. — E'lektron.tekstovy'e dan. (4,4 Mb). — SPb.: Naukoemkie tehnologii, 2020. 464 s
- Buraya E. A. Fonetika sovremennogo anglijskogo yazy'ka. Teoreticheskij kurs : uchebnik : dlya studentov vy'sshix uchebny'x zavedenij, obuchayushixsya po special'nostyam napravleniya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya". M., 2009. 271 s.
- Karnevskaya E. B. Prakticheskaya fonetika anglijskogo yazy'ka dlya prodvnutogo e'tapa obucheniya : uchebnoe posobie. M., 2009. 410 s.
- Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika: monografiya. M., 2007. 314 s.
- Chudinov A. P. Oчерки po sovremennoj politicheskoy metaforologii: Monografiya / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.
- Degani, M. Framing the Rhetoric of a Leader: an Analysis of Obama's Election Campaign Speeches. Palgrave Macmillan. London. 2015. 315 p.
- Degani, M. Framing the Rhetoric of a Leader: an Analysis of Obama's Election Campaign Speeches. Palgrave Macmillan. London. 2015. 315 p.
- Gilmore, J. American exceptionalism in the American mind: Presidential discourse, national identity and U. S. public opinion // Communication Studies. 2015. № 66 (3). 301-320 pp.
- Hewings M. English Pronunciation in Use. Advanced. Cambridge, 2007. 192 p.

Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. Chicago. University of Chicago Press, 1980. 256 p.

Leanne, S. *Say it Like Obama: The Power of Speaking with Purpose and Vision*. McGraw-Hill. 2009. Pp. 267.

Wells J. C. *English Intonation. An Introduction*. Cambridge, 2006. 276 p.

American Rhetoric. Online Speech Bank. <https://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>

Collins Online Dictionary. <https://www.collinsdictionary.com/>

Merriam-Webster. <https://www.merriam-webster.com/>

The American Heritage Dictionary of the English Language. <https://ahdictionary.com/>

The Britannica Dictionary. <https://www.britannica.com/dictionary>

The Corpus of Contemporary American English (COCA). <https://www.english-corpora.org/coca/>

Пивень И. В., Уварова Д.А

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

**РЕЧЕВАЯ КОМПРЕССИЯ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО
ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ
В. В. ПУТИНА)**

Данная статья посвящена исследованию явления речевой компрессии в синхронном переводе с русского языка на английский на материале интервью В. В. Путина американскому журналисту Такеру Карлсону. Анализируются ключевые виды речевой компрессии — слоговая, синтаксическая, лексическая и семантическая, а также факторы, влияющие на их применение, такие как временные ограничения, лексическая и синтаксическая сложность исходного текста, стиль и ритм речи оратора. В исследовании рассматриваются теоретические аспекты, предложенные ведущими специалистами в области перевода, и проводится их практическая проверка на примерах из перевода интервью. Основные выводы заключаются в том, что речевая компрессия является важным инструментом смысловой адаптации, позволяющим переводчикам оперативно передавать основное содержание, избегая информационной избыточности. Данное исследование вносит вклад в совершенствование методик подготовки синхронных переводчиков и предлагает эффективные подходы для повышения точности и качества перевода.

Ключевые слова: синхронный перевод, речевая компрессия, факторы компрессии, классификация речевой компрессии.

Irene V. Piven, Diana A. Uvarova
Linguistics University of Nizhny Novgorod**SPEECH COMPRESSION IN SIMULTANEOUS INTERPRETING FROM RUSSIAN
INTO ENGLISH. CASE STUDY OF V. PUTIN'S INTERVIEW**

The article explores the phenomenon of speech compression in simultaneous interpreting from Russian into English based on the case study of V. Putin's interview to American journalist Tucker Carlson. It examines key types of speech compression—syllabic, syntactic, lexical, and semantic—as well as factors influencing their application, such as time constraints, lexical and syntactic complexity of the source text, and the speaker's style and pace. The study integrates theoretical insights from prominent translation scholars and tests them with hands-on examples from the interpretation script. The findings highlight that speech compression is a critical tool for semantic adaptation, enabling interpreters to convey core meanings efficiently while eliminating redundancy. This research contributes to the development of simultaneous interpreter training methodologies and proposes effective strategies for improving translation accuracy and quality.

Keywords: simultaneous interpreting, speech compression, compression factors, classification of speech compression.

Введение

В современном мире в условиях глобализации и постоянного взаимодействия различных культур и народов синхронный перевод занимает особое место. Он используется на конференциях, дипломатических встречах, в СМИ и в бизнесе, способствуя эффективному обмену информацией между носителями различных языков.

Речевая компрессия в синхронном переводе традиционно рассматривается в качестве одного из средств обеспечения самой возможности этого вида переводческой деятельности. В данном виде перевода компрессия особенно важна, так как переводчик ограничен во времени и должен оперативно передавать информацию, избегая излишней многословности и сохраняя при этом точность и ясность перевода.

Данная статья посвящена исследованию факторов и приемов речевой компрессии в синхронном переводе с русского языка на английский. Материалом для исследования послужила расшифровка перевода интервью В. В. Путина американскому журналисту Такеру Карсону от 08 февраля 2024 года, размещенного на сайте Кремля. Актуальность выбора темы обусловлена потребностью в изучении эффективных методов речевой компрессии, которые позволяют синхронным переводчикам успешно справляться с поставленными перед ними задачами.

Речевая компрессия в синхронном переводе

Ключевым понятием настоящего исследования является прием речевой компрессии. Рассматривая данный термин в трактовке известных советских переводоведов, мы можем проследить, что ученые трактуют его по-разному. Например, А. Ф. Ширяев определяет речевую компрессию как «способ уменьшения объема сообщения без нанесения существенного ущерба выполнению задачи, которую ставит перед собой говорящий» [Ширяев, 1979, с. 83]. В трудах Г. В. Чернова речевая компрессия определяется как «экономию речевых средств для выражения того же содержания» [Чернов, 1987, с. 147].

На основании упомянутых выше определений, а также анализа трудов Л. Виссон, В. М. Илюхина, В. Н. Комиссарова, предлагаем рассматривать речевую компрессию как важную стратегию в синхронном переводе, направленную на оптимизацию передачи информации и заключающуюся в сокращении объема передаваемого текста без потери его смысловой нагрузки. Данное определение отражает наиболее целостное представление о речевой компрессии в рамках синхронного перевода.

Стоит отметить, что в основном речевая компрессия применяется при переводе с многословных языков на более лаконичные. Например, синхронный перевод с русского на английский часто требует применения компрессии, так как русский язык тяготеет к более развернутым формулировкам и использованию сложных конструкций, в то время как английский язык допускает более емкое выражение тех же идей. Также необходимо упомянуть и длину слога. Русские слова обычно считаются более длинными, чем английские, а значит, сжатие будет происходить естественным образом: средняя слоговая длина в русском языке (7,5 символов) почти в три раза больше, чем в английском [Бойков и др., 2005].

В данной статье будем рассматривать речевую компрессию только в контексте перевода с русского языка на английский, так как факторы применения компрессии при переводе в обратном направлении — с английского на русский — отличаются и требуют иных подходов к рассмотрению.

Как было упомянуто выше, в условиях синхронного перевода речевая компрессия особенно актуальна, так переводчик работает в ограниченных временных рамках и сталкивается с высокой скоростью речи оратора. Однако существует еще несколько

факторов, обуславливающих применение данного приема, таких как лексическая и синтаксическая сложность исходного текста, стиль речи оратора, скорость речи и ритм, знание переводчиком предметной области.

Подробно изучив несколько классификаций факторов применения речевой компрессии в процессе синхронного перевода, следует выделить два ключевых аспекта, которые требуют более подробного рассмотрения: строгие временные рамки, с которыми сталкиваются переводчики в процессе работы и речевая избыточность.

Дефицит времени и необходимость быстрого принятия переводческих решений оказывают влияние на качество перевода и побуждают переводчиков к использованию таких стратегий, как компрессия речи. Это помогает сократить объем исходного текста и сэкономить время и усилия. Скорость речи оратора также порой заставляет переводчика прибегнуть к данной стратегии. Чем быстрее говорит выступающий, тем больше ограничений возникает у переводчика, поскольку скорость мыслительных процессов имеет свои естественные пределы. Попытки выйти за эти пределы могут привести к потере концентрации, ошибкам и упущению важной информации, поэтому умелое применение компрессии помогает минимизировать вероятность ошибок.

Основанием для применения речевой компрессии также может служить речевая избыточность. В естественной речи часто встречаются повторы, вводные слова и фразы, которые не несут существенной смысловой нагрузки. Устранение таких элементов позволяет сосредоточиться на передаче ключевых смыслов, что делает перевод более четким и лаконичным.

Более того, в исходном тексте мы можем столкнуться с информационной избыточностью речи. Она проявляется в повторяющихся информативных элементах в тексте, поэтому перевод некоторых из них может быть опущен с сохранением общего смысла сообщения.

Механизмы речевой компрессии требуют применения определенных переводческих трансформаций, в частности изменения лексико-семантической и синтаксической структуры текста. Следует упомянуть, что, несмотря на многочисленные попытки классификации приемов речевой компрессии, полной классификации так и не удалось создать из-за большого количества приемов и особенностей синхронного перевода. Например, В. М. Илюхин в своем исследовании выделяет несколько видов компрессии:

1. Слоговая (выбор слова с меньшим количеством слогов).
2. Синтаксическая (выбор в пользу более лаконичной конструкции).
3. Лексическая (выражение мысли меньшим числом слов).
4. Семантическая (сокращение повторяемости избыточных слов) [Илюхин, 2001, с. 92].

В то же время В. Н. Комиссаров классифицирует наиболее распространенные виды компрессии таким образом:

1. Генерализация (обобщенное изложение содержания текста. Как правило, это осуществляется последовательным суммированием информации, содержащейся в одном-двух абзацах.)
2. Селекция (данный прием основывается на выборе высказываний в тексте, которые суммируют часть содержания. Такие высказывания чаще обнаруживаются в начале или в конце абзаца.)
3. Синтаксическая и лексическая компрессия (представляет собой замену предложений и словосочетаний более краткими оборотами.) [Комиссаров, 2002, с. 401].

Изучив работы таких ученых как Л. Виссон, В. М. Илюхин, В. Н. Комиссаров, Г. В. Чернов, А. Ф. Ширяев, исследования которых посвящены рассмотрению приемов речевой компрессии и их классификации, мы приняли решение выбрать для своего исследования наиболее компактную классификацию по способу осуществления компрессии, предложенную В. М. Илюхиным. Для иллюстрации данного теоретического материала нами был проведен анализ расшифровки синхронного перевода интервью В. В. Путина американскому журналисту Такеру Карлсону с русского на английский. Хронометраж исходного выступления составил около двух часов, однако в силу ограниченного объема статьи мы приводим выборку лишь отдельных, наиболее иллюстративных примеров, демонстрирующих приемы речевой компрессии на основании представленной выше классификации.

Приведем примеры на каждый вид компрессии:

1) Слоговая компрессия

Оригинал	Перевод
Мы не закрыты для переговоров. Более того, эти <i>переговоры</i> ведутся, и было много случаев, когда мы договаривались [5].	We're ready to talk. Moreover, the <i>talks</i> are underway, and there have been many successful examples of these talks crowned with success [4].

В данном случае переводчик использовал слоговую компрессию при выборе наиболее подходящего эквивалента перевода для слова «переговоры». Выбор был сделан в пользу *talks* вместо более длинного *negotiations*.

Оригинал	Перевод
Теперь по поводу, как там <i>принимаются</i> решения. Германия, Франция вроде были против, так же как некоторые другие европейские страны [5].	Now about how decisions are <i>made</i> there. Germany, France seemed to be against it, as well as some other European countries [4].

Количество символов в исходном тексте (112) больше, чем в переводе (101). Это становится возможным благодаря краткости английских слов по сравнению с русскими, например, *made* – принимают.

2) Синтаксическая компрессия

Оригинал	Перевод
<i>Мы сейчас не будем говорить...</i> [5].	<i>Let's not talk about...</i> [4].

На синтаксическом уровне компрессия проявляется в использовании более кратких, компактных конструкций при переводе.

В данном примере перевод сложной грамматической структуры *We're not going to...* осуществляется при помощи сокращенной конструкции *Let's not*. Выбор переводчика является иллюстрацией синтаксической компрессии. Несмотря на то, что выбранная переводчиком конструкция короче, она четко передает смысл высказывания, не нарушая его.

Оригинал	Перевод
Я думаю, что Маска <i>остановить невозможно</i> – он всё равно будет делать то, что считает нужным [5].	I think <i>there's no stopping</i> Elon Musk. He will do as he sees fit [4].

Приведем еще один пример синтаксической компрессии, в котором переводчик снова сделал выбор в пользу наиболее лаконичной грамматической конструкции с полным сохранением изначального смысла.

Оригинал	Перевод
Российское государство стало собираться как централизованное, это считается годом создания Российского государства – 862 год, когда новгородцы – <i>есть такой город Новгород на северо-западе страны</i> – пригласили на княжение князя Рюрика из Скандинавии, из варягов [5].	The Russian state started gathering itself as a centralized statehood, and it is considered to be the year of the establishment of the Russian state, in 862 when the townspeople of Novgorod invited a Varangian prince, Rurik, from Scandinavia to reign [4].

Третий пример иллюстрирует опущение переводчиком добавочной информации оратора, что также является следствием применения синтаксической компрессии. С помощью грамотно выстроенного предложения был передан весь смысл высказывания без использования уточняющей конструкции.

3) Лексическая компрессия

Оригинал	Перевод
А когда Варшава им <i>в принципе</i> ничего не ответила и практически как бы отвергла эти требования, они начали обращаться в Москву, чтобы Москва их забрала к себе [5].	When Warsaw did not answer them, and in fact rejected their demands, they turned to Moscow, so that Moscow took them away [4].

Компрессии на лексическом уровне можно добиться и путем простого опущения. В данном примере переводчик опускает обобщающую конструкцию «в принципе», тем самым выигрывает для себя время и возможность подумать над переводом остальной части предложения, при этом полностью сохраняя всю информацию, содержащуюся в высказывании.

Оригинал	Перевод
Из ЦРУ <i>пришел ответ</i> ...[5].	The CIA <i>replied</i> ...[4].

Здесь мы можем проследить такой прием, как персонификация. В вышеуказанном примере количество символов в переводе сократилось за счет превращения второстепенных членов предложения в исходном тексте в главные члены предложения в переводе. Персонификация также является частью лексической компрессии [Полуян, 2011, с. 64].

4) Семантическая компрессия

Оригинал	Перевод
Всё он понимал и всё <i>смыслил</i> , я Вас уверяю [5].	He understood everything, I assure you [4].

На семантическом уровне компрессия чаще всего проявляется в устранении избыточности, проявляющейся в виде повторов и дублирования некоторых сведений, отступлений от темы, обобщений говорящего и т. д. Этот пример иллюстрирует успешное применение семантической компрессии переводчиком: происходит опущение второго однородного члена предложения за счет подбора более широкого по значению эквивалента на английском языке.

Заключение

Мы провели анализ примеров осуществления речевой компрессии в синхронном переводе и выявили методы, используемые синхронными переводчиками в процессе их работы. Количество выявленных случаев речевой компрессии приводит к мысли о том, она действительно представляет собой эффективный инструмент для решения задач смысловой адаптации, позволяющий оптимизировать восприятие и передачу информации. Применение различных уровней компрессии — слоговой, синтаксической, лексической и семантической — помогает переводчику сохранять основное содержание сообщения, избавляясь от избыточных элементов, что позволяет сократить временной разрыв между переводом и оригиналом. Важно учитывать функцию каждого фрагмента речи и целевую значимость информации, чтобы верно определять степень и способ компрессии, обеспечивая точность и эффективность перевода. Это становится особенно важным в обучении синхронных переводчиков, которым необходимо развивать навыки быстрого анализа и отбора информации, чтобы оперативно передавать ключевые идеи без потери смысла содержания.

Литература

- Бойков В. В., Жукова Н. А., Романова Л. А. Распределение длины слов в русских, английских и немецких текстах // Мир лингвистики и коммуникации. 2005. №1 URL: http://tverlingua.ru/archive/001/01_1-006.htm (дата обращения 01.12.2024)
- Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский / Л. Виссон. М.: Р. Валент, 1999. 243 с.
- Илюхин В. М. Стратегии синхронного перевода (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода). Москва, 2001. 199 с.
- Интервью В. В. Путина Такеру Карлсону (транскрипт перевода на английский язык). URL: <https://www.rev.com/transcripts/tucker-carlson-interviews-vladimir-putin-transcript> (дата обращения 01.12.2024)
- Интервью В. В. Путина Такеру Карлсону (транскрипт перевода русский язык). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (дата обращения 01.12.2024)
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС. 2002. 424с.
- Полуян И. В. Компрессия в синхронном переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский. М.: «Р. Валент», 2011. 112 с.
- Чернов Г. В. Основы синхронного перевода: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М: Высш. шк., 1987. 256 с.
- Ширяев А. Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.

References

- Boikov V. V., Zhukova N. A., Romanova L. A. Raspredelenie dliny slov v russkikh, angliiskikh i nemetskikh tekstakh [Word length distribution in Russian, English and German texts] // *Mir lingvistiki i kommunikatsii* [World of linguistics and communication]. 2005. No.1. URL: http://tverlingua.ru/archive/001/01_1-006.htm (access date 01.12.2024).
- Visson L. Sinkhronnyi perevod s russkogo na angliiskii [Simultaneous interpreting from Russian into English] / L. Visson. – Moscow : R. Valent, 1999. – 243 p.
- Ilyukhin V. M. Strategii sinkhronnogo perevoda (na materiale anglo-russkoi i russko-angliiskoi kombinatsii perevoda) [Strategies of simultaneous interpreting (Case study of English-Russian and Russian-English translation combinations)]. – Moscow, 2001. – 199 p.
- Interv'yuy V. V. Putina Takeru Karlsonu (transkript perevoda na angliiskii yazyk) [Tucker Carlson's interview with Vladimir Putin (English translation transcript)]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/tucker-carlson-interviews-vladimir-putin-transcript> (access date 01.12.2024).

- Interv'yu V. V. Putina Takeru Karlsonu (transkript perevoda russkii yazyk) [Tucker Carlson's interview with Vladimir Putin (Russian translation transcript)]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (access date 01.12.2024).
- Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie. Uchebnoe posobie [Modern Translation Studies. Textbook]. Moscow : EHTS. 2002. 424 p.
- Poluyan I. V. Kompessiya v sinkhronnom perevode s angliiskogo yazyka na russkii i s russkogo yazyka na angliiskii [Compression in simultaneous interpreting from English to Russian and from Russian to English]. Moscow: R. Valent, 2011. 112 p.
- Chernov G. V. Osnovy sinkhronnogo perevoda: Ucheb, dlya in-tov i fak. inostr. yaz. [Fundamentals of simultaneous interpreting: Textbook for Institutes and Departments of Foreign Languages]. Moscow: Vyssh. shk., 1987. 256 p.
- Shiryayev A. F. Sinkhronnyi perevod: Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda [Simultaneous interpreting: Interpreter's activities and training methodology for simultaneous interpreting]. Moscow: Voenizdat, 1979. 183 p.

КРИПТОФАЗИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ТАЙНОГО ЯЗЫКА

В настоящей статье обобщается и систематизируется информация о тайных языках, а также анализируется феномен криптофазии. Как правило, криптофазия представляет интерес для психологов и психолингвистов, однако в данной статье она рассматривается с точки зрения тайноречия, что обуславливает новизну исследования. Цель работы заключается в определении места криптофазии в системе тайных языков. Задачи исследования состоят в выявлении конститутивных признаков тайных языков, а также в определении специфических характеристик криптофазии. В ходе работы применялись метод сплошной выборки, дефиниционный анализ, описательный метод и семиотический анализ. В результате был сделан вывод о том, что тайные языки представляют собой семиотические системы, искусственно созданные закрытыми социальными группами с целью сокрытия информации от непосвящённых. На основе ряда признаков тайноречия в статье выявляются знаковые системы, относящиеся к тайным языкам, в частности криптофазия.

Ключевые слова: тайные языки, криптофазия, язык близнецов, семиотические системы, код, коммуникация.

Pivnenko Veronica V.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

CRYPTOPHASIA AS A TYPE OF A SECRET LANGUAGE

This article summarizes and systemizes data on secret languages. It also examines the phenomenon of cryptophasia. As a rule, cryptophasia is referred to as an object of psychological science, but in this work, it is analyzed as a kind of secret speech, which determines the novelty of the study. The purpose of the research is to identify the place of cryptophasia in the system of secret languages. The objectives of the study are to define the constitutive features of secret languages, as well as the specific characteristics of cryptophasia. Therefore, the method of continuous sampling, definition analysis, descriptive method and semiotic method were used. As a result, it was concluded that secret languages are semiotic systems artificially created by closed social groups in order to conceal information from the uninitiated. Based on a number of features of the secret languages, the article identifies sign systems related to this concept.

Keywords: secret languages, cryptophasia, twin language, semiotic systems, code, communication.

Понятие тайного языка охватывает чрезвычайно широкий спектр объектов лингвистического знания, однако всё ещё мало изучено. Тем не менее, целый ряд разновидностей тайных языков довольно часто встречается как в литературе и кино, так и в живой речи, что свидетельствует об актуальности представленной темы. Прежде всего, для дальнейшего анализа разновидностей тайных языков необходимо дать чёткую формулировку самого термина *тайный язык*.

«Возможно, тайные языки – это явление настолько же древнее, как и явление самого человеческого общества» [Russell, 2012, р. 605], однако в мнениях учёных насчёт определения данного понятия до сих пор наблюдаются значительные расхождения.

Некоторые исследователи конкретизируют понятие тайноречия, используя его в отношении криминального аргю. Отечественный социалингвист В. Д. Бондалетов считает, что тайноречие – это «арго профессиональных групп, имеющих склонность к использованию вместо общебытовой и профессиональной лексики непонятные, “секретные” слова».

Существует и более широкое понимание данного термина. Таким образом, П. Тиханов пишет, что «перечислить все условные (тайные) языки или жаргон отдельных классов нет никакой возможности, ибо здесь открытое и безграничное поле самой пылкой фантазии» [Тиханов, 2004, с. 9]. В его исследовании «Тайный язык нищих: Этнологический очерк» можно встретить упоминания об «условном языке цветов и цвета (окраски), [...] языке мушек, веера, [...] языке перчаток и проч.» [Там же. С. 8], а также описание древнего тайного языка, использовавшегося на Руси для условных переговоров, причём не только разбойниками, – языка свиста [Там же. С. 8]. Таким образом, к тайным языкам относят как лингвистические, так и нелингвистические семиотические системы. В настоящей статье анализ тайных языков также не ограничивается одним аргю.

В связи с этим возникает вопрос о том, можно ли считать тайным языком в самом широком смысле любой непонятный конкретному коллективу язык. На этот счёт Д. С. Лихачёв справедливо утверждает, что «никто не будет объявлять французский язык тайным и условным только потому, что некоторые русские помещики иногда пользовались им для сокрытия своего разговора от дворцовой прислуги» [Лихачёв, 1964, с. 318].

В фундаментальном труде М. Н. Приёмышевой подробно описывается явление тайноречия в России XIX в. Из него следует, что к тайным языкам относятся такие «разноразные объекты, как табуированные языки, шифры, галиматья, тарабарская грамота и пр.» [Приёмышева, 2009, с. 10]. М. Н. Приёмышева выделяет три основных функции тайного языка, а именно: социально-символическую, эзотерическую (или конспиративную) и игровую [Там же. С. 106–107]. *Социально-символическая* функция подразумевает идентификацию носителями тайного языка друг друга и демонстрацию этого факта окружающим. *Эзотерическая* функция направлена на сокрытие информации от непосвящённых. Наконец, *игровая* функция выражается в «направленности на сообщение как таковое» [Якобсон, 1975, с. 202].

Если говорить о лингвистических семиотических системах в контексте тайного языка, то справедливо утверждать, что они отличаются лексикой (в таком языке обычно существует не более 300–400 непронизуемых основ) и системой словообразования [Словарь социалингвистических терминов, 2006]. В нём тоже есть свои числительные и местоимения, конкретная лексика (названия частей тела, явлений природы, ремесленная терминология), ограниченное число абстрактных существительных, прилагательных и глаголов. При этом служебные слова зачастую те же, что и в общеупотребительном языке [БРЭ].

На основе всех вышеперечисленных фактов мы вывели собственное определение тайного языка. Итак, *тайный язык* – это искусственная семиотическая система, противопоставленная естественному языку и созданная конкретной социальной группой с целью сокрытия информации.

Далее мы сформировали перечень семиотических систем, которые могут быть отнесены к понятию тайного языка. Среди нелингвистических семиотических систем, которые могут характеризоваться как тайные, выделены *криптография* (а именно небуквенные символы, графические изображения, числа), *языки звука* (свист, мелодия, постукивания, хлопки), *цвета, света, жестов и поз, предметов* (включая одежду,

аксессуары, камни, цветы, зеркала и любые другие предметы, о потайном смысле которых известно лишь определённой социальной группе), *сигнальные системы костров*.

В число тайных лингвистических семиотических систем вошли *арго* (сюда же относятся языки нищих, торговцев и ремесленников), *кодовые фразы в случае возникновения чрезвычайных ситуаций* (при производстве, на судне, в аэропорту, торговом центре, больнице и пр.), *языки секретных служб, криптография* (а именно анаграммы, языковые ребусы), *женские и девичьи языки, цыганские языки* (например, *ломаврен*, который функционально «является тайным языком, используясь лишь в определенных ситуациях, когда возникает необходимость засекречивания речи от не-цыгана» [Восканян, 2011, с. 811]), *тайный язык и сигналы людей нетрадиционной ориентации, детские секретные языки и криптофазия*.

В настоящей статье мы намерены подробнее рассмотреть явление криптофазии, поскольку оно может вызывать наибольшее количество вопросов в рамках анализа тайноречия. *Криптофазия*, или *язык близнецов*, по мнению ряда учёных, представляет собой определённый этап в речевом развитии близнецов. О распространённости этого явления пишут Р. Заззо [Цит. по: Тутунджян, 1970], А. Р. Лурия [1982], И. В. Равич-Щербо [2000], Д. Н. Чернов [2009], П. Миттлер [1976]. Учитывая сферу деятельности перечисленных учёных, можно сделать вывод, что изначально криптофазия являлась объектом исследования психологов и психолингвистов, занимающихся изучением онтогенеза речи и детской речи в целом. Согласно такому подходу, данный феномен появляется вследствие «особой близнецовой ситуации», которая, в свою очередь, возникает в связи с некоторой изоляцией детей от общения с другими индивидуумами и представляет собой коммуникацию «только с помощью слов, понятных им обоим, но непонятных для окружающих или взрослых» [Лурия, 1982, с. 86].

Криптофазия, в частности, является объектом исследования выдающегося отечественного психолога и врача-невропатолога А. Р. Лурии. В своих трудах учёный говорит о наличии у близнецов менее высокой потребности в коммуникации с другими людьми [Лурия, 1956, с. 5–30]. Дело в том, что, имея постоянного партнёра в общении, при сниженном контакте с окружающими и отсутствии правильного подхода в воспитании со стороны родителей, близнецы довольствуются взаимодействием друг с другом; замыкаясь в паре, они теряют мотивацию совершенствовать свою речь, что приводит к её медленному развитию и появлению некоторых дефектов. К такому заключению приходит и Дж. Г. Томас, говоря, что “cryptophasia (secret language) may be a feature of twins who spend extensive time together alone” [Thomas, 1996, p. 234]. Специфика близнецовой ситуации, по мнению французского психолога и педагога Р. Заззо, заключается в том, что «близнецы ощущают себя скорее членами пары, чем отдельными личностями» [Цит. по: Равич-Щербо, 2000, с. 172–173]. В рамках близнецовой ситуации и развивается феномен криптофазии.

Рассмотрим несколько основных определений этого термина. В «Социологическом энциклопедическом англо-русском словаре» можно найти следующую дефиницию: «секретная речь; определённый коммуникативный код, непонятный для окружающих, которым пользуются очень близкие друг другу люди» [Кравченко, 2002, с. 116]. На наш взгляд, она является неполной, поскольку феномен криптофазии неразрывно связан с речью близнецов, а не просто близких людей.

Однако в сети Интернет наиболее распространена следующая формулировка: «Криптофазия — непонятная для окружающих система общения между близнецами младенческого возраста. Может включать в себя не только речь, но и мимику, жесты (часто зеркальные)» [Переводчик.me]. Данное определение весьма лаконичное и исчерпывающее, однако для нашего исследования интересно иное понимание криптофазии, не подразумевающее общение младенцев.

Говоря о криптофазии, учёные также часто имеют в виду особенность развития пары близнецов, т. е. явление физиологическое, произвольное. С данным тезисом очень сложно поспорить. Однако некоторые исследователи замечают, что иногда близнецы по мере взросления, а также в процессе освоения общенационального языка, сохраняют в себе способность общаться на собственном языке. Например, «Большая энциклопедия по психиатрии онлайн» даёт следующее определение исследуемого нами феномена: «Криптофазия – секретная, непонятная для окружающих речь в общении между монозиготными близнецами, является несистемной вариацией естественного языка». Эта дефиниция довольно точно отражает основные характеристики исследуемого явления. Схожего мнения придерживаются О. С. Орлова и В. А. Печенина, полагая, что «криптофазия (от греческого слова *kryptos* – тайный, секретный, *phasis* – расстройство речи), представляет собой собственный интимный язык близнецов, полный неологизмов, непонятных окружающим» [Орлова, Печенина, 2016, с. 240]. Такую идею развивает и известный французский психолог Р. Заззо. Осознавая, что возникновение этого феномена неразрывно связано с появлением близнецовой ситуации, учёный отмечает, что «этот язык постепенно приобретает произвольный, осознанный характер», всё сильнее отдаляя близнецов от окружающих людей. Это означает, что с возрастом привыкнув ко взрослой речи и даже овладев ей, близнецы способны намеренно использовать знакомый только им язык для взаимодействия друг с другом [Цит. по: Чернов, 2009, с. 123]. Именно такое проявление криптофазии представляет интерес для настоящего исследования, поскольку оно имеет произвольный характер, а также обладает перечисленными выше функциями тайного языка.

Рассмотрим использование языка близнецов на конкретных примерах. Стоит отметить, что упоминания криптофазии в художественной литературе и кино довольно редки. По этой причине мы дополнительно обратились к ресурсам YouTube-платформы, где обнаружили видео, регистрирующее случай реальной близнецовой ситуации и демонстрирующее тайный язык близнецов Грейс и Вирджинии Кеннеди, которые называли друг друга Пото и Кабенго. В начале ролика представлена аудиозапись, сделанная в детской больнице Сан-Диего в октябре 1977 года. На ней зафиксировано специфическое общение девочек. Далее в кадре показываются новостные заголовки “*Twin Girls Invent Own Language*”, “*Gibberish-talking twins called possessed by some*”, сопровождающиеся комментариями врача, наблюдавшего тогда за развитием близнецов. Примечательно, что специалист использует термин “secret language of their own invention”, что позволило нам обратиться к данному видео во время сбора материала. Далее следует замечание – изначально к детям относились как к инвалидам, однако стало известно, что в родном доме они слышат немецкую и английскую речь. Результаты тестов показали, что сёстры Кеннеди понимают английский, немецкий, язык жестов и немного испанский, однако на протяжении всей своей жизни разговаривают на понятном только им языке. Вероятно, в основе данного случая криптофазии лежит смешение известных близнецам языков, однако полностью понять принцип словообразования и источники тайноречия специалистам не удалось.

В документальном фильме BBC о сёстрах Дженнифер и Джун Гиббонс также описывается особая связь между близнецами, которая не прекращала существовать даже во взрослом возрасте. Более того, данная ситуация осложнялась тем, что девочки говорили на особом языке только друг с другом, а с окружающими людьми не взаимодействовали вовсе. По этой причине их стали называть *the silent twins*. Позднее, переслушав записи разговоров безмолвных близнецов, специалисты выяснили, что их язык является смешением барбадосского (родного) и английского языков, причём дети произносили слова с поразительной скоростью, что также осложняло восприятие их речи посторонними. По словам свидетелей, со стороны данное тайноречие напоминало щебетание птиц, сопровождающееся синхронными движениями и похожей мимикой.

Таким образом в представленных случаях криптофазии наблюдается наличие основных характеристик тайного языка (особая лексика, принципиальное

противопоставление общенациональному языку с сохранением грамматики, наличие социально-символической, эзотерической и игровой функций, произвольный характер). Тем не менее, в обоих примерах наблюдается специфическая тенденция к смешению нескольких языков для создания тайного языка. Общение сестёр Гиббонс, помимо этого, отличается особыми паралингвистическими средствами.

В рамках изучения криптофазии мы также рассмотрели художественный фильм “Nell”, где главная героиня говорит на языке близнецов. Примечательно, что зритель знакомится лишь с одной из сестёр, поскольку по сюжету киноленты второй близнец погибает в детстве. Тем не менее, тайная речь здесь представлена в полной мере – Нэлл продолжает разговаривать на собственном языке с другими персонажами, двое из которых изучают и постепенно овладевают особенной речью. В процессе развития сюжета становится известно, что данное тайноречие представляет собой искажённый английский. Например, говоря *kay*, героиня имеет в виду *cry*, *ga-ange* означает *guardian angel*, *skuhing the belly* – *skewing in the belly*. Остальные герои пытаются разобраться в правилах тайного языка и понимают, что многие слова созвучны с существующими в естественном языке лексемами; у некоторых из них всего лишь недостаёт окончаний (*bin* – *been*, *spee* – *speak*, *ae* – *after*), т. е. наблюдаются признаки системы. Кроме того, из эпизодов с воспоминаниями главной героини видно, что тайное общение близнецов не только происходит на языковом уровне, но и включает специфические паралингвистические аспекты – особые жесты и движения. Подобную особенность мы наблюдали ранее при рассмотрении случая сестёр Гиббонс.

Из всего выше сказанного следует, что тайные языки представляют собой особые семиотические системы, используемые закрытыми социальными группами с целью сокрытия информации от посторонних и принципиально противопоставленные общенациональному языку. Как правило, они отличаются специальной лексикой и уникальными способами деривации, из-за чего словарь тайного языка сильно ограничен. Тем не менее, в данных системах сохраняются грамматика и фонетика языка-основы. К понятию тайноречия был отнесён целый ряд семиотических систем лингвистического и нелингвистического характера, в частности феномен криптофазии, которую мы рассматриваем как особый язык близнецов, намеренно используемый ими в конспиративных целях. Случаи сохранения детьми способности к коммуникации на собственном языке, имеющей осознанный характер, чрезвычайно редки, и каждый из них имеет свою специфику, однако представленные в статье примеры обладают некоторыми сходствами, среди которых смешение нескольких языков, деформация лексем (добавление или изменение звуков, редуцирование слов) и высокий темп речи.

Литература

- Большая Российская энциклопедия онлайн (БРЭ) [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).
- Восканян В. С. Ломаврен язык // Языки мира: Новые индоарийские языки. М.: Academia, 2011. С. 811–818.
- Кравченко С. А. Социологический энциклопедический англо-русский словарь М.: РУССО, 2002. 512 с.
- Лихачев Д. С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 311–359.
- Лурия А. Р., Юдович Ф. Я. Речь и развитие психических процессов у ребенка. М.: Изд. Акад. Пед. наук РСФСР, 1956. 94 с.
- Лурия А. Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. Под ред. Е. Д. Хомской. М.: Изд. Моск. ун-та, 1982. 184 с.

- Орлова О. С., Печенина В. А. Становление речевой функции у детей-близнецов, рожденных спонтанно и в результате применения экстракорпорального оплодотворения. СПб: Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2016. С. 237–245.
- Приёмывшева М. Н. Тайные и условные языки в России XIX в.: дис. ... д-ра филол. наук. СПб: Изд. «Нестор–История», 2009. Ч. I. 455 с.
- Равич-Щербо И. В. Психогенетика. М.: Аспект Пресс, 2000. 447 с.
- Секретный язык близнецов // Переводчик.me. URL: <https://perevodchik.me/blog/sekretnyy-yazyk-bliznecov> (дата обращения: 15.11.2024).
- Словарь социолингвистических терминов. М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. 312 с.
- Тиханов П. Н. Тайный язык нищих: Этнологический очерк. Уфа: ООО «Варант», 2004. 40 с.
- Тутунджян О. М. Проблема генезиса и развития личности в трудах Рене Заззо // Проблемы личности. Материалы симпозиума. Т. 2. М., 1970. С. 422.
- Чернов Д. Н. Речевое развитие детей-близнецов. М.: МГППУ, 2009. 124 с.
- Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Изд. «Прогресс», 1975. С.193–230.
- Mittler P. Language development in young twins: biological, genetic and social aspects. Manchester: University of Manchester, 1976. P. 359–365.
- Russell Ja. R. Armenian secret and invented languages and argots. Армянские тайные и искусственные языки и аргот // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2012. Vol. 8. No 3. P. 602–681.
- Thomas J. G. The Early Parenting of Twins. Military Medicine, 1996. Vol. 161. P. 233–235.

References

- Bolshaya Rossijskaya enciklopediya onlajn (BRE) [Elektronnyj resurs]. URL: <https://bigenc.ru/> (data obrashcheniya: 20.10.2024).
- Voskanyan V. S. Lomavren yazyk // Yazyki mira: Novye indoarijskie yazyki. M.: Academia, 2011S. 811–818.
- Kravchenko C. A. Sociologicheskij enciklopedicheskij anglo-russkij slovar. M.: RUSSO, 2002. 512 s.
- Lihachev D. S. Argoticheskie slova professional'noj rechi // Razvitie grammatiki i leksiki sovremenного russkogo yazyka. M., 1964. S. 311–359.
- Luriya A. R., Yudovich F. Ya. Rech i razvitie psihicheskikh processov u rebenka. M.: Izd. Akad. Ped. nauk RSFSR, 1956. 94 s.
- Luriya A. R. Etapy projdennogo puti. Nauchnaya avtobiografiya. Pod red. E. D. Homskoj. M.: Izd. Mosk. un-ta, 1982. 184 s.
- Orlova O. S., Pechenina V. A. Stanovlenie rechevoj funkcii u detejbliznecov, rozhdennyh spontanno i v rezultate primeneniya ekstrakorporalnogo oplodotvoreniya. SPb.: Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina, 2016. S. 237–245.
- Priyomysheva M. N. Tajnye i uslovnye yazyki v Rossii XIX v.: dis. ... d-ra filol. nauk. SPb.: Izd. «Nestor–Istoriya», 2009. Ch. I. 455 s.
- Ravich-Shcherbo I. V. Psihogenetika. M.: Aspekt Press, 2000. 447 s.
- Sekretnyj yazyk bliznecov // Perevodchik.me. URL: <https://perevodchik.me/blog/sekretnyy-yazyk-bliznecov> (data obrashcheniya: 15.11.2024).
- Slovar sociolingvistichekikh terminov. M.: Rossijskaya akademiya nauk. Institut yazykoznaniya. Rossijskaya akademiya lingvistichekikh nauk, 2006. 312 s.
- Tihanov P. N. Tajnyj yazyk nishchih: Etnologicheskij ocherk. Ufa: ООО «Варант», 2004. 40 с.
- Tutundzhyan O. M. Problema genezisа i razvitiya lichnosti v trudah Rene Zazzo // Problemy lichnosti. Materialy simpoziuma. T. 2 M., 1970. S. 422.
- Chernov D. N. Rechevoe razvitie detej-bliznecov. M.: MGPPU, 2009. 124 s.

- Yakobson R. O. Lingvistika i poetika // Strukturalizm: «za» i «protiv». M.: Izd. «Progress», 1975. S.193–230.
- Mittler P. Language development in young twins: biological, genetic and social aspects. Manchester: University of Manchester, 1976. P. 359–365.
- Russell Ja. R. Armenian secret and invented languages and argots. Armyanskie tajnye i iskusstvennye yazyki i argo // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2012. Vol. 8. No 3. P. 602–681.
- Thomas J. G. The Early Parenting of Twins. Military Medicine, 1996. Vol. 161. P. 233–235.

Пильщикова О. А.

Южный федеральный университет

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЬИ И ИНЫХ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена выявлению особенностей речевого взаимодействия судьи и иных участников судебного процесса (прокурор, обвиняемый, адвокат, свидетель и иные). Целью исследования является выявить особенности коммуникации между судьей с учетом его процессуального положения и иными участниками процесса. В качестве материала нами были проанализированы видеофрагменты судебных заседаний, находящихся в открытом доступе, на испанском языке. В статье рассмотрены различные примеры коммуникации в судебном процессе между судьями и прокурорами, адвокатами, свидетелями на материале испанского языка. В результате проведенного анализа сделаны выводы о том, что судьей в первую очередь выполняется функция контроля. Минимальность реплик не свидетельствует о его пассивной роли в процессе. Выбор лингвистических единиц всегда обусловлен конкретным контекстом и тем, насколько со стороны других участников процесса нарушается порядок в зале суда.

Ключевые слова: речевое взаимодействие, коммуникация, судьи, адвокаты, прокуроры, участники судебного процесса.

O. A. Pilshchikova

Southern Federal University

FEATURES OF SPEECH INTERACTION OF A JUDGE AND OTHER PARTICIPANTS IN THE PROCESS (BASED ON THE SPANISH LANGUAGE)

This article examines the characteristics of verbal interaction between a judge and other participants in a court proceeding (prosecutor, defendant, lawyer, witness, etc.). The research aims to identify the specific features of communication between the judge, considering their procedural position, and other process participants. The article analyzes various examples of communication in Spanish court proceedings between judges and prosecutors, lawyers, and witnesses. The analysis reveals that the judge primarily fulfills a control function. Minimal verbal contributions from the judge do not indicate a passive role. The judge's choice of linguistic units is always conditioned by the specific context and the extent to which procedural order is disrupted by other participants.

Keywords: speech interaction, communication, judges, lawyers, prosecutors, trial participants.

Несмотря на большое число исследований, посвященных особенностям дискурса, как среди отечественных ученых, так и среди зарубежных, по-прежнему не угасает и интерес к анализу речевого поведения участников процесса в судебном заседании.

Судебный дискурс представляет собой «вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов» [Дубровская, 2010, с. 10]. Помимо статусно-ролевых отношений можно выделить высокую степень институциональности, с одной

стороны и спонтанность, с другой. Судебный дискурс - это потенциально конфликтогенная ситуация, в связи с чем ученые нередко отмечают его сложную внутреннюю организацию.

Наиболее известным процессуальным действием, в котором реализуется судебный дискурс, является допрос в зале судебного заседания. При этом основная коммуникация складывается между судьей и сторонами обвинения, защиты, свидетелями, экспертами и потерпевшими. Особенностью взаимодействия является то, что судья, не принимая активного участия, реализует в судебном дискурсе контроль содержательной стороны процесса.

Несмотря на диалогическую природу коммуникации в зале суда, прослеживается явное социальное неравенство участников. Так, например, в случае интеракции «судья – адвокат/эксперт/обвинитель» можно говорить об общении людей, которые являются представителями одной профессии и осведомлены о правилах взаимодействия в зале суда. В коммуникации же «судья – обвиняемый/потерпевший/свидетель» последние чаще всего не имеют отношения к судебной сфере и не обладают юридическими знаниями.

В настоящем исследовании нами предлагается рассмотреть особенности речевого взаимодействия судьи и иных участников процесса в судебном заседании. Материалом для нашего исследования послужили 50 фрагментов судебных заседаний, извлеченных из интернет-источников. Целью настоящего исследования является выявить каким образом осуществляется речевое взаимодействие судьи с учетом его роли в судебном заседании.

Несмотря на процессуальную регламентацию, правомочность совершения действий и высказываний участниками судебного процесса определяется исключительно судьей. Как правило в большинстве случаев он лишь называет непосредственного участника процесса, которому передано данное право (пример 1-3).

(1) Juez: la defensa

Abogado: sí con la venia señoría a ¿usted le preguntaron concretamente quién conducía el vehículo cuando declaró? Hablo de la declaración en el juzgado ¿eh? [Фрагменты судебных заседаний https://www.tdx.cat/bitstream/handle/10803/48717/08.RTG_8de12.pdf.txt?jsessionid=4B70371E4728EC4B205F62783CAA51E6?sequence=17].

Судья: защита

Адвокат: да, с Вашего разрешения, Ваша честь. Спрашивали ли Вас конкретно, кто был за рулем, когда Вы давали показания? Я говорю о заявлении в суде.

(2) Juez: ministerio fiscal

Ministerio fiscal: sí, con la venia, usted es el propietario del Peugeot 206 con matrícula 1234-ABC [Фрагменты судебных заседаний https://www.tdx.cat/bitstream/handle/10803/48717/08.RTG_8de12.pdf.txt?jsessionid=4B70371E4728EC4B205F62783CAA51E6?sequence=17].

Судья: прокуратура

Прокуратура: да, с вашего разрешения, Вы являетесь владельцем Пежо 206, государственный номер 1234-ABC?

(3) Juez: la defensa

Abogado: sí / con la venia / señoría / ¿a usted / le preguntaron / concretamente / quién conducía el vehículo / cuando declaró? / hablo de la declaración en el juzgado / ¿eh? [Фрагменты судебных заседаний https://www.tdx.cat/bitstream/handle/10803/48717/08.RTG_8de12.pdf.txt?jsessionid=4B70371E4728EC4B205F62783CAA51E6?sequence=17].

Судья: защита

Адвокат: да, с вашего разрешения, вас спрашивали о том, кто был за рулем автомобиля, когда вы давали показания? Я говорю о заявлении в суде.

В следующем примере, судья, реализуя контролирующую функцию, в соответствии с принятым порядком поведения в зале судебного заседания, указывает обвиняемому на необходимость встать. Данные указания чаще всего (в 90% случаев) касаются лиц, которые не являются представителями судебной сферы (в представленном примере-обвиняемый, пример 4).

(4) **Juez:** ¿Se pone usted de pie?

Acusado: ¡Buenos días!

Juez: ¡Buenos días! ¿Sabe por qué está aquí?

Acusado: sí, señoría

Juez: bien, como acusado en un proceso penal tiene entre otros derecho a guardar silencio o a no contestar a todas o a alguna de las preguntas que se le hagan también tiene derecho a no declarar contra usted mismo a no confesarse culpable y a estar asistido de letrada como es el caso [Фрагменты судебных заседаний https://www.tdx.cat/bitstream/handle/10803/48717/08.RTG_8de12.pdf.txt;jsessionid=4B70371E4728EC4B205F62783CAA51E6?sequence=17].

Судья: Вы встанете?

Обвиняемый: Добрый день!

Судья: Добрый день! Вы знаете, почему вы тут?

Обвиняемый: Да, ваша честь.

Судья: Хорошо, в качестве обвиняемого, вы имеете право хранить молчание, не отвечать ни на один из заданных вам вопросов, также у вас есть право не свидетельствовать против себя, не признавать себя виновным, и в случае необходимости, воспользоваться помощью адвоката.

Имея достаточно власти, чтобы использовать императивные конструкции и игнорировать реплики обвиняемого, судьей нередко поддерживается вежливая коммуникация, что явствует из вежливых формулировок («¿Se pone usted de pie?»; «¡Buenos días!»).

На первый взгляд роль судьи в судебном дискурсе является минимальной и ограничивается лишь контролем за соблюдением порядка в зале суда. Однако нередки случаи, когда судья принимает активное участие в диалоге, вмешиваясь в сам ход допроса (пример 5).

(5) **Abogado:** Yo le estoy marcando la pauta y cuando yo le diga que es suficiente, será suficiente.

Testigo: Pero si me permites concluir, si me permites concluir con mi respuesta...

Juez: Tenemos atención por favor. Entendemos y para efecto de evitar una confusión en el testigo defensa ... si es una pregunta abierta previa se ha dado una respuesta para que lo pueda controlar y desde el caso se solamente concluya con un sí o no y continuamos con el continuamos interrogatorio. Testigo, le van a dar indicaciones. [Фрагмент судебного заседания <https://youtu.be/s5nS7JB8iXE?si=Jg-T8KM0-uaWuh2m>].

Адвокат: Я определяю порядок, и когда я скажу вам, что этого достаточно, этого будет достаточно.

Свидетель: если ты позволишь мне закончить, если ты позволишь мне закончить свой ответ, то....

Судья: Внимание, пожалуйста. Для того, чтобы избежать путаницы у свидетеля защиты... если это открытый вопрос, ответ должен быть сформулирован таким образом, чтобы можно было его контролировать, из чего делается вывод, что ответы должны ограничиваться только «да» или «нет». Свидетель, вас проинструктируют.

В примере 5 наблюдается нарушение регламента допроса свидетелем, выразившееся в игнорировании вопросов адвоката и инициации собственных реплик. Попытка адвоката пресечь данное нарушение оказалась неэффективной. Более того, свидетель при обращении к адвокату использует неформальное обращение «*si me permites concluir*»/«если ты позволишь мне закончить». В связи с чем для разрешения ситуации судья прерывает проведение допроса и привлекает внимание всех участников фразой «*Tenemos atención*»/«Внимание», используя при этом этикетную форму «*por favor*»/«пожалуйста».

Далее судья не только поясняет, каким образом должны строится ответы, но и уточняет для чего это необходимо: «*para efecto de evitar una confusión en el testigo defensa*»/«для того, чтобы избежать путаницы». При этом обращает на себя внимание тот факт, что сразу после этого свидетель принес извинения (пример 6).

(6) **Testigo:** *disculpación* [Фрагмент судебного заседания <https://youtu.be/s5nS7JB8iXE?si=Jg-T8KM0-uaWuh2m>].

Свидетель: извините

Поскольку судебный процесс представляет собой цепочку вопросно-ответных реплик, активная роль судьи выражена в том, чтобы стороны при формулировании вопросов не нарушали процессуальный кодекс и права иных участников процесса. Так, адвокату и прокурору предоставлено право формулировать вопросы по своему усмотрению. Однако только судья имеет право отклонить вопрос, который он считает неуместным или не соответствующим нормам права, а также противоречащим интересам в первую очередь лиц, не обладающих юридическими знаниями. В следующем примере (пример 7) судья отклоняет вопрос адвоката, допрашивающего таксиста, ставшего свидетелем преступления.

(7) Abogada: ¿y puede ser que mi defendido se encontrara en un estado drogado?

Testigo: a ver, trabajo mucho en la noche y una persona que va drogada o una de dos o va muy muy dormido porque es por estupefacientes digamos de marihuana o algún tipo así más relajante o son muy alterados que hablan mucho mucho mucho mucho m:: no le vi yo en ningún caso ningún síntoma de este tipo.

Abogada: yaa bueno de todas manera a ver e:: lo que consta en el informe médico que este señor había consumido no solamente

Juez: sí pero claro este señor no sabe nada del informe médico, no puede pronunciarse

Abogada: bueno pero a ver usted e:: en su declaración al folio 120 e:: manifiesta “que el hombre iba moviendo la cabeza y con actitud extraña que le pareció que pudiera tener algún problema de drogas o similar” usted esto lo manifestó

Testigo: podría ser [Фрагменты судебных заседаний https://www.tdx.cat/bitstream/handle/10803/48717/08.RTG_8de12.pdf.txt?sessionid=4B70371E4728EC4B205F62783CAA51E6?sequence=17].

Адвокат: а могло ли быть так, что мой подзащитный находился в состоянии наркотического опьянения?

Свидетель: видите ли, я очень много работаю по ночам...и человек, находящийся под действием наркотиков... одно из двух: или будет очень сонный, это скажем так из-за марихуаны или чего-то более расслабляющего. Второй вариант – он будет очень расстроен и много-много разговаривать. Но я не видел никаких симптомов такого рода.

Адвокат: в любом случае давайте посмотрим... что значит в медицинском заключении ... этот человек употребил не только...

Судья: да, но, разумеется, этот человек ничего не знает о медицинском заключении, а вы не можете озвучивать его.

Адвокат: хорошо в своем заявлении на странице 120 вы утверждаете, что мужчина качал головой и странно себя вел, вам показалось что у него могут быть проблемы с наркотиками или что-то в этом роде, вы это заявили?

Свидетель: возможно, да...

Судья прервал допрос адвоката в связи с тем, что свидетелю запрещено знакомиться с материалами дела в силу закона, в связи с чем ссылка адвоката на медицинское заключение является некорректной.

Как уже отмечалось ранее, в обязанности судьи входит правильная организация судебного процесса, более того, судья может делать замечания участникам процесса, в том числе адвокатам, не только относительно порядка и корректности задаваемых вопросов, но и их внешнего вида, обязательного соблюдения правил ношения атрибутов судебной власти.

В следующем примере можно обратить внимание на то, что в судебном заседании, которое проходило онлайн, судья сделал замечание адвокату в связи с отсутствием специального адвокатского атрибута - ленты (пример 9).

(9) Juez: ¿Usted es abogado defensor?

Abogado: Así es.

Juez: Bueno, use su cinta, por favor. La cinta que distingue a la defensa, la cinta que reemplaza a la toga, por favor [Фрагмент судебного заседания https://youtu.be/4biBOzy_OOo?si=PHg0W8wUN7yKDSekj].

Судья: Вы адвокат со стороны защиты?

Адвокат: да.

Судья: тогда носите ленту, пожалуйста. Ленту, отличающую защиту.

Адвокат принес извинения, поясняя при этом, по какой причине отсутствовал данный атрибут (пример 10).

(10) Abogado: *Señor juez supremo, le ruego que por esta vez me excuse. He venido muy rápidamente al estudio, se me olvidó. Le ruego, por favor* [Фрагмент судебного заседания https://youtu.be/4biBOzy_OOo?si=PHg0W8wUN7yKDSek].

Адвокат: *Господин Верховный судья, на этот раз прошу меня извинить. Я очень торопился в зал и забыл ее. Я прошу меня извинить.*

Судья акцентирует внимание на символической значимости ношения ленты, подчеркивая, что это является не просто формализмом, а должно вызывать чувство гордости и достоинства, что влечет за собой повторные извинения со стороны адвоката. Используя императивную форму «No se olvide la próxima vez» судья заканчивает диалог.

Следует отметить использование судьей безличной конструкции «hay que» в сочетании с указанием на то, что внешний вид адвоката должен соответствовать предписаниям закона, что говорит о том, что контролирующая функция судьи не ограничивается только соблюдением порядка в процессе коммуникации, но и распространяется на экстралингвистические факторы (пример 11).

(11) Juez: *Que nunca más en la historia de su vida como abogado le suceda, porque hay que usar con orgullo y dignidad la cinta que lo distingue como abogado* [Фрагмент судебного заседания https://youtu.be/4biBOzy_OOo?si=PHg0W8wUN7yKDSek].

Судья: *Пусть это никогда больше не повторится в вашей жизни, потому что необходимо с гордостью и достоинством носить ленту, которая отличает вас как адвоката.*

Наглядным примером контроля со стороны судьи может служить ситуация, в которой он решает проблему релевантности/не релевантности конкретного выступления адвоката. Так, в следующем примере адвокат использует в речи метафоры для того, чтобы подчеркнуть абсурдность обвинения прокуратуры (пример 12).

(12) Abogado: *Señor Magistrado, Director de la Fase Principal del Proceso Común, el juicio. Este caso podría resumirse muy bien de la siguiente manera. Nos encontramos frente a una acusación fiscal absurda por ilógica. Si este no fuera un tribunal de justicia, sino un tribunal de física, me diría usted, señor magistrado, cómo voy a representar la causa que nos convoca en este caso. La Fiscalía pretende, si fuera, ojo, un Tribunal de Física, que llueva para arriba, o que si yo tiro esto...* [Фрагмент судебного заседания <https://youtu.be/5DsJ7abpNgU?si=TvgKWVG855YXFpLU>].

Адвокат: *Уважаемый Судья... Можно подвести итог данного дела следующим образом. Мы сталкиваемся с абсурдным обвинением со стороны прокуратуры, не имеющим логического обоснования. Если бы это был не суд, вы бы, уважаемый судья, объяснили мне, как я могу представить дело, которое мы тут рассматриваем. Сторона обвинения предполагает, что суд должен заставить идти дождь вверх, если можно так выразиться, или, что, если я брошу....*

В этой ситуации судья (пример 13), реализуя контролирующую функцию, резко прерывает речь адвоката используя лексему *tranquílcese* (успокойтесь). Данная формулировка выбрана не случайно, на наш взгляд, и позволяет прервать выступающего, используя эффект неожиданности.

(13) Juez: *A ver, señor abogado, tranquilícese, por favor. No estamos en un circo... No, no lo voy a permitir porque el código a mí me establece facultades para orientar el alegato de las partes. Está tumbando las cosas, señor abogado. A ver, vamos a delimitar. ¿Usted va a mantenerse en su posición? Si no, voy a tener que interponer las facultades* [Фрагмент судебного заседания <https://youtu.be/5DsJ7abpNgU?si=TvgKWVG855YXFpLU>].

Судья: *господин адвокат, успокойтесь, пожалуйста. Мы не в цирке. Нет, я не позволю вам этого, потому что кодекс устанавливает мне полномочия по руководству аргументации сторон. Давайте разграничивать вещи. Собираетесь ли вы оставаться при своем мнении? Если да, то мне придется принять меры.*

В данном диалоге отчетливо видно, что судья подчеркивает свою главенствующую роль с помощью формулировок «no lo voy a permitir, el código a mí me establece facultades»,

что исключает какое-либо неподчинение ему со стороны других лиц участников процесса, в нашем случае адвоката, поскольку только судья наделен законом такой возможностью.

Следующая реплика судьи достаточно «неправовая»: «*No estamos en un circo*». Прагматический эффект, который достигается выражениями, выходящими за пределы юридического лексика, заключается в том, чтобы не позволить адвокату возражать. Образовавшаяся пауза позволяет судье получить преимущество и уже после этого сослаться на нормы права.

Выводы

Проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы.

В силу закона главенствующая роль по ведению судебного процесса возложена только на судью. Основная коммуникация складывается между участниками судебного заседания: сторонами обвинения и защиты, свидетелями, экспертами. Судья же выполняет функцию контроля. Минимальность реплик не свидетельствует о его пассивной роли в процессе. Выбор лингвистических единиц всегда обусловлен конкретным контекстом и тем, насколько со стороны других участников процесса нарушается порядок в зале суда.

В испаноязычной коммуникации особую роль играет категория вежливости и это проявляется в том, что несмотря на наличие у судьи власти в силу закона, он не ограничивается в коммуникации юридическими клише и активно использует вежливые формулировки.

При соблюдении норм права функции контроля и руководства будут отражаться в употреблении всеми сторонами таких уважительных формул, как «*con la venia señoría*». С помощью них сторона защиты согласовывает совершение действия, даже там, где из ситуации явствует, что разрешение на действие от судьи уже получено.

Безусловно, речевое взаимодействие участников судебного дискурса является сложным и многогранным процессом в силу того, что сочетает в себе участников-профессионалов и лиц, которые не обладают специальными знаниями, позволяющими чувствовать себя в зале суда уверенно. Данные факторы также порождают асимметричность общения и, как следствие, возникновение в процессе судебного дискурса - дискурса спонтанного, который в свою очередь формируется в большей степени у участников, не обладающих юридической базой.

Такого рода ситуации сложно предугадать, что возлагает на судью дополнительную ответственность, в том числе быстрого реагирования с помощью лингвистических стратегий на ситуации, выходящие за рамки процессуальных кодексов. Таким образом, тема речевого взаимодействия участников судебного процесса требует дальнейших исследований.

Литература

- Александров А. С. Характеристики вопросов, употребляемых в ходе судебного допроса // Юрислингвистика-5: лингвистические аспекты права и юридические аспекты языка: сб. науч. тр./под ред. Н. Д. Голева – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2004. С.169-180.
- Вепрева И. Т. Метаязыковой аспект непрямой коммуникации // Прямая и непрямая коммуникации: сб. науч. статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. С.109-120.
- Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения, словом, в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма, 2004. 157 с.
- Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Академия МНЭПУ, 2010. - 351 с.
- Судебный процесс. URL: <https://youtu.be/s5nS7JB8iXE?si=Jg-T8KM0-uaWuh2m> (дата обращения 9.09.2024).

- Судебный процесс. URL: <https://youtu.be/xHHwm6YQn1U?si=dE0JmZccO5OhLJN-> (дата обращения 9.09.2024).
- Судебный процесс. URL: <https://youtu.be/5DsJ7abpNgU?si=ejutAWnWijBUcNBH> (дата обращения 9.09.2024).
- Судебный процесс. URL: https://youtu.be/4biBOzy_OOo?si=d1MZl-tcPMO0SDGn (дата обращения 9.09.2024).
- Taranilla García, Raquel. La configuración narrativa en el proceso penal: Un análisis discursivo basado en corpus. Diss. Universitat de Barcelona, 2011, 88 p.
- Фрагменты судебных заседаний. URL: https://www.tdx.cat/bitstream/handle/10803/48717/08.RTG_8de12.pdf.txt;jsessionid=4B70371E4728EC4B205F62783CAA51E6?sequence=17 (дата обращения 9.09.2024).

References

- Aleksandrov A. S. "Characteristics of Questions Used During Judicial Interrogation." *Yurislíngvístika-5: Linguistic Aspects of Law and Legal Aspects of Language: A Collection of Scientific Works*, edited by N. D. Golev, Alt. Univ. Press, 2004, pp. 169-180.
- Vepeva I. T. "The Metalinguistic Aspect of Indirect Communication." *Direct and Indirect Communication: A Collection of Scientific Articles*, GosUNTs "College" Press, 2003, pp. 109-120.
- Gubaeva T. V. *Language and Law: The Art of Mastering Speech in Professional Legal Activities*. Norma, 2004, 157 pp.
- Dubrovskaya T. V. *Judicial Discourse: The Speech Behavior of a Judge (in Russian and English)*. Academy of the Moscow State University of Economics, Statistics, and Informatics (MESI), 2010, 351 pp.
- "Court Proceeding." YouTube. URL: <https://youtu.be/s5nS7JB8iXE?si=Jg-T8KM0-uaWuh2m>. (Accessed 9 Sept. 2024)
- "Court Proceeding." YouTube. URL: <https://youtu.be/xHHwm6YQn1U?si=dE0JmZccO5OhLJN-> (accessed 9 Sept. 2024)
- "Court Proceeding." YouTube, <https://youtu.be/5DsJ7abpNgU?si=ejutAWnWijBUcNBH>. (accessed 9 Sept. 2024)
- "Court Proceeding." YouTube, https://youtu.be/4biBOzy_OOo?si=d1MZl-tcPMO0SDGn. (accessed 9 Sept. 2024).
- Taranilla García, Raquel. *La configuración narrativa en el proceso penal: Un análisis discursivo basado en corpus*. Diss., Universitat de Barcelona, 2011, 88 pp.
- "Fragments of Court Proceedings." TDX. https://www.tdx.cat/bitstream/handle/10803/48717/08.RTG_8de12.pdf.txt;jsessionid=4B70371E4728EC4B205F62783CAA51E6?sequence=17. (Accessed 9 Sept. 2024)

МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК СВОЙСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА ИОСИФА БРОДСКОГО

Работа посвящена изучению метаязыка Иосифа Бродского, описанию специфики метаязыковой рефлексии, которая рассматривается как определяющее свойство его художественного дискурса. Под художественным дискурсом понимается персональный дискурс И. Бродского, совокупность его текстов. Используются следующие методы исследования: метод наблюдения, описательный метод, когнитивно-дискурсивный анализ. Анализируются концептуальные рефлексивы, вербализирующие метаязыковое сознание поэта. Утверждается, что для И. Бродского зоной концептуального напряжения, связанной с его когнитивной деятельностью и формирующей концептуальные рефлексивы его художественного дискурса, становится его особое отношение к языку и с языком. Изучаются основные функции, которые выполняют концептуальные рефлексивы в художественном дискурсе И. Бродского. Делается вывод о том, что концептуальные рефлексивы в художественном дискурсе И. Бродского чаще всего выполняют коннотативную и аксиологическую функции, а также функцию указания на значимость языка, слова в авторской картине мира.

Ключевые слова: художественный дискурс, метаязыковая рефлексия, рефлексив, концептуальный рефлексив, язык

Tatyana Ponomareva

Lugansk State Pedagogical University

META-LINGUISTIC REFLECTION AS A PROPERTY OF JOSEPH BRODSKY'S FICTION DISCOURSE

The paper is devoted to the study of Joseph Brodsky's meta-language, to the description of the specifics of meta-linguistic reflection, which is considered as a defining property of his fiction discourse. The fiction discourse is understood as I. Brodsky's personal discourse, the totality of his texts. The following research methods are used: observation method, descriptive method, cognitive-discursive analysis. The conceptual reflexives verbalizing the poet's meta-linguistic consciousness are analyzed. It is argued that for I. Brodsky the zone of conceptual tension, connected with his cognitive activity and forming conceptual reflexives of his artistic discourse, becomes his special attitude to language and relationship with language. The main functions of conceptual reflexives in I. Brodsky's fiction discourse are studied. It is concluded that conceptual reflexives in I. Brodsky's fiction discourse most often fulfill connotative and axiological functions, as well as the function of indicating the significance of language and words in the author's picture of the world.

Keywords: fiction discourse, meta-linguistic reflexion, reflexive, conceptual reflexive, language

*«Язык – это своего рода аналог человека...
Язык становится как бы двойником homo sapiens.
Он проникает внутрь человека. Он формирует его сознание.
Он пишет портрет этноса и отдельных личностей».*
Н. Д. Арутюнова. Наивные размышления о наивной картине языка

Введение

Особенности идиостиля Иосифа Бродского продолжают вызывать интерес исследователей. Изучением творчества И. Бродского занимались такие ученые, как Д. Ахапкин, Л. Баткин, Я. Гордин, А. Жолковский, В. Куллэ, Л. Лосев, С. Лурье, А. Найман, О. Орлова, И. Плотников, В. Полухина, А. Ранчин, С. Яржембовский и др.

Тем не менее, некоторые лингвистические аспекты творчества И. Бродского остаются малоизученными. К таким, на наш взгляд, относится метаязыковая рефлексия, «лингвоцентризм» его художественного дискурса (в статье «„Лингвоцентризм” поэтики Иосифа Бродского» [Пономарева, 2019] нами были проанализированы некоторые «лингвоориентированные» языковые средства, с помощью которых вербализируется концепт «Язык» в концептосфере И. Бродского).

Под художественным дискурсом в данной работе понимается персональный дискурс И. Бродского, совокупность его текстов (одно из пониманий термина «дискурс», присутствующее в работах основателей французской школы дискурса (П. Серио, М. Пешё), – вербализованное мировоззрение [Чернейко, 2017, с. 191]).

Цель данной статьи – описать особенности метаязыковой рефлексии И. Бродского, проанализировать концептуальные рефлексивы, вербализирующие его метаязыковое сознание.

Для достижения данной цели потребовалась реализация следующих задач: изучение теоретических подходов к феномену метаязыковой рефлексии; описание рефлексива как результата вербализации метаязыкового сознания; анализ концептуальных рефлексивов в художественном дискурсе И. Бродского.

Методы анализа

Для изучения особенностей метаязыковой рефлексии И. Бродского, описания функционирования рефлексивов в его художественном дискурсе использовались следующие методы: метод наблюдения, описательный метод, когнитивно-дискурсивный анализ.

Метаязыковая рефлексия и рефлексивы

Под метаязыковой рефлексией, вслед за Т. В. Шмелёвой, понимаем «осознание, осмысление собственного языкового поведения и языковой жизни общества, а также устройства языка и его отдельных языковых фактов» [Шмелёва, 2003, с. 809]. Заметим, что Т. В. Шмелёва, как и ряд других исследователей, говорит о языковой рефлексии. В научной литературе термины «языковая рефлексия» и «метаязыковая рефлексия» часто используются как синонимические. Языковая рефлексия «определяет особый тип отношения к языку, предполагающий осмысленное пользование им, языковые наблюдения, соотношение своих оценок с другими, нормой, узусом» [там же]. При широком понимании языковая рефлексия – это рефлексия по отношению ко всему, что имеет какое-либо отношение к языку и его использованию.

Результатом вербализации метаязыкового сознания становятся рефлексивы – метаязыковые комментарии по поводу употребления актуальной единицы в естественной

речи [Вепрева, 2014, с. 24]. «...термин «рефлексив» подчеркивает главную, родовую черту метаязыковых образований – наличие языковой рефлексии, направленность языкового сознания на познание самого себя» [Вепрева, 2014, с. 25].

М. Р. Шумарина расширяет понимание рефлексива и определяет его «как всякий метаязыковой контекст, реализующий (эксплицитно или имплицитно) метаязыковое суждение о любом факте языка / речи (а не только о слове или выражении)» [Шумарина, 2011, с. 39].

В разных типах дискурса рефлексивы выполняют различные функции.

Среди функций рефлексивов, традиционно выделяемых исследователями по отношению к художественному дискурсу, обычно называют следующие: конкретизация значения слова; появление оценочных значений, актуализация коннотативных компонентов семантики слова, указание на значимость какого-либо понятия в определенной языковой ситуации или в индивидуально-авторской художественной картине мира [Сальман, 2012, с. 16], характеристика персонажа художественного текста.

Среди рефлексивов И. Т. Вепрева выделяет два основных типа: коммуникативные рефлексивы и концептуальные рефлексивы [Вепрева, 2014, с. 2]. Первые имеют целью координировать взаимодействие коммуникантов, вторые служат средством выражения мировоззренческих установок говорящего [Вепрева, 2005, с. 103]. В рамках нашей темы нас будут интересовать именно концептуальные рефлексивы.

Концептуальные рефлексивы реагируют на очаги концептуального напряжения, связанного с когнитивной деятельностью индивида [Вепрева, 2005, с. 195]. Можно ли считать для И. Бродского такой зоной концептуального напряжения его особое отношение к языку и с языком? Как нам представляется, да, поскольку определение И. Бродским языка и сущности поэзии, его взаимодействие с языком является первоосновой всего его творчества. Этим обусловлена необходимость обращения к «язычеству» (С. Яржембовский) И. Бродского, т. е. описание его отношения к языку и его взаимоотношений с языком.

Концептуальные рефлексивы в художественном дискурсе И. Бродского и их функции

С одной стороны, язык для И. Бродского – это творящее начало, Бог. Подтверждение мысли о главенстве языка над всем (человеком, временем) находим и в эссе Бродского, и в его интервью. «**Язык – начало начал. Если Бог для меня существует, то это именно язык**» [Бродский, 2000, с. 96], – говорил Иосиф Бродский в одном из своих интервью. Для дискурса И. Бродского характерна сакрализация языка, наделение языка божественными свойствами. Выделенные рефлексивы можем обобщить когнитивной метафорой «Язык – Бог».

Смысл высказываний Иосифа Бродского о сущности поэзии – в многочисленных интервью, Нобелевской лекции, эссе – остаётся неизменен: поэзия – это искусство, предмет и цель которого – язык. Хотя скорее, язык – это автор: «**Поэт – это продукт языка, орудие, оружие языка**, а не наоборот. Язык древнее нас, и он нас переживает: это организм, живущий сам по себе, со своей собственной динамикой. Именно **язык диктует поэзию**» [Бродский, 2000, с. 285]. И далее: «**Поэт ... есть средство существования языка**. Или, как сказал великий Оден, он – тот, кем язык жив. Не станет меня, эти строки пишущего, не станет вас, их читающих, но язык, на котором они написаны и на котором вы их читаете, останется не только потому, что **язык долговечнее человека**, но и потому, что он лучше приспособлен к мутации. ...Пишущий стихотворение пишет его потому, что **язык ему подсказывает** или просто **диктует следующую строчку**» («Нобелевская лекция») [Бродский, 2001, с. 312–313]. И. Бродский считает язык данным свыше, спущенным сверху, а не взращённым снизу. Язык даётся нам не от родителей, не от предков, а из высших сфер. Рефлексивы эксплицируют твердую убежденность И. Бродского в том, что именно язык является автором стихотворения.

Единственное спасение от небытия, от смерти И. Бродский видит в языке: «Он говорит о вещах, которые могут уничтожить всё на свете... но он цепляется за язык, за словарь» [Полухина, 1997, с. 242]. *Слово* – это, по Бродскому, единственный способ противостоять смерти:

...мы живы, покамест
есть прощенье и шрифт.
(«Строфы», 1978)

Слово, речь оказываются квинтэссенцией жизни, противостоящей в какой-то мере *молчанию* – смерти, пустоте, небытию. Слово, язык – это то, что остаётся от человека в конечном итоге, когда время побеждает. Язык, слово, текст приравнивается к бессмертию:

Человек превращается в шорох пера по бумаге,
в кольца,
петли, клинышки букв и, потому что скользко,
в запятые и точки.
(«Декабрь во Флоренции», 1976)

Значимость, важность слова, его долговечность по сравнению с короткой человеческой жизнью – таковы основные коннотации, сопровождающие данные рефлексивы.

Чаще всего небытие в поэзии И. Бродского предстает как тишина и молчание, а умирание характеризуется утратой языка и удушьем.

Через гордый **язык**,
хоронясь от законности с тщанием,
от сердечных музык
пробираются память с молчанием
в мой последний пенат
– то ль слезинка, то ль веточка вербная, –
и тебе не понять,
да и мне не расслышать, наверное,
то ли вправду звенит **тишина**,
как на Стиксе уключина.
То ли песня навзрыд сложена
и посмертно заучена.
(«М. Б.», 1964)

Жизнь, напротив, соотносится с речью, с языком, с движением пера по бумаге. Лирический герой часто сравнивает себя и других со звуком или буквой:

Если что-то чернеет, то только буквы.
Как следы уцелевшего чудом зайца.
(«Стихи о зимней кампании 1980 года», 1980)
Постепенная утрата языка и грядущее замолкание воспринимаются как смерть:
что парная рифма нам даст, то ей
мы возвращаем под видом дней.
Как, скажем, данные дни в снегу...
Лишь смерть оставляет, мадам, в долгу.
(«Письмо в бутылке», 1964)

Тишина как обязательный атрибут небытия выступает как апофеоз этой утраты, и единственное, что может ее нарушить – творческий акт, создание литературного произведения. Например, в стихотворении «Примечания папоротника»: «посмертной

тишине» противостоит «...скрип пера / в тишине по бумаге – **бесстрашие в миниатюре**» («бесстрашие» – это, по Бродскому, бессмертие?).

Творчество, сотворение текста умяляет страх человека перед смертью:
чем гуще россыпь
черного на листе,
тем безразличней особь
к прошлому, к пустоте
в будущем.

(«Строфы», 1978)

Читая рассуждения И. Бродского о языке, можно увидеть, что язык не понимается им только как лингвистический термин. Прежде всего, язык вбирает в себя созидательную силу поэтического слова, которое способно в сжатом виде включать в себя множество смыслов. Это и есть та трансцендентность – особая способность поэта с помощью Слова переноситься из реального мира в другой, ирреальный, находящийся за пределами физического существования, восприятия и ощущения.

В поэтическом слове заключается связь прошлого и настоящего, слово – это смысл существования поэта.

Всё, что творил я, творил не ради я
славы в эпоху кино и радио,
но ради речи родной, словесности.

(«1972 год», 1972)

Часто у И. Бродского язык становится предметом стихотворения; сам процесс произнесения слова может быть героем его поэзии. Нельзя не согласиться со словами А. Наймана о том, что для Бродского язык – «категория метафизическая, но он может присутствовать и в качестве персонажа стихотворения. В то же время он пользуется грамматическими категориями, звуками, буквами как рядовыми словами» [Найман, 1990, с. 196]. Этот тезис подтверждают наши наблюдения: И. Бродский в своих поэтических текстах активно употребляет лингвистические термины и понятия (общелингвистические: *язык, речь* и др., грамматические: *глагол, время глагола, грамматика, существительное* и др., лексикологические: *слово, словарь* и др., фонетические и графические: *буква, звук* и др., стилистические: *гипербола, метафора* и др.), названия пунктуационных знаков (*точка, запятая* и др.), атрибуты и орудия письма (*бумага, перо* и др.). Персонажами стихотворений становятся и названия букв (звуков): «*а*», «*у*», «*т*», «*ы*» и многие другие.

И. Бродский использует грамматические термины как средство отображения окружающего мира и как способ его постижения, смотрит на мир «через лингвистическую призму», «ищет и находит духовную опору больше в языке, чем в вере» (В. Полухина) [Полухина, 1997, с. 221].

Так, в стихотворении «Глаголы» (1960) грамматический термин занимает сильную позицию текста – позицию заглавия. Развернутые ряды метафор основываются на лингвистических терминах: *глагол, существительное, время глагола, гипербола, метафора*. Человек, который утрачивает своё «я», подчиняется системе, уподобляется «глаголу без существительного»: как глагол в грамматике, он выполняет определенные кем-то действия, но лишен статуса «предметности». Времена глагола отождествляются со временем человеческой жизни в разных её измерениях [Николина, 2009, с. 60]:

Меня окружают молчаливые глаголы,
Похожие на чужие головы глаголы,
Голодные глаголы, голые глаголы,
Главные глаголы, глухие глаголы.
Глаголы без существительных, глаголы просто.

<...>

И небо над ними, как птица над погостом
И, словно стоя перед запертой дверью,
Некто стучит, забывая гвозди,
В прошедшее,
в настоящее,
в будущее время.
Никто не придет и не снимет
Стук молотка вечным ритмом станет
Земли гипербола лежит над ними,
Как небо метафор плывет над нами!

Весь поэтический текст можем рассматривать как один концептуальный рефлексив.

Грамматические явления и номинации проецируются И. Бродским на окружающую действительность, создавая особую картину мира. Лингвистические термины соотносятся с экзистенциальным понятием времени, с течением человеческой жизни. В этом стихотворении ярко реализуется «изоморфизм языка и мира» [Николина, 2009, с. 59], который характерен вообще для всего творчества Бродского, для его личности.

Рассматривая особенности метаязыковой рефлексии И. Бродского, можно заметить, что объём понятия «язык» у него постоянно меняется: это и естественный язык в его лингвистическом понимании; это и язык поэта, автора; это и язык определенной эпохи, народа; это и персонаж стихотворения и, наконец, язык – это и высшая сила, божество. Изучение эволюции этого понятия в художественном дискурсе И. Бродского представляет тему отдельной статьи и видится в перспективах исследования.

Заключение

Итак, сформулируем основные выводы.

Наблюдения позволяют утверждать, что концептуальные рефлексивы в художественном дискурсе И. Бродского чаще всего выполняют коннотативную и аксиологическую функции, поскольку реализуют дополнительные смыслы, часто представляют оценочные комментарии к языковым единицам; а также функцию указания на значимость языка, слова, текста в авторской картине мира. Для И. Бродского метаязыковая рефлексия – это не только и не столько метаязыковые комментарии по поводу той или иной языковой единицы, а проявление его мировидения, результат его когнитивной деятельности. Это его отношение в целом к Языку как к божественному началу, к сакральной сущности. С другой стороны, язык понимается И. Бродским и как субстанция, поглощающая, вбирающая в себя лица и реалии, нечто вневременное. Только язык, Слово могут быть противопоставлены смерти, быстротечности человеческого бытия.

Таким образом, феномен языка в художественном дискурсе И. Бродского приобретает статус абсолютной ценности.

В перспективах исследования – дальнейшее описание языковых особенностей репрезентации художественного дискурса И. Бродского.

Литература

- Бродский И. Большая книга интервью М.: Захаров, 2000. 704 с.
Бродский И. Поклониться тени: Эссе. СПб: Азбука-классика, 2001. 320 с.
Вепрева И. Т. Метаязыковой привкус эпохи. Избранные работы последнего десятилетия: монография. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing (Saarbrücken), 2014. 223 с.
Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.

- Найман А. Пространство Урании // Октябрь. 1990. № 2. С. 193–198.
- Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы: монография. М.: ИТДГК «Гнозис», 2009. 336 с.
- Полухина В. Бродский глазами современников: сб. интервью. СПб: Журнал «Звезда», 1997. – 336 с.
- Пonomарева Т. А. «Лингвоцентризм» поэтики Иосифа Бродского // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. 2019. № 1 (30). С. 71–75.
- Сальман Е. А. Специфика языка эпохи в контексте авторского словоупотребления (на материале публицистики М. А. Булгакова 20-х годов): автореф. дис. ... к. филол. наук, специальность 10.02.01 / Елена Александровна Сальман. СПб, 2012. 25 с.
- Чернейко Л. О. Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы её моделирования: учебное пособие по спецкурсу для студентов. М.: Гнозис, 2017. 208 с.
- Шмелева Т. В. Языковая рефлексия // Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 809–810.
- Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста (метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография / М. Р. Шумарина. М.: Флинта: Наука, 2011. 325 с.

References

- Brodsky Joseph. Bolshay kniga intervyy. M.: Zakharov, 2000. 704 p.
- Brodsky Joseph. Poklonitsya teni: Esse. SPb.: Azbuka-klassika, 2001. 320 p.
- Vepreva I. Metayazikovoy privkus epohi: monografiya. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing (Saarbrücken), 2014. 223 p.
- Vepreva I. Yazikovaya refleksiya v postsovetskuyuepohu. M.: OLMA-PRESS, 2005. 384 p.
- Nayman A. Prostranstvo Yranii // Oktyabr. 1990. № 2. P. 193–198.
- Nikolina N. Aktivnie processi v yazike sovremennoy rysskoy hydozestvennoy literature: monografiya. M.: ITDGK «Gnozis», 2009. 336 p.
- Poluhina V. Brodsky glazami sovremennikov: sb. intervyyu. SPb.: Zvezda, 1997. 336 p.
- Ponomareva T. «Lingvocentrizm» poetiki Josepha Brodskogo // Vestnik Luganskogo nacionalnogo universiteta imeni Tarasa Shevchenko, 2019. № 1 (30). P. 71–75.
- Salman E. Specifika yazika epohi v kontekste avtorskogo slovoupotrebleniya (na materiale publicistiki M. A. Bulgakova 20-h godov): avtoref. dis. ... k. filol. nauk, 10.02.01. SPb., 2012. 25 p.
- Cherneyko L. Kak rozhdaetsya smisl: Smislovaya struktura hudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie principi yeyo modelirovaniya. M., Gnozis, 2017. 208 p.
- Shmelyova T. Yazikovaya refleksiya // Kultura russkoy rechi. M.: Flinta: Nauka, 2003. P. 809–810.
- Shumarina M. Yazik v zerkale hudozhestvennogo teksta (metayazikovaya refleksiya v proizvedeniyah russkoyprozi: monografiya. M.: Flinta: Nauka, 2011. 325 p.

Потапова Т. М., Тимофеева Л. Л.

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОБЛАСТИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Статья посвящена анализу метафорической терминологии в нефтегазовой области и способам её перевода. Авторы рассматривают различные определения метафоры, сосредотачиваясь на научной и концептуальной метафоре и её видах. На основе отобранной лексики проводится количественное и качественное сравнение метафорической терминологии нефтегазовой области в английском и русском языках, а также рассматриваются различные виды перевода метафорических терминов нефтегазовой области.

Ключевые слова: метафора, термин, перевод, нефтегазовая отрасль, модель, трансформация.

Tamara Potapova, Lilia Timofeeva

St. Petersburg University

METAPHORICAL TERMS IN THE OIL AND GAS INDUSTRY AND PECULIARITIES OF THEIR TRANSLATION

The article is devoted to the analysis of metaphorical terminology in the oil and gas industry and the ways of their translation. The authors consider various definitions of metaphor, focusing on scientific metaphor and conceptual metaphor and its types. Based on the selected vocabulary, the authors conduct a quantitative and qualitative comparison of the metaphorical terminology of the oil and gas industry in English and Russian and consider various types of translation of metaphorical terms in the oil and gas field.

Keywords: metaphor, term, translation, oil and gas industry, model, transformation

Введение

Изучение метафоры издавна привлекало лингвистов различных школ и направлений. Современные исследования указывают на существование большого количества метафорических терминов в терминологических системах различных научных дисциплин, что приводит к усилению интереса к исследованиям метафорической терминологии и способам её перевода. Данная статья посвящена анализу английских и русских метафорических терминов в нефтегазовой области и проблемам их перевода.

Современные представления о метафоре

Метафора играет ключевую роль в научном познании и формировании терминологических систем. Она не только отражает национально-специфическое видение мира, но и служит универсальным инструментом осмысления [Арутюнова, 1990; Гусев, 1984; Ортега-и-Гассет, 1990]. Метафора основывается на аналогии, позволяя номинировать явления или объекты на базе существующих знаний [Лакофф, Джонсон, 2004; Резанова, 2007].

Современная лингвистика выделяет концептуальную метафору как базовый тип, объединяющий разные аспекты языковой метафоризации. Концептуальная метафора представляет собой фиксированные отношения между источником и областью цели, обусловленные культурно-языковыми традициями [Мишанкина, 2012, с. 35].

Среди основных типов концептуальных метафор выделяют:

Структурные метафоры — определяют объекты через их связи и функции.

Ориентационные метафоры — базируются на пространственных отношениях (например, «вверх» — позитивное, «вниз» — негативное).

Онтологические метафоры — воспринимают абстрактные сущности как материальные объекты [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 35–49].

Кроме того, метафоры подразделяются по схемам переноса значения:

Живое → неживое;

Живое → живое;

Неживое → живое;

Конкретное → абстрактное.

Эти процессы метафоризации охватывают шесть семантических сфер:

Неодушевлённые предметы;

Мир животных;

Человек;

Физические явления и процессы;

Психические явления;

Абстрактные категории [Скляревская, 1993, с. 58–65].

Базовые способы метафоризации включают перенос по форме, размеру, цвету, действию, ассоциации и функциям [Джебраилова, Белозерцева, 2024].

Роль метафоризации в терминологии

Метафоризация играет важную роль в создании новых терминов. Современные исследования подчёркивают, что метафоризация лежит в основе терминологизации лексических единиц общего языка [Галкина, 2004]. Метафорический термин формируется путём переосмысления существующей лексической единицы или термина другой системы, обеспечивая наглядность и доступность научных концептов [Ефремов, 2013].

Однако несмотря на высокий интерес к изучению научной метафоры, её использование в нефтегазовой области остаётся недостаточно исследованным, особенно в контексте перевода метафорических терминов. Это создаёт трудности в разработке стратегий для их точного и эффективного перевода.

Современные работы [Корнилов, 2003; Никитина, 2010] отмечают значительное увеличение числа метафорических терминов в научных дисциплинах. Это связано с их способностью описывать сложные явления через знакомые образы, упрощая понимание и коммуникацию.

Таким образом, метафора выступает не только как средство познания, но и как мощный инструмент создания и распространения терминов в различных областях знания.

Метафорические термины в нефтегазовой области

На сегодняшний день нефтегазовая терминология является неотъемлемой частью общетехнической и научной терминологических систем. Она представляет собой сложную структуру, включающую как собственные термины, так и заимствования из других отраслей промышленности и языков (преимущественно английского). Одним из ведущих способов

формирования таких терминов является метафоризация, которая обеспечивает наглядность и доступность понимания [Прохорова, 1996, с. 24].

Количественный и качественный анализ метафорической терминологии

В рамках исследования было отобрано 128 английских и 100 русских метафорических терминов из трёх терминологических словарей [Белоусов, 2006; Булатов, 1991; Тимофеев, 1996]. Количественный анализ показал, что количество русских метафорических терминов составляет лишь 75% от числа английских. Эта количественная асимметрия подтверждается и другими исследованиями: в русском языке выявлено около 1000 метафорических терминов, в то время как в английском — более 1300.

Качественный анализ показывает, что в обоих языках используются одинаковые виды метафорических терминов, среди которых наиболее распространены антропоморфные и зоологические метафоры.

Примеры антропоморфных метафор:

В английском: dead man (якорь крепления), life time (срок службы), blind nut (глухая гайка).

В русском: вдох/выдох (циклическое нагнетание пара или воды), диафрагма (устройство, ограничивающее поток).

Примеры зоологических метафор:

В английском: pipe-dog (трубный ключ), bear-cat (скважина с трудными условиями), fish (посторонний предмет в скважине).

В русском: журавль (стрела землеройной машины), чешуйки (частицы ржавчины или извести).

Способы метафорического переноса

Метафорический перенос в терминологии нефтегазовой области осуществляется на основе:

Сходства формы:

Мачта (подъёмное устройство) — bald-headed bit (сработанное буровое долото).

Сходства функций:

Нефтяной амбар (ёмкость для жидкости) — kill fluid (жидкость для глушения скважины).

Сходства признаков и размеров:

Золотник (короткая труба) — elephant (гигантское месторождение нефти).

Кроме того, в обеих языковых системах встречаются метафоры, описывающие характеристики нефти и газа, основанные на аналогии с продуктами, употребляемыми человеком:

Вкус: sweet oil (малосернистая нефть), sour gas (высокосернистый газ).

Цвет: black oil (тяжёлые нефтяные остатки).

Температура: hot oil (горячая нефть), cold gas (холодный газ).

Жирность: fat gas (богатый углеводородами газ), lean gas (обеднённый газ).

Различия в метафоризации английского и русского языков

Зоометафоры встречаются в русском языке значительно реже. Например, такие термины, как чешуйки или рыбий хвост, часто имеют более узкую специализацию.

Напротив, английский язык активно использует зоонимы в профессиональном сленге, например: mouse hole (шурф под квадрат), doghouse (бытовка бурильщика).

Английские термины также включают множество профессионализмов и жаргонизмов, например:

- *blue-sky peddler* (недобросовестный агент, продающий акции);
- *jackpot well* (высокодебитная скважина);
- *doctor test* (испытание нефти на содержание активной серы).

Структурные особенности терминов

Английские метафорические термины чаще являются двух- или трёхкомпонентными, например:

- *junk basket* (ловильный инструмент);
- *fish tail bit* (двухлопастное долото).

Русские метафорические термины преимущественно однословные (паук — специальный ловильный инструмент). Это отражает различия в подходах к терминологии, связанные с культурными и лингвистическими особенностями.

Модели соотношения англо- и русскоязычных метафорических терминов

Количественная и качественная асимметрия метафорических терминов нефтегазовой области в русском и английском языках приводит к появлению определённых моделей соотношений и, соответственно, моделей перевода. Основные из них:

1. Метафора в английском — метафора в русском (симметричная модель)

Эта модель характеризуется полным совпадением образного ряда и является единственным симметричным вариантом:

- *Тарелка ректификационной колонны* — plate (тарелка);
- *Плечо* — shoulder (плечо);
- *Палец* — finger (палец).

2. Метафора в английском — метафора в русском (частичное совпадение образного ряда)

Здесь совпадение происходит лишь частично, и метафоры могут интерпретироваться по-разному:

- *Рейс* — roundtrip (поездка в оба конца);
- *Муфта* — collar (ворот).

3. Метафора в английском — метафора в русском (несовпадение образного ряда)

В этой модели наблюдаются значительные различия в образах:

- *Амбар* — swamp (болото);
- *Стакан* — bucket (ведро);
- *Подсвечник* — derrick floor (пол виселицы).

4. Метафора в английском — прямая номинация в русском

Наиболее частотная модель, где английская метафора переводится прямой номинацией:

- *Rabbit* (кролик) — скребок для чистки трубопровода;
- *Monkey board* (обезьянья доска) — площадка для верхового рабочего;

- *Doghouse* (собачья будка) — бытовка.

5. Прямая номинация в английском — метафора в русском

Этот тип модели среди исследованных примеров не был обнаружен.

Трансформации при переводе метафорических терминов

Самой популярной моделью, согласно полученным данным, является модель «**метафора в английском языке — прямая номинация в русском языке**». При переводе данной модели английская метафора опускается и заменяется описательным переводом:

- *Pigtail* — наземный кабель;
- *Monkey board* — площадка для верхового рабочего.

Причины опущения метафоры:

1. Исторически устоявшееся значение: Английская метафора *crow nest* (полати буровой вышки) в русском языке уже имеет своё устоявшееся значение — «вороньё гнездо», что не относится к нефтегазовой отрасли.

2. Различия в коннотации или принадлежность к другой терминологии: Термин *thief* невозможно перевести на русский как «вор» из-за отрицательной коннотации, связанной с криминальной сферой. В русском языке такой перевод вызовет непонимание.

Перевод моделей «метафора в английском — метафора в русском»

В случае совпадения образного ряда метафора сохраняется, например:

- *Raw oil* — сырая нефть.

При частичном несовпадении образов перевод усложняется, так как требуется актуализация различных черт объекта:

- *Коленце* — *dogleg* (собачья лапа).

При полном несовпадении образов необходимо учитывать культурные и когнитивные особенности языков, например:

- *Подсвечник* — *derrick floor* (пол виселицы).

Уровни эквивалентности перевода.

Согласно В. Н. Комиссарову [Комиссаров, 2000, с.13], выделяют три уровня эквивалентности при переводе метафор:

1. **Высокий уровень эквивалентности:** Полное совпадение образа в исходном и целевом языках (например, *тарелка ректификационной колонны* — *plate*).

2. **Средний уровень эквивалентности:** Частичное совпадение образов, требующее адаптации (например, *dogleg* — *коленце*).

3. **Низкий уровень эквивалентности:** Прямая номинация или описательный перевод, при котором образ теряется (например, *possum belly* — *поддон под выбросотом*).

Лексико-грамматические трансформации.

Когда в целевом языке отсутствует эквивалентный термин, переводчик вынужден прибегать к описательному переводу. На пример:

- *Rat* — *запорный элемент противовыбросового преентора*.

Однако описательный перевод может быть громоздким, что затрудняет его использование, особенно в устном переводе.

На основе анализа можно выделить два основных способа перевода метафорических терминов:

1. Метафорический термин — метафорический термин: Используется при совпадении или частичном несовпадении образов (*рыбалка* — *fishing*, *собачка (зажим)* — *dog*).

2. Метафорический термин — описательный перевод: Применяется при отсутствии эквивалента в целевом языке (*hopper* — *загрузочный люк*, *acid cure* — *вулканизация в кислотной среде*).

Таким образом, несмотря на потерю образности при описательном переводе, он остаётся важным инструментом, особенно в условиях нехватки специализированных словарей или при появлении новых терминов. Эффективность перевода зависит от доступности лексикографических ресурсов и профессионализма переводчика.

Заключение

Перевод метафорических терминов нефтегазовой отрасли представляет собой сложную задачу, требующую от переводчика не только глубокого понимания исходного материала, но и способности адаптировать образы к культурно-языковым особенностям целевой аудитории. Проведенное исследование показало, что асимметрия в использовании метафорических терминов в английском и русском языках обусловлена различиями в культурных и профессиональных контекстах.

Наиболее частотной моделью перевода остается прямая номинация, что связано с необходимостью обеспечения точности передачи смысла в условиях ограниченного времени. Тем не менее, данный подход часто приводит к потере метафорического образа, что, в свою очередь, может снижать выразительность и когнитивную доступность терминов.

Полученные данные подчеркивают важность дальнейшего изучения моделей перевода метафорической терминологии, включая разработку специализированных словарей и справочных материалов. Это позволит улучшить качество перевода, а также повысить эффективность межкультурной коммуникации в нефтегазовой отрасли.

Литература

- Newmark P. A Textbook of Translation. Harlow: Pearson Education Limited, 2008.
- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. с. 14.
- Белоусов В. С. Нефтегазовая промышленность: Основные процессы и англо-русская терминология. М.: ООО «Техинпут», 2006.
- Булатов А. И. Англо-русский словарь по бурению и заканчиванию скважин. М.: Недра, 1991.
- Галкина О. В. Метафора как инструмент познания (на материале терминов-метафор компьютерного интерфейса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004.
- Гусев С. С. Наука и метафора. Л., 1984.
- Ефремов А. А. Англо-русский словарь метафорических терминов нефтегазовой области — Майкоп: Б. И., 2013.
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). - М.: Высш. шк., 2000.
- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2003.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Мишанкина Н. А. Метафора в терминологических системах: функции и модели / Н. А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4(20). С. 32-45.

- Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры / сост. Н. Д. Арутюнова. М., 1990. С. 68–82.
- Петров В. В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск, 1985. С. 196–220.
- Прохорова В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М.: Филологический факультет, 1996.
- Резанова З. И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.
- Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб, Издательство Наука, 1993, 155 стр.
- Тимофеев В. А. Краткий геологический словарь (русско-английский). М.: АО «Твант», 1996.

Электронные источники

- Джебраилова В. С., Белозерцева Н. В., Метафорический перенос как фактор семантической деривации, электронный ресурс - https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2017_7-3_30.pdf - последнее обращение, 16.06.2024
- Ефремов А. А. Когнитивные и структурно-семантические особенности метафорических терминов (на материале терминологии американской нефтегазовой области), автореферат, Майкоп, 2013, стр. 4 - https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01006636498.pdf - последнее обращение 05.04.2024
- Электронный ресурс - <https://cyberleninka.ru/article/n/neftegazovaya-metamoricheseskaya-terminologiya-asimmetrichnost-i-ekvivalentnost-perevoda-na-materiale-russkogo-i-anglijskogo-yazykov?ysclid=m3kdv21i4661185737> последнее обращение 04.10.24
- Электронный ресурс https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2019_10_48.pdf - электронный ресурс– стр. 3, последнее обращение 03.07.24
- Электронный ресурс <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/lingvokognitivnaja-specifika-metamoricheskogo-modelirovaniya-russkoj-neftegazovoj.html> - электронный ресурс, последнее обращение 03.07.24
- Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/neftegazovaya-metamoricheseskaya-terminologiya-asimmetrichnost-i-ekvivalentnost-perevoda-na-materiale-russkogo-i-anglijskogo-yazykov/viewer> - электронный источник - последнее обращение 10.12.2023
- Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-perevoda-professionalnogo-slanga-v-terminologii-neftedobychi-i-neftepererabotki-s-anglijskogo-yazyka-na-russkij> - последнее обращение 15.10.24
- Электронный ресурс - file:///C:/Users/%D0%A2%D0%B0%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%B0/Downloads/neftegazovaya-metamoricheseskaya-terminologiya-asimmetrichnost-i-ekvivalentnost-perevoda-na-materiale-russkogo-i-anglijskogo-yazykov.pdf - последнее обращение 02.07.214

References

- Arutyunova N. D. Metafora i diskurs // Teoriya metafor. M.: Progress, 1990.
- Belousov V. S. Neftegazovaya promyshlennost': Osnovnyye processy i anglo-russkaya terminologiya. M.: OOO «Texinput», 2006.
- Bulatov A. I. Anglo-russkij slovar' po bureniu i zakanchivaniyu skvazhin. M.: Nedra, 1991.
- Efremov A. A. Anglo-russkij slovar' metaforicheskix terminov neftegazovoj oblasti Majkop: B. I., 2013.
- Galkina O. V. Metafora kak instrument poznaniya (na materiale terminov-metafor komp'yuternogo interfejsa): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2004.
- Gusev S. S. Nauka i metafora. L., 1984.
- Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). M.: Vyssh. shk., 2000.

- Kornilov O. A. Yazy'kovy'e kartiny' mira kak proizvodny'e nacional'ny'x mentalitetov. 2-e izd., ispr. i dop. – M.: CheRo, 2003.
- Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafor'y, kotory'mi my' zhivem / per. s angl.; pod red. is predisl. A. N. Baranova. M.: Editorial URSS, 2004. 256 s.
- Mishankina N. A. Metafora v terminologicheskix sistemax: funkcii i modeli / N. A. Mishankina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 4(20). S. 32-45.
- Newmark P. A Textbook of Translation. Harlow: Pearson Education Limited, 2008.
- Nikitina S. E. Semanticheskij analiz yazy'ka nauki: na materiale lingvistiki. 2-e izd. M.: Knizhny'j dom «LIBROKOM», 2010.
- Ortega-i-Gasset X. Dve velikie metafory' // Teoriya metafory' / sost. N. D. Arutyunova. M., 1990. S. 68–82.
- Proxorova V. N. Russkaya terminologiya (leksiko-semanticheskoe obrazovanie). M.: Filologicheskij fakul'tet, 1996.
- Rezanova Z. I. Metafora v lingvisticheskom tekste: tipy' funkcionirovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2007. № 1. S. 18-29.
- Sklyarevskaya G. N. Metafora v sisteme yazy'ka. Spb, Izdatel'stvo Nauka, 1993, 155 s.
- Timofeev V. A. Kratkij geologicheskij slovar' (russko-anglijskij). M.: AO «Tvant», 1996.

E'lektronny'e istochniki

- Dzhebrailova V. S., Belozerceva N. V., Metaforicheskij perenos kak faktor semanticheskoy derivacii, e'lektronny'j resurs - https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2017_7-3_30.pdf - poslednee poseshhenie, 16.06.2024
- e'lektronny'j resurs - http://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/18459/1/conference_tpu-2015-C77-V1-050.pdf - obrashhenie 08.07.24
- e'lektronny'j resurs - <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-perevoda-professionalnogo-slenga-v-terminologii-neftedobychi-i-neftepererabotki-s-anglijskogo-yazyka-na-russkiy> - obrashhenie 15.10.24
- e'lektronny'j resurs - <https://cyberleninka.ru/article/n/neftegazovaya-metaforicheskaya-terminologiya-asimmetrichnost-i-ekvivalentnost-perevoda-na-materiale-russkogo-i-anglijskogo-yazykov/viewer> - e'lektronny'j istochnik - poslednee obrashhenie 10.12.2023
- Efremov A. A. Kognitivny'e i strukturno-semanticheskie osobennosti metaforicheskix terminov (na materiale terminologii amerikanskoj neftegazovoj oblasti), avtoreferat, Majkop, 2013, str. 4 – e'lektronny'j istochnik - https://new-disser.ru/_avtoreferats/01006636498.pdf - poslednee obrashhenie 05.04.2024
- e'lektronny'j resurs - https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2019_10_48.pdf - e'lektronny'j resurs – str. 3, poslednee obrashhenie 03.07.24
- e'lektronny'j resurs - <https://cyberleninka.ru/article/n/neftegazovaya-metaforicheskaya-terminologiya-asimmetrichnost-i-ekvivalentnost-perevoda-na-materiale-russkogo-i-anglijskogo-yazykov?ysclid=m3kdv21i4661185737> poslednee obrashhenie 04.10.24

Пригожина К. Б.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

**ПОДХОДЫ К ПРЕОДОЛЕНИЮ АТРИБУТИВНОГО СМЕЩЕНИЯ ПРИ
ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
ПЕРЕВОДЧИКА В РАМКАХ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ
ПЕРЕВОДА**

Целью исследования является изучение процесса формирования профессиональных компетенций переводчика как дихотомии социального взаимодействия и интерпретации личного опыта через призму диалектического подхода и компаративистики критического подхода. Теоретико-методологическую базу составили работы отечественных и зарубежных ученых в области лингвоконцептодидактики и герменевтики, что расширило спектр сравнительно-сопоставительного анализа подходов к формированию компетенций будущих лингвистов-переводчиков в русле аксиологической парадигмы перевода. В результате проведенного анализа были выделены лингвистические и экстралингвистические факторы и выявлено их влияние на возникновение атрибутивного смещения в процессе перевода на основе теории причинной атрибуции. Это позволило разработать и представить алгоритм принятия переводческих решений, направленный на преодоление ошибок атрибуции, с учетом принципов аксиологии перевода.

Ключевые слова: перевод, диалектический подход, аксиология перевода, ошибки атрибуции, критический подход

Kira B. Prigozhina

Plekhanov Russian University of Economics

**APPROACHES TO OVERCOMING ATTRIBUTIVE BIAS WITHIN THE
FRAMEWORK OF THE AXIOLOGICAL PARADIGM OF TRANSLATION**

Developing translator's professional competences is considered as social interaction and interpretation of personal experience through the prism of dialectical approach and comparativism of critical approach. The analysis of linguistic and extra-linguistic factors influencing the occurrence of attributional bias in the translation process based on the theory of causal attribution is presented. Algorithm of translation solutions aimed at overcoming attribution errors is proposed, taking into account the principles of the axiology of translation.

Keywords: translation, dialectical approach, axiology of translation, attribution bias, critical approach

Подготовка будущих переводчиков представляет собой интегративный процесс на стыке лингвистики, лингводидактики, когнитивистики, лингвокультурологии в свете современных парадигм аксиологии перевода, межкультурного диалога, лингвистической и дидактической герменевтики с использованием диалектического, критического, эколого-личностного и эконсихологического подходов к организации образовательного процесса, а также концепций самонаправленного и саморегулируемого обучения.

При подготовке лингвистов-переводчиков необходимо формирование умений анализа и интерпретации переводимого текста на различных уровнях восприятия – от денотативного

и сигнификативного к коннотативному и прагматическому (ситуационному) с установкой на адресата как текста оригинала, так и текста перевода. Важную роль в этом процессе играет лингвоконцептодидактика, «обеспечивающая широкое проникновение в иноязычную картину мира, адаптацию к условиям иноязычной реальности и адекватность межкультурного взаимодействия с представителями иного лингвокультурного социума» [Чернышов 2016].

Принципы лингвоконцептодидактики при подготовке лингвистов-переводчиков тесно переплетены с положениями когнитивной лингвистики, лингвистической и педагогической герменевтики, в частности, в проблеме определения значения лексических единиц для последующего выбора эквивалентных соответствий. Очевидно, что процесс подготовки лингвистов-переводчиков должен предусматривать формирование умений выбора того или иного подхода к выбору значения. В частности, при переводе лексики, требующей декодирования культурных смыслов (например, лингвокультурем, лингвистических лакун, безэквивалентной лексики), необходима сформированность комплекса умений интерпретации когнитивных репрезентаций наряду с интерпретациями в рамках герменевтического круга, что позволяет определить значение не только в рамках понятийного поля, но и на уровне диалогического взаимодействия текстов (интертекст) и речевой ситуации в целом с учетом субъектности восприятия.

Важной составляющей подготовки лингвистов-переводчиков также является определение степени субъектности восприятия текста оригинала и текста перевода на основе анализа модели личностных детерминант субъективности [Кузнецова 2012]. Степень субъектности восприятия при переводе зависит от степени личной вовлеченности переводчика при выявлении лингвокультурем в тексте, выборе эквивалентных соответствий и принятии переводческих решений. Немаловажным аспектом является степень сформированности умений адекватно применять эпистемические и эвристические знания, учитывать лингвистический и экстралингвистический контекст при осуществлении перевода, передавать заложенную автором коммуникативную задачу и коммуникативный эффект, ориентируясь на адресат текста оригинала и текста перевода.

На основе вышесказанного, очевидно, что формирование профессиональных компетенций переводчика представляет собой процесс социального взаимодействия и интерпретации личного опыта, рассматриваемый через призму дихотомий диалектического подхода и компаративистики критического подхода, в свете парадигм аксиологии перевода, межкультурного диалога, лингвистической и дидактической герменевтики (Рис. 1).

Рис. 1. Подходы к формированию профессиональных компетенций переводчика

Диалектический подход позволяет выделить ряд факторов, влияющих на принятие переводческих решений: 1) лингвистические и 2) экстралингвистические (ситуативно-прагматические и личностно-психологические). К лингвистическим факторам можно отнести вариативные ресурсы (план выражения) языка оригинала и языка перевода, жанрово-стилистические особенности текста, эмоционально-экспрессивные средства выражения. Ситуативно-прагматические экстралингвистические факторы включают отраженную в тексте оригинала семантическую и ситуационную информацию, виды и задачи перевода, особенности контекста (лингвистический, экстралингвистический, вертикальный), реалии и фоновую информацию в тексте оригинала, особенности получателя текста (адресат). К личностно-психологическим экстралингвистическим факторам можно отнести степень субъектности восприятия, степень антиципации и интерпретации текста оригинала, эпистемические и эвристические знания переводчика, извлеченную коммуникативную значимость текста оригинала.

При выборе и категоризации факторов мы опирались на теорию казуальной атрибуции Хайдера [Heider 1958] и модель личностных детерминант субъективности, включающую мотивационную направленность личности, способность к рефлексии, общее интеллектуальное развитие, способность к осуществлению независимого выбора, уровень субъективного контроля [Кузнецова 2012].

Упомянутые факторы нередко являются причиной субъектной атрибутивной интерпретации текста оригинала, включая атрибутивное смещение и атрибутивное достраивание. Под атрибутивным смещением мы понимаем неверную интерпретацию увиденного/прочитанного и принятие переводческих решений на основе неверных предположений и приписывание автору/тексту оригинала искаженного замысла. В результате атрибутивного смещения возможно атрибутивное достраивание информации. В качестве примера атрибутивного смещения при переводе можно представить ошибку выбора эквивалентного контекстуального соответствия на уровне значение-понятие при переводе словосочетания *trade offer* (коммерческое предложение, предложение от работодателя). Вне узкого контекста и контекста слова “offer” нередко переводится калькированием на русский язык «оффер» и при выборе варианта контекстного использования этого слова происходит перенос его значения («предложение») в другой узкий контекст с тем же понятием. В примере «получен оффер от другого университета» происходит достраивание информации на основе атрибуции контекстуальной неизменности смежного значения-понятия.

Примером атрибутивного смещения на прагматическом уровне восприятия информации может служить субъектная интерпретация фразы “I’ll talk to my superior”, которая в различных контекстах под влиянием интерпретации ситуационной информации может означать либо “I need to discuss that with my boss” («Мне необходимо обсудить вопрос с начальством»), либо “I’m not in a position to make such decisions” («Я не уполномочен принимать такие решения»).

Предлагаемый интегративный диалектико-критический подход с учетом прагматического и личностного аспектов нацелен на формирование у будущих переводчиков умений когнитивного восприятия особенностей текста оригинала, корректной и адекватной интерпретации полученной информации через призму личного опыта, анализа дихотомий факторов с целью нивелирования влияния ложных атрибутивно-оценочных установок при переводе. Данный подход основывается на принципах наблюдения и самоанализа, контекстуального подхода, соизучения языков и культур, дихотомии факторов речевой ситуации и контекста, неотделимости понимания текста от самопонимания интерпретатора, герменевтического круга, поддержания экологии языка и культуры. Предлагаемый подход предполагает учет групп лингвистических и экстралингвистических факторов, рациональное использование моделей перевода (ситуативно-денотативной, трансформационно-семантической, психолингвистической), предпереводческий анализ текста и интерпретацию переводческих решений, рефлексии.

Перед осуществлением письменного перевода и в ходе его проверки студентам предлагается ответить на ряд вопросов:

1. Какой вид перевода осуществляете? Каковы задачи?
2. Какие факторы будут оказывать влияние на выбор переводческих решений?
3. Какие виды контекста необходимо учитывать?
4. Какие модели перевода эффективнее использовать?
5. Как ситуационная информация повлияет на конкретизацию семантической?
6. Определите значения языковой единицы в ИЯ и ПЯ, конкретизируйте связанное с ним понятие, уточните вторичную семантику, выявите ситуацию и контекст
7. Выделите ремю, тему, единицы перевода
8. Выберите равнозначные, равноценные и равносильные языковые средства в ПЯ
9. Оцените перевод (адекватный, эквивалентный, репрезентативный, целостный, точный)
10. Проанализируйте свое изначальное восприятие текста. Повлияла ли атрибуция на его интерпретацию?
11. Оцените коммуникативную значимость текста перевода.

Подобный алгоритм предпереводческого анализа текста позволяет научить студентов наблюдению и когнитивному восприятию особенностей текста оригинала, корректной интерпретации полученной информации, адекватному вовлечению личного опыта в процесс восприятия, анализа и интерпретации текста оригинала и текста перевода при соблюдении одного из доминирующих принципов аксиологии перевода – достижения гармонии.

Предлагаемый подход был апробирован в рамках курса подготовки лингвистов-переводчиков. Полученные результаты позволяют констатировать снижение влияния субъектности восприятия текста оригинала, повысить адекватность интерпретации и нивелировать риски атрибутивного смещения при переводе.

Литература

- Чернышов С. В. Лингвоконцептодидактика как перспективное современных лингводидактических исследований // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2016. №2. С. 130-135
- Кузнецова М. Д. Личностные детерминанты субъективности. 2012 URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/v6jb0zs2wi/direct/62771971?ysclid=m1djol2wyi974813556> (дата обращения: 26.09.2024)
- Heider F. (1958). The Psychology of Interpersonal Relations (1st ed.). Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203781159>

References

- Chernyshov, S. V. Linguoconceptodidactics as a promising contemporary linguodidactic research area // Vestnik VGU. Serija Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija, 2016. №2. S. 130-135 (In Russ).
- Kuznetsova M. D. Personal determinants of subjectivity. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/v6jb0zs2wi/direct/62771971?ysclid=m1djol2wyi974813556> (data obrashhenija: 26.09.2024) (In Russ).
- Heider F. (1958). The Psychology of Interpersonal Relations (1st ed.). Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203781159>

АТРИБУТИКА ШАМАНСТВА КАК ПРИМЕР НАЦИОНАЛЬНОГО ИДЕНТИФИКАТОРА

Архаичными чертами традиционной тувинской культуры являются обрядовые традиции шаманов, отраженные в алгышах, изучение которых способствует сохранению духовного наследия этноса. В алгышах выражается философия, мировоззрение и психология тувинского народа. Актуальность исследования обусловлена интересом к сохранению национальной идентичности народа. Цель статьи – выявить идентификаторы национальной идентичности в текстах шаманских алгышей, которые представляют собой образцы обрядовой поэзии и тесно связаны с древней культурной традицией тувинского народа. В статье описаны алгыши, посвященные атрибутам шаманского камлания, определены номинации предметов ритуала и установлено, что они являются элементами национальной культуры, ее идентификаторами и составляют ее символярный код.

Ключевые слова: тувинский фольклор, шаманство, алгыш, национальная идентичность.

Olga Prosyannikova

Pushkin Leningrad State University

SHAMANIC RITUAL OBJECTS AS A SAMPLE OF NATIONAL IDENTIFIER

The archaic features of traditional Tuvan culture are the ritual traditions of shamans reflected in algysh, the study of which contributes to the preservation of the spiritual heritage of the ethnos. Algysh expresses the philosophy, worldview and psychology of the Tuvan people. The relevance of the study is due to the interest in preserving the national identity of the people. The aim of the article is to single out the identifiers of national identity in the texts of shamanic algysh, which are samples of ritual poetry and are closely connected with the ancient cultural tradition of the Tuvan people. The article describes the algysh dedicated to the attributes of shamanic kamlanie, determines the nominations of ritual objects and establishes that they are elements of national culture, its identifiers and constitute its symbolarium.

Keywords: Tuvan folklore, shamanism, algysh, national identity.

Особенностью тувинской национальной культуры несомненно является такой феномен как шаманизм, представляющий о громный пласт культурного кода этноса. Шаманизм существует наряду с другой религиозной традицией, буддизмом, и изучается на протяжении многих лет учеными этнографами, религиоведами, философами и историками [Вайнштейн, 1964; Дьяконова, 1977; Курбатский, 2001; Ламажаа, 2018]. В определении шаманизма все они сходятся на том, что это религиозное течение присуще центральноазиатским народам. Тувинский шаманизм представляет собой не только обрядовую практику и атрибутику, но что еще важнее – мировоззрение народа, его культурный код, кроме того он тесно связан с фольклорной традицией.

Первым сведениям о шаманизме и его изучению мы обязаны востоковеду XIX в. Н. Ф. Катанову, собравшему и опубликовавшему тексты шаманских камланий в русском переводе,

Ф. Я. Кону, исследователю быта и культуры тувинцев во время экспедиции 1902-1903 г.г. [Катанов, 2003]. В XX веке изучение шаманизма продолжилось и в настоящее время пополнилось работами М. Б. Кенин-Лопсана, который описал не только обрядовые особенности этого явления, но и исследовал поэтику шаманского фольклора [Кенин-Лопсан, 1987; 1995; 2017]. В последние годы в русле лингвокультурологии появились работы Ч. В. Монгуш, З. Б. Самдан и Ж. М. Юши [Монгуш, 2005; Самдан, 2019; Юша, 2005].

Основная черта шаманизма – вера в потусторонние силы и возможность общения с ними посредством шамана. Надо отметить, что жизнь тувинцев была пронизана верой в силу шаманизма, в зависимости от духов и их благосклонности. Эти двусторонние отношения нашли свое отражение в творчестве шамана и представлены камланиями, в которых последний обращается к духам с различными просьбами, возносит им хвалу и благодарность. Тексты камланий – алгыши – входят в фонд обрядовой поэзии и подтверждают глубокое значение этих произведений для сохранения идентичности народа. Алгыши как образец шаманского искусства представляя собой кладезь черт тувинской культуры, которая объединяет нацию и определяет ее сущность.

Алгыши являются произведениями шамана, они создаются как импровизация в процессе совершения какого-либо обряда. По этой причине неocenим труд тех исследователей, которые многие годы жизни посвятили записи текстов шаманских камланий. Существуют алгыши различных жанров: о самом шамане, о его занятии, о родном крае, о животных, алгыши, посвященные различным культам (огня, родника), праздникам, юрте и т.д. М. Б. Кенин-Лопсан, в течение многих лет осуществлявший сбор и запись алгышей, в своей систематизации выделил 18 различных групп [Кенин-Лопсан, 2007, с. 6]. Обратимся к алгышам, посвященным атрибутам шамана, которые используются во время исполнения обряда. В этом случае предметы приобретают семиотический статус, так как используются для исполнения ритуальных магических действий и включаются в символическое поле культуры [Скорик, 2021, с. 206]. Такой символический статус позволяет говорить о том, что атрибуты шамана могут рассматриваться в качестве идентификаторов национального культурного кода, образуя симболарий тувинского шаманизма.

Алгыши, посвященные атрибутам, занимают особое место в творчестве шамана. Атрибуты считаются его помощниками и играют большую роль в ритуале, к ним шаман обращается с просьбами, их благодарит, славит и восхваляет. Весь наряд шамана по существу является цельным атрибутом. Он состоит из плаща (тон), к которому крепились разноцветные нити (чээп чилар), шнуры–манчаки, дудки-свирели (конгураалар), колокольчики (конгулдуурлар), и головного убора, украшенного перьями, рогами и лентами. Непосредственно атрибутами являются бубен (дунгур), колотушка (орба), зеркало (кузунгу ээрен) и идолы (ээрени). Необходимо отметить, что названия атрибутов чаще всего присутствуют в текстах в оригинальном виде, поскольку являются элементами тувинской культуры и не имеют точных соответствий в русском языке. В каждой номинации какого-либо атрибута имеется признак, передать который способно только изображение данного предмета или подробный комментарий.

Значение атрибутов определяется их функцией, поскольку им приписывается сверхъестественное происхождение. Вера в то, что сила шамана связана с его атрибутами, без которых он не может победить своих врагов, вылечить больных, отвести беду выражается в алгышах почтительным отношением, воспеванием их могущества и силы, похвалой, признанием их заслуг.

Головной убор как атрибут ритуала имеет большое значение, а традиция воспевания его уходит корнями в древние времена. Без него шаман не камлает, он дает шаману возможность видеть то, чего не видно всем, проникать в другой мир (1). Рога марала или быка, украшающие хемчик, символизируют силу и вооруженность шамана. Шаман ведет с ними диалог, выражая свое восхищение и благодарность (1, 2), призывая к содействию (3):

*(1) Вы, рога, всегда напарники и всегда крепкие.
 Вы, рога, вас закаляли на самых крутых скалах.
 Вы, рога, вас зовут жестокими и карающими.
 <...> Вот такие мощные рога грозовой силы для защиты.
 Вот такие гордые рога против оскорбления <...>
 Дайте мне мой головной убор, к вам обращаюсь, люди.
 Если я буду в наряде, головном уборе для камлания,
 Достойным вмиг стану я двойного зрения [Кенин-Лопсан, 1995, с. 141].*

*(2) Я высоко чту дар ваших рогов громадных <...>.
 Через обряд моления выражаю благодарность.
 Вы, мои рога, сверкающие золотыми лучами [Кенин-Лопсан, 1995, с. 139]!
 (3) Будьте бдительны и чертей не прозевайте <...>,
 Будьте бдительны и злодеев не пропускайте.
 Прошу вас вести охрану достойно, суровые рога [Кенин-Лопсан, 1995, с. 141]!*

В обращении к головному убору слышится гордость и трогательная любовь:

*(1) Мой головной убор такой нежно-плавный,
 Он украшен перьями черного орла.
 Мой головной убор порою кажется сероватым,
 Ведь он украшен перьями разных птиц [Кенин-Лопсан, 1995, с.143].*

*(2) Мой головной убор с перьями черного орла,
 Мой головной убор с саннаашами* возвышается.
 Мой головной убор с перьями желтого филина,
 Мой головной убор с салбаком** качается.
 Мой головной убор с перьями гордого сокола,
 На вид он страшен и грозен бывает.
 Мой головной убор с перьями коршуна,
 Он в воздухе летает легче ветра.
 Мой головной убор с перьями сороки,
 Мой головной убор с рогами блестит.
 Мой головной убор волшебством славен,
 Потому что он с перьями ворона зоркого [Кенин-Лопсан, 2007, с. 93].*

* саннааш – орлиные крылья

** салбак – кисть

Все упомянутые в алгыше птицы представляют символы тувинской мифологии, в связи с чем содержание алгыша становится еще более значимым. Орел – символ гордости, по этой причине в шаманском хемчике присутствуют орлиные перья. Перья филина украшают головной убор, так как ночной образ жизни филина связывают с бдительностью. Символика сокола и коршуна, олицетворяющих ловкость и смелость, характерна для мифологий различных этносов. Шаман использует сокола, запуская его в полет на разведку. Коршун обладает как прообразом могущества шамана, так и его грозного врага. Ворону, любимой птице шаманов, приписывается свойство определять причину болезни и защищать от происков шаманов-противников. Сорока считается предвестницей беды и болезни. Таким образом, в алгыше представлена мифологическая картина, определяющая восприятие шаманом мира и взаимоотношения с ним.

Важными реквизитами камлания являются бубен (дунгур), своего рода музыкальный инструмент, и колотушка (орба) как его составная часть. Большое значение шаман придавал материалу, из которого делались эти атрибуты, о чем говорится в алгыше:

*(1) Кожа медведя служит обтяжкой бубна у меня,
 Корень можжевельника служит у меня колотушкой,
 И моя колотушка тверда, как вековой гранит,*

И мой бубен похож на гору и звенит он ритмически [Кенин-Лопсан, 2007, с. 23].

(2) Ты, орба, вырезана из дерева.

Ты, орба, родом из пихты.

(3) Да, вы действительно частица кожи мягкой.

Да, вы действительно частица с лапок зверя,

Да, варили и сварили клей лучшего сорта.

Да, этим клеем все закреплено так прочно [Кенин-Лопсан, 2007, с. 95].

Алгыши, посвященные непосредственно этим атрибутам, в поэтической форме передают, как шаман воспеваеt их силу и гордится ими, не скрывая своей заботы и любви:

(1) Мой бубен подобен большой горе по величине.

Моя колотушка словно гранит по прочности [Кенин-Лопсан, 2007, с. 90]

От звона моего бубна, когда веду камлание,

Небеса дрожат, небеса волнуются с шумом [Кенин-Лопсан, 2007, с. 44].

(2) У меня серый бубен, часто его обнимаю, ласкаю [Кенин-Лопсан, 1995, с. 174].

Держу тебя в левой руке, мой дунгур.

С молитвой я тебя нежно бью колотушкой [Кенин-Лопсан, 2007, с. 95].

В ритуалах изгнания болезни из тела больного *орба* (колотушка) выполняет особую роль, задавая ритм ударами по бубну. Шаман сопровождает свои действия стихами:

Под звук бьющего бубна держите вы шаги свои.

Летите вы быстро и исчезайте вы мгновенно.

Пусть под звон бубна приходит ветер-ветерок,

С собой принося легкий бег и холодный вздох <...> [Кенин-Лопсан, 2007, с. 54].

Особенное отношение шамана к своему бубну прослеживается в алгыше шамана Далая, посвященного «обучению» нового бубна. В нем разворачивается диалог шамана с козерогом, чья кожа стала основой его бубна. На вопрос шамана «Бубен, что ты задумался и почему идешь стороною? Или ты не хочешь со мною дружить и сближаться?» следует поэтический рассказ козерога о своей жизни. Жил он среди висаячих грозных скал, любил веселиться и игры заниматься, но охотник его убил, и он проклинает его:

Пусть его глаза ослепнут и потухшими углями станут.

Пусть его придавят разбуженные обвал и камни. <...>

Однако шаман просит не посылать заклинания, потому что охотник «сам найдет ту дорогу, к смерти ведущую» и обращается к нему:

Бубен, ты и дикий! Бубен, ты и бешеный!

Для родного народа и для древней земли предков

Пусть звучит твой голос звонкий и звенящий. <...>

Будь ты доброжелательным, будь ты постоянным <...>.

Не покидай меня, бубен [Кенин-Лопсан, 2007, с. 96-97].

Еще одним важным предметом реквизита шамана, его помощником в беде, является зеркало *кузунгу* в виде металлического диска:

Мое зеркало Кузунгу из желтой меди [Кенин-Лопсан, 2009, с. 200].

Шаман считает, что оно имеет божественное происхождение (1) и с особым трепетом относится к нему (2):

(1) Есть у меня божественный дар чертей,

Это бронзовое Кузунгу с золотым блеском.

Есть у меня божественный дар небес,

Это бронзовое зеркало с железным сплавом [Кенин-Лопсан, 1995, с. 161].

Ты спущено вниз велением Курбусту*-неба <...>

Ты мне даровано землей Азар в небе высоком <...> [Кенин-Лопсан, 1995, с. 179].

(2) Когда я бываю приглашенным,

Я за пазухой храню свое Күзүңгү.

Когда бываю в аалах,

Я на ремне несу свое Күзүңгү [Кенин-Лопсан, 1995, с. 165]

*Курбусту – верхний мир

Зеркало также считалось главным помощником в прологе камлания (1), в предсказаниях (2), в борьбе со злыми духами (3):

(1) Дайте мне, мои духи, мое зеркало Күзүңгү,

Ступню моего коня буду защищать этим зеркалом [Кенин-Лопсан, 2007, с. 40].

(2) Мое зеркало тойлу блестит при ясной луне,

Мое зеркало тойлу блестит при светлом солнце,

Скажи ты, зеркало, где же его желтый конь-скакун?

Скажи ты, зеркало, где же его белый конь-скакун [Кенин-Лопсан, 2007, с. 46]?

(3) Когда приближаются албыс*, иулбус** ко двору,

Күзүңгү сломает им клыки и отпустит их.

Когда они атакуют, чтобы воровать,

Күзүңгү сломает им хребет, шею и отпустит их [Кенин-Лопсан, 2007, с. 114].

* албыс – ведьма

** иулбус – нечистая сила

Кроме описанных атрибутов каждый шаман должен был иметь идола – ээреня, духа-помощника, который в алгыше предстает в виде образа героя. О роли ээреня можно судить по тому, как обращается к нему шаман. Чаще всего посредством диалогической «мы»-формы передается побуждение к совместным действиям и отношение шамана к нему как к партнеру, другу, субъекту в их отношениях:

Мой корень, мой пестрый идол, <...>

Он стал моим оружием, моим скотом.

Переплывем же реку, через которую запрещено плыть,

Перейдем хребет,

Осилим перевал, куда запрещен подъем,

Чтобы вместе утонуть в золотом озере [Кенин-Лопсан, 1987, с. 63].

Из алгышей мы узнаем, что идолы бывают разные, это может быть абсолютно мифический дух Солангы, означающий зарево или сияние, (1), духи, связанные с животными: Адыг ээрен – дух-медведь, помощник шамана (2), Морзук – дух барсук (3) и Буга ээрен – дух Бык (4), охраняющие юрту шамана, мифическое существо с осемью головами семью ртами Амырга-Моос (5), дух зеркала Кузунгу (6):

(1) Дух мой Солангы, у тебя злато-янтарный вид!

С тобой могу лечить любую болезнь человека.

С тобою сумею сотворить счастье для народа [Кенин-Лопсан, 2007, с. 101].

(2) Мой дух Адыг, ты громаден <...>

Мой дух Адыг, ты спокоен <...>

Уши твои чутки <...>.

Очень прошу тебя, мой дух Адыг,

Приблизиться ко мне так близко [Там же, с. 102].

Вы, Адыг, хозяин моего двора, <...>

Вы, Адыг, хозяин моей страны и художник земли [Там же, с. 108].

(3) Ты, мой Морзук, <...>

Ты идешь и ищешь ту самую юрту,

Где находится малыш в колыбели.

(4) Дух Бык, твой характер суров и упрям.

Дух Бык, ты хозяин земли и у тебя яблоко на лбу [Там же, с. 105].

(5) Ты, Амырга-Моос, дух для охраны спокойствия.

Ты, сидящий дух, и днем, и ночью очаг мой караулишь.

Ты, Амырга-Моос всегда бываешь со мной рядом. <...>

Ты, мой Амырга-Моос, верный духу стоянки моей юрты [Там же, с. 105].

(6) Есть у меня божественный дар чертей, –

Это мое бронзовое зеркало Кузунгу с золотым блеском.

Есть у меня божественный дар небес, –

Это мое бронзовое зеркало с железным сплавом [Там же, с.103].

Обращения в алгышах к духам животных дает представление об анимистическом восприятии тувинцами окружающего мира и гармонических отношений с ним.

Анализ алгышей подтверждает значимость этого явления для тувинской культуры. В этих фольклорных произведениях красивым поэтическим языком раскрывается мировоззрение народа, его отношения с природой, вера в потусторонние силы и их могущество, демонстрируется таким образом мифологическое сознание тувинцев.

Шаманство как явление тувинской культуры отразилось в творчестве шаманов, в частности, в импровизированных камланиях, известных как алгыши. Шаманский фольклор отражает религиозные традиции народа и демонстрирует мифологическое мировоззрение этноса. Изучение алгышей позволяет сделать вывод о шаманской традиции как примере этнического идентификатора. В результате анализа содержания алгышей, которое включает и описание ритуалов, и описание атрибутов, выявлены характерные черты шаманского творчества, сохраняющие национальную идентичность тувинского народа.

Литература

- Вайнштейн С. И. Тувинское шаманство. М.: Наука, 1964. 12 с.
- Дьяконова В. П. Религиозные культы тувинцев. Памятники народов Сибири и Севера. Т. 33. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. С. 172-216. с. 190.
- Катанов Н. Ф. Фольклор саянских тюрков XIX века. Из собрания Н. Ф. Катанова. В 2 тт. Т. 1. / Сост., переводы, стихотв. перелож., лит. обраб., заключит. статья и коммент. А. В. Преловского. М.: Новый ключ, 2003. 576 с.
- Кенин-Лопсан М. Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1987. 172 с.
- Кенин-Лопсан М. Б. Тувинские шаманы. М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2009. 328 с.
- Кенин-Лопсан М. Б. Алгыши тувинских шаманов: пер. авт. с тув. Якутск: Бичик, 2007. 206 с.
- Кенин-Лопсан М. Б. Тыва хамнарнын алгыштары. Кызыл: Новости Тувы, 1995. 527 с.
- Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2001. 464 с.
- Ламажаа Ч. К. Национальный характер тувинцев. СПб.: Нестор-история, 2018. 237 с.
- Монгуш Ч. В. Обряды как отражение традиционных верований тувинцев и хакасов в XIX XX в.в.: дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2005. 202 с.
- Самдан З. Б. Модификация архетипического образа тувинского шамана в творчестве М. Б. Кенин-Лопсана // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 158-171. DOI: 10.25178/nit.2019.3.13
- Скорик К. В. Семиотический статус предметов и их функционирование в англосаксонских и русских заговорах // Litera 2021. № 4. С. 205-213. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.4.35272

Юша Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2005. 25 с.

References

- D'yakonova V. P. Religioznye kul'ty tuvincev. Pamyatniki narodov Sibiri i Severa [Tuvan religious cults. Monuments of the peoples of Siberia and the North]. Vol. 33. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1977. Pp. 172-216.
- Katanov N. F. Fol'klor sayanskikh tyurkov XIX veka. Iz sobraniya N. F. Katanova [Folklore of Sayan turks. From N. F. Katanov collection]. Vol. 1. Moscow: Novyj klyuch, 2003. 576 p.
- Kenin-Lopsan M. B. Algyshi tuvinskih shamanov: per. avt. s tuv [Tuvan shamans' algyshes: trans. from Tuvan]. Yakutsk: Bichik, 2007. 206 p.
- Kenin-Lopsan M. B. Obryadovaya praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva. Konec XIX – nachalo XX v. [Ritual practice and folklore of Tuvan shamanism]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 172 p.
- Kenin-Lopsan M. B. Tuvinskie shamany [Tuvan shamans]. Moscow: ООО «IPC «Maska», 2009. 328 p.
- Kenin-Lopsan M. B. Tyva hamnamyn algyshтары [Algyshes by Tuvan shamans]. Kyzyl: Novosti Tuvy, 1995. 527 p.
- Kurbatskij G. N. Tuvincy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvan people in folklore (historical – ethnographic aspect)]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2001. 464 p.
- Lamazhaа Ch. K. Nacional'nyj harakter tuvincev [Tuvan National character]. Sankt Petersburg.: Nestor-istoriya, 2018. 237 p.
- Mongush CH. V. Obryady kak otrazhenie tradicionnyh verovanij tuvincev i hakasov v XIX XX v.v.: dis. ... kand. ist. nauk [Rite as reflection of traditional beliefs of Tuvans and Hakkass in XIX-XX c.: PhD dissertation]. Abakan, 2005. 202 p.
- Samdan Z. B. Modifikaciya arhetipicheskogo obraza tuvinskogo shamana v tvorchestve M. B. Kenin-Lopsana [Modification of Tuvan shaman archetypal image in M. B. Kenin-Lopsan creative work] // Novye issledovaniya Tuvy. 2019. № 3. Pp. 158-171. DOI: 10.25178/nit.2019.3.13
- Skorik K. V. Semioticheskij status predmetov i ih funkcionirovanie v anglosaksonskih i russkih zagovorah [Semiotic status of objects in Anglo-Saxon and Russian charms] // Litera 2021. № 4. Pp. 205-213. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.4.35272
- Vajnshtejn S. I. Tuvinskoe shamanstvo [Tuvan shamanism]. Moscow: Nauka, 1964. 12 p.
- Yusha Zh. M. Obryadovaya poeziya tuvincev: struktura i semantika: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Tuvan ritual poetry: structure and semantics]. Ulan-Ude, 2005. 25 p.

ОБРАЗЫ РАННИХ АЛЬБОМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ЦОЯ

В настоящей работе изложены особенности образов ранних альбомов В. Цоя. Образы анализируются в контексте биографических данных, а также как единое целое, поскольку представляется целесообразным интерпретировать каждое стихотворение в его идейной, логической и эмоциональной связи с остальными произведениями данного цикла. Было рассмотрено несколько ключевых произведений, включая стихотворение «Алюминиевые огурцы», текст которого продолжает вызывать большое количество споров и разногласий. В статье предлагается осмысление данного произведения в контексте других ключевых произведений, таких как «Бездельник», «Бездельник-2» и др., что позволяет выстроить более логичное понимание внутреннего мира лирического героя. В результате исследования становится очевидным, что образ лирического героя является сквозным, не меняется от песни к песне, а дополняет, расширяет и углубляет единый стержень, который затем, в усложненном виде, предстанет в образах более поздних альбомов.

Ключевые слова: раннее творчество, лирический герой, метафора, реминисценция, аллюзия, панк, альбом

D. R. Prokhorova

St. Petersburg University

IMAGES OF EARLY ALBUMS BY V. TSOI

This paper outlines the characteristics of the images in the early albums by V. Tsoi. These are analyzed in the context of biographical data, as well as viewed as a cohesive whole, since it seems reasonable to interpret each poem in its ideological, logical, and emotional connection with the other works in this cycle. Several key pieces were considered, including the poem "Aluminum Cucumbers," the text of which continues to spark the most debate and disagreement. The article proposes an interpretation of this work in the context of other key pieces, such as "The Slacker," "The Slacker-2," and others, which allows for a more coherent understanding of the lyrical hero's inner world. As a result of the research, it becomes evident that the image of the lyrical hero is a consistent one, remaining unchanged from song to song, while complementing, expanding, and deepening a unified "core," which will later be presented in a more complex form through the images in later albums.

Keywords: early work, lyrical hero, metaphor, reminiscence, allusion, punk rock, album

Стихотворение «Бездельник» (1980) можно считать ключевым в альбоме «45». Лирический герой чувствует себя лишним («Я лишний, словно куча лома» [Цой, Житинский, 1991, с.294]), не видит впереди цели («Я снова человек без цели» [там же]) Это отсутствие конкретной, почти бытовой цели в более позднем тексте перерастет в знаменитые строки: «Тот, у кого есть хороший жизненный план, вряд ли будет думать о чем-то другом» («Бошетунмай», альбом «Группа крови» [Цой, Житинский, 1991, с.326]), где романтический бунтарь противопоставляется человеку, имеющему определенные практические цели в жизни. Однако в этом стихотворении попытка понять свою жизнь остается только попыткой, ничего не объясняющей. Лирический герой (напоминая Пьера из романа Л. Толстого «Война

и мир», когда тот даже переставал следить за собой, если терял смысл в жизни) страдает от своей ненужности, ему кажется, что он сам виноват в своем состоянии.

В «Бездельнике-2» «безделье» уже имеет вполне определенное название: «играю словами» [Цой, Житинский, 1991, с.295]: герой занимается словотворчеством, сочинением стихов. Последнее называется бездельем, в то время как понимающие люди - и сам герой, конечно, в отличие от «всех» (см. «Все говорят...»), знают, насколько это тяжелый труд.

Первые 3 строфы описывают смутное состояние героя, пропадающего целыми днями на улице среди толпы, его сознание переполнено «сумбуром и бредом». Каждое утро он пытается начать жить заново, но день проходит, как и предыдущий, словно какая-то сила не дает ему заняться тем, чем он должен заниматься, по мнению других. Однако кажущаяся «безвольность» героя, нежелание делать то, «что надо», на деле оказывается самым важным качеством в жизни:

Все говорят, что надо кем-то становиться,

А я хотел бы остаться собой [Цой, Житинский, 1991, с.295].

Противоречие здесь есть во всем. С одной стороны, состояние героя непонятно ему самому, смутно, но в то же время он отбрасывает «тень с лицом нахала» [там же]. В данном случае тень можно рассматривать как маску, которую герой надевает, чтобы скрыть и защитить свой внутренний мир, свою неустроенность от толпы, а также, согласно принципу «лучшая защита – нападение», чтобы «напасть» на этот мир своим нахальством, одновременно ощущая свою уязвимость перед ним.

Главная цель героя – не стать «кем-то», вместо «кого-то», на чье-то место, а остаться самим собой, найти самого себя, почувствовать самого себя и отдаться этому чувству. Но парадокс как раз и состоит в том, что, чтобы понять, кто ты есть, почувствовать себя, нужна некая доля пассивности своего сознания («голова») перед своими желаниями, чтобы сознание («голова») не помешало обнаружиться скрытым возможностям. Вот почему в строке, полной стилистических приемов олицетворения и синекдохи («Ноги уносят мои руки и туловище» [Цой, Житинский, 1991, с.295]), чувства героя метафорически выражены в «ногах». Вначале герой обнаруживает потребность идти куда-то, и только потом «голова отправляется следом» (олицетворение плюс синекдоха), и наконец мы получаем объяснение: «А я хотел бы остаться собой» [там же].

Образ тени с лицом нахала перекликается с образом мистера Х из оперетты Имре Кальмана «Мистер Х», которая начинается строкой: «Да, я шут, я циркач, так что же?» и заканчивается: «Плыву без ласки, боль свою затая...//Всегда быть в маске - судьба моя!» В. Цой исполнял ее, она даже включена в сборник его текстов [Цой, Житинский, 1991, с. 308].

Стоит упомянуть и о возможности другой трактовки, которая представляется менее правдоподобной, поскольку речь идет о В. Дое, застенчивом и скромном, но которая имеет также право на существование. Дело в том, что существует представление о тени как о втором «я» человека, его более подлинной сущности/необходимой составляющей человека/бессознательном/ антипode героя/отрицательной, темной стороне личности. Достаточно вспомнить повесть Э. Т. А. Гофмана «Приключения в новогоднюю ночь, Г. Х. Андерсена «Тень», одноименную пьесу Е. Шварца и т. д. Тогда приходится признать, что существует иная, темная сторона личности, в которой герой либо подсознательно является нахалом, либо считает себя таковым. В какой-то степени, чтобы идти против мнения «всех», отстаивая свое право жить так, как хочется, нужно иметь недоужинную внутреннюю силу и «нахальство». Надо думать, однако, что в данном случае тень отображает не настоящий характер героя, а лишь маску, надетую для того, чтобы скрыть свою ранимость и защититься от внешнего мира.

Не смешивая героя стихотворения с автором, нельзя не вспомнить манеру Цоя-юноши выпячивать вперед подбородок, о чем свидетельствуют воспоминания Марианны Цой о

первом знакомстве: «Это было пятого марта... Цой вошел – подбородок вперед, уже тогда – и говорит: «Меня зовут Витя» [Цой, Житинский, 1991, с.7].

Песня «Алюминиевые огурцы» была написана Цоем под впечатлением сельскохозяйственных работ, на которые он был отправлен, обучаясь в ПТУ, и является одной из самых трудных для понимания. Вот как описывал ситуацию гитарист группы кино: «Он (Цой – П. Д.) говорил, что под дождем, на раскисшем поле огурцы, которые будущим художникам приказано было собирать, имели вид совершенно неорганических предметов – холодные, серые, скользкие, тяжелые штуки, алюминиевые огурцы. Вся песня была веселой абсурдной игрой слов, не абсурднее, правда, чем многое из того, что приходилось делать тогда Витьке, мне, Марьяше и нашим друзьям» [Рыбин, 2001].

Сам Цой в одном из своих интервью на вопрос, о чем его песня, отвечал так: «... что означает для меня слово «Камчатка»? Ничего конкретного, я там никогда не был, оно лишь подчеркивает некую абсурдность текста, его фантастичность. «Камчатка» и «Алюминиевые огурцы» – это чисто фонетика и, может быть, какие-то ключевые моменты, не связанные между собой и имеющие задачу вызвать ассоциативные связи. Можно назвать это реальной фантастикой. Можно в какой-то мере сравнить этот подход с театром Ионеско. Только у нас не мрачное разрешение элементов действительности, а более веселое» [Цой, Житинский, 1991, с.176].

Казалось бы, все просто. Перед нами некая абсурдная ситуация, в которой героя заставляют заниматься заведомо бессмысленным делом, а именно: собирать огурцы в дождливую погоду, когда известно, что, будучи мокрыми, они быстро испортятся и не доживут до своего покупателя. Однако стихотворение имеет другой, можно сказать, противоположный смысл. Обратим внимание на слова «ключевые моменты» в уже упомянутом интервью Цоя и попробуем трактовать это произведение в контексте всего раннего творчества поэта. Фразу «Я сажаю алюминиевые огурцы» можно понимать как то, что лирический герой занимается чем-то заведомо бессмысленным, ибо всем понятно, и даже самому герою, а не только «трем чукотским мудрецам», что сажать алюминиевые огурцы бесполезно. «Три чукотских мудреца / Твердят-твердят мне без конца: / «Металл не принесёт плода. / Игра не стоит свеч, / А результат - труда» [Цой, Житинский, 1991, с. 293].

Эта тема – явное продолжение темы «бездельника», который не хочет заниматься тем, что ему навязывают, становится «кем-то», желая просто остаться собой. В контексте данного стихотворения «остаться собой» означает **продолжать сажать** «алюминиевые огурцы на брезентовом поле», невзирая на кажущуюся абсурдность действия. Таким образом, смысл стихотворения – в том, чтобы отвоевать свое право заниматься внешне «бессмысленным» делом. И в этой внутренней логике стихотворения выявляется абсолютный контраст с той реальной ситуацией, на основе которой произведение было создано. Там Цой и товарищи вынуждены были заниматься бессмыслицей, здесь – герой бросает вызов тем, кто считает его занятие бессмысленным.

В контексте данной трактовки фраза мудрецов «металл не принесет плода» приобретает особое значение. Учась в художественном училище, Цой носил металлические булавки (и, возможно, алюминиевые), что стало одной из причин его исключения. Надо думать, он понимал, чем могут ему грозить эти «украшения». Как свидетельствует близко знавший поэта А. Панов, «...все были бездельники. Цоя и других из «Серовки» (художественное училище – П. Д.) выгнали именно по той причине, что они там стали ходить в булавках <...>» [Зуб, 1999, с.11]. Прежде всего, булавки служили символом его внутреннего мира, его причастности к особому миру «панк-битничества». Украшения-символы носят не только для самоидентификации и не только для того, чтобы опознать «своего» в толпе, но и чтобы утвердить свой «мир» в мире, удивив, зацепив им новичка. Зная опасность ношения такого украшения и, тем не менее, не переставая носить его, Цой мог считать себя духовным «сеятелем» этого мира. «Жилетка (в которую был одет В. Цой – Д.

П.) была украшена булавками, цепочками, значочками и прочими атрибутами «панк-битничества» [Цой, Житинский, 1991, с.58].

В этой связи стоит отметить, что булавки по форме похожи на огурцы, хотя и с дыркой:

Кнопки, скрепки, клепки,

Дырки, булки, вилки. [Цой, Житинский, 1991, с. 294]

Неслучайно дальнейшее упоминание «дырок», неизбежно вызывающее ассоциации с дыркой от бублика Маяковского, а проще говоря «фигой». Вместо бублика, однако, булка, что объяснимо, поскольку перечисляются двусложные слова, связанные аллитерацией (множественным повтором «пк» – 3 повтора, затем чередование разных звуков со звуком «к» (рк, лк).

В строчках:

Здесь тракторы пройдут мой

И упадут в копилку [Цой, Житинский, 1991, с.294].

у читателя возникают ассоциации с довольно устойчивым выражением военного характера: «Здесь прошли танки» (а не тракторы). Вообще говоря, обилие текстовых реминисценций – одна из основных черт поэтики Цоя. На самом деле, употребление слова «тракторы» вполне логично, ибо речь идет о возделывании поля, о том, чтобы сажать огурцы. Но параллельная метафора войны, мотив оттаивания своего «я» в этом мире подтверждается и такими словами, как «алюминиевый» (вид металла, используемый в самолето- и вертолетостроении, ср. свинцовые пули), «брезентовый» (крепкий материал, используемый в армии для покрытия грузовиков, пушечных чехлов, танков и палаток) и перекликается с более поздним мотивом «войны» между «землей» и «небом» в творчестве В. Цоя. Здесь, однако, не традиционный спор между этими двумя ипостасями. Речь идет об утверждении себя в мире, о том, что, «каков бы я ни был, я должен быть, и я буду». Пусть эфемерные, абсурдные, созданные из скрепок и кнопок, но они, эти «тракторы» убеждений лирического героя, упадут в копилку тщательно выстраиваемого и оберегаемого им внутреннего мира:

Упадут туда,

Где я сажаю алюминиевые огурцы

На брезентовом поле [Цой, Житинский, 1991, с.294].

Пусть эти тракторы-«танки» столь малы, что поместятся в копилку, но любая копилка имеет свойство накапливаться.

Стихотворение «Электричка» написано в 1980г. на основе собственных ощущений В. Цоя, каждый день ездившего в училище в тамбуре холодной пригородной электрички. Все произведение построено на антитезах:

«вчера» - «сегодня»

«поздно» - «рано»

«холодно» - «тепло»

«накурено» - «свежо»

«молчу» - «(не) кричу» (акротеза) [Цой, Житинский, 1991, с. 295].

Антитеза «холодно – тепло, накурено – свежо» снимается и приближается к амфитезе – стилистический прием контраста для описания целого путем указания на его крайние точки: (в тамбуре одновременно и холодно, и тепло; и накурено, и свежо) - верно подмеченная деталь российских (советских) электричек.

Анафора, начинающая оба четверостишия, производит нагнетание настроения. Внешнее спокойствие строфы: «Почему я молчу, почему не кричу, молчу?» [Цой, Житинский, 1991, с. 295] (внутренняя рифма) взрывается отчаянным риторическим

вопросом. Оказывается, нежелание героя ехать туда, куда везет его электричка, настолько сильно, что, в его представлении, должно быть выражено криком. Его «кричащее» молчание производит на читателя сильное впечатление и в очередной раз показывает тихий бунт против обстоятельств.

Образ электрички здесь и общее движение жизни, поток, уносящий героя туда, куда он не хочет, и конкретная электричка. Вообще тема транспорта, равно как и образ дома, так или иначе сопровождает поэзию Цоя.

В альбоме «46», 1983 в песне «Троллейбус» две первые строчки не дают возможность толковать образ троллейбуса как что-то большее, чем просто вид транспорта, однако, начиная с третьей становится понятно, что это некий образ коллективного сознания, оставшегося без руководства («В кабине нет шофера, но троллейбус идет» [Цой, Житинский, 1991, с. 299]) в мире, где каждый должен «выплывать поодиночке» («И мы тонем, хотя каждый знает, где брод» [там же]) Как видим, здесь пересекаются образ троллейбуса как коллективного начала, замкнутого пространства и образ водной стихии, представленной имплицитно, через образ тонущих. (Вспомним картину с тонущими лошадьми у Гоголя в «Мертвых душах», определенно указывающую на гибель души). Почему же герои тонут, зная путь к спасению? Не потому ли, что каждый из них не знаком с соседом, хотя вместе уже год? Не людская ли разобщенность здесь имеет место быть? В строке «Все люди – братья, мы седьмая вода» встречаем сразу 2 реминисценции, противопоставленные друг другу. Точные слова первой: «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья» [Библия, 2000, Ев. от Матфея, гл. 23:8]. «Седьмая вода на киселе» – русская поговорка, так говорят про очень дальних и, соответственно, далеких от «братства» родственников. Здесь автор использовал стилистический прием апозиопеизис, состоящий в «намеренном недоговаривании, усечении, прерывании высказывания ...» [Сковородников, 2003, с. 72]. Мы видим антитезу заветов Христа, того, какими должны быть отношения между людьми, и того, какими они являются на самом деле. Люди в троллейбусе друг другу никто. Каждый по отдельности знает, «где брод», то есть путь к спасению, но все вместе гибнут, вероятно, не желая делиться своими знаниями с другими.

«И каждый с надеждой глядит в потолок» [Цой, Житинский, 1991, с. 299]. Отрицательный образ бездельника, плюющего в потолок, возникает и здесь, отсылая нас к «Бездельнику», хотя и смягчается словом «надежда». Автор хочет подчеркнуть, что все надеются, но никто ничего не делает для того, чтобы стало лучше. Все смотрят с надеждой вверх, а вверх виден только потолок, а не небо. Глядеть с надеждой на небо – надеяться на Бога, высшие силы.

Образ соседа, который «хочет уйти, но не может уйти» [Цой, Житинский, 1991, с. 299] ассоциируется либо с самоубийцей, либо с человеком, просто не знающим выхода. Но обратим внимание на слово «уйти», которое больше приближает нас к трагическому восприятию, нежели слово «выйти» (так как речь идет об автобусе, последнее более логично).

Негативное восприятие троллейбуса и происходящего в нем в первых двух строках завершается оптимистической третьей, где «шофера нет», но «троллейбус все-таки «идет»; «мотор заржавел» [там же], но люди едут вперед, где наконец показывается долгожданная звезда как эквивалент некоего духовного начала, путеводной нити, что опять-таки нереально, ибо звезда может быть на небе, но не на потолке), и оказывается, что в этом помог троллейбус, который идет на восток.

Восток можно воспринимать в его первоначальном значении – восход – восходит и заходит только солнце – и тогда под «звездой» автор, скорее всего, имеет в виду именно солнце (вспомним более позднее стихотворение «Звезда по имени солнце»). Однако восток может означать часть света, отличную от запада, а также восточные религии (ср. более позднее: «Однако единственный, по Его мнению, приемлемый путь добиться спокойного

отношения к смерти и вечности, предлагаемый Востоком, все-таки не мог найти отклика в нем, так как предполагал отказ от различных развлечений и удовольствий» [Жавнерович, 2009, с. 175]. Вспомним также увлечение Цоя дзен-буддизмом.

Образ троллейбуса как метафора морского судна и далее – как метафора группы людей, по какой-то причине собравшихся вместе, – сложен и наполнен противоречиями. С одной стороны, внутри холодно («Не пойму. почему мне так холодно здесь» [Цой, Житинский, 1991, с. 299]); люди, находящиеся в нем, «тонут», то есть погибают, при этом зная, как не погибнуть; едут, не зная, зачем и куда; они едут вместе, но они разрознены. С другой – троллейбус идет на восток (восход), сидящие в нем надеются на что-то и в конце он привозит все-таки к звезде, пусть она и показалась на долю секунды. У Цоя, хотел он этого или нет, показывается моральное состояние общества того времени, мироощущение целого поколения в начинающей разваливаться стране.

Таким образом, становится очевидным, что за фантастичностью и кажущейся абсурдностью ранних текстов В. Цоя, на самом деле скрывается глубокий смысл, который проявляется при анализе его произведений в контексте биографических данных, при рассмотрении стилистических приемов (аллюзий, реминисценций, метафор и др.), а также в контексте его более позднего творчества. В результате исследования выясняется, что тексты ранних альбомов представляют собой, при всей внешней разнородности, некое единое целое, лирический герой является неизменным, переходящим из стихотворения в стихотворение, он конфликтует с внешним миром, в основном, пассивно, но иногда готов бросить ему вызов, он следует внутренней логике своего характера, одерживая победу в своем желании не изменить себе, «остаться собой».

Литература

- Библия. Синодальный перевод. М.: Библия для всех, 2000.
Жавнерович А. А. Звезды останутся здесь. Виктор Цой. - М.: Эксмо, 2009.- 352 с.
Зуб А. Н. Виктор Цой. - Минск: Современный литератор, 1999. – 256с. – (Жизнь знаменитых людей).
Коркунова О. В., Бушуева Т. И. Роль тени как структурного компонента личности. - Екатеринбург, 2017. с. 24-34.
Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник/Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
Москвин В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. Изд. 4-е, перераб. и доп. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 630 с.
Рыбин А. «Кино» с самого начала и до самого конца». Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 288 с.
Цой М., Житинский А. Виктор Цой. Стихи, документы, воспоминания. СПб., 1991. 367 с.
Цой М., Рыбин А. Лит.-худож. сб. СПб., 1997 318 с.

References

- Bibliya. Sinodal'nyy perevod. M.: Bibliya dlya vseh, 2000.
Zhavnerovich A.A. Zvezdy ostanutsya zdes'. Viktor Tsoi. M.: Eksmo, 2009. 352 s.
Zub A.N. Viktor Tsoi. Minsk, Sovremennyy literator 1999. 256c. (Zhizn' znamenitykh lyudey).
Korkunova O.V., Bushuyeva T.I., Rol' teni kak strukturnogo komponenta lichnosti. Yekaterinburg, 2017. S. 24-34.
Kul'tura russkoy rechi: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik / Pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shirayeva i dr. M.: Flinta: Nauka, 2003. 840 s.
Moskvin V.P. Stilistika russkogo yazyka. Teoreticheskiy kurs. Izd. 4-e, pererab. i dop. Rostov-na-Donu: Feniks, 2006. – 630 s.
Rybin A. "Kino" s samogo nachala i do samogo kontsa. Rostov-na-Donu 2001. 288 s.
Tsoi M., Zhitinskiy A. Victor Tsoi. Stikhi, dokumenty, vospominaniya. SPb., 1991. 367 s.
Tsoi M., Rybin A. Lit.-khudozh. sb. - SPb., 1997. 318 s.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ, ИТАЛЬЯНСКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Большую часть внешнеполитических вопросов лучше всего решать путем сотрудничества, чем и занимается дипломатия. Инструментом для решения этой задачи служит такой вид дипломатических документов как международный договор. Сам язык подобных документов интересен для изучения, т. к. с его помощью достигается основная цель дипломатической коммуникации – защита национальных интересов на международной арене. Любой тип дипломатического документа имеет четкую структуру, лексические и синтаксические особенности. Для дипломатического языка характерно использование специальной терминологии, выражений высокого стиля и гибких формулировок. С точки зрения синтаксиса, дипломатический дискурс характеризуется сложными и длинными предложениями с большим количеством однородных членов и причастных оборотов. Несмотря на строгость жанра, согласно принципу открытости дипломатии, информация должна находиться в открытом доступе и излагаться понятным для общественности языком. Цель нашего исследования – охарактеризовать международный договор как жанр дипломатических документов и как часть дипломатического дискурса, выявить его структурные, лексические и синтаксические особенности в русском, итальянском и английском языках, а также особенности его перевода на примере двустороннего соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейскими сообществами и их государствами-членами 1997 г.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, международный договор, лексика, синтаксис, перевод.

L. Rezцова

St. Petersburg University

LEXICAL AND SYNTACTIC FEATURES OF AN INTERNATIONAL TREATY AND ITS TRANSLATIONS INTO RUSSIAN, ITALIAN AND ENGLISH

Most of the foreign policy issues are best solved through cooperation, which is what diplomacy does. An instrument for solution of this problem is such a type of diplomatic documents as an international treaty. The language of such documents is important for studying, because with its help, the main goal of diplomatic communication is achieved – the protection of national interests in the international arena. Any type of diplomatic document has a clear structure, lexical and syntactic features. The diplomatic language is characterized by the use of special terminology, high-style expressions and flexible formulations. Syntactically, diplomatic discourse is characterized by complex and long sentences with a large number of homogeneous sentence members and participial phrases. Despite the strictness of the genre, according to the principle of openness of diplomacy, information should be publicly available and presented in a language understandable to society. The purpose of our study is to characterize an international treaty as a genre of diplomatic documents and as part of diplomatic discourse, to identify its structural, lexical

and syntactic features in Russian, Italian and English, as well as the features of its translation using the example of the bilateral agreement on partnership and cooperation establishing a partnership between the European Communities and their Member States, of one part, and the Russian Federation, of the other part in 1997.

Keywords: diplomatic discourse, international treaty, vocabulary, syntax, translation.

Дипломатические документы имеют большое значение во внешней политике государств, поскольку они способствуют налаживанию международных связей, развитию двусторонних и многосторонних отношений. Такие документы, показывая взаимосвязанность мирового сообщества, отражают картину современного мира, который характеризуется взаимозависимостью стран.

Большинство внешнеполитических вопросов лучше всего решать путем переговоров и сотрудничества, чем и занимается дипломатия. Вообще, дипломатическая деятельность направлена на реализацию внешнеполитических целей государства. Правовым инструментом для достижения этой цели служит такой вид дипломатических документов как международный договор.

Международные договоры, формирующие правовую основу отношений между государствами, можно считать самостоятельной подсистемой дипломатической документации [Кукарина, 2020, 264]. Они заключаются между странами, а также между странами и международными организациями. Определение понятия «международный договор» сформулировано в федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» и рассматривается как «международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования» [О международных договорах Российской Федерации, 1995]. При формулировке определения федеральный закон ориентировался на текст Венской конвенции 1986 года, в которой «международный договор» определяется похожим образом: «международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования» [Венская конвенция о праве международных договоров, 1989]. В современном мире существует множество различных видов соглашений, которые регулируют отношения между субъектами международного права. Эти соглашения могут быть двусторонними или многосторонними.

Сам язык подобных документов интересен для изучения, поскольку с его помощью достигается основная цель дипломатической коммуникации – защита национальных интересов на международной арене. А для эффективного сотрудничества на международном уровне требуется точный перевод. Следует отметить, что основной задачей перевода является стремление к точной передаче смысла исходного текста, однако при этом допускаются переводческие трансформации, которые характерны для любого вида перевода [Бархударов, 1975]. Согласно В. Н. Комиссарову, эквивалентный перевод – это «перевод, воспроизводящий содержание иноязычного оригинала на одном из уровней эквивалентности». А адекватный перевод – это «перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода» [Комиссаров, 1989, с. 5]. В сфере перевода

дипломатических документов соблюдение жанрово-стилистические особенности крайне важно.

Цель нашего исследования – охарактеризовать международный договор как жанр дипломатических документов и как часть дипломатического дискурса, выявить его структурные, лексические и синтаксические особенности в русском, итальянском и английском языках, а также особенности его перевода.

В качестве материала используется Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейскими сообществами и их государствами-членами (1997). Этот документ подписан 24 июня 1994 года на острове Корфу (Греция) между Россией и Европейскими сообществами (на тот момент 12 стран-участниц). Соглашение вступило в силу в декабре 1997 года после расширения Европейского Союза и выполнения Россией процедур, указанных в статье 112 настоящего Соглашения. Документ был подписан сроком на десять лет. Согласно статье 106 Соглашения, после 2007 года он автоматически продлевается до тех пор, пока одна из сторон его не расторгнет. Соглашение создало нормативно-правовую базу для дальнейшего развития отношений между ЕС и Россией. Именно благодаря этому Соглашению Россия перешла от исключительно двусторонних отношений с отдельными странами-членами ЕС к отношениям с ЕС в целом [Бусыгина, Дерягина, 2007, с. 7].

Любой тип дипломатического документа имеет четкую структуру, лексические и синтаксические особенности, знание и соблюдение которых является неотъемлемой частью лингвистической компетенции переводчика в сфере перевода дипломатических документов. Международный договор требует грамотного перевода, так как допущение ошибок при переводе может повлечь за собой неверное истолкование норм международного права и, как следствие, их применение. А значит, важнейшей задачей переводчика является точная передача смысла оригинального текста для того, чтобы избежать двусмысленности.

При переводе документов необходимо учитывать правила, по которым они создаются. Структура международных договоров включает в себя следующее: титул; преамбула; основная часть (основные статьи или положения); заключительная часть; приложения. Следует сказать, что в русской, итальянской и английской версии Соглашения структура строго соблюдена. Однако присутствуют небольшие различия в форме изложения, обусловленные языковыми и правовыми особенностями. Например, в русском варианте при перечислении сторон первой идет Россия, так как сторону, к которой относится язык перевода, принято ставить первой.

Кроме этого, в русской версии Соглашения названия стран при перечислении сторон пишутся с заглавной буквы в одну строку, в отличие от остальных рассматриваемых вариантов, в которых страны прописаны полностью заглавными буквами в виде списка, что можно объяснить особенностью русской языковой традиции: *Королевство Бельгии, Королевство Дании; The KINGDOM OF BELGIUM, the KINGDOM OF DENMARK; II REGNO DEL BELGIO, il REGNO DI DANIMARCA*. Названия разделов, глав и частей документа в английской и итальянской традиции пишется похожим способом: *TITLE II POLITICAL DIALOGUE; TITOLO II DIALOGO POLITICO*. Сравним с русским вариантом: *Раздел II Политический диалог*.

Как показывают приведенные примеры, типовая структура дипломатических документов приводит к единообразию и шаблонности применяемых в них синтаксических средств.

Особенности перевода международных соглашений можно разделить на стилистические и лексические.

Говоря о стиле, к дипломатическим документам можно отнести следующие характеристики: объективность, обобщенность, информативность, логика изложения, смысловая ясность, определенность, строгое соблюдение дипломатического этикета.

Стилистические особенности – это те особенности оригинала, которые переводчик должен учитывать для сохранения стиля текста перевода. К ним могут относиться официальность, отсутствие эмоциональной окраски, строгость построения и использование терминов международного права, а также логика изложения. Язык оригинала в международных соглашениях определяют стороны договора. В рассматриваемом Соглашении таким языком считается английский. При его переводе все критерии были учтены.

Лексические особенности заключаются в различии терминологии и в наличии так называемых лагун, то есть отсутствии эквивалентов для некоторых понятий оригинального текста в языке перевода. Как следствие, может возникнуть двусмысленность (см. Табл. 1). С точки зрения лексических особенностей, рассматриваемые переводы являются довольно удачными. В данном документе случаев возникновения недопонимания крайне мало, но они присутствуют.

Табл. 1.

...неуклонный прогресс на пути к созданию рыночной экономики <i>будет ускорен</i> благодаря сотрудничеству между Сторонами в формах, предусмотренных настоящим Соглашением...	... continued progress towards a market economy <i>will be fostered</i> by cooperation between the Parties in the forms set out in this Agreement...	...la cooperazione tra le parti nelle forme previste dal presente accordo <i>favorirà</i> il costante progresso verso l'economia di mercato...

В английском и итальянском переводах используются глаголы *foster* и *favorire* соответственно. Они употреблены в значении способствовать, содействовать, т. е. помогать. В русском варианте мы наблюдаем неточный перевод – *ускорять*. Высказывание приобретает новый смысловой оттенок, возрастает степень уверенности. Также мы наблюдаем более осторожную со стороны ЕС.

Для дипломатического языка характерно использование специальной терминологии, выражений высокого стиля и гибких формулировок. В каждом языке есть свой дипломатический словарь, свои лексические обозначения для тех или иных феноменов (см. Табл. 2).

Табл. 2.

экономические реформы	economic reform	riforme economiche
область	field	settore
торговля	trade	commercio
инвестиции	investment	investimenti
устойчивое развитие	sustainable development	sviluppo sostenibile
укрепление свобод	to strengthen freedoms	potenziare la libertà
рыночная экономика	market economy	economia di mercato
сотрудничество	cooperation	cooperazione

Для рассматриваемого документа, как и для многих документов ЕС, характерна неоднородность терминологии. Наряду с правовой терминологической лексикой в терминологию права ЕС входит лексика других терминосистем: экономической,

политической, финансовой, социальной. В качестве примера употребления экономической терминологии можно выделить следующее: *государства-члены, Member States, Stati membri*.

Заметим, что используются разные типы связи: в русском языке – согласование, в английском и итальянском многие словосочетания в договоре построены с помощью предлогов: *переходная экономика, economy in transition, un'economia in transizione*.

Часто переводчик стоит перед выбором: какое из значений использовать? В рамках международного договора при переводе следует ориентироваться исключительно на буквальное значение слов и выражений. Язык дипломатических документов как язык для специальных целей отличается своим функциональным стилем – официально-деловым.

Допускается небольшое отклонение от так называемого дословного перевода в том случае, если это не искажает смысл (см. Табл. 3).

Табл. 3.

...сознавая необходимость улучшения условий, влияющих на деловую и инвестиционную деятельность, и условий в таких областях, как учреждение компаний, трудовая деятельность, предоставление услуг и движение капитала...	...CONSCIOUS of the need to improve conditions affecting business and investment, and conditions in areas such as establishment of companies, labour, provision of services and capital movements...	...CONSAPEVOLI della necessità di migliorare le condizioni per le attività commerciali e gli investimenti, nonché quelle riguardanti lo stabilimento delle società, la manodopera, i servizi e i movimenti di capitali...

Английское выражение *in areas such as* на русский язык перевели дословно - *в таких областях, как*, в то время как в итальянском варианте перевода мы видим *riguardanti*. Таким образом, при переводе на итальянский язык мы наблюдаем тенденцию к сокращению и упрощению некоторых формулировок.

Как особенность международных договоров можно отметить большое количество аббревиатур: СБСЕ (Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе), CSCE (Conference on Security and Cooperation in Europe), CSCE (Conferenza sulla sicurezza e sulla cooperazione in Europa); ВТО (Всемирная торговая организация), WTO (World Trade Organization), ОМС (Organizzazione commerciale mondiale). Важно уметь правильно их переводить. Заметим также, что в английском языке все слова в названии документа или события принято писать с заглавной буквы, кроме предлогов и артиклей.

С точки зрения синтаксиса, дипломатический дискурс характеризуется сложными и длинными предложениями с большим количеством однородных членов и деепричастных оборотов. Характерным примером является первое предложение Соглашения, в котором при перечислении сторон указаны 12 государств-членов Европейского сообщества и использовано 19 деепричастных оборотов. Этот феномен обусловлен еще одной особенностью языка дипломатических документов: стремление вместить в одно предложение все основные аспекты соглашения, которые формируют основу для взаимоотношений.

Интересно также и то, что в английском варианте точка с запятой используется реже, чем в других переводах. В целом решение о постановке знака препинания, если говорить о запятой и точке с запятой, часто не совпадает. Так, в первом предложении документа на русском языке пункты Соглашения, выраженные деепричастным оборотом, отделяются друг от друга точкой с запятой. А в Разделе IV «Положения о предпринимательской деятельности и инвестициях» Главе I Статье 24-й в предложении, которое объясняет цели в области

социального обеспечения, ради достижения которых стороны заключили соглашение, этот знак препинания используется только в русском и итальянском переводах.

Несмотря на строгость жанра, согласно принципу открытости дипломатии, информация должна находиться в открытом доступе и излагаться понятным для общественности языком. Следовательно, в подобных текстах не принято злоупотреблять специальной лексикой.

Следует отметить, что переводчик должен учитывать специфику используемой терминологии и стилистические особенности текста. Ответственность возрастает, в частности, в сфере международного права, так как ошибка в переводе может привести к международному конфликту. Учитывая особенности текста, можно избежать недопонимания сторон и искажения смысла. Нужно также помнить, что все документы, обладающие юридической силой, имеют клишированную форму.

При переводе международных договоров вполне возможно достичь высокого уровня эквивалентности главным образом по причине того, что данный тип текстов характеризуется регламентированностью и смысловой и структурной строгостью, что минимизирует возможность появления многозначности. Именно поэтому подобные документы переводятся, преследуя формальную эквивалентность, согласно терминологии Найда [Найда, 1964].

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейскими сообществами и их государствами-членами (1997) отчетливо иллюстрирует особенности перевода международного договора. Здесь важна не эстетическая сторона перевода, а точное отражение смысла текста и его задач. Учитывая анализ Соглашения, еще раз можно подтвердить, что перевод на уровне многосторонней дипломатии, во многом дословный, является верным, когда соблюдает правила перевода дипломатических документов.

Литература

- Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: «Международные отношения», 1975. 240 с.
- Бусыгина И., Дерягина А. Стратегия Европейского Союза в отношении России и трансграничное сотрудничество на Северо-Западе // Аналитические записки НКСМИ. 2007. № 7. С. 3–27.
- Венская конвенция о праве международных договоров. Вена, 1969.
- Комиссаров В. Н. Общая теория перевода // М.: Высшая. 1989. 132 с.
- Кукарина Ю. М. Система дипломатической документации: вопросы классификации и использования // Документальное наследие и историческая наука. 2020. С. 260–266.
- Найда, Ю. К науке переводить. 1964, 331 с.
- Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейскими сообществами и их государствами-членами. 1997.
- Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995. N 101-ФЗ.

References

- Busygina I., Deryagina A. The strategy of the European Union towards Russia and cross-border cooperation in the North-West // Analytical notes of the NKSMI. 2007. № 7. P. 3–27.
- The Vienna Convention on the Law of Treaties. Vienna, 1969.
- Federal Law “On International Treaties of the Russian Federation” dated 07/15/1995. N 101-FL.
- Komissarov V. N. General theory of translation // M.: Higher. 1989. 132 p.
- Nida, E. A. Toward a science of translating. 1964. 331 p.

Agreement on partnership and cooperation establishing a partnership between the European Communities and their Member States, of one part, and the Russian Federation, of the other part. 1997.

Kukarina U. M. The system of diplomatic documentation: issues of classification and use // Documentary heritage and historical science. 2020. P. 260–266.

Barkhudarov L. S. Language and translation. Questions of general and particular theory of translation. M.: "International relations", 1975. 240 p.

Родин В. А.

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

РОЛЬ АНТРОПОМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В ОБРАЗОВАНИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПОГРУЗЧИКА БОРТОВЫМ ПОВОРОТОМ)

В настоящей статье рассмотрены когнитивные механизмы антропоморфной метафоры, лежащие в основе формирования англоязычных терминов строительной техники (на примере погрузчика бортовым поворотом). Сделан вывод о том, что термины, содержащие антропоморфную метафору, преимущественно относятся к категории «Навесное оборудование».

Ключевые слова: антропоморфная метафора, метафорическая модель, когниция, термин, строительная техника

Valentin Rodin

Leningrad State University named after A. S. Pushkin

THE ROLE OF AN ANTHROPOMORPHIC METAPHOR IN THE FORMATION OF ENGLISH-LANGUAGE TERMS OF CONSTRUCTION EQUIPMENT (USING THE EXAMPLE OF A SKID-STEER LOADER)

This article examines the cognitive mechanisms of the anthropomorphic metaphor underlying the formation of English-language terms of construction equipment (using the example of a skid-steer loader). It is concluded that the terms containing an anthropomorphic metaphor mainly belong to the category of “Attachments”.

Keywords: anthropomorphic metaphor, metaphorical model, cognition, term, construction equipment

С точки зрения когнитивной лингвистики, метафора — это не только средство, служащее для украшения речи говорящего, но и способ познания человеком окружающей действительности. Один из основных постулатов когнитивной лингвистики гласит, что язык, находясь в неразрывной связи с мышлением, является главным средством доступа к сознанию человека [Лаврова, 2015, с. 295]. Появление монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, под названием «Метафоры, которыми мы живем» (*Metaphors we live by*) в 1980 году ознаменовало собой появление когнитивной теории метафоры, согласно которой употребление слова в своем непрямом значении, но, тем не менее, известном индивиду, есть ничто иное как инструмент оценки, концептуализации, категоризации и объяснения основных закономерностей окружающего мира [Лакофф, Джонсон, 2004, с.20]. При столкновении с новым, неизвестным ранее явлением, человеческое сознание неизбежно «ищет» уже известные ему аналогии (события, предметы или явления), концептуально схожие с осмысляемым явлением. В то же время уже существующие языковые единицы, нередко используются для обозначения новых понятий. Так возникает явление, именуемое вторичной номинацией.

Метафорический перенос, зачастую обуславливающий вторичную номинацию может быть зафиксирован и отображен посредством так называемой метафорической модели (далее

М-модели) «X — это Y» [Песина, Виноградова, Киселева, Трофимова, Рудакова, Баклюкова, 2021, с.248]. Область X — есть ничто иное, как исходная понятийная область, из которой извлекаются существенные признаки для дальнейшего осмысления области Y.

Антропоморфная метафора является одной из наиболее известных разновидностей когнитивной метафоры. Столь высокая популярность может быть объяснена ведущей ролью принципа антропоцентричности человеческого мышления вообще в процессе когнитивной организации восприятия окружающей действительности [Бурмакова, 2015, с. 28]. Связь человека с собственным телом носит непосредственный характер, следовательно, время на поиск аналогий для формирования нового образа неизвестной действительности и её последующей номинации значительно сокращается.

Антропоморфная метафора, будучи распространенным явлением, может встречаться в рамках множества дискурсов, в том числе в рамках терминологических систем. В настоящем исследовании будет рассмотрена роль антропоморфной метафоры в образовании англоязычных терминов строительной техники (на примере погрузчика бортовым поворотом).

Образно говоря, терминологическая система «Строительная техника» предъявляет довольно высокие требования к её составляющим. Дело в том, что основной пласт терминов данной области представляет собой наименование различного рода механизмов, а также элементов оборудования, используемого для проведения большого количества манипуляций в пределах рабочего поля. Нетрудно предположить, что термины, в основе появления которых «лежит» метафорический перенос, должны составлять как минимум наименьший процент от общего числа единиц в составе данного терминопоя. Действительно, для безопасной эксплуатации машины необходимо недвусмысленное понимание значения всех без исключения терминов, прямо или косвенно относящихся к ней. В противном случае, неверная их интерпретация со стороны специалиста может быть расценена как проявление халатности, а также привести к летальному исходу в процессе работы, поскольку эксплуатация строительных машин сопряжена с огромными рисками для жизни.

В этой связи, метафора, с одной стороны, представляет собой своего рода угрозу для терминосистемы «Строительная техника». Следует помнить о том, что метафора, в целом, есть ни что иное, как «вкрапление в новое понятие признаков уже известной действительности, способ расширения имеющейся картины мира» [Телия 1996, с. 186]. Далеко не все имеющиеся механизмы строительной машины имеют строгую номинацию. Наименование некоторых из них (все еще) требует осмысления. В связи с этим, появляется необходимость задействовать метафору, как одну из ключевых единиц когниции, для образования новых терминологических единиц на основе сходства с окружающей действительностью, знакомой человеку в повседневной жизни. На первый взгляд, данный способ решения проблемы кажется вполне разумным, однако, как показывает практика, появление метафорических терминов в значительной степени усложняет работу специалистов в области строительной техники. Нельзя игнорировать тот факт, что метафорические термины создаются, прежде всего, людьми, чьи когнитивные стратегии могут в значительной степени различаться, в зависимости от таких факторов, как: опыт работы, особенности ассоциативного мышления, культурный базис и др. Следовательно, необходима некоторая унификация вновь появившихся терминологических единиц. В различных руководствах по эксплуатации, описывающих работу одной и той же строительной машины, зачастую встречаются различные термины, обозначающие те самые «спорные» элементы. Особенно данная проблема актуальна для мануалов, посвященных работе современных высокотехнологичных машин, где многие новые формы и виды механизмов еще не имеют устоявшегося названия.

К огромному сожалению, следует отметить, что какой-либо консенсус по данному вопросу вряд ли будет достигнут в ближайшее время, поскольку терминосистема

«Строительная техника» регулярно пополняется новыми элементами (терминами), а тезаурусы, сколько-нибудь способные облегчить задачу поиска истины в номинации строительно-технических элементов, отсутствуют.

С другой стороны, метафора, составляющая основу некоторых англоязычных терминов строительной техники, является оправданным и даже необходимым решением. Подтверждение данного тезиса следует искать в работах Д. Дэвидсона, в которых постулируется о необходимости посмотреть на явление метафоры как таковое под другим углом и исключить определение данного тропа как скрытого переносного значения, отличающегося от основного [Дэвидсон, 1978, с. 35].

Приведенный выше тезис американского философа позволяет выявить одно из ключевых противоречий, связанных с явлением метафоризации в терминосистеме вообще и впоследствии рассмотреть область строительной техники как частный случай сказанного. С одной стороны, метафора воспринимается как «переносное/ не прямое значение». Однако причина ее появления в какой-либо терминосистеме вызвана необходимостью в появлении вполне точного значения того или иного предмета или явления. В связи с этим, появление метафоры в строительно-техническом терминополье, является вынужденной необходимостью и единственно возможным решением имеющихся проблем.

Как уже было сказано выше, «Строительная техника» – это сложная терминосистема, чьи элементы требуют однозначной интерпретации. Антропоморфная метафора в наибольшей степени связана с мировосприятием путем аналогий с человеческим телом, что позволяет использовать ее как одну из наиболее подходящих для построения ассоциаций с принципами работы, устройством, формой и размером строительно-технических элементов и по возможности избежать двусмысленностей в интерпретации терминов, являющихся столь частой проблемой при работе специалистов.

Опираясь на многочисленные руководства по эксплуатации, содержащие информацию о методах, порядке и особенностях эксплуатации строительно-технических машин, можно сделать вывод о том, что терминосистема «Строительная техника», в широком смысле, может быть разделена на пять основных категорий терминов, в зависимости от того, какие механизмы или явления описывают имеющиеся единицы. Данная классификация является общей для большинства строительных машин. Следовательно, руководства для погрузчиков с бортовым поворотом также содержат в себе представленные ниже категории: «название техники», «ходовая часть», «навесное оборудование», «опорно-поворотные устройства», «рабочее оборудование». Одной из целей исследования являлся анализ данных пяти категорий терминов на предмет наличия в них: 1) терминов, содержащих метафору вообще; 2) терминов содержащих антропоморфную метафору.

Следует отметить, что каждая из категорий терминов содержит единицы, которые образованы с помощью метафорического переноса. Исходя из тезисов, приведенных выше, до начала исследования ожидалось, что процент антропоморфной метафоры будет высоким во всех выделенных категориях. Однако, как показало дальнейшее исследование, это было не так. Результаты исследования представлены в таблице ниже:

Табл. 1. «Процент антропоморфной метафоры в терминах пяти основных категорий строительно-технической терминосистемы»

Название категории	Процент антропоморфной метафоры
Ходовая часть	3%
Название техники	2%
Навесное оборудование	11%
Опорно-поворотные устройства	1%
Рабочее оборудование	5%

Из приведенной выше таблицы видно, что наибольший процент терминов с антропоморфной метафорой содержит категория «Навесное оборудование». Категория «Рабочее оборудование» также имеет относительно высокий процент (25% терминов). Для того, чтобы обосновать полученные результаты, необходимо обратиться к определению понятия «Навесное оборудование». Это комплекс специализированных приспособлений, подключающихся к гидравлике машины, которые позволяют выполнять различные виды работ, тем самым повышая эффективность её работы.

Превалирование антропоморфной метафоры в терминах данной категории представляется вполне оправданным. Навесное оборудование, подобно человеческим конечностям (как правило, рукам и ногам), совершает манипуляции с предметами, похожие на хватание, броски, тычки и толкание каких-либо предметов. Термины категории «Навесное оборудование погрузчика с бортовым поворотом», содержащие антропоморфную метафору, взяты из руководства по эксплуатации к погрузчику с бортовым поворотом [TWS45, 2024, с.45] и представлены в таблице ниже.

Табл. 2. «Терминологические единицы категории «Навесное оборудование погрузчика с бортовым поворотом», содержащие антропоморфную метафору»

Название оборудования	Перевод
Arm	Рычаг ковша
Fork catch	Вилочный захват
Grab	Челюстной ковш

Необходимым видится описание механизмов метафоризации некоторых приведенных выше терминов с целью добавления исследованию наглядности.

Одним из основных методов описания механизмов антропоморфной метафоры в терминологических единицах категории «Навесное оборудование» будет являться построение их М-моделей, опирающихся на упомянутую вначале схему «X — это Y», где компоненты X и Y являются областью источника и областью цели соответственно. Далее будут построены метафорические модели всех трех терминологических единиц, относящихся к навесному оборудованию погрузчика с бортовым поворотом.

Для начала обратимся к номинативно-непроизводному значению (далее ННЗ) термина arm (рычаг ковша), которое дано в общепотребительном словаре: «a human upper limb, the part between the shouler and the wrist» [Merriam-Webster]. В данном случае, речь идет о человеческой руке. На это указывает лексико-семантический компонент «human limb». Семантический компонент «between the shoulder and the wrist» указывает на анатомическое расположение данной части тела. Далее обратимся к техническому словарю для анализа того же термина: «an element that connects the bucket to the main hydraulic system of the machine» [Construction Machinery Glossary]. В контексте данной дефиниции следует отметить лексико-семантический компонент «connects», который, в некотором роде, может быть сопоставим с компонентом «between the shoulder and the wrist», взятым из ННЗ. Действительно, в то время как рука как бы «соединяет» кисть и плечо человека, рычаг ковша служит для того, чтобы соединить сам ковш с основной гидравлической системой машины. Следовательно, найдено основание для метафорического переноса. М-модель термина arm продемонстрирована нами ниже:

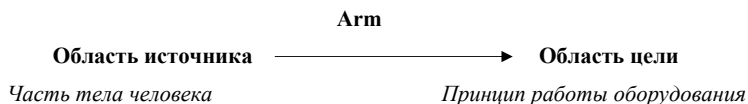

Рис. 1. «М-модель термина arm»

Далее обратимся к термину *fork catch* (Вилочный захват). В контексте антропоморфной метафоры наше внимание, прежде всего, обращено на вторую часть данного термина — *catch*. Общеупотребительный словарь дает следующее определение лексической единицы *catch*: «to capture or seize especially after pursuit» [Merriam-Webster]. Определение термина *fork catch* в техническом словаре следующее: «a type of lifting device designed to move and lift goods by picking up or inserting fork devices into the technological openings of the product or into a pallet» [Construction Machinery Glossary]. Схожесть лексико-семантических компонентов «to capture» (из дефиниции, данной в общеупотребительном словаре) и «picking up» (из дефиниции, данной в техническом словаре) дает основание для метафорического переноса по принципу действия (хватательное движение человека — захват груза). Представим М-модель данной терминологической единицы.

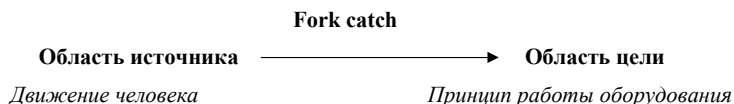

Рис. 2. «М-модель термина fork catch»

Термин *grab* (челюстной ковш) является последним в приведенном нами списке. Обратимся к ННЗ лексической единицы *grab*, данной в общеупотребительном словаре: «to take or seize by or as if by a sudden motion or grasp» [Merriam-Webster]. ННЗ, данное в техническом словаре, выглядит следующим образом: «a prefabricated structure consisting of a movable part, similar to the human jaw of the back wall, two hydraulic cylinders and axles» [Construction Machinery Glossary]. Лексико-семантический компонент «grasp», имеющийся в дефиниции из общеупотребительного словаря, указывает на «хватательную» функцию челюсти человека. Процесс выявления подходящих для метафорического переноса семантических компонентов в дефиниции из технического словаря значительно упрощен, благодаря компоненту «similar to the human jaw», который напрямую делает отсылку к человеческому организму. М-модель термина *grab* выглядит следующим образом:

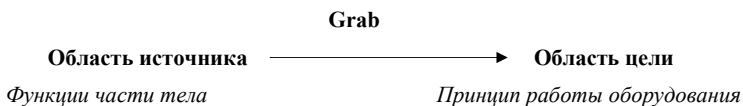

Рис. 3. «М-модель термина grab»

Строительно-техническая терминология устроена таким образом, что отсутствие вариативности оборудования зачастую ведет к исчезновению терминов, содержащих метафору. Несмотря на то, что погрузчик с бортовым поворотом является одним из мелкогабаритных видов строительной техники и не предполагает наличие большого количества вариантов навесного оборудования, термины, обозначающие определенные его виды, тем не менее содержат антропоморфную метафору. Указанный факт делает данный вид строительной техники уникальным в своем роде и представляет интерес для дальнейшего исследования в русле когнитивного терминоведения.

Литература

- Бурмакова Е. А. Когнитивная природа антропоморфной метафоры в художественном дискурсе // Язык и культура. 2015. С. 28-36.
- Лаврова Н. А. Когнитивная метафора как способ представления знания в языке и как основополагающий принцип человеческого мышления/ Н. А. Лаврова// Преподаватель XXI век. — 2015. С.294-307.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой; под ред. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
- Davidson, Donald, 'What Metaphors Mean', *Critical Inquiry* (1978) 5, 31-47
- Pesina S. A., Vinogradova S. A., Kiseleva S. V., Trofimova N. A., Rudakova S. V., Baklykova T. Yu. Functioning of metaphor through the prism of invariant theory of polysemy // *Applied Linguistics Research Journal*. 2021. T.5. №4. С. 247-252
- Construction Machinery Glossary. URL: <http://www.theconstructionmachinery.com/glossary.html> (дата обращения: 28.11.24)
- Merriam Webster dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/bucket> (дата обращения: 28.11.24)
- TWS45 Operating Manual. Руководство по эксплуатации: 2024, 131 с.

References

- Burmakova E. A. The cognitive nature of anthropomorphic metaphor in artistic discourse/ E. A. Burmakova// *Language and culture*. 2015. Pp. 28-36.
- Lavrova N. A. Cognitive metrology as a way of spreading knowledge in language and as the most important principle of human thinking / / Representative of the XXI century — 2015. — Pp.294-307.
- Lakoff J., Johnson M. *Metaphors that we live by* / translated from English by A. N. Baranova, A. V. Morozova; edited by A. N. Baranov. M.: Editorial URSS, 2004.
- Telia V. N. *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: School of "Languages of Russian culture", 1996. 288 p.
- Davidson, Donald, "What Metaphors mean", "Critical Study" (1978), 5, 31-47
- Pesina S. A., Vinogradova S. A., Kiseleva S. V., Trofimova N. A., Rudakova S. V., Baklykova T. Yu. The functioning of metaphor through the prism of the invariant theory of ambiguity // *Scientific Journal of Applied Linguistics*. 2021. Vol.5. No.4. pp. 247-252.
- Glossary of construction machinery. URL: <http://www.theconstructionmachinery.com/glossary.html> (accessed 28.11.24)
- Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/bucket> (accessed 28.11.24)
- TWS45 User Manual. Operating manual: 2024, 131 p.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛОКУСА ОГНЯ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

Концептуализация пространства является неотъемлемой составляющей представлений, лежащих в основе национальных моделей мира, отраженных в культуре и языке. Центром своего защищенного пространства микрокосма для человека является его жилище, дом. Одним из ключевых локусов дома выступает локус огня. В данной работе рассматриваются концепты, связанные с локализацией огня в английских и русских народных балладах. Исследуются сходства и отличия, проявляющиеся на лексико-семантическом уровне выражения концептов - локусов огня в текстах народных баллад разных культур. Основой для сравнения послужило тезаурусное описание отдельных лексем, принадлежащих фрагменту языковой картины «дом», проведенное на большом количестве текстового материала балладного жанра в разных культурах (300 текстов на русском языке и 466 – на английском). В результате анализа выяснено, что в русской народной балладе локус огня смещен в пространство *бани* и реже *печи* в доме, в то время как в английской народной балладе локус домашнего очага *fire* присутствует в пространстве *kitchen*. Показано, что данные концепты обладают символическим смыслом в контексте жанрового сюжета, так как несут ярко выраженную семиотическую нагрузку пограничного пространства между *своим* и *чужим* миром. Именно в этих локусах, несмотря на их относительно не высокую частотность, происходит разрешение драматических балладных конфликтов.

Ключевые слова: локус огня, концепты, народная баллада, тезаурусное описание, сопоставительный анализ

Elena Ryazanova
St. Petersburg University

CONCEPTUALIZATION OF FIRE LOCUS IN ENGLISH AND RUSSIAN FOLK TRADITION

Conceptualisation of space is an integral component of national world models reflected in culture and language. A human dwelling or home is in the centre of the protected microcosm. One of the key places in the house is the locus of fire. This paper examines the concepts of fire loci in English and Russian traditional ballads. Similarities and differences that manifest themselves at the lexical-semantic level in concept structures are being analysed. To reach the aim of comparison analysis the method of thesaurus description was implemented to the lexemes related to the fire loci in the conceptualization structure of a house. The research was carried out using a large amount of authentic text material in the English and Russian language (300 texts in Russian and 466 in English). The findings of the analysis show that in Russian folk ballads the locus of fire is mainly shifted to the premises of *banya* and rarely *pech* in the house while in English traditional ballads the locus of *fire* appears in the kitchen space. Ultimately, these concepts have a symbolic meaning in the context of the narrative, as they carry a specific semiotic meaning, marking the boundary between the safe microcosm and alien worlds. Despite a relatively low frequency, the concepts *fire/kitchen* and *pech/banya* function as key loci, where dramatic ballad conflicts reach the climax.

Keywords: locus of fire, concepts, folk ballad, thesaurus description, comparative analysis

Концептуализация пространства, отраженная в языке и культуре разных народов, является объектом изучения когнитивной лингвистики. Представления о мире, веками складывавшиеся в национальные картины мира, нашли свое отражение в языке и культуре в виде набора ключевых концептов – символов культуры. Концепт, представляет собой согласно Ю. С. Степанову, «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 2001, с.43] и, по мнению В. И. Карасик, состоит из трех компонентов – понятийного, образного и ценностного. [Карасик, 2001, с.3-16]

Осваивая пространство вокруг себя, человек разделяет его на *свое* и *чужое*, свой микрокосм, непосредственно близкий и контролируемый, и чужой, враждебный макрокосм, где присутствуют опасности, злые силы и враждебный мир. Оппозиция *свое-чужое* как известно, является частью набора основных компонентов, образующих семантическую структуру мифопоэтической модели мира, которая включает в себя пары противопоставленных друг другу признаков, имеющих соответственно положительное и отрицательное значение. По мнению Ю. М. Лотмана, «количество основных элементов, из которых строится картина мира, относительно невелико и имеет универсальный характер. Отличия возникают на уровне комбинаций». [Лотман, 1999, с. 112.] Одним из основных элементов своего защищенного освоенного пространства для человека является его дом, жилище, которое противопоставлено чужому враждебному макрокосму, включая реальный и потусторонний миры.

Поскольку огонь относится к первоэлементам Вселенной, от которого зависело напрямую выживание людей, его место в доме связано с центром и серединой пространства жилища. Понятие об огне также связано с базовыми концептами культуры, такими как жизнь, род, семья, центр, очищение, богатство, поклонение божеству, мужское начало. Все эти смыслы прослеживаются в индоевропейских языках в этимологии и глубинных смыслах концепта огонь. [Маковский, 1996, с. 240-243] В силу того, что анализируемый нами материал относится к фольклорному жанру народной баллады, то наиболее ярко в нем представлен архетипический слой концепта огня, связанный с древними представлениями, объединяющими разные народы. В архетипической структуре концепта «огонь» выделяют такие компоненты как «человек», «жизнь», «смерть», «опасность», «разрушительная сила», «объединяющая сила», «очистительная сила». [Трофимова, 2005 с. 22-23] Ю. С. Степанов рассматривает концепт огня в двух ипостасях, полагая, что аналогично «живой» и «мертвой» воде, в представлениях русских людей существует «живой» огонь и «мертвый» огонь. «Живой» добывается методом трения и поддерживается с целью обогрева, освещения, приготовления пищи, излечения и избавления от недугов, эпидемий людей и скота. Этот огонь является божьим даром и наделен живой творческой силой, «работающий огонь». Ему противостоит огонь, утративший свою творческую силу, «отработавший огонь», «уже неспособный творить, но способный разрушать, вредить и поэтому тоже активный». Характерно, что у этого «мертвого» огня нет специального языкового обозначения, так как он подпадает под табу. [Степанов, 2001, с.274] Аналогичные представления о созидательной, исцеляющей и очищающей силе огня в противопоставлении к его разрушающей и убивающей ипостаси наблюдаются и в англоязычной культуре. Не только в Англии, но и по всей Европе применялся метод лечения скота с помощью дыма от вновь добытого огня, который также бережно разносили по соседним домам. Иногда огню жертвовали животное, что перекликается с этимологией поклонения божеству. [Энциклопедия суеверий, 1997, с. 479] Как в русской, так и в английской культуре наблюдается отношение к огню как к живой сущности, которую нельзя разгневать, показав неуважение, например, в русских поверьях нельзя залить или плюнуть в огонь и даже ругаться во время разжигания огня в печи. [Энциклопедия суеверий, с. 296] В русских легендах постхристианского периода можно найти отсылки к огню как Божьему дару с одной стороны и к бесовскому огню, который изобрели черти, с другой. [Энциклопедия суеверий, 1997, с. 299]

Концептуализация локуса огня в фольклорной песенной традиции эксплицитно выражается через языковое оформление лексем, функционально связанных с понятийным

ядром концепта «огонь» и «домашний очаг» в двух культурах. Такими лексемами в русской народной балладе выступают *баня*, обозначающая отдельную постройку за пределами дома, и *печь*, которая имеет либо эксплицитное выражение, обозначая очаг внутри дома, либо ее наличие только подразумевается, например, в локусе *бани*, которую *топят*, то есть разжигают огонь, и которая имеет *трубежку* для отведения дыма от огня. В связи с тем, что частотность употребления лексемы *печь* очень мала, материал исследования не позволил представить ее полное тезаурусное описание. При этом отметим, что наличие у *печи* внутри дома признака *муравления* соотносится с жанровым своеобразием балладного жанра, сюжеты которого обычно описывают жизнь обеспеченных сословий, поскольку муравленная печь — это печь, украшенная изразцами. Аналогичным образом для английской и шотландской народной баллады концепт огня получает эксплицитное выражение через функционирование лексем *kitchen* и *fire*, которые в текстах вступают в отношения *целое-часть*, что отражено в тезаурусном описании лексемы *kitchen*.

Цель данной статьи – сопоставить лексемы, связанные с концептуализацией огня в текстах народных баллад на английском и русском языке и показать сходства и отличия, проявляющиеся на лексико-семантическом уровне экспликации концепта. Основой для сравнения послужило тезаурусное описание отдельных лексем, принадлежащих фрагменту языковой картины «дом», проведенное на большом количестве текстового материала балладного жанра в двух культурах (300 текстов на русском языке и 466 – на английском). В данной работе для русской баллады будем рассматривать лексико-семантическое оформление концепта *бани*, для английской – *kitchen*. Данные концепты выбраны не случайно, так как они несут наиболее ярко выраженную семиотическую нагрузку пограничного пространства между *своим* и *чужим* миром и наделены дополнительной семиотической нагрузкой в связи с находящимися в них локусами огня. Именно в этих помещениях дома по сюжету баллад происходит разрешение драматических балладных конфликтов.

Тезаурусная статья-анкета содержит набор лексико-семантических комбинаторных функций, которые лексема имеет в контекстных вариантах употребления. Информация также включает статистические данные частотности употребления данной лексемы, лексико-грамматическую и морфологическую вариативность, лексические толкования, коннотации и семиотическую информацию.

Тезаурусное описание лексемы *баня* в русской народной балладе:

Заглавное слово: *баня*

Количество словоупотреблений: 40

Грамматическая информация: *ед.ч., мн.ч., вин.п., дат.п., род.п.*

Варианты: *баенка, байна (сев.), банёнка, банюшка*

Словообразование: *банёнка, банюшка, баенка*

Толкование: *постройка, где моются и парятся; «нечистое» место*

Тезаурус:

1. Синонимы: *парочка*
2. Антонимы/ оппозицы/ корелляты: *палаты, дом, изба*
3. Части (*баня* - целое): *окошко, полочек, трубежка, порог, лавка*
4. Признак (*баня* - носитель признака): *парна, тепла, жарка*
5. Лицо/предмет (*баня* - локус): *его матушка родима, молода княгина, мать, родная мамёнка, matka, княжно дитё, Марфа, Фёдор, жёны; горюч камень/серой камень, брусчата бела лавка, ключева вода, бело мыло, цветно платье, [части тела] головёшка, белы груди, белы руки, резвы ноги, тулово*

6. Действия:

а) баня – объект: *топить Б./истопить Б./стопить Б./затопить Б. без чаду без угару, вымыть Б., Б. не отомкнута, отворить Б.*

б) баня – локус: *звать кого-либо в Б. помыться, пойти в Б. помыться/мыться, заливаться слезами, повалить на брусчатку белу лавку ко косяцату окошку, пойти во Б., умываться белым мылом, одеваться в цветно платье, ступать в Б., подойти/подходить к Б., сидеть, точить ножик, зарезать кого-либо, схоронить в Б. под полочком, приходиться/придти из Б., спинушки лечить.*

Комментарий к тезаурусному описанию лексемы баня:

Баня (40) – “паровая, русская баня, строение или покой, где моются и парятся не просто в сухом тепле, а в пару, почему важная часть *бани* – калильная печь с булжником (каменка) или с ядрами и чугунным боем (чугунка), или с колодой, в виде опрокинутого котла с завороченными окраинами; затем полук с приступками и подголовьем, на котором парятся; лавки вокруг стен, на коих моются; чаны с горячею и холодною водою или краны для этого в стене; шайки для мытья и оката, вехотки (мочало) для мылки, веники дубовые или берёзовые для парки. При порядочной *бане* есть передбанник, где раздеваются, отдыхают, запивают *баню* квасом” [Даль, 1999, т.1, с.45].

Баня в текстах русских баллад является отдельной постройкой на территории «большого» дома. По своему строению она частично подобна дому, о чём свидетельствует наличие *окошка, лавок, порога*, а также подразумеваемого локуса огня в виде печки с *трубешкой*. В контексте баллады *баня* выполняет свою основную функцию места для мытья. Её *топят*, и в неё ходят *помыться*, таким образом, очевидна реализация «очищающей» семиотики концепта огня.

С другой стороны, по народным поверьям *бане* приписывается роль «нечистого» места, где обитали демонические существа. Это место, где совершались некоторые семейные обряды и гадания [Славянские древности, 1995, с.138]. В текстах русских народных баллад именно в *бане* происходят самые жестокие преступления, убийства членов своей семьи. Совершить убийство в доме считалось большим грехом, поэтому, если преступление хотели скрыть от других членов семьи, то *баня* являлась наиболее подходящим локусом:

*Подошла Марфа к бане,
Отворила Марфа баню-
Сидит Федор, ножик точит.
Резвы ноги подкосились,
Белы руки опустились,
Головушка с плеч скатилась.
Зарезал Федор Марфу,
Схоронил в бане под полочком.
Приходит он из бани, ...* [Балашов, с. 171-172]

Таким образом, в результате анализа тезаурусного описания лексемы, *баня* оказывается семиотически значимым концептом фольклорной картины мира, который сочетает представления об «очищении» и «преображении» с ощущением «опасности» и «разрушения» именно из-за связи данного концепта с локализацией огня.

Концепт *бани* отсутствует в культурной традиции Британских островов и не имеет своего аналога в английской народной картине мира. Описания средневекового дома в Англии и Шотландии не содержат упоминание о специальных постройках для мытья. Тексты баллад также не содержат какой-либо информации об уходе за собой и омовениях героев, из предметов туалета упоминаются только *comb* (гребень) и в сниженном и юмористическом контексте лексема *chamber-pot* (ночной горшок).

Локусом, в котором находится домашний очаг в текстах английских народных баллад выступает кухня (*kitchen*).

Тезаурусное описание лексемы *kitchen* в английской народной балладе:

Заглавное слово: *kitchen*

Количество словоупотреблений: 8

Грамматическая информация: ед.ч., общ.п.

Толкование: локус для приготовления пищи, находящийся внутри дома

Тезаурус:

1. Антонимы / оппозицы / корреляты: *hall, bower* (уст. комната, спальня), *chamber* (уст. опочевальня)
2. Части (*kitchen* - целое): *fire* [очаг]
3. Целое (*kitchen* - часть): *house, castle*
4. Носитель признака: (*kitchen* – признак): *fire* [*kitchen fire*]
5. Лицо/предмет (*kitchen* - локус): *she, Fair Margaret*[хозяйка], *her head* [часть тела], *auld Matrons* [she], *he* [Lamkin, убийца]; *fire, blood*
6. Действия:

kitchen – локус: *be in, cut off her head, hang it up in the kitchen, sit by the kitchen fire, bury smb. by the kitchen fire, stroll into the kitchen, lie dead*

Комментарий к тезаурусному описанию лексемы *kitchen*

Kitchen (8) – в английском доме комната для приготовления пищи и другой домашней работы, выполняемой прислужгой или самой хозяйкой дома. Слово восходит к латинской основе *cucene, cucina*, этимологически связано с глаголом *to cook* (готовить еду) и существительным *cuisine* (кухня) [The Shorter English Dictionary, p.1088; Encarta World English Dictionary, p.1038]. Слово *kitchen* не частотно в английской балладе, что можно, по-видимому, объяснить его поздним заимствованием из французского языка, а также основой сюжета баллады, в которой главные герои- богатые лорды и леди редко появлялись в пространстве кухни. В средневековых замках кухня находилась рядом со столовой, что обеспечивало экономию и обогрев помещений с помощью одного очага. Позже их стали переносить за пределы основной постройки во избежание пожаров.

Кухня (*kitchen*) в текстах народных английских и шотландских баллад является опасным местом связи с потусторонним миром, так как граничит с внешним миром посредством домашнего очага (*fire*).

Kitchen в английской балладе фигурирует как комната для приготовления пищи и выполнения другой домашней работы. Однако, семиотическая нагрузка лексемы проявляется в ее связи с концептом домашнего очага/камина *kitchen fire*. Кухня, *kitchen*, выступает в балладе как локус прислужги, поддерживающей огонь и готовящей пищу, иногда там может находится и сама хозяйка дома. В то же время, это опасное место, где случаются несчастия, трагедии и заговоры против хозяев дома. Архетипические характеристики концепта огня выражаются через лексемы *cut off her head, blood, lie dead*. Так, один из известных злодеев Лемкин пробирается в локус кухни и именно там совершает жестокие убийства, заманив туда членов знатной семьи:

*Then he [Lamkin] cut off her head
Fram her lily breast-bane,*

*And he hung't up in the kitchen,
It made a'the ha [all the hall] shine. [The English and Scottish..., p. 324]
There's blood in the kitchen,
And blood in the hall,
And the young Mayor of England
Lies dead by the wall. [The English and Scottish..., p. 339]*

Сопоставление концептов очага внутри дома в английской и русской балладе

Двойственная семиотика очага как «очищающего» и в то же время «нечистого», связанного с потусторонним миром локуса, прослеживается как в английской, так и в русской мифопоэтической традиции, при этом самый опасный локус *очага*, связанный с его «убивающей» силой, находится в основном за пределами дома в локусе *бани*, поскольку совершать убийства в доме в присутствии икон считалось смертным грехом. Тем не менее, в отдельных случаях анализ актантных отношений лексем, описывающих действия героев внутри пространства дома вблизи локуса *fire* или около *печи* показывает наличие схожих сем, связанных с проявлением архетипов «очищение» и «опасность», «жизнь» и «смерть». Так, в шотландской балладе «The Wife of Usher's Well» мать, обрадованная появлением пропавших детей, которых она считала погибшими по её вине, торопит слуганок развести посильнее огонь и принести воды из колодца, чтобы отпраздновать радостное событие, не подозревая, что это всего лишь призраки:

*'Blaw up the fire, my maidens a',
Bring water from the well;
For in my hoose shall feast this nicht
Fan my three bonnie sons are hale'. [A Book of British Ballads, p.45]*

Аналогичная символика *печи*, связанная с очищающим действием огня, наблюдается в контексте русской баллады *Жена разбойника*, где муж-убийца заставляет жену стирать *кровавое платье* убитого им отца, чтоб смыть свои грехи:

*«Ты ставай-ко-ся, жена немилая!
Немилая жена, постылая,
Добывай огня скорёхонько,
Затопляй-ко печь крутёхонько,
Уж ты грей-ко-ся воду ключавую
Уж ты мой-ко-ся платье кровавое
Кровавое платье разбойническое». [Народные баллады, с. 128]*

Суеверная связь очага в народном сознании с демоническими злыми силами и потусторонним миром отразилась также в балладах «Девушка по ошибке отравила брата» и «The Well below the Valley». В русской балладе героиня изготавливает в *печи злые корни*, чтобы отравить молодца:

*А по тем по хорошим зелёным лугам.
Тут ходила-гуляла душа красная девушка,
А копала она коренья – зелья лютые.
Она мыла те коренья в синем море,
А сушила коренья в муравлёной печи,
Растирала те коренья во серебряном кубце,
Разводила те коренья меда сладкими,
Рассычала те коренья белым сахаром
И хотела извести своего недруга...[Народные баллады, с. 107]*

В контексте английской баллады героиня скрывает грехи инцеста и, совершив детоубийство, хоронит некоторых из своих детей рядом с домашним очагом:

*'There was two o' them buried by the kitchen fire,
Two more of them buried by the stable door,
The other was buried by the well....'* [A Book of British Ballads, p.70]

Заключение

Составление тезаурусного описания фольклорных концептов, связанных с локусом *огня* в русских и английских народных балладах, позволило определить структуру данного концепта в мифопоэтической картине мира отдельно взятой культуры и сопоставить языковое оформление этих концептов в разных народных традициях.

Сопоставительный анализ позволяет сделать вывод о том, что концепты *бани, печи и kitchen, fire* несут особую семиотическую нагрузку в фольклорных текстах, связанную с двойственной природой концепта *огня* как «живого», «очищающего» элемента стихии с одной стороны и «разрушающей» силы с другой. Реализуя оппозицию *свое – чужое, защищенное – опасное*, данные концепты наглядно иллюстрируют отражение в фольклорных текстах древнейших представлений о мире и пространстве. В разных культурах представления эти имеют свою социокультурную специфику, поэтому и различна лексико-семантическая реализация концептов через язык и культуру, что отражено в тезаурусном описании лексем на языковом уровне. Однако архетипическая структура концепта локуса *огня* остается схожей у разных народов на протяжении веков, определяя те общечеловеческие ценности, которые являются базовыми для существования всех представителей *homo sapiens*.

Литература

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1999.
- Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С.3-16.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.464с.
- Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуман.изд-во ВЛАДОС. 1996.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь. / Ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т.1.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд.2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001.
- Трофимова А. В. Концепт «огонь» в современном русском языке. Автореферат дисс. на соиск.уч.ст. кандидата филол. наук. М.: МГУ, 2005.
- Энциклопедия суеверий. М.: Локид, Миф, 1997.
- The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford: Clarendon Press, 1968. Vol.1-2.
- Encarta World English Dictionary. London: Bloomsbury, 1999.
- Источники материала:*
- The English and Scottish Popular Ballads/Edited by F. J. Child. V.1-5. New York, 1965
- A Book of British Ballads/Edited by Roy Palmer. Llanerch Publishers, Felinbach, 1980
- Народные баллады. Вступ.ст., подгот. текста и прим. Д. М. Балашова, Библиотека поэта. М.-Л.,1963.

References

- Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. M.: Russkij yazyk, 1999.

- Karasik V. I. O kategoriyah lingvokul'turologii // Yazykovaya lichnost': problemy kommunikativnoj deyatel'nosti. Volgograd, 2001. S.3-16.
- Lotman YU. M. Vnutri myslyashchih mirov. CHelovek – tekst – semiosfera – istoriya. M., 1999.464s.
- Makovskij M. M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropskikh yazykah: Obraz mira i miry obrazov. M.: Guman.izd-vo VLADOS. 1996
- Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'./Red. N. I. Tolstogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. T. 1
- Stepanov YU. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury: Izd.2-e, ispr. i dop. M.: Akademicheskij proekt, 2001
- Trofimova A. V. Koncept «ogon'» v sovremennom russkom yazyke. Avtoreferat diss.na soisk.uch.st. kandidata filol. nauk. M.: MGU, 2005
- Enciklopediya sueverij. M.: Lokid, Mif, 1997
- The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford: Clarendon Press, 1968. Vol.1-2
- Encarta World English Dictionary. London: Bloomsbury, 1999.
- Materials:*
- The English and Scottish Popular Ballads/Edited by F. J. Child. V.1-5. New York, 1965
- A Book of Brittish Ballads/Edited by Roy Palmer. Llanerch Publishers, Felinfach, 1980
- Narodnye ballady. Vstup.st., podgot. teksta i prim. D. M. Balashova, Biblioteka poeta. M.-L.,1963

Санина Е. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИНОЯЗЫЧНЫХ
ВКЛЮЧЕНИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ О. ФОН БИСМАРКА**

В тексте воспоминаний О. фон Бисмарка часто встречаются иноязычные включения на разных европейских языках. Цель настоящего исследования — определить социокультурные факторы, повлиявшие на использование О. фон Бисмарком тех или иных иноязычных включений в тексте воспоминаний. Научная значимость исследования заключается в системном рассмотрении иноязычных включений из текста воспоминаний на основании их языковой и тематической принадлежности и в анализе полученных результатов с точки зрения социокультурных условий существования языковой личности О. фон Бисмарка. Практическая значимость обусловлена тем, что результаты исследования могут быть применены в рамках дальнейшего изучения механизмов взаимовлияния языков. В ходе исследования используются метод сплошной выборки, количественные подсчеты, контекстологический и этимологический анализ с учетом экстралингвистических факторов. Иноязычные включения в текстах О. фон Бисмарка до этого не становились предметом лингвистического исследования. В работе проведен анализ 377 иноязычных включений из текста воспоминаний О. фон Бисмарка, результаты которого позволяют судить о высокой образованности автора воспоминаний и характеризуют его как профессионального дипломата и политика. Итоги исследования могут быть в дальнейшем использованы в рамках комплексного анализа текстового наследия О. фон Бисмарка.

Ключевые слова: лингвистика текста, социолингвистика, иноязычное включение, немецкий язык, мемуары, Бисмарк

Sanina E. V.

St. Petersburg University

**SOCIOCULTURAL CONDITIONALITY OF FOREIGN-LANGUAGE INCLUSIONS
IN THE MEMOIRS OF O. VON BISMARCK**

In the memoirs of O. von Bismarck foreign-language inclusions in different European languages are common. The research aims to define sociocultural factors that influenced Bismarck's usage of particular foreign-language inclusions in his memoirs. The scientific value of the research consists in the systematic consideration of the foreign-language inclusions from the text based on language and thematic affiliation and in the analysis of the results taking into account the sociocultural conditions of the existence of Bismarck's language personality. The practical value lies in the fact that the results of the research can be used in the further study of the mechanisms of the mutual influence of languages on each other. The research uses the continuous sampling method, the quantitative method, the contextual and etymological analysis taking into account extralinguistic factors. The foreign-language inclusions in the memoirs of Bismarck have not been the subject of the linguistic study before. The results of the analysis of 377 foreign-language inclusions carried out in the study characterize Bismarck as a highly educated person and as a professional diplomat and politician. The results of the research can be applied in the further comprehensive analysis of the textual heritage of O. von Bismarck.

Keywords: text linguistics, sociolinguistics, foreign-language inclusion, German language, memoirs, Bismarck

Введение

В результате взаимовлияния языков происходит переход некоторых элементов одного языка в тексты другого. Заимствование может проходить на разных уровнях, однако наиболее частым случаем являемся лексическое заимствование [Крысин, 2004, с. 24–25]. Часть иноязычных лексем, попадающих в тексты принимающего языка, в итоге встраивается в систему этого языка, часть же остается чуждой системе [Крысин, 2004, с. 59–60].

Сегодня иноязычным включениям посвящено множество исследований. Так, указанное лингвистическое явление изучается на материале текстов И. С. Тургенева, К. И. Чуковского, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, а также на основе современных переводных мультфильмов [Хромова, 2023, с. 96–101; Олейникова, 2024, с. 36–40; Шестакова, Кулева, 2020, с. 300–308; Скоропадская, 2024, с. 51–58; Захарова, 2019, с. 73–79]. Кроме того, существуют исследования, в которых обсуждается проблема обработки иноязычных включений программным обеспечением при синтезе речи. Например, немецкие исследователи Б. Пфистер и Т. Кауфманн посвятили этой теме отдельную главу своей монографии *Sprachverarbeitung: Grundlagen und Methoden der Sprachsynthese und Spracherkennung* [Pfister, Kaufmann, 2017, с. 289–322]. В немецкой германистике также обсуждается вопрос о разграничении терминов, обозначающих иноязычные лексемы по степени интеграции в систему немецкого языка как принимающего [Eisenberg, 2012, с. 3; Kirkness, 1979, с. 85; Polenz, 1979, с. 22–23]. Однако до сих пор ни немецкими, ни отечественными германистами не производился анализ иноязычных включений, которыми оперирует О. фон Бисмарк в тексте своих воспоминаний.

Цель исследования — выявить связи между употреблением иноязычных включений в тексте мемуаров и социокультурными условиями, в которых происходило становление и развитие языковой личности О. фон Бисмарка. В ходе исследования решаются следующие задачи:

- 1) проанализировать подходы к рассмотрению иноязычных включений;
- 2) определить понятие иноязычных включений;
- 3) создать выборку иноязычных включений из воспоминаний О. фон Бисмарка;
- 4) произвести анализ найденных иноязычных включений, распределив их по языкам и тематическим группам;
- 5) проанализировать результаты систематизации иноязычных включений с привлечением сведений о социокультурных условиях эпохи и о биографии О. фон Бисмарка.

В качестве гипотезы выдвигается предположение, что внеязыковые социокультурные факторы развития общества и отдельной личности влияют на количество и тематику иноязычных включений, используемых конкретной языковой личностью в продуцируемых ею текстах, а также на то, из каких языков она берет иноязычные включения.

Теоретическая основа исследования

Действительность, отражаясь в языке, создает основу языковой и текстовой картины мира: первая включает в себя знания, сохраненные в лексике и грамматике, а вторая — знания историко-культурного сообщества, аккумулированные в совокупности текстов [Касевич, 1996, с. 177–179]. Разные системы знаний оказываются взаимосвязаны друг с

другом: так, опыт конкретного речевого и предметного взаимодействия определяет знание лексикона и структурирование значений входящих в него слов, в то же время лексикон выступает важным инструментом познания действительности [Филиппов, Филиппов, 2024, с. 23].

Особой частью лексикона и, соответственно, языковой картины мира выступают иноязычные лексемы, а их употребление в конкретных текстах связано с историко-культурными знаниями. Заимствование лексики, как отмечает Л. П. Крысин, происходит как под влиянием внешних, так и внутренних, т. е. языковых, причин. Внешними факторами при этом оказываются культурные, политические и экономические контакты социумов, говорящих на разных языках [Крысин, 2004, с. 26].

А. А. Леонтьев обращает внимание, что говорящий может прибегнуть к иноязычному включению как спонтанно (вследствие нехватки слов основного языка для выражения мысли), так и осознанно (намеренное выделение включения в тексте). Иноязычные включения могут быть рассчитаны как на понимание реципиентом, так и на эффект «остранения» [Леонтьев, 1966, с. 60-68].

С точки зрения Л. П. Крысина иноязычные включения отражают степень знакомства с иностранным языком, стилистические и жанровые особенности текста. Зачастую они не меняют свой графический облик. Среди иноязычных включений много слов и словосочетаний интернационального характера: латинских, французских, немецких, английских и др. Также возможны случаи использования иноязычных включений, связанные с индивидуальным словоупотреблением [Крысин, 2004, с. 57–61]. Ю. Т. Листрова-Правда указывает, что система иноязычных включений включает в себя не только слова и словосочетания, но и более крупные отрезки иноязычного текста. Иноязычные включения могут выполнять национально-культурную функцию, а могут выступать в «престижной» функции украшения книжной речи и демонстрации образованности [Листрова-Правда, 2001, с. 119–122].

В рамках немецкой традиции для наименования иноязычных включений на лексическом уровне используется термин *Zitatwörter* («слова-цитаты»). Под ним понимаются лексемы, которые «цитируются» принимающим языком, не интегрируясь при этом в его систему [Eisenberg, 2012, с. 3; Kirkness, 1979, с. 85; Polenz, 1979, с. 22–23]. В то же время в немецкой германистике существует термин *fremdsprachige Einschlüsse*, который соотносим с термином «иноязычные включения». Так, в монографии *Sprachverarbeitung: Grundlagen und Methoden der Sprachsynthese und Spracherkennung*, посвященной синтезу речи, под *fremdsprachige Einschlüsse* понимаются сегменты текста разного уровня: предложения, словосочетания, лексемы, морфемы, не принадлежащие системе языка, на котором написан текст [Pfister, Kaufmann, 2017, с. 291–294].

В настоящей работе под иноязычными включениями подразумеваются не только слова, словосочетания и предложения, принадлежащие другому языку, но и изначально самостоятельные иноязычные тексты, вошедшие в текст на принимающем языке.

Материалы и методы

В качестве материала исследования выступают мемуары О. фон Бисмарка «Мысли и воспоминания». Они представляют собой трехтомный труд, описывающий политическую карьеру Бисмарка от первых шагов на дипломатическом поприще до создания Германской империи и вынужденной отставки. Первые воспоминания Бисмарка были опубликованы в 1898 г., но не в полном объеме: третий том, содержащий критику политики Вильгельма II, появился в печати только после Первой мировой войны и отречения кайзера [Radler, 1974, с. 3804–3805].

При изучении обнаруженных иноязычных включений использовались метод сплошной выборки, количественные подсчеты, а также контекстологический и этимологический анализ с учетом экстралингвистических факторов.

Основная часть: анализ иноязычных включений

На страницах воспоминаний было выявлено 377 иноязычных включений на французском, латинском, английском, русском, древнегреческом и итальянском языках.

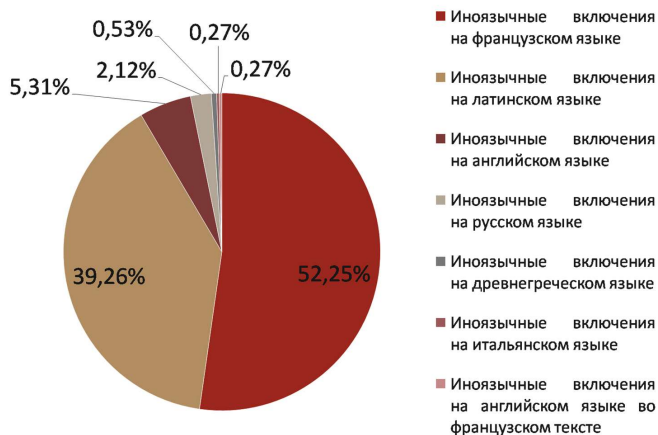

Рис. 1. Соотношение иноязычных включений в воспоминаниях О. фон Бисмарка

Представленная диаграмма (рис. 1) свидетельствует о том, что большая часть иноязычных включений представляет собой франкоязычные вставки (52,25%). Вторыми по частотности оказываются латинские включения (39,26%). На англоязычные включения приходится 5,31%, в то время как на русские — 2,12%. Также в выборку вошли два древнегреческих включения (0,53%), одно итальянское (0,27%) и одно английское, вставленное во французский текст (0,27%).

Высокая частотность французских иноязычных включений вызвана статусом французского языка, на котором говорили в государстве, пользовавшемся большим экономическим, общественным и политическим влиянием на международной арене [Schippan, 2002, с. 262].

При рассмотрении тематического разнообразия французских иноязычных включений (рис. 2) было установлено, что чаще всего (32%) они связаны с политической тематикой.

Рис. 2. Тематические особенности французских иноязычных включений

В 13% случаев французские включения представляют собой прецедентные высказывания, как общеизвестные, так и значимые лично для Бисмарка. Также французские включения используются для наименования прецедентных реалий (8%), описания межличностных отношений (6%), передачи модальных (6%) и темпоральных значений (4%). В некоторых случаях лексика, привнесенная в немецкий текст, относится к военной тематике (3%), к делопроизводству и корреспонденции (3%), к обозначению внешних обстоятельств (2%), эмоций (2%) и к передаче оценки (2%). В разряд «Другие темы» (19%) вошли включения, которые либо представляют свою тему, будучи в единичном экземпляре (1-2 примера), либо с трудом поддаются отнесению к конкретной тематике.

Следует отметить, что часть французских включений представляет собой цитаты современников — фрагменты реплик и диалогов, не рассчитанных на длительное существование, носящих характер разового высказывания [Адмони, 1994, с. 11].

Например, вспоминая свой диалог с Луи-Наполеоном, Бисмарк переводит часть реплики императора на немецкий, а часть оставляет на французском:

*„Dann plötzlich stehen bleibend, sagte er: Sie können Sich nicht vorstellen, **quelles singulière res ouvertures m'a fait faire l'Autriche, il y a peu de jours.** Es scheint, daß das Zusammentreffen Ihrer Ernennung und der Ankunft des Herrn von Budberg in Paris einen panischen Schrecken in Wien erzeugt hat...“* [Bismarck, 1898a, с. 257]

Примечательно, что иноязычное включение в данном случае становится частью сложноподчиненного предложения в роли придаточного дополнительного.

Как уже было сказано, в тексте воспоминаний фигурируют французские прецедентные цитаты. Так, в тексте неоднократно повторяется афоризм Фридриха Великого „*toujours en vedette*“, либо в полном виде, либо сокращенный до „*en vedette*“:

*„Preußen war nach seinen militärischen Einrichtungen damals schneller schlagfertig als seine Nachbarn und hätte diese Schlagfertigkeit wie bei manchen spätern Gelegenheiten nutzbar machen können, wenn es sich verfrühter Parteinahme enthalten und seiner damaligen verhältnißmäßigen Schwäche entsprechend sich lieber **en vedette** gestellt hätte, anstatt sich das prestige des Richteramtes zwischen Oestreich, Rußland und der Pforte beizulegen.“* [Bismarck, 1898a, с. 271]

*„Er dispensirt nicht von dem **toujours en vedette**!“* [Bismarck, 1898b, с. 259]

Тот факт, что афоризм прусского короля существует и цитируется в тексте во французском варианте свидетельствует о более высоком статусе французского языка по отношению к немецкому, что сделало возможным создание прусским королем франкоязычного афоризма и последовавшее цитирование Бисмарком этого афоризма на французском языке.

Многочисленные латинские включения объясняются спецификой того образования, которое получил Бисмарк. В начале XIX в. в Пруссии прошла образовательная реформа. Согласно концепции В. фон Гумбольдта, особое место в обновленной системе образования должно было занять изучение древнегреческого языка. Однако на практике латынь сохранила свой статус *regina linguarum*. Так, в школьном плане за 1816 г. количество уроков латыни было больше, чем древнегреческого, латинский язык входил в структуру экзамена. В университетах изучение латыни также сохранялось [Stroh, 2007, с. 260–265].

Множество латинских включений (рис. 3) относится к области юриспруденции (26%). На прецедентные высказывания приходится 18%. 14% составляют иноязычные включения с модальным значением. В 8% случаев латинские включения связаны с политической тематикой. 6% примеров — обозначения темпоральных отношений.

Рис. 3. Тематические особенности латинских иноязычных включений

Также присутствуют включения, относящиеся к тематическим группам религии (4%), философии (3%), логики (1%) и медицины (1%). Кроме того, в тексте представлены латиноязычные обозначения эмоций (3%), каузальных отношений (3%), прецедентных имен (2%) и пространственных отношений (1%). 10% примеров приходится на категорию «Другие темы», выделенную по тем же принципам, что и в случае диаграммы, посвященной тематике французских включений.

В качестве примера использования латинских включений из области юриспруденции можно рассмотреть включение „*pactum de contrahendo*”:

„*Ich hatte gegen ein solches **pactum de contrahendo** keine Bedenken...*” [Bismarck, 1898a, p. 316]

„*Pactum de contrahendo*” — термин права, обозначающий соглашение сторон о заключении договора в будущем [Покровский, 1998, с. 412].

Что касается включений — цитат из латинских прецедентных текстов, то тут показателен следующий пример. Включение „*Achivi qui plectuntur*” представляет собой

видоизмененный фрагмент из «Посланий» Горация: „plectuntur Achivi” [Horatius Flaccus, 2000, с. 154]:

„...die Achivi qui plectuntur sind nicht immer die unmittelbaren Zeitgenossen der fehlerhaften Handlungen.” [Bismarck, 1922, с. 157]

Следует отметить, что видоизменение связано с встраиванием цитаты в структуру предложения: глагол переносится в придаточное определительное, относящееся к существительному „Achivi”. Указанное видоизменение свидетельствует о хорошем знании системы латинского языка.

Из 20 английских включений (рис. 4) 19% представляют собой прецедентные высказывания, 14% приходится на прецедентные реалии, другие 14% — на политику, 10% — на лексику, обозначающую эмоции.

Рис. 4. Тематические особенности английских иноязычных включений

В 9% случаев включения связаны с морской тематикой, в то время как на военное дело, религию и прецедентные имена приходится по 5%. Оставшиеся 19% включений объединены по тому же принципу, что и в двух предыдущих диаграммах, т. е. сюда вошли либо сегменты, которых оказалось мало в своей тематической категории, либо сегменты, тематическая принадлежность которых трудна для определения.

Почти все англоязычные прецедентные высказывания за исключением одного — это цитаты из произведений У. Шекспира. Так, вспоминая одно из писем императора, Бисмарк вставляет в текст фрагмент знаменитого монолога Гамлета «Быть или не быть, вот в чем вопрос...»:

„Auf mehreren eng geschriebenen Bogen in der feinen Hand des Kaisers, weit ausgesponnen und mit mehr Declamation, als in seiner Feder lag, konnte der Brief an Hamlet's Wort:

*Whether 'tis nobler in the mind, to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against a sea of troubles,
And by opposing end them? —
erinnern...”* [Bismarck, 1898b, с. 62–63]

В результате происходит соотнесение реального лица, современника Бисмарка, с персонажем, сюжет о котором является полноправной частью классики мировой литературы.

Следующее включение, цитата английского министра иностранных дел, соединяет в себе военную и морскую тематику:

„Ich hatte den Eindruck, <...> daß er sich nachträglich eine Rechtfertigung für das Ergebnis des Krieges zurecht machte, in den [er wie] England unter seiner Mitwirkung nach dem Ausdruck seines Auswärtigen Ministers wie ein steuerloses Schiff hineingetrieben war – **we are drifting into war.**“ [Bismarck, 1898a, с. 193]

Причем глагол „to drift“, основное значение которого „to move slowly on water, wind, etc.“ («перемещаться по ветру, течению, дрейфовать») [Britannica], используется в переносном смысле, в результате чего возникает метафора, уподобление государства кораблю. Примечательно, что включению предшествует описание сути цитаты средствами немецкого языка: „...wie ein steuerloses Schiff hineingetrieben war...“

В силу малочисленности оставшихся разновидностей включений для их рассмотрения не будет использовано диаграмм.

При анализе русскоязычных и древнегреческих включений обращают на себя внимание особенности их оформления на письме. Древнегреческие включения переданы средствами греческого алфавита. В качестве наглядного примера послужит термин логической системы Аристотеля „**πρῶτον ψεῦδος**“ («основная ошибка, ошибочный начальный тезис» [Universal-Lexikon, 2012]):

„Erst die Ausschüttung der Archive und die Denkwürdigkeiten Mithandelnder und Mitwissender setzten 50 bis 100 Jahre später die öffentliche Meinung in den Stand, für die einzelnen Mißgriffe das **πρῶτον ψεῦδος**, die Gabelung auf den unrichtigen Weg zu erkennen.“ [Bismarck, 1898a, с. 278]

Для его передачи использован греческий алфавит, однако в то же время рассматриваемое включение в определенной степени «онемечивается» за счет сопутствующего ему определенного артикля „das“.

Русскоязычные включения, напротив, отображены буквами латинского алфавита (например, „wserossiski“, „Kaluga“, „pruskomu“), а не кириллицей, хотя их в тексте встречается больше, чем древнегреческих:

„...der Czar nenne sich nicht Kaiser von Rußland, sondern Russischer, »gesammt-russischer« (**wserossiski**) Kaiser. Das Letztere bestritt der König mit Schärfe, sich darauf berufend, daß die Rapporte seines russischen Regiments **Kaluga** stets »**pruskomu**« adressirt seien, was er irrthümlich übersetzte.“ [Bismarck, 1898b, с. 120]

Как уже было сказано выше, древнегреческий входил в образовательную программу того времени. Что касается русского языка, то Бисмарк, который в 1859–62 гг. был послом в Петербурге, достаточно хорошо изучил этот язык. Об этом свидетельствует случай, описанный в воспоминаниях, когда Бисмарк верно определил частеречную принадлежность и падежную форму лексемы „pruskomu“ («прусскому»), что не удалось сделать Вильгельму [Bismarck, 1898b, с. 120]. Таким образом, возможность оперировать иноязычными включениями на русском языке была индивидуальной особенностью языковой личности Бисмарка, чем и объясняется использование латиницы при передаче таких включений.

Единственное итальянское включение представляет собой дарственную надпись на портрете, который передал Бисмарку король Виктор Эммануил. Соответственно, это изначально самостоятельный текст, позднее включенный в воспоминания:

„Nachdem ich meine Auffassung durch Herrn von Keudell zur Kenntniß des Grafen Launay gebracht hatte, wurde der Dose ein sehr hübsches und ähnliches Portrait des Königs substituiert mit dieser an meinen Annunziationen erinnernden eigenhändigen Unterschrift:

Al Principe Bismarck. Berlino 26. Settembre 1873.

Affezionatissimo cugino

Vittorio Emanuele.” [Bismarck, 1898b, c. 138]

Также в тексте воспоминаний присутствует случай «многоуровневого» иноязычного включения:

„Recevez encore une fois, cher Prince, mes chaleureux remerciements pour votre „kindness“ et pour votre lettre, à laquelle je ne fais qu’une seule objection, c’est la façon dont vous parlez malheureusement de votre santé.” [Bismarck, 1898b, c. 224]

В одном из цитируемых Бисмарком франкоязычных писем присутствует англоязычное включение „kindness”. Таким образом, оно оказывается иноязычным включением в составе другого иноязычного включения.

Заключение

На основании произведенного исследования иноязычных включений в воспоминаниях О. фон Бисмарка можно сделать следующие выводы:

- 1) В тексте мемуаров Бисмарк пользуется включениями из шести европейских языков, как «живых», так и «мертвых». С одной стороны, это говорит о высоком уровне образования, полученного автором. С другой стороны, использование иноязычных включений отражает особенности профессиональной деятельности Бисмарка, т. к. в начале карьеры он состоял на дипломатической службе, а затем был канцлером и министром иностранных дел.
- 2) Преобладание французских иноязычных включений над другими разновидностями свидетельствует о ведущей роли французского языка как языка международного общения и политики в XIX в.
- 3) Большое количество включений на латыни объясняется полученным образованием, в котором изучению латыни уделялось особое внимание. Частотность латинских включений из области юриспруденции вызвана тем, что международное право, оперирующее терминами юриспруденции, тесно связано с политикой.
- 4) Значимую тематическую рубрику иноязычных включений представляют собой прецедентные высказывания, входящие в фонд культурных знаний.
- 5) Важную особенность языковой личности Бисмарка составляет знание русского языка, которое он получил во время дипломатической службы в России.

Следует отметить, что текстовое наследие Бисмарка чаще становится предметом рассмотрения истории и политологии, чем языкознания. Из лингвистических и филологических исследований, существующих на сегодняшний день, можно назвать работы А. И. Жеребина, Ф. Гундольфа, Р. Шееля, С. Оденвальд-Варги [Жеребин, 2021; Gundolf, 1980; Odenwald-Varga, 2009; Scheel, 2019]. Однако ни одна из них не затрагивает вопрос использования Бисмарком иноязычных включений. К тому же следует отметить, что все названные работы, кроме монографии С. Оденвальд-Варги, представляют собой статьи, т. е. текстовое наследие Бисмарка еще не изучалось лингвистами систематически.

Результаты настоящей работы могут быть использованы в рамках дальнейшего изучения социокультурной обусловленности иноязычных включений, что даст возможность более подробно рассмотреть причины и механизмы взаимовлияния языков. Также ее результаты значимы для будущего исследования текстового наследия О. фон Бисмарка с лингвистической точки зрения.

Литература

- Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания; Рос. АН, Ин-т лингв. исслед. СПб. : Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1994. 151 с.
- Жеребин А. И. Германская империя как авторский проект / А. И. Жеребин // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2021. Т. 18. С. 101-111.
- Захарова Ю. Г. Иноязычные вкрапления в письмах И. С. Тургенева / Ю. Г. Захарова // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 4(426). С. 73-79.
- Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб. : Петерб. Востоковед., 1996. 288 с.
- Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое / Л. П. Крысин. М. : Языки славянской культуры, 2004. 883 с.
- Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. М.: 1966, вып. 7, с. 60–68.
- Листрова-Правда Ю. Т. Иноязычные вкрапления библеизмы в русской литературной речи XIX–XX вв. // Вестник ВГУ. 2001. № 1. С. 119–140.
- Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в текстах разговорного стиля К. И. Чуковского / О. Н. Олейникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 1. С. 36-40.
- Покровский И. А. История римского права / И. А. Покровский; вступ. ст., пер. с лат., науч. ред. и коммент. А. Д. Рудокваса; Центр изуч. рим. права. Санкт-Петербург : Лет. сад, 1998. 555 с.
- Скоропадская А. А. Латынь А. П. Чехова как инструмент языковой игры / А. А. Скоропадская. Текст : непосредственный // Филологический класс. 2024. Т. 29, № 1. С. 51–58.
- Филиппов К. А., Филиппов А. К. Лингвистический анализ специальных текстов: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2024. 236 с.
- Хромова А. С. Иноязычные вкрапления в аудиовизуальном переводе (на примере мультфильмов «Энканто», «Кот в сапогах 2. Последнее желание») / А. С. Хромова // Филология и лингводидактика: Взгляд молодых исследователей : материалы межрегионального научного семинара, Брянск, 30 ноября 2023 года. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2023. С. 96-101.
- Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Иноязычные вкрапления в поэзии Владимира Маяковского (из опыта наблюдений) / Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева // Творчество В. В. Маяковского. Том Выпуск 4. Книга 2. Москва : Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2020. С. 300-308.
- Eisenberg P. Das Fremdwort im Deutschen. 2., überarbeitete Auflage. Berlin, New York: de Gruyter, 2012.
- Gundolf F. Bismarcks Gedanken und Erinnerungen als Sprachdenkmal (1931). In: F. Gundolf. Beiträge zur Literatur- und Geistesgeschichte. Ausgewählt und herausgegeben von Victor A. Schmitz u. Fritz Matini. Heidelberg: Verlag Lambert Schneider, 1980. S. 302–317.
- Horatius Flaccus Q. Satiren = Sermones. Briefe = Epistulae. Lateinisch/deutsch. Übers. von Gerd Herrmann, hrsg. von Gerhard Fink, Düsseldorf ; Zürich: Artemis und Winkler, 2000.
- Kirkness A. Zur Lexikologie und Lexikographie des Fremdworts. In: Peter Braun (Hrsg.): Fremdwort-Diskussion. Fink, München, 1979. S. 74–89.
- Odenwald-Varga S. ‚Volk‘ bei Otto von Bismarck. Eine historisch-semantische Analyse anhand von Bedeutungen, Konzepten und Topoi. Walter de Gruyter, Berlin/New York, 2009.

- Pfister B. U., Kaufmann T. Sprachverarbeitung: Grundlagen und Methoden der Sprachsynthese und Spracherkennung (Springer-Lehrbuch). 2., aktualisierte und erweiterte Auflage, 2017.
- Polenz P. von. Fremdwort und Lehnwort sprachwissenschaftlich betrachtet. In: Peter Braun (Hrsg.): Fremdwort-Diskussion. Fink, München, 1979. S. 9–31.
- Scheel R. II: 67 German Perspectives. In: Glauser, J., Hermann, P. and Mitchell, Stephen A. (Hrsg.): Handbook of Pre-Modern Nordic Memory Studies: Interdisciplinary Approaches. Berlin, Boston: De Gruyter, 2019. S. 913-920.
- Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Max Nimeyer Verlag, 2002.
- Stroh W. Latein ist tot, es lebe Latein! Kleine Geschichte einer großen Sprache. Berlin: List Taschenbuch, 2007.

Словари и энциклопедии

- Radler R. Gedanken und Erinnerungen. In: Kindlers Literatur Lexikon im dtv. Band 9: Fal – Gia. Deutscher Taschenbuch Verlag, München, 1974, 3804–3805.
- The Britannica Dictionary. Available at: <https://www.britannica.com/dictionary/drift> (accessed: 23.09.2024)
- Universal-Lexikon (2012). Academic.ru. Available at: https://universal_lexikon.de-academic.com/288251/Proton_pseudos (accessed: 27.09.2024)

Источники

- Bismarck O. von. Gedanken und Erinnerungen. Bd. 1. Stuttgart, 1898a.
- Bismarck O. von. Gedanken und Erinnerungen. Bd. 2. Stuttgart, 1898b.
- Bismarck O. von. Gedanken und Erinnerungen. Bd. 3. Stuttgart und Berlin, 1922.

References

- Admoni, V. G. (1994). *System of forms of speech utterance*. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
- Zherebin, A. I. (2021). *GERMAN EMPIRE AS A PERSONAL PROJECT*. Germanic philology in Russia, 18, 101-111. (In Russian)
- Zakharova, Yu. G. (2019). *FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS IN THE LETTERS OF I. S. TURGENEV*. Bulletin of Chelyabinsk State University. No. 4 (426). Philology Sciences. Iss. 116, 73–79. (In Russian)
- Kasevich, V. B. (1996). *Buddhism. Worldview. Language*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ. (In Russian)
- Krysin, L. P. (2004). *The native and loan words in Russian: studies in contemporary Russian language and sociolinguistics*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian)
- Leontiev, A. A. (1966). *Foreign language inclusions in Russian speech* // Voprosy kul'tury rechi . Moscow: Nauka Publ., 60-68. (In Russian)
- Listrova-Pravda Yu. N. (2001). *Foreign-language inclusions-biblicisms in the Russian literary language in the 19th–20th centuries*. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. 1., 119–139. (In Russian)
- Oleynikova, O. N. (2024). *Foreign language inclusions in K. I. Chukovsky's colloquial style texts*. Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism, 1, 36-40. (In Russian)
- Pokrovsky, I. A. (1998). *The History of Roman Law*. St. Petersburg: Izdatel'sko-torgovyj dom Letnij sad. (In Russian)
- Skoropadskaya, A. A. (2024). *A. P. CHEKHOV'S LATIN AS AN INSTRUMENT OF LANGUAGE GAME*. Philological Class, 29 (1), 51-58. (In Russian)
- Filippov, K. A., Filippov, A. K. (2024). *Linguistic analysis of specialized texts: Training manual*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

- Khromova, A. S. (2023). *FOREIGN LANGUAGE INSERTIONS IN AUDIOVISUAL TRANSLATION (ON THE EXAMPLE OF ANIMATED FILMS "ENCANTO", "PUSS IN BOOTS 2. THE LAST WISH")*. Philology and Linguodidactics: Young Researchers' View: Materials of the Interregional Scientific Seminar, Bryansk. Bryansk: Ivan Petrovsky Bryansk State University, 96–101. (In Russian)
- Shestakova, L. L., Kuleva, A. S. (2020). *FOREIGN WORDS INTERSPERSED IN MAYAKOVSKY'S POETRY (OUR OBSERVATIONS)*. The Work of Mayakovsky. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, 5 (2), 300-308. (In Russian)
- Eisenberg, P. (2012). *Das Fremdwort im Deutschen*. 2., überarbeitete Auflage. Berlin, New York: de Gruyter. (In German)
- Gundolf, F. (1980). *Bismarcks Gedanken und Erinnerungen als Sprachdenkmal* (1931). In: F. Gundolf. Beiträge zur Literatur- und Geistesgeschichte. Ausgewählt und herausgegeben von Victor A. Schmitz u. Fritz Matini. Heidelberg: Verlag Lambert Schneider, 302–317. (In German)
- Horatius Flaccus, Q. (2000). *Satiren = Sermones. Briefe = Epistulae*. Lateinisch/deutsch. Übers. von Gerd Herrmann, hrsg. von Gerhard Fink., Düsseldorf; Zürich: Artemis und Winkler. (In Latin and German)
- Kirkness, A. (1979). *Zur Lexikologie und Lexikographie des Fremdworts*. In: Peter Braun (Hrsg.): *Fremdwort-Diskussion*. Fink, München, 74–89. (In German)
- Odenwald-Varga, S. (2009). *'Volk' bei Otto von Bismarck. Eine historisch-semantische Analyse anhand von Bedeutungen, Konzepten und Topoi*. Walter de Gruyter, Berlin/New York. (In German)
- Pfister, B. U., Kaufmann, T. (2017). *Sprachverarbeitung: Grundlagen und Methoden der Sprachsynthese und Spracherkennung* (Springer-Lehrbuch). 2., aktualisierte und erweiterte Auflage. (In German)
- Polenz, P. v. (1979). *Fremdwort und Lehnwort sprachwissenschaftlich betrachtet*. In: Peter Braun (Hrsg.): *Fremdwort-Diskussion*. Fink, München, 9–31. (In German)
- Scheel, R. (2019). II: 67 *German Perspectives*. In: Glauser, J., Hermann, P. and Mitchell, Stephen A. (Hrsg.): *Handbook of Pre-Modern Nordic Memory Studies: Interdisciplinary Approaches*. Berlin, Boston: De Gruyter, 913-920. (In German)
- Schippan, Th. (2002). *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Max Nimeyer Verlag. (In German)
- Stroh, W. (2007). *Latein ist tot, es lebe Latein! Kleine Geschichte einer großen Sprache*. Berlin: List Taschenbuch. (In German)

Dictionaries and encyclopedias

- Radler, R. (1974). *Gedanken und Erinnerungen*. In: *Kindlers Literatur Lexikon* im dtv. Band 9: *Fal – Gia*. Deutscher Taschenbuch Verlag, München 1974, 3804–3805. (In German)
- The Britannica Dictionary*. Available at: <https://www.britannica.com/dictionary/drift> (accessed: 23.09.2024)
- Universal-Lexikon* (2012). *Academic.ru*. Available at: https://universal_lexikon.de-academic.com/288251/Proton_pseudos (accessed: 27.09.2024) (In German)

Sources

- Bismarck, O. von (1898a). *Gedanken und Erinnerungen*. Bd. 1. Stuttgart. (In German)
- Bismarck, O. von (1898b). *Gedanken und Erinnerungen*. Bd. 2. Stuttgart. (In German)
- Bismarck, O. von (1922). *Gedanken und Erinnerungen*. Bd. 3. Stuttgart und Berlin. (In German)

Серебряк М. В.

Луганский государственный педагогический университет

ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ БИБЛЕЙСКИХ ИМЕН

Статья посвящена анализу некоторых библейских прецедентных имен, которые активно функционируют за рамками религиозного дискурса и используются писателями и журналистами в качестве средства лингвистической выразительности. Исследовательское внимание сосредоточено на некоторых антропонимах, в которых ярко выражена прагматическая составляющая. Цель анализа – выявление дискурсивных функций библейских имен, а также сравнение особенностей их реализации в художественном и публицистическом дискурсах. Материалом исследования стали тексты СМИ, а также произведения художественной литературы. Автор отмечает, что библейские прецедентные имена как единицы религиозного дискурса, выходя за его пределы, влетаются в канву мирского смысла, но при этом в художественном дискурсе они достаточно прочно сохраняют связь со смыслами библейского текста, а в публицистике зачастую подвергаются семантическим трансформациям, что обусловлено стремлением журналистов к оригинальности авторского текста.

Ключевые слова: прецедентный текст, прецедентное имя, библеизм, антропоним, интертекстуальность

Serebryak M. V.

Luhansk State Pedagogical University

DISCURSIVE FUNCTIONS OF PRECEDENT BIBLICAL NAMES

The article is devoted to the analysis of some biblical precedent names that actively function outside the religious discourse and are used by writers and journalists as a means of linguistic expressiveness. The research attention is focused on such anthroponyms, in which the pragmatic component is clearly expressed. The aim of the analysis is to identify the discursive functions of biblical names, as well as to compare the features of their realisation in fiction and journalistic discourse. The material of the study was media texts and works of fiction. The author notes that biblical precedent names as units of religious discourse, going beyond its limits, are woven into the fabric of secular meaning. But at the same time in the artistic discourse they rather firmly keep the connection with the meanings of the biblical text, and in publics they are often subjected to semantic transformations, which is caused by journalists' aspiration to the originality of the author's text.

Keywords: precedent text, precedent name, biblical expression, anthroponym, intertextuality

Прецедентные феномены привлекают внимание многих исследователей, поскольку они способны выполнять целый спектр функций, связанных с формированием смысловой палитры текста: это обогащение идейно-проблемного содержания произведения, наращивание его духовного заряда, увеличение воздейственной мощи [Караулов, 1987,

с. 230], интеллектуализация изложения, формирование новых смыслов, вводящих событие текущей жизни в общесторический и культурный контекст [Сметанина, 2002, с. 123]. Библейские имена – особая категория таких прецедентных феноменов, поскольку они обладают выразительной способностью «накапливать смыслы в одних текстах и актуализировать их в других» [Блинова, 2016, с. 15]. Исследования прецедентных библейских имен осуществлялись на материале различных языков: английского (Е. В. Матвеева, А. С. Самигуллина), немецкого (Ю. А. Блинова), русского (И. Б. Фоменко) и др., а также в различных дискурсах (И. С. Рубцова, К. С. Фомина и др.). Цель нашей статьи – анализ дискурсивных функций некоторых прецедентных библейских имен, ставших знаковыми кодами русской лингвокультуры. В исследование также включен аспект сравнения функций в художественном и публицистическом дискурсах.

Библия в контексте общечеловеческой языковой культуры, бесспорно, занимает уникальное место, поскольку она «напитала» языки христианских народов множеством прецедентных единиц. Теснейшая связь между языковыми фактами и системой культурных координат языкового коллектива требует, по свидетельству О. С. Ахмановой, Л. В. Полубиченко, рассмотрения фактов языка в контексте культуры говорящего на нем народа [Полубиченко, 2012, с. 39]. Библейские имена давно вошли в систему семиотического кода русской лингвокультуры и стали неотъемлемыми элементами интердискурсивной коммуникации. По мнению ученых, интердискурсивная коммуникация – это коммуникация вне дискурсивных границ, поскольку само коммуникативное событие описывается средствами разных дискурсов, а интерсубъектные отношения в этом случае попадают в пространство пересечения [Синельникова, 2016, с. 406]. Поэтому при осмыслении текста как продукта социокультурной коммуникации необходимо учитывать интертекстуальные связи, одним из проявлений которых являются прецедентные феномены. Также в исследовании применен тематический подход к дискурсу, который «позволяет осуществить детальный анализ предметной стороны общения, выделить его единицы и ситуативно обусловленные смыслы, которые специфичны для каждого дискурса и имеют лингвокультурную значимость» [Карасик 2016, с. 57]. Опираясь на детальный обзор различных классификаций функций прецедентных имен [Нахимова, 2007, с. 138–144], мы провели анализ некоторых ветхозаветных библейских антропонимов, проявляющих тенденцию к метафоризации. Материалом стали тексты художественных произведений и публицистические статьи, взятые из Национального корпуса русского языка.

Анализ антропонимов *Адам* и *Ева* в художественном дискурсе показал, что их использование связано со следующими смыслами: «прародители», «относящийся к древним временам», «запретный плод», «грехопадение», «плач о потерянном рае», «соблазн, порочное любопытство (относится к женщине)», «муж и жена», «нагота», «труд в поте лица». Самой частотной по употреблению является сема «прародители»: «Ведь мы все от Адама...» [И. А. Крылов. Проклазники (1788). НКРЯ]. Как правило, с таким значением эти имена выполняют номинативную функцию, т.е. все люди – это потомки Адама и Евы, однако сюда нередко включается еще и оценочный компонент «все люди – братья», т.е. предполагается человеческое отношение друг к другу, например: «... это не люди и не потомки праотца нашего Адама, а изверги рода человеческого» [М. Е. Салтыков-Щедрин. «Заметки и отзывы» (1863-1864). НКРЯ]. Сема «с древних времен (до наших дней)» подчеркивает в произведениях отдаленность происходящих событий и призвана повысить экспрессию высказывания: «Мы веками, от праотца Адама и до наших дней, работаем для этого познания» [Л. Н. Толстой. Война и мир (1869). НКРЯ]. Также тексты часто отражают отсылки к внешнему виду первых людей (*костюм Адама и Евы, ходить как Адам* и др.), т.е. выражают значение «нагота» и выполняют прагматическую функцию, поскольку авторы, как правило, подразумевают ненормальность такого внешнего вида: «Потом считается, что... ходит он в – Ева, мой друг!» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Дикий помещик (1869). НКРЯ]. Нередко в смысловую канву вплетены несколько сем библейского сюжета, например, в

произведении «Зимний день» Н. С. Лескова актуализируются два метафорических значения – своему будущему Адаму «т.е. мужу» она придет даже «Евой» «т.е. предстанет в наготе», а посторонним на балу не хочет свои плечи показывать [Н. С. Лесков. Зимний день (1894). НКРЯ]. В произведении А. П. Чехова «За яблочки» эти антропонимы включены в сюжетный уровень, поскольку выполняют функцию сценарного концепта, т.е. такой когнитивной модели, которая помогает читателю идентифицировать ситуацию, ее типичные роли. Действие разворачивается в саду под яблоней, девушка просит парня сорвать плод с дерева, откусывает и подает ему, а далее автор замечает: «Но парню и его девке, как и древле Адаму и Еве, не посчастливилось с этим яблочком» – их застает хозяин сада [А. П. Чехов. За яблочки (1880-1882). НКРЯ]. Следует отметить, что лексикографически зафиксированы выражения *ветхий Адам* «о человеке» (в текстах не обнаружен), в *костюме Евы* «в обнаженном виде», *от Адама и Евы* (частотны в употреблении) [ИПГР].

Публицистический дискурс реализует менее широкий спектр сем. Здесь встречаются только наиболее частотные по художественному дискурсу значения: «прародители», «со времен Адама и Евы» и «внешний вид», остальные значения единичны в употреблении. Очень сильна в этих текстах прагматическая и оценочная функции, например, «Всегда нужно уважать друг друга, вне зависимости от национальных и религиозных различий: все мы... происходим от одного отца и матери – Адама и Евы» [Муфтии призвали мусульман уступать ближним и ценить жизнь // РИА Новости, 29.07.2020. НКРЯ]. Также наблюдается отход от сценарной привязки к библейскому тексту и употребление их в абстрагированном метафорическом значении, чего не наблюдалось в художественном дискурсе, например, «Бык-прародитель: генные инженеры создали Адама для мужского стада» [Генетики оценили появление бычка-производителя только мужских особей // Известия, 21.08.2020. НКРЯ].

Антропонимы *Каин* и *Авель* зафиксированы в словарях со значениями «предатель, убийца, *бран.*», «символ невинной жертвы», «сыновья Адама и Евы» [ИПГР]. В художественном дискурсе они упоминаются в контексте раскрытия тем «братоубийство», «сложные взаимоотношения между братьями». Более частотны по употреблению является антропоним *Каин*. Это имя перешло в разряд апеллятивов, что подтверждается двумя орфографическими вариантами (*Каин* и *каин*), хотя большинство словоупотреблений отражает написание с прописной буквы. В художественных текстах sporadически встречается во множественном числе, например, «Но петроградские рабочие и солдаты надеются, что вы не будете каинами» [М. А. Шолохов. Тихий Дон (1928-1940). НКРЯ]. В художественном дискурсе зафиксирован широкий спектр реализованных сем, *Каин* – это «враг», «завистник», «гордец», «изгнанник», «отверженный», «одинокий», «не знающий покоя», «аморальный человек, разбойник», например, «Врут, будто ты народ соседей, насильничаете, со своими разбойниками-работниками по ночам прохожих грабите да коней воруете... Нет тебе другого прозвания, окромя как Каин» [А. П. Чехов. На мельнице (1886). НКРЯ]. Отметим, что этот антропоним имеет очень разноплановые словоупотребления: 1) название персонажа, прозвище или обращение к нему: «Федотка понёсся в комнату. Ворвался, а навстречу ему брат Виктор, весь порубленный, но живой... – Каин!.. Каин!.. – бормочет Виктор» [С. Шуляк. Квартира номер девять // Волга, № 5-6, 2013]; 2) сравнение «...один, всегда один, отверженный, как Каин» [М. Ю. Лермонтов. Два брата (1829). НКРЯ]; 3) приложение *Ванька-Каин*; 4) компонент фразеологизма «...в эпоху ионьской битвы блуза в Париже сделалась знаком отвержения, печатью Каина, вызывала чувство ужаса и злобы» [И. С. Тургенев. Наши послал! (1852-1881). НКРЯ]; 5) интертекстуальная отсылка к библейскому первоисточнику «Магнус замахнулся острым ножом на брата, желая его убить, как некогда Каин Авеля» [А. П. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха (1987). НКРЯ]; 6) основной текстообразующий компонент, например, в произведении Н. С. Лескова «Соборяне» дьякон Ахилла, в винном угаре наслушавшись вольнодумных речей, проникается симпатией к Каину и желает быть как он – непокорным гордым деятелем.

Вызывающе кричит у протопопова окна, но получает посрамление за свое «козлогласие». Отец Савелий отвечает на дерзкие выкрики: «*Ступай спать, Каин неистовый!*» Ахилла затрепетал, потому что мысленно только собрался в Кайны, как был им тут же назван [Н. С. Лесков. Соборяне (1866-1872). НКРЯ]. В приведенных примерах прецедентное имя выполняет оценочную, моделирующую или характеризующую функции, поскольку персонажу приписываются определенные качества, эталоном которых выступает в русской лингвокультуре имя *Каин*, а также с его помощью экспрессивно выражается субъективная оценка автора. Заметно проступает эстетическая функция, поскольку «прецедентные имена нередко рассматриваются как одна из разновидностей метафоры, то их восприятие во многом аналогично восприятию метафоры – одного из главных средств эстетического воздействия» [Нахимова, 2007, с. 143]. Библеизм *Авель* функционирует со значениями «праведник», «покорный», употребляется значительно реже, чаще в сочетании с первым именем.

В СМИ упоминание этих антропонимов, как правило, вплетается в канву сюжетного повествования и реализуется в виде интертекстуальных отсылок к библейским событиям. Они актуальны в реализации таких социально-политических тем, как «сложные отношения между братьями», «воспитание детей», «военный, межнациональный, семейный) конфликт» и др., например, «...отношения старшего и младшего братьев во многих семьях специфические, непростые, к сожалению... Согласно Библии, первое братоубийство совершил Каин, убив Авеля. Поэтому ничего тут нового или экстраординарного нет» [В. Полупанов. Вадим Самойлов: «Первое братоубийство совершил Каин, убив Авеля» // Аргументы и факты, 2020.04.06. НКРЯ]. В целом в публицистическом дискурсе можно наблюдать усиление прагматической функции, поскольку автор высказывания для убедительности прибегает к упоминанию библейских имен, событий и задает дальнейшему повествованию систему ценностей «свой» – «чужой» и под.

Антропоним *Ной* в художественном тексте представлен редко, как правило, олицетворяет пастыря, человека, спасающего животных, а также праведника: «... когда Николай был в периоде набожности... его дразнили, звали его Ноем, монахом» [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878). НКРЯ]. Публицистическое функционирование этого прецедентного имени реализует только «сюжетное прочтение» образа, связанное с параллелями описанной журналистом реальности и событиями всемирного потопа: «... члены администрации и члены штата Трампа вели себя подобно тем животным, которых Ной заимал в свой ковчег» [Мэлор Стурра. Император вступает в столицу: о чем Трамп говорил с Обамой // Московский комсомолец, 11.11.2016. НКРЯ]. Привлекает внимание статья Марка Розина, в которой дискурсивные функции прецедентного библейского текста реализуются на композиционном уровне. В начале автор задает общий тон интертекстуальности заголовком «*Ноев ковчег и спасение тонущего бизнеса*» и вопросом: «*А что если составить программу действий для бизнеса, взяв за основу стратегию Ноя?*». Далее, накладывая модель ветхозаветного сюжета на современную ситуацию, пошагово продвигает нарратив: «за что наказывается человечество / бизнес?», «нужно построить платформу, позволяющую остаться на плаву» и под. [М. Розин. Ноев ковчег и спасение тонущего бизнеса // Ведомости.ру, 19.04.2020. НКРЯ]. Для этого имени подобное использование в текстах СМИ более типично, чем метафорическое название лица.

Прецедентное имя *Соломон*, исходя из употреблений в художественных произведениях, ассоциативно связано с такими значениями: «мудрость, ум», «способность решать сложные и подчас неразрешимые задачи», «огромные богатства, роскошь», «справедливый суд», «совет, слова, притчи». Зачастую имя выступает центральным компонентом сравнения, например, «*Впрочем, гость мой судил как Соломон. Самородок!*» [Г. Н. Троепольский. Белый Бим Черное Ухо (1971). НКРЯ] или фраза выставляется градационно примерно по такой модели: «*даже (небось, сам, и) Соломон чего-либо не + действие*», например, «*сам Соломон не разрешит, что в ней правда и что неправда*» [Н. В.

Гоголь. Ревизор (1836). НКРЯ] и др. Частотным является прямое цитирование слов царя в качестве аргументирования мнения персонажа, подтверждения его начитанности: «*Матфей, весьма начитанный в Писании, строго говорил словами Соломона*» [Л. Н. Андреев. Иуда Искарот (1907). НКРЯ]. В приведенном примере реализуется функция презентации личности, т.е. имплицитной характеристики персонажа, свидетельствующей об уровне его грамотности и духовном развитии.

В текстах СМИ имя *Соломон* менее активно, используется в раскрытии тем «политика», например, «*Наркотический эффект прямой линии в том и состоит, что царь Соломон или Гарун аль-Рашид появляется, словно бог из машины, и восстанавливает справедливость*» [Потеря справедливости // Ведомости, 2017.06.15. НКРЯ]; «спорные случаи с усыновлением детей», например, «*Суду придется принять поистине соломоново решение. Как известно, библейский царь успешно разрешил спор между двумя женщинами, каждая из которых утверждала, что ребенок ее*» [Две матери для Матвея: Верховному суду придется принять настоящее сомоново решение // Vesti.ru, 28.01.2016. НКРЯ]. Далее следует пересказ истории о суде. Подобные примеры свидетельствуют, что авторы публикаций не уверены в осведомленности читателей в библейской истории, поэтому детализируют свое повествование. В некоторых текстах наблюдается нарушение целостности исходного образа, оригинальность и нестандартность его осмысления и наложения на современную реальность. Так, в публикации Олега Парамонова «Жуй-жуй, глотай» журналист повествует о победителе в соревнованиях среди едоков, обыгрывая ту же притчу о спорном ребенке: «*Японец ... изобрел так называемый маневр Соломона: Кобаяси разламывал сосиску хот-дога надвое по примеру библейского Соломона, предложившего разрубить спорного ребенка пополам, а затем утрамбовывал обе половинки в рот, одновременно отмачивая булку в воде (этого Соломон уже не делал). Маневр Соломона тут же взяли на вооружение другие профессионалы. У них это еще называется «японить хот-дог»* [Олег Парамонов. Жуй-жуй, глотай // Lenta.ru, 11.10.2016. НКРЯ]. В статье прослеживается стремление автора повысить эмоционально-выразительный градус повествования, метафоризировать слог и произвести впечатление на читателя нестандартностью взятого за основу сравнения образа.

Таким образом, исследовав примеры употребления некоторых прецедентных библейских антропонимов, отметим, что их читательская узнаваемость сохраняется. Более широкий спектр значений реализует художественный дискурс, «прочтение» имени тяготеет к исходному библейскому тексту. Писатели используют их в качестве выразительного средства сравнения, метафоризации черт, которые они воплощают. Реализация этих же антропонимов в публицистическом дискурсе характеризуется меньшим перечнем смыслов, как правило, в статьях задействуются наиболее частотные значения по художественному дискурсу. Также наблюдается разрыв с классическим прочтением образа, некая семантическая трансформация и десакрализация, отчасти связанная со стремлением журналистов к оригинальности, а также к разрушению шаблонов и стереотипов в описании современных реалий. Безусловно, прочтение этих прецедентных имен дискурсивно и требует от читателя знания библейских текстов.

Литература

- Блинова Ю. А. Прецедентные библейские имена в литературе, языке и дискурсе (на материале немецкого языка) // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Выпуск №4(23), 2016. С. 15–19.
- Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 56–77.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
- Нахимов Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования. 2007. 207 с.

- Полубиченко Л. В. Филологическая топология: этапы развития и научная проблематика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 39-49.
- Синельникова Л. Н., Лушникова Г. И. Интердискурсивность как внутритекстовое взаимодействие семиотических кодов // Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: Языковая личность. Текст. Дискурс: сборник статей VI международной научной конференции. Кемеровский государственный университет; Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. 2016. С. 406–410.
- Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в. СПб: Изд-во Михайлова В. А., 2002. 382 с.

Источники иллюстративного материала

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 19.10.2024).
- ИПГР – Информационно-справочный портал «Грамота.ру»
URL: <https://gramota.ru> (дата обращения: 19.10.2024).

References

- Blinova Yu. A. Precedentnye biblejskie imena v literature, yazyke i diskurse (na materiale nemeckogo yazyka) // Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. Vypusk №4(23), 2016. S. 15–19.
- Karasik V. I. Diskursivnoe proyavlenie lichnosti // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika. 2016. T. 20. № 4. S. 56–77.
- Karaulov Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' / Yu. N. Karaulov. – M.: Nauka, 1987. 261 s.
- Nahimova E. A. Precedentnye imena v massovoj kommunikacii: monografiya. Ekaterinburg, 2007. 207 s.
- Polubichenko L. V. Filologicheskaya topologiya: etapy razvitiya i nauchnaya problematika // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2012. № 2. S. 39-49.
- Sinel'nikova L. N., Lushnikova G. I. Interdiskursivnost' kak vnutritekstovoe vzaimodejstvie semioticheskikh kodov // Koncept i kul'tura: dialogovoe prostranstvo kul'tury: Yazykovaya lichnost'. Tekst. Diskurs : sbornik statej VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kemerovskij gosudarstvennyj universitet; Gumanitarno-pedagogicheskaya akademiya (filial) Krymskij federal'nyj universitet imeni V. I. Vernadskogo. 2016. S. 406–410.
- Smetanina S. I. Media-tekst v sisteme kul'tury : Dinamicheskie processy v yazyke i stile zhurnalistiki konca XX v. SPb : Izd-vo Mihajlova V. A., 2002. 382 s.

Corpus

- NKRYa – Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 19.10.2024).
- IPGR – Informacionno-spravochnyj portal «Gramota.ru»
URL: <https://gramota.ru> (data obrashcheniya: 19.10.2024).

КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ: ПОМЕНЯТЬ НЕЛЬЗЯ ПРИМЕНЯТЬ?

В статье рассматривается феномен клипового мышления и его влияние на процесс обучения иностранным языкам. Цель исследования заключается в выявлении особенностей восприятия информации обучающимися с клиповым мышлением, и оценке эффективности традиционных и инновационных методов обучения. Для достижения поставленной цели использовались разнообразные методы, включая анкетирование студентов и преподавателей, анализ учебных программ, а также непосредственное наблюдение за процессом обучения. Результаты исследования показали, что студенты с клиповым мышлением предпочитают мультимедийные и интерактивные формы подачи материала. В исследовании подчёркивается необходимость адаптации образовательных подходов к особенностям клипового мышления.

Ключевые слова: клиповое мышление, обучение, иностранные языки

Valeria S. Sokolova

Moscow State Linguistic University

CLIP THINKING: TO USE OR NOT TO USE?

The article examines the phenomenon of clip thinking and its impact on the learning process of foreign languages. The purpose of the study is to identify the features of information perception by students with clip thinking, and to evaluate the effectiveness of traditional and innovative teaching methods. To achieve this goal, a variety of research methods were used, including student and teacher questionnaires, curriculum analysis, and direct observation of the learning process. The results of the study showed that students with clip-based thinking prefer multimedia and interactive forms of material presentation. In conclusion, the need to adapt educational approaches to the peculiarities of clip-based thinking.

Keywords: clip thinking, educating, foreign languages

Клиповое мышление – когнитивный стиль, возникающий в результате воздействия быстро меняющихся средств массовой информации, когда человеку трудно сосредоточиться на одной теме в течение длительного времени. Понятие «клиповое мышление» впервые применил американский культуролог Элвин Тоффлер в 1980 году, и определил его как «принципиально новое явление, которое рассматривается в качестве составляющей общей информационной культуры будущего, основанной на бесконечном мелькании информационных отрезков и комфортной для людей соответствующего склада ума» [Тоффлер, 2002, с. 16].

В России одним из первых термин «клиповое сознание» употребил философ Фёдор Иванович Гиренок: «Клип отменяет сознание, создавая клиповое сознание, которое реагирует только на удар» [Гиренок, 1995, с. 123]. Как мы видим ещё в самом начале возникновения понятий «клиповое сознание» и «клиповое мышление» стоит понятие «удара» как чего-то моментального.

Стремительное развитие клипового мышления тесно связано с поведением человека в условиях многозадачности, в том числе широко распространенным среди студентов, которые постоянно взаимодействуют с информацией в интернете, а также с большим количеством электронных устройств. Важно, что именно в результате постоянного контакта с информационными ресурсами обучающиеся отдают предпочтение более коротким и динамичным презентациям, видео и аудио фрагментам в процессе обучения [Дроздова, 2020].

Очевидно, что этот феномен связан с различными когнитивными процессами, включающими в себя следующие особенности:

1. Селективное внимание, когда подсознательно выбираются только наиболее важные фрагменты из общего потока. Это позволяет быстро обрабатывать информацию.
2. Когнитивная экономия, в результате которой восприятие становится более шаблонным.
3. Ассоциативное мышление, то есть связывание образов и идей, что позволяет быстрее находить межпредметные связи и облегчает творческий подход к решению задач.
4. Мультимодальная обработка информации, то есть одновременное использование разных сенсорных каналов.
5. Тенденция к интерактивности. Условия виртуального мира стали приближены к реальности, что также повлекло за собой создание особенных обучающих платформ, позволяющих вовлечь студентов в обучающий процесс.
6. Критическое мышление, усилившееся в результате открытого доступа к информации. В этих условиях стало важным научиться анализировать и проверять достоверность данных.

При обучении иностранным языкам клиповое мышление может создавать когнитивные трудности в понимании и запоминании ключевых понятий, а также их соотнесение с определяемыми явлениями. Студентам, привыкшим к быстрой смене форм подачи материала, может быть сложно глубоко вникнуть в сложные языковые структуры или культурные нюансы [Пасичник, 2023]. Традиционные лекционные форматы, в основе которых лежит продолжительная монологическая речь, часто неэффективны для привлечения внимания современных обучающихся, которые больше откликаются на подходы к обучению, подразумевающие динамичную смену деятельности.

Чтобы решить эти проблемы, преподавателям приходится адаптировать традиционные стратегии обучения. Современные технологии позволяют сделать это достаточно эффективно, например, с помощью мультимедиа. Использование коротких видеоклипов и иных цифровых ресурсов, которые соответствуют потребностям клипового мышления, может повысить вовлеченность обучающихся и одновременно способствовать более эффективному усвоению языка [Колобаев, 2019].

Не менее эффективным методом адаптации обучающих стратегий является так называемый дискретный подход к обучению. В этом случае предполагается дробление уроков на небольшие, управляемые сегменты, которые позволяют быстро переходить от одного вида деятельности к другому. Этот метод учитывает фрагментарность внимания учащихся, способствуя их сосредоточенному участию [Дроздова, 2020].

Важную роль играет интерактивное обучение. Поощрение совместных проектов и обсуждений может помочь студентам осмысленно прорабатывать материал, что в свою очередь будет помогать глубокому пониманию, несмотря на склонность к поверхностному восприятию информации [Пасичник, 2023]. Проектная деятельность помогает студентам глубже погрузиться в изучаемую тему, находясь в процессе коммуникации друг с другом [Ляхова, 2024].

Обучающимся с клиповым мышлением важно связывать понятие с его визуальным оформлением. Поэтому зачастую более успешные занятия проходят с использованием динамичных презентаций, имитируя быструю смену контента в социальных сетях [Кудинова, 2022]. Также большую популярность набирают обучающие платформы, использующие прием геймификации, когда уроки представлены в виде лексико-грамматических фрагментов, а студент получает мгновенную обратную связь.

Одним из инновативных методов изучения иностранного языка в современных реалиях является использование социальных сетей, как наиболее привычной формы взаимодействия обучающихся между собой. Например, можно создать группы или каналы, где студенты смогут делиться контентом на изучаемом языке, задавать вопросы и давать обратную связь своим сверстникам.

Важно отметить, что под влиянием цифровизации также поменялась и суть процесса оценивания учебного процесса. В условиях клипового мышления оценка должна быть мгновенной, а процесс оценивания должен содержать элементы игры.

Для усиления эффективности обратной связи при работе с видео также лучше отдавать предпочтение тем видеоплатформам, которые позволяют преподавателям вставлять вопросы и комментарии непосредственно в видео. Такой подход поощряет активное участие в просмотре и помогает укрепить понимание через немедленное осмысление материала [Анис, 2023].

Одним из преимуществ современных технологий является наличие платформ для мгновенного языкового обмена с носителями, способствуя коммуникации в обстановке низкого психологического давления, помогая студентам практиковать свои навыки в режиме реального времени.

Можно создавать онлайн-форумы, где студенты смогут обсуждать темы на изучаемом языке, обмениваться ресурсами и задавать вопросы. Это будет способствовать непрерывному взаимодействию вне аудиторных занятий [Каререс, 2024].

Применение преимуществ клипового мышления в лингвистических и коммуникативных заданиях позволяет повысить вовлеченность и эффективность обучения на уроках иностранного языка. В этом случае лучше отдать предпочтение заданиям, в которых используются принципы клипового мышления, подчеркивающие лаконичность, интерактивность и мультимедийность:

1. Задания на быстрое реагирование (можно поставить задачу правильно закончить предложение: обучающиеся слушают фрагмент предложения и быстро завершают его устно. Это задание стимулирует спонтанное мышление и развивает беглость речи).
2. Мультимедийный сторителлинг (обучающиеся создают короткие цифровые истории. Они могут комбинировать изображения, текст и аудиоклипы, что позволяет им проявить творческий подход и одновременно отработать языковые навыки).
3. Интерактивные ролевые игры (ролевые игры, в которых учащиеся разыгрывают короткие сценарии. Это позволяет быстро переходить от одного контекста к другому, поддерживать вовлеченность учащихся и отрабатывать навыки общения).
4. Деятельность по устранению пробелов в потоке информации (например, один студент описывает изображение, а другой рисует его, основываясь только на слух. Это задание динамично развивает навыки аудирования и говорения, требуя от учащихся быстрой обработки информации и эффективного общения).
5. Быстрые дебаты (студентам спонтанно предоставляется спорная тема для обсуждения. Это способствует развитию быстроты мышления и умения кратко излагать свои мысли на целевом языке).

6. Визуальные словесные игры (можно предложить обучающимся ряд картинок, которые они должны быстро соотнести каждое изображение с правильным словом или фразой на изучаемом языке).

7. Цифровые викторины и опросы (можно использовать платформы для создания быстрых тестов на знание лексики или грамматики. Такие инструменты обеспечивают мгновенную обратную связь и поддерживают оживленную деятельность, что отвечает предпочтениям студентов к быстрому взаимодействию).

8. Игры на выявление связей между словами (студенты должны быстро определить взаимосвязи между словами, основываясь на визуальных подсказках или звуковых сигналах. Это способствует расширению и закреплению словарного запаса и одновременно вовлекает обучающихся в быструю когнитивную обработку информации).

Интегрируя такого рода задания в стандартный процесс обучения иностранному языку, преподаватели могут эффективно использовать принципы клипового мышления, делая обучение более актуальным и увлекательным.

Отсюда можно сделать вывод, что клиповое мышление можно эффективно применять в обучении иностранным языкам. Повышается мотивация, улучшается эффективность восприятия информации. Сочетание мультимедийных материалов помогает лучше усваивать информацию, особенно студентам с разными стилями обучения (визуалы, аудиалы и кинестетики). Поощряя совместную деятельность обучающихся, преподаватели способствуют активному развитию критического мышления, помогают выработать навыки самостоятельного обучения. Проектная работа и групповые задания развивают навыки решения проблем и сотрудничества. Также в условиях коллективного клипового мышления открываются новые возможности для персонализации обучения. Становится легче учитывать интересы и уровень подготовки каждого студента.

В заключение важно отметить, что клиповое мышление в обучении иностранным языкам демонстрирует множество преимуществ, включая увеличение вовлеченности учащихся, улучшение восприятия информации и развитие критического мышления. Эти аспекты делают процесс обучения более эффективным и адаптированным к современным требованиям.

Литература

- Анис М., Хан Р. Integrating Multimodal Approaches in English Language Teaching for Inclusive Education: A Pedagogical Exploration. *Universal Journal of Educational Research*, 2(3), 241-257. 2023. URL: <https://philarchive.org/archive/ANIIMA> (Дата обращения: 21.07.2024).
- Беляева Е. В., Мартянова Н. А. Using clip thinking principles when constructing the process of teaching russian as a foreign language at the lessons of linguistic local history. 2019. URL: <https://philology-journal.ru/en/article/phil20181937/fulltext> (Дата обращения: 08.08.2024).
- Гиренок Ф. И. Метафизика пата. Косноязычие усталого человека. М.: Лабиринт, 1995. 201 с.
- Дарн С. CLIL: A lesson framework. 2019. URL: <https://www.teachingenglish.org.uk/professional-development/teachers/knowning-subject/articles/clil-lesson-framework> (Дата обращения: 02.08.2024).
- Дроздова Е. А., Шуйская Ю. В. Clip Thinking and Its Influence the Teaching Methodology. XXIII International Conference Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research Conference Volume 2020. 2021. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/122486/1/2518-668X_2021_07.pdf (Дата обращения: 01.08.2024).
- Ермолаева Е. П. Психология профессионального маргинала в социально значимых видах труда (статья вторая). 2001. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/8f6a4425d577c3f53ded194c612e3e0b79f51e6f> (Дата обращения: 01.08.2024).

- Карепес К. How to adapt teaching methods to diverse learning styles. 2024. URL: <https://t4.education/blog/how-to-adapt-teaching-methods-to-diverse-learning-styles/> (Дата обращения: 21.09.2024).
- Колобаев В. К., Воробьева, К. В. Clip thinking and teaching foreign languages in non-linguistic higher education institutions: psychological and pedagogical aspects. 2019. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/CLIP-THINKING-AND-TEACHING-FOREIGN-LANGUAGES-IN-AND-%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%B5%D0%B2-%D0%92%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B1%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B0/d091775d197867d6cee51b2dbc0586b13d0f00e9> (Дата обращения: 01.08.2024).
- Крайнов А. Л., Шалаева Н. В. Influence Of Clip Thinking On The Cognitive Abilities Of Students. In D. K. Bataev (Ed.), Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism» Dedicated to the 80th Anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich, vol 92. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 2023-2030). European Publisher. 2020. URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.10.05.266> (Дата обращения: 22.08.2024).
- Кудинова О., Кудинова В. Innovative learning strategy through the use of video clips in foreign languages teaching. Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/358439525_INNOVATIVE_LEARNING_STRATEGY_THROUGH_THE_USE_OF_VIDEO_CLIPS_IN_FOREIGN_LANGUAGES_TEACHING (Дата обращения: 01.07.2024).
- Леонтьева Д. А., Прохорова А. О., Салихова Н. Р., Шарова А. С., Шакурова Р., Асмолова Г. А. Value-semantic mechanism of experiencing a professional crisis by teachers. 2014. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/e98c3464e77642e4a80b353e17ceb12af0717bcd> (Дата обращения: 01.08.2024).
- Ляхова Е. Г. Theoretical and practical aspects of pedagogy and psychology. 2024. URL: <https://journaledu.com/en/keyword/9278/articles> (Дата обращения: 08.09.2024).
- Пасичник О. Ways of integrating clip thinking phenomenon into the process of foreign language teaching in higher education institutions. Teaching languages at higher institutions. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/374400026_Ways_of_integrating_clip_thinking_phenomenon_into_the_process_of_foreign_language_teaching_in_higher_education_institutions (Дата обращения: 11.08.2024).
- Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
- Чернобыльская И. А., Лихачёва И. Ф., Улюмджиева В. Э., Бяхова В. М. 6 Молчанова М. А. Clip thinking considering methods of teaching english grammar. 5th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts sgem Conference proceedings. Том 5. 2018. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42636632> (Дата обращения: 28.08.2024).
- Эллис Р. Using tasks in language teaching. 2014. URL: <https://www.vnseameo.org/TESOLConference2014/PowerPoint/Prof.%20Rod%20Ellis.pdf> (Дата обращения: 01.08.2024).

References

- Anis M., Khan R. Integrating Multimodal Approaches in English Language Teaching for Inclusive Education: A Pedagogical Exploration. Universal Journal of Educational Research, 2(3), 241-257. 2023. URL: <https://philarchive.org/archive/ANIIMA> (Accessed: 21.07.2024).
- Belyaeva E. V., Mart'yanova N. A. Using clip thinking principles when constructing the process of teaching russian as a foreign language at the lessons of linguistic local history. [Electronic resource]. 2019. URL: <https://philology-journal.ru/en/article/phil20181937/fulltext> (Accessed: 08.08.2024).
- Girenok F. I. Metafizika pata. Kosnoyazychie ustalogo cheloveka. М.: Labirint, 1995. 201 s.

- Darn S. CLIL: A lesson framework. 2019. URL: <https://www.teachingenglish.org.uk/professional-development/teachers/knowning-subject/articles/clil-lesson-framework> (Accessed: 02.08.2024).
- Drozдова E. A., Shuiskaya Yu. V. Clip Thinking and Its Influence the Teaching Methodology. XXIII International Conference Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research Conference Volume 2020. 2021. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/122486/1/2518-668X_2021_07.pdf (Accessed: 01.08.2024).
- Ermolaeva E. P. Psikhologiya professional'nogo marginala v sotsial'no znachimyykh vidakh truda (stat'ya vtoraya). 2001. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/8f6a4425d577c3f53ded194c612e3e0b79f51e6f> (Accessed: 01.08.2024).
- Kareres K. How to adapt teaching methods to diverse learning styles. 2024. URL: <https://t4.education/blog/how-to-adapt-teaching-methods-to-diverse-learning-styles/> (Accessed: 21.09.2024).
- Kolobaev V. K., Vorob'eva, K. V. Clip thinking and teaching foreign languages in non-linguistic higher education institutions: psychological and pedagogical aspects. 2019. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/CLIP-THINKING-AND-TEACHING-FOREIGN-LANGUAGES-IN-AND-%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%B5%D0%B2-%D0%92%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B1%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B0/d091775d197867d6cee51b2dbc0586b13d0f00e9> (Accessed: 01.08.2024).
- Krainov A. L., Shalaya N. V. Influence Of Clip Thinking On The Cognitive Abilities Of Students. In D. K. Bataev (Ed.), Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism» Dedicated to the 80th Anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich, vol 92. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 2023-2030). European Publisher. [Electronic resource]. 2020. URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.10.05.266> (Accessed: 22.08.2024).
- Kudinova O., Kudinova V. Innovative learning strategy through the use of video clips in foreign languages teaching. Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem. [Electronic resource]. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/358439525_INNOVATIVE_LEARNING_STRATEGY_THROUGH_THE_USE_OF_VIDEO_CLIPS_IN_FOREIGN_LANGUAGES_TEACHING (Accessed: 01.07.2024).
- Leont'eva D. A., Prokhorova A. O., Salikhova N. R., Sharova A. S., Shakurova R., Asmolova G. A. Value-semantic mechanism of experiencing a professional crisis by teachers. [Electronic resource]. 2014. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/e98c3464e77642e4a80b353e17ceb12af0717bcd> (Accessed: 01.08.2024).
- Lyakhova E. G. Theoretical and practical aspects of pedagogy and psychology. [Electronic resource]. 2024. URL: <https://journaledu.com/en/keyword/9278/articles> (Accessed: 08.09.2024).
- Pasichnik O. Ways of integrating clip thinking phenomenon into the process of foreign language teaching in higher education institutions. Teaching languages at higher institutions. – [Electronic resource]. – 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/374400026_Ways_of_integrating_clip_thinking_phenomenon_into_the_process_of_foreign_language_teaching_in_higher_education_institutions (Accessed: 11.08.2024).
- Toffler E. Shok budushchego. M.: AST, 2002. 557 s.
- Chernobyl'skaya I. A., Likhacheva I. F., Ulyumdzhieva V. E., Byakhova V. M. b Molchanova M. A. Clip thinking considering methods of teaching english grammar. 5th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts sgm Conference proceedings. Tom 5. [Electronic resource]. 2018. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42636632> (Accessed: 28.08.2024).

Ellis R. Using tasks in language teaching. [Electronic resource]. 2014. URL: <https://www.vnseameo.org/TESOLConference2014/PowerPoint/Prof.%20Rod%20Ellis.pdf> (Accessed: 01.08.2024).

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ЧУЖДОСТЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Необходимость выстраивания диалога с другими культурами обусловила выбор концепта ЧУЖДОСТЬ как одного из дешифраторов культурного кода, присущего каждому этносу. Очевидно, что, находясь на пересечении абстрактного и конкретного, индивидуального и коллективного, рационального и метафорически переосмысленного, эмоций и оценки, данный концепт оказывается ключом к пониманию как своей культуры, так и иных культур. В этой связи, язык как носитель культурного кода становится точкой доступа к познанию узальных (эксплицитно выраженных) и окказиональных (имплицитных) смыслов, лежащих в основе концепта ЧУЖДОСТЬ и отражающих культурные особенности понимания своего и чужого (чуждого). Сравнительный анализ языковых средств, объективирующих концепт ЧУЖДОСТЬ, построенный на лексикографическом и психолингвистическом подходах, позволяет дать объективную лингвокультурную оценку того, что лежит за пониманием ЧУЖДОСТИ в языковом сознании, в частности, русского и британского этносов и обозначить ключевые точки соприкосновения и расхождения в оценке ЧУЖДОГО относительно каждой из рассматриваемых культур.

Ключевые слова: языковая картина мира, языковое сознание, концепт ЧУЖДОСТЬ, лексикографический подход, психолингвистический подход

Elena V. Suvorova

National University of Oil and Gas «Gubkin University»

LINGUISTIC MEANS OF VERBALIZATION OF THE CONCEPT OF FOREIGNNESS: A COMPARATIVE LINGUO-CULTURAL ANALYSIS BASED ON THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

A need to build a cultural dialogue with other ethnic groups is the reason to investigate the concept of FOREIGNNESS as one of the decoders of any culture. Being at the intersection of the abstract and the concrete, the individual and the collective, the rational and the metaphorical, emotions and evaluation, this concept proves to be the key to understanding both one's own culture and foreign cultures. In this regard, language preserving the cultural code becomes an access point to the common (explicit) and occasional (implicit) meanings underlying the concept of FOREIGNNESS and reflecting the cultural features of what is close or foreign, relevant to the Russian and British ethnic groups. A comparative analysis of the linguistic means objectifying the concept of FOREIGNNESS, built on the lexicographic and psycholinguistic approaches, allows giving an objective linguo-cultural assessment of the concept of FOREIGNNES reflected in the linguistic consciousness of each of the ethnic groups, thus revealing the key contacting and similar features in the cultural assessment of what is close and what is foreign.

Keywords: linguistic picture of the world, linguistic consciousness, concept of FOREIGNNESS, lexicographic approach, psycholinguistic approach

В эпоху глобализации, для которой становится обыденным смешение культур и мировоззрений, востребованной оказывается идея осознания того, что лежит в основе присущего культурам разделения на свое и чужое. Особенность членения мира по принципу свой – чужой, нашедшая свое отражение в языке, позволяет проникнуть в суть межкультурных разногласий и выявить основные моменты, препятствующие ведению межкультурного диалога. Особенно важным, на наш взгляд, является определение и обобщение основных черт, относимых к ЧУЖДОМУ. Такой подход позволяет выявить культурную специфику отношения к ЧУЖДОМУ и наметить основные пути преодоления возникающих в этой связи культурных лагун.

В данной работе представлен краткий анализ языковых средств вербализации концепта ЧУЖДОСТЬ, выполненный на основе материалов переводных русского-английского и англо-русского словарей, словарей синонимов, национальных корпусов русского и английского языков. В основе анализа лежали: а) поиск и изучение языковых средств, вербализующих концепт ЧУЖДОСТЬ в русском языке; б) определение английского синонимического ряда, вербализующего концепт ЧУЖДОСТЬ; в) их сопоставительный анализ.

Как показали данные Национального корпуса русского языка, основной языковой единицей, вербализирующей концепт ЧУЖДОСТЬ, следует считать не одноименный субстантив, а целый синонимический ряд: *иной – другой – дальний – чужой – чуждый*. Такая ситуация была связана, во-первых, с тем, что субстантив *чуждость*, согласно данным Национального корпуса русского языка, показывал более низкую частотность употребления по сравнению с адекативом *чуждый*. А во-вторых, с тем, что семантический состав адекатива *чуждый* в современных толковых словарях представлен исключительно семами с пометой устар., как например в Новом словаре русского языка под ред. Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000]. Следовательно, говорить о полновесной объективации концепта ЧУЖДОСТЬ адекативом *чуждый* было неправильно, требовался более полный синонимический ряд. С этой целью был предпринят анализ работ, выполненных на перекресте целого ряда наук: философии, антропологии, культурологии, лингвокультурологии, этнопсихолингвистики (Э. Сепира, Ф. Боаса, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, С. Аверинцева, М. М. Бахтина, Вяч. Вс. Иванова, Дж. Мида, Х. Ортега-и-Гассета, А. Ф. Лосева, Н. О. Лосского, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, М. И. Стеблин-Каменского, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, Т. В. Цивьян и других), позволивший выделить основные языковые единицы, которыми пользовались исследователи для объяснения того, что представляет собой ЧУЖДОСТЬ в рамках противопоставления свой – чужой.

Как оказалось, основными языковыми средствами, отражающими то, что авторы закладывали в основу своих концепций, стали: а) местоимения (*я, ты, мы, они*); б) прилагательные (*другой, иной*). В частности, Э. Сепир писал: «ОН говорит, как МЫ» равнозначно утверждению «ОН один из НАШИХ» >...< Каждый язык обладает законченной в своем роде и психологически удовлетворительной формальной ориентацией, но эта ориентация залегает глубоко в под сознании носителей языка – реально они ее не осознают» [Сепир, 1993]. Ж.-Ж. Руссо: «Я есть ДРУГОЙ, но ДРУГОЙ – есть Я» [Леви-Строс, 1994]. Центральным в концепции Дж.Г. Мида становится взаимодействие Я с окружающим миром и, в первую очередь, с обществом, поэтому он разделяет два ключевых понятия: Я – Уникальное (I), Я – Другие (Me) [Мид 2014]. Х. Ортега-и-Гассет: «Взаимодействие возможно лишь потому, что ДРУГОЙ подобен МНЕ, то есть в некотором смысле у него есть свое Я, играющее в нем ту же роль, что и мое Я во мне» [Ортега-и-Гассет 1997]. М. Элиаде: «Первое – это МИР (точнее, «наш мир»), КОСМОС. Все остальное – это уже не КОСМОС, а ИНОЙ МИР, это чужое и хаотичное пространство, населенное ларвами, демонами, «чужими» [Элиаде 1994]. А. Ф. Лосев: «Всякое диалектическое определение совершается через противопоставление ИНОМУ и последующий синтез с ним. Так, две точки должны быть не только различны, и тождественны одна с другой» [Лосев 1995]. Ю. М. Лотман, изучая

внутреннее пространство семиосферы, считал его состоящим из конфликтующих структур: «*нашего пространства*» (культурного и безопасного пространства) и «*их пространства*» (чужое, враждебное, опасное, хаотическое) [Лотман 1996].

Анализ научно-теоретических работ по выявлению ключевых синонимов, объективирующих концепт ЧУЖДОСТЬ в русском языке, был дополнен обращением к словарям синонимических слов, начиная с первых словарей, вышедших в начале 19 века, и заканчивая современными словарями (Д. И. Фонвизина, П. Р. Калайдовича, А. И. Галича, Н. А. Абрамова, З. Е. Александровой, А. П. Евгеньевой, Ю. Д. Апресяна). Согласно данным словарей, доминантными словами, в соответствии с которыми выстраивались синонимические ряды, были два адъектива: *чуждый* и *чужой* (однокоренные к ним субстантивы в словарях представлены не были). Изучение синонимических гнезд с данными адъективами позволили выделить следующий синонимический ряд: *несвойственный, посторонний, далёкий, чужой, сторонний* [Александрова 1969; Словарь синонимов русского языка 2003]. Соотнесение данных анализа научно-теоретических работ с данными, полученными при изучении синонимических и толковых словарей, позволило выделить ключевую парадигму, репрезентирующую концепт ЧУЖДОСТЬ: *иной – другой – дальний – чужой – чуждый*. При этом местоимения (*я, ты, мы, они*) не были включены в данный ряд, поскольку определяли скорее личностный подход к восприятию чуждости, чем общекультурный.

Следующим шагом в сравнительном лингвокультурном анализе языковых средств, вербализующих концепт ЧУЖДОСТЬ, стало выявление ключевых английских синонимов. Для этого мы обратились к данным переводных (англо-русского и русско-английского) и толковых словарей, и выяснили, что семантическое наполнение выделенных русских синонимов и их английских эквивалентов не совпадает. В частности, русское слово *чуждый* имело совершенно иной семантический состав, чем его английские эквиваленты *alien* и *extraneous*. Поэтому взяв за основу английские эквиваленты к словам *иной – другой – дальний – чужой – чуждый*, найденные в переводных словарях, мы выделили все имеющиеся к ним синонимы на материале The Oxford Thesaurus: к изначально выделенным английским синонимам подбирались новые синонимы до тех пор, пока они не стали повторяться [The Oxford Thesaurus 1997]. В конечном итоге, было получено 243 синонима. Из них были оставлены только те, которые повторялись в разных синонимических гнездах два и более раз. Таким образом, количество синонимов было сокращено до 23. Итак, согласно данным английского тезауруса, концепт ЧУЖДОСТЬ может быть вербализован в английском языке следующим синонимическим рядом: *different, strange, unfamiliar, dissimilar, peculiar, separate, alien, bizarre, distinct, exotic, foreign, odd, outlandish, unique, unusual, distinguishable, divergent, diverse, extraordinary, singular, unlike, unlike, weird*.

Последним шагом стало сопоставление полученных русских и английских синонимических рядов, с целью выявить, какие основные характеристики ЧУЖДОСТИ сохраняются в русском и английском языковом сознании. Итак, анализ семантических составов ключевых синонимов, объективирующих концепт ЧУЖДОСТЬ, показал, что для русского этноса чужой/ чуждый тесно связаны с: а) принадлежностью не только другой стране, но и роду, семье; б) оценка иного как другого или чужого является нейтральной; в) главным критерием определения иного как другого, чужого или чуждого служит наличие или отсутствие ментальной или духовной близости с ним. В тоже время отраженная в британском языковом сознании оценка иного как чуждого включала: а) принадлежность к другому народу (но не семье или роду); б) приравнивание чужого или чуждого к инопланетному; в) рациональное отделение своего, личного, частного от того, что принадлежит другим; г) приравнивание чуждого к непонятному или незнакомому.

Заключение

Изучение того, что служит опознавательным критерием своего и чужого помогает выявить те культурные стереотипы, которые усваиваются индивидом по мере взросления в определенной культурной среде и обуславливают релевантные ей паттерны поведения и иерархию ценностей. Незнание таких культурных констант не только препятствует пониманию иной культуры и выстраиванию эффективного межкультурного диалога, но и не позволяет осознать, почему иные культурные стереотипы могут вызывать отрицательные реакции.

Литература

- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. (1969). URL: <https://djvu.online/file/6AU4YkMdHZLhe?ysclid=m3czokn71x832725220> (дата обращения: 11.11.2024).
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. (2000). URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 11.11.2024).
- Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского (1994). URL: <https://djvu.online/file/BURVL0NV6748x?ysclid=m3kj9l2s76610162511> (дата обращения: 11.11.2024).
- Лосев А. Ф. Форма – Стиль – Выражение. (1995). URL: https://lib.rmvoz.ru/sites/default/files/fail/aleksey_losev_forma-stil-vyrazhenie.pdf?ysclid=m3kj8rqekj736752409 (дата обращения: 11.11.2024).
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. (1996). URL: <https://djvu.online/file/l2zFjJDo9U3O?ysclid=m3d0keil6t955903657> (дата обращения: 03.10.2024).
- Мид Дж. Г. Философия настоящего. (2014). URL: https://vk.com/doc5787984_453813688?hash=QL467ddKxYMsK0RL6QlPqG9e4mETqohNTIUDHN5hIMX&dl=vMRBESi5Yi0kFpwRfZ5eGobNMzHulPYO2O53NMezWY (дата обращения: 12.01.2024).
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 03.10.2024).
- Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. Весь Мир. (1997). URL: <https://djvu.online/file/PGEDByl9hb9qX?ysclid=m3czmu7xng606444471> (дата обращения: 03.10.2024).
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ./Общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. (1993). URL: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/t_sepir/~t_sepir.htm (дата обращения: 11.11.2024).
- Словарь синонимов русского языка: В 2 т. (2003). URL: https://archive.org/details/20220313_20220313_1553 (дата обращения: 11.11.2024).
- Элиаде М. Священное и мирское. (1994). URL: <https://djvu.online/file/WeGSgXyIAeQ4d?ysclid=m3kj5dfx8s58184482> (дата обращения: 11.11.2024).
- The Oxford Thesaurus. 2nd edition. New York: Oxford University Press, 1997.

References

- Aleksandrova Z. E. Dictionary of synonyms of the Russian language: a practical reference. (1969). URL: <https://djvu.online/file/6AU4YkMdHZLhe?ysclid=m3czokn71x832725220> (accessed: 11.11.2024).
- Efremova T. F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation. (2000). URL: <https://www.efremova.info> (accessed: 11.11.2024).
- Levi-Strauss K. Primitive thinking / Trans., introduction. art. and notes. A. B. Ostrovsky. (1994). URL: <https://djvu.online/file/BURVL0NV6748x?ysclid=m3kj9l2s76610162511> (accessed: 11.11.2024).

- Losev A. F. Forma - Style - Expression. (1995). URL: https://lib.mvvoz.ru/sites/default/files/fail/aleksey_losev_forma-stil-vyrazhenie.pdf?ysclid=m3kj8rqekj736752409 (accessed: 11.11.2024).
- Lotman Yu. M. Inside the Thinking Worlds. (1996). URL: <https://djvu.online/file/I2zFjJDo9U3O?ysclid=m3d0keil6t955903657> (accessed: 03.10.2024).
- Mead J. G. The philosophy of the present. (2014). URL: https://vk.com/doc5787984_453813688?hash=QL467ddKxYMsK0RL6QlPqG9e4mETqohNTIUDHN5hIMX&dl=vMRBESi5Yi0kFpwRfZ5eGobNMzHuIPYO2O53NMezWY (accessed: 12.01.2024).
- National Corpus of the Russian Language URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 03.10.2024).
- Ortega-y-Gasset J. Selected Works. The Whole World. (1997). URL: <https://djvu.online/file/PGEDByl9hb9qX?ysclid=m3czmu7xng606444471> (accessed: 03.10.2024).
- Sapir E. Selected works on linguistics and cultural studies: Trans. from English / General. ed. and introduction. article by A. E. Kibrik. (1993). URL: https://lib.unidubna.ru/search/files/t_sepir/~t_sepir.htm (accessed: 11.11.2024).
- Dictionary of synonyms of the Russian language: In 2 volumes. (2003). URL: https://archive.org/details/20220313_20220313_1553 (accessed: 11.11.2024).
- Eliade M. Sacred and secular. (1994). URL: <https://djvu.online/file/WeGSGxYlAeQ4d?ysclid=m3kj5dfx8s58184482> (accessed: 11/11/2024).
- The Oxford Thesaurus. 2nd edition. New York: Oxford University Press, 1997.

Тананыхина А. О.
РГПУ им. А. И. Герцена

Тананыхина А. Ю.
Санкт-Петербургский государственный университет

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В РАЗВИТИИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ СИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Статья рассматривает основные положения социолингвистики. Особое внимание уделяется языковой ситуации и ее составляющим: социальным условиям функционирования языка и сферы употребления языка. Подробно рассматриваются виды норм в социолингвистике, а также природа языковых изменений с точки зрения социолингвистики. В статье проводится социолингвистический анализ среднеанглийского периода, а его данные применяются для изучения развития древнеанглийских сильных глаголов, в частности закрепления некоторых слабых форм.

Ключевые слова: языковая ситуация, престижная норма, общественная норма, аблаут, сильные глаголы, слабые глаголы

A. O. Tananykhina
Herzen State Pedagogical University
A. Yu. Tananykhina
St. Petersburg University

SOCIOLINGUISTIC ASPECT IN THE DEVELOPMENT OF OLD ENGLISH STRONG VERBS

The article examines the main tenets of sociolinguistics. Particular attention is paid to the language situation and its components: social conditions of language functioning and the sphere of language use. The types of norms in sociolinguistics are considered in detail, as well as the nature of language changes in terms of sociolinguistics. The author conducts a sociolinguistic analysis of the Middle English period, and its data are used to study the development of Old English strong verbs, in particular the establishment of some weak forms.

Keywords: language situation, prestige norm, community norm, ablaut, strong verbs, weak verbs

Одним из наиболее важных вопросов в лингвистике является вопрос о природе языковых изменений. Это старейшая проблема в науке и, если сначала она рассматривалась с внутренних позиций, то в последнее время все большее внимание уделяется внешним факторам, а именно социальной истории носителей языка.

Для проведения социолингвистического анализа одним из главных критериев является языковая ситуация. Языковая ситуация – совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимодействии и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований [Ярцева, 1990, с.616]. В настоящем

исследовании является важным рассмотрение языковой ситуации как обязательной совокупности трех составляющих: социальных условий функционирования языка; сферы употребления языка; форм существования языка.

Языковая ситуация может характеризоваться одноязычием, двуязычием или многоязычием. Билингвизм, т.е. двуязычие может быть индивидуальным и массовым. Массовый билингвизм может быть региональным, т.е. свойственным определенным регионам, или национальным, т.е. охватывающим нацию в целом.

В социалингвистическом анализе также важен фактор функциональной нагруженности одного из языков, а именно сфера его использования, коммуникативная функция, контингент, охваченный двуязычием.

Еще одним из главных понятий социалингвистики является языковое сообщество. Оно обладает двумя ключевыми характеристиками – плотностью общения, т.е. члены сообщества в основном общаются между собой, и общими нормами.

Понятие нормы в социалингвистике несколько размыто, а их классификация отличается в зависимости от целей исследований. Датский и американский лингвисты П. Хардер и У. Лабов абсолютно правы, утверждая, что, основными типами норм в социалингвистике можно считать: общественную норму, престижную норму и норму определенной социальной группы [Harder, 2014].

Общественная норма регулирует правила использования языка на уровне общества в целом. Таким образом, она отчасти коррелирует с литературной нормой, определяет общие правила использования языка. В то же время она является социально нейтральной. Престижная норма определяет правила использования языка для более высоких слоев общества. Она же отчасти регулирует сферу официального общения.

Норма определенной социальной группы устанавливает правила использования языка для некой отдельной группы. Примером может служить профессиональный жаргон. У. Лабов проиллюстрировал этот вид нормы в своем исследовании в городе Мартас-Виньярд (Martha's Vineyard). Он исследовал произношение дифтонгов [au], [ai] в таких словах как mouse, mice. В ходе исследования обнаружилось, что местные жители предпочитали произносить в ядре этих дифтонгов скорее центральный гласный ([э, эй]), а не гласный заднего ряда. Одной из причин было желание «выделиться» на фоне приезжих из Нью-Йорка, произношение которых было стандартным [Labov, 2014].

Говоря о социалингвистических нормах, У. Лабов справедливо указывал, что они могут иметь открытый авторитет (overt) и скрытый (covert) авторитет [Guy, 2011]. Примером первых может быть как раз престижная норма, когда люди употребляют такие варианты, которые ассоциируют с социальным престижем высшего класса. Это может делаться для получения статусной высокооплачиваемой работы, продвижения по социальной и карьерной лестнице и т.д. Скрытый авторитет проявляется в противоположных случаях, обычно присущ нижнему среднему классу и характерен для норм определенной группы. Основной целью здесь является выражение солидарности, человек, выбирающий варианты такой нормы, считается «своим». Как раз такой скрытый тип авторитета и проявляется в произношении коренных жителей Мартас-Виньярд, стремление дифференцировать «своих» и «чужих».

Источником языковых изменений могут являться, как более высокие социальные классы, так и более низкие классы. В первом случае, мы имеем дело с ситуацией, когда доминирующий класс, говорит определенным образом, стараясь отделить себя от масс, а те в свою очередь подхватывают такие новации, желая подражать более высокому классу. То есть речь идет о распространении престижной нормы. Такие изменения являются по своей природе намеренными (targeted), и как правило не привносят в язык абсолютно нового, а лишь ведут к закреплению какого-то уже существующего варианта [Guy, 2011].

Ненамеренные (untargeted) изменения как правило происходят среди более низких классов, например, среднего и рабочего, и привносят в язык нечто новое. В основе таких изменений лежит подсознательное желание выразить солидарность с социальной группой или местную идентичность. По мере роста данной социальной группы, такие изменения распространяются и на язык в целом [Guy, 2011].

Однако наряду с изменениями, может возникать и сопротивление этим изменениям. Хотя языковые изменения являются естественным явлением, присущим любому языку, всегда есть те социальные группы, которые противятся этим изменениям. Как правило, такое сопротивление исходит от высших классов и коррелирует с желанием сохранить свое главенство в обществе. Таким образом, ненамеренные изменения происходят в более низших классах и лишь спустя какое-то время охватывают высшие слои и все общество в целом [Guy, 2011].

Распад класса сильных глаголов является одним из наиболее важных процессов в развитии глагольной системы английского языка. Наиболее интенсивно этот процесс шел в среднеанглийском периоде, когда многие сильные глаголы переходили в группу слабых. Классическое сравнительно-историческое языковедение указывает на то, что аблаут стал непродуктивным средством словообразования. Интересно попробовать проанализировать данное явление с точки зрения социолингвистики.

В среднеанглийском языке существует два варианта для выражения прошедшего времени: чередование или аблаут, происходивший еще из прайндоевропейского языка и дентальный суффикс, появившийся в прагерманском языке. Вариативность форма присуща практически всем сильным глаголам, тем не менее, у части глаголов она выражена в большей степени, у каких-то глаголов в меньшей. Как следствие, ряд глаголов сохраняет формы с аблаутом, но значительное количество глаголов начинает использовать дентальный суффикс.

Языковая ситуация в среднеанглийский период характеризовалась массовым билингвизмом, когда языком двора и языком официального общения был французский, а английский оставался языком устного общения. Вероятно, на разных этапах среднеанглийского степень распространенности билингвизма отличалась, что обуславливалось внешними факторами. Если в начале среднеанглийского периода «новая» знать почти не владела английским языком, то с течением времени ситуация менялась, и высшие слои постепенно становились билингвами. Тем не менее, языки продолжали иметь разный социальный статус и сферу употребления. Английский язык долгое время имел низкий социальный статус.

Среднеанглийский язык характеризовался большой вариативностью, практически все сильные глаголы образовывали формы и по слабому типу, некоторые из таких слабых форм закрепились со временем в языке, а некоторые нет. С точки зрения социальной лингвистики, у носителей языка был выбор из двух вариантов (аблаут/суффикс) и предпочтительный вариант стал распространяться все больше и больше и, в конце концов, закрепился в языке. Литературная норма, жестко регулирующая правила употребления вариантов еще не сложилась, а общественная норма (community norm), которая регулировала использование языка на уровне общества в целом, была весьма гибкой.

Таким образом, к процессу выбора между аблаутом и дентальным суффиксом можно применить гипотезу «престижной» нормы (prestige norm). Во второй половине среднеанглийского периода начинает идти «борьба» двух языков и постепенно английский вытесняет французский. Однако надо учитывать, что в первой половине среднеанглийского периода знать и высшие слои лучше владели французским языком, в силу этого дентальный суффикс в ряде случаев был для них предпочтительнее аблаута. Возможно, знать просто допускала «ошибки», по аналогии с французскими писцами, которые постоянно смешивали французскую и английскую орфографию, что в конечном счете повлияло на всю систему

орфографии английского языка. Средние слои населения могли «копировать» эти ошибки, чтобы неким образом приблизить себя к знати и отличить от простого сельского населения. Таким образом, некоторые суффиксальные варианты могли обладать явным престижем. Можно предположить, что вслед за высшими слоями, городское население стало в ряде случаев употреблять дентальный суффикс, подражая речи знати, желая звучать похожим образом.

Произведения Дж. Чосера также подтверждают высокую вариативность форм. Для настоящего исследования интерес представляют следующие примеры:

That I **halp** for to gete with my right honed (Tale of the Cook, URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/CT>)

Что я помог ему правой рукой. (Рассказ Повара)

Bot blisseful Marye **helped** hir a none (Tale of the Man of Law, URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/CT>)

Но благочестивая Мария ей тут же помогла (Рассказ Юриста)

В первом случае, форма с аблаутом употребляется в речи повара, а во втором случае форма с суффиксом употребляется в речи юриста. Очевидно, последний относится к более высокому социальному классу.

В рассказе Мельника Дж. Чосер использует сильную форму с аблаутом, а в поэме Троил и Крессида уже слабую. В данных случаях выбор форм также коррелирует с социальным классом.

*pou schalt not **rew*** (Tale of the Miller, URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/CT>)

Тебе не следует грести (Рассказ Мельника)

*or to good port hastow **rowed*** (Troilus and Criseyde, URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/CME00002>)

или к хорошему порту немедленно направились (Троил и Крессида)

Таким образом, в некоторых случаях фактор престижа мог сказаться на закреплении суффиксальной формы в языке.

В заключении необходимо отметить, что изучение языковых изменений в диахронии и с позиции социолингвистики позволяет учитывать большее количество факторов, чем в традиционных подходах и позволяет давать дополнительные объяснения произошедшим явлениям и изменениям в языке, что представляет значительный интерес и является актуальным с точки зрения современной лингвистики. К сожалению, основной сложностью в таких исследованиях является ограниченный языковой материал в виде дошедших до наших времён источников.

Литература

- Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
- Guy. Gr. R. Language, social class and status // The Cambridge Handbook of Sociolinguistics/ ed. By R. Mesthrie. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. –P. 159-185
- Harder P. Variation, structure and norms // Cognitive sociolinguistics. Social and cultural variation in cognition and language use / Ed. M. Pütz, J. A. Robinson, M. Reif. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamin, 2014. P. 53-74.
- Labov W. What is to be learned: The community as the focus of social cognition // Cognitive sociolinguistics. Social and cultural variation in cognition and language use / Ed. M. Pütz, J. A. Robinson, M. Reif. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamin, 2014. P. 23-52.

Источники

- Chaucer G. Canterbury Tales. [Electronic resource]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/CT> (дата обращения: 1.11.2024)
- Chaucer G Troilus and Criseyde. . [Electronic resource]. –URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/CME00002> (дата обращения: 1.11.2024)

References

- Linguistic Encyclopedic Dictionary. / ed. by V. N. Yartseva. - M.: Sov. Encyclopedia, 1990. - 683 p.
- Guy. Gr. R. Language, social class and status // The Cambridge Handbook of Sociolinguistics/ ed. By R. Mesthrie. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. –P. 159-185
- Harder P. Variation, structure and norms // Cognitive sociolinguistics. Social and cultural variation in cognition and language use / Ed. M. Pütz, J. A. Robinson, M. Reif. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamin, 2014. P. 53-74.
- Labov W. What is to be learned: The community as the focus of social cognition // Cognitive sociolinguistics. Social and cultural variation in cognition and language use / Ed. M. Pütz, J. A. Robinson, M. Reif. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamin, 2014. P. 23-52.

Sources

- Chaucer G. Canterbury Tales. URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/CT> (accessed: 1.11.2024)
- Chaucer G Troilus and Criseyde. URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/CME00002> (accessed: 1.11.2024)

КОММУНИКАТИВНЫЙ ДЕМОНСТРАТИВ «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ГЕШТАЛЬТ»

Статья посвящена коммуникативному демонстративу «лингвистический гештальт». Целью исследования является выявление ситуаций функционирования и особенностей употребления коммуникативного демонстратива «лингвистический гештальт» в ходе межличностного взаимодействия. Задачами исследования являются определение понятия коммуникативный демонстратив «лингвистический гештальт», выделение единиц, составляющих его структуру, описание речевых ситуаций его употребления. В ходе работы используются методы теоретического анализа научной литературы, понятийного моделирования, сплошной выборки текста, интерпретации и лингвистического анализа текста. Устанавливается, что коммуникативный демонстратив «лингвистический гештальт» является социосемиотическим комплексом, организованным опытом коммуниканта, предъявляемым реципиенту в одной единице речевого общения. Структурные элементы данного коммуникативного демонстратива составляют: фрейм, схема, сценарий, демонстративный образ, мысли, эмоции, моторная и речевая деятельность. Коммуникативный демонстратив «лингвистический гештальт» используется субъектами в ситуациях презентации своей политической, культурной, религиозной и национальной идентичности. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые выявляется и дефинируется понятие коммуникативного демонстратива «лингвистический гештальт», характеризуется его структура и дискурсивная специфика.

Ключевые слова: коммуникативная демонстративность, лингвистический гештальт, самопрезентация, языковая личность, дискурс

Irina A. Tislenkova

Volgograd State Technical University

COMMUNICATIVE DEMONSTRATIVE «LINGUISTIC GESTALT»

The article is devoted to the communicative demonstrative «linguistic gestalt». The purpose of the study is to identify the situations of functioning and features of the use of this communicative demonstrative in the course of interpersonal interaction. The objectives of the study are to define the concept of «the communicative demonstrative «linguistic gestalt», identify the units that make up its structure, and describe the speech situations of its use. In the course of the work, the methods of theoretical analysis of scientific literature, conceptual modeling, continuous text sampling, interpretation and linguistic stylistic analysis of the text are applied. It is established that the communicative demonstrative «linguistic gestalt» is a sociosemiotic complex organized by the experience of the communicant, presented to the recipient in one unit of communication. The structural elements of this communicative demonstrative are a frame, a scheme and a scenario, a demonstrative image, thoughts, emotions, motor and speech activity. The communicative demonstrative «linguistic gestalt» is used by subjects in situations where they present their political, cultural, religious and national identity. The scientific novelty of the research consists in the fact that for the first time the concept of the communicative demonstrative «linguistic gestalt» is identified and defined, its structure and discursive specificity are characterized.

Keywords: communicative demonstrativeness, linguistic gestalt, self-presentation, linguistic personality, discourse

Введение

Стремление человека к интенсивной самоподаче является сложным процессом, обусловленным социальными нормами, потребностью в поддержании самооценки, управлении впечатлением, конкурентной средой и культурными особенностями. Эти факторы формируют поведение человека в социальных взаимодействиях и влияют на то, каким он показывает себя другим.

Для эффективного самопроявления в межличностном взаимодействии коммуникант прибегает к коммуникативной демонстративности [Тисленкова, 2023].

Демонстративная коммуникативная тональность представляет собой эмоционально-стилевую форму взаимодействия, характеризующуюся установками на самопрезентацию, неискренность с тенденцией к преувеличению своих качеств, акцентированностью доминирующей эмоции. Структурной единицей данной тональности является коммуникативный демонстратив – декларативно-репрезентативный элемент, реализующийся средствами семиотической полимодальности. В ходе интеракции выделяются коммуникативные демонстративы следующих типов: демонстративное действие (экспрессивная кинесика), демонстративный образ (визуальные аспекты внешнего вида), демонстративный объект (дорогие вещи, аксессуары, символы или предметы искусства), демонстративная идея (концепция или философская идея) и языковые демонстративы (эмоционально окрашенные лексические, фразеологические, синтаксические и просодические единицы) [Тисленкова, 2024].

Наиболее сложным по структуре коммуникативным демонстративом смешанного типа является лингвистический гештальт.

Целью статьи является выявление ситуаций функционирования и особенностей употребления коммуникативного демонстратива «лингвистический гештальт» в процессе межличностной коммуникации. Задачи исследования состоят в определении понятия коммуникативный демонстратив «лингвистический гештальт», выделении его структурных единиц и описании обстоятельств использования. В исследовании используются методы теоретического анализа научной литературы, понятийного моделирования, сплошной выборки текста, интерпретации и лингвостилистического анализа текста. Материалом исследования выступают высказывания говорящих, содержащих коммуникативный демонстратив «лингвистический гештальт» из произведений художественной литературы, кинематографии, документального кино и видео фрагментов, представленных в социальных сетях Rutube и YouTube. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые выявляется и дефинируется понятие коммуникативного демонстратива «лингвистический гештальт», характеризуется его структура и дискурсивная специфика.

Обзор литературы

Некоторые аспекты лингвистического гештальта описываются в работах отечественных и зарубежных ученых.

Дж. Лакофф относит гештальт к когнитивной модели, сочетающей в себе грамматические, семантические и функциональные свойства [Лакофф, 1987; Лакофф, 1996, с. 60-62].

И. А. Стернин рассматривает гештальт как «закрепленный словом целостный образ», который объединяет чувственные и рациональные элементы [Стернин, 2004]. Г. Д. Грачев

пишет о том, что гештальты передают целостные образы, основанные на культурно-исторических контекстах [Грачёв, 2002]. Н. Н. Болдырев подчеркивает, что гештальты задействуют одновременно несколько способов понимания в процессе восприятия [Болдырев, 2002].

Лингвистический гештальт является многогранным понятием, изучаемым различными учеными с разных точек зрения.

Коммуникативный демонстратив «лингвистический гештальт»: определение и структура

На основании имеющихся в научной литературе данных, мы определяем лингвистический гештальт как социо семиотический комплекс, организованный разнообразным опытом человека, включающий образ, мысли, чувства, моторную и речевую деятельность, фрейм, схему и сценарий, представленные в одной единице речевого общения, предъявление которой позволяет мгновенно расшифровывать всю содержащуюся в ней информацию. Гештальт является следствием целостного восприятия языковой личности говорящего.

В речи индивида коммуникативные демонстративы имеют уникальный характер. Однако многие из них становятся стереотипными, а затем шаблонными формами самовыражения [Хальбвакс, 2015, с. 107; Ходоренко, 2011, с. 193]. Так как мышление человека основывается на общепринятых образцах поведения и типизированных эмоциональных реакциях, человек часто отождествляет себя с той или иной идеологией (социально-политической, религиозной, национально-этнической, общественной), культурой или субкультурой, перенимая составляющие их знаки, чтобы модифицировать свои поведенческие модели и стиль общения по заданному образцу.

Особенностей употребления коммуникативного демонстратива «лингвистический гештальт»

Коммуникативный демонстратив «лингвистический гештальт» помогает коммуниканту идентифицировать себя как сторонника определенной политической партии или идеологии:

(1) (пионер выходит из строя) Я, Сыроедин Эдик, вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину. Жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия. Всегда соблюдать законы пионеров Советского Союза. Всегда готов! (говорящий отдает пионерский салют Красному знамени) [x/ф «Ох, уж эта Настя», 1971, www].

В данном примере (1) акцентированная демонстративная тональность выражается лингвистическим гештальтом «советский пионер» – целостной лингвосомиотической конструкцией – образом, состоящим из фрейма «посвящение в пионеры», в котором речевая деятельность говорящего строится на ритуальном произнесении торжественной клятвы, моторной деятельности, включающей строевую стойку, строевой шаг, пионерский салют Красному знамени. Лексико-семантическое поле данного высказывания объединяет в себе идеологические штампы Советской пропаганды: Всесоюзная пионерская организация, В. И. Ленин, Коммунистическая партия, Советский Союз. Схема, используемая в данном отрывке речи, основывается на синтаксическом параллелизме, являющимся средством эмпазы. Образами-символами выступают форма и атрибутика пионера. Произносимая пионером речь показывает типичную направленность на нравственное самосовершенствование, готовность совершать хорошие поступки на благо нуждающихся в помощи и общества в целом.

(2) (руководитель НСДАП партии занимает место на трибуне перед своими сторонниками) Мы были вынуждены оставаться в меньшинстве, поскольку пробудили в нашей нации самые важные составляющие стремления к борьбе и самопожертвованию. Они всегда оставались уделом меньшинства. Это была наиболее чистая в расовом отношении часть немецкой нации, которая смогла с гордостью провозгласить руководящую роль Рейха и народа Германии и подчинила себя этому руководству (поднимает правую руку с христианский жест благословения). Народ Германии с радостью осознал, что постоянно меняющееся мировоззрение заменено твердой и надежной опорой нестигаемой идеологии (нацистский салют) (2.21 мин - 3.33 мин) [Речь Гитлера на съезде НСДАП, 1934. [www](#)].

В примере (2) лингвистический гештальт формирует образ «лидер фашистов», речевая деятельность которого состоит в пропаганде идей нацизма. Моторная деятельность, сопровождающая речь, включает партийное приветствие *Hitlergruß* и крестное знамение двоеперстие как символ веры в идеологию. Клишированными языковыми единицами выступают формулы политического воздействия: руководящая роль Рейха, расовая чистота, борьба и самопожертвование, нестигаемая идеология. Выступление сосредоточено на укреплении идеологии нацистской партии, мобилизации сторонников и формировании единства в рядах НСДАП. Военная форма говорящего украшена различными символами, такими как свастика и орел, демонстрирующими его принадлежность к партии.

Люди часто отождествляют себя с конкретной религией, например, христианством или исламом, что выражается в соблюдении религиозных обрядов, участии в церковной жизни и принятии моральных норм, связанных с их верой:

(3) (во время первого причастия подросток подходит к священнику) Да, Иисус, я верю в тебя. Я выступаю против зла (24.22 мин) [Увлекательная проповедь, 2023, [www](#)].

В примере (3) с помощью коммуникативного демонстратива смешанного типа субъект сообщает окружающим информацию о том, что он христианин. Особенности моторной и речевой деятельности состоят в участии в процессии – шествии к алтарю, сопровождаемом молитвами и песнопениями, символизирующими духовное путешествие, а также принятием из рук священника евхаристического хлеба и произнесением молитв «Сие есть Тело Мое» и «Сие есть Кровь Моя», направленных на личное принятие веры и вступление в общину верующих. Религиозная идентичность поддерживается символами: белым стихарем, обозначающим нравственную чистоту и преданность вере, длинной белой свечей света Христова и молитвенником.

В условиях глобализации и унификации культур человек часто стремится к выражению своей национальной принадлежности или принадлежности к определенной культуре как механизму интеграции в этнические социальные группы:

(4) (жених и невеста, их родственники находятся в лесу перед образами древних богов на церемонии венчания)

– Свароже – наш великий боже. Перун силы нам дарует. Велесе – благо небесе. Слава богам! (руки к небу). Обращаются к тебе дети твои, почитающие тебя. Повенчай их (поясной поклон) (5.24 мин) [Венчание, Славяно-Русский обряд в традиции Язычества, 2014, [www](#)].

В примере (4) лингвистический гештальт передает образ славянина, который строится на фрейме «почитание природы и предков». Моторная активность представлена ритуалами у костра, хороводами, танцами и экспрессивной кинесикой – воздеванием рук к небу и поясными поклонами. Лексико-семантическая система представлена заклинаниями, содержащими имена славянских богов. Символическими являются традиционный славянский наряд дохристианских времен, цветочные венки, каравай хлеба, в совокупности отражающие связь со славянскими корнями и ценностями.

Участие в социальных движениях (например, экологическом активизме) также является примером самопрезентации при помощи лингвистического гештальта. Субъект может активно поддерживать идеи равенства полов или защиты окружающей среды, что становится частью его самоидентификации.

(5) – Я, собственно, – руководитель пресс службы Российской Академии наук. Найденова Александра Натальяевна.

– Как еще раз простите? Александра ...?

– Натальяевна. <...> Это отчество по матери. <...> Я, между прочим, феминистка. <...> Я считаю женщин венцом творенья. А мужчин гендерными узурпаторами [Феминистка, феминизм глазами мужчин, 2015, www].

В отрывке высказывания (5) говорящая прибегает к коммуникативному демонстративу «лингвистический гештальт» для отождествления себя с движением феминизма, что реализуется через ее одежду (мужской костюм и очки), акцентирование в речи необходимости достижения равноправия полов (Натальяевна – это отчество по матери), фреймом «отстаивание прав женщин» и специфическими типизированными лексико-стилистическими единицами (женщина – венец творенья, мужчина – гендерный узурпатор).

Представители молодежных субкультур противопоставляют себя традиционному социуму, практикуя предписываемый образ жизни и придерживаясь определенного внешнего вида:

(6) Мать (глядя на татуировку на лице дочери): Донечка, какой варвар тебе это на лице наколол?

Дочь: Не наколол, а набила. Сама. Это мой ответ вашему совковому миру. Я – личность, я – не стадо. Я – новая я. <...> Камон! Это – стиль. Это – андеграунд. Сейчас все так ходят <...>.

(в квартиру заходит друг дочери)

Парень: Чика, ну чё, тебя долго ждать?

Мать: Тебе чего, чучело?

Дочь: Ма, ну это вообще зашквар. Чучело – это другой рэпер. Он по-другому выглядит. А это – мой парень, Эм Си Нудный.

Парень: Здравсьте. <...>

Дочь: Вообще-то, это мой рэпер, мой бойфрэнд. Мы вышли из фрэнд зоны (1.10 - 4.12 мин) [Конфликт в совковой семье, 2021, www].

В разговоре (6) дочь-подросток определяет себя последовательницей андеграунда и заявляет об этом с помощью коммуникативного демонстратива «лингвистический гештальт», содержащего фрейм «защита свободы самовыражения». Речевая активность фокусируется на подчеркивании индивидуальности и творчества. Моторную деятельность отличает стереотипия (наличие отличительных экспрессивных и символических жестов: драматических движений рук, нестандартных поз, жевание жевательной резинки, привлекающих внимание). Лексико-семантическое поле составляют слова и выражения, отражающие ключевые идеи и эстетические принципы движения андеграунда (экспериментальность, индивидуализм, социальную критику, игнорирование традиционных стилистических и языковых норм, бунтарство): *личность, а не стадо, ответ совковому миру, фрэнд зона, камон, зашквар*. Внешность говорящей отмечена разнообразными отличительными знаками данной субкультуры: татуировками на лице, разноцветными, кислотных цветов, прядями волос, нелепой одеждой с надписью «Русский авангард».

Благодаря коммуникативной демонстративности, реализуемой лингвистическим гештальтом, одновременно передающим устойчивые коллективно-типические особенности групп людей, адресат мгновенно распознает лингвокультурную или идеологическую идентичность говорящего и посыл сообщения.

Заключение

Таким образом, коммуникативный демонстратив «лингвистический гештальт» является социо семиотическим комплексом, организованным опытом коммуниканта, предъявляемым реципиенту в одной единице речевого общения. Структурные элементы данного коммуникативного демонстратива составляют фрейм, схема и сценарий, демонстративный образ, мысли, эмоции, моторная и речевая деятельность. Коммуникативный демонстратив «лингвистический гештальт» используется субъектами в ситуациях презентации своей политической, культурной, религиозной и национальной идентичности.

Литература

- Болдырев Н. Н. Языковые механизмы оценочной категоризации // Реальность, язык, сознание: междун. межвуз. сб. нач. трудов. Тамбов, 2002. 360 с.
- Гачев Г. Д. Национальные образы мира: монография. Москва: Издательский сервис, 2002. – 780 с.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении». Москва: Litres, 1987. 792 с.
- Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. Москва: Прогресс. 1996. С. 143-184.
- Стернин И. А. Язык и мышление / И. А. Стернин. – Воронеж: 2004. – 24 с.
- Тисленкова И. А. Коммуникативный демонстратив: сущность и виды // Преподаватель XXI век. – 2024. – №. 2-2. – С. 458-467.
- Тисленкова И. А. Самопрезентация как ведущий признак коммуникативной демонстративности // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42. №. 3. С. 576-584.
- Хальбвакс М. Индивидуальное сознание и коллективный разум// Философские науки. 2015. №. 9. С. 105-115.
- Ходоренко А. В. Лингвистический гештальт: проблема дефиниции, принципы конструирования// Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2011. Т. 24. №. 1-1. С. 191-197.

Источники

- Венчание Славяно-Русский обряд в традиции Язычества. 17.10.2014. URL: <https://yandex.ru/video/preview/14019544642601515366> (дата обращения: 17.11.2024).
- Конфликт в совковой семье. 20.12.2021. URL: <https://yandex.ru/video/preview/12318989772168351884> (дата обращения: 17.11.2024).
- Ох, уж эта Настя. Художественный фильм / Реж. Ю. Победоносцев. Центральная киностудия детских и юношеских фильмов имени М. Горького 1971. URL: <https://yandex.ru/video/preview/9536259821369007988> (дата обращения: 17.11.2024).
- Речь Гитлера на съезде НСДАП 1934 (с русским переводом). 11.02.2013. URL: https://vk.com/video-37772079_456244014 (дата обращения: 17.11.2024).
- Увлекательная проповедь Pierwsza Komunia Kazanie dla. 28.12.2023. URL: <https://yandex.ru/video/preview/17075168509541903895> (дата обращения: 17.11.2024).
- Феминистка феминизм глазами мужчин. 05.03.2015. URL: <https://yandex.ru/video/preview/5926531403853328002> (дата обращения: 17.11.2024).

References

- Boldyrev N. N. Yazykovye mekhanizmy otsenochnoy kategorizatsii // Real'nost', yazyk, soznanie: mezhdun. mezhvuz. sb. nach. trudov. Tambov, 2002. 360 s.
- Gachev G. D. Natsional'nye obrazy mira: monografiya. Moskva: Izdatel'skiy servis, 2002. 780 s.
- Lakoff Dzh. Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii». Moskva: Litres, 1987. 792 s.
- Lakoff Dzh. Kognitivnoe modelirovanie // Yazyk i intellekt. Moskva: Progress. 1996. S. 143-184.
- Sternin I. A. Yazyk i myshlenie. Voronezh: 2004. 24 s.
- Tislenkova I. A. Kommunikativnyy demonstrativ: sushchnost' i vidy // Prepodavatel' KhKhI vek. 2024. №. 2-2. S. 458-467.
- Tislenkova I. A. Samoprezentatsiya kak vedushchiy priznak kommunikativnoy// Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. 2023. T. 42. №. 3. 576-584.
- Khal'bvaks M. Individual'noe soznanie i kollektivnyy razum // Filosofskie nauki. 2015. №. 9. S. 105-115.
- Khodorenko A. V. Lingvisticheskiy geshtal't: problema definitsii, printsipy konstruirovaniya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2011. T. 24. №. 1-1. S. 191-197.

Sources

- Okh, uzh eta Nastya. Khudozhestvennyy fil'm / Rezh. Yu. Pobedonostsev. Tsentral'naya kinostudiya detskikh i yunosheskikh fil'mov imeni M. Gor'kogo 1971. URL: <https://yandex.ru/video/preview/9536259821369007988> (data obrashcheniya: 17.11.2024).
- Rech' Gitlera na s'ezde NSDAP 1934 (s russkim perevodom). 11.02.2013. URL: https://vk.com/video-37772079_456244014 (data obrashcheniya: 17.11.2024).
- Feministka, feminizm glazami muzhchin. 05.03.2015. URL: <https://yandex.ru/video/preview/5926531403853328002> (data obrashcheniya: 17.11.2024).
- Konflikt v sovkovoy sem'e. 20.12.2021. URL: <https://yandex.ru/video/preview/12318989772168351884> (data obrashcheniya: 17.11.2024).
- Uvlekatel'naya propoved' Pierwsza Komunia Kazanie dla. 28.12.2023. URL: <https://yandex.ru/video/preview/17075168509541903895> (data obrashcheniya: 17.11.2024).
- Venchanie Slavyano-Russkiy obryad v traditsii Yazychestva. 17.10.2014. URL: <https://yandex.ru/video/preview/14019544642601515366> (data obrashcheniya: 17.11.2024).

Токарева М. В.

Пермский государственный медицинский университет имени Е. А. Вагнера

**КЛАССИФИКАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОШИБОК, ДОПУСКАЕМЫХ
СТУДЕНТАМИ-ИНДИЙЦАМИ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ
ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТОВ**

Статья посвящена детальному анализу синтаксических ошибок, встречающихся в письменных текстах (эссе) иностранных студентов, осваивающих русский язык как иностранный. Основная цель данного исследования заключается в систематизации и классификации ошибок, допускаемых учащимися в процессе написания текстов, в зависимости от уровня их языковой компетенции. Материалом для исследования послужили 100 письменных эссе, выполненных студентами-индийцами. В рамках проведенного эксперимента были установлены ключевые закономерности синтаксических ошибок, изучены причины их возникновения. В результате эксперимента, проведенного с помощью сравнительно-сопоставительного анализа, создана классификация для анализа синтаксических ошибок, допущенных иностранными обучающимися, что способствует более глубокому пониманию их трудностей в области синтаксиса при освоении русского языка.

Ключевые слова: русский как иностранный, ошибка, синтаксическая ошибка, интерференция, классификация ошибок

Marina V. Tokareva

Perm State Medical University named after academician E. A. Wagner

**CLASSIFICATION OF SYNTACTIC ERRORS MADE BY INDIAN STUDENTS IN
THE PROCESS OF CREATING WRITTEN TEXTS**

This article is devoted to the analysis of syntactic errors in written texts (essays) of foreign students learning Russian as a foreign language. The objective of this study is to systematize and classify the errors made by students during the process of text writing, depending on their level of language proficiency. The data for this study were derived from a corpus of 100 written essays composed by Indian students. During the experiment, the main patterns of syntactic errors committed by Indian students when writing essays were identified, the causes of their occurrence were determined, and ways to solve the problems that arise for students in the process of creating written texts were proposed. Furthermore, a classification for analyzing syntactic errors in the speech of foreign learners was also developed.

Keywords: Russian as a foreign language, error, syntactic error, interference, error classification.

В настоящее время к иностранному студенту-медику (будущему врачу), обучающемуся на территории Российской Федерации предъявляются помимо высоких профессиональных требований, отличное знание родного и иностранного языков. К последнему требованию также относится умение создавать качественный текст на русском языке за достаточно короткий промежуток времени. Такой навык необходим всем студентам, проходящим производственную практику в больницах и поликлиниках, где им приходится

общаться с пациентами и сотрудниками организаций, заполнять медицинские карты и документы на русском языке. Основным фактором, снижающим качество письменного текста, является синтаксическая ошибка, под которой в лингвистике понимается, как разновидность грамматической ошибки, связанной с нарушениями в построении словосочетаний и предложений [Азимов, Щукин, 1998, с. 53]. Однако можно заметить, что в изучении иностранного языка, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, без ошибок обойтись практически невозможно. Появление синтаксических ошибок в учебном процессе неизбежно, так как на данном этапе студент только начинает изучать основы грамматики и синтаксиса и учиться применять эти знания на практике. Тем не менее существует возможность свести их до минимума, указав на характер и причины проблем, с которыми сталкиваются студенты в процессе обучения. И так как эти проблемы особенно сильно видны на начальных этапах становления языковой компетенции, возникает необходимость анализа синтаксических ошибок, допускаемых студентами в ходе учебного процесса.

Огромный вклад в исследование синтаксических ошибок внес Л. В. Щерба, который в своей работе «Трудности синтаксиса русского языка для русских учащихся» составил подробную классификацию синтаксических ошибок. В своей статье Л. В. Щерба предлагает на основе анализа ошибок учащихся в области синтаксиса «найти в русском синтаксисе то, на что должно быть обращено наибольшее внимание при его прохождении, найти те его правила, которые чаще всего нарушаются учащимися» [Щерба, 1930, 74]. В наиболее полном виде классификация синтаксических ошибок представлена в работах Н. Н. Алгазиной и С. А. Арефьевой. Последняя предлагает классифицировать синтаксические ошибки «в соответствии с изучаемыми в школе разделами и темами синтаксиса русского литературного языка» [Арефьева, 1998, 8]. В то же время в современной литературе по русскому языку как иностранному не уделяется внимания синтаксическим ошибкам; они в совокупности с морфологическими объединяются в категорию грамматических (см., например: [Балыхина, Игнатьева 2006; Баранов 2001]). Однако, несмотря на то, что морфология и синтаксис неразрывны в языке, часто синтаксические ошибки возникают не из-за неосвоенности морфологических категорий, а из-за неосвоенности синтаксических позиций.

Нельзя не учитывать, что преподавателям русского языка как иностранного приходится сталкиваться с ошибками, не характерными для носителей русского языка, поэтому попытки применить существующие классификации не всегда успешны. Синтаксические ошибки, допускаемые иностранцами в речи, имеют иную специфику, так как усвоение иностранного языка – это процесс, который происходит через призму родного языка. Исходя из этого мы считаем, что синтаксические ошибки в речи обучающихся иностранцев в большей части должны анализироваться с точки зрения интерференции (Интерференция (от лат. *inter* ‘между’ + *ferens* ‘несущий, переносящий’) – взаимодействие языковых систем, воздействие системы родного языка на изучаемый язык в процессе овладения им. Выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного [Азимов, Щукин 2009, 87]).

Анализ разных точек зрения авторов, занимающихся квалификацией, определением причин возникновения ошибок и путей устранения их в речи иностранцев показал, что нет единой классификации синтаксических ошибок в речи иностранных учащихся, что, безусловно, затрудняет обучение русскому языку как иностранному. Стоит отметить, что изучение научных статей за последние 5 лет, указывает на отсутствие работ, посвященных анализу синтаксических ошибок в русской речи студентов-индийцев, что, в свою очередь, определяет новизну данного исследования.

В настоящее время Российские учреждения высшего образования, особенно медицинские востребованы среди граждан Индии. Индия входит в топ-3 стран дальнего зарубежья по количеству студентов, обучающихся в России [Павлова 2023, 51]. Именно поэтому целевой аудиторией нашего исследования стали иностранные студенты из Индии,

изучающие русский язык. В ходе работы осуществлена попытка выявить основные закономерности синтаксических ошибок, допускаемых студентами-индийцами при написании эссе, определить причины их возникновения и предложить пути решения проблем, возникающих у студентов в процессе создания письменных текстов. Все респонденты (100 человек) относятся к одной этнической принадлежности – индийцы, являются носителями как минимум двух языков: хинди и английского. Причем влияние английского языка в процессе обучения русскому языку проявляется в большей мере.

Респонденты получили задание написать на русском языке эссе на одну из предложенных тем: «О себе», «Мой друг», «Мой день» с примерным объемом 120 слов. Темы давались на выбор, чтобы студенты могли наиболее свободно выражать свои мысли. Время выполнения задания не ограничивалось. В результате было получено 100 эссе от студентов, владеющих русским языком на разных уровнях. Эти эссе и стали материалом данного исследования. Общий объем полученного материала составил 9 643 словоупотреблений. Все полученные эссе были разделены на три группы в зависимости от уровня освоения студентами русского языка.

Алгоритм анализа был следующим:

1. поиск всех ошибок в текстах (лексических, морфологических, орфографических, синтаксических, стилистических и др.);
2. выделение чисто синтаксических ошибок;
3. квалификация синтаксических ошибок согласно предложенной классификации;
4. качественное и количественное описание типов ошибок;
5. сопоставление синтаксических ошибок в русской письменной речи индийских студентов зависимости от уровня освоения русского языка.

Студенты-индийцы элементарного уровня владения русским языком совершают наибольшее количество ошибок в управлении (*В моя семья 6 человек*). Чаще всего встречались ошибки в образовании форм винительного падежа (*Я иду в магазине*).

Иностранные студенты уровня владения русским языком которых соответствует базовому уровню сделали наибольшее количество ошибок в управлении, что аналогично предыдущему уровню. Но у студентов уровня В1 возникают сложности в образовании форм родительного падежа (*Много люди из другие страны учатся в ПГМУ*).

Наибольшую сложность для студентов первого сертификационного уровня представляет образование форм родительного падежа (*Я приехал 6 лет назад из тёплая Индия*).

На уровнях А2 и В1 встречаются ошибки со служебными частями речи, а именно союзами, чего не наблюдалось на уровне А1 (*Мой папа говорит мне, чтобы (вместо что) хороший врач должен быть хороший студент*). Это связано с тем, что студенты элементарного уровня владения еще не знакомы с некоторыми грамматическими категориями и не используют их в речи. Стоит также выделить группу ошибок, где количество остается практически неизменным на всех уровнях владения языком. К таким ошибкам относятся ошибки в согласовании прилагательного с существительным (*Мой любимый еда – рис*). Данная тема представляет сложность на всех уровнях.

Всего было найдено 539 синтаксических ошибок. В ходе работы было установлено, что наиболее распространенными видами ошибок являются ошибки в беспредложном управлении, далее идут ошибки в предложном управлении, а именно ошибки с предлогом *в*. Следом идут ошибки в согласовании существительного с прилагательным и притяжательным местоимением. Реже всего встречаются ошибки в управлении с предложениями *у* и *по*, замена инфинитива личной формой глагола, а также в согласовании порядкового

числительного с существительным, что вероятно связано с редким использованием числительных в письменных работах.

Среди основных причин возникновения ошибок при написании текста можно выделить неправильное понимание структуры предложения и связи слов в этом предложении; влияние языковой интерференции со стороны хинди и особенно английского языков; недостаточное знание студентом языковых норм, принятых в русском языке.

На основе анализа синтаксических ошибок в письменной речи студентов-индийцев была предпринята попытка создать удобную классификацию для дальнейшего анализа синтаксических ошибок в речи иностранных обучающихся, включающую четыре основных типа ошибок (ошибки в согласовании; ошибки в управлении; ошибки, связанные с нарушением порядка слов; другие ошибки, в которые вошли замены частей речи, ненормативное использование глагола-связки и др.), каждый из которых включает несколько подтипов. Всего в классификации учтены 16 подтипов синтаксических ошибок (см. Табл. 1). В данной работе мы не претендуем на полный охват и детальный анализ ошибок, т. к. работа по их описанию еще продолжается. Ограничимся некоторыми из наиболее типичных.

Таблица 1. Виды синтаксических ошибок

1. Ошибки в согласовании: 1.1. согласование между подлежащим и сказуемым; 1.1.1. согласование при подлежащем, выраженным местоимением; 1.1.2. согласование при подлежащем, выраженным существительным; 1.2. согласование прилагательного с существительным; 1.3. согласование притяжательного местоимения с существительным; 1.4. согласование определительного местоимения с существительным; 1.5. согласование порядкового числительного и существительного; 1.6. согласование количественного числительного с существительным; 1.7. согласование причастия с существительным; 1.8. согласование по смыслу.
2. Ошибки в управлении: 2.1. предложное управление; 2.2. беспредложное управление.
3. Ошибки, связанные с нарушением порядка слов.
4. Замена наречия другой частью речи.
5. Замена прилагательного наречием.
6. Ненормативное использования глагола связки.
7. Замена инфинитива личной формой глагола.
8. Ошибки со служебными частями речи (союзами).

Исследование и анализ синтаксических ошибок является отличным дидактическим материалом для подготовки будущих специалистов, а также позволяет создать систему упражнений, направленных на профилактику синтаксических ошибок в учебном процессе. На основе данных, полученных в ходе анализа ошибок, в работе были предложены примеры упражнений, которые помогут студентам справиться с наиболее часто встречающимися ошибками, возникающими в ходе создания письменного текста. Специально подобранные упражнения дают возможность отработать набор умений и навыков, необходимых при написании эссе.

Хотя настоящее исследование предоставляет значительные данные, целесообразно рассмотреть возможность расширения национального состава респондентов для повышения обобщаемости полученных результатов. Например, увеличение числа участников, обучающихся в различных высших учебных заведениях Российской Федерации и

представляющих разные этнические группы, могло бы способствовать более глубокому исследованию особенностей изучаемого феномена. Несмотря на ограничения, полученные в работе результаты позволяют сделать выводы об основных проблемах в области русского синтаксиса, возникающих у студентов в ходе написания текста, и служат основой как для дальнейшего исследования вопроса, так и для выработки рекомендаций специалистам, занимающимся разработкой учебных пособий для студентов неязыковых специальностей.

Литература

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методологических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009. 448 с.
- Арефьева С. А. Виды синтаксических ошибок в ученических изложениях и сочинениях // Русский язык в школе. 1998. № 3. С. 8–12.
- Балыхина Т. М., Игнатьева О. П. Лингводидактическая теория ошибки и пути преодоления ошибок в речи иностранных учащихся. М.: РУДН, 2006. 195 с.
- Баранов М. Т. и др. Методика преподавания русского языка в школе / М. Т. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов; под ред. М. Т. Баранова. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 368 с.
- Павлова И. В., Токарева М. В. О влиянии языковой и лингвокультурной интерференции на изучение русского языка индийскими студентами // Перспективы использования цифрового пространства знаний в науке и образовании: сборник научных трудов. Казань, 2023. С. 51–54.
- Щерба Л. В. Трудности синтаксиса русского языка для русских учащихся // Русский язык в советской школе. 1930. № 3. С. 74–85.

References

- Azimov Je. G., Shhukin A. N. Novyj slovar' metodologicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam). Moscow: Publ. Ikar, 2009. 448 p.
- Aref'eva S. A. Vidy sintaksicheskikh oshibok v uchenicheskikh izlozhenijah i sochinenijah. Russkij jazyk v shcole. 1998, no. 3, pp. 8–12.
- Balyhina T. M., Ignat'eva O. P. Lingvodidakticheskaja teorija oshibki i puti preodolenija oshibok v rechi inostrannyh uchashhihsja. Moscow: Publ. RUDN, 2006. 195 p.
- Baranov M. T. i dr. Metodika prepodavaniya russkogo jazyka v shcole. M. T. Baranov, N. A. Ippolitova, T. A. Ladyzhenskaja, M. R. L'vov; pod red. M. T. Baranova. Moscow: Publ. Akademiya, 2001. 368 p.
- Pavlova I. V., Tokareva M. V. O vlijanii jazykovoj i lingvokul'turnoj interferencii na izuchenie russkogo jazyka indijskimi studentami. Perspektivy ispol'zovanija cifrovogo prostranstva znaniy v nauke i obrazovanii: sbornik nauchnyh trudov. Kazan, 2023, pp. 51–54.
- Shherba L. V. Trudnosti sintaksisa russkogo jazyka dlja russkikh uchashhihsja. Russkij jazyk v sovetskoj shcole. 1930, no.3, pp. 74–85.

Топорова В. М., Корнева Е. В.
Воронежский государственный университет

ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ ЗВУКА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Акустическая сфера в настоящее время достаточно широко представлена в литературо-ведческих работах, занимая более скромное место в когнитивной лингвистике. Вместе с тем концептуально-метафорический потенциал акустических образов, репрезентируемый в языке на различных уровнях знания (художественного, научного, обыденного), определяет актуальность акустической сферы как важного объекта научного исследования в рамках когнитивного направления. В настоящей работе рассматривается наименее представленный в современной когнитивной лингвистике аспект описания акустической сферы (акустических образов) в контексте актуализации пространственных категорий; анализируются когнитивные механизмы и функции акустических образов при репрезентации пространственной картины мира; выявляется концептуально-метафорический потенциал звука в сфере художественной семантики.

Ключевые слова: звук, акустический образ, пространственность, языковая картина мира, когнитивные механизмы

Valentina Toporova, Elena Korneva
Voronezh State University

SPATIALITY OF SOUND IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

The acoustic sphere is currently quite widely represented in literary studies, occupying a more modest place in the cognitive linguistics. At the same time, the conceptual and metaphorical potential of acoustic images, represented in language at different levels of knowledge (artistic, scientific, everyday), determines the relevance of the acoustic sphere as an important object of scientific research within the cognitive direction. This paper considers the least represented in modern cognitive linguistics aspect of description of acoustic sphere (acoustic images) in the context of actualization of spatial categories; analyses cognitive mechanisms and functions of acoustic images in representation of spatial picture of the world; reveals conceptual and metaphorical potential of sound in the sphere of artistic semantics.

Keywords: sound, acoustic image, linguistic picture of the world, conceptual visualization, spatiality, cognitive mechanisms

Актуальность описания акустической сферы в контексте пространственных категорий обусловлена когнитивной значимостью звука как важной составляющей картины мира человека, репрезентируемой в языке на различных уровнях сознания (научном, обыденном, художественном) [Беляевская 2014; Тараканова 2015]. Номинативное поле, связанное с актуализацией данной сферы бытия человека, эксплицитной или контекстуально-имплицитной, включает практически все виды вербальной репрезентации знания (лексические, структурно-грамматические, сочетаемостные, стилистические). Основания классификации номинативных единиц, репрезентирующих различные стороны акустической сферы, чрезвычайно разнообразны: по видам звуков и их источникам, по параметрам эмоционально-психологического воздействия, по биологическим функциям, по

фоностилистическим параметрам, по физическим характеристикам, по социально и эстетически значимым параметрам актуализации.

Пространственность звука в целом обусловлена онтологически самой его природой, существованием в виде физического явления, представляющего собой распространение упругих волн в газообразной, жидкой или твердой среде (некоем пространстве). С физической точки зрения именно определенные физические признаки и составляют «акустический образ». В более широком понимании акустический образ рассматривается нами как ментальный объект.

Акустическая составляющая является неотъемлемой характеристикой среды существования человека, его пространственной картины мира. Пространство наполнено звуками:

Лесные окрестности и ночью полнились множеством звуков, которые сейчас были даже явственнее, чем днем. [Василь Быков. Болото (2001), НКРЯ]

Ее звуки наполняли все пространство вокруг, раскачивая ветки деревьев и пригибая траву, так что казалось, играл не плохенький, пьяный, сверкавший на солнце трубами оркестр, а сама сухая летняя природа. [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000, НКРЯ]

Важный показатель пространственности звука - это его «развертывание» в пространстве (движение, перемещение), репрезентируемое в языке (звуки летят, несутся, плывут в воздухе):

В какой-то момент Манекен остановился, прислушиваясь, — откуда-то из большого отдаления на него налетел тонкий и страшный звук, направленный ему в лицо наподобие тонкой и злой иглы... [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000, НКРЯ]

... звук «колокола» плывет в вечернем воздухе. [Василий Шукшин. Калина красная (1973), НКРЯ]

... рой звуков уносится в темное поле. [Л. Н. Андреев. Вор (1904), НКРЯ]

Гулкие звуки долетели из горловины шахты. Заскрежесали блоки. [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976, НКРЯ]

Вот колокол отзвонил, звуки певучие улетели — и уж их не вернуть, а в них вся музыка. [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990, НКРЯ]

При этом отмечаются пространственно-ориентированные характеристики движения звуков, выполняющие также функцию локализации носителя звука в пространстве: (сверху-снизу, справа—слева, со стороны, издалека):

Его тугое ухо уловило со стороны ванной странный звук. [Форум: Похороните меня за плинтусом. Фильм (2009-2011), НКРЯ]

Это все так, пустяки, как теплый летний вечер на террасе, и отдаленные звуки фортепьяно, и ночь нежна. [О свойствах постоянных величин // «Экран и сцена», 2004.05.06, НКРЯ]

Была ночь, и я беспокойно дремал, когда в мое ухо вошел тупой и отрывистый звук, как будто шедший из-под пола, вошел и застыл в мозгу, как круглый камень. [Л. Н. Андреев. Набат (1901), НКРЯ]

Поэтому он сомнамбулически открыл калитку, пошел на звуки — в сад, увидел группу разных людей за дощатым столиком, и возле столика, и просто на траве, а на ящике каком-то сидел гитарист и играл. [Алексей Славовский. Гибель гитариста (1994-1995), НКРЯ]

Как это похоже во всех городах и во всех странах, эти квакающие голоса, и не разобрать ни слова. Бегу на звук. Я уже весь мокрый. [Сергей Юрский. Бумажник Хофманна (1993), НКРЯ]

По звуку выстрела полицейские моментально определили местоположение преступника. [Из горилл... // «Криминальная хроника», 2003.07.08, НКРЯ]

По временам эта квартира отвечала то трескучим, то гнусавым голосом на телефонные звонки, иногда в квартире открывали окно, более того, из нее слышались звуки патефона. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940), НКРЯ]

В исследуемых контекстах часто указывается скорость перемещения и длительность звучания:

Теперь звуки были ясны и точны и летели с безумной быстротой, как рой раскаленных камней. [Л. Н. Андреев. Набат (1901), НКРЯ]

Скорость звука принять равной 330 м/ с. [Владимир Лукашик, Елена Иванова. Сборник задач по физике. 7-9 кл. (2003), НКРЯ]

Звук может менять траекторию движения (прерываться, возвращаться, блуждать):

Когда звук телевизора прерывается, но картинка остается стабильной, источник проблемы стоит искать в некорректно установленном или устаревшем ПО самого устройства. [<https://remontano.ru/stati/televizory/zaikaetsya-zvuk/> / НКРЯ]

Привычная симфония многократно отражаемых звуков падающей воды не слышна. [Игорь Вольский. Пропать им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд? (1994), НКРЯ]

Сквозь стены просачивалась сторонняя траурная музыка. Густые глуховатые звуки блуждали наподобие теней. Санитарка появилась как-то незаметно, сама похожая на неприкаянную тень. [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001, НКРЯ]

И, перестав быть словами, звуки жалобно слились, осеклись и удалились. [Б. Л. Пастернак. Воздушные пути (1924), НКРЯ]

В других контекстах описывается интенсивность звука, его отчетливость:

Что наступило утро, он догадался по неясным звукам в соседней квартире, где-то тихонько запел водопровод. [Василь Быков. Бедные люди (1998), НКРЯ]

Слабый глухой звук свидетельствует о том, что древесина внутри разрушена. [Татьяна Матвеева. Реставрация столярно-мебельных изделий (1988), НКРЯ]

Густой новый звук мог означать только одно-единственное — идут танки! [Даниил Гранин. Зубр (1987), НКРЯ]

Он в новых башмаках от Пеля, лучшего в Городе сапожника, звук шагов четкий, быстрый, Пушкин нетерпелив, он работает в архиве со страстью. [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989), НКРЯ]

В профессиональных текстах характеризуются также качественные признаки звука, актуальные для специалиста:

Это круглое отверстие в деке диаметром около 3 см, от которого зависят качественные характеристики звука: матовость или прозрачность, сухость или влажность, глубина. [Борис Ефремов. Гусли - своими руками // «Народное творчество», 2003, НКРЯ]

Отмечаются качества звучания на основе ассоциативно-предметной маркировки (нередко при этом для «нетипичных» звуков используются сравнения):

Звуки из него донеслись тоже наподобие зубного скрежета. [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001, НКРЯ]

С теми словами он одиноко и гордо подсунул голову навстречу легкому ветерку и, обдуваемый им, издавая звук, похожий на храп, вобрал в себя раз-другой здешний воздух. [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001, НКРЯ]

Проглоченные мглой окрестности поминутно оглашали животные звуки, африканские рыки да стоны, будто кругом бродили дикие голодные звери, что были рады и сами теперь кого-нибудь проглотить. [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001, НКРЯ]

При этом выстраиваются различные семантические поля, лексико-семантические группы, оппозитивные пары: звук высокий-низкий, звонкий-глухой, слабый-густой, шепот – крик, далекий-близкий; звуки, издаваемые человеком, животными – типичные бытовые звуки (звук чайника, захлопывающейся двери, поворачивающегося ключа и т.п.), звуки природы (начинающегося дождя, грома).

Прослеживаются конфигурационные характеристики, часто на ассоциативно-образной основе:

Катит гром свою тележку

По торговой мостовой...

[О. Э. Мандельштам. «Зашумела, задрожала...»] [Стихи о русской поэзии, 2] (04.07.1932), НКРЯ]

И тактом для этой песни был стук колес, а мелодией — вся гибкая и прозрачная волна звуков. [Л. Н. Андреев. Вор (1904), НКРЯ]

Следует отметить распространенное явление синестетического наложения различных перцептивных признаков. С этой точки зрения особый интерес представляют визуальные перцептограммы, актуализирующие семантический сплав графического и акустического образов: нотная запись, графемы крика, графемы вербальной коммуникации в виде повернутых друг к другу профилей. Характерно, что в научной сфере при репрезентации признака интенсивности используется пространственно-цветовое изображение звука (спектрограмма).

Когнитивные исследования выявляют, что перцептивные глубинные корни семантической абстракции в целом наиболее рельефно проявляются в художественной семантике в виде признаков глубинных явлений музыкальности, ритмики, цвета, как, например, у Анны Ахматовой:

А вот ещё: тайное бродит вокруг –

Не звук, и не цвет, не цвет, и не звук,

Гранится, меняется, вьется.

А в руки живым не дается.

[А. А. Ахматова. Творчество: «Бывает так: какая-то истома...»] (05.11.1936), НКРЯ]

В стихотворении «Творчество» звуки стихающего грома, остаточные тревожные звоны, неясные голоса бездны, рисуют акустический образ «предпесенной тревоги». Звук как акустический образ «предпесенной тревоги» перерастает в оформившийся законченный целостный смысловой художественный образ-звук:

Слуховое восприятие пространства окружающего мира наряду со зрительным, визуальным способом выступает в качестве значимого ориентационного маркера

окружающего мира. Поскольку человек живет в обжитом пространстве, адаптированном в его сознании и языковой картине мира к биологически обусловленному и символически закрепленному восприятию бытия в совокупности всех перцептивных модальностей, выявляется особая значимость когнитивного исследования этой взаимосвязи в составе целостного восприятия мира, воплощаемого в музыке, в музыкальном звучании мира. Эту взаимосвязь можно проследить на всех уровнях описания актуализации акустических образов в контексте пространственно-ориентированного подхода к исследованию звука.

Акустические образы выполняют важные когнитивные функции при репрезентации пространственной картины мира в целом, а также при актуализации (интерпретации) внутреннего, эмоционально заряженного и внешнего предметного контекстов вербализуемой ситуации и их взаимосвязи, обладают большим концептуально-метафорическим потенциалом в языковой картине мира [Кучина 2016]. Следует отметить при этом значительное расширение концептуальных границ семантического пространства звука, звучания, включая эффекты его внешнего значимого «отсутствия»: тишина, молчание (немой крик, беззвучный стон, звенящая тишина).

Литература

- Беляевская Е. Г. «Звуковые» фреймы и анализ нарративного дискурса // Вестник МГЛУ. 2014. № 17 (703). С. 15-23
- Кучина Т. Г., Леонидова. И. А. Акустические и музыкальные образы в русскоязычных рассказах В. Набокова // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С.32-35.
- Тараканова Е. М. К вопросу об акустическом пространстве // ГИИ. Художественная культура. Art & Culture Studies. 2015 № 3-4 (16), С. 21-29
- Список сокращений
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка

References

- Belyaevskaya E. G. «Zvukovye» freymy i analiz narrativnogo diskursa // Vestnik MGLU. 2014. № 17 (703). S. 15-23.
- Kuchina T. G., Leonidova. I. A. Akusticheskie i muzykal'nye obrazy v russkoyazychnykh rasskazakh V. Nabokova // Verkhnevolzhskiy filologicheskiiy vestnik – 2016 – № 4. S.32-35.
- Tarakanova E. M. K voprosu ob akusticheskom prostranstve // GII. Khudozhestvennaya kul'tura. Art & Culture Studies. 2015 № 3-4 (16), S. 21-29

РЕЧЕВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ КОДЫ: МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ СТЕРЕОТИПОВ И ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Цель статьи заключается в том, чтобы показать, что существует соответствие между представлением речевых стереотипов как носителей коммуникативного знания и такой открытой системой как Искусственный интеллект. Термин речевой стереотип определяется через стереотипные высказывания как устойчивые структурные единицы, отражающие идиоматику коммуникативного процесса. Когнитивная интерпретация высказываний определяется принципами контекстной прагматики, позволяющей установить адаптацию существующих кодов для определения стереотипной схемы. Организация коммуникативного кода как стереотипа может рассматриваться как средство воздействия, отражающее определенный набор коммуникативных знаний. Пример диалога с Chat GPT о стереотипах позволяет представить свойства рассматривать их с позиции метапрагматики, позволяющей устанавливать правила и условия использования коммуникативных кодов.

Ключевые слова: речевые стереотипы, когнитивная схема, искусственный интеллект, метапрагматика

Tatyana Tretyakova
St. Petersburg University

SPEECH STEREOTYPES AS UNIVERSAL COMMUNICATIVE CODES: BETWEEN STEREOTYPE THEORY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The aim of the article is to show that there is a correspondence between the representation of speech stereotypes as carriers of communicative knowledge and such an open system as Artificial Intelligence. The term speech stereotype is defined through stereotypical utterances as stable structural units reflecting the idiomatics of the communicative process. The cognitive interpretation of utterances is determined by the principles of contextual pragmatics, which allows us to establish the adaptation of existing codes to determine the stereotype scheme. The organization of a communicative code as a stereotype can be considered as a means of influence reflecting a certain set of communicative knowledge. The example of a dialog with Chat GPT about stereotypes allows us to present the properties of considering them from the position of metapragmatics, which allows us to establish the rules and conditions of using communicative codes.

Keywords: speech stereotypes, cognitive schemata, artificial intelligence, metapragmatics

В современном мире, построенном на постоянно расширяющихся модификациях информационного пространства, категория стереотипа, в том числе и речевого стереотипа, приобретает особое значение. Представляется, что многие свойства, существенные для устойчивых коммуникативных клише, к которым относятся речевые стереотипы [Третьякова 1998], а именно их способность в готовой форме передать информацию, сформировать

особую тональность коммуникации, имеют особое значение особенно в связи с развитием проблематики Искусственного Интеллекта (ИИ), поскольку стандартизация интеракции в настоящее время приобретает огромное значение. В своём ревью, сделанном десять лет назад в журнале *The New York Review* (October 9, 2014) по поводу книги Л. Флориди (Luciano Floridi *The 4th Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality*. OUP, 248 P) Дж. Серль достаточно много уделил внимания критике увлечения ИИ [Searle, 2014]. Впервые именно Дж. Серль выделил два типа ИИ – «бедного» или «осторожного» ИИ и сильного ИИ, который отождествляется с работой человеческого сознания [Searle, 1990]. В последнем случае в ИИ есть когнитивные состояния, позволяющие проверять психологические объяснения в рамках «инфосферы» и не являемся ли мы уже «инфоргами». Если человек начинает проводить больше времени в онлайфе – он становится инфоргом, т.е. человеком, изменённым нейросетью. В последнее время высказываются предположения, что проблематика ИИ во многом схожа с проблемой представления стереотипного знания [Ревзин, 2023]. Именно это факт и представляется возможным рассмотреть с позиций функциональной семантики.

В данной статье представлена попытка показать способы представления семантики речевых стереотипов, которые с лингвистической точки зрения наиболее эффективно позволяют представлять модели речевой интеракции, а также некоторые моменты влияния компьютерной интеракции на повседневную речь.

Речевые стереотипы – это разного рода коммуникативные клише, которые используются в повседневной речи на основании существующей культурной традиции для выполнения разнообразных функций – установления/ прерывания контакта, оценки разного рода приняты в разных форматах современной коммуникации, будь –то реальной или виртуальной, включая, например, эмодзи и мемы. Данные устойчивые конструкты, вербальные и визуальные, рассматриваются как когнитивные образования, направленные на экономию усилий производства и восприятия коммуникативного процесса. Термин *стереотип* выбран для того, чтобы подчеркнуть прежде всего, чтобы подчеркнуть факт социально-когнитивного основания становления этого явления. <Стереотип> (от древнегреческого *στερεός* «твёрдый» + *τύπος* «отпечаток») это «заранее сформированная человеком мыслительная оценка чего-либо, которая может отражаться в *стереотипном поведении*, в том числе и речевом. [Третьякова 2015] Начиная с 1922 года после введения этого термина Уолтером Липпманом, значение термина «стереотип» прежде всего связывается с созданием образов социальных объектов, облегчающих ориентацию человека в мире. Стереотипы проще, чем реальность; приобретаются; ложны (в большей или меньшей степени) и являются неписанными правилами социальной игры (Geert Hofstede). Знак как особая первоначально является средством социальной связи, используется в этих «схемах-играх» как средство воздействия на других, и только позже оказывается средством воздействия на себя, создавая «интимный смысл». Понимание кодов лежит в области (а) распознавания информационного накопления знания и (б) возможной деформацией знания, несоответствия поставленным задачам, отсутствием упорядоченности. Универсальный характер стереотипов видится в возможной упорядоченности моделей построения стереотипов, в том числе обслуживающих интерактивные процессы.

Наиболее распространёнными формами интерактивных стереотипов являются формулы речевого этикета, а также разного рода оценочные высказывания. При этом система стереотипных высказываний открыта, поскольку постоянно наблюдается обновление знаков, в результате взаимодействия со средой. С одной стороны, именно автоматическое воспроизведение этого понятия делает такой простой штамп как *How do you do* постоянной формулой – но за этой формулой стоит целая ситуация социально-когнитивной установкой – приветствие в ситуации, когда участники незнакомы. С другой стороны, это же высказывание при всей автоматизированной клишированности может приобретать новые функциональные смыслы. Приветствие становится выражением

удивления с оттенком иронической оценки, если его произнести с особой интонацией [*hau-d'ye-du*]. Повторение словосочетания «A fine how- do –you- do» переводит высказывание в разряд устойчивых выражений, а контекст иронического значения делает высказывание стереотипным. Высказывание фиксируется словарями и начинает входить в ареал коммуникативной системы (Longman Dictionary of English Language and Culture, 646). Сравните русское выражение – *здрасьте-пожалуйста*, которое никак не относится к ситуациям приветствия или благодарности. Особенностью этих высказываний является «повторение-воспроизведение», которое носит характер «цитирования». Постепенно утрачивается нарочитый характер самого цитирования, и высказывание начинает использоваться для выражения мысли самого говорящего. Цитатой из английского пятистишия (лимерика) является высказывание *Who does what and with which?*, Им пользуются многие для того, чтобы комментировать любую запутанную ситуацию. [Partridge 1985:350].

В данном случае можно говорить о нескольких уровнях социализации смыслов и их стереотипизации. В частности, во-первых, уровень связи это связь языковой формы с определенными социальными сферами и ситуациями, которые регистрируются внешними наблюдателями (например, в лингвистическом анализе); во-вторых, уровень отношений непосредственных между участниками интеракции в особом контексте, создающим новые смыслы; и в третьих, уровень социальной индексации, отражающей такие языковые формы и выражения, которые воспринимаются как типические, способные восприниматься как средство идентификации тех групп, которые их используют.

Семантика стереотипного высказывания с точки зрения процедуры определяется переходом модели мира как части когнитивной системы из начального состояния S_{init} в конечное состояние S_{fin} . В отличие от прототипического подхода в процедурной семантике учитываются и промежуточные состояния $S_1 (=S_{init}+1)$, $S_2...$ $S_j...S_{fin}-1$. Чем больше степень дробности в описании, т.е. определении функциональных смыслов, тем больше семантика определяется процедурой перехода и тем более модели мира «растворяются» в инструкциях по их изменению. Так, в рассмотренных выше примерах нарастание смыслов проходило от смысла установления индекса приветствия до индекса – оценки (по терминологии Ч. Морриса аппрейзера). Помимо процедурной семантики можно отметить и метапрагматический характер данных высказываний, поскольку они касаются рефлексорной деятельности, которая предполагает разную степень осознанности в использовании единиц языка. В любом случае речевые стереотипы начинают использоваться как инструкции, которые требуют интерпретации и проекции возможных смыслов. Например, инструкция по месту стереотипных высказываний - аппрейзеров, выражающих предпочтение, т.е. стереотипов положительного оценочного характера выглядит следующим образом: [прескрипция {запрос/ приказ/призыв/ предостережение/приглашение} + положительная оценка > выражение предпочтения {согласие/подтверждение/одобрение}] [Третьякова, 1998, с.32-36]

Способность стереотипных высказываний одновременно отражать и индивидуальный, и социальный опыт делает их уникальными знаковыми единицами, своего рода носителями метайнформации, включающей нормы и способы речевого поведения. В некотором смысле данные высказывания становятся индикаторами метапрагматической информации, поскольку связаны с рефлексивной деятельностью участников коммуникации. [Чернявская, 2021, с 105-107]

Значение, таким образом, складывается на функциональном уровне из такого соотношения денотата и интенционала, когда наблюдается сближение отношения между ними – т.е. закрепление в языковом сознании внешнего объекта ситуации, связанного с интенциональностью. Таким образом устанавливается “универсальный коммуникативный код”, в котором интерпретационный фактор обеспечивает процедуру внешнего освоения коммуникативного пространства через интерпретацию интенциональности, связанной с выполнением метапрагматических функций. Как элементы речевой культуры стереотипные

высказывания отражают «наследственную память коллектива» и их универсальность видится в возможности предсказывать процедурные форматы знаковой социальной деятельности.

Алан Тьюринг и Джон фон Нейман, основатели современной информатики, указывали на то, что машины в конечном счете смогут имитировать все возможности человеческого мозга, включая сознание. Современные нейросети и искусственный интеллект вошли в современную повседневную жизнь. Они выполняют многочисленные сложные профессиональные задачи, в том числе и задачи по автоматизации процессов образования, а Chat GPT (Generative Pre-trained Transformer) в формате диалога может генерировать уникальные тексты. Один из самых популярных учебников по Искусственному интеллекту, созданный Стюартом Расселом и Питером Норвигом [Russell, Norvig, 2016] в главах, посвящённых машинному обучению (разделы 19-23) и обработке естественного языка (разделы 24-25), прежде всего обращаются к проблемам представления функций.

К настоящему времени считается, что GPT-4 — самая продвинутая на данный момент модель ИИ. Спустя четыре месяца после выпуска языковой модели GPT-4 ее разработчик (Open AI), объявил, что система станет доступной для встраивания в разные приложения и стать доступной для любых пользователей через API (аппаратно-программный интерфейс объясняют, в чем преимущества системы и как получить к ней доступ. [РБК Тренды]. ChatGPT работает через свой генеративный предварительный обученный преобразователь, который использует специализированные алгоритмы для поиска шаблонов в постоянном режиме данных.

В конструкции ChatGPT использовалась большая языковая модель есть диалоговая модель, которую Г. И. Ревзин использовал для уточнения возможности интерпретации ИИ как интеллекта стереотипов [Ревзин, 2023]. Приведём ниже фрагменты диалога Георгия Ревзина (Вы=автор) с чат-ботом:

- Вы (14:15:33): Что такое стереотипы?

- ChatGPT (14:16:01): Стереотипы — это устойчивые и обобщенные представления, которые мы имеем о людях, группах или ситуациях. Они могут быть основаны на культурных, социальных или личных предубеждениях и зачастую не отражают реальности или индивидуальных различий. Стереотипы могут быть положительными, отрицательными или нейтральными, но они вносят искажения в наше восприятие и могут привести к несправедливому обращению или дискриминации. Важно осознавать наличие стереотипов и стремиться к их преодолению, чтобы видеть каждого человека как уникальную и индивидуальную личность.

- Вы (14:16:54): Не мыслишь ли ты стереотипами?

- ChatGPT (14:17:13): Как чат-бот, я не способен формировать собственные мысли или иметь собственные убеждения. Моя задача — оказывать справочную помощь и предоставлять информацию на основе предоставленных мне данных. Я работаю на основе модели и использую знания, накопленные в процессе обучения. Однако я не испытываю эмоции или имею стереотипы, так как я всего лишь программный алгоритм, предназначенный для общения. [Ревзин, 2023]

Приведённый пример диалога позволяет вывести доминанту, связанную с формированием мыслительных операций у ИИ относительно стереотипа как носителя знаний. Если обратиться к интерпретации эмоциональной составляющей, то ИИ представил следующую информацию:

- Вы (14:18:06): Ты считаешь, что нет стереотипов без эмоций?

- ChatGPT (14:18:37): Стереотипы не обязательно связаны с эмоциями, хотя часто они могут вызывать эмоциональные реакции или быть основаны на них. Стереотипы часто возникают из упрощенного мышления или предвзятости, которые основаны на нашем опыте, культуре или социальном окружении...[op.cit.]

Примеры свидетельствуют о том, что действительно самостоятельной интерпретации у чат-бота нет. Далее Г. Ревзин так комментирует дальнейший диалог: «Мы разговаривали в таком духе еще некоторое время. По его мнению, стереотипное мышление — это такое, в котором ты убежден в истинности стереотипного суждения и испытываешь с ним эмоциональную связь, а у него такого нет, поскольку он не личность. Но при этом стереотипы могут быть и не связаны с убеждениями и с эмоциями, а вот просто быть, и как тогда, он не отвечает» [Ревзин, 2023.].

Из приведённого диалога и комментария становится понятно, что интерпретация стереотипа лежит исключительно в заданной социальной сфере и в возможности определения метапрагматических функций.

Всё сказанное выше позволяет заключить, что лингвистическая составляющая теории ИИ может изучаться с привлечением данных об алгоритмах функционально-семантических значений речевых стереотипов. Для получения алгоритмов стереотипного знания представляется возможным учитывать либо доминанту социолингвистического значения стереотипа, либо доминанту дискурсивного значения.

Литература

- Липпман У. Общественное мнение/ Пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
- Ревзин Г. Абсолют стереотипа. Искусственный интеллект как утопия современности// «Коммерсантъ Weekend» №37 от 27.10.2023 <https://www.kommersant.ru/doc/6283695>, <https://www.kommersant.ru/weekend> (дата обращения 27.10.2024)
- РБК Тренд <https://trends.rbc.ru/trends/industry/64afba299a79478144e99ceb?from=copy> (дата обращения 31.10.2024)
- Третьякова Т. П. Функциональная семантика и проблема речевого стереотипа. Автореф. Докторской дисс., Санкт-Петербург 1998, -38 С.
- Третьякова Т. П. О лингвистической интерпретации современных стереотипов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 7. № 1. С. 201–208.
- Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: ЛЕНАНД, 2021.- 208с.
- Russell S., Norvig P, Artificial Intelligence: A Modern Approach 3rd edition, Saddle River, NJ: Prentice Hall. 2009- 1132 P.
- Searle J. Minds, Brains, and Programs. The Philosophy of Artificial Intelligence / Boden M (ed.) Oxford. 1990. Впервые опубликовано в журнале: «The Behavioral and Brain Sciences», 1980, № 3, pp. 417–424. Сёрль, Дж. Сознание, мозг и программы. Перевод на русский язык: А. Л. Блинов. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 10.12.2013. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6661>
- Searle J. “What Your Computer Can’t Know,” *New York Review of Books*, 2014, October 9.

Источники

- Longman Dictionary of English Language and Culture, 1993
- Partridge E. A Dictionary of Catch Phrases American and British, from the Sixteenth Century to the Present Day. Ed. by P. Beale New York 1985

References

- Lippmann W. Public opinion, transl. Barchunova T. V., eds. Levinson K. A., Petrenko K. V. Moscow: Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”, 2004, 384 P. (In Russ.)
- Revzin G. Absolut stereotipa. Iskustvenny Intellect kak utopia sovremennosti// Zhurnal «Kommersant Weekend» №37 от 27.10.2023 <https://www.kommersant.ru/doc/6283695>,

- RBKTrend <https://trends.rbc.ru/trends/industry/64afba299a79478144e99ceb?from=copy>(accessed 31.10.2024)
- Tretyakova T. P. Functional Semantics and the Problem of Speech Stereotypes [Funktsional'naya semantika b problema rechevogo stereotipa. Avtoreferat doktorskoy dissertatsii Sankt Peterburg 1998, 38 p. (in Russian).
- Tretyakova T. P. On interpretation of modern stereotypes. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2015, 7(1): 201–208. (In Russian.)
- Tchernyavskaya V. E. Tekst i sotsialnyi kontekst: sotsiolingvisticheskii i diskursivnyi analiz smysloporozhdeniya
- Russell S., Norvig P, Artificial Intelligence: A Modern Approach *3rd edition*, Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2009. 1132 P.
- Searle J. Minds, Brains, and Programs. The Philosophy of Artificial Intelligence / Boden M (ed.) Oxford. 1990. Впервые опубликовано в журнале: «The Behavioral and Brain Sciences», 1980, № 3, pp. 417–424.
- Searle J. “What Your Computer Can’t Know,” *New York Review of Books*, 2014, October 9.

Туманян Дж. В.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЦИФРОВОЙ МИР: ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЯЗЫКОВУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Статья посвящена исследованию межкультурной коммуникации и цифрового мира, рассматриваются особенности влияния технологий на языковую идентичность. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Дается краткое обоснование проблем межкультурного общения в условиях современности, характеризующейся усиливающейся цифровизацией сферы коммуникации. Целью статьи является анализ межкультурной коммуникации и влияние технологий на языковую идентичность. В статье проведён комплексный анализ трансформации языковой идентичности под влиянием цифровых технологий в условиях межкультурной коммуникации. Исследование базируется на методах качественного анализа, включая контент-анализ текстов, публикуемых пользователями в социальных сетях, и полуструктурированные интервью. Установлено, что цифровая среда стимулирует процессы гибридизации языков, цифрового билингвизма и унификации языковых практик через англицизмы и заимствования. Выявлены ключевые вызовы, включая размывание локальных культурных кодов и снижение языковой грамотности. Одновременно отмечены перспективы использования цифровых технологий для сохранения языкового и культурного разнообразия, такие как цифровые архивы и платформы для обучения. Значимость работы заключается в раскрытии механизмов адаптации языков к глобальной цифровой среде и разработке рекомендаций по поддержанию языковой идентичности.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культура, цифровизация, коммуникация, глобализация, технология

John V. Tumanyan

St. Petersburg State University of Economics

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND THE DIGITAL WORLD: THE IMPACT OF TECHNOLOGIES ON LANGUAGE IDENTITY

The article is devoted to the study of intercultural communication in the digital world, focusing on the impact of technologies on language identity. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. A brief justification is provided for the problems of intercultural communication in the modern era, characterized by increasing digitalization of the communication sphere. The aim of the article is to analyze intercultural communication and the impact of technologies on language identity. A comprehensive analysis of the transformation of language identity under the influence of digital technologies in the context of intercultural communication has been conducted. The study is based on qualitative methods, including content analysis of texts published by users on social media platforms and semi-structured interviews with representatives of the target audience. It has been established that the digital environment stimulates processes of language hybridization, digital bilingualism, and the unification of linguistic practices through anglicisms and borrowings. Key challenges have been identified, including the erosion of local cultural codes and the decline in language literacy. At the same time, the potential of digital technologies for preserving linguistic and cultural diversity, such as digital archives and educational platforms, has been noted. The significance of the work lies in uncovering the mechanisms of

language adaptation to the global digital environment and proposing approaches to maintaining language identity.

Keywords: intercultural communication, culture, digitalization, communication, globalization, technology.

Введение

Цифровая революция изменила все аспекты современной жизни, включая то, как люди общаются, взаимодействуют и идентифицируют себя. В условиях глобализации цифровые технологии обеспечили доступ к международному сообществу, создали новые платформы для самовыражения и одновременно бросили вызов языковому и культурному разнообразию. Оказавшись в цифровом мире, люди вынуждены адаптировать своё языковое поведение, чтобы оно соответствовало требованиям транснациональной цифровой среды. На протяжении веков язык был основным средством самовыражения и носителем культурного кода. С распространением цифровых технологий границы между культурами стали стираться, и это стало влиять на языковую идентичность, особенно среди молодёжи. В этой статье мы исследуем, как цифровая среда меняет языковую идентичность, и рассмотрим, какие новые формы и способы её выражения возникают.

Основная часть

Влияние цифровых технологий на языковую идентичность

Как известно, цифровая среда отличается высокой степенью глобализации и универсализации, так как пользователи со всего мира взаимодействуют на единой технологической платформе.

Как отмечает В. Г. Адмони, социальные сети, мессенджеры, онлайн-форумы и видеоплатформы стали ключевыми пространствами для межкультурного общения [Адмони, 1998, с. 87]. Они позволяют людям из различных культур и стран не только поддерживать контакты, но и активно делиться знаниями, мнениями и культурными особенностями. Например, такие платформы, как Youtube и TikTok, становятся своеобразными «виртуальными мегаполисами», где языки смешиваются, создавая новые формы коммуникации.

По мнению М. Л. Макарова, пользователи заимствуют элементы культуры, сленга и стиля друг друга, создавая новую лингвистическую среду, которая часто выходит за рамки традиционного понятия «родной язык» [Макаров, 2003, с. 77].

Следует согласиться с мнением М. Л. Макарова о том, что именно молодёжь, наиболее активная в социальных сетях, становится носителем гибридных языковых форм, и это существенно влияет на их языковую идентичность. Явление цифровых коммуникаций, оказывающих влияние на языковую идентичность, можно проиллюстрировать на примере русско-армяноязычных пользователей социальных сетей, но для начала стоит рассмотреть влияние цифровых технологий на языковую идентичность.

Так, цифровые технологии способствуют унификации языковых практик, создавая универсальный культурный код. Как очень точно указывает Е. В. Головкин, английский язык играет в этом процессе ключевую роль: он стал глобальным языком, который большинство пользователей интернета используют для общения в международной среде [Головкин, 2015, с. 28].

Как полагает М. В. Ерасова, этот процесс имеет два основных последствия, где с одной стороны, английский становится средством для установления межкультурного

понимания, а с другой — он вытесняет локальные языки из различных сфер, таких как коммерция, наука и даже повседневное общение. Это может привести к утрате языковых особенностей и культурных различий, что несет в себе угрозу языковому и культурному многообразию [Ерасова, 2021, с. 75].

Как отмечают Л. Л. Касаткин и соавторы, цифровая среда способствует формированию уникальных гибридных форм языка, которые являются неотъемлемой частью нового феномена — цифрового билингвизма. Этот билингвизм подразумевает свободное использование пользователями двух и более языков одновременно, что создаёт уникальные сочетания [Касаткин, Ломовцев, 2022, с. 102].

Методы исследования

Для проведения исследования был выбран метод качественного анализа, который включал наблюдение и сбор данных из открытых профилей пользователей в социальных сетях, таких как «ВКонтакте», «Facebook» и «Instagram». Мы собрали образцы текстов, включая посты, комментарии и личные сообщения, от 100 участников (мужчины и женщины в возрасте от 18 до 30 лет). Данные были проанализированы с точки зрения частоты и контекста использования разных языков, а также тем, как языковые переключения отражают социальные, культурные и эмоциональные аспекты общения.

Для более глубокого понимания полученных данных также были проведены полуструктурированные интервью с 20 представителями целевой аудитории, что позволило выявить их личные мотивы и восприятие код-свитчинга.

Результаты и обсуждение

Итак, явление цифровых коммуникаций, оказывающих влияние на языковую идентичность, можно проиллюстрировать на примере использования код-свитчинга (code-switching) среди русско-армяноязычных пользователей социальных сетей. Код-свитчинг — это процесс, при котором говорящие переключаются между двумя или более языками или диалектами в ходе одного разговора или сообщения.

В контексте русско-армяноязычных пользователей социальных сетей, например, в «ВКонтакте», «Facebook» или «Instagram», мы можем наблюдать, как многие молодежные пользователи часто смешивают русский, армянский и английский языки в своих постах, комментариях и личных сообщениях. Это происходит по нескольким причинам:

- Социальная идентичность: Пользователи могут использовать армянский язык для выражения своей этнической идентичности и культуры, а русский язык — для большей доступности и коммуникации с широкой аудиторией. Это создает уникальную языковую идентичность, где обе языковые системы сосуществуют и дополняют друг друга.

- Заполнение языковых пробелов: если пользователь не знает, как сказать что-то на армянском (или русском) языке, он может просто переключиться на другой язык. Это часто происходит в молодёжной среде, где владение языками может быть неравномерным.

- Информация и контекст: в некоторых случаях определённые понятия, идеи или фразы легче выразить на одном языке, чем на другом. Например, английские термины в области технологий, моды или молодежной культуры воспринимаются как более современные и практичные, поэтому они могут использоваться в общении.

- Эмоциональное выражение: комбинация языков может стать формой эмоциональной самовыражения. Например, пользователи могут начать сообщение на армянском языке, но использовать эмоциональные восклицания или шутки на русском или английском, создавая более насыщенный контекст для коммуникации.

Такое явление код-свитчинга не только отражает гибкость пользователей в языковом выражении, но и формирует новую, смешанную идентичность, которая может восприниматься как более современная и открытая к культурным перемещениям. Это наглядно демонстрирует, как цифровые коммуникации способствуют изменению и адаптации языковой идентичности в условиях многоязычного взаимодействия.

Так, например, армяноязычные пользователи социальных сетей часто включают англицизмы в свою речь и используют интернет-жаргон, что приводит к созданию своеобразного «речевого салата», где английские и армянские слова используются вместе.

Например, популярными стали слова չեքի (chekel — проверить, от check), սեյվի (seyvel — сохранить, от save), փինկի (pingnel — напомнить, от ping), լայքի (like-el — ставить лайк) и ֆոլոуэринг (follower-ner — подписчики). Эти слова часто принимают армянские окончания и приспосабливаются к грамматике. В армянском также появляются смешанные фразы, где армянские слова и фразы дополняются английскими, например, Ի՞նչ ունենք weekend-ին (Inch' unenq weekend-in — что у нас на выходных?), ես invite չեմ ստացել (es invite chem stacel — я не получил приглашение), օրենքը քի follow չի սնունդ (orenq qez follow chi anum — закон тебя не фолловит/поддерживает). В армянском языке в цифровой среде также используются сокращения, такие как շնորհալիւ եմ сокращается до շնորհ (shnorakal em — спасибо), а տեսնենք հետո до տես (tesnenq heto — увидимся позже). Смешанные английско-армянские сокращения также стали нормой, например, ТУ вместо традиционного շնորհալիւ եմ. Подобные лингвистические гибриды можно наблюдать и в других языках, что демонстрирует адаптацию пользователей к цифровой среде и их стремление к интеграции в глобальное сообщество [Ожегова, 2019, с. 125].

Социальные сети и мессенджеры вводят пользователей в мир эмодзи, мемов, стикеров и гифок, которые стали важными элементами цифрового общения. Современные платформы позволяют интегрировать визуальные и текстовые элементы, создавая многослойные и разнообразные формы самовыражения. Например, использование эмодзи стало не просто универсальным языком общения, но и средством для передачи культурных значений и символов. Многие эмодзи приобрели символическую значимость, отражая определенные культурные значения и образы, что делает их важным элементом цифровой идентичности [Филиппов, 2020, с. 31].

Однако, анализ современного опыта, публикуемого на различных профильных форумах, сайтах образовательных организаций, а также в научных журналах, позволяет сделать вывод о том, что транснациональные цифровые платформы создают единые стандарты общения, и это ставит под угрозу традиционные формы языковой идентичности, так главные вызовы включают:

1. Размывание локальных культурных особенностей.

Унификация языковых практик, основанная на доминировании английского языка и цифрового сленга, приводит к постепенному вытеснению национальных языков и культурных особенностей. Локальные культуры могут потерять свою уникальность, если их языковые коды будут поглощены глобальными трендами и стандартами [Шейгал, 2023, с. 12].

2. Снижение культурного самосознания и уровня языковой грамотности.

Цифровая среда часто требует сокращений, упрощений и использования гибридных форм, что может повлиять на уровень языковой грамотности, особенно у молодежи. Некоторые исследователи отмечают, что постоянное использование сокращений и эмодзи снижает способность к полноценному выражению мыслей, влияя на когнитивные способности пользователей.

3. Утрата языковых и культурных особенностей.

В условиях глобализации, когда культурные и языковые коды становятся всё более универсальными, существует риск утраты уникальных черт отдельных культур. Локальные идиомы, фразеологизмы и даже диалекты могут исчезнуть, если они не будут активно использоваться в цифровой среде.

Вышесказанное позволяет заключить, что цифровая среда, несмотря на вызовы, предоставляет возможности для сохранения и поддержания культурного многообразия. В последние годы в интернете появились многочисленные инициативы по поддержке языков меньшинств. Платформы, такие, как и Living Tongues Institute и Duolingo, предлагают пользователям создавать контент на различных языках и изучать языки, которые находятся под угрозой исчезновения, а также поддерживают создание цифровых архивов для хранения и распространения информации об исчезающих языках. Это открывает перспективы для сохранения языкового и культурного наследия в условиях глобализации [Хализева, 2022, с. 96].

Более того, в цифровой среде появляются новые способы выражения локальной культурной идентичности. Национальные символы, традиционные образы и фольклорные элементы могут быть интегрированы в цифровые форматы, такие как эмодзи и мемы, что позволяет людям сохранять свои культурные коды в условиях глобализации.

Заключение

Вышесказанное позволяет сделать объективное заключение о том, что цифровая среда создаёт новые возможности и бросает вызовы для межкультурной коммуникации и языковой идентичности. Технологии изменяют формы взаимодействия, стирая границы между культурами и заставляя пользователей адаптировать свои языковые и культурные практики. Однако сохранение языкового и культурного многообразия требует осознанного подхода, направленного на поддержание локальных языков и культурных ценностей в условиях глобализации.

Таким образом, будущее языковой идентичности во многом зависит от способности мирового сообщества сохранить баланс между глобализацией и локализацией. В условиях цифровой трансформации важно создавать и поддерживать платформы, которые будут способствовать сохранению культурных традиций и обеспечивать доступ к культурному разнообразию в глобальном масштабе.

Литература

- Адмони В. Г. Основы теории языка. Санкт-Петербург: Наука, 1998. С. 180
- Головкин Е. В. К проблеме языковой идентичности в условиях глобализации // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 28-41.
- Ерасова М. В. Цифровая среда и трансформация языковой идентичности // Лингвистика и культура. 2021. Т. 5. № 2. С. 75-89.
- Касаткин Л. Л., и Ломовцев А. Н. Влияние англицизмов на русский язык в цифровую эпоху // Язык и культура. 2022. Т. 43. С. 102-114.
- Макаров М. Л. Теория коммуникации. Москва: Логос, 2003. С. 230
- Ожегова Л. В. Языковая политика и языковая идентичность в эпоху глобализации. Москва: РГГУ, 2019. С. 184
- Филиппов С. Е. Цифровой билингвизм и его проявления в молодежной среде // Вестник современной филологии. 2020. Т. 15. С. 31-45.
- Хализева Н. Н. Межкультурная коммуникация в условиях цифрового общества. Екатеринбург: УрФУ, 2022. С. 242

Шейгал Е. И. Лингвокультурные аспекты цифровой коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 1. С. 12-27.

References

- Admoni V. G. Fundamentals of language theory. St. Petersburg: Nauka, 1998. p. 180
- Filippov S. E. Digital bilingualism and its manifestations in the youth environment // Bulletin of modern Philology. 2020. Vol. 15. pp. 31-45.
- Golovko E. V. On the problem of linguistic identity in the context of globalization // Questions of linguistics. 2015. No. 3. pp. 28-41.
- Kasatkin L. L., Lomovtsev A. N. The influence of Anglicisms on the Russian language in the digital age // Language and Culture. 2022. Vol. 43. pp. 102-114.
- Khalizeva N. N. Intercultural communication in a digital society. Yekaterinburg: UrFU, 2022. p. 242
- Makarov M. L. Theory of communication. Moscow: Logos, 2003. p. 230
- Ozhegova L. V. Language policy and language identity in the era of globalization. Moscow: RSUH, 2019. p. 184
- Sheigal E. I. Linguocultural aspects of digital communication // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2023. No. 1. pp. 12-27.
- Yerasova M. V. Digital environment and transformation of linguistic identity // Linguistics and culture. 2021. Vol. 5. No. 2. pp. 75-89.

ИНТЕГРАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КИТАЙСКИХ ИСКУССТВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ПРАКТИКУ: ПУТЬ К ЭФФЕКТИВНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА

Данная статья посвящена исследованию роли традиционной китайской живописи (гохуа) и каллиграфии в образовательной практике преподавания китайского языка в России. Целью исследования является выявление потенциала междисциплинарного подхода, включающего элементы китайского искусства, для повышения эффективности обучения китайскому языку и глубокого погружения в культурный контекст. Задачи исследования включают анализ современных тенденций в изучении китайского языка, выявление трудностей, связанных с его освоением, и оценку эффективности интегрированных методик на примере опыта Санкт-Петербургского государственного университета. Особое внимание уделено использованию мультимодальных подходов, контекстуальному обучению и созданию благоприятной среды для межкультурной адаптации. Основные результаты показывают, что включение гохуа и каллиграфии существенно улучшает понимание студентами культурных особенностей китайского языка, способствует развитию эстетического восприятия и укреплению ассоциативных связей с культурой Китая. Отмечается значительное повышение мотивации учащихся и улучшение их коммуникативных навыков. Делается вывод о значительном потенциале междисциплинарного подхода для повышения качества преподавания и освоения китайского языка, интеграции культурных аспектов в образовательный процесс который открывает новые перспективы для совершенствования методик преподавания восточных языков.

Ключевые слова: китайский язык, гохуа, каллиграфия, междисциплинарный подход, межкультурная адаптация, образовательные практики.

Alisa Chernitskaia

St. Petersburg University

INTEGRATING TRADITIONAL CHINESE ARTS IN EDUCATION: TRANSFORMING LANGUAGE LEARNING EXPERIENCES

This article explores the role of traditional Chinese painting (gohua) and calligraphy in the educational practice of teaching Chinese language in Russia. The study aims to uncover the potential of an interdisciplinary approach that incorporates elements of Chinese art to enhance the effectiveness of language learning and facilitate deep immersion in the cultural context. Key objectives include analyzing current trends in Chinese language learning, identifying challenges faced by learners, and evaluating the effectiveness of integrated methodologies through the experiences at St. Petersburg University. Special attention is paid to multimodal approaches, contextualized learning, and the creation of a supportive environment for intercultural adaptation. The findings indicate that incorporating gohua and calligraphy significantly improves students' understanding of the cultural nuances of the Chinese language, promotes the development of aesthetic perception and strengthens associative links with Chinese culture. Notably, there is a marked increase in student motivation and improvement in communication skills. It is concluded that the interdisciplinary approach has a significant potential to improve the quality of Chinese

language instruction, and that integrating cultural elements into the educational process opens new perspectives for advancing the teaching of Oriental languages.

Keywords: Chinese language, Gohua, calligraphy, interdisciplinary approach, intercultural adaptation, educational practices.

Введение

Интерес к изучению китайского языка в России продолжает расти, что обусловлено как культурными факторами, так и изменением вектора международных проектов с Запада на Восток [Соловьев, 2018]. Более того, российско-китайские отношения сейчас находятся на высшем уровне, особенно в политической и экономической сферах. Перспективы дальнейшего сотрудничества между Россией и Китаем выглядят многообещающими и охватывают несколько ключевых направлений, включающих экономическое партнерство, технологическое сотрудничество и продолжение интеграции в рамках ШОС и БРИКС [Бабаев, 2024]. На рынке труда спрос на специалистов со знанием китайского языка стабильно растет, и в 2024 году доля таких вакансий увеличилась на 63% по сравнению с предыдущим годом [Forbes. ru 2024]. Сегодня китайский язык занимает одно из первых мест среди наиболее востребованных иностранных языков после английского в российских учебных заведениях; уже 150 университетов и около 200 средних школ ввели занятия по китайскому языку [Российская газета 2024]. К 2024 году число российских студентов, изучающих китайский язык, достигло 113 тысяч, что в два раза больше, чем два года назад. Только в Москве за последний год количество школ, предлагающих изучение китайского языка, увеличилось вдвое, с 44 до 98.

Несмотря на заметный рост интереса, изучение китайского языка сопровождается значительными трудностями, вызванными радикальными отличиями между китайским и русским языками, такими как тональная система и иероглифическая письменность. Чтобы преодолеть эти различия, необходимы новые методики, выходящие за рамки стандартных грамматических упражнений и лексических практик. Одним из перспективных решений, имеющим большой потенциал, является междисциплинарный подход. Так, обращение к традиционным видам искусства, китайской живописи и каллиграфии, позволяет сделать процесс изучения китайского языка не только более эффективным, но и глубоко погружающим студентов в культурный контекст.

Целью данного исследования является изучение роли традиционной китайской живописи (гохуа, 国画) и каллиграфии в образовательной практике преподавания китайского языка.

Для достижения данной цели были поставлены **задачи** изучить влияние традиционных видов искусства на эффективность изучения китайского языка; рассмотреть методы их интеграции в образовательный процесс; и оценить потенциал междисциплинарного подхода для улучшения качества преподавания китайского языка.

При проведении исследования были использованы **методы** литературного обзора и кейс-стади (case study).

Теоретический анализ литературы

Язык является отражением культуры и мировоззрения, а также тесно связан с философскими концепциями и символизмом той цивилизации, которой он принадлежит. Эти взаимосвязи играют особенно важную роль в изучении китайского языка, так как он формировался и развивался в рамках единой культурной системы, в которой каждый элемент, будь то искусство, философия или письменность, несет совокупность смыслов и символов [Кудашев, 2024]. С этой точки зрения, традиционная китайская живопись (国画),

guóhuà) и каллиграфия становятся эффективными средствами для понимания культурных феноменов и философских основ.

Знакомство с путем «вхождения каллиграфии в живопись», которым последние несколько сот лет следует практика китайского искусства, может помочь изучающим китайский язык в понимании иероглифики, которая вызывает особенные сложности у российских студентов [Пу, 2010]. Эта практика приближает к пониманию композиционной структуры иероглифа, что позволяет избежать ряда устойчивых общих ошибок и заблуждений, таких как, корреляция количества строк в иероглифе с акустической длительностью самого слова. Таким образом, интеграция традиционной живописи и каллиграфии в образовательный процесс не только создаёт необходимый визуально-эстетический фон, облегчающий восприятие графики китайского языка, но и развивает способность к аналитической оценке структуры иероглифа.

Последовательное изучение китайского языка невозможно без глубокого погружения в культурный контекст, где традиционная живопись и каллиграфия выступают как важные вспомогательные инструменты. Их использование способствует лучшему пониманию языка, повышает мотивацию, развивает аналитическое мышление, расширяет кругозор и облегчает коммуникацию. Искусство не только служит платформой для общения, но и способствует развитию межкультурных компетенций, необходимых для успешного диалога в условиях глобализации [Переславцева, 2021].

Психологический аспект играет ключевую роль в успешном изучении китайского языка. Создание комфортной среды, развитие доверительных отношений с преподавателями и группой способствуют снижению барьеров восприятия. Погружение в культурную среду, связанное с изучаемым языком, стимулирует когнитивные процессы, помогает развивать «чувство языка» и, в целом, укрепляет личную мотивацию [Гриченко, 2021]. Актуальные исследования в области языковой антропологии и педагогики подтверждают, что такое погружение значительно способствует эффективному усвоению материала и быстрому приобретению языкового опыта [Малая, 2017].

Кейс-стади (case study)

Основной гипотезой исследования являлось предположение о том, что интеграция традиционной китайской живописи (гохуа, 国画)) и каллиграфии в образовательный процесс может повысить эффективность обучения. Предметом изучения стали практики внедрения традиционных китайских искусств в образовательные программы на примере конкретных кейсов, реализованных в Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ), для оценки потенциала междисциплинарного подхода для повышения качества преподавания и освоения китайского языка в современных условиях.

Рассмотрим опыт СПбГУ по организации образовательных программ (курсы, мастер-классы, другие мероприятия) по китайской живописи и каллиграфии.

В 2023 году СПбГУ стал первым российским вузом, открывшим дополнительную образовательную программу «Традиционная китайская живопись гунби» [spbu.ru 2023], посвященную практическим основам этого художественного стиля. Автором программы является Ту Чжунь, практикующий художник и аспирант СПбГУ. Многолетний опыт и глубокие знания техники гунби, полученные им с раннего возраста под руководством своих предков, активная выставочная деятельность как в Китае, так и в России, а также работа над диссертацией, посвящённой историческим аспектам стиля гунби, подчеркивают его высокий профессиональный уровень в области традиционной китайской живописи. Стиль традиционной китайской живописи гунби (переводится на русский язык как «тщательная кисть»), также как и каллиграфия, требует высокой степени мастерства в обращении с кистью. Правильное удержание кисти, контроль давления и движения руки являются

ключевыми элементами как в каллиграфии, так и в гунби. Более того, китайская культура рассматривает каллиграфию и живопись как единое целое, исходящее из одного источника. Обе формы искусства воплощают философские идеи гармонии, баланса и красоты, отражающие духовную сущность и внутренний мир автора.

На протяжении нескольких лет факультет иностранных языков (ФИЯ) в сфере экономики и права СПбГУ организует занятия по каллиграфии и художественные выставки, посвящённые китайскому искусству, направленные на популяризацию китайского языка и культуры. Так, с 2022 по 2024 год было проведено пять мероприятий, посвящённых Празднику Середины Осени и Китайскому Новому году, в рамках которых прошли четыре мастер-класса по китайской каллиграфии и живописи, а также выставки, собравшие около 400 участников. Особенностью мероприятий является приглашение уникальных представителей в области китайских искусств. В 2024 году провел мастер-класс Цзянхун Гу, студент СПбГУ и единственный в Петербурге мастер традиционной китайской живописи карамелью танхуа. По нашим наблюдениям, с 2022 года наблюдается рост количества студентов, посещающих мероприятия. Более 10% студентов факультета начали обучение в школах китайской каллиграфии и живописи. В феврале 2025 года также запланировано проведение праздника Весны на ФИЯ СПбГУ.

Дополнительным элементом образовательного процесса является возможность студентов наблюдать за работой мастера китайской живописи, члена Союза художников России Вячеслава Синкевича [sinkeart.com 2024], в реальном времени.

Вячеслав Синкевич посвятил более тридцати пяти лет совершенствованию в традиционной китайской живописи гохуа. На его творчество оказали значительное влияние современные выдающиеся мастера.

Первым учителем Синкевича стал художник Хань Лэцзи, выпускник Центральной академии художеств в Пекине и Академии художеств имени Репина в Санкт-Петербурге. Его выставки проходят по всему миру, а его творчество высоко ценится коллекционерами разных стран. Сейчас Хань Лэцзи преподаёт на факультете изобразительного искусства Центральной академии драмы. Огромное влияние на Вячеслава Синкевича оказал Ли Ганцзюнь — известный художник, каллиграф, педагог и общественный деятель. Под его руководством Синкевич глубоко погрузился в китайскую изобразительную традицию, освоив уникальные приемы работы на рисовой бумаге и шелке. Позже он самостоятельно изучил искусство резьбы каменных печатей, ставшее неотъемлемой частью его творчества. Наставник дал ему имя Син Кэ 辛科 (xīn kē), что подчеркивает аутентичность и соответствует художественному стилю его работ. Произведения Синкевича получили признание в России, Европе и Китае. Уже почти 15 лет он преподаёт традиционную китайскую живопись, обучив свыше 2190 учеников из 11 стран мира, большинство из которых составляют россияне. Синкевич неоднократно подчеркивал, что для истинного восприятия гохуа недостаточно одного лишь копирования классических образцов. Необходимо овладеть каллиграфией, а также изучать китайский язык и культуру. Этот подход подчеркивает важность междисциплинарного подхода, демонстрируя, что полное понимание любой культурной формы невозможно без интеграции с другими ее аспектами. В процессе изучения китайской живописи студенты погружаются не только в образы, но и в символику, стоящую за ними, что обогащает их культурный и эстетический опыт.

Результаты исследования и обсуждение

Результаты исследования показали, что студенты СПбГУ, прошедшие обучение по дополнительной образовательной программе «Традиционная китайская живопись гунби», и активно участвующие в мероприятиях ФИЯ СПбГУ, демонстрируют улучшение навыков владения иероглификой, лучшую аудильную и разговорную компетенцию, а также

повышение мотивации к изучению китайского языка и культуры. Так, после изучения искусств студенты СПбГУ, посетившие Китай, показали более уверенное владение навыками написания иероглифов и лучшее понимание культурных реалий Китая. Они демонстрируют интерес к участию в выставках работ от школы каллиграфии и китайской живописи, работают преподавателями китайского языка и в рамках уроков передают знания об искусстве Китая своим ученикам.

Опыт СПбГУ показывает, что применение мультимодальных и контекстуальных подходов значительно улучшает качество преподавания китайского языка. В частности, участие в национальных китайских праздниках, таких как Праздник середины осени и Китайский Новый год, позволяет студентам глубже погрузиться в культурную среду. Личный опыт организации и участия в таких мероприятиях [vk.com 2024], опыт преподавания китайского языка, а также положительные отзывы участников [vk.com 2022] позволяют сделать вывод о повышении мотивации и интереса к изучению китайского языка, а также лучшего понимания культурных реалий. Проведение мастер-классов по каллиграфии, занятия китайской живописью, кулинарные мастер-классы и выступления студенческих ансамблей помогают студентам чувствовать себя более уверенно, снижают коммуникативную тревожность и повышают вовлеченность в образовательный процесс.

Наше исследование подтверждает, что интеграция традиционных китайских искусств в образовательный процесс является эффективным методом повышения качества преподавания китайского языка. На основе изученного опыта, можно сделать вывод, что одним из важных факторов успешности образовательных и культурных программ в области традиционных китайских искусств является уровень подготовки и опыт преподавателей. Однако, основными ограничениями исследования являются временной период и количество студентов, т.к. программа началась только в 2023 году, что не позволяет получить значительную выборку.

Соответственно, дальнейшие исследования должны быть направлены на расширение масштабов эксперимента, включение большего числа участников и проверку результатов на различных группах студентов. Кроме того, интересным направлением могло бы стать изучение долгосрочных эффектов участия в программах, связанных с традиционными видами искусств, включая их влияние на карьеру и профессиональное развитие выпускников СПбГУ. Это позволит получить более полную картину о вкладе традиционных китайских искусств в процесс изучения языка и культуры.

Заключение

Таким образом, интеграция художественных практик может стать новым направлением в развитии методик преподавания китайского языка, а также основой для более гибкого внедрения инновационных образовательных инструментов. Опыт Санкт-Петербургского государственного университета в этом отношении может быть полезен и другим российским вузам, поскольку в современных условиях реализация междисциплинарного подхода в обучении приобретает особую значимость для формирования синтетического мышления у студентов. Спрос на владение китайским языком в различных сферах российской экономики и культурной среды безусловно увеличивает его значимость как учебного предмета. Это стимулирует поиск новых форм и педагогических инструментов, способных сделать процесс обучения более эффективным.

Литература

- Бабаев К. В. От 75-летия к 100-летию: что ждет российско-китайские отношения в новую эпоху // Журнал «Российское Китаеведение». 2024. Том 3(8). С. 6–9.
- Гриценко В. В., Хухлаев О. Е., Зинурова Р. И., Константинов В. В., Кулеш Е. В., Малышев И. В., Новикова И. А., Черная А. В. Межкультурная компетентность как предиктор адаптации иностранных студентов // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 1. С. 102–112. DOI: 10.17759/chp.2021170114
- Кудашев Н. «Китай – безграничный источник мудрости, политического опыта, культурного достояния, художественного наследия, этнического и иного разнообразия» // Журнал «Российское Китаеведение». 2024. Том 1(6). С. 6–9.
- Малая А. Г., Ключкова Н. В., Коротышева Ю. Н., Воронюк Ю. С., Ли Чжун Минь. Новые педагогические условия обучения китайскому языку // Вестник науки и образования. 2017. № 7(31), том 1. С. 59–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-pedagogicheskie-usloviya-obucheniya-kitayskomu-yazyku> (дата обращения: 26.10.2024).
- Переславцева Л. И. Межкультурное взаимодействие в образовательной среде вуза как фактор профессионально-личностного развития студентов // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 4 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnoe-vzaimodeystvie-v-obrazovatelnoy-srede-vuza-kak-faktor-professionalno-lichnostnogo-razvitiya-studentov> (дата обращения: 26.10.2024).
- Пу, Ш. Краткое рассуждение о взаимосвязи китайской каллиграфии и живописи тушью / Ш. Пу // Китай: история и современность : Материалы научно-практической конференции, Екатеринбург, 17 ноября 2010 года. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2011. – С. 30-34. – EDN LANMCS.
- Соловьёв С. С. Социологический анализ вызовов роста популярности китайского языка в России // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2018. Вып. 1 (794). С. 255–275. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskij-analiz-vyzovov-rosta-populyarnosti-kitayskogo-yazyka-v-rossii> (дата обращения: 26.10.2024).
- Китайский новогодний фестиваль // vk.com 20 февраля 2024 г. URL: https://vk.com/wall-213092135_519
- “Не рисуй для кого-то, рисуй для себя” — основной творческий принцип Вячеслава Синкевича // sinkeart.com URL: sinkeart.com/about
- Образовательные и культурные обмены стали важным компонентом отношений РФ и КНР // rg.ru 31 мая 2024 г. URL: rg.ru/2024/05/31/molodye-rossiiane-hotiat-izuchat-kitajskij-jazyk.html
- СПбГУ запускает первую в России дополнительную образовательную программу, посвященную традиционной китайской живописи гунби // spbu.ru 23 апреля 2023 г. URL: spbu.ru/news-events/novosti/spbgu-zapuskayet-pervuyu-v-rossii-dopolnitelnuyu-obrazovatelnuyu-programmu
- Число стolicных школ с китайским языком за год удвоилось. Forbes Education – обучение за рубежом и в России // Forbes.ru 5 сентября 2024 г. URL: forbes.ru/education/520624-cislo-stolicnyh-skol-s-kitajskim-azykom-za-god-udvoilos?ysclid=m3x5quekj6408281050
- Mag & Pies Feedback // vk.com 2022 г. URL: https://vk.com/topic-213092135_48881594

References:

- Babaev K. V. Ot 75-letija k 100-letiju: chto zhdet rossijsko-kitajskie otnoshenija v novuju jepohu // Zhurnal «Rossijskoe kitaevedenie». 2024. Tom 3(8), 6-9.
- Gricenko V. V., Huhlaev O. E., Zinurova R. I., Konstantinov V. V., Kulesh E. V., Malyshev I. V., Novikova I. A., Chernaja A. V. Mezhkul'turnaja kompetentnost' kak prediktor adaptacii inostrannyh studentov // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2021. Tom 17. № 1, 102-112.

- Kudashev N. «Kitaj – bezgranichnyj istochnik mudrosti, politicheskogo opyta, kul’turnogo dostojanija, hudozhestvennogo nasledija, jetnicheskogo i inogo raznoobrazija» // Zhurnal «Rossijskoe kitaevedenie». 2024. Tom 1(6), 6-9.
- Malaja A. G., Klochkova N. V., Korotysheva Ju. N., Voronjuk Ju. S., Li Chzhun Min’. Novye pedagogicheskie uslovija obuchenija kitajskomu jazyku // Vestnik nauki n obrazovanija. 2017. № 7(31), tom 1, 59-65.
- Pereslavceva L. I. Mezhkul’turnoe vzaimodejstvie v obrazovatel’noj srede vuza kak faktor professional’no-lichnostnogo razvitiya studentov // Uchjonye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 4 (60).
- Pu, Sh. Kratkoe rassuzhdenie o vzaimosvjazi kitajskoj kalligrafii i zhivopisi tush’ju / Sh. Pu // Kitaj: istorija i sovremennost’ : Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, Ekaterinburg, 17 nojabrja 2010 goda. Ekaterinburg: Ural’skij federal’nyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El’cina, 2011. –30-34. – EDN LAHKMC.
- Solov’jov S. S. Sociologicheskij analiz vyzovov rosta populjarnosti kitajskogo jazyka v Rossii // Vestnik MGLU. Obshhestvennye nauki. 2018. Vyp. 1 (794), 255-275.
- Kitajskij novogodnij festival’ // vk.com 20 fevralja 2024 g. URL: https://vk.com/wall-213092135_519
- “Ne risuj dlja kogo-to, risuj dlja sebja”— osnovnoj tvorcheskij princip Vjacheslava Sinkevicha // sinkeart.com URL: sinkeart.com/about
- Obrazovatel’nye i kul’turnye obmeny stali vazhnym komponentom otnoshenij RF i KNR // rg.ru 31 maja 2024 g. URL: rg.ru/2024/05/31/molodye-rossiiane-hotiat-izuchat-kitajskij-azyk.html
- SPbGU zapuskaet pervuju v Rossii dopolnitel’nuju obrazovatel’nuju programmu, posvjashhennuju tradicionnoj kitajskoj zhivopisi gunbi // spbu.ru 23 aprelja 2023 g. URL: spbu.ru/news-events/novosti/spbgu-zapuskaet-pervuyu-v-rossii-dopolnitelnuyu-obrazovatelnuyu-programmu
- Chislo stolicnyh shkol s kitajskim jazykom za god udvoilos’. Forbes Education – obuchenie za rubezhom i v Rossii // Forbes.ru 5 sentjabrja 2024 g. URL: forbes.ru/education/520624-cislo-stolicnyh-shkol-s-kitajskim-azykom-za-god-udvoilos?ysclid=m3x5quekj6408281050
- Mag & Pies Feedback // vk.com 2022 g. URL: https://vk.com/topic-213092135_48881594

Чжао Жонань

Санкт-Петербургский государственный университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СТРАТЕГИЙ ПРОДВИЖЕНИЯ В НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ

В современном академическом сообществе наблюдаются изменения в том, как читателям преподносится информация о ходе и результатах исследования. С возникновением и распространением интернета и, в связи с этим выработанной в глобальном масштабе системой управления научной информацией ученые, приобретая свободу в выборе способа представления и интерпретации научных результатов, имеют возможность распространить результаты своих исследований в компактном текстовом формате и ярче себя выразить в серьезных текстах, что положило индивидуально-авторское начало использованию средств продвижения в научных работах. Стратегия продвижения представляет собой совокупность языковых средств, способствующих позитивной репрезентации результатов исследований. В статье особое внимание уделяется предложенной К. Хайландом модели взаимодействия автора с читателем и классификации метадискурсивных маркеров. В результате исследования выявляются языковые маркеры стратегий продвижения, описываются их прагматические функции в текстах научных лингвистических статей на русском языке.

Ключевые слова: академическое письмо, научный стиль, стратегия продвижения, метадискурс, текстуальные маркеры

Zhao Ruonan

St. Petersburg University

A RESEARCH OF LANGUAGE PROMOTIONAL STRATEGIES IN ACADEMIC ARTICLES

In the modern academic community, there are changes in the way information about the progress and results of research is presented to readers. With the emergence and spread of the Internet and, in connection with this, a globally developed scientific information management system, scientists, gaining freedom in choosing the way to present and interpret scientific results, have the opportunity to disseminate the results of their research in a compact text format and express themselves more vividly in serious texts, which marked the individual author's beginning to use means of promotion in scientific papers. The promotional strategy is a set of linguistic tools that contribute to the positive representation of research results. The article pays special attention to the model of author-reader interaction proposed by K. Hyland and the classification of meta-discursive markers. As a result of the research, the linguistic markers of promotion strategies are identified, their pragmatic features are described.

Keywords: academic writing, scientific style, promotional strategy, metadiscourse, textual markers

Введение

«Осознание проблемы представления нового научного знания возникло как результат осмысления новых приоритетов и сложных задач в научной коммуникации в первые десятилетия 21 века» [Чернявская 2017, с. 8]. Как отмечает Э. С. Чуйкова, что «стиль

современного академического текста тяготеет к публицистичности» [Чуйкова, 2015, с. 156]. Авторы научных статей «приобретают определенную свободу в выборе способа представления своих исследований и интерпретации достигнутых результатов, они могут сознательно или подсознательно влиять на читателей или даже навязывать им оценочные интерпретации или суждения» [Millar et al. 2019, p. 53]. Использование так называемых стратегий продвижения (англ. promotional strategies) – совокупности языковых средств, способствующих позитивной репрезентации результатов исследований, с одной стороны, служит доказательством компетентности авторов научных статей в новое время, а с другой стороны, имеет большое значение для организации научного текста, помогает адресату ориентироваться в тексте и правильно интерпретировать информацию и коммуникативные намерения автора.

В последние два десятилетия стратегия продвижения в научном дискурсе неоднократно оказывалась в фокусе внимания исследователей, которые использовали в работах различные термины, такие как, в частности, «бустеризм» [Swales 1990], «рекламный дискурс» [Lindeberg 2004], «позиция и включенность» [Hyland 2005], «элементы продажи» [Bhatia 2014], «лексика с оценками» [Fraser & Martin 2009], «лингвистическая склонность» [Lazarus et al. 2015], «утрирование» [Millar et al. 2019] и «язык оценок» [Hunston, Thompson 2000; Чернявская 2022].

«Дискурсивные практики представляют собой не только пропозициональное, но и интеракциональное пространство, предполагающее динамику межличностных отношений в процессе речевого взаимодействия» [Богинская, 2024, с. 23]. Выражение авторской позиции и взаимодействие с релевантными адресатами исследуются К. Хайландом как «авторская позиция» (англ. stance) и «включенность» (англ. engagement). Опираясь на модель межличностной коммуникации, К. Хайланд исследует взаимодействие между автором и читателем и использует термин «метадискурс». Между тем как У. Ванде Коппле определяет метадискурс как набор элементов текста, передающих нереперенциальные значения, и выделяет две группы метадискурсивных маркеров: текстовые и межличностные [Korple, 1985, с. 86], К. Хайланд подразделил метадискурсивные маркеры на две группы: интеракциональные (англ. interactional) и интерактивные (англ. interactive), которые используются в дискурсе для того, чтобы выражать позицию и отношение автора и формировать организацию дискурса. Наше понимание авторской позиции и включенности во многом согласуется с определением, данным К. Хайландом, поэтому в качестве методологической базы данного исследования выступает таксономия интерактивных и интеракциональных маркеров К. Хайланда.

Материал и методы исследования

Материалом данного исследования выступают 15 научных статей, опубликованных в 2023 г. в лингвистическом журнале *Acta Linguistica Petropolitana*, одним из ведущих в области лингвистических исследований на русском языке. Рассмотренные нами статьи были отобраны методом сплошной выборки. Общее количество слов в исследуемом корпусе составило 496,838. Описательный метод и объяснительный метод позволили выявить особенность использования языковых маркеров стратегий продвижения и их функции в лингвистических статьях.

Целью данной статьи является контекстуальный анализ метадискурсивных маркеров в лингвистических статьях как маркеров стратегий продвижения, с помощью которых осуществляются позитивное представление научной информации и создание уважительных отношений между автором и читательской аудиторией. Для достижения поставленной цели выявляются языковые маркеры стратегий продвижения, описываются их прагматические функции в текстах научных лингвистических статей.

Результаты исследования: интеракциональные маркеры

Интеракциональные маркеры направлены на то, чтобы контролировать степень проявления своей индивидуальности в тексте, выражать авторское отношение к пропозициональному содержанию и выстраивать диалог с читателем. К. Хайланд выделил пять категорий интеракциональных маркеров:

Хеджи (англ. *hedges*) – языковые средства, позволяющие смягчить категоричность авторских утверждений. В этой функции наиболее частотными средствами выявлены (*не*) *более*, *возможно*, и *может быть*. Следует отметить, рассмотренные тексты изобилуют средствами уменьшения категоричности высказывания, использовались учеными разнообразные языковые средства представления информации: *оказалось*, *по-видимому*, *(как) кажется*, маркеры со значением «возможности», выражающие предположение автора об истинности информации как одну из интерпретаций, как *видимо*, *возможно*, *по всей видимости*, средства выражения с ограниченным смыслом для смягчения категоричности утверждения: *более и менее*, *в той или иной степени*, *(не) более* и т.д.. Встречались и средства выражения на основе деинтенсификации признака: *своего рода*, *типа*. С помощью лексических маркеров со значением предположения и возможности, авторы научных статей выбирают подходящий способ представления информации и управляют восприятием читателей, см. (1)

- (1) *Так, в нашем случае, человек, который ищет в интернете информацию о заболевании и симптомах, скорее всего, обратится к источнику* [Руднева, 2023, с. 254].

Как отмечает К. Хайланд, «авторы стремятся к согласию в отношении наиболее убедительных утверждений, которые они могут привести в качестве доказательств, и в то же время нейтрализуют возможность возражений» [Hyland, 1996, с. 449]. В (1), маркер *скорее всего* служит показателем вежливой дистанции, он позволяет смягчить категоричность авторского утверждения, превратить исследовательский факт в возможное мнение, что будет более приемлемым для читателей.

Бустеры (англ. *boosters*) представляют собой языковые маркеры, усиливающие пропозициональное содержание высказывания. В исследуемом корпусе обнаружили средства как «эвиденциальные показатели» на основе общепринятом знании или результатах исследования: *как известно*, *разумеется*, *конечно*, *очевидно*, *безусловно* и т. д. Средства уточнения тоже употреблялись для смягчения категоричности: *лишь*, *только*, *не только... но и*. Немалое значение имеют и маркеры, выражающие абсолютную уверенность: *полностью*, *вполне*, *в полной мере*, *совершенно*. Наиболее частотными маркерами усиления категоричности утверждений и выражения уверенности авторов выступают бустеры *именно*, *очевидно*, и *только*. С помощью бустеров авторы заостряют внимание адресатов на полученных результатах, чтобы убедить их в достоверности и истинности своих утверждений и получить их поддержку:

- (2) *Как известно, основные проблемы, связанные с использованием параллельных корпусов, заключаются в качестве присутствующих в них переводов* [Плунгян, 2023, с. 19].

В данном примере при помощи маркера *как известно* автор усиливает убедительность утверждения посредством представления ситуации для читателей как общеизвестной. Как утверждает С. Т. Нефедов, «при включении общепринятых научных положений в качестве поддерживающих опорных моментов для своей собственной аргументации автор выбирает надежный путь склонить целевого адресата на свою сторону» [Нефедов, 2017, с. 607].

Маркеры отношения (англ. *attitude markers*) – средства выражения авторской оценки как к обсуждаемым наблюдениям предшественников, так и к результатам своего

исследования, включая удивление, согласие, значимость и т. д. В этой связи самыми частотными оказались *необходимо, следует и интересно*. Ср., например:

- (3) *Интересно также сочетание в лексемах «ням» и «ляпа (лапаш)» семантики пищи (пищевой код) и семантики пятнания, пачканья* [Ключева, 2023, с. 187].

Языковые маркеры отношения, обозначающие необходимость и долженствование, положительно воспринимаются читателями, помогают подчеркнуть значимость выбранной автором методологии по отношению к решаемым проблемам, обращают внимание читателей на пропозициональное содержание. Они имеют функцию «показать важность принятия мер как адресатам, так и самому автору. Следовательно, автор пытается добиться солидарности с читателями» [Жаркынбекова, Байбатырова, 2019, с. 195]. Ярким примером служит (4).

- (4) *В первую очередь следует сказать, что новый синтез исследований о диалектах был опубликован Милошем Окукой – «Српски дијалекти» («Сербские диалекты», 2008)* [Милорадович, 2023, с. 78].

Представители научного сообщества активно употребляют **маркеры автореференции** (англ. self mentions), преимущественно личные местоимения 1-го лица единственного и множественного числа: *я* и *мы* в роли подлежащего. Свою роль играет притяжательное местоимение *наш* с его разными формами: *наша, наше, наши, нашей, нашего, наших, нашу, нашим*. По утверждению К. Хайланда, это «тесно связано с желанием как решительно отождествить самого себя с конкретным аргументом, так и получить признание за личную позицию» [Hyland, 2005, с. 183]:

- (5) *Мы утверждаем, что без такого подхода к диалектному материалу невозможно было бы заложить прочные основы для постановки новых проблем и поиска новых направлений исследований* [Милорадович, 2023, с. 90].
- (6) *Именно поэтому начальным стимулом для наших исследований было стремление получить хотя бы предварительный ответ на вопрос* [Плунгян, 2023, с. 20].

Существует традиция, согласно которой авторы научных статей предпочитают использовать местоимение «мы» вместо «я», что иногда кажется стремлением ухода от ответственности. Мы поддерживаем точку зрения Н. В. Соловьевой о том, что посредством местоимения «мы» следует считать не «снятие ответственности», а «стремление автора к самоидентификации и диалогу с читателем» [Соловьева, 2021, с. 72]. Эта позиция о перекликается с идеей Л. Б. Кузнецовой и С. А. Сучковой, которые при обсуждении вопроса «актив или пассив? «я» или «мы?»» утверждают, что «хотя и не существует единого мнения насчет степени деперсонализации научного текста, все ученые считают, что научные публикации должны быть максимально доступными для понимания широкой международной аудитории» [Кузнецова, Сучкова, 2015, с. 145]. Однако, «авторское мы» все же остается самым распространенным способом самовыражения автора, и входит также в следующую группу маркеров взаимодействия.

При помощи **маркеров взаимодействия** (англ. engagement markers) автор научных статей обращается к читателям, либо избирательно фокусирует их внимание, либо включает их в текст в качестве участников. В корпусе обследованных лингвистических статей самыми частотными маркерами взаимодействия оказалась форма 1 л. мн.ч. глагола *рассмотреть*. Маркеры взаимодействия также могут быть местоимения второго лица, императивы, вопросительные формы. Ср., например:

- (7) *При дальнейших типологических исследованиях наша база контекстов может быть использована для ответа, например, на следующие вопросы об исследуемом языке L:*

1) *Есть ли в языке L граммема двойственного числа?*

Если есть:

2) Как она маркируется?

3) Существуют ли семантические или грамматические ограничения на ее выражение? [Врубель, 2023, с. 78]

В данном примере стремление автора к созданию диалога с читателями выражается тремя последовательными вопросами. Вопросы выполняют функцию привлечения внимания читателей и подталкивают к рассуждению на заданную тему. Здесь автор их использует для обобщения своих аргументов и облегчения восприятия читателей, путем определения ниши исследования, он показывает свою компетентность в организации научного текста.

Результаты исследования: интерактивные маркеры

Интерактивные маркеры как раз, в свою очередь, связаны со способами организации дискурса, способствуют полному пониманию читателем содержания, помогают им ориентироваться в тексте. Рассмотрим их более подробно.

В научной статье вся информация должна быть представлена целостно, связно и последовательно, и для реализации этой цели авторами научных статей активно используются **маркеры перехода** (англ. transitions). С точки зрения семантики они могут быть инференциальными (*итак, поэтому, таким образом, в связи с этим*), контрастивными (*а наоборот, однако, в отличие от*) и аддитивными (*при этом, в то же время, кроме того*). Мы обнаружили, что достаточно большими по количественному составу и частоте употребления маркеров перехода является союз *а* и конструкции *(а) также, при этом*.

- (8) *В начале XXI века произошло массовое переселение сербов, ранее уже подвергавшихся серьезной демографической опасности, с территории Косово и Метохии, поэтому в рамках упомянутого проекта, среди прочего, мы приступили к записи и обработке данных, собранных от беженцев и «перемещенных лиц»* [Милорадович, 2023, с. 89].

Маркер перехода *поэтому* позволяет продемонстрировать логическую структуру научного текста и усилить четкость рассуждений автора.

- (9) *Впрочем, с аналогичными проблемами, вызванными недостаточным привлечением вспомогательных исторических дисциплин, сталкивается и зарубежная славистика* [Савич, 2023, с. 47].

Далее автор пишет: «*Это доказывает наш опыт, приобретенный в 2010 г. в Болгарии*» [Савич, 2023, с. 47]. Очевидно, контрастивный маркер *впрочем* помогает подчеркнуть новизну исследования посредством сравнения с традиционным исследовательским методом.

- (10) *Депрессия не связывается с социально неодобряемым поведением; кроме того, в меньшей степени представлен активизм и нет обилия публикаций, написанных от первого лица* [Руднева, 2023, с. 274].

Как показывает пример, с помощью маркера *кроме того* автор дополняет уже высказанные наблюдения, показывает читателю целостную картину исследования, кроме того, усиливает логичность изложения и эффективность передачи новой информации.

По сравнению с маркерами перехода, устанавливающими логическую связь между предложениями, **маркеры структуры** (англ. frame markers) выполняют сходную функцию на более высоком уровне – функцию обозначения начала, смены и окончания темы, в этом значении преобладают следующие языковые средства: *вначале, начнем с, далее, в заключение и в итоге*. Для установления последовательности дискурсивных действий употребляются авторами маркеры *в первую очередь, во-вторых*, и т. д. Из маркеров структуры часто

использовались учеными вводный оборот *прежде всего* и наречие в функции вводных слов *во-вторых*.

Кодовые глоссы (англ. code glosses) служат пояснению изложенной автором информации. Их используют для экспликации авторской интенции и помощи читателю в интерпретации пропозиционального содержания текста. Были выделены две группы кодовых глосс: экзemplификации и перефразирования. Экзemplификация – разновидность интерактивного дискурса, целью которого является объяснение употребляемых в тексте сложных понятий и помощь читателю в понимании авторской интенции с помощью конкретных примеров, а перефразирование представляет собой интерактивную стратегию, позволяющую автору уточнить смысл своих высказываний посредством использования более простых языковых выражений. К категории перефразирования относят такие языковые средства: *иначе говоря, иными словами, вернее* и т. д. Ср., например:

- (1) *Две трети исследований опубликованы в «Сербском диалектологическом сборнике», тогда как остальные вышли в специальных изданиях (например, в серии «Монографии» Института сербского языка САНИ)* [Плотникова, 2023, с. 79].
- (12) *Это значит, что они имеют также разные распределения: показатель, выражающий значения $a+b$, будет употребляться в другом наборе контекстов, чем показатель, выражающий только значение b* [Филатов, 2023, с. 41].

Наречие *например* представляет собой наиболее частотной кодовой глоссой, выполняющей функцию экзemplификации, а наиболее частотной кодовой глоссой перефразирования выступает *в том числе и то есть*, и кодовая глосса *в частности* помогает конкретизировать авторское замечание. Эти результаты совпадают с итогами исследования О. А. Богинской, которая обнаружила частотность употребления стратегии интерактивного метадискурса в научном дискурсе [Богинская 2023].

Эндофорические маркеры (англ. endophoric markers) выполняют анафорическую функцию, делая релевантные фрагменты заметными и доступными для читателя путем отсылки к другим частям текста. Часто используются *см. цитаты выше, как было сказано в начале статьи, ниже мы увидим*, и т. д. Они используются для обращения внимания читателя на предложения или графические элементы, которые находятся в другом месте того же текста. **Эвиденциальные маркеры** (англ. evidentials) указывают на источник другого текста, в котором находится текстовая информация. Употребляются маркеры *вслед за X (отмечает)*, и т. д. Они свидетельствуют о том, что автор умеет внимательно прослушиваться к другим людям, вдумчиво относиться к их мнению, критически оценивать свои собственные взгляды.

Заключение

«90-е гг. XX века принято считать началом новой информационной эпохи человечества. Под влиянием интернета изменяется способ коммуникации, ее упрощение влечет за собой появление новых языковых явлений» [Юйсы 2014: 393]. Ежегодно выходит в свет многочисленные научные статьи, и одновременно, информация становится доступной большому количеству людей, которые могут трактовать ее по-разному. Продвижение научных результатов осуществляется, в первую очередь, с помощью определенных языковых стратегий и метадискурсивных маркеров, позволяющих «организовать текст так, чтобы сконцентрировать внимание адресата на наиболее значимых, новых смыслах, обозначить ключевые элементы дискурса, существенные в реализации коммуникативного намерения» [Чернявская 2017: 7]. При этом «здесь мало иметь интересную мысль – нужно подать ее так, чтобы ее услышали или захотели услышать» [Короткина 2015: 45].

В статье была предпринята попытка описания метадискурсивных маркеров продвижения, используемых в лингвистических статьях на русском языке. Исследование

показало, что метадискурс служит эффективным инструментом для понимания и анализа академического письма как продукта профессионального институционально ориентированного взаимодействия. Интеракционный дискурс как стратегия продвижения представляет собой использование хеджей, бустеров, маркеров отношения, автореференции и взаимодействия, помогает продемонстрировать способность критического мышления автора, оригинальность и креативность его идей и наблюдений. Интерактивные маркеры, включающие в себя маркеры перехода и структуры, кодовые глоссы, эндофорические и эвиденциальные маркеры играют не менее важную роль в организации научного текста и продвижении научных утверждений, они помогают читателю воспринимать информацию, показывают уважительное отношение автора к другим исследователям. Собранные и проанализированные нами языковые маркеры продвижения могут дать исследователям представление о новых особенностях написания научных текстов.

Следует отметить, что представленные в настоящей работе результаты анализа, полученные на материале 15 научно-лингвистических статей, следует интерпретировать лишь как тенденции в фокусном жанре в силу ограниченного объема корпуса и недостаточного в глубине исследования. Вопрос об особенностях в употреблении остается открытым. В изучении языковых маркеров стратегий продвижения в научном дискурсе ключевое значение имеют несколько исследовательских перспектив. Исследования языковых маркеров и частотности их применения в научных статьях могут быть продолжены. Одним из направлений перспективы может стать исследование использования метадискурсивных маркеров в статьях на других языках, по другим дисциплинам.

Источники

- Врубель Д. Д., Паско Л. И. К описанию контекстов для граммы двойственного числа на материале корпуса переводов Нового Завета // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2023. №. 19-3. С. 75-110.
- Ключева М. А. Некоторые чужаки (формулы-восклицания) в марийских догонялках // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2023. №. 19-2. С. 169-197.
- Милорадович С. Темы и методологические подходы в сербской диалектологии первых двух десятилетий XXI века // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2023. №. 19-2. С. 75-93.
- Плотникова А. А. Серб. стожер в этнолингвистическом освещении // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2023. №. 19-2. С. 94-109.
- Плунгян В. А. Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус (предисловие) // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2023. №. 19-3. С. 15-37.
- Руднева Е. А. Дискурс о психических расстройствах (на примере обсуждений БАР и депрессии на русском языке) // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2023. №. 19-2. С. 246-283.
- Савич В. Принцип общей контекстуализации в сербской диахронической лингвистике // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. – 2023. – №. 19-2. – С. 43-74.
- Филатов К. В. Цель перемещения в Евангелии от Луки: к усовершенствованию процедуры выделения прототипических контекстов // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2023. №. 19-3. С. 39-74.

Литература

- Богинская О. А. Кодовые глоссы как метадискурсивные средства организации научного текста // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2024. – №. 2. – С. 22-34.
- Богинская О. А. Интерактивный метадискурс как стратегия организации оценочного научного текста / О. А. Богинская // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2023. – № 2. – С. 35-44.
- Жаркынбекова Ш. К., Байбатырова А. А. Выражение авторской позиции в научных статьях: метадискурсивные стратегии создания межличностных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2019. – Т. 16. – №. 2. – С. 188-213.
- Короткина И. Б. Текст как вклад в научную дискуссию: что такое «фокус»? // Высшее образование в России. 2015. №. 6. С. 44-51.
- Кузнецова Л. Б., Сучкова С. А. Актив или пассив? «Я» или «мы»? // Высшее образование в России. 2015. №. 8-9. С. 143-148.
- Нефёдов С. Т. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2017. – Т. 14. – №. 4. – С. 599-610.
- Соловьева Н. В. Употребление личных местоимений в научных статьях: «яканье» или «мыканье» // Филология в XXI веке. 2021. №. 1. С. 66-74.
- Чернявская В. Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: ЛЕНАНД, 2017. 144 с.
- Чернявская В. Е. Язык оценок в научном дискурсе: терминологическое поле и методологические подходы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. №. 3. С. 44-55.
- Чуйкова Э. С. Отечественный и зарубежный опыт обучения академическому письму на английском языке // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. №. 4 (20). С. 156-161.
- Юйсы С. Стилиевые и грамматические особенности научного стиля в современном китайском языке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №. 9. С. 392-397. Bhatia V. K. Analysing genre: Language use in professional settings. Routledge, 2014.
- Hunston S., Thompson G. (ed.). Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse: Authorial stance and the construction of discourse. – Oxford University Press, UK, 2000.
- Hyland K. Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse // Discourse studies. 2005. Т. 7. №. 2. С. 173-192.
- Hyland, K. (1996). Writing without conviction? Hedging in scientific research articles. Applied Linguistics, 17(4), 433–454.
- Kopple W. V. Some exploratory discourse on metadiscourse // College Composition & Communication. 1985. Т. 36. №. 1. С. 82-93.
- Lazarus C. et al. Classification and prevalence of spin in abstracts of non-randomized studies evaluating an intervention // BMC medical research methodology. 2015. Т. 15. С. 1-8.
- Lindeberg A. C. Promotion and politeness: Conflicting scholarly rhetoric in three disciplines : дис. Åbo Akademi förlag-Åbo Akademi University Press, 2004.
- Millar N., Salager-Meyer F., Budgell B. “It is important to reinforce the importance of...”: ‘Hype’ in reports of randomized controlled trials // English for Specific Purposes. 2019. Т. 54. С. 139-151.
- Swales J. M. Genre analysis. Cambridge university press, 1990.

References

- Boginskaya O. A. Kodovye glossy kak metadiskursivnye sredstva organizacii nauchnogo teksta //Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2024. №. 2. S. 22-34.
- Boginskaya O. A. Interaktivnyj metadiskurs kak strategiya organizacii ocenocnogo nauchnogo teksta / O. A. Boginskaya // Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki. 2023. № 2. S. 35-44.
- Chernyavskaya V. E. Nauchnyj diskurs: Vydvizhenie rezul'tata kak kommunikativnaya i yazykovaya problema. M.: LENAND, 2017. 144 s.
- Chernyavskaya V. E. YAzyk ocenok v nauchnom diskurse: terminologicheskoe pole i metodologicheskie podhody //Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. 2022. T. 14. №. 3. S. 44-55.
- Chujkova E. S. Otechestvennyj i zarubezhnyj opyt obucheniya akademicheskomu pis'mu na anglijskom yazyke //Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2015. №. 4 (20). S. 156-161.
- Hunston S., Thompson G. (ed.). Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse: Authorial stance and the construction of discourse. – Oxford University Press, UK, 2000.
- Hyland K. Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse //Discourse studies. 2005. T. 7. №. 2. C. 173-192.
- Hyland, K. (1996). Writing without conviction? Hedging in scientific research articles. Applied Linguistics, 17(4), 433–454.
- Kopple W. V. Some exploratory discourse on metadiscourse //College Composition & Communication. 1985. T. 36. №. 1. C. 82-93.
- Korotkina I. B. Tekst kak vklad v nauchnuyu diskussiyu: chto takoe «fokus»? //Vysshee obrazovanie v Rossii. 2015. №. 6. S. 44-51.
- Kuznecova L. B., Suchkova S. A. Aktiv ili passiv?«YA» ili «my»? //Vysshee obrazovanie v Rossii. 2015. №. 8-9. S. 143-148.
- Lazarus C. et al. Classification and prevalence of spin in abstracts of non-randomized studies evaluating an intervention //BMC medical research methodology. 2015. T. 15. C. 1-8.
- Lindeberg A. C. Promotion and politeness: Conflicting scholarly rhetoric in three disciplines : дис. Åbo Akademis förlag-Åbo Akademi University Press, 2004.
- Millar N., Salager-Meyer F., Budgell B. “It is important to reinforce the importance of...”: ‘Hype’ in reports of randomized controlled trials //English for Specific Purposes. 2019. T. 54. C. 139-151.
- Nefyodov S. T. Restriktivnaya argumentaciya: modal'nye slova somneniya i obshcheznachimosti (na materiale nemeckoyazychnyh lingvisticheskikh statej) //Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. 2017. T. 14. №. 4. S. 599-610.
- Solov'eva N. V. Upotreblenie lichnyh mestoimenij v nauchnyh stat'yah: “yakan'e” ili “mykan'e” //Filologiya v XXI veke. 2021. №. 1. S. 66-74.
- Swales J. M. Genre analysis. Cambridge university press, 1990.
- Yujsy S. Stilevyje i grammaticheskie osobennosti nauchnogo stilya v sovremennom kitajskom yazyke //Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2014. №. 9. S. 392-397. Bhatia V. K. Analysing genre: Language use in professional settings. Routledge, 2014.
- Zharkynbekova SH. K., Bajbatyrova A. A. Vyrazhenie avtorskoj pozicii v nauchnyh stat'yah: metadiskursivnye strategii sozdaniya mezhlichnostnyh otnoshenij //Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. YAzyk i literatura. 2019. T. 16. №. 2. S. 188-213.

Шварц Е. П.
Университет Гамбурга

ИЗМЕНЕНИЕ ИКОНОГРАФИИ ПОРТРЕТНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ЭФИОПСКОМ ИСКУССТВЕ

Научная литература, посвященная эфиопскому изобразительному искусству XX - XXI вв., концентрируется преимущественно на модернизме, не углубляясь в описание и анализ современного искусства и его тенденций. Настоящая же статья посвящена исследованию изменению иконографии портретов в современном эфиопском искусстве. Прослеживаемая тенденция заключается в том, что современные эфиопские художники в отличие от многих модернистов при изображении лиц опираются на образцы традиционного западноафриканского искусства, а не эфиопского христианского. Для выяснения возможных причин для подобных изменений были проанализированы историко-культурные и социально-политические условия, повлиявшие на формирование модернизма и современного искусства в Эфиопии. Для подробного рассмотрения были выбраны работы Александра (Скундера) Богоссяна и Тадэссэ Мэсфйна как ключевых фигур эфиопского модернизма и современного искусства соответственно. В рамках статьи был сделан вывод, что на изменения в иконографии портретных изображений большое влияние оказало устройство современного арт-рынка.

Ключевые слова: эфиопское модернистское искусство, эфиопское современное искусство, африканское современное искусство, христианское искусство, эфиопские магические свитки, западноафриканские маски

Elizaveta Shvarts
Universität Hamburg

SHIFT IN THE ICONOGRAPHY OF PORTRAIT IMAGES IN CONTEMPORARY ETHIOPIAN ART

Scientific literature on Ethiopian fine art of the XX-XXI centuries focuses mainly on modernism, without delving into the description and analysis of contemporary art and its trends. The present article is devoted to the study of changes in the iconography of portraits in contemporary Ethiopian art. The observed trend consists in contemporary Ethiopian artists, unlike many modernists, relying on examples of traditional West African art, rather than Ethiopian Christian art, while depicting portrait images. In order to find out possible reasons for such changes, the article analyzes historical, cultural and socio-political conditions that influenced the forming of modern and contemporary art in Ethiopia. The artworks of Alexander (Skunder) Boghossian and Tadesse Mesfin as key figures of Ethiopian modernism and contemporary art, respectively, were selected for in-depth analysis. In the present article, it was concluded that the modern art market organization greatly influenced the observed change in the iconography of portrait images.

Keywords: Ethiopian modernist art, Ethiopian contemporary art, African contemporary art, Christian art, Ethiopian magic scrolls

Введение

Академическое и современное искусство начало формироваться в Эфиопии в середине XX в. Важнейшим фактором, способствовавшим его развитию, послужило распространение светского образования. Так, если ранее в стране существовали преимущественно местные религиозные и европейские миссионерские школы, то в 1943 г. в Аддис-Абебе была открыта первая светская средняя школа [Bekele, 2004, p. 17]. Распространяющееся школьное образование по европейскому образцу позволило эфиопским выпускникам поступать в европейские и североамериканские университеты. Кроме того, будучи заинтересованным в новых образованных кадрах, необходимых для модернизации страны, правительство также выделило стипендии на обучение в иностранных вузах для эфиопских студентов. Первая группа стипендиатов была отправлена за границу в 1947 г. [Bekele, 2004, p. 19]. В числе первых эфиопов, получивших высшее образование за границей, были также и художники. По возвращении на родину их ждали разные опции для трудоустройства: от рисования банкнот и плакатов до росписи церквей и преподавания в школах [Biasio, Berger, 2017, p. 23]. Император Хайле Селассие также принял участие в основании первого высшего художественного учебного заведения¹, Аддис-Абеской Школы Изобразительного Искусства, куда многие из обучавшихся за границей художников были впоследствии наняты в качестве преподавателей [Nagy, 2007, p. 72].

Поначалу художники работали преимущественно в академическом стиле, так как того требовали поставленные перед ними задачи. Однако уже во второй половине 1960-х годов в Эфиопии начало развиваться модернистское искусство, что было связано с рядом культурных и экономических факторов: знакомство эфиопских художников с европейским авангардом, появление среднего класса, рост числа иностранцев в Аддис-Абебе, сотрудничество с иностранными культурными институтами и развитие культурной жизни в стране, включающее в себя организацию персональных и коллективных выставок [Biasio, Berger, 2017, p. 23], а также создание призового фонда имени Хайле Селассие, направленного на поощрение деятелей искусства и литературы [Bekele, 2004, p. 26].

Хотя на модернистское движение в Эфиопии заметное влияние оказал европейский авангард и в первую очередь экспрессионизм, эфиопские модернисты в большинстве своем продолжали черпать вдохновение в местном христианском искусстве², в разных пропорциях комбинируя обе традиции, переосмысляя и переплавляя их в единое целое. Продолжение эфиопской традиции на полотнах модернистов особенно заметно в иконографии портретных изображений, вдохновленных иллюстрированными манускриптами и магическими свитками. Однако, хотя магические свитки являются одними из наиболее популярных мотивов эфиопского искусства и по сей день, современные художники при изображении лиц все чаще опираются на образы западноафриканского традиционного искусства. Настоящая статья призвана проанализировать эту тенденцию и выяснить ее возможные причины. Из-за ограниченного объема статьи для анализа были выбраны работы Александра (Скундера) Богоссяна и Тадэссэ Мэсфына, так как оба являются одними из наиболее известных и влиятельных современных эфиопских художников и относятся к разным поколениям.

В настоящей статье были использованы статьи основоположника исследований в области истории эфиопского сакрального искусства Станислава Хойнацкого, книга швейцарской исследовательницы современного эфиопского искусства Элизабет Биасио, труды одной из ведущих современных специалистов по эфиопскому модернизму Элизабет Уолдэ Гиоргис, статья французской исследовательницы и куратора африканского искусства Валери Кабов, а также интервью с художниками Гэбрэ Крыстос Дэста и Бэкэлэ Мэкonnэн.

¹ Аддис-Абеская Школа Изобразительного Искусства была открыта в 1957-58 гг. художником Аллэ Фэллэгэ Сэлямом при финансовом содействии императора.

² Стоит отметить, что вдохновение местным сакральным искусством было свойственно не только эфиопским модернистами, но также, например, и немцам [Heussler, 2023, p. 281].

Иконография изображений лиц и ликов в эфиопском христианском искусстве

Перед тем как перейти к анализу работ конкретных художников, следует кратко обозначить особенности эфиопской христианской живописи. Христианское искусство начало развиваться в Эфиопии с распространением христианства в IV в. н.э. и включает в себя иконы, иллюстрированные манускрипты, магические свитки¹ и церковную настенную роспись [Biasio, Berger, 2017, p. 16], хотя работы, датированные ранее, чем XIV в., практически не сохранились [Chojnacki, 1964, p. 2]. Несмотря на то, что стиль эфиопской религиозной живописи во многом неоднороден [Biasio, Berger, 2017, p. 16], базовые художественные каноны практически не менялись с XIV в. [Chojnacki, 1964, p. 2], что придает эфиопской христианской живописи высокую узнаваемость. К ее основным и неизменным характеристикам портретного изображения относятся черная обводка фигуры, непропорционально большие глаза, а также неукоснительно соблюдаемое «правило профиля», заключающееся в том, что положительные герои всегда изображаются анфас, в то время как отрицательные – в профиль [Biasio, Berger, 2017, p. 20]. Изображаемые фигуры обычно кажутся безжизненными с одной стороны из-за отсутствия эмоций на лицах, с другой – из-за отсутствия объема. Однако «безжизненность» изображаемых людей носит в первую очередь сакральный смысл и символизирует «манифестацию духовной иерархии» [Chojnacki, 1964, p. 5]. Стоит также отметить, что к другим узнаваемым, хотя и менее постоянным чертам эфиопской сакральной живописи относятся: округлая форма лица, тонкие дугобразные брови (или их отсутствие), едва заметные тонкий нос и маленькие, чаще всего бесцветные губы, а также обрамляющий лицо черный круглый ободок, символизирующий волосы. Однако последние характеристики описывают в большей степени иллюстрации магических свитков, нежели всю эфиопскую христианскую живопись в целом, так как начиная примерно с первой половины XVII в. во время так называемого гондарского стиля² иконы, иллюстрации манускриптов и церковные росписи постепенно становятся более реалистичными, в результате чего иконография лиц и ликов также претерпевает изменения, хотя большие глаза и черная обводка продолжают оставаться визитной карточкой эфиопской живописи.

Иконография портретных изображений на полотнах Александра (Скундера) Богоссяна (1937 – 2003)

Александр Богоссян, также известный под творческим псевдонимом «Скундер», родился в 1937 г. во время итальянской оккупации в амхаро-армянской семье [Giorgis, 2010, p. 75]. Для анализа в настоящей статье он был выбран, так как является не только одним из первых эфиопских модернистов, но и все еще одним из самых известных и узнаваемых эфиопских художников. Во время обучения в мужской школе имени Тэффэри Мэконнэна³ он познакомился с франкофонным канадским художником Жаком Годбу, который стал его первым учителем по рисованию. Хотя отец Скундера, герой второй итало-абиссинской войны генерал Косроф Горгориос Богоссян, не одобрял тягу сына к искусству, последний рано начал проявлять успехи в живописи и даже занял второе место в категории абстрактного искусства на выставке, организованной Эфиопской Национальной Галереей, в возрасте всего 17 лет, что позволило ему получить стипендию на обучение за границей. Так, Скундер посещал сначала Школу Искусств имени Святого Мартина в Лондоне, а затем

¹ Хотя магические свитки технически являются одной из разновидностей эфиопских манускриптов, в эфиопистике их принято выделять в отдельную категорию из-за отличных содержания, использования и производства.

² На данный момент в эфиопистике ввиду малой степени изученности отсутствует точная периодизация живописи, однако принято условно выделять два основных периода: средневековый (XIII – XV вв.) и гондарский (XVII – XIX вв.) [Chojnacki, 1964, p. 2].

³ Одна из первых школ европейского образца в Эфиопии, образованных во время правления Хайле Селассие [Giorgis, 2010, p. 75].

Академию де ла Гренад Шомьер и Высшую Школу Изыщных Искусств в Париже [Giorgis, 2010, p. 75-76].

В Париже он познакомился со многими представителями западноафриканской интеллигенции [Nagy, 2007, p. 75], проникся идеями негритуада и panaфриканизма и погрузился в изучение африканской мифологии [Giorgis, 2010, p. 77-78], что нашло отражение в его работах, насыщенных множеством отсылок к различным культурам континента: орнаментам, предметам быта, фетишам. Эфиопская христианская культура, однако, занимает особое место в его полотнах¹: одной из визитных карточек Скундера стало изображение магических свитков либо на заднем плане в качестве фона, как на картине *“The End of the Beginning”* (1972/73), либо в качестве основного элемента композиции, как в работе *“Homage to Abebe Bikila”* (1984).

Но магические свитки присутствуют в его творчестве не только как фигуры: картины Скундера полны ангелоподобных и демонических персонажей, вдохновленных изображениями на магических свитках. Так, если мы рассмотрим картины *“Juju Celebrates”* (1964) и *„Untitled (Abstract composition)”* (1966), то увидим на них лица, соответствующие канонам эфиопской христианской живописи в целом и магических свитков в частности: круглые лица с большими выразительными глазами, дугообразными тонкими бровями, тонким носом и маленьким невзрачным ртом. Оба лица нарисованы в анфас. Создается впечатление, будто лицо² Дуджу обрамляет нимб, напоминающий по своей форме нимб Солнца, встречающийся, например, в настенной росписи церкви Ганнэтэ Мариам в Ласте [Chojnacki, 1990, p. 21], а также в некоторых манускриптах³.

Стоит отметить, что молодой Скундер много экспериментировал со стилем и формой и рассмотренная ранее картина *“Juju Celebrates”* является одной из первых работ, в которых художник работает с эфиопским магическим материалом. Тем не менее, и в его более ранних работах, например, в *“Musician”* (1960), отчетливо видны характерные для эфиопской христианской живописи непропорционально большие глаза, а также черный шарик африканских волос, хотя данная картина была написана под заметным влиянием портретов Амедео Модильяни, о чем свидетельствуют пустые глазницы, вытянутая человеческая фигура и покатые плечи – черты, ставшие визитной карточкой итальянского модерниста.

Иконография портретных изображений на полотнах Тадэссэ Мэсфына (род. 1953 г.)

Тадэссэ Мэсфын родился в 1953 г. и проживает в настоящий момент в Аддис-Абебе. Сначала он изучал живопись под руководством модерниста и первого эфиопского абстрактного художника Гэбрэ Крыстоса Дэсты, затем обучался на протяжении 7 лет в Ленинградской Академии Художеств им. И. Репина [Kirby, Snow, 2024, p. 6]. Наряду с Ышэту Тырунэхом, Мэзгэбу Тэссэма и другими художниками, являлся членом творческого объединения *“The Dimension Group”*, созданного в 1995 г. и направленного, по словам Гэте Мэконнэна, на обновление в искусстве, «понесшем сильный урон за 17 лет социалистического режима» [Giorgis, 2019, p. 254]. Для анализа в настоящей статье Тадэссэ Мэсфын был выбран, так как он является одним из наиболее известных современных эфиопских художников как в Эфиопии, так и за границей, что подтверждается в том числе

¹ При вручении премии фонда им. Хайле Селассие Скундеру комитет отметив стремление художника «придать эфиопскому традиционному изобразительному искусству новое видение», демонстрируя таким образом, что «традиционное эфиопское искусство может привести к большим свершениям, если подойти к нему творчески, а не просто пассивно имитируя его» [Bekele, 2004, p. 27].

² Поскольку Дуджу является не святой или ангелом Эфиопской Православной Церкви, а персонажем творческого мира Скундера, по отношению к ней в этой статье употребляется термин «лицо», а не «лик».

³ Небесные тела чаще всего изображаются без нимба, однако встречаются также изображения Солнца с нимбом. Станислав Хойнацкий объясняет это тем, что солнечные лучи ассоциировались с Христом [1990, p. 21].

его участием во множестве групповых и персональных выставок в Африке, Европе и Северной Америке [Kirby, Snow, 2024, p. 6]. Кроме того, за почти 35 лет работы в Школе изобразительных искусств и дизайна имени Аллэ Фэллэгэ Сэляма в Аддис-Абебе он стал преподавателем многих молодых художников, например, Тэсфайе Ургессы или Мэрикокэб Бэрхану [Kirby, Snow, 2024, p. 6].

В последнее время ¹ работы Тадэссэ Мэсфына посвящены будням эфиопских рыночных торгов [Kirby, Snow, 2024, p. 6]. Полотна из этой серии легко узнаваемы: застывшие за работой вытянутые женские фигуры, точеные лица с высокими скулами и глубоко посаженными глазами, размытый фон. Характерным является также контраст между широкими мазками, обеспечивающими работам эффект размытости, и тонкими стремительными контурными линиями, определяющими угловатость худощавых женщин: для героинь картин Тадэссэ Мэсфына характерны острые плечи и подбородки, выпирающие лопатки и ключицы.

Однако вытянутые лица, глубоко посаженные небольшие глаза, выпирающий над плоскостью лица нос и большие губы идут вразрез с традиционной эфиопской иконографией. Портретные изображения Тадэссэ Мэсфына намного больше напоминают западноафриканские маски, нежели эфиопские иконы или иллюстрации к магическим свиткам. Женские лица напоминают личины масок *gle* (см. рис. 1) народа дан², для которых характерны похожие черты: выразительные полные губы, форма и расположение глаз, овал лица. С масками работы Тадэссэ Мэсфына роднят не только пропорции: подобный эффект усиливается за счет того, что лица прорисованы детальнее и объемнее по сравнению с фоном и непосредственно самими женскими фигурами, а глянцевая кожа лиц девушек напоминает лакированную древесину.

Dean Gle Mask [Brooklyn Museum, 2007, 80.244]

Разумеется, было бы слишком опрометчиво делать какие-либо заключения исключительно на примере работ двух художников. Тем не менее, работы Скундэра Богоссяна и Тадэссэ Мэсфына являются лишь яркими иллюстрациями для описанной выше тенденции, которую мы можем проследить и в творчестве других эфиопских живописцев. Так, если на полотнах многих художников более ранних поколений, например, Зэрихуна Йытымгеты (род. 1941 г.) или Тыбэбе Тэрффа (1948 – 2024), четко видно продолжение

---

¹ Тадэссэ Мэсфын является действующим художником на протяжении нескольких десятилетий, и за это время его стиль неоднократно менялся. Так, его перу принадлежат множественные работы в стиле соцреализма, написанные в период между его обучением в Академии Художеств им. Репина до падения режима Дэрга в Эфиопии, в 1990-х гг. он много экспериментировал со стилем и формой и выполнял как академические работы (*“Portrait of Ale felege Selam Heruy”*, 1999), так и абстрактные (*“The Gate”*, 1996) [Nagy 2007, p. 78]. Однако в настоящей статье за неимением возможности углубиться в идеологические особенности искусства дэрговского периода мы сконцентрируемся только на недавних работах Тадэссэ Мэсфына.

² Дан – народ, проживающий в Либерии, Кот-д’Ивуаре и Гвинее [Выдрин, 2017, с. 275]

местной традиции, то творчеству таких более молодых художников, как Тэсфайе Ургессы (род. 1983 г.) или Фыкру Гэбрэмариама (род. 1973 г.), эфиопская христианская иконография уже не свойственна.

Фыкру Гэбрэмариама «The only Survivor», 2010

Лица на картинах Фыкру Гэбрэмариама также напоминают во многом западноафриканские маски: вытянутый овал лица, полуприкрытые щелочки глаз и пухлые губы также отсылают нас к маскам *gle*, только в отличие от Тадэссэ Мэсфына портретные изображения Фыкру Гэбрэмариама схематичные и плоские. Кроме того, хотя на картинах Фыкру Гэбрэмариама изображены темнокожие женщины, их лица нередко выкрашены в белый цвет, что одновременно усиливает эффект маски и отсылает нас к покрытым белой глиной личинам масок *mukudj* (см. рис. 2) бассейна реки Огове, расположенной в Габоне. С масками *mukudj* женские изображения на картинах Фыкру Гэбрэмариама также роднит сердцеобразная форма лица. Суженная к подбородку форма и каолиновое покрытие свойственны и другим маскам Габона, например, *ngontang* народа фанг.

Mask for the Okuyi Society (Mukudj) [Brooklyn Museum, 2007, 68.160]

Влияние арт-рынка на изменение иконографии лиц в современном эфиопском искусстве

Помимо личных творческих изысканий упомянутых выше художников, смена иконографии лиц с классической эфиопской на усредненную западноафриканскую может быть связана с особенностями современного рынка искусства, который находится под

влиянием политики идентичности, приобретшей большое значение в Западной Европе и Северной Америке в конце XX в. как способ борьбы за права дискриминируемых групп. Так как политика идентичности возникла на Западе практически одновременно с движением за независимость на африканском континенте и во многом вдохновлялась им, это привело к появлению мультикультурализма. Однако, если изначальные цели мультикультурализма заключались в том, чтобы дать возможность диаспорам заявить о себе и своей культуре и сохранить связь с корнями, со временем эта идеология стала использоваться как политическое средство, но не для поддержки культурного разнообразия, а, наоборот, его ограничения, путем соотнесения групп людей с определенным этническим и культурным категориям [Kabov, 2016, p. 28], во многом созданным искусственно путем пренебрежения их естественной разнородностью, например, «гомогенное мусульманское сообщество» [Kabov, 2016, p. 28] или в контексте настоящей статьи – некая усредненная африканская культура, хотя даже такой термин, как «западноафриканская культура» является довольно грубым обобщением, учитывая количество народов, проживающих в этой части континента, и их языковое и религиозное разнообразие.

Тем не менее большинство современных арт-спонсоров и значительная часть кураторов африканского искусства проживают в Западной Европе и Северной Америке, [Kabov, 2016, p. 28], ровно как и многие покупатели¹ [Biasio, Berger, 2017, p. 32], поэтому современным художникам из Африки, в том числе эфиопским, приходится подстраиваться под их стандарты и предпочтения. Бэкэлэ Мэкконнэ, эфиопский скульптор, поэт и живописец, в одном из интервью отмечал, что эфиопское искусство пока не способно выйти из-под влияния взгляда другого, при этом одной из главных проблем, мешающих развиваться эфиопским художникам самостоятельно, не опираясь на чужие нарративы, Бэкэлэ видит в отсутствии «поддержки», под которой он понимает нехватку таких [местных] специалистов, как критики и кураторы [Woubshet, 2013, pp. 2016 – 217]. Причина данной проблемы кроится прежде всего в нехватке местного финансирования, поэтому немногочисленные эфиопские кураторы вынуждены опираться прежде всего на запросы иностранного арт-рынка, то есть прежде всего западноевропейского и североамериканского. Так, например, Мэсаи Хайлэмариа, сооснователь Галереи Изобразительного Искусства в Аддис-Абебе, среди чьих клиентов, помимо местных эфиопских коллекционеров, есть также европейские и американские [Luft 2018], заявил, что при отборе картин для выставок важную роль для него играет понимание художником, что может быть привлекательным для международного рынка искусства [Biasio, Berger, 2017, p. 30 – 31]. Существует также важная корреляция между направлением в живописи и страной происхождения коллекционеров: в отличие от западных эфиопские собиратели предпочитают покупать картины, выполненные в реалистичной манере [Biasio, Berger, 2017, p. 32]. Примечательно, что Бэкэлэ Мэкконнэ также отметил разрыв между творчеством современных эфиопских художников и ожиданиями эфиопских зрителей [Woubshet, 2013, p. 217]. Это еще раз подчеркивает необходимость для эфиопских художников, работающих не в академическом стиле, подстраиваться под предпочтения и представления спонсоров и коллекционеров из Западной Европы и Северной Америки.

Заключение

Однако не стоит полностью исключать влияние личного мировоззрения художника или творческого пути на его стиль. Так, современные картины Тадэссэ Мэсфына, несмотря на некоторые стилистические противоречия, например, заметные мазки и полуабстракционизм, все равно продолжают содержать в себе элементы соцреализма и его

---

¹ Так, например, согласно менеджерам Галереи Искусств Larpto, 95% покупателей являются иностранцами, в то время как среди покупателей Центра Искусств Guramayle иностранные коллекционеры составляют примерно половину [Biasio, Berger, 2017, p. 32].

канонов изображения людей. Женские фигуры на полотнах Тадэссэ Мэсфына почти всегда изображены крупным планом, занимая почти все пространство картины, при этом их тела подтянуты и соответствуют академическим канонам. Поэтому невозможно утверждать, будто бы его картины написаны в некоем усредненном африканском стиле, так как художественный стиль позднего Тадэссэ Мэсфына представляет из себя смешение различных культур и направлений. Кроме того, как уже было упомянуто выше, первым учителем Тадэссэ Мэсфына был Гэбрэ Крыстос Дэста, известный своими космополитическими взглядами на искусство¹, что могло также повлиять и на мировоззрение его ученика, а стиль самого Тадэссэ Мэсфына мог в свою очередь оказать воздействие на более молодых художников.

Тем не менее влияние мирового арт-рынка и его дискурса на тенденции в современном эфиопском искусстве очевидны: художники вынуждены подстраиваться под представления об эфиопском и африканском искусстве западных коллекционеров, галеристов и кураторов, если искусство является их основной профессией и способом заработка. Однако стоит также помнить, что эфиопское академическое искусство и эфиопский модернизм зародились в результате столкновения местной культурной традиции с иностранной, поэтому даже влияние спроса мирового арт-рынка на тенденции в искусстве, идущего вразрез с местной традицией, может поспособствовать обогащению эфиопской культуры.

Литература

- Выдрин В. Ф. ДАН // Большая российская энциклопедия. 2007. № 8. С. 275.
- Bekele Sh. A Modernising State and the Emergence of Modernist Arts in Ethiopia (1930s to 1970s) with special reference to Gebre Kristos Desta (1932-1981) and Skunder Boghossian (1937-2003) // *Journal of Ethiopian Studies*. 2004. Vol. 37. No. 2. P. 11- 44.
- Biasio E., Gerber P. R. Der Künstler Tibebe Terffa. The Artist Tibebe Terffa. Von Äthiopien in die Welt. From Ethiopia into the World. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2017. 128 S.
- Chojnacki S. Short Introduction to Ethiopian Traditional Painting // *Journal of Ethiopian Studies*. 1964. Vol. 2. No. 2. P. 1–11.
- Chojnacki S. Nimbi in Ethiopian painting. Their chronology and significance // *Paideuma*. 1990. Vol. 36, P. 13–36.
- Giorgis E. W. Ethiopian modernism: a subaltern perspective. A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of Cornell University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. 2010. 306 P.
- Giorgis E. W. Modernist art in Ethiopia. Athens: Ohio University Press, 2019. 360 S.
- Head S. W., Desta G. K. A Conversation with Gebre Kristos Desta // *African Arts*. 1969. Vol. 2. No. 4. P. 20 – 25.
- Heussler C. Kunst ist weiblich! Eine andere Kunstgeschichte von Artemisia Gentileschi bis Yoko Ono. Darmstadt: wbg Theiss, 2023. S. 337.
- Kabov V. Identity Politics and Contemporary African Art: Some Lessons from the Masters // *ART AFRICA Magazine*. 2016. № 6. P. 28 – 31.
- Kirby K., Snow N. Tadesse Mesfin. Dossier. Addis Ababa: Addis Fine Art, 2024. 32 P.
- Luft A. B. Der Entrepreneur im kreativen Zentrum Afrikas. Neue Zürcher Zeitung, 2018. URL: <https://www.nzz.ch/wirtschaft/der-entrepreneur-im-kreativen-zentrum-afrikas-ld.1375483> (дата последнего обращения: 26.11.2024).
- Nagy R. M. Continuity and Change. Three Generations of Ethiopian Artists // *African Arts*. 2007. Vol. 40. No. 2. P. 70 - 85.

¹ Гэбрэ Крыстос Дэста часто сталкивался с критикой со стороны современников-эфиопов, обвинявших его в том, что он слишком сильно отошел от традиций местной христианской живописи и испытал слишком большое влияние европейского авангарда, якобы чуждого эфиопской культуре, на что он отвечал, что искусство не имеет национальности и по сути своей межкультурно [Head, Desta, 1969, p. 22 – 23].

Woubshet D. An Interview with Bekele Mekonnen // *Northeast African Studies*. 2013. Vol. 13. No. 1. P 215 - 226.

Список иллюстраций

Dean Gle Mask, late 19th–early 20th century. Wood, pigment, 9 3/4 x 6 x 3 in. (24.8 x 15.2 x 7.6 cm). Brooklyn Museum, Gift of Evelyn K. Kossak, 80.244. Creative Commons-BY (Photo: Brooklyn Museum, 80.244_PS2.jpg, 2007). URL: <https://www.brooklynmuseum.org/opencollection/objects/4851> (дата последнего обращения: 26.11.2024).

Mask for the Okuyi Society (Mukudj), late 19th century. Wood, pigment, metal, 12 x 8 1/2 x 7 1/4 in. (30.5 x 21.6 x 18.4 cm). Brooklyn Museum, Gift of Mr. and Mrs. Milton Lowenthal through The Roebling Society, 68.160. Creative Commons-BY (Photo: Brooklyn Museum, 68.160_PS2.jpg, 2007). URL: <https://www.brooklynmuseum.org/opencollection/objects/4806> (дата последнего обращения: 26.11.2024).

Фыкру Гэбрэмариям/ Firku Gebremariam. The only Survivor. 2010, личная коллекция художника. Фото использовано с разрешения автора.

References

Bekele Sh., A Modernising State and the Emergence of Modernist Arts in Ethiopia (1930s to 1970s) with special reference to Gebre Kristos Desta (1932-1981) and Skunder Boghossian (1937-2003). *Journal of Ethiopian Studies*. 2004, 37, 2, 11 – 44.

Biasio E., Gerber P. R. *Der Künstler Tibebe Terffa. The Artist Tibebe Terffa. Von Äthiopien in die Welt. From Ethiopia into the World*. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2017, 128.

Chojnacki S. Short Introduction to Ethiopian Traditional Painting. *Journal of Ethiopian Studies*. 1964, 2, 2, 1–11.

Chojnacki S., 1990, Nimbi in Ethiopian painting. Their chronology and significance. *Paideuma*, 13-36.

Giorgis E. W. *Ethiopian modernism: a subaltern perspective*. 2010, 306.

Giorgis E. W. *Modernist art in Ethiopia*. Athens: Ohio University Press, 2010, 360.

Head S. W., Desta G. K. A Conversation with Gebre Kristos Desta. *African Arts*. 1969, 2, 4, 20 – 25.

Heussler C. 2023, *Kunst ist weiblich! Eine andere Kunstgeschichte von Artemisia Gentileschi bis Yoko Ono*. Darmstadt: wbg Theiss, 337.

Kabov V. Identity Politics and Contemporary African Art: Some Lessons from the Masters. *ART AFRICA Magazine*. 2016, 28 – 31.

Nagy R. M. Continuity and Change. Three Generations of Ethiopian Artists. *African Arts*. 2007, 40, 2, 70 - 85.

Woubshet D. An Interview with Bekele Mekonnen. *Northeast African Studies*. 2013, 13, 1, 215 - 226.

Шустрова Е. В.

Российский государственный профессионально-педагогический университет

ПРОБЛЕМНО-ПОИСКОВЫЕ ЗАДАНИЯ НА ОСНОВЕ СТАТИЧНОГО ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЦИКЛА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

На основе результатов теоретических исследований и экспериментальных данных описаны возможные алгоритмы внедрения проблемно-поисковых заданий и задач, построенных на материале поликодовых текстов статичного (карикатура, мем, иллюстрация и т.д.) типа. Педагогические технологии предполагают опору на достижения современной лингвистики и лингводидактики. В частности, они включают проблемно-поисковые задания, построенные с учетом типа оппозиционных пар и триад, разных отношений между членами оппозиции, концептуального метафорического моделирования и т.д. При выявлении типа оппозиции и концептуального метафорического моделирования возможно выделение бинарных ориентационных метафорических моделей (верх – низ, внутреннее пространство – внешнее пространство и т.д.), структурных и онтологических метафорических моделей, предполагающих более сложную организацию и многочленность. В зависимости от степени образования обучающимся предлагались проблемно-поисковые задания и задачи, ранжированные по степени сложности и наличию межпредметных связей.

ключевые слова: поликодовая компетенция, поликодовый текст, проблемно-поисковые задания, иноязычное профессиональное образование

Elizaveta Shustrova

Russian State Vocational Pedagogical University

PROBLEM SOLVING TASKS ON THE BASIS OF STATIC MULTIMODAL TEXTS IN THE PROCESS OF TEACHING PROFESSIONAL SUBJECTS IN UNIVERSITIES

Here we describe various algorithms, which imply a wide introduction of problem solving tasks on the data of static polycode (multimodal) texts (caricature, meme, illustration, etc.). These forms of activities are based on our results obtained both in theoretical research and in-class experiments. These pedagogical technologies are based on modern linguistic and language pedagogy achievements. To be more exact, they include problem solving tasks, which are based on opposition theory (types of binary and triple oppositions, various references and ties between the members of oppositions, etc.), conceptual metaphor and metaphor mapping. When defining the type of opposition and conceptual metaphor modeling, a student may rely on binary space conceptual metaphor models (up – vs. down, in – vs. out) alongside structural and ontological conceptual metaphor models. The latter usually provide examples of more complex structure and include more members. Depending on students' level and curricular, these tasks vary in their complexity and the amount of interdisciplinary connections.

Keywords: polycode competence, polycode text, problem solving tasks, linguistic professional training

В рамках данной статьи мы предлагаем один из возможных способов использования явления поликодовости в целом, и поликодовых текстов статичного типа как одного из возможных проявлений этого феномена, в рамках дисциплин предметной подготовки специалистов по переводу и преподаванию иностранных языков. в настоящее время в зарубежной и отечественной дидактике многократно подчеркивается необходимость обращения к новым видам текста и формирования новых видов компетенций в процессе профессиональной подготовки.

Определяя понятие компетенции, А. В. Хуторской пишет следующее. «Компетенция – отчужденное, наперед заданное социальное требование (норма) к образовательной подготовке ученика, необходимой для его эффективной продуктивной деятельности в определенной сфере» [Хуторской, 2022]. Под профессиональной компетенцией понимается «требование к образовательной подготовке, направленной на освоение профессии» [Там же]. Под образовательной компетенцией автор понимает «требование к образовательной подготовке, выраженное совокупностью взаимосвязанных смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности ученика по отношению к определенному кругу объектов реальной действительности, необходимых для осуществления личностно и социально значимой продуктивной деятельности» [Там же]. Э. Г. Азимов и А. Н. Шукин отмечают, что «в современной литературе перечень компетенций дополняется социокультурной, дискурсивной, стратегической, социальной компетенциями. Речь может идти также о профессиональной, предметной и ряде других компетенций».

Наиболее популярным в современной лингводидактике в последние годы стало компетентно-деятельностный подход. В процессе профессиональной подготовки у обучающегося должны быть сформированы такие компетенции, как: ценностно-смысловые (способность ориентироваться в окружающем мире, выбирать целевые и смысловые установки для своих действий); культурные (освоение научной картины мира, духовно-нравственных основ жизни разных народов); учебно-познавательные (совокупность умений учащегося в сфере познавательной деятельности); информационные (владение способами деятельности по отношению к информации в учебных предметах и образовательных областях); коммуникативные (умения взаимодействия, интеракции с людьми из различных стран и культур на иностранном языке); социально-трудовые (умения работы в группе, представления о социальных ролях, правах и обязанностях в профессиональной деятельности); личностного самосовершенствования (освоение способов физического, духовного и интеллектуального саморазвития, эмоциональной саморегуляции) [Хуторской, 2017, ср. Титова, 2023: с. 85–102].

В отношении специалиста по иностранным языкам С. В. Титова упоминает информационно-коммуникационную, профессионально-коммуникативную, иноязычную, методико-теоретическую и универсальную компетенции [Титова, 2022]. В этой же области В. В. Сафонова анализирует общегуманитарную, коммуникативную, социокультурную, речевую, языковую, профессиональную и поликодовую компетенции [Сафонова, 2015, 2023]. В современной зарубежной лингводидактике также широко представлено описание компетенций, в том числе связанных с восприятием сложных семиотических систем [ср., например, Bennett, McDougall, Potter, 2020; Byram, 2020; Frau-Meigs, Kotilainen, Pathak-Shelat, Hoeschamann, Poyntz, 2020; Martin, Betrus, 2019]. Что касается последних, то при достаточно разнообразной терминологии основными закрепившимися терминами стали «креолизованный текст», «мультимодальный текст», «поликодовый текст» [ср., например, Бернацкая, 2000; Сорокин, Тарасов, 1990; Тарасов, Нистратов, Матвеев, 2020; Jewitt, 2016; Kress, 2010, Machin, 2009].

В данной статье мы проиллюстрируем возможности использования материала поликодовых текстов, в частности карикатуры, при реализации программ профессиональной иноязычной подготовки. В качестве более узкого объекта была выбрана карикатура на Риши Сунака, недавно покинувшего пост премьер-министра Великобритании. Если

проанализировать политическую графику с его образом, то наиболее частотными станут образы ребенка или инфантильного взрослого, обманщика, плохого ученика или бухгалтера. Еще одно популярное направление – это ориентационная концептуальная метафорическая модель и концептуальная метафорическая модель движения и пространства. В основном, они представлены оппозициями «верх – vs. низ», «внутри – vs. снаружи», «в – vs. из». В таких поликодовых текстах очень слабо представлен вербальный уровень, часто требующий дополнительной работы со справочной литературой, зато визуальный дает возможность быстро идентифицировать модели и смыслы. Эти характеристики делают такой материал очень удобным при необходимости быстрого введения и закрепления определенных концептуальных моделей и лингвокультурных смыслов, с том числе и узко-специфичных.

Проблемно-поисковые задания в этом случае могут предполагать первоначальное узнавание предложенных элементов, включая примеры дегуманизации, лингвокультурной прагматики, переносов и сдвигов в семантике и образных линиях. Затем должно следовать первичное декодирование с объяснением. Следующим этапом может стать привлечение дополнительной информации, в первую очередь словарной, для более осмысленного декодирования, за которым должна следовать интерпретация полученных данных и их описание.

Покажем это на конкретных примерах. На рис. 1, 2, 3, 4 представлены различные графические способы оформления семантики упадка, нездоровья государственной системы, крушения экономики, привычного положения дел, необходимости перемен. На рис. 1 Р. Сунак предполагает идти «onwards and upwards», т.е. «вперед и вверх», предположительно к новым успехам, победам, достижениям. При этом и этажи ниже, и этажи выше представляют собой зияющие пропасти, явно неподдающиеся ремонту – сносить придется все аварийное здание, несмотря на остатки былой, почти викторианской роскоши, в виде отделки стен и картин. Двигаться Р. Сунаку некуда. Показательно и его собственное расположение. Он стоит на краю лестницы, путь ему преграждают перила, т.е. движение невозможно. Глаза у него закрыты, что обычно дает проекцию на графическую метафору не только слепоты и неадекватности, в данном случае политических, но и пренебрежения, презрения. Сам премьер показан сверху, что еще больше искажает пропорции тела, делая его ноги слишком маленькими, т.е. неспособными к уверенной поддержке его собственного тела, не говоря о движении куда-либо.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3¹

Рис. 4²

На рис. 2 Р. Сунак в образе альпиниста с огромным рюкзаком обещаний, перевешивающих его самого, практически добрался до верхушки горы. В данном случае это восхождение ведет только к гнезду хищника и новых проблем, подвергая и премьер-министра, и страну в его лице смертельным рискам. Орел в данном случае может быть считан как символическое изображение США, а вся ситуация связана с попытками Р. Сунака заигрывать с администрацией Дж. Байдена. Поэтому, несмотря на движение вверх (что показывает самообман Р. Сунака), модель «верх – vs. низ» меняет аксиологический смысл и приводит к эффекту обманутого ожидания.

На рис. 3 и 4 движение снова направленно вверх. Но это по-прежнему не приводит к улучшению ситуации и потенциально только подчеркивает неспособность Р. Сунака предвидеть риски или что-то изменить в сложившихся политических противостояниях. Так, на рис. 3 Р. Сунак, как ребенок, качается на качелях инфляции и несостоявшегося баланса бюджета. При этом качели предположительно висят на волшебном денежном дереве, которое просто не видно, но оно обязательно принесет деньги. Позади Р. Сунака стоит Б. Джонсон, так и не оставивший своих амбиций и попыток вернуться на Даунинг Стрит, 10. Таким образом, изображение связывает воедино провальную политику консерваторов, показывая преемственность допущенных ошибок и не допуская мысли об удачном разрешении, поскольку такие качели, в том числе рынка и общественного отношения к проводимой политике, могут привести только к серьезному, если не смертельному, падению. Обратим внимание, что глаза Р. Сунака на этой карикатуре снова закрыты. На следующем рисунке предсказывается то, что произошло немного позже. А именно, Р. Сунаку приходится покинуть резиденцию премьер-министра и уступить место лейбористам в лице К. Стармера. Полет немного напоминает катапультирование, и падение Р. Сунака с такой высоты снова потенциально несет для него огромные личные риски.

Перед предъявлением подобного графического материала рекомендуется снять у студентов возможные трудности через иллюстрацию таких лингвокультурных смыслов на других образцах. Одновременно стоит указать на универсальный характер таких моделей, их повторяемость и высокую частотность в различных текстовых формах и жанрах.

¹ <https://www.google.com/url?sa=i&url=https%3A%2F%2Ftheprint.in%2Ffast-laughs%2-budget-highs-and-joe-bidens-lady-macbeth-moment%2F617232%2F&psig=AOvVaw0jbDqhFLwc4ckmBqyYuEUQ&ust=1713104378165000&source=images&cd=vfe&opi=89978449&ved=0CBQJqhXqFwoTCLDrvtKxv4UDFQAAAAAdAAAAABAs>

² <https://www.google.com/url?sa=i&url=https%3A%2F%2Ftimes.newsprints.co.uk%2F39935380-ban-these-non-fault-evictions-rishi-sunak-the-times-cartoon-29-02-2024-nintchdbpict000883092188-nintchdbpict000883092188-cartoon%2F&psig=AOvVaw0jbDqhFLwc4ckmBqyYuEUQ&ust=1713104378165000&source=images&cd=vfe&opi=89978449&ved=0CBQJqhXqFwoTCLDrvtKxv4UDFQAAAAAdAAAAABAs>

В заключение отметим, что поликодовые тексты и их семиотика способствуют развитию лингвокультурной, социокультурной и поликодовой компетенций обучающихся, формируя необходимую базу для дальнейшей успешной профессиональной деятельности.

Литература

- Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
- Бернацкая А. А. К проблеме креолизации текста: история и современное состояние // Речевое общение: специализированный вестник. Красноярск: Красноярский гос. гуманитарн. ун-т, 2000. Вып. 3 (11). С. 104–110.
- Сафонова В. В. Интернет-ориентированная методика обучения межкультурному общению на иностранных языках: проблемы и перспективы развития // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 104–113.
- Сафонова В. В. Лингвокультурные основы формирования билингвальной риторической и полемической компетенций у студентов магистратуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 9–24.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
- Тарасов Е. Ф., Нистратов А. А., Матвеев М. О. Креолизованный текст. Смысловое восприятие: коллективная монография. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.
- Титова С. В. Карта компетенций преподавателя иностранных языков в условиях цифровизации образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 5. С. 133–149.
- Титова С. В. Иерархия современных теорий, методов и подходов к обучению иностранным языкам // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 85–102.
- Хуторской А. В. Методологические основания применения компетентностного подход к проектированию образования // Высшее образование в России. 2017. № 12. С. 85–91.
- Хуторской А. В. Пять типологий компетенций в образовании // Вестник Института образования человека. 2022. №1. С. 1–8. URL: <https://idosinstitute.ru/journal/>
- Bennett P., McDougall J., Potter J. The Uses of Media Literacy. Routledge, 2020. 154 p.
- Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Channel View Publications, 2020. 200 p.
- Frau-Meigs D., Kotilainen S., Pathak-Shelat M., Hoechamann M., Poyntz S. The Handbook of Media Education Research. John Wiley & Sons, 2020. 528 p.
- Jewitt C. (ed.). Handbook of multimodal analysis. London: Routledge, 2016. 554 p.
- Kress G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London: Routledge, 2010. 236 p.
- Machin D. Multimodality and Theories of the Visual // Routledge handbook of multimodal analysis / C. Jewitt (ed.). London and NY.: Routledge, 2009. P. 181–190.
- Martin F., Betrus A. K. Digital Media for Learning: Theories, Processes, and Solutions. Springer Nature, 2019. 181 p.

References

- Azimov Je. G., Shhukin A. N. (2009). A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages). Moscow. 448 p.
- Bennett P., McDougall J., Potter J. (2020). The Uses of Media Literacy. Routledge. 154 p.
- Bernatskaya A. A. (2000). About the so-called text creolization: history and the present state. Rechevoye Obshcheniye: Spetsializirovanniy Vestnik [Bulletin of Speech Communication], 3 (11), pp. 104–110. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. (In Russian)
- Byram M. (2020). Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Channel View Publications. 200 p.

- Frau-Meigs D., Kotilainen S., Pathak-Shelat M., Hoechamann M., Poyntz S. (2020). The Handbook of Media Education Research. John Wiley & Sons. 528 p.
- Hutorskoj A. V. (2017). Methodological foundations for the application of the competence-based approach to the design of education. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no. 12, pp. 85–91. (In Russian)
- Hutorskoj A. V. (2022). Five competences in education. *Vestnik Instituta Obrazovaniya Cheloveka*, 1, pp. 1–8. (In Russian) URL: <https://eidosinstitute.ru/journal/>
- Jewitt C. (ed.). (2016). Handbook of multimodal analysis. London: Routledge. 554 p.
- Kress G. (2010). Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London: Routledge. 236 p.
- Machin D. (2009). Multimodality and Theories of the Visual // Routledge handbook of ultimodal analysis / C. Jewitt (ed.). London and NY.: Routledge, 2009. P. 181–190.
- Martin F., Betrus A. K. (2019). Digital Media for Learning: Theories, Processes, and Solutions. Springer Nature. 181 p.
- Safonova V. V. (2024). Linguodidactic Fundamentals of Modeling a Problem-Oriented Educational Environment in University Language Education. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 27(1), pp. 9–25. (In Russian)
- Safonova, V. V. (2015). Internet-oriented FLT methodology teaching intercultural communication: Problems and perspectives of development. *Moscow State University Bulletin, Linguistics and Intercultural Communication*, 2, pp. 104–113. (In Russian)
- Sorokin Y. A., Tarasov E. F. (1990). Creolized Texts and Their Communicative Function. In *Optimizatsiya Rechevogo Vozdeystviya*, pp. 108–186. Moscow.
- Tarasov E. F., Nistratov A. A., Matveev M. O. (2020). Creolized Text. Perception of Meaning. Moscow. 206 p.
- Titova S. V. (2023). Hierarchy of modern theories, methods and approaches to teaching foreign languages. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 27(4), pp. 85–102. (In Russian)
- Titova S. V. (2022). The map of competencies of a foreign language university teacher in the context of digitalization of education. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 31(5), pp. 133–149. (In Russian)

Сведения об авторах

Абрамова Анна Михайловна – Университет науки и технологий МИСИС, Российская Федерация, 119049, Москва, Ленинский пр-кт, д. 4, стр. 1; annie.abramova@gmail.com

Абрамова Евгения Викторовна – канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; e.abramova@spbu.ru

Авдонина Марина Юрьевна – канд. психол. наук, доцент ВАК, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38а, Москва, 119034, Россия; mavdonina@yandex.ru

Алиуллова Динара Ринадовна – студент магистратуры, Ярославский Государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Россия; Nasib567890@gmail.com

Анисимов Владислав Евгеньевич – канд. филол. наук, доцент, МГИМО МИД России; anisimov.vladislav.95@mail.ru

Анисимова Екатерина Дмитриевна – канд. филол. наук, Институт общественных наук РАНХиГС; kate.dk01@gmail.com

Байназарова Юлия Ирековна – преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620062, Россия

Бакина Анна Дмитриевна – д-р филол. наук, доцент, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, ул. Комсомольская, д.95, Орёл, 302026, Россия; heart-anna@yandex.ru

Балабан Алина Ивановна – старш. препод., Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, ул. 1-я Красноармейская, д., Санкт-Петербург, 190005, Россия; alinabal87@mail.ru

Белова Юлия Анатальевна – канд. филол. наук, старш. препод., Санкт-Петербургский государственный университет, julietta_belova@bk.ru

Белькова Анна Евгеньевна – канд. филол. наук, доцент, Нижневартковский государственный университет, Ленина, 56, Нижневартовск, 628602, Россия; bae14@mail.ru

Бибарцева Камила Рифатовна – студент магистратуры, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы; bibartsevak@mail.ru

Боголюбова Наталья Михайловна – канд. истор. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; bogoliubovanm@gmail.com

Богомолова Александра Денисовна – студент магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; st121781@student.spbu.ru

Бондарева Людмила Михайловна – д-р филол. наук, профессор, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ул. А. Невского, д.14, Калининград, 236041, Россия; bondareva.koenig@mail.ru

Борисова Лидия Александровна – канд. филол. наук, Воронежский государственный университет, Российская Федерация, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, 1; borisova_la@rgph.vsu.ru

Брусова Екатерина Павловна – студент бакалавриата, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, пр-т Ленинградский, д. 49/2, Москва, 125167, Россия; erbrusova@gmail.com

Вишаренко Светлана Владимировна – канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия;

Гаврилюк Мария Александровна – студент магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; mgavriluk98@gmail.com

Гальчинский Дмитрий Николаевич – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9;

Голосникова Дарья Константиновна – Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина 1, Ставрополь, 355019, Российская Федерация; sheldisheva1985@gmail.com

Горохов Анатолий Алексеевич – доцент, Тобольская Духовная семинария, Красная площадь, 2 Тобольск, Кремль, 626152, Россия;

Гречишкина Наталия Геннадьевна – студент бакалавриата, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, пр-т Ленинградский, д. 49/2, Москва, 125167, Россия; gre4ishkina.natasha@gmail.com

Григорьев Иван Вадимович – к. ф. н., доцент Кафедры иностранных языков в сфере журналистики, филологии и искусств, Санкт-Петербургский государственный университет; i.grigorev@spbu.ru

Григорьева Любовь Николаевна – к.ф.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 7-9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия;

Гуртуева Ирина Асланбековна – Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Институт информатики и проблем регионального управления, ул. И. Арманд, 37-а, Нальчик, 360000, Россия; gurtueva-i@yandex.ru

Доброва Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, t.dobrova@spbu.ru

Дудкина Анастасия Игоревна – канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 7-9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; a.dudkina@spbu.ru

Емельянова Ольга Витальевна – канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 7-9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; o.emelianova@spbu.ru

Епимахова Александра Сергеевна – канд. филол. наук, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия; a.epimahova@narfu.ru

Ефимова Анна Дмитриевна – канд. филол. наук, 1мл. науч. сотруд., Государственный гуманитарно-технологический университет, ул. Зелёная, 22, Орехово-Зуево, 142611, Россия; lady-ann2792@yandex.ru

Жабо Наталья Ивановна – канд. филол. наук, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; lys11@yandex.ru

Жемчужникова Анастасия Кирилловна – старш. препод., Санкт-Петербургский государственный университет, 7-9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; a.zhemchuzhnikova@spbu.ru

Жилук Сергей Александрович – канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 7-9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; s.a.jiluck@gmail.com

Загородняя Елизавета Любомировна – студент магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет, 7-9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; st121765@student.spbu.ru

Защитина Галина Викторовна – канд. филол. наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38а, Москва, 119034, Россия; zashchitina.info@yandex.ru

Зданович Дарина Максимовна – студент магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; st121512@student.spbu.ru

Зелинская Юлия Юрьевна – старш. препод., Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; yzelinska@gmail.com

Золотая Елизавета Леонидовна – ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; e.zolotaya@spbu.ru

Иванова Анна Михайловна – канд. филол. наук, доцент, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1, Москва, 129226, Россия; ivanovaam@mgpu.ru

Карговская Елена Александровна – старш. препод., Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, kargovskaya_ea@pfur.ru

Каруковец Наталья Сергеевна – ассистент, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; nkarukovets@mail.ru

Кашенкова Ирина Соломоновна – канд. педаг. наук, доцент, МГИМО МИД России, пр. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия; ikashenkova@yandex.ru

Кашеева Анна Владимировна – канд. педаг. наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, ул. Интернациональная, 33, Тамбов, 392036 Россия; kashcheyeva@mail.ru

Кириллова Ксения Игоревна – аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. ул. Астраханская, д. 83, Саратов, 410012, Россия; kirillovakseniya1999@gmail.com

Климовская Алиса Яковлевна – канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; klimama@yandex.ru

Коломенцев Александр Александрович – студент, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38а, Москва, 119034, Россия; akakne@mail.ru

Кондратьева Екатерина Александровна – страш. препод., Санкт-Петербургский государственный университет, elli_verano@yahoo.fr

Копыловская Мария Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, m.kopylovskaya@spbu.ru

Корнева Елена Владимировна – канд. филол. наук, доцент, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия; el_korneva@mail.ru

Корокина Полина Жановна – студент магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; st122249@student.spbu.ru

Кремер Ольга Романовна – студент магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; kremer_olya@mail.ru

Криушина Виктория Михайловна – студент магистратуры, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, Москва, 119048, Россия; kriushina_v_m@student.sechenov.ru

Кузнецов Игорь Владимирович – магистр педагогики, аспирант, Уральский Федеральный Университет, Екатеринбург, Россия (СУНЦ УрФУ); igor_kuzn@mail.ru.

Куликова Анастасия Владимировна – студент магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; anastasiakulikova1@mail.ru

Ланге Юрий Ричардович – вице-президент, Нижневартковский благотворительный фонд по поддержке программ международного союза благотворительных организаций «Мир добра», Омская, 12, Нижневартовск, 628606, Россия; ussk-nv@mail.ru

Логинова Александра Александровна

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, ул. Минина 31А, Нижний Новгород, 603155, Россия;

Максимович Ката Катарина – магистр лингвистики, Кула, Сербия; maksimovickk@gmail.com

Мартынова Татьяна Константиновна – докторант, Университет Гранады, Av. del Hospicio, 1, Albaicín, 18012 Granada, Испания, martynovatk@correo.ugr.es

Мельницер Анна Григорьевна – студент бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; st096013@student.spbu.ru

Минченков Алексей Генриевич – д-р филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; a.minchenkov@spbu.ru

Мосягина Мария Сергеевна – канд. филол. наук, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, ул. Большевикская, 68, Саранск, 430005, Россия; mmashamos@yandex.ru

Наумова Ксения Михайловна – старш. препод., Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; ksenianaumova888@gmail.com

Небогатикова Наталья Сергеевна – студент магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия;

Неудачина Людмила Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, l.neudachina@spbu.ru

Николаева Юлия Вадимовна – канд. истор. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; j.nikolaeva@spbu.ru

Орлова Татьяна Сергеевна – преподаватель, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, Соляной переулок, 13, Санкт-Петербург, 191028, Россия, Россия; ots_prof3@mail.ru

Петров Максим Вадимович – старш. препод., Уральский федеральный университет, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, maxthestudent@yandex.ru

Пивень Ирина Владимировна – канд. филол. наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Российская Федерация, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а, irene.nikitina@gmail.com

Пивненко Вероника Викторовна – Волгоградский государственный социально-педагогический университет; pivnenko-2002@mail.ru

Пильщикова Оксана Александровна – преподаватель, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Россия; pilshikova@sfedu.ru

Пониделко Любовь Александровна – канд. филол. наук, Университет науки и технологий МИСИС, Российская Федерация, 119049, Москва, Ленинский пр-кт, д. 4, стр. 1; ponidelko.liubov@gmail.com

Пономарева Татьяна Александровна – канд. филол. наук, доцент, Луганский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 291011, Луганск, ул. Оборонная, 2; tanya_p-05@mail.ru

Потапова Тамара Михайловна – канд. филол. наук,

Пригожина Кира Борисовна – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия, kira.prigozhina@gmail.com

Просьянникова Ольга Игоревна – д-р филол. наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Петербургское ш., 10, Пушкин, Санкт-Петербург, 196605, Россия; olgargos@mail.ru

Прохорова Дарья Радиковна – Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; darjargorgr@mail.ru

Резова Людмила Эдуардовна – студент магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия;

Родин Валентин Антонович – аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Петербургское ш., 10, Пушкин, Санкт-Петербург, 196605, Россия; rodin.valentin2014@yandex.ru

Рубанова Анна Андреевна – студент бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; st095307@student.spbu.ru

Рубцова Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, s.rubtcova@spbu.ru

Рябова Марина Эдуардовна – д-р филос. наук профессор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы; ryabovame@mail.ru

Рязанова Елена Васильевна – канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; e.v.gyazanova@mail.ru

Санина Елена Владимировна – студент магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; st087716@student.spbu.ru

Серебряк Марина Владимировна – канд. филол. наук, доцент, Луганский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 291011, Луганск, ул. Оборонная, 2; marinasv86@gmail.com

Соколова Валерия Сергеевна – Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 119034, г. Москва, ул. Остоженка дом 38/1; sokolovaleria13@yandex.ru

Старовойтова Мария Дмитриевна – студент магистратуры, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 6, Миклухо-Маклая, Москва, 117198, Россия; mashastar2001@yandex.ru

Суворова Елена Владимировна – канд. пед. наук, доцент, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина, пр. Ленинский, 65, к. 1, Москва, 119991, Россия; suvorlen@yandex.ru

Тананыхина Анастасия Юрьевна – старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, a.tananykhina@spbu.ru

Тананыхина Алла Олеговна – канд. филол. наук, доцент, Российский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 191186, Россия; allatan@mail.ru

Тимофеева Лилия Леонидовна – канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия;

Тисленкова Ирина Александровна – канд. филол. наук, доцент, Волгоградский государственный технический университет, проспект им. В. И. Ленина, д. 28, Волгоград, 400005, Россия; tislenkova@bk.ru

Токарева Марина Васильевна – старш. препод., Пермский государственный медицинский университет имени Е. А. Вагнера, ул. Петропавловская, д.26, Пермь, 614000, Россия; marina.trach@inbox.ru

Топорова Валентина Михайловна – д-р филол. наук, профессор, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия; vtoporova@mail.ru

Третьякова Татьяна Петровна – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; tretyakova.tp.50@gmail.com

Туманян Джон Ваганович – студент магистратуры, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, tumanyand@inbox.ru

Уварова Диана Александровна – студент магистратуры, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, ул. Минина, д. 31а, Нижний Новгород, Нижний Новгород, 603155, Россия; dianochka.uvarova.0202@mail.ru

Харлова Маргарита Леонидовна – канд. филол. наук, Университет науки и технологий МИСИС, Российская Федерация, 119049, Москва, Ленинский пр-кт, д. 4, стр. 1;

Черницкая Алиса Борисовна – препод., Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Россия; nammu3@gmail.com

Чернявская Валерия Олеговна – студент бакалавриата, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, пр-т Ленинградский, д. 49/2, Москва, 125167, Россия; chernyavskayavalerie@gmail.com, Чжао Жонань

Шварц Елизавета Павловна – студент магистратуры, Университет Гамбурга, Германия, 21046, г. Гамбург, Edmund-Siemers-Allee, д. 1; echerny8@gmail.com

Шустрова Елизавета Владимировна – д-р филол. наук, проф., Российский государственный профессионально-педагогический университет; shustrovaev2@bk.ru

Подписано в печать 17.03.2025 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 32,4. Тираж 30 экз.
Заказ № 6637

Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика
в ООО «Издательство “ЛЕМА”»
199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел.: 8-931-962-80-40
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>